

Фонд ветеранов дипломатической службы
Институт всеобщей истории Российской Академии Наук
Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД РФ
Российский государственный военный архив
Ассоциация лётчиков-республиканцев (ADAR), Испания

FUNDACIÓN DE LOS VETERANOS DEL SERVICIO DIPLOMÁTICO

INSTITUTO DE HISTORIA UNIVERSAL DE LA ACADEMIA
DE CIENCIAS DE RUSIA

INSTITUTO DE RELACIONES INTERNACIONALES DE MOSCÚ
(UNIVERSIDAD) DEL MINREX DE RUSIA

ARCHIVO ESTATAL MILITAR DE RUSIA

ASOCIACIÓN DE AVIADORES DE LA REPÚBLICA (ADAR)

Фонд ветеранов дипломатической службы выражает искреннюю
благодарность и глубокую признательность за бескорыстную
и безвозмездную поддержку и помощь при издании данного сборника
Российскому фонду мира и лично Председателю Правления РФМ,
доктору экономических наук, члену Попечительского совета Фонда ветеранов
дипломатической службы Леониду Эдуардовичу Слуцкому

Relaciones hispano-soviéticas durante la Guerra Civil española

Colección de materiales y documentos

Aspect Press Ltd.
Moscow
2021

Советско-испанские отношения в период гражданской войны в Испании

Сборник материалов и документов

Аспект Пресс
Москва
2021

УДК 327
ББК 66.4
С56

Издание выпущено при поддержке Ассоциации выпускников МГИМО и Международного общественного фонда «Российский фонд мира»

Ответственные редакторы и составители: Е. О. Гранцева, Г. А. Филатов

Научное редактирование: Е. О. Гранцева, Е. Г. Глэк, Г. А. Филатов

Подбор архивных документов и иллюстраций: Д. Б. Хазанов

Переводчики: Х. Б. Руис Нуньес, Е. О. Гранцева, Е. Г. Глэк, Г. А. Филатов

Рецензенты: В. Л. Хейфец, А. А. Щелчков

С56 Советско-испанские отношения в период гражданской войны в Испании. Сборник материалов и документов / Фонд ветеранов дипломатической службы. Институт всеобщей истории Российской академии наук. — М.: Аспект Пресс, 2021. — 364 с., илл.

В сборник вошли материалы международных научных конференций «Гражданская война в Испании и советское участие: 80 лет спустя» (Барселона, 29–31 мая 2017 г.) и «Советско-испанские отношения в период гражданской войны в Испании 1936–1939 годов» (Москва, 12–14 сентября 2018 г.). Документальную часть сборника составляют избранные материалы из фондов Российского государственного военного архива по теме военно-технического сотрудничества Испании и СССР в годы гражданской войны 1936–1939 гг., включая ранее не публиковавшиеся документы и фотографии.

ISBN 978-5-7567-1138-7

© Фонд ветеранов дипломатической службы, 2021

© Институт всеобщей истории РАН, 2021

Con Apoyo Financiero de la Fundación Internacional Pública «Russian Peace Foundation»

Coordinadores: Ekaterina Grantseva, Georgy Filatov

Consejo de redacción: Ekaterina Grantseva, Evgeny Glek, Georgy Filatov

Selección de documentos e ilustraciones: Dmitry Khazanov

Traducción: Juan Boris Ruiz Núñez, Ekaterina Grantseva, Evgeny Glek, Georgy Filatov

Revisores: Victor Jelifets, Andrey Schelchkov

Relaciones hispano-soviéticas durante la Guerra Civil española. Colección de materiales y documentos / Fundación de los Veteranos del Servicio Diplomático. Instituto de Historia Universal de la Academia de Ciencias de Rusia. — Moscú: Aspect Press Ltd., 2021. — 364 p.

La colección incluye materiales de los congresos científicos internacionales “La participación soviética en la Guerra de España. 80 años después” (Barcelona, 29–31 de mayo de 2017) y “Relaciones entre España y la Unión Soviética durante la Guerra Civil española (1936–1939)” (Moscú, 12–14 de septiembre de 2018). La parte documental de la colección consta de materiales seleccionados de los fondos del Archivo Estatal Militar de Rusia sobre el tema de la cooperación técnico-militar entre España y la URSS durante la Guerra Civil, incluido documentos y fotografías inéditos.

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы международных научных конференций «Гражданская война в Испании и советское участие: 80 лет спустя» (Барселона, 29–31 мая 2017 г.) и «Советско-испанские отношения в период гражданской войны в Испании 1936–1939 годов» (Москва, 12–14 сентября 2018 г.)*	7
Мата Миер Акилино. Вместо предисловия	8
Tarasov Vladimir. La Guerra Civil española en los documentos del Archivo Estatal Militar de Rusia	14
Lavinskaya Olga. Algunos aspectos de la historia de la Guerra Civil española en los documentos del Archivo Estatal de la Federación de Rusia	20
Rosenthal Svetlana. El Archivo de la Internacional Comunista y el Fondo 545 (Sindicatos y Brigadas Internacionales del Ejército Republicano de España)	27
Fedorov Andrey. La URSS, la Komintern y la Guerra Civil en España: dimensión historiográfica	32
Pigareva Tatiana. <i>El Guernica</i> de Pablo Picasso: Velázquez, Goya, Balzac y la Guerra. Un ensayo de lectura interdisciplinar	47
Astakhova Elena. La España después de la guerra a través de la película “Canciones para después de una guerra”	55
Filatov Georgy. Comercio hispano-soviético durante la Guerra Civil española	62
Каримов Олег. Поставки советской нефти и нефтепродуктов в республиканскую Испанию (1936–1939)	71
Дементьев Алексей. Противостояние республиканской и франкистской радиопропаганды в годы гражданской войны в Испании (1936–1939)	78
Grantseva Ekaterina La ayuda soviética en la esfera cultural y humanitaria: algunos sectores de actuación	86
Пучсек Фаррас Жозеп. Советская пропаганда в Каталонии в годы гражданской войны: наследие Октябрьской революции.....	96
Shubin Alexander. ¿Stalin abandonó la República?: las relaciones entre España y la Union Soviética en el último año de la Guerra Civil (1938–1939)	105
Malay Vera. Las aviaciones extranjeras en la Guerra Civil española 1936–1939: aspectos técnicos y estratégicos	119

* Статьи публикуются на русском и испанском языке по выбору авторов.

Руис Нуньес Хуан Борис. Советское влияние на организацию республиканской авиации во время гражданской войны в Испании (1936–1939).....	128
Pizà Castella Bernat. ¡PROTEGED BARCELONA! Los pilotos soviéticos en la defensa de la capital catalana (1936–1939)	138
Аникеева Наталья. Новые подходы в изучении истории Испании: советские лётчики-добровольцы и испанские пилоты-республиканцы в годы гражданской войны (1936–1939)	143
Khazanov Dmitry. Héroe de la Guerra Civil española Alexander Stepanovich Osipenko (1912–1991)	150
Семёнов Константин. Михаил Крыгин — русский белогвардеец в республиканской авиации	158
Рублёв Дмитрий. Русские анархисты, добровольцы в испанской гражданской войне (1936–1939).....	162
Сагомонян Александр. Гражданская война в Испании и семья: разные дороги братьев-генералов Идальго де Сиснерос (новые архивные материалы)	169
Madariaga Rafael de. Aviadores españoles en la Unión Soviética	174
Michavila Sanz Maria Ivon, Valldeperes Antonio. La intervención soviética en el aeródromo de La Sénia: pasado, presente y futuro	188
Íñiguez David, Gesalí David. La investigación y localización de los aviadores voluntarios soviéticos muertos durante la Guerra Civil española (1936–1939)	197
Гугнер Юрий. Музей «Красная пятёрка» им. комбрига А.К. Серова	203
Соломатин Антон. Советский доброволец Александр Михайлович Сумарев	208
Выставка документов о советско-испанских отношениях второй половины 1930-х гг. историко-документального департамента МИД России (Е.О. Гранцева)	210
Военно-техническое сотрудничество Испании и СССР. Избранные документы из фондов Российского государственного военного архива	215
Список документов	357
<i>La lista de los documentos</i>	358
Список иллюстраций	360
<i>La lista de las ilustraciones</i>	362

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ
НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ**

«Гражданская война в Испании и советское участие: 80 лет спустя»

(Барселона, 29–31 мая 2017 г.)

и «Советско-испанские отношения в период гражданской войны

в Испании 1936–1939 годов»

(Москва, 12–14 сентября 2018 г.)

**MATERIALES DE LOS CONGRESOS
CIENTÍFICOS INTERNACIONALES**

“La participación soviética en la Guerra de España. 80 años después”

(Barcelona, 29–31 mayo de 2017)

y “Relaciones entre España y la Unión Soviética durante

la Guerra Civil española (1936–1939)”

(Moscú, 12–14 de septiembre de 2018)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ...
EN LUGAR DE UN PRÓLOGO...

Когда в 2017 году в Барселоне мы с послом Владимиром Чхиквадзе решили организовать международные встречи, посвящённые участию СССР в испанском конфликте 1936–1939 гг., и он сообщил о желании многих российских учёных участвовать в них, мы, с одной стороны, очень обрадовались проявленному интересу, но, с другой — были сильно взволнованы, так как сомневались, что наша организация, с ограниченными возможностями и средствами, сможет взять на себя такую ответственность. Благодаря искреннему желанию, энтузиазму, мобилизованным ресурсам нам удалось довольно успешно провести первое мероприятие — международную научную конференцию «Гражданская война в Испании и советское участие: 80 лет спустя». Эта конференция имела большое значение с точки зрения сохранения исторической перспективы и привлечения внимания к вопросу о помощи СССР во время гражданской войны в Испании, помощи, которая, на наш взгляд, не получила справедливой оценки.

Cuando con el Embajador Vladimir Chkhikvadze planteamos organizar las Jornadas Internacionales sobre la participación soviética en el conflicto español 1936–1939, en 2017 en Barcelona, y nos anunció la nutrida representación de personalidades del mundo académico ruso, de una parte, nos entró mucha ilusión en conocer el interés despertado, pero de otra nos entró un gran temblor de piernas, si nuestra organización con tan limitados recursos podríamos afrontarlo. Pusimos todo el coraje, toda la ilusión, todo el esfuerzo y todos los recursos disponibles, salimos medianamente airosos de tal evento. Un evento para nosotros importante, ya que poner en valor histórico la participación de la ayuda soviética en nuestro conflicto, no había estado valorada creemos en su justa medida.

Тот факт, что мы помним и хотим сохранить историческое значение советской помощи и поддержки, стремление отдать честь и дань памяти молодым и преданным идеалистам, прибывшим издалека для защиты одной из сторон нашего конфликта, не означает, что все мы связаны с марксистской идеологией. Независимо от того, были эти добровольцы марксистами или нет, они рисковали жизнью за республиканские идеалы свободы, справедливости и равенства, боролись против зарождавшейся идеологии нетерпимости, ксенофобии и мракобесия.

El hecho que queremos recordar y poner en valor histórico la ayuda y colaboración soviética, y que queremos honrar a unos jóvenes idealistas y comprometidos que vinieron de tierras lejanas en defensa de una parte de lo que fue nuestro conflicto, no quiere decir, que a todos se nos identificase con la ideología marxista, fuesen o no fuesen estos voluntarios marxistas, estaban jugándose la vida en favor de los ideales republicanos de libertad, justicia e igualdad, frente a la ideología naciente de la intolerancia, xenofobia y oscuridad.

Сегодня, оценивая ту замечательную обстановку и атмосферу, в которой проходит вторая международная научная конференция, содержательную часть и уровень

организаций и представителей академического мира, мы осознаём, что для каждого из нас в отдельности и для ADAR в целом сам факт участия в ней является честью и подтверждением того, что начатое нами дело продолжается. Мы выражаем благодарность организациям, преподавателям и учёным за их научный вклад в дело продолжения изучения и исследования истории Испании.

Hoу al ver este espléndido marco y mucho más que el marco y el entorno, el contenido del mismo, las personalidades del mundo académico y las instituciones y sus representantes que aquí están para este Congreso Científico Internacional, es para nosotros como personas y ADAR un orgullo el haber sido partícipes iniciales. Agradecemos mucho su continuidad, a las instituciones, a los profesores y académicos, su contribución a conocer e investigar sobre nuestra historia de España.

События в Испании 1936–1939 гг. — это конфликт, который, несмотря на прошедшие годы, до сих пор во многих аспектах является незавершённым.

El conflicto español 1936–1939 es un conflicto que a pesar del tiempo transcurrido, es un conflicto no cerrado, en muchos de sus aspectos.

Этот конфликт принято называть «гражданская война в Испании», но его также можно было бы назвать и определить как «первая битва Второй мировой войны» или как «последняя битва романтиков-идеалистов». Это не была классическая завоевательная война между государствами за захват или обладание территориями, за экономические, геополитические или религиозные интересы. Это было противостояние идеалов в защиту принципов, основных прав и свобод, против нетерпимости утверждавшейся идеологии, которая вовлекала испанское общество в bipolarный конфликт. Сражаться за эти идеалы, защищать Республику прибыли преданные мечте о свободе идеалисты, люди со всех частей света, от США до Австралии, от СССР до Аргентины — бойцы интернациональных бригад.

Se le ha querido llamar “Guerra Civil española”, pero también podríamos llamarla y clasificarla como la primera batalla de la II Guerra Mundial o también como la última guerra romántica”, no fue una guerra clásica entre Estados o territorios, ni por posesión o conquista, no fue una guerra por intereses económicos, ni intereses geoestratégicos, ni de religiones. Fue un conflicto de ideales, de defensa de unos principios de derechos fundamentales y libertades frente a la intolerancia de una ideología naciente, que arrastró a la sociedad española a un enfrentamiento bipolarizado. Por ellos siendo un conflicto que fue en un territorio, llegaron en defensa de la Republica, personas idealistas, personas comprometidas con la libertad de todas partes del mundo desde los USA a Australia, desde la URSS a Argentina. Las Brigadas Internacionales.

Задумывались ли мы когда-нибудь о том, какой бы оказалась судьба Второй мировой войны, если бы исход испанского конфликта (или первой битвы Второй мировой войны) был бы иным?

¿Nos hemos preguntado alguna vez cual hubiese sido el signo de la II Guerra Mundial, si el conflicto español o la primera batalla de la II Guerra Mundial, hubiese sido otro?

Вероятно, что Второй мировой войны было не избежать, но, возможно, она бы носила более ограниченный масштаб и не превратилась бы в столь страшную трагедию. Победа в первом бою часто накладывает отпечаток на дальнейший ход событий. Но это только тема для размышлений и исследований.

Es probable que no se hubiese evitado la II Guerra Mundial, pero tal vez hubiese sido mucho más limitada y no la gran tragedia que supuso. Vencer en la primera batalla, con frecuencia ha marcado el curso de cosas que parecían imposibles. Un tema de estudio.

Есть другой вопрос, который мы ставим перед собой. Что произошло после 9 мая 1945 года? Почему забыли о нас, и мы оказались в забвении, в тени других участников этой битвы? Состоялся Нюрнбергский процесс, проводились попытки искоренить и похоронить все следы фашизма, но, по мере отхода от той идеологии и ксенофобии, оказались забытыми и участники испанского конфликта. Это — ещё одна тема для размышлений.

Otra cuestión que nos planteamos ¿qué paso después del 9 de mayo de 1945? ¿por qué se olvidaron de nosotros y nos dejaron sumidos en la más profunda oscuridad a los actores de la primera batalla? Se celebraron juicios como el de Núremberg, se intentó erradicar todos los vestigios de aquella ideología, se enterraba y alejaba la ideología y xenofobia y nos dejaba a nosotros en el olvido. Otro tema de estudio.

Сорок лет полного забвения, сорок лет страданий и мучений, сорок лет, на протяжении которых побеждённые республиканцы отдавали свои жизни, томились в тюрьмах, подвергались преследованиям и репрессиям, а остальная часть населения была лишена основных прав и свобод. Но по истечении этих сорока лет наконец вззошла звезда надежды.

40 años de oscuridad absoluta, 40 años que España en su totalidad sufrió y padeció, 40 años en que los derrotados sufrieron desde el coste de la vida, la prisión, la represión, la persecución y el resto de la población la falta de los derechos fundamentales y la libertad. Ciertamente pasados estos 40 años llegó la luz, salió el sol.

Этот блеснувший в 1977 году, обнадеживающий во многих аспектах луч надежды нёс в себе и противоречия. В некоторых случаях это был полумрак, а иногда — тусклый свет зимнего солнца полярных широт, которое светит очень слабо и не может согреть.

Este sol, esta luz salida en 1977, brillante en muchos aspectos, tiene sus claroscuros, en algunos casos es una penumbra es un sol demasiado tenue similar al sol de invierno de latitudes polares, ilumina poco y no alcanza a calentar.

В нашей стране в отдельных государственных структурах, органах власти и среди части гражданского общества есть такие, кто стремится забыть, перевернуть страницу истории, смотреть в будущее так, словно ничего не произошло. Если мы не способны изучать и знать наше недавнее прошлое, наше будущее будет трудным, мы будем совершать те же самые ошибки. Тяжело оставаться самими собой, если мы не готовы потребовать ответа за боль и поруганную честь наших ближайших предков. Тяжким будет наше будущее, если мы не способны быть благодарными и проявлять уважение к тем, кто отдал лучшее в жизни, а порой и саму жизнь, бескорыстно придя нам на помощь.

En nuestro país existen sectores en nuestras administraciones públicas, en nuestras estructuras de estado, en nuestros poderes facticos, incluso en la propia sociedad civil, que quieren pasar página, quieren olvidar, quieren mirar al futuro como si nada hubiese pasado. Difícil tenemos el futuro, si no somos capaces de conocer y saber de nuestro pasado más reciente, cometeremos los mismos errores. Difícil tenemos nuestra condición de personas si no somos capaces de restituir el dolor y el honor de nuestros antepasados cercanos. Difícil futuro tenemos si no tenemos la

capacidad de ser agradecidos y mostrar nuestro respeto a aquellos que desinteresadamente vinieron en nuestra ayuda y que muchos dejaron lo mejor de su vida o la vida misma.

Хотя мы и признаём многие ценности переходного периода, нашему обществу не хватило желания и смелости поставить точку в конфликте, и мы изо дня в день продолжаем испытывать боль родом из прошлого.

Aun reconociendo muchos valores de nuestra transición, nos faltó el coraje y la valentía como sociedad para cerrar el conflicto, y parte del dolor lo continuamos arrastrando a día de hoy.

ADAR — это почти уникальный случай в мире. Ассоциация бывших бойцов, потерпевших поражение (но непобеждённых), которая была создана спустя сорок лет после окончания конфликта, после столь долгих лет забвения.

ADAR es un caso casi único en el mundo, una Asociación de excombatientes derrotados, (no vencidos) que se crea después de 40 años de finalizado el conflicto, después de pasar años aciagos.

Необходимо отметить, что одними из первых мероприятий общественного характера, которые организовала Ассоциация лётчиков-республиканцев в 1978 году, стали обращение к бойцам интернациональных бригад, добровольцам, всем участникам войны и установка памятника с девизом «За согласие и примирение» в Гандесе, месте, где прошла одна из самых кровавых битв конфликта.

Es de remarcar que uno de los primeros actos que organizo ADAR de carácter público en 1978 fue hacer un llamamiento a los Brigadistas Internacionales, voluntarios y a todos los contendientes enfrentados en otros tiempos y levantar un monolito con un único lema “Por la concordia y la reconciliación” en uno de los lugares donde se desarrolló la batalla más cruenta del conflicto en Gandesa.

Однако этот жест доброй воли не привёл к желаемому результату. Это был только лишь небольшой шаг вперёд. Для преодоления конфликта необходимо узнать правду, всё хорошее и плохое о каждой из его сторон, проявить терпимость и преодолеть боль страждущих ран. Речь не идёт о том, чтобы заново переписать историю, история такова, какова она есть, но её необходимо знать и доносить до каждого.

No obstante esta mano tendida, este guante tendido no acabo de cristalizar como hubiese sido deseable, solo unos tímidos avances. Para superar el conflicto es necesario conocer la realidad, lo bueno y lo malo de cada parte y restañar y cerrar heridas de dolor. No se trata de reescribir la historia, la historia es la que es y es la que se debe conocer y transmitir.

Прошло уже больше 80 лет, и речь не идёт о том, чтобы заново открыть старые раны или возлагать на кого-либо ответственность. Мы хотим знать правду о прошлом, придать новые импульсы изучению истории гражданской войны и усилиям по восстановлению чести и достоинства пострадавших. Это одна из причин появления Ассоциации лётчиков-республиканцев и смысл её существования. Наблюдаемое в нашей стране и общественном сознании забвение и отсутствие баланса интересов в пользу одной из сторон конфликта недостойно зрелого общества.

Son más de 80 años transcurridos. No se trata de abrir viejas heridas, ni pedir responsabilidades, es conocer y saber, reconfortar y restituir el honor y dignidad a los damnificados. Este es uno de los motivos de la existencia de ADAR y en lo que está comprometida. El olvido y el desequilibrio que existe en nuestro país en el reconocimiento público a una parte de los actores de este conflicto es impropio de una sociedad madura.

У Ассоциации много направлений деятельности, но некоторые из них мы только мечтаем воплотить, так как наши ресурсы и средства ограничены. Однако никто не может лишить нас мечты однажды претворить их в жизнь. Имеется множество свидетельств и доказательств помощи СССР, установившихся отношений дружбы и братства между нашими народами. Недаром более 750 испанских пилотов-республиканцев прошли подготовку в лётной школе Кировабада, а 850 советских лётчиков и добровольцев из числа лётного состава сражались в небе Испании. Сотни из них, преданных забвению, всё ещё покоятся в нашей земле в безымянных могилах.

Entre nuestras líneas de acción que son muchas y muchas de ellas son ilusiones ya que nuestros limitados medios y recursos no nos permitirán sacarlas adelante, pero nadie nos puede quitar la ilusión de soñar de verlas algún día. Existen muchas relacionadas con la ayuda soviética y las relaciones de amistad y fraternidad que se establecieron, no en vano más de 750 pilotos españoles republicanos se formaron en la escuela de Kirovabad, 850 pilotos o personal volante de voluntarios soviéticos volaron en España. Un centenar de ellos reposan casi anónimamente y casi sin ningún reconocimiento en nuestra tierra.

Мои коллеги и присутствующие здесь докладчики от ADAR в рамках наших встреч расскажут о некоторых проектах, над которыми мы работаем в настоящее время.

Mis colegas y ponentes de ADAR, aquí presentes les expondrán algunos de los proyectos que en la actualidad estamos trabajando en relación a esta colaboración.

И конечно, мы вспомним и засвидетельствуем своё уважение Анхелю Сансу (Вальекасу) из Валенсии, Президенту нашей организации, лётчику истребителя И-16, курсанту первого выпуска лётной школы Кировабада, великому пилоту и замечательному человеку, которому 5 июля исполнилось 100 лет. К огромному сожалению, недавно он ушёл из жизни. Отдадим дань уважения, в его 101-ю годовщину, стрелку-радисту бомбардировщика Туполев СБ-2 Амансио Бальтанасу, являющему собой ещё один пример мужества и доблести.

No podemos omitir un recuerdo y testimonio de respeto a nuestro Presidente de la Nacional a Ángel Sanz (Vallecas), que cumplió el pasado 5 de julio la edad de 100 años. Tristemente fallecido hace unos días. Piloto de I-16, de la Primera Promoción de Kirovabad, gran piloto y mejor persona. También al armero de Tupolev SB-2 Amancio Baltanas en su 101 Aniversario, otro ejemplo de coraje e integridad.

Анхель Санс (Вальекас)! С этой трибуны прими дань нашего восхищения и уважения. Твой дух, твои деяния и твоё жизнелюбие останутся примером для всех нас.

Ángel Sanz (Vallecas) desde aquí nuestro tributo de admiración y respeto, tu espíritu, acciones y jovialidad será un ejemplo para todos nosotros.

Амансио Бальтанас! Оставайся с нами многие годы.

Amancio Baltanas que continúes muchos años entre nosotros.

Благодарю всех вас — организаторов, докладчиков, учёных и преподавателей — за проведение этой конференции, за интерес к нашей истории. Это ваш вклад в будущее нашего общества и каждого из нас.

Agradecer a todos Vds., a las instituciones, a los ponentes, académicos, profesores, por estas jornadas y el interés por nuestra historia, es una contribución para nuestro futuro como sociedad y como personas.

Без знания истории, без уважения к тем, кто являлся участником исторических событий, наше настоящее представляется весьма неопределённым, а будущее — зыбким, с риском повторения тех же ошибок, которые причинили нам столько боли в прошлом.

Sin conocer la historia, sin respetar a los que fueron partícipes de la misma, el presente es baldío y el futuro demasiado incierto y con posibilidades de volver a cometer errores que tanto dolor en tiempos pasados causaron.

Mata Mier Aquilino, президент Ассоциации лётчиков-республиканцев
(Каталонское подразделение)

Mata Mier Aquilino, presidente de Asociación de Aviadores de la República
(Agrupación Catalana-Nord-Balear)

VLADIMIR TARASOV

LA GUERRA CIVIL ESPAÑOLA EN LOS DOCUMENTOS DEL ARCHIVO ESTATAL MILITAR DE RUSIA

El artículo está dedicado a los documentos del Archivo Estatal Militar de Rusia (RGVA) sobre la Guerra Civil española de 1936–1939. Se presta una especial atención al fondo 35082 «Recopilación de materiales documentales sobre la historia de la Guerra Civil en España», que contiene 651 legajos. El RGVA ha llevado a cabo los preparativos necesarios para la publicación de recopilaciones de materiales almacenados en este fondo de la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo sobre los acontecimientos ocurridos en España entre 1936 y 1939. Esas recopilaciones se confeccionaron para proporcionar información sistemática a los dirigentes del país y al Comisario de Defensa del Pueblo de la URSS sobre todo lo acaecido en la Península Ibérica. En los documentos se pueden encontrar resúmenes de la información recibida de los consejeros y especialistas militares soviéticos enviados a España. Esta información se preparó basándose en reportes, informes, cartas de expertos militares sobre los combates en los frentes, el estado de ánimo de la población, el estado de las tropas de los republicanos y los sublevados, las características técnicas de las armas del enemigo y la experiencia adquirida con el uso de equipos militares, etc. Los fondos del RGVA almacenan un número significativo de documentos capturados en varios idiomas. A veces, en algún caso, se combinan los materiales de tropas republicanas y de sublevados. Esa circunstancia nos permite evaluar de manera más completa y confiable acontecimientos que tuvieron lugar en el suelo español. El artículo proporciona extractos de algunos documentos de archivo que dan una idea de personas que se destacaron en España y acontecimientos más importantes de la Guerra Civil.

En los últimos años nuestro conocimiento de acontecimientos de la Guerra Civil Española de 1936–1939 se ha expandido significativamente. Al mismo tiempo, los documentos almacenados en los fondos del Archivo Estatal Militar de Rusia (RGVA) son una de las principales fuentes para estudiar lo ocurrido en la Península Ibérica entre 1936 y 1939. Los mismos permiten su estudio, aclaran los nombres de voluntarios soviéticos y evalúan su contribución a la defensa de la República. La información relevante se puede encontrarla principalmente en el fondo 35082 “Recopilación de materiales documentales sobre la historia de la Guerra Civil en España”, así como en documentos de la Oficina de Asuntos dependientes del Comisario del Pueblo de Defensa de la URSS (F. 4), el Estado Mayor del Ejército Rojo (F. 7), la Dirección Principal del Ejército Rojo (F. 54), la Dirección de Instituciones Educativas Militares del Ejército Rojo (F. 62), la Secretaría del Presidente del Consejo Militar Revolucionario de la URSS (F. 33987), la Dirección Principal de Inteligencia del Estado Mayor (F. 37967) y otros fondos.

Desclasificado a principios del siglo XXI, el conjunto de documentos más importante fue el de “Listas de mando, comando, rango y archivo del Ejército Rojo y otras personas que participaron en la Guerra Civil en España en 1936–1939”. Junto con otros documentos y materiales (directorios y diccionarios biográficos, registros de servicio de oficiales, la composición de las Fuerzas Armadas de la URSS, libros sobre el despliegue de unidades militares, jefaturas, administraciones, instituciones del Ejército Rojo para 1937–1938) éstos

permitieron preparar breves notas biográficas, a menudo con fotografías de voluntarios soviéticos, que cumplieron con honor su deber internacional en la Península Ibérica.

Estos materiales formaron la base, por ejemplo, de los dos volúmenes “De Moscú — al país X”, que había publicado el Archivo de Moscú¹ (compilados por V.A. Artsybashev, O.V. Karimov e I.N. Voloshenko). El primer volumen se lanzó en 2015, el segundo, en 2016.

Dado que la Unión Soviética no participó explícitamente en los acontecimientos españoles de la segunda mitad de la década de 1930, España fue denominada “el país X” en los documentos. Asimismo, la operación recibió la designación de “X” y fue preparada y llevada a cabo por los dirigentes de la URSS, la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo y la Dirección de Asuntos Extranjeros del Comisariado del Pueblo para Asuntos Interiores (NKVD) de la URSS y a su vez, se dio el inicio de la operación por la solicitud del Gobierno legítimo de España. Todas estas circunstancias explican por qué, durante muchos decenios una vez finalizados estos acontecimientos, los nombres y hazañas de ciudadanos soviéticos que habían combatido en el suelo español, si no se mantuvieron en secreto, no fueron revelados en la prensa.

De hecho, la recopilación “Iz Moskvy — v stranu «X»” (De Moscú — al país “X”) se convirtió en un libro en memoria de voluntarios soviéticos participantes en la Guerra Civil española. Cierta información sobre pilotos soviéticos que realizaron un “viaje de negocios en España” estaba disponible, pero prácticamente no hubo información existente sobre el personal militar de otros campos de las Fuerzas Armadas (consejeros militares, intérpretes o personal auxiliar).

El Archivo Estatal de la Federación de Rusia ha comenzado los preparativos para publicar parcialmente del fondo N° 35082 “Recopilación de materiales documentales sobre la historia de la Guerra Civil española”, comprendidas las recopilaciones de materiales de información de la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo sobre los acontecimientos en España durante 1936–1939. La gama completa de recopilaciones consta de 136 legajos. Estas son el resultado de los cauces de informes sistemáticos a los dirigentes del país y al Comisariado del Pueblo de Defensa sobre los sucesos en España.

Después del estallido de la Guerra Civil en España, la dirección soviética decidió proporcionar asistencia técnico-militar a la República Española. La implementación de esta acción bajo el nombre en clave “Operación X” fue encomendada al Comisariado del Pueblo de Defensa de la URSS. Para este propósito, en la estructura de la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo se creó un departamento especial. A finales de 1937 el mismo fue transferido al Estado Mayor del Ejército Rojo. A la par con las principales responsabilidades (enviar personal, equipo militar y armas, dirigir actividades de los consejeros y especialistas militares soviéticos), el Departamento X también llevó a cabo una tarea de información: recopilar y resumir en informes rápidos y sistemáticos los acontecimientos ocurridos en los frentes de España. El Departamento X tuvo varias fuentes de información, pero la más importante de éstas fueron los materiales enviados a Moscú por los consejeros militares soviéticos. Entre ellos se encuentran informes, cartas, así como análisis de especialistas militares. Se podrían adjuntar varios documentos a los informes, incluidos los recibidos por los representantes del

¹ Artsybashev V.A., Karimov O.V., Voloshenko I.N. (sost.) Iz Moskvy — v stranu “Iks”: Kniga pamyati sovetskikh dobrovol'tsev — uchastnikov Grazhdanskoy voyny v Ispanii 1936–1939 gg. T. 1–2. M.: Glavarkhiv Moskvy; GBU “TSGA Moskvy”, 2015–2016.

Gobierno Republicano y jefes del Ejército Popular. Todos los materiales se convirtieron en objeto de un estudio serio por parte de la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo y otras estructuras del Comisariado del Pueblo de Defensa.

De los materiales del Departamento Militar se deduce que el 26 de marzo de 1937 se celebró una reunión con el vicecomisario del pueblo de Defensa de la URSS, M.N. Tujachevski, para organizar el estudio de informes sobre la experiencia adquirida en el “uso de la tecnología” presente en esta esa contienda. Para la misma se compilaron una serie de documentos recibidos de España. El certificado también contenía una lista de personas a quienes la Dirección de Inteligencia envió los informes “de forma procesada”, ya sea en recopilaciones de información o en documentos separados. La lista de 22 nombres incluía a los dirigentes del Estado y la estructura de mando del Comisariado del Pueblo de Defensa de la URSS.

La primera revisión de información se preparó en octubre de 1936 y se publicó con calificación de “reservada” en forma de un folleto titulado “La situación en España el 16 de octubre de 1936”. En éste se recopilaba información de varias fuentes procesadas por la Dirección de Inteligencia. En las recopilaciones de datos posteriores se modificó la presentación del material, que incluía documentos separados (informes, cartas, notas, etc.), unidos por tema o cronología. Esta forma de compilación permitió informar rápidamente a la jefatura y al mismo tiempo personalizar la información recibida. Se podrían adjuntar documentos separados a informes (propuestas de asesores, folletos, textos de discursos de figuras políticas y militares españolas, protocolos de interrogatorios de prisioneros de guerra, etc.). El análisis sistemático de la información recibida comenzó en el otoño de 1936 y continuó durante los años siguientes. En total, el Departamento X confeccionó 130 compilaciones.

La publicación de estos informes fue la primera obra científica de documentos de archivo del RGVA sobre el particular. Actualmente se preparan dos volúmenes que recogen parte de estos legajos. El primer volumen contiene 14 recopilaciones de información y el resumen de todos. Teniendo en cuenta el hecho de que cada recopilación incluye varios documentos, su número total es de 107. Los materiales del primer volumen cubren el período que va desde el inicio de la sublevación hasta los finales de marzo de 1937. En preparativos para imprimir el volumen, se decidió publicar varias fuentes en el anexo de recopilaciones de información, complementando la obra principal. Con este fin, la publicación ha resaltado la sección “Suplementos”, que tiene un papel independiente.

En los “Suplementos” del primer volumen se publicaron 9 documentos. Estos contienen informes generales sobre los materiales utilizados y el estudio de la experiencia de la guerra en España en marzo de 1937, en relación con la orden emitida por el vicecomisario del pueblo de Defensa de la URSS, M.N. Tujachevski, y con notas del jefe de la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo, S.P. Uritsky. El segundo volumen contiene 16 compilaciones de información, que consta de 130 documentos. En la sección “Suplementos”, que consta de 19 documentos, se han publicado informes de la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo sobre operaciones militares en España. El trabajo iniciado con la publicación científica de documentos de archivo sobre la historia de la Guerra Civil española es una continuación lógica del proceso de introducción de documentos de archivo desclasificados en el ámbito científico. Ahora analicemos con más detalle las características del fondo 35082 “Recopilación de documentos sobre la Guerra Civil en España”. Estructuralmente, el fondo incluye tres inventarios. La serie n.1 es la parte principal de la recopilación. Este inventario contiene 13 secciones, incluidas

597 cajas, con documentos sobre aviación, artillería, tanques, servicio de ingeniería, sanidad militar, servicio de comunicación, servicio químico, la Marina, acciones de las tropas fascistas y también cubren actividades de grupos internacionales.

Algunas características de la recepción de documentos en el archivo también pueden ser de interés para los investigadores. En 1966 la Embajada de la URSS en Francia había enviado al RGVA los documentos y materiales al respecto, describiendo la participación de comunistas alemanes en la lucha por la liberación de España del fascismo, incluidas revistas e informes, recortes de periódicos extranjeros, artículos y discursos de Georgi Dimitrov, Ernst Thälmann, Dolores Ibárruri, José Díaz y otros. El fondo contiene documentos sobre el bombardeo de ciudades por aviones fascistas, sobre la lucha de patriotas del país y la solidaridad de toda la humanidad progresista con la República. Hay muchos documentos en cuanto a las Brigadas Internacionales. La serie nº 2 contiene 24 cajas con informes operativos y de inteligencia, documentos sobre operaciones militares, así como mapas topográficos y de otros tipos.

Un hecho a resaltar de la recopilación almacenada en el RGVA es que contiene una cantidad significativa de documentos capturados. En algún caso se combinan materiales de las tropas republicanas y los sublevados. Los documentos se presentan tanto en ruso como en español, italiano y alemán (aunque la mayoría de ellos están traducidos al ruso). La presencia en la recopilación de un rico fondo de documentos requisados al enemigo permite una evaluación más completa y confiable de los acontecimientos que tuvieron lugar en el suelo español.

La serie nº 3 es mucho más tardía. Contiene documentos hasta el año 1975 que no se incluyeron en las series anteriores. Hay muchos documentos de origen personal, incluidos los documentos de la Brigada Internacional “Jarosław Dąbrowski”. Además de los idiomas mencionados anteriormente, los documentos se almacenan en polaco, letón y eslovaco. Un total de 33 cajas se presentan en el inventario en dos secciones. Por lo tanto, 651 cajas de esta recopilación están disponibles para los investigadores. Se guardaron 3 cajas más en un almacenamiento reservado. El volumen total de estos documentos es de aproximadamente de 100.000 folios.

En los documentos sobre la Guerra Civil también existen recopilaciones particulares. Entre estas se destacan las del consejero militar mayor adjunto, el coronel general, G. M. Stern; del instructor de un grupo especial, el “saboteador principal del Ejército Rojo”, I. G. Starinov; del comisario militar de las Fuerzas Aéreas de la República Española, posteriormente el Mariscal de las Fuerzas Aéreas de la URSS, F.A. Agaltsov; del coronel general, H.-U. D. Mamsurov.

Los ricos materiales de trofeos también se almacenan en otras recopilaciones del RGVA. El fondo 1425k “Materiales documentales sobre la historia de España, 1932–1939” contiene 88 cajas en 2 series en varios idiomas. Entre los más interesantes se encuentran el folleto “La agresión ítalo-alemana contra España” (en francés); la correspondencia del primer ministro de la República Española, Juan Negrín, con el líder del Partido Socialista Obrero Español Indalecio Prieto en 1939 (en español); materiales del juicio del Partido Obrero de Unificación Marxista (POUM), publicado el 25 de octubre de 1938 (en alemán); un discurso de Dolores Ibárruri en Barcelona “Hasta pronto, hermanos” en la despedida de los combatientes de las Brigadas Internacionales en 1938 (en español, alemán e italiano); etc.

Pasemos revista a algunos documentos. En el RGVA se guarda un certificado de todas las misiones aéreas realizadas en España por Y.V. Smushkevich (General Douglas),

posteriormente el jefe de la Fuerzas Aéreas del Ejército Rojo, quien se convirtió en una de las primeras personas en recibir el título del Héroe de la Unión Soviética en dos ocasiones. Durante su estancia en el “país X”, Yakov V. Smushkevich realizó 233 vuelos, uno de los cuales había sido en un caza italiano capturado².

El prominente jefe naval soviético N.G. Kuznetsov fue enviado a España como joven pero experimentado oficial en agosto de 1936. Habiéndose convertido en el principal consejero naval del Gobierno Republicano, confeccionó un informe al “pueblo” (la Unión Soviética fue designada de esa manera) analizando el estado de la Marina Republicana: “Los comandantes de las naves se acostumbraron gradualmente a su papel y se manejan bien, pero todavía tenemos que prever todo hasta el más mínimo detalle ...

Los capitanes... no son de la suficiente confianza... Los oficiales, comenzando por el Jefe de la Marina, deberían ser sustituidos. El gobierno tiene miedo de tales acontecimientos y ha habido intentos de excarcelar y designar a oficiales claramente en los que no se puede confiar. A diferencia de las unidades del ejército, todos los oficiales de la Marina lo sabían todo bien y la tripulación de los buques declaró abiertamente que la liberación de cárceles de los arrestados [falangistas] es una traición y, si llegan a los buques, serán asesinados de inmediato. Y luego hubo una fuga [al lado de Franco] del capitán [del] destructor *Díaz* junto con dos oficiales del ministerio, lo que causó una tormenta de indignación. En el futuro, esta práctica [de rehabilitación de traidores potenciales] cesó”³.

Se puede encontrar información en los documentos de RGVA no sólo sobre personas, sino también sobre las batallas más importantes de la Guerra Civil. Por ejemplo, en la ciudad de Guadalajara, en el centro de España, en marzo de 1937 se llevó a cabo una batalla notable en la que los republicanos obtuvieron la victoria casi exclusivamente mediante ataques aéreos. Además, ese mes resultó ser uno de los meses más “desfavorables para volar” de toda la guerra debido a las condiciones climáticas. Asimismo, ése había sido un período en el que se produjo uno de los grandes triunfos de la Aviación republicana, que aseguró una victoria en las operaciones terrestres.

Durante varios días, los pilotos soviéticos y españoles frustraron la ofensiva realizada por los italianos y pusieron a sus tropas al borde del desastre. Numerosas columnas de italianos quedaron atrapadas en desfiladeros montañosos y en calles estrechas de pueblos cercanos, en el momento en el que las ametralladoras y las bombas aéreas los golpearon.

Sus automóviles ardieron, chocando muchos entre sí, y soldados de infantería huían despavoridos. Esa batalla garantizó el fracaso de intentos de franquistas de capturar Madrid. Los aviones republicanos que atacaban al enemigo aterrizaban, reabastecían de municiones y volvían a despegar nuevamente. Y así continuaron durante varios días.

A pesar del éxito de las Fuerzas Aéreas Republicanas, consejeros militares soviéticos (sin autoría) en un documento titulado “material de trabajo” llegaron a una conclusión importante: “La futura gran guerra no seguirá el camino desarrollado por Douhet (ganar la guerra en unos días con ataques aéreos), tampoco se justifica la teoría de Fuller (pura guerra de tanques) y recetas de von Seeckt (un pequeño ejército de soldados profesionales) son aún menos adecuadas. La futura gran guerra mundial será una contienda difícil y prolongada, en la que participarán todo tipo de equipos militares modernos en gran número y numerosos

² RGVA F. 35082. Op. 1. D. 8. L. 174.

³ RGVA F. 35082. Op. 1. D. 8. L. 192, 193.

ejércitos. El resultado de esta guerra se decidirá por los golpes interactivos de todas estas fuerzas, entre las cuales el lugar más importante pertenece al combatiente: el hombre”.

En conclusión, vale la pena señalar que una gran cantidad de documentación sobre una rica variedad de temas todavía está en espera a ser investigado en el Archivo Estatal Militar de Rusia⁴.

Referencias:

Арцыбашев В.А., Каримов О.В., Волошенко И.Н. (сост.) Из Москвы — в страну «Икс»: Книга памяти советских добровольцев—участников Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. Т. 1–2. М.: Главархив Москвы; ГБУ «ЦГА Москвы», 2015–2016. Art-sybashev V.A., Karimov O.V., Voloshenko I.N. (sost.) Iz Moskvy — v stranu “Iks”: Kniga pamyati sovetskikh dobrovol'tsev—uchastnikov Grazhdanskoj voyny v Ispanii 1936–1939 gg. T. 1–2. M.: Glavarkhiv Moskvy; GBU “TSGA Moskvy”, 2015–2016. [De Moscú — al país “X”: Un libro en memoria de voluntarios soviéticos — participantes en la Guerra Civil en España 1936–1939]

Tarasov Vladimir, director del Archivo Estatal Militar de Rusia.

Гражданская война в Испании по документам Российского государственного военного архива

Статья посвящена представлению документов Российского государственного военного архива (РГВА) о гражданской войне в Испании 1936–1939 годов. Особое внимание уделяется фонду 35082 «Коллекция документальных материалов по истории гражданской войны в Испании», 651 дело, с материалами которых могут в настоящее время работать исследователи. РГВА начал подготовку к публикации хранящихся в этом фонде сборников информационных материалов Разведывательного управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии по событиям в Испании в 1936–1939 годах. Данные сборники решали задачу системного информирования руководства страны и Наркомата обороны СССР о событиях в Испании. В сборниках обобщена информация, полученная от советских военных советников и специалистов, направленных в Испанию для оказания военно-технической помощи Испанской Республике. Эта информация подготовлена на основе донесений, докладов, писем, а также отчетов военных специалистов о боевых действиях на фронтах Испании, настроениях населения, состоянии войск противоборствующих сторон, технических характеристиках вооружения противников и полученном опыте применения боевой техники и т. п. В фондах РГВА хранится значительное количество трофейных документов на различных языках. Иногда в одном деле объединены материалы республиканских войск и их противников-националистов. Это обстоятельство позволяет более полно и достоверно оценивать события, происходившие на испанской земле. В статье приводятся выдержки из некоторых ярких документов архива, дающих представление о людях, отличившихся в Испании, и важнейших событиях гражданской войны.

Тарасов Владимир Петрович, директор Российского государственного военного архива.

⁴ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 274. Л. 35.

OLGA LAVINSKAYA

ALGUNOS ASPECTOS DE LA HISTORIA DE LA GUERRA CIVIL ESPAÑOLA EN LOS DOCUMENTOS DEL ARCHIVO ESTATAL DE LA FEDERACIÓN DE RUSIA

El artículo analiza varios fondos ubicados en el Archivo Estatal de la Federación de Rusia. Estos documentos se pueden dividir en varios grupos. El primero se compone de materiales sobre una campaña de solidaridad con la República Española entre 1935–1938 realizado por varias organizaciones soviéticas. El segundo está formado por documentos de la Sociedad de toda la Unión Soviética para las Relaciones Culturales con Países Extranjeros (VOKS), que fue responsable de organizar los intercambios culturales internacionales. Los terceros documentos sobre los emigrantes políticos españoles, guardados principalmente por el fondo del Comité Central del Socorro Rojo Internacional de los Combatientes de la Revolución (MOPR). Incluye documentos sobre los niños españoles en la URSS, así como sobre la vida de los exiliados españoles que llegaron a la Unión Soviética una vez finalizada la contienda.

Los fondos del Archivo Estatal de la Federación de Rusia contienen muchos documentos que reflejan la política soviética con respecto a la Guerra Civil española y la asistencia de la URSS al Gobierno Republicano. Estos documentos se pueden dividir en varios grupos.

El primero se compone de materiales sobre una campaña de solidaridad con la República Española entre 1935–1938 y la participación del Partido, sindicatos, Komsomol y otras organizaciones soviéticas en la misma. Los materiales se encuentran en los fondos del Comité Central del Socorro Rojo Internacional de los Combatientes de la Revolución (CC MOPR por las siglas en ruso) (F. R-8265), del Comité Ejecutivo Central de la URSS (CEC de la URSS) (F. R-3316), del Consejo Central de Sindicatos de toda la Unión Soviética (VCSPS por las siglas en ruso) (F. R-5451), así como en los fondos de los comités centrales ramales de los sindicatos:

- Trabajadores médicos (F. R-5465);
- Trabajadores en las industrias de la construcción y materiales de construcción (F. R-5475);
- Empleados de parques de máquinas y tractores y obreros agrícolas (F. R-7924).

En los fondos respectivos se presentan materiales sobre reuniones y veladas dedicadas a acontecimientos en España y sobre la recaudación de fondos para ayudar a trabajadores, mujeres y niños de la Península.

En verano de 1936, después del estallido de la guerra en España, los trabajadores de la Fábrica Textil de Trekhgornaya en Moscú lanzaron la iniciativa de llevar a cabo la recaudación de fondos para la compra de alimentos para mujeres y niños de España. Su iniciativa provocó una respuesta entre los trabajadores de la Planta de Automóviles que llevaba el nombre de Stalin, y la Fábrica de Cojinetes que llevaba el nombre de Kaganovich, quienes decidieron organizar un fondo de recaudación de dinero para la ayuda alimentaria a todos los trabajadores republicanos. Los colectivos laborales canalizaron una cuarta parte de sus ganancias diarias a este fondo.

El 4 de agosto de 1936, se envió a los comités centrales de sindicatos ramales un telegrama firmado por el primer secretario del Consejo Central de Sindicatos de toda la Unión Soviética, N.M. Shvernik, en el que se propuso recaudar fondos “de manera puramente voluntaria en las listas de suscripción por un monto que no supere 0,5 por ciento de las ganancias mensuales”¹.

La mayoría de los trabajadores tomaron la decisión de deducir mensualmente el uno por ciento del salario al fondo “hasta la victoria final del pueblo español sobre los sublevados fascistas” para ayudar a los combatientes de España².

Para estudiar las acciones de la propaganda oficial y las actitudes de las masas en la URSS durante este período, pueden servir varios llamamientos de ciudadanos soviéticos, las resoluciones de las manifestaciones y otros documentos similares.

El fondo del Consejo Central de Sindicatos de toda la Unión Soviética contiene una carta de estudiantes de la Escuela Técnica Superior de Moscú que lleva el nombre de Bauman, enviada al Consejo Central de Sindicatos desde el periódico *Komsomolskaya Pravda*. En octubre de 1936, los estudiantes presentaron una propuesta para emitir un sello especial para recaudar fondos con el propósito de ayudar a mujeres y niños en España. Se suponía que el sello sería de color rojo y azul, con el eslogan “No pasarán” en ruso y español y la imagen de un puño con un rifle³.

Evidencias del estado de ánimo en la URSS y la simpatía por los españoles se guardan en el fondo de la Secretaría de la vicecomisario del pueblo de Educación de Rusia N.K. Krupskaya (F. A-7279). Aquí se puede encontrar cartas de ciudadanos soviéticos de 1936 dirigidas a esa institución solicitándole que aceptaran niños españoles para educarlos en la URSS.

El fondo del Comité Central Ejecutivo tiene solicitudes de varios ciudadanos pidiéndole que se les envíen como voluntarios a España⁴.

El 27 de septiembre de 1936, el secretario del Comité Central Ejecutivo de toda la URSS, I. Akulov, se dirigió al secretario del Comité Central del Partido Comunista (bolchevique) de la Unión Soviética, L. Kaganovich, con una propuesta, además de la campaña para ayudar a esposas e hijos de trabajadores españoles, de presentar un eslogan sobre la recaudación de fondos con miras a comprar ropa de abrigo para trabajadores españoles, sus esposas e hijos. “Con el propósito de ayudar a esposas e hijos de trabajadores españoles”, escribió I. Akulov, “también podríamos entregar una buena cantidad de ropa abrigada para policías nacionales españoles, de nuestras reservas ...”⁵.

Una recopilación especial consta de documentos de la Sociedad de toda la Unión Soviética para las Relaciones Culturales con Países Extranjeros (VOKS por las siglas en ruso), que fue responsable de organizar los intercambios culturales internacionales, comprendidos los entre la URSS y España. En el fondo de esa organización (F. R-5283) se depositó diversa correspondencia con instituciones y varias personas de España en cuanto al intercambio de literatura y experiencia laboral, así como a la organización y recepción de delegaciones españolas. Dichos materiales son de naturaleza más individualizada y permiten rastrear la participación de personalidades de la cultura en los contactos soviético-españoles.

¹ GARF (el Archivo Estatal de la Federación de Rusia). Fondo. P-5451. Ser. 20. Exp. 203. Fol. 1.

² GARF. F. P-5465. Ser. 17. Exp. 243. Fol. 15.

³ GARF. F. P-5451. Ser. 20. Exp. 203. Fol. 7, 8.

⁴ GARF. F. P-3316. Ser. 38. Exp. 74, Ser. 39. Exp. 110. Fol. 1

⁵ GARF. F. P-3316. Ser. 65. Exp. 193. Fol. 1.

El fondo tiene información sobre la delegación de trabajo española, formada por 35 personas, que llegaron a la URSS para las celebraciones de Octubre, el 7 de noviembre de 1936⁶. Asimismo, también contiene datos compilados sobre la base de cuestionarios ejecutados por los españoles.

Por ejemplo: María Núñez Pérez, de Madrid y con 30 años. Profesora de Fuenlabrada (distrito de Madrid) desde julio de 1933. Soldado de la Milicia Popular del Frente de Buitrago, batallón de Galán. Fue elegida representante en una asamblea de milicias de unas 500 personas. Miembro de la Sociedad de Amigos con la URSS desde 1933. Interesada en el ejército y en cuestiones de formación infantil. (F. 95).

Entre la correspondencia sobre libros intercambiados, quiero señalar la carta de la Unión Agraria de Valencia del 21 de junio de 1937, dirigida al Camarada Comisario del Pueblo de Justicia de la URSS. La carta expresó su gratitud por enviar el libro “El proceso contra el Centro trotskista antisoviético”, publicado por el Comisariado del Pueblo de Justicia en 1937. “No sabemos quién nos lo envió, pero estamos muy agradecidos y gracias por ello”⁷.

Se pueden encontrar documentos separados sobre emigrantes políticos españoles en el Fondo del Comité Central del MOPR.

El primer documento data de agosto de 1935 y es una lista de 75 emigrantes políticos españoles que estaban recibiendo una ayuda monetaria (con valor de 25 rublos)⁸.

El fondo tiene una transcripción de la recepción de una delegación española en el Comité Central del MOPR del 26 de noviembre de 1936. Al final de la recepción, todos cantaron juntos las canciones revolucionarias “Por montes y valles” y “¡Deja las máquinas!”⁹.

El fondo almacena las actas de la reunión del 22 de julio de 1944 sobre el tema del reasentamiento de emigrantes políticos españoles en la República Socialista Soviética Autónoma de Crimea. 477 emigrantes políticos se trasladaron a Crimea desde Kazajstán y Uzbekistán. Los distritos Seitler, Kolaisk e Ichkinsky fueron designados para el asentamiento¹⁰. En diciembre de 1944, estas áreas, debido a la deportación de la población tártara, fueron renombradas respectivamente como los distritos Nizhnegorsky, Azov y Soviético.

Un número significativo de documentos incluye datos sobre la asistencia a niños españoles. Además, es importante tener en cuenta que estos materiales cubren no solo el período de la Guerra Civil, sino también los años posteriores, hasta 1951.

Entre 1937 y 1938, unos cuatro mil niños españoles de familias republicanas fueron trasladados de España a la URSS para salvarlos de las hostilidades. Ya en 1937, se abrió una red de casas infantiles para su formación y educación. El 1° de enero de 1939, el Comisariado del Pueblo de Educación de la RSFSR tenía 10 casas infantiles en las que se encontraban 2218 niños¹¹. Las casas infantiles se ubicaron principalmente en Moscú y Leningrado, así como en las regiones de Tula, Moscú y Leningrado. En algunas casas infantiles (NN 1, 2, 5, etc.) había departamentos y grupos preescolares. El número total de niños en edad preescolar para el 1° de enero de 1939 era de 359¹². A partir de esa fecha el Comisariado del Pueblo de

⁶ GARF. F. P-5283. Ser. 1. Exp. 327. Fol. 90–96.

⁷ GARF. F. P-5283. Ser. 2. Exp. 287. Fol. 82.

⁸ GARF. F. P-8265. Ser. 1. Exp. 167. Fol. 3–6.

⁹ GARF. F. P-8265. Ser. 1. Exp. 100. Fol. 63a-81.

¹⁰ GARF. F. P-8265. Ser. 1. Exp. 167. Fol. 2–2 ob.

¹¹ GARF. F. A-307. Ser. 1. Exp. 696. Fol. 5.

¹² Ibid.

Educación de la RSFSR asumió el control de la casa infantil internacional del MOPR para niños españoles. Cinco de esas instituciones, ubicadas en Kiev, Odessa, Kharkov y Kherson, estaban administradas por el Comisariado del Pueblo de Educación de la RSS de Ucrania. En éstas se daba cobijo a 650 niños¹³.

Según el “Reglamento sobre las casas infantiles para niños españoles”, elaborado por el Comisariado del Pueblo de Educación, se plantearon las siguientes tareas a las mismas: educar a los futuros edificadores de una sociedad comunista, proteger la salud de los niños, garantizar su educación y fomentar una actitud socialista en el trabajo¹⁴. En las casas infantiles se inauguraron escuelas con enseñanza en español¹⁵.

En 1940, comenzaron a funcionar los albergues para jóvenes españoles en Moscú y Leningrado¹⁶. En los primeros días de la invasión alemana, las casas infantiles y los internados fueron evacuados a las regiones orientales de la RSFSR, el Cáucaso del Norte y la región del Volga. Los albergues de jóvenes españoles fueron desmantelados, algunos de sus inquilinos fueron enviados al frente o a las fábricas, y otros fueron transferidos a los dormitorios de las universidades y escuelas técnicas.

A partir de diciembre de 1945 el Comisariado del Pueblo de Educación controlaba 5 casas infantiles que mantenían a 695 niños y una casa infantil en Eupatoria (Crimea) que tenía un régimen de sanatorio. En este último había 134 personas¹⁷.

Entre 1947 y 1948 casi todas las casas infantiles se clausuraron. La última se cerró el 1ro de septiembre de 1951 debido al pequeño número de alumnos españoles mediante el decreto N 596 del Ministerio de Educación de la RSFSR. Los niños que quedaban fueron transferidos a la Casa Infantil Internacional de Ivánovo y a otras instituciones¹⁸.

En total entre 1937 y 1951 en la URSS hubo 22 casas infantiles para niños españoles, comprendidos 2 albergues para jóvenes.

En varios fondos del Archivo Estatal de la Federación de Rusia se hallan materiales sobre las casas infantiles que permiten estudiar esa página de la historia de la Guerra Civil y las relaciones entre España y la URSS.

Los materiales sobre las actividades organizativas, educativas y económicas de las casas infantiles internacionales están contenidos en el fondo del Comité Central del Socorro Rojo Internacional de los Combatientes de la Revolución (CC MOPR). El fondo tiene una transcripción de la ceremonia organizada el 24 de noviembre de 1936, dedicada a la inauguración de la Segunda Casa Infantil Internacional en Monino¹⁹.

La correspondencia de abril de 1937 sobre la recepción y distribución de 1.000 niños españoles en sanatorios y casas de reposo se ha guardado en el fondo del Comité Ejecutivo Central de la URSS (CEC de la URSS)²⁰.

Se depositaron documentos significativos en los fondos de las principales estructuras de la educación pública. Por lo tanto, en el fondo del Ministerio de Educación de la RSFSR

¹³ GARE. F. A-307. Ser. 1. Exp. 696. Fol. 6.

¹⁴ Ibid. Exp. 708. Fol. 1.

¹⁵ Ibid. Exp. 708. Fol. 1, 2.

¹⁶ Ibid. Exp. 1003. Fol. 1.

¹⁷ Ibid. Exp. 685. Fol. 10.

¹⁸ Ibid. Exp. 993. Fol. 15.

¹⁹ GARE. F. P-8265. Ser. 1. Exp. 100. Fol. 107-143.

²⁰ GARE. F. P-3316. Ser. 64. Exp. 1881.

(A-2306) se presentan materiales para el período 1937–1951. Entre ellos se encuentran documentos sobre la organización de las casas infantiles, la provisión de locales para convertirlos en lugar de alojamiento y sanatorios, documentos constitutivos de las casas infantiles, listas de niños españoles, así como materiales sobre el magisterio encargado de esas instituciones. Se han conservado documentos financieros sobre la gestión de casas infantiles, estimaciones de costes. Una colección importante consta de documentos que permiten rastrear cómo era la situación de las casas infantiles. Entre los mismos se encuentran materiales sobre las condiciones y el trabajo de los infantes, la situación material y la atención médica a los alumnos, la labor educativa y la organización de la formación profesional para los alumnos. Varios documentos nos permiten juzgar cómo se llevó a cabo la distribución de los educandos.

Además del fondo de los Ministerios de Educación, existe un fondo especial “Casas infantiles para niños españoles del Ministerio de Educación de la RSFSR” (F. A-307). Contiene documentos que van desde la formación de las casas infantiles en 1937 hasta la clausura de las mismas en 1951. Este fondo contiene los documentos de las casas infantiles ordinarias individuales, así como los de una casa infantil en Eupatoria (Crimea) y el albergue para jóvenes españoles. Reflejan el proceso de organización de la educación de niños. Se adjuntan documentos sobre educadores y empleados, comprendidos empleados españoles, sus características, perfiles y archivos personales. La inspección de esas instituciones, informes de las propias casas infantiles y la información sobre el estado de salud de alumnos permiten investigar la situación de infantes. La información personal está contenida en la correspondencia con los departamentos para buscar los niños españoles que residen en la URSS: listas de alumnos, archivos personales e historial médico de los mismos, características y cuestionarios de estudiantes que ingresaron a universidades, escuelas técnicas, escuelas técnicas profesionales (FZU por las siglas en ruso), fábricas y fotografías de alumnos.

Otra recopilación presente en el Ministerio de Educación de la RSFSR son documentos de autoridades supervisoras que vigilaban la situación en las casas infantiles. En este sentido, en el fondo del Ministerio de Control Estatal de la RSFSR (F. A-339) hay materiales que verifican las actividades financieras de las casas infantiles N 2 y N 6 para 1946.

En el fondo del Ministerio de Salud de la URSS (F. R-8009) se depositaron materiales para el período 1937–1945 sobre la atención médica y el estado de salud de niños españoles. Estos documentos complementan otros fondos de instituciones sanitarias. Por ejemplo, en el fondo de la Dirección Principal de Balnearios y Sanatorios del Ministerio de Salud de la URSS (F. R-9228) se guardaron documentos sobre el funcionamiento de los sanatorios donde se situaban algunos niños españoles en 1937. El fondo del Ministerio de Salud de la RSFSR (F. A-482) almacena materiales de la reunión de 1938 sobre esas casas infantiles e información sobre la red, actividades y el estado médico de las casas infantiles para niños españoles en 1943.

Las organizaciones sindicales se ocuparon de muchos problemas de la vida de las casas infantiles, en primer lugar, realizando actividades culturales, políticas y educativas en las mismas. Los documentos pertinentes se depositaron en el fondo del Consejo Central de Sindicatos de toda la Unión Soviética. En el fondo del Comité Central del Sindicato Profesional de la Industria de la Aviación y la Defensa (F. R-7678) se puede encontrar un plan de la organización de fiesta en la casa infantil N 1 para niños españoles en 1946.

Una ingente cantidad de documentos cubre los problemas de financiamiento estatal y suministro a las casas infantiles. Los documentos situados entre 1937 y 1944 fueron guardados en el fondo del Consejo de Ministros de la URSS (F. R-5456). El fondo del Consejo de Ministros de la RSFSR (F. A-259) contiene estimaciones de gastos para los años 1940–1944. También hay documentos sobre la reevaluación de las casas infantiles a medida que la amenaza militar venía cesando.

No se han guardado muchos documentos sobre el destino de niños españoles. Además de los documentos ya mencionados sobre el empleo de jóvenes españoles después de su estancia en las casas infantiles, también se pueden anotar materiales para el período 1945–1948 sobre el envío de niños españoles criados en las casas infantiles de la URSS a sus familiares en el extranjero. Fueron preservados en el fondo del Comité Central del MOPR y del Ministerio de Educación de la RSFSR.

En julio de 1947 se mantuvo una correspondencia entre el Comité Central del Sindicato de Educación y Ciencia y el Ministerio de Educación sobre el envío de niños españoles a Francia que fueron criados en las instituciones N 6 en Nakhabino y N 8 en Solnechnogorsk y un sanatorio para niños españoles en Eupatoria. Los niños debían recibir ropa, 200 rublos cada uno para cambiar en moneda francesa y víveres para el viaje²¹.

El fondo del MOPR también tiene algunos materiales sobre las condiciones de vida de jóvenes españoles después de la guerra. En enero-febrero de 1947 representantes del MOPR realizaron una inspección de varios grupos españoles en Moscú y Leningrado²².

En Moscú, se examinaron el Instituto Farmacéutico, la Fábrica Textil N 2 en el distrito Pushkinsky de la Región de Moscú y la Fábrica N 456 de la Industria Aeronáutica en Khimki. Al igual que el resto de los ciudadanos de la URSS en el período de posguerra, los españoles tuvieron carencias en ropa y zapatos, ya que los subsidios del Consejo Central de Sindicatos de toda la Unión Soviética solo eran suficientes para la alimentación.

En el Instituto Farmacéutico de Moscú estudiaron 11 jóvenes españoles que antes habían sido alumnos de las casas infantiles. Los estudiantes vivían en una casa de campo (dacha) de invierno en la estación Valentinovka, que el instituto les alquiló. En el comedor del instituto comía ninguno porque señalaron que se cocinaba mal y que no podían comer muchos productos (por ejemplo, remolacha, col agria, etc.).

27 españoles, principalmente mujeres jóvenes, trabajaban en una fábrica textil. En julio de 1945, todos se habían graduado de la escuela de la fábrica y desde entonces trabajaron en telares. Como se señala en el informe, “estudiaron bien, pero ahora trabajan mal”. Casi todos los españoles tenían antecedentes penales por llegar tarde, ausentismo y robar medias, y algunos fueron demandados dos o tres veces. Una muchacha atrapada en el momento en que robaba unas medias, desapareció de la fábrica. El informe señaló que, debido a la falta de la labor educativa, la mayoría de las chicas españolas estaban bajo la influencia de un grupo de jóvenes hooligans de una fábrica vecina, aprendieron de ellos el abuso y el canto de canciones hooligans. “Todos los españoles viven en un dormitorio. Todos tienen un abrigo y botas de fieltro, pero casi todos tienen zapatos de cuero con agujeros y muchos caminan con los pies mojados”.

²¹ GARF. F. P-8265. Ser. 1. Exp. 569. Fol. 19.

²² GARF. F. P-8265. Ser. 1. Exp. 569. Fol. 62–63; Ibid. Exp. 461. Fol. 50.

La Fábrica N 456 empleaba a 50 españoles. Entre ellos se encontraban diseñadores, asistentes de laboratorio, copistas, planificadores y trabajadores calificados. Los jóvenes españoles se quejaron que no les entregaron cupones que permitieran recibir productos buenos. Solo una chica diseñadora tenía un vestido de seda, y el resto, excepto una falda y una blusa, no tenía nada. Las condiciones de vida en los dormitorios eran pésimas.

13 españoles residían en Leningrado (comprendidos 6 estudiantes). En un memorando del presidente del Comité del MOPR de Leningrado para el Comité Central de la misma se señaló: “Todo este grupo de camaradas no está unido por ninguna persona mayor y no se está llevando a cabo ningún trabajo especial con ellos. Su estado de ánimo a menudo es deprimente, especialmente entre aquellos que tienen una necesidad extrema”²³.

En general los documentos enumerados del Archivo Estatal de la Federación de Rusia complementan los materiales de archivo sobre la historia de la guerra de España que se encuentran en otros archivos, en particular, los de los partidos y los militares. En conjunto, todos estos documentos permiten explorar muchos aspectos importantes de las relaciones soviético-españolas durante la Guerra Civil Española.

Lavinskaya Olga, Doctora en Historia, vicedirectora del Departamento de Estudio y Publicación de Documentos del Archivo Estatal de la Federación de Rusia.

Некоторые аспекты истории гражданской войны в Испании в документах Государственного архива РФ

В статье анализируются различные фонды, находящиеся в Государственном архиве Российской Федерации. Тематически эти документы можно разделить на несколько групп. Первую составляют материалы о кампании солидарности с Испанской Республикой 1935–1938 гг. в различных советских организациях. Вторую образуют документы Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС), которое отвечало за организацию международных культурных обменов. Третью — документы об испанских политэмигрантах, хранящиеся в фонде Центрального Комитета Международной организации помощи борцам революции. В него входят документы об испанских детях, вывезенных в СССР в годы войны, а также о жизни политических эмигрантов, оказавшихся в Советском Союзе после её окончания.

Лавинская Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, заместитель начальника Отдела изучения и публикации документов Государственного архива РФ.

²³ GARF. F. P-8265. Ser. 1. Exp. 461. Op. 50.

SVETLANA ROSENTHAL

EL ARCHIVO DE LA INTERNACIONAL COMUNISTA Y EL FONDO 545 (SINDICATOS Y BRIGADAS INTERNACIONALES DEL EJÉRCITO REPUBLICANO DE ESPAÑA)

El artículo ofrece una breve historia de la formación del fondo 545 del RGASPI (el Archivo Estatal Ruso de Historia Sociopolítica), que contiene documentos sobre las Brigadas Internacionales. En el inventario N 1 se incluyen documentos del Comisariado Militar y del Inspector General de las Brigadas Internacionales. En el inventario N 2 se incluyen los documentos de la Base de las Brigadas Internacionales, ubicada en la ciudad de Albacete, y la Administración Militar Central del Ministerio de Defensa Nacional de la República Española. En el inventario N 3 se almacenan los materiales documentales de la 35^a y de la 45ª divisiones, de seis brigadas y otras unidades militares del Ejército Republicano. En el inventario N 4 están los materiales documentales de exvoluntarios de las Brigadas Internacionales, internados en campos de concentración en Francia y África del Norte tras la retirada de las fuerzas internacionales de España. En el inventario N 5 se concentran los materiales fotográficos del Fondo de las Brigadas Internacionales. En el inventario N 6 se presentan los documentos formales y personales sobre los voluntarios de las Brigadas Internacionales.

A primera vista, la recopilación de documentos y fotografías de las Brigadas Internacionales del Ejército Republicano de España (F. 545) está algo separada de otros documentos del Archivo de la Komintern y sus organizaciones afines. Sin embargo, la inclusión de esta recopilación precisamente en el Archivo de la Internacional Comunista es bastante legítima, ya que la dirección política de las unidades internacionales del Ejército Republicano recaía en figuras tan conocidas de la Internacional Comunista como André Marty, Luigi Longo (Gallo), Palmiro Togliatti (Ercoli) y otros. El Comité Ejecutivo de la Internacional Comunista asignó las tareas de selección y reclutamiento de voluntarios a los partidos comunistas de sus respectivos países. La Comisión de Personal Extranjero establecida por la Internacional Comunista adjunta al Comité Central del Partido Comunista de España organizó la vida de los voluntarios.

Los materiales documentales de las Brigadas Internacionales se pospusieron al resultado de las actividades del Mando del Cuartel General y los servicios de la Base entre las brigadas y todas las unidades y unidades militares internacionales en el territorio español donde los combates tuvieron lugar durante la Guerra Civil de 1936–1939. Antes del procesamiento, los documentos de las Brigadas Internacionales se almacenaban en los archivos de la Comisión de Personal Extranjero en el Comité Central del Partido Comunista de España, que entre 1921 y 1943 era una de las secciones de la Internacional Comunista. En primavera de 1939, 40 bolsas de documentos acertaron en llegar a Moscú tras un traslado complicado. Se desconoce el tamaño de las bolsas, pero el peso total era de aproximadamente de cuatro toneladas y media.

Ese hecho se afirma en una nota del Secretario del Comité Ejecutivo de la Internacional Comunista, André Marty, del 19 de abril de 1939. Los documentos que llegaron a Moscú, fueron archivados por el Comité Ejecutivo de la Komintern.

En ese momento, los documentos aún no habían sido procesados y estaban escritos a máquina, a mano, de forma criptográfica y de otro tipo. La seguridad de muchos documentos era muy relativa (escritura a mano, notas a lápiz, etc.), lo que se explicaba por las condiciones en las que habían sido confeccionados muchos de ellos, que incluían la primera línea del frente y el transporte al Cuartel General.

Una vez disuelta la Internacional Comunista en mayo de 1943, el archivo del Comité Ejecutivo de la misma había sido trasladado al Departamento General del Comité Central del Partido Comunista (bolchevique) de la URSS, donde los documentos se guardaron y se procesaron parcialmente. El personal del Comité Central realizó una descripción inicial de documentos de las Brigadas Internacionales, pero en ese momento los mismos no se habían sistematizado aún de acuerdo con las reglas archivísticas existentes.

En 1959, el archivo de las Brigadas Internacionales, junto con todo el archivo del Comité Ejecutivo de la Internacional Comunista (CEIC), se transfirió al Archivo Central del Partido del Instituto de Marxismo-Leninismo (CPA IML por las siglas en ruso) adjunto al Comité Central del PCUS (ahora el RGASPI — el Archivo Estatal Ruso de Historia Sociopolítica). A principios de la década de 1970, los funcionarios del CPA llevaron a cabo un procesamiento científico y técnico de los documentos de las Brigadas Internacionales. Como resultado, se formó y se describió un fondo, al que se le asignó el número 545. El fondo consta de seis inventarios, que contenían unas 3.365 cajas (338.353 folios).

Los documentos del fondo están escritos en 26 idiomas, la lengua principal es el español.

El inventario N 1 incluye documentos del Comisariado Militar y del Inspector General de las Brigadas Internacionales, que ostentaron la jefatura y llevaron a cabo toda la labor política, cultural y de masas de los partidos a través de sus comisarios políticos y representantes de los partidos comunistas y obreros enviados a las Brigadas Internacionales para trabajar con los voluntarios de sus países. El Ejército Republicano, en el que habían incluido orgánicamente las Brigadas Internacionales, dirigía las cuestiones militares estratégicas y las operaciones de combate. La mayor parte del inventario consta de documentos del comisario-inspector de las Brigadas Internacionales, Gallo (Luigi Longo): su correspondencia con el Gobierno y las instituciones estatales, con el Comisariado Militar General del Ministerio de Defensa Nacional de la República Española, con la Base de las Brigadas Internacionales, oficinas editoriales, con figuras estatales y políticas, el Comité Internacional de Asistencia al Pueblo Español en París, con los responsables del suministro de alimentos, equipos y medicamentos y los encargados de distribución de literatura sobre cuestiones de personal. El inventario contiene órdenes, informes, instrucciones, circulares para comandantes y comisarios sobre la organización y las actividades de las Brigadas Internacionales, además de su participación en los combates.

El inventario N 2 incluye documentos de la Base de las Brigadas Internacionales, ubicada en Albacete, y la Administración Militar Central adjunta al Ministerio de Defensa Nacional (MDN) de la República Española: el mismo contiene documentos sobre la creación, estructura y reorganización de las Brigadas Internacionales, los decretos del Comisariado Militar General del MDN sobre la inclusión de las Brigadas Internacionales en el Ejército Republicano, las órdenes del Comisariado Militar General del Ministerio de Defensa Nacional sobre los nombramientos y despidos de los jefes de unidades, la estructura de la Base, el diario del Ministerio de Defensa Nacional y el boletín del Estado Mayor del MDN.

También, hay correspondencia de la Base de las Brigadas Internacionales con estructuras gubernamentales, el Partido Comunista de España, organizaciones sindicales, campesinas, juveniles y otros organismos españoles, con empresas, oficinas editoriales de periódicos; documentos de la Administración Militar Central remitidos al Comisario-Inspector, la Comisión de Personal Extranjero adjunta al Comité Central del Partido Comunista de España, el Comité Internacional de Asistencia al Pueblo Español y otros sobre suministro, desmovilización y repatriación de voluntarios. Existen varias listas de efectivos de las Brigadas Internacionales; de pilotos extranjeros, comprendidos pilotos de la escuadrilla de André Malraux y de voluntarios fallecidos y enterrados en el cementerio de Fuencarral en Madrid. El inventario contiene también las publicaciones impresas de la Base de las Brigadas Internacionales, del MDN, del Partido Comunista de España, la revista “Voluntario de la Libertad”, periódicos de primera línea del frente, boletines, folletos, recortes de revistas y diarios de diferentes países sobre acontecimientos en España, etc.

En el inventario N 3 se encuentran documentos de la 35^a y de la 45ª divisiones, las seis Brigadas Internacionales y otras unidades militares del Ejército Republicano. Los documentos del inventario están organizados según la unidad militar del Ejército Republicano que los redactó (división, brigada, batallón, compañía, etc.) y contiene: órdenes e instrucciones para cada unidad del ejército, informes operativos, notas de servicio a las autoridades superiores, correspondencia de los jefes de las unidades militares con el Ministerio de Defensa Nacional, la Base de las Brigadas Internacionales, la Comisaría Militar, los partidos comunistas de diferentes países, organizaciones estatales y públicas de España y otros países, listas de personal, notas de combate sobre la fuerza y el armamento, crónicas de hostilidades, publicaciones impresas de unidades, documentos de la Comisión Histórica que recopilaba materiales documentales que reflejan la historia de la unidad (artículos, notas, memorias, diarios, cartas de voluntarios, crónicas de combates y documentos que muestran diversas actividades creativas de voluntarios de las Brigadas tales como poemas, historias, dibujos). Los documentos de servicios cartográficos de las unidades son interesantes: mapas geográficos y topográficos, esquemas de operaciones de combate y documentos financieros de las divisiones (solicitudes para recibir asignaciones monetarias por parte del personal, recibos, etc.). Las publicaciones impresas de esta división completan cada sección estructural: periódicos de primera línea, revistas, boletines y folletos.

En el inventario N 4 se almacenan materiales documentales de los exvoluntarios de las brigadas del Ejército Republicano internados en campos de concentración en Francia y África del Norte tras la retirada de las Brigadas Internacionales. Una pequeña parte del inventario está representada por listas, mensajes informativos, llamamientos, informes, cartas de exvoluntarios de las Brigadas Internacionales de diferentes nacionalidades, internados en campos de concentración Argel, Gürs, Vernet, Saint-Cyprien y otros. También incluye la información a los organizaciones internacionales y nacionales e individuos sobre sus vidas, temas sociales y composición nacional de reclusos, clima moral y condiciones sanitarias en los campamentos, sobre fiestas, agitación, propaganda y trabajo cultural, realizados por reclusos: periódicos escritos a mano y mecanografiados, boletines y revistas, dibujos, poemas, álbumes coloridos decorados con adornos nacionales, con fotografías y dibujos que ilustran el pasatiempo en el campamento, programas de conciertos realizados por aficionados, veladas musicales, eventos deportivos, etc. El fondo del museo del RGASPI

almacena artesanías, artículos creados a mano por reclusos con diferentes materiales: papel, madera, metal, tela.

En el inventario N 5 se concentran materiales fotográficos del fondo de las Brigadas Internacionales. Entre ellos se encuentran retratos y fotografías de a grupo de líderes del Gobierno Republicano (el primer ministro Juan Negrín, el presidente Manuel Azaña, el ministro de Estado Julio Álvarez del Vayo), comandantes del Ejército Republicano (generales José Miaja, Enrique Líster, Juan Modesto, etc.), comandantes de divisiones, de las Brigadas Internacionales, batallones, otras unidades internacionales (generales Walter (Karol Świerczewski), Emilio Kleber (Manfred Stern), Lukacs (Mate Zalka), Hans Baimler, etc.), dirigentes del Partido Comunista de España (Dolores Ibárruri, José Díaz, Francisco Antón y otros), representantes de la Internacional Comunista en las Brigadas (André Marty, Franz Dahl y otros), figuras de funcionarios internacionales, de movimientos socialistas y comunistas (Louis de Brucker, Julius Deutsch, Harry Pollitt y otros), personalidades de cultura de diferentes países durante las visitas que habían realizado a las Brigadas Internacionales (Ilya Ehrenburg, Anna Zeghers, Ludwig Renn, Mikhail Koltsov, etc.). Las fotos sobre la vida cotidiana de voluntarios de las Brigadas Internacionales están ampliamente representadas (en operaciones militares, durante el entrenamiento, cuando visitan orfanatos, en vacaciones, en manifestaciones, durante los días festivos, en el desfile de despedida de las Brigadas Internacionales en Barcelona, etc.). Hay fotografías que muestran la presencia de excombatientes de las Brigadas Internacionales en campos de concentración en Francia y el norte de África.

La recopilación de fotos aún no se ha digitalizado, por lo que este es el único inventario del fondo 545, que no tiene un formato electrónico.

Los materiales documentales sobre los voluntarios de las Brigadas Internacionales de carácter personal se presentan en el inventario N 6. En primer lugar, hay que destacar los documentos de la Comisión de Personal Extranjero adjunta al Comité Central del Partido Comunista de España: la correspondencia de la Comisión con varias organizaciones españolas e internacionales, sus planes de trabajo, actas de reuniones, etc. Una parte importante de los inventarios representan diferentes listas (con datos biográficos, que indican la afiliación al partido, con características breves o detalladas, que indican la hora de llegada a España, con desaparecidos, heridos, asesinados, sacerdotes prisioneros, evacuados y repatriados, etc.). El conjunto principal de documentos del inventario son archivos personales de voluntarios, sistematizados por país y dentro de cada país y ordenados por apellido según el alfabeto latino. Los archivos personales de los voluntarios consisten en cuestionarios, autobiografías, características y varias referencias. Muchos de ellos tienen tarjetas de membresía del Partido Comunista de España. Los documentos de los emigrados blancos rusos que participaron en la Guerra Civil española al lado de los republicanos destacan dentro del inventario. Casi todos los archivos personales de estos últimos combatientes contienen solicitudes para retornar a su patria histórica, ganada, según escriben, a costa del derramamiento de sangre por la República Española. Este es el inventario más voluminoso del fondo 545 que registra 1618 cajas.

Actualmente, el acceso a los documentos del fondo está abierto a un amplio abanico de investigadores, incluso en formato electrónico.

Rosenthal Svetlana, vicedirectora del Departamento de Información Científica y de Referencias Científicas del RGASPI (el Archivo Estatal Ruso de Historia Sociopolítica).

Архив Коминтерна и фонд 545 (Интернациональные соединения и бригады республиканской армии Испании)

В статье даётся краткая история формирования фонда 545, в котором содержатся документы об интернациональных бригадах. Затем раскрывается его содержание. В опись № 1 включены документы Военного комиссариата интербригад и генерального комиссар-инспектора интербригад. В опись № 2 включены документы Базы интербригад, находившейся в г. Альбасете, и Центральной военной администрации при Министерстве национальной обороны (МНО) Испанской Республики. В описи № 3 хранятся документальные материалы 35 и 45 дивизий, шести интернациональных бригад и других воинских подразделений республиканской армии Испании. В описи № 4 хранятся документальные материалы бывших добровольцев интербригад республиканской армии Испании, интернированных в концлагерях во Франции и Северной Африке после вывода интернациональных сил из Испании. В описи № 5 сосредоточены фотографические материалы фонда интернациональных бригад. В описи № 6 представлены документальные материалы о добровольцах интербригад кадрового и личного характера.

Розенталь Светлана Марковна, заместитель начальника Отдела научно-информационной работы и научно-справочного аппарата РГАСПИ.

ANDREY FEDOROV

LA URSS, LA KOMINTERN Y LA GUERRA CIVIL EN ESPAÑA: DIMENSIÓN HISTORIOGRÁFICA

Este artículo contiene un resumen de la historiografía seleccionada sobre el tema de la participación de la URSS en la Guerra Civil Española. A pesar de que se analizan principalmente trabajos de autores rusos, se presta una atención considerable a obras editadas en inglés y obras más significativas en español. También se proporciona una revisión y comentarios sobre fuentes publicadas.

Durante muchas décadas, la historiografía soviético-rusa de la Guerra Civil española de 1936–1939 ha acumulado cientos, si no miles, de trabajos, desde las monografías científicas hasta las pequeñas notas periodísticas. En ese sentido, los temas más desarrollados siguen siendo los relacionados con la participación de la Unión Soviética y la Internacional Comunista en esa guerra. Al mismo tiempo, muchos trabajos de los temas indicados se han publicado también en el extranjero.

Este artículo es un intento de pasar revista a las obras más importantes publicadas en diferentes países durante más de ocho décadas.

Por supuesto, es imposible abarcar toda la inmensidad de la bibliografía sobre esta temática y, por lo tanto, nuestra tarea en este caso es hacer posible que el lector tenga ciertas pautas que le ayudarían en la difícil tarea de recopilar textos sobre la cuestión tratada.

Vale la pena señalar que, en esencia, el patrimonio historiográfico comienza a formarse ya al inicio de la guerra, cuando se publicaron los primeros estudios de acontecimientos, incluido el “Diario Español” de Mikhail Koltsov. Además, incluso entonces, aparecieron las primeras publicaciones de documentos en ruso, especialmente por parte del Partido Comunista de España y del Gobierno de la República Española, que se colocaron en las páginas de revistas como *Internacional Comunista*, *Bolchevique*, *Economía Mundial* y *Política Mundial*, y algunas otras publicaciones periódicas, principalmente en los periódicos centrales soviéticos *Pravda* e *Izvestia*.

Un verdadero florecimiento en el estudio de la guerra de España comienza tanto en la Unión Soviética como en el extranjero en los años sesenta del siglo pasado. No obstante, anteriormente se publicaron varias obras importantes, tales como por ejemplo el estudio de David T. Cattell “El Comunismo y la Guerra Civil en España” (1955), en el que el autor intentó llevar a cabo una revisión exhaustiva de la participación soviética en esa guerra.

Durante los años posteriores, varios volúmenes sobre la participación soviética, así como de la Internacional Comunista en la guerra española, se editaron en el extranjero. Entre éstos hay que destacar los estudios de Dan Richardson (1982, escrito en 1969), Eduard Carr (1984), Jonathan Haslam (1984), Gerald Howson (1999), Stanley Payne (2004), Daniel Kowalski (2004), Ángel Viñas (2006), Josep Puigsech Farrás (2009 y 2014) y Lisa Kirshenbaum

(2015). Es cierto que no todas las obras indicadas se dedicaron directamente a la Guerra Civil en España, sin embargo, esto no elimina su importancia en relación con la información contenida sobre la contienda.

Esto también se puede relacionar con el tema de la guerra española en el Libro Negro del Comunismo, publicado por primera vez en 1997 y traducido a diferentes idiomas, comprendido el ruso.

El último ejemplo es especialmente interesante por sus intentos de cubrir el tema de las actividades en España del NKVD (el Comisariado del Pueblo para Asuntos Interiores), aunque en ese libro no siempre se hace correctamente. Además, este tema es planteado regularmente por autores tanto en Rusia, comprendido el autor de estas líneas, como en el extranjero. Me gustaría destacar especialmente los libros dedicados al jefe de la misión soviética del NKVD en España, Alexander Orlov (Feldbin), escritos por Boris Volodarsky (2013 y 2015), así como por Oleg Tsarev y John Costello (publicado en inglés por primera vez en 1993, pasados dos años se editó por primera vez en ruso y reimpresso en 2017).

Quizás el mejor estudio extranjero hasta la fecha sobre temas de la participación soviética en la Guerra Civil es el trabajo del historiador alemán Frank Schauff, “Victoria Perdida”, publicado por primera vez en 2004, y editado en ruso en 2017. En el mismo el autor plantea un amplio abanico de temas, utilizando una gran cantidad de fuentes. Una de las problemáticas reflejadas por el autor fue la conducta de especialistas militares soviéticos en la República Española, basados en los documentos de la Dirección de Inteligencia. Este es, posiblemente, el primer estudio de ese tipo que aparece en ruso; desarrollado más tarde por el autor de este texto en el artículo “Ciudadanos Soviéticos en España durante la Guerra Civil de 1936–1939: Problemas de Adaptación y Vida Cotidiana” (2019). Gracias a esos estudios, los lectores pudieron ver a especialistas y ciudadanos soviéticos como personas reales en toda su integridad.

Quizás el estudio principal del período soviético sobre el papel de la Internacional Comunista en la Guerra Civil española fue la obra de Marklen Meshcheryakov, publicada en 1981, “La República Española y la Komintern”, en la cual el autor trató de dar una mirada concisa e integral a los acontecimientos analizados. El estudio fue, en cierta medida, típico de su tiempo, excluyendo una visión crítica del tema principal del mismo. A la vez es digno mencionar que, en sus artículos recientes, Meshcheryakov que conoce bien documentos sobre la guerra en España de archivos soviéticos ha revisado una serie de disposiciones que anteriormente se consideraban inquebrantables.

Como ejemplo, cabe mencionar el artículo de Meshcheryakov “La URSS y la Guerra Civil en España”, publicado en las páginas de la revista *Historia Patriótica* (1993).

El libro de Meshcheryakov se complementa con el trabajo del otro autor soviético, Vilnis Sīpols, “Política Exterior de la Unión Soviética, 1936–1939” (1987).

Uno de los trabajos más importantes en los tiempos soviéticos sobre la asistencia a la República fue el libro “Solidaridad de los Pueblos con la República Española” publicado en 1972, y pronto traducido al inglés, que narraba de la ayuda de diferentes países, comprendida la Unión Soviética, a los republicanos.

En 1974 se publicó un interesante artículo de V.A. Talashova sobre el apoyo de la Internacional Comunista de la Juventud a la República Española.

En cuanto a las publicaciones rusas sobre la participación de la URSS y la Internacional Comunista en la guerra española, recalamos temas relacionados con aviación, tropas

blindadas y asistencia militar soviética a la República Española en su conjunto, así como el papel de la Internacional Comunista en la contienda.

Temas de aviación han sido analizados por tales autores como Sergey Abrosov (2003, la reimpresión en 2008, así como su artículo de 2012) y Vladimir Gagin (libro de 1998, además de su artículo en el *Russian Digest* en 2016). También están incluidos en ese ámbito de estudio trabajos de tres autores, Dmitry Degtev, Yuri Borisov y Dmitry Zubov, “Ishak vs Messer” (2012); y de otros tales como Dmitry Khazanov (2019), E.M. Muminova (2017), V.V. Parshin (2016), Juan Boris Ruíz Núñez (2019), etc.

Temas de tropas blindadas atraen también la atención de varios autores con una envidiable regularidad. Entre ellos se destacan estudios de Alexei Masterkov (2007), Eugene Belash (2014) y Vladimir Daines (2016), que están lejos de ser los únicos que trataron del uso de carros de combate en la Guerra Civil.

Tema de participación de marineros soviéticos en la guerra española está cubierto por la historiografía también, por lo que me gustaría señalar los artículos de Vladimir Tolmachev (2011 y 2017), el artículo A.A. Komshukov en 2000, así como el trabajo de Alexander Rozin (2010 y 2011).

En cuanto a la Internacional Comunista, los estudios de Friedrich Firsov (2007, la reimpresión en 2011), así como el artículo (2002) de destacados especialistas nacionales Svetlana Pozharskaya y Andrei Saplin merecen una especial atención. El estudio más completo sobre la historia de la participación soviética en la Guerra Civil es el trabajo de Yuri Rybalkin (2000, la reimpresión en 2016, traducido al español en 2007).

Vale la pena señalar el tema de actividades del Consulado General Soviético en Barcelona, estudiado por el autor catalán, Josep Puigsech Farràs, que encontró cierta cobertura en las publicaciones de autores nacionales. En particular, nos referimos al artículo de Mark Goloviznin, “El Diario del Cónsul General Soviético en Barcelona”, publicado en 2000 en la revista *Alternatives*.

Al hablar sobre el papel de la Unión Soviética en el conflicto, es importante no olvidar el contexto internacional de esa época, la relación entre las principales potencias; el trabajo del Comité de No Intervención, creado en agosto-septiembre de 1936; así como el funcionamiento de la Sociedad de las Naciones. En ese sentido, los estudios de Vera Malay (1999, 2011) e Irina Khormach (2017) proporcionan importantes investigaciones.

Entre los estudios postsoviéticos están los de M.V. Novikov (1995 y 2007) y V.L. Telitsyn (2003).

Por otro lado, me gustaría resaltar memorias de los participantes soviéticos en la Guerra Civil. En la época soviética y postsoviética se publicó un gran número de las mismas narrando algunos acontecimientos, de los cuales me gustaría señalar solo algunas publicaciones. Hay que señalar las recopilaciones de testimonios tales como “Bajo la Bandera de la República Española” (1965), “Leningradenses en España” (1967), “Somos internacionalistas” (1975) y “Juntos a los patriotas de España” (1976).

Además, hay que tomar nota de los recuerdos de veteranos de guerra tales como Nikolai Kuznetsov, Kiril Meretskov, Alexander Rodimtsev, Semyon Krivoshein o Lev Hurges. Al mismo tiempo, las memorias se complementan bien con trabajos biográficos sobre los propios participantes, aunque no siempre escritos por investigadores que son lo suficientemente críticos en cuanto al material utilizado.

Algo diferente son las memorias del comandante naval, Nikolai Kuznetsov, publicadas en 2004.

Dos volúmenes “De Moscú — al país “X”” editados en 2015 y 2016, brindan una oportunidad de familiarizarse con breves notas biográficas de ciudadanos soviéticos que participaron en la guerra española y obtener una representación visual del número de memorias publicadas.

Al referirse al papel de expertos militares soviéticos en la guerra española, vale la pena prestar la atención a un artículo de Alexander Shubin publicado en 2013 en la revista *Rodina* con un título distintivo ““Ese pueblo ganará o morirá”». Asesores militares soviéticos sobre la Guerra Civil española”.

Al mismo tiempo, no se debe olvidar que algunos especialistas soviéticos que regresaron de España fueron sometidos a represión, a menudo con cargos exagerados, en cuya relación me gustaría recordar a A.A. Komshukov.

Un componente importante de la historiografía soviético-rusa de la participación soviética en la Guerra Civil en España es la publicación de documentos íntegros, como recopilaciones dedicadas a ese tema, y la edición de documentos individuales en colecciones relacionadas con otros temas.

En primer lugar, es necesario tener en cuenta las recopilaciones “Documentos de la Política Exterior de la URSS”, volúmenes 19–22, publicados en 1974, 1976, 1977 y 1992.

Además, cabe destacar las publicaciones, editadas durante el período soviético, como el segundo volumen de la recopilación de documentos “La Komintern, la KIM y el movimiento Juvenil (1919–1943)” (1977).

Para nuestro artículo son de mucho interés recopilaciones de documentos del Archivo Estatal Ruso de Historia Político-Social (2001), el Archivo del Presidente de la Federación de Rusia (2013) y el Archivo Estatal Militar de Rusia (2019). En cuanto a este último, cabe señalar que hasta ahora sólo se ha publicado el primer volumen de los ocho programados. Otra publicación importante fue la que recoge documentos traducidos del ruso al inglés por la Universidad de Yale “Una España Traicionada” (2001).

Poco antes de ser publicada la recopilación de documentos del Archivo del Presidente [de Rusia], los documentos individuales fueron publicados en las páginas de la revista *Rodina* (2013, N 8).

Por otro lado, se han editado documentos separados que se refieren a la participación de la URSS y la Internacional Comunista en el conflicto en tales recopilaciones como “La Política Exterior de la URSS”, volumen 4 (1946), “La Internacional Comunista”, 1919–1943, volumen 3 (1965), “La Komintern contra el Fascismo” (1999), “El Politburó del Comité Central del PCR(b) — VKP(b) y Europa” (2001), “El Politburó del Comité Central del PCR(b) — VKP(b). Agendas para Reuniones”, volumen 2 (2001), “Stalin y Kaganovich” (2001), “El Politburó del Comité Central del PCR(b) — VKP(b) y la Komintern” (2004), “Lubyanka. Stalin y la Dirección General de Seguridad del Estado del NKVD” (2004). Hay que destacar que algunos documentos se pueden encontrar en el libro de Boris Volodarsky “El Caso Orlov” (2013). Además, debe tenerse en cuenta la publicación de documentos de archivo en los anexos de los libros de Yuri Rybalkin (2007 y 2016) y Ángel Viñas.

Otro componente importante de las publicaciones documentales son las compilaciones del jefe de la Komintern, Georgi Dimitrov (2000, 2003), el comisario del pueblo para Asuntos Exteriores, Maxim Litvinov (1938) y el embajador en Gran Bretaña, Ivan Maiski (1962, 2006)

publicadas en diferentes momentos. Estudios sobre la política exterior del Kremlin salidos de la pluma del defector soviético Walter Krivitski, son de mucho interés. Estamos hablando de su libro “In Stalin’s Secret Service: An Expose of Russia’s Secret Policies by the Former Chief of the Soviet Intelligence in Western Europe” (1939), más conocido en Rusia como “Yo era un Agente de Stalin”. En ese mismo año, una parte del libro dedicada directamente a los sucesos en España se publicó, en ruso, en Shanghai bajo el título “Intervención Estalinista en España”.

Al concluir esta breve reseña, hay que señalar también algunos trabajos dedicados a la evacuación de niños españoles a la URSS. Este tema ha sido estudiado repetidamente a nivel de pequeños artículos periodísticos y científicos, y también se refleja en las memorias. Algunas monografías están dedicadas también a ese tema. En este sentido, me gustaría señalar algunos artículos de Anna Pavlovna Fernández-Eres (2014, 2015, 2017), así como el libro de A.V. Elpatievsky (2002), dedicado al tema más amplio de la emigración española a la URSS.

Vale la pena decir también que algunos de los niños españoles exiliados a la Unión Soviética se convirtieron en autores de memorias. En particular, estamos hablando de las memorias de Manuel Arce (2011) y Virgilio de los Llanos Más (2008).

Como ya se ha mencionado al principio, es imposible abarcar todos los trabajos dedicados a la participación de la Unión Soviética y la Internacional Comunista en la Guerra Civil española en este breve artículo. Sin embargo, espero que este texto brinde ciertas ideas sobre la literatura disponible y ayude a las personas que son neófitas en este tema a navegar por la diversidad historiográfica existente.

Referencias:

Абросов С.В. В небе Испании. 1936–1939 годы. О советских лётчиках-истребителях, воевавших в Испании. М.: Б.и., 2003. *Abrosov S.V.* V nebe Ispanii. 1936–1939 gody. O sovetskikh letchikakh-istrebitelyakh, voyevavshikh v Ispanii. М.: В.и., 2003. [En el cielo de España. 1936–1939 años. Sobre los pilotos de caza soviéticos que combatieron en España]

Абросов С.В. Воздушная война в Испании. Хроника воздушных сражений 1936–1939 гг. М.: Яуза, Эксмо, 2008. *Abrosov S.V.* Vozdushnaya voyna v Ispanii. Khronika vozdushnykh srazheniy 1936–1939 gg. М.: Yauza, Eksmo, 2008. [Guerra aérea en España. Crónica de combates aéreos 1936–1939]

Абросов С.В. Советская авиация в гражданской войне в Испании // Военно-исторический журнал. Август, 2012. № 8(628). С. 36–40. *Abrosov S.V.* Sovetskaya aviatsiya v grazhdanskoj vojne v Ispanii // Voyenno-istoricheskiy zhurnal. Avgust, 2012. № 8(628). S. 36–40. [La aviación soviética en la Guerra Civil española]

Арце М. Воспоминания о России: Воспоминания одного из 3500 испанских детей, приехавших в СССР в 1937 году. Мадрид: б. и., 2011. *Arce M.* Vospominaniya o Rossii: Vospominaniya odnogo iz 3500 ispanskikh detey, priyekhavshikh v SSSR v 1937 godu. Madrid: b. i., 2011. [Recuerdos de Rusia: Recuerdos de uno de los 3.500 niños españoles que llegaron a la URSS en 1937]

Белаш Е. Танки межвоенного периода. Боевое применение. М.: Тактика Пресс, 2014. *Belash Ye.* Tanki mezhvoyennogo perioda. Boyevoye primeneniye. М.: Taktika Press, 2014. [Tanques del período de entreguerras. Uso de combate]

Булатов В.Н. Адмирал Кузнецов. М.: Молодая гвардия, 2006. *Bulatov V.N.* Admiral Kuznetsov. М.: Molodaya gvardiya, 2006. [Almirante Kuznetsov]

Великанов Н.Т. Мерецков. М.: Молодая гвардия, 2013. Velikanov N.T. Meretskov. М.: Molodaya gvardiya, 2013. [Meretskov]

Вместе с патриотами Испании: Воспоминания участников национально-революционной войны испанского народа. Киев: Политиздат Украины, 1976. Vmeste s patriotami Ispanii: Vospominaniya uchastnikov natsional'no-revolyutsionnoy voyny ispanского народа. Kiyev: Politizdat Ukrainy, 1976. [Junto a los Patriotas de España: Memorias de Participantes en la Guerra Nacional Revolucionaria del Pueblo Español]

Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV: 1935 — июнь 1941 г. М.: б.и., 1946. Vneshnyaya politika SSSR. Sbornik dokumentov. T. IV: 1935 — iyun' 1941 g. М.: б.и., 1946. [Política exterior de la URSS. Recopilación de Documentos]

Гагин В.В. Воздушная война в Испании (1936–1939). Воронеж: Издательский Литературный Дом «Воронежский альманах», 1998. Gagin V.V. Vozdushnaya voyna v Ispanii (1936–1939). Voronezh: Izdatel'skiy Literaturnyy Dom "Voronezhskiy al'manakh", 1998. [Guerra Aérea en España (1936–1939)]

Гагин В.В. Об участии советских ВВС в Гражданской войне в Испании в 1936–1939 гг. // Русский сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. М.: Модест Колеров, 2016. С. 148–169. Gagin V.V. Ob uchastii sovetskikh VVS v Grazhdanskoй voyne v Ispanii v 1936–1939 gg. // Russkiy sbornik. T. XX: SSSR i Grazhdanskaya voyna v Ispanii 1936–1939 gg. М.: Modest Kolerov, 2016. S. 148–169. [Sobre la Participación de la Fuerza Aérea Soviética en la Guerra Civil en España en 1936–1939]

Головизнин М. Дневник советского генерального консула в Барселоне (1936 год) // Альтернативы. 2000. № 3. С. 97–104. Goloviznin M. Dnevnik sovetskogo general'nogo konsula v Barselone (1936 god) // Al'ternativy. 2000. № 3. S. 97–104. [Diario del Cónsul General Soviético en Barcelona (1936)]

Дайнес В.О. Применение бронетанковых войск в Испании, 1936–1939 гг. // Русский сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. М.: Модест Колеров, 2016. С. 100–147. Goloviznin M. Dnevnik sovetskogo general'nogo konsula v Barselone (1936 god) // Al'ternativy. 2000. № 3. S. 97–104. Daynes V.O. Primeneniye bronetankovykh voysk v Ispanii, 1936–1939 gg. // Russkiy sbornik. T. XX: SSSR i Grazhdanskaya voyna v Ispanii 1936–1939 gg. М.: Modest Kolerov, 2016. S. 100–147. [El Uso de Fuerzas Blindadas en España, 1936–1939]

Дёгтев Д.М., Борисов Ю.С., Зубов Д.В. «Ишак» против мессера. Испытание войной в небе Испании. 1936–1939. М.: Центрполиграф, 2012. Degtev D.M., Borisov Yu.S., Zubov D.V. "Ishak" protiv messera. Ispytaniye voynoy v nebe Ispanii. 1936–1939. М.: Tsentrpoligraf, 2012. ["Ishak" contra Messer. Prueba de Guerra en el Cielo de España. 1936–1939]

Документы внешней политики СССР. Т. 19: 1 января — 31 декабря 1936 г. М.: Политиздат, 1974. Dokumenty vneshney politiki SSSR. T. 19: 1 yanvaryaya — 31 dekabrya 1936 g. М.: Politizdat, 1974. [Documentos de Política Exterior de la URSS]

Документы внешней политики СССР. Т. 20: Январь — декабрь 1937 г. М.: Политиздат, 1976. Dokumenty vneshney politiki SSSR. T. 20: Yanvar' — dekabr' 1937 g. М.: Politizdat, 1976. [Documentos de Política Exterior de la URSS]

Документы внешней политики СССР. Т. 21: 11 января — 31 декабря 1938 г. М.: Политиздат, 1977. Dokumenty vneshney politiki SSSR. T. 21: 11 yanvaryaya — 31 dekabrya 1938 g. М.: Politizdat, 1977. [Documentos de Política Exterior de la URSS]

Документы внешней политики СССР: 1939 год. Т. XXII: В 2 кн. Кн. 1: Январь — август. М.: Международные отношения, 1992. Dokumenty vneshney politiki SSSR 1939 god. T. XXII: V 2 kn. Kn. 1: Yanvar' — avgust. M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1992. [Documentos de Política Exterior de la URSS]

Елпатъевский А.В. Испанская эмиграция в СССР. Историография и источники, попытка интерпретации. Тверь: ТЕРС, 2002. Yelpat'yevskiy A.V. Ispanskaya emigratsiya v SSSR. Istoriografiya i istochniki, popytka interpretatsii. Tver': TERS, 2002. [Emigración Española a la URSS. Historiografía y Fuentes, un Intento de Interpretación].

Из Москвы — в страну «Икс»: Книга памяти советских добровольцев—участников Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.: Т. 1, 2. М.: ГБУ «ЦГА Москвы», 2015–2016. Iz Moskvy — v stranu "Iks": Kniga pamyati sovetskikh dobrovol'tsev—uchastnikov Grazhdanskooy voyny v Ispanii 1936–1939 gg.: T. 1, 2. M.: GBU "TSGA Moskvy", 2015–2016. [De Moscú — al país "X": un libro en memoria de voluntarios soviéticos — participantes en la Guerra Civil en España 1936–1939]

Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. М.: Наука, 2001. Komintern i grazhdanskaya voyna v Ispanii. Dokumenty. M.: Nauka, 2001. [La Komintern y la Guerra Civil en España. Documentos]

Коминтерн, КИМ и молодёжное движение (1919–1943). Сборник документов. Т. 2. М.: Политиздат, 1977. Komintern, KIM i molodezhnoye dvizheniye (1919–1943). Sbornik dokumentov. T. 2. M.: Politizdat, 1977. [La Komintern, la KIM y el Movimiento Juvenil (1919–1943). Recopilación de Documentos]

Коминтерн против фашизма. Документы. М.: Наука, 1999. Komintern protiv fashizma. Dokumenty. M.: Nauka, 1999. [La Komintern contra el Fascismo. Documentos]

Комишук А.А. Об участии военных моряков Черноморского флота в национально-революционной войне испанского народа в 1936–1939 годах // Черноморский флот в судьбе России: Материалы Международной конференции «Чёрное море и флот: история и современность». Симферополь: Крымский архив, 2000. С. 50–54. Komshukov A.A. Ob uchastii voyennykh moryakov Chernomorskogo flota v natsional'no-revolutsionnoy voyne ispanского naroda 1936–1939 godakh // Chernomorskiy flot v sud'be Rossii: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii "Chernoye more i flot: istoriya i sovremennost". Simferopol': Krymskiy arkhiv, 2000. S. 50–54. [Sobre la Participación de los Marineros de la Flota del Mar Negro en la Guerra Nacional Revolucionaria del Pueblo Español 1936–1939]

Комишук А.А. Сталинские репрессии против участников испанской войны 1936–1939 гг. // Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20–80 гг. XX века): Материалы международной научной конференции. Т. 1. Харьков, 1994. С. 294–302. Komshukov A.A. Stalinskiye repressii protiv uchastnikov ispanской voyny 1936–1939 gg. // Totalitarizm i antitotalitarnyye dvizheniya v Bolgarii SSSR i drugikh stranakh Vostochnoy Yevropy (20–80-ye gody XX veka): Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. T. 1. Khar'kov, 1994. S. 294–302. [Represión estalinista contra los participantes en la guerra española de 1936–1939]

[Кривицкий В.] Сталинская интервенция в Испании: Разоблачения невозвращенца генерала Кривицкого. Шанхай: Vega, 1939. [Krivitskiy V.] Stalinskaya interventsiya v Ispanii: Razoblacheniya nevozvrashchentsa generala Krivitskogo. Shankhay: Vega, 1939. [Intervención estalinista en España: exposiciones del defector, el general Kriwitski]

Кривошеин С.М. Междубурье: Воспоминания. Белгород; Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1964. Krivoshein S.M. Mezhdubur'ye: Vospominaniya. Belgorod; Voronezh: Tsentral'no-Chernozemnoye knizhnoye izdatel'stvo, 1964. [Por entre tormentas: Recuerdos]

Кудряшов С. «Самолёты покупаются за наличный расчёт»: Документы архива президента РФ о гражданской войне в Испании // Родина. 2013. № 8. С. 120–126. Kudryashov S. "Samoloty pokupayutsya za nalichnyy raschot": Dokumenty arkhiva prezidenta RF o grazhdanskoj vojne v Ispanii // Rodina. 2013. № 8. S. 120–126. ["Los aviones se compran en efectivo": documentos del archivo del Presidente de la Federación de Rusia sobre la Guerra Civil española]

Кузнецов Н.Г. На далёком меридиане: Воспоминания участника национально-революционной войны в Испании. М.: Наука, 1966. Kuznetsov N.G. Na dalekom meridiane: Vospominaniya uchastnika natsional'no-revoljucionnoy vojny v Ispanii. M.: Nauka, 1966. [En el Meridiano Lejano: Memorias de un Participante en la Guerra Nacional Revolucionaria en España]

Ленинградцы в Испании (1936–1939): Сборник воспоминаний. Л.: Лениздат, 1967. Leningradtsy v Ispanii (1936–1939): Sbornik vospominanij. L.: Lenizdat, 1967. [Leningradenses en España (1936–1939): Una Recopilación de Memorias]

Литвинов М.М. Против агрессии. М.: ОГИЗ; Политиздат, 1938. Litvinov M.M. Protiv agressii. M.: OGIZ; Politizdat, 1938. [Contra la Agresión]

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: МФД, 2004. Lubyanka. Stalin i Glavnoye upravleniye gosbezopasnosti NKVD. Arkhiv Stalina. Dokumenty vysshikh organov partiynoy i gosudarstvennoy vlasti. 1937–1938. M.: MFD, 2004. [Lubyanka, Stalin y la Dirección General de Seguridad del Estado del NKVD. Archivo de Stalin. Documentos de los Más Altos Cuerpos del Partido y del Poder Estatal. 1937–1938]

Льянос Мас В. де лос. Ты помнишь, tovarisch...?: Из архива одного из детей, вывезенных в СССР во время гражданской войны в Испании. М.: ЛКИ, 2008. Llanos Más V. de los. Ty pomnish', tovarisch...?: Iz arkhiva odnogo iz detej, vyvezennykh v SSSR vo vremya grazhdanskoj vojny v Ispanii. M.: LKI, 2008. [¿Te acuerdas tovarisch ...?: Del archivo de uno de los Niños llevados a la URSS durante la Guerra Civil Española]

Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943: в 2 кн. Кн. 1: 1934 — 3 сентября 1939. М.: Наука, 2006. Mayskiy I.M. Dnevnik diplomata. London, 1934–1943: v 2 kn. Kn. 1: 1934 — 3 sentyabrya 1939. M.: Nauka, 2006. [El Diario de un Diplomático. Londres, 1934–1943: en 2 libros]

Майский И.М. Испанские тетради. М.: Воениздат, 1962. Mayskiy I.M. Ispanskiye tetradi. M.: Voenizdat, 1962. [Cuadernos Españoles]

Малай В.В. Гражданская война в Испании 1936–1939 годов и Европа: Международные аспекты конфликта. М.: Наука, 2011. Malay V.V. Grazhdanskaya vojna v Ispanii 1936–1939 godov i Yevropa: Mezhdunarodnyye aspekty konflikta. M.: Nauka, 2011. [Guerra Civil en España 1936–1939 y Europa: Aspectos internacionales del Conflicto]

Малай В.В. Судьба Республики решалась не в Мадриде: Из истории англо-советских отношений в канун II мировой войны. 1936–1939. Белгород: БелГУ, 1999.

Malay V.V. Sud'ba Respubliki reshala's' ne v Madride: Iz istorii anglo-sovetskikh otnosheniy v kanun II mirovoy voyny. 1936–1939. Belgorod: BelGU, 1999. [El destino de la República no se decidió en Madrid: de la historia de relaciones anglo-soviéticas en vísperas de la Segunda Guerra Mundial. 1936–1939]

Мастерков А. Харама, 1937. Первое сражение советских танков // Танковый прорыв: советские танки в боях 1937–1942 гг.: (сборник). М.: Яуза, 2007. С. 9–83. Masterkov A. Kharama, 1937. Pervoye srazheniye sovetskikh tankov // Tankovyy proryv: sovetskiye tanki v boyakh 1937–1942 gg.: (sbornik). М.: Yauza, 2007. S. 9–83. [Jarama, 1937. La primera batalla de tanques soviéticos]

Мерецков К.А. На службе народу: Страницы воспоминаний. М.: Политиздат, 1968. Meretskov K.A. Na sluzhbe narodu: Stranitsy vospominaniy. М.: Politizdat, 1968. [Al Servicio del Pueblo: Páginas de Recuerdos]

Мещераков М.Т. Испанская республика и Коминтерн: (Национально-революционная война испанского народа и политика Коммунистического Интернационала 1936–1939 гг.). М.: Мысль, 1981. Meshcheryakov M.T. Ispanskaya respublika i Komintern: (Natsional'no-revolyutsionnaya voyna ispanskogo naroda i politika Kommunisticheskogo Internatsionala 1936–1939 gg.). М.: Mysl', 1981. [La República Española y la Komintern: (Guerra Nacional Revolucionaria del Pueblo Español y Política de la Internacional Comunista de 1936–1939)]

Мещераков М.Т. СССР и Гражданская война в Испании // Отечественная история. Май-июнь, 1993. № 3. С. 83–95. Meshcheryakov M.T. SSSR i Grazhdanskaya voyna v Ispanii // Otechestvennaya istoriya. May-iyun', 1993. № 3. S. 83–95. [La URSS y la Guerra Civil en España]

Муминова Е.М. Участие выпускников Борисоглебской школы лётчиков в гражданской войне в Испании (1936–1939 годы) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 1. С. 73–81. Muminova Ye.M. Uchastiye vpusknikov Borisoglebskoy shkoly letchikov v grazhdanskoй voyne v Ispanii (1936–1939 gody) // Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. 2017. № 1. S. 73–81. [La participación de graduados de la Escuela de Pilotos de Borisoglebsk en la Guerra Civil española (1936–1939)]

Мы — интернационалисты. Воспоминания советских добровольцев—участников национально-революционной войны в Испании. М.: Политиздат, 1975. Мы — internatsionalisty. Vospominaniya sovetskikh dobrovol'tsev—uchastnikov natsional'no-revolyutsionnoy voyny v Ispanii. М.: Politizdat, 1975. [Somos internacionalistas. Recuerdos de voluntarios soviéticos — participantes en la Guerra Nacional Revolucionaria en España]

Новиков М.В. СССР, Коминтерн и Гражданская война в Испании 1936–1939 гг.: В 2 ч. Ярославль: ЯГПУ, 1995. Novikov M.V. SSSR, Komintern i Grazhdanskaya voyna v Ispanii 1936–1939 gg.: V 2 ch. Yaroslavl': YAGPU, 1995. [La URSS, la Komintern y la Guerra Civil en España 1936–1939: en 2 vol.]

Новиков М.В. СССР, Коминтерн и Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. Ярославль: ЯГПУ, 2007. Novikov M.V. SSSR, Komintern i Grazhdanskaya voyna v Ispanii 1936–1939 gg. Yaroslavl': YAGPU, 2007. [La URSS, la Komintern y la Guerra Civil en España 1936–1939]

Паршин В.В. Советские лётчики в Гражданской войне в Испании (1936–1939 гг.) // Военный академический журнал. 2016. № 4(12). С. 73–78. Parshin

V.V. Sovetskiye letchiki v Grazhdanskoj vojne v Ispanii (1936–1939 gg.) // *Voyennyj akademicheskiy zhurnal*. 2016. № 4(12). S. 73–78. [Pilotos Soviéticos en la Guerra Civil española (1936–1939)]

Пермяков А. Лев Хургес. Москва — Испания — Колыма. Из жизни радиста и ээка. Подготовка текста, составление: П. Полян, Н. Поболь. Комментарии: П. Полян, Н. Поболь, А. Тепляков // *Знамя. Литературный и общественно-политический журнал*. 2012. № 11. С. 218–221. Permyakov A. Lev Khurges. Moskva — Ispaniya — Kolyma. Iz zhizni radista i zeka. Podgotovka teksta, sostavleniye: P. Polyan, N. Pobol'. Kommentarii: P. Polyan, N. Pobol', A. Teplyakov // *Znamya. Literaturnyy i obshchestvenno-politicheskiy zhurnal*. 2012. № 11. S. 218–221. [Lev Jurges. Moscú — España — Kolyma. De la vida de un radista y un convicto]

Пожарская С.П., Саплин А.И. Коминтерн и гражданская война в Испании // *История Коммунистического Интернационала 1919–1943: Документальные очерки*. М.: Наука, 2002. С. 116–144. Pozharskaya S.P., Saplin A.I. Komintern i grazhdanskaya vojna v Ispanii // *Istoriya Kommunisticheskogo Internatsionala 1919–1943: Dokumental'nyye ocherki*. М.: Nauka, 2002. S. 116–144. [La Komintern y la Guerra Civil en España]

Под знаменем Испанской Республики. 1936–1939: Воспоминания советских добровольцев-участников национально-революционной войны в Испании. М.: Наука, 1965. Pod znamenem Ispanskoj Respubliki. 1936–1939: Vospominaniya sovetskikh dobrovol'tsev-uchastnikov natsional'no-revoljutsionnoj vojny v Ispanii. М.: Nauka, 1965. [Bajo la Bandera de la República Española. 1936–1939: Memorias de voluntarios soviéticos que participaron en la Guerra Nacional Revolucionaria en España]

Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001. Politbyuro TSK RKP(b)–VKP(b) i Evropa. Resheniya “osoboy papki”. 1923–1939. М.: ROSSPEN, 2001. [Politburó del Comité Central del PCR(b) — VKP(b) y Europa. Decisiones de una Carpeta Especial. 1923–1939]

Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 г. Документы. М.: РОССПЭН, 2004. Politburo TSK RKP(b)–VKP(b) i Komintern: 1919–1943 gg. Dokumenty. М.: ROSSPEN, 2004. [Politburó del Comité Central del PCR(b) — VKP(b) y la Komintern: 1919–1943. Documentos]

Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний, 1919–1952: Каталог: В 3 т. Т. 2: 1930–1939. М.: РОССПЭН, 2001. Politbyuro TSK RKP(b)–VKP(b). Povestki dnya zasedaniy, 1919–1952: Katalog: V 3 t. Т. 2: 1930–1939. М.: ROSSPEN, 2001. [Politburó del Comité Central del PCR(b) — VKP(b). Agendas para Reuniones, 1919–1952: Catálogo: en 3 vol.]

РККА и Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА: в 8 т. Т1: Сборники №1–15. М.: Политическая энциклопедия, 2019. RKKa i Grazhdanskaya vojna v Ispanii. 1936–1939 gg.: Sborniki informatsionnykh materialov Razvedyvatel'nogo upravleniya RKKa: v 8 t. Т. 1: Sborniki № 1–15. М.: Politicheskaya entsiklopediya, 2019. [El Ejército Rojo y la Guerra Civil en España. 1936–1939: Recopilaciones de materiales de información de la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo: en 8 vol.]

Родимцев А.И. Под небом Испании. М.: Советская Россия, 1968. Rodimtsev A.I. Pod nebom Ispanii. М.: Sovetskaya Rossiya, 1968. [Bajo el Cielo de España]

Родимцев И.А. Генерал Родимцев. Прошедший три войны. М.: Вече, 2016. Rodimtsev I.A. General Rodimtsev. Proshedshiy tri voyny. M.: Veche, 2016. [General Rodimtsev. Las últimas tres guerras]

Розин А. Советские моряки в Гражданской войне в Испании в 1936–1939 гг. Ч. 1 // Электронный ресурс. URL: <http://alerozin.narod.ru/SovietSpain1.htm> (дата обращения: 3.11.2019). Rozin A. Sovetskiye moryaki v Grazhdanskoj vojne v Ispanii v 1936–1939 gg. CH. 1. // Elektronnyy resurs. URL: <http://alerozin.narod.ru/SovietSpain1.htm> (data obrashcheniya: 3.11.2019). [Marineros soviéticos en la Guerra Civil en España en 1936–1939. Parte 1]

Розин А. Советские моряки в Гражданской войне в Испании в 1936–1939 гг. Ч. 2: Советские торпедные катера «Г-5» в испанской войне 1936–1939 гг. // Электронный ресурс. URL: <http://alerozin.narod.ru/G5boatSpain.htm> (дата обращения: 3.11.2019). Rozin A. Sovetskiye moryaki v Grazhdanskoj vojne v Ispanii v 1936–1939 gg. CH. 2: Sovetskiye torpednyye katera “G-5” v ispanskoj vojne 1936–1939 gg. // Elektronnyy resurs. URL: <http://alerozin.narod.ru/G5boatSpain.htm> (data obrashcheniya: 3.11.2019). [Marineros Soviéticos en la Guerra Civil en España en 1936–1939. Parte 2: Torpederos Soviéticos “G-5” en la guerra española de 1936–1939]

Руис Нуньес Х.Б. Купить самолёты, чтобы выиграть войну. Советские поставки авиатехники во время гражданской войны в Испании // Латиноамериканский исторический альманах. 2019. № 21. С. 232–239. Ruíz Núñez J.B. Kupit’ samolety, chtoby vyigrat’ voynu. Sovetskiye postavki aviatekhniki vo vremya grazhdanskoj voyny v Ispanii // Latinoamerikanskiy istoricheskiy al’manakh. 2019. № 21. S. 232–239. [Compra de Aviones para Ganar la Guerra. Entregas Soviéticas de Aviones durante la Guerra Civil española]

Рыбалкин Ю.Е. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М.: АИРО-XX, 2000. Rybalkin Yu. Operatsiya “X”. Sovetskaya voyennaya pomoshch’ respublikanskoj Ispanii (1936–1939). M.: AIRO-XX, 2000. [Operación “X”. Asistencia militar soviética a la España Republicana (1936–1939)]

Рыбалкин Ю.Е. Сталин и Испания. М.: Вече, 2016. Rybalkin Yu.E. Stalin i Ispaniya. M.: Veche, 2016. [Stalin y España]

Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза, 1936–1939. М.: Наука, 1987. Sípols V.Ya. Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuz, 1936–1939. M.: Nauka, 1987. [Política Exterior de la Unión Soviética, 1936–1939]

Соколов Б.В. Маршал Малиновский. М.: Новый хронограф, 2016. Sokolov B.V. Marshal Malinovskiy. M.: Novyy khronograf, 2016. [Mariscal Malinovski]

Солидарность народов с Испанской республикой. 1936–1939. М.: Наука, 1972. Solidarnost’ narodov s Ispanskoj respublikoy. 1936–1939. M.: Nauka, 1972. [La solidaridad de los pueblos con la República Española. 1936–1939]

СССР и гражданская война в Испании: 1936–1939. М.: Архив Президента Российской Федерации, 2013. SSSR i grazhdanskaya vojna v Ispanii: 1936–1939. M.: Arkhiv Prezidenta Rossiyskoj Federatsii, 2013. [La URSS y la Guerra Civil en España: 1936–1939]

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М.: РОССПЭН, 2001. Stalin i Kaganovich. Perepiska. 1931–1936 gg. M.: ROSSPEN, 2001. [Stalin y Kaganovich. Correspondencia. 1931–1936]

Талашова В.А. Коммунистический Интернационал молодёжи в борьбе за единство молодёжного движения в период национально-революционной войны 1936–1939 гг.

в Испании // Вопросы международного рабочего движения. Волгоград: Волгоградский пединститут, 1974. С. 70–83. Talashova V.A. Kommunisticheskiy Internatsional molodezhi v bor'be za edinstvo molodezhnogo dvizheniya v period natsional'no-revolyutsionnoy voyny 1936–1939 gg. v Ispanii // Voprosy mezhdunarodnogo rabocheho dvizheniya. Volgograd: Volgogradskiy pedinstitut, 1974. S. 70–83. [La Internacional Comunista de la Juventud en la lucha por la unidad del movimiento juvenil durante la guerra nacional revolucionaria de 1936–1939 en España]

Телицын В.Л. «Пиренеи» в огне. Гражданская война в Испании и советские «добровольцы». М.: Эксмо, 2003. Telitsyn V.L. “Pirenei” v ogne. Grazhdanskaya voyna v Ispanii i sovetskiye “dobrovol'tsy”. М.: Eksmo, 2003 [Los Pirineos están en llamas. La Guerra Civil en España y “voluntarios” soviéticos]

Толмачёв В.А. Советские военные моряки в Испании. 1936–1939 гг. (к 75-летию начала гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2011. №4. С. 33–40. Tolmachev V.A. Sovetskiye voyennyye moryaki v Ispanii. 1936–1939 gg. (k 75-letiyu nachala grazhdanskoй voyny v Ispanii 1936–1939 gg.) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizayna. Seriya 3: Ekonomicheskkiye, gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki. 2011. № 4. S. 33–40. [Marineros soviéticos en España. 1936–1939 (para con el 75 aniversario del estallido de la Guerra Civil en España 1936–1939)]

Толмачёв В.А. Советские военные моряки в Испании. 1936–1939 гг. (к 80-летию начала гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.) // Восемнадцатые Петровские чтения (история, политология, социология, философия, экономика, культура, образование и право): Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, 16–17 ноября 2016 г. СПб.: Северная звезда, 2017. С. 48–54. Tolmachev V.A. Sovetskiye voyennyye moryaki v Ispanii. 1936–1939 gg. (k 80-letiyu nachala grazhdanskoй voyny v Ispanii 1936–1939 gg.) // Vosemnadsatyye Petrovskkiye chteniya (istoriya, politologiya, sotsiologiya, filosofiya, ekonomika, kul'tura, obrazovaniye i pravo): Materialy vserossiyskoй nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, 16–17 noyabrya 2016 g. SPb.: Severnaya zvezda, 2017. S. 48–54. [Marineros soviéticos en España. 1936–1939 (con motivo del 80 aniversario del estallido de la Guerra Civil en España 1936–1939)]

Фёдоров А.Ю. НКВД в Гражданской войне в Испании. Часть 1 // Латиноамериканский исторический альманах. 2018. № 20. С. 317–337. Fedorov A.Yu. NKVD v Grazhdanskoй voyne v Ispanii. Chast' 1 // Latinoamerikanskiy istoricheskiy al'manakh. 2018. № 20. S. 317–337. [El NKVD en la Guerra Civil en España. Parte 1]

Фёдоров А.Ю. НКВД в Гражданской войне в Испании. Часть 2 // Латиноамериканский исторический альманах. 2019. № 21. С. 207–233. Fedorov A.Yu. NKVD v Grazhdanskoй voyne v Ispanii. Chast' 2 // Latinoamerikanskiy istoricheskiy al'manakh. 2019. № 21. S. 207–233. [El NKVD en la Guerra Civil en España. Parte 2]

Фёдоров А.Ю. Советские граждане в Испании во время Гражданской войны 1936–1939 гг.: проблемы адаптации и повседневной жизни // ЭНОЖ «История». 2019. Выпуск 2 (76) [Электронный ресурс]. Fedorov A. Sovetskiye grazhdane v Ispanii vo vremya Grazhdanskoй voyny 1936–1939 gg.: problemy adaptatsii i povsednevnoy zhizni // Istoriya.

2019. Vypusk 2 (76) [Elektronnyy resurs]. [Ciudadanos soviéticos en España durante la Guerra Civil de 1936–1939: problemas de adaptación y vida cotidiana]

Фернандес-Эрес А.П. «Заставить их полюбить эту жизнь...»: Испанские детские дома в СССР (1937–1939) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 1(22). С. 63–71. Fernandes-Eres A.P. “Zastavit’ ikh polyubit’ etu zhizn’...”: Ispanskiye detskiye doma v SSSR (1937–1939) // Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul’turologiya. Vostokovedeniye. 2017. № 1(22). S. 63–71. [“Hacerlos amar esta vida ...”: casas infantiles españoles en la URSS (1937–1939)]

Фернандес-Эрес А.П. Испанские «дети войны» в 1941–1944 гг.: Опыт эвакуации в глубокий тыл // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3(2). С. 503–508. Fernández-Eres A.P. Ispanskiye “deti voyny” v 1941–1944 gg.: Opyt evakuatsii v glubokiy tyl // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. 2014. T. 16. № 3(2). S. 503–508. [“Niños de guerra” en 1941–1944: la experiencia de evacuación a la retaguardia]

Фернандес-Эрес А.П. Испанские детские дома в СССР как модель социальной адаптации (1939–1940) // Национальная ассоциация учёных. 2015. №9(14). С. 37–39. Fernández-Eres A.P. Ispanskiye “deti voyny” v 1941–1944 gg.: Opyt evakuatsii v glubokiy tyl // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. 2014. T. 16, №3(2). S. 503–508. [Casas infantiles españoles en la URSS como modelo de adaptación social (1939–1940)]

Фирсов Ф. Секретные коды истории Коминтерна: 1919–1943. М.: АИРО-XXI; Крафт+, 2007. Firsov F. Sekretnyye kody istorii Kominterna: 1919–1943. M.: AIRO-XXI; Kraft+, 2007. [Códigos Secretos de la Historia de la Internacional Comunista: 1919–1943]

Фирсов Ф. Секреты Коммунистического Интернационала. Шифропереписка. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. Firsov F. Sekrety Kommunisticheskogo Internatsionala. Shifroperepiska. M.: ROSSPEN; Fond “Prezidentskiy tsentr B.N. Yel’tsina”, 2011. [Secretos de la Internacional Comunista. Codificar la correspondencia]

Флотоводец: Материалы о жизни и деятельности Наркома Военно-Морского Флота Адмирала Флота Советского Союза Николая Герасимовича Кузнецова. М.: Садовое кольцо, 2004. Flotovodets: Materialy o zhizni i deyatel’nosti Narkoma Voyenno-Morskogo Flota Admirala Flota Sovetskogo Soyuz Nikolaya Gerasimovicha Kuznetsova. M.: Sadovoye kol’tso, 2004. [Comandante de la Armada: Materiales sobre la vida y el trabajo del comisario del pueblo de la Marina de Guerra el Almirante de la Flota de la Unión Soviética Nikolai G. Kuznetsov]

Хазанов Д.Б. Советская авиация и Гражданская война в Испании // ЭНОЖ «История». 2019. Выпуск 2 (76) [Электронный ресурс]. Khazanov D.B. Sovetskaya aviatsiya i Grazhdanskaya voyna v Ispanii // Istoriya. 2019. Vypusk 2 (76) [Elektronnyy resurs]. [La aviación soviética y la Guerra Civil en España]

Хормач И.А. СССР в Лиге Наций, 1934–1939 гг. М.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. Khormach I.A. SSSR v Lige Natsiy, 1934–1939 gg. M.: IRI RAN; Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017. [La URSS en la Sociedad de las Naciones, 1934–1939]

Хургес Л. Москва — Испания — Колыма: Из жизни радиста и зека. М.: Время, 2012. Jurges L. Moskva — Ispaniya — Kolyma: Iz zhizni radista i zeka. M.: Vremya, 2012. [Moscu — España — Kolyma: De la Vida de un Radista y un Convicto]

Царёв О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. Из архивов КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа. М.: Международные отношения, 1995. Tsarev O., Costello J. Rokovyye illyuzii. Iz arkhivov KGB: delo Orlova, stalinskogo mastera shpionazha. M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1995. [Fatal illusions. De los archivos de la KGB: el caso de Orlov, el maestro de espionaje estalinista]

Шауфф Ф. Проигранная победа. Советский Союз, Коммунистический Интернационал и Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017. Schauff F. Proigrannaya pobeda. Sovetskiy Soyuz, Kommunisticheskiy Internatsional i Grazhdanskaya voyna v Ispanii 1936–1939 gg. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2017. [Una Victoria Perdida. La Unión Soviética, la Internacional Comunista y la Guerra Civil española 1936–1939]

Шубин А. «Такой народ или победит, или умрет». Советские военные советники о гражданской войне в Испании // Родина. 2013. №8. С. 116–119. Shubin A. “Takoy narod ili pobedit, ili umret”. Sovetskiye voyennyye sovetniki o grazhdanskoy voynе v Ispanii // Rodina. 2013. № 8. S. 116–119. [“Ese pueblo ganará o morirá”. Asesores militares soviéticos sobre la Guerra Civil en España]

Carr E.H. The Comintern and the Spanish Civil War. New York: Pantheon, 1984.

Cattell D. Communism and the Spanish Civil War. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1955.

Dimitrov and Stalin, 1934–1943. Letters from the Soviet Archives. New Haven; London: Yale University Press, 2000.

Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–39. London; Basingstoke: Macmillan, 1984.

Howson G. Arms for Spain: The Untold Story of the Spanish Civil War. New York: St. Martin's Press, 1999.

International Solidarity with the Spanish Republic, 1936–1939. Moscow: Progress Publishers, 1975.

Kirschenbaum L.A. International Communism and the Spanish Civil War: Solidarity and Suspicion. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Kowalsky D. Stalin and the Spanish Civil War. New York: Columbia University Press, 2004.

Krivitsky W.G. In Stalin's Secret Service: An Expose of Russia's Secret Policies by the Former Chief of the Soviet Intelligence in Western Europe. New York: Harper Brothers, 1939.

Le livre noir du communisme: Crimes, terreur et repression. Paris: Éditions Robert Laffont, 1997.

Payne S.G. The Spanish Civil War, the Soviet Union and Communism. New Haven; London: Yale University Press, 2004.

Puigsech Farrás J. Entre Franco y Stalin: El difícil itinerario de los comunistas en Cataluña, 1936–1949. Barcelona: El Viejo Topo, 2009.

Puigsech Farrás J. Falsa leyenda del Kremlin. El consulado y la URSS en la Guerra Civil española. Madrid: Biblioteca Nueva, 2014.

Richardson R.D. Comintern Army: The International Brigades in the Spanish Civil War. Lexington: University Press of Kentucky, 1982.

Rybalkin Y. Stalin y España: la ayuda militar soviética a la República. Madrid: Marcial Pons Historia, 2007.

Spain Betrayed: The Soviet Union in the Spanish Civil War. New Haven; London: Yale University Press, 2001.

The Communist International, 1919–1943: Documents. Vol.III, 1929–1943. New York: Oxford University Press, 1965.

The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949. New Haven; London: Yale University Press, 2003.

Viñas Á. La soledad de la República: El abandono de las democracias y el viraje hacia la Unión Soviética. Barcelona: Crítica, 2006.

Volodarsky B. El caso Orlov: Los servicios secretos soviéticos en la Guerra Civil Española. Barcelona: Crítica, 2013.

Volodarsky B. Stalin's Agent: The Life and Death of Alexander Orlov. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Fedorov Andrey, investigador independiente, Oficina Arqueológica Metropolitana.

СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании: историографическое измерение

Данная статья представляет собой обзор избранной историографии по теме участия СССР в гражданской войне в Испании. Несмотря на то что в первую очередь анализируются работы российских авторов, значительное внимание уделено и трудам, опубликованным на английском языке. Рассматриваются и наиболее важные работы испанских исследователей. Также в статье представлен обзор и комментарии к опубликованным источникам.

Фёдоров Андрей Юрьевич, независимый исследователь, сотрудник Столичного археологического бюро.

TATIANA PIGAREVA

**EL GUERNICA DE PABLO PICASSO:
VELÁZQUEZ, GOYA, BALZAC Y LA GUERRA.
UN ENSAYO DE LECTURA INTERDISCIPLINAR**

Este ensayo sistematiza el análisis y la historia de la creación del *Guernica* de Picasso, según el método de lectura formulado en la epístola de Dante Alighieri a Cangrande de la Scalla: interpretación histórica, moral, alegórica y anagógica. La autora, junto con el estudio de los esbozos y las etapas de la creación del *Guernica*, de sus fuentes e interpretaciones, sugiere nuevas posibles interpretaciones del diálogo de Picasso con Velázquez y con Goya, y sobre todo con *La obra maestra desconocida* de Balzac; también analiza la presencia encubierta del color en la obra de Picasso que permite una lectura catártica del *Guernica*.

Pablo Picasso pintó el *Guernica* — un lienzo de 3.5 por 7.8 m — en 33 días. En ese momento tenía 55 años. De hecho, casi “a mitad del camino de la vida” (Dante consideraba 35 como “la mitad” de su camino, los números ríman), Picasso pintó su obra principal. Así como *Don Quijote* nació de la idea de un relato paródico, el *Guernica* estaba inicialmente destinado a ser una obra magna de *agitprop*. Una vez mencionado Dante, recordemos su idea de interpretación “reflexiva” de la poesía: desde el punto de vista histórico, moral, alegórico y anagógico (sublime). De la realidad del plan inicial a las realidades de un “orden superior”. Para acercarnos al *Guernica* merece la pena aplicar la óptica de Dante.

Interpretación histórica

En enero de 1937, el Gobierno de la República Española encargó a Picasso un trabajo monumental para el pabellón español en La Exposición Internacional de París, que debía inaugurarse en verano. En esos momentos, España estaba sumergida en una cruenta guerra civil. Picasso llevaba varios años residiendo en Francia de forma permanente, pero fue nombrado director del Museo del Prado. “Dirigía” el museo a distancia, orgulloso del cargo que ostentaba. Para el pabellón de un país en guerra (cuya tarea principal era mostrar la viabilidad de la República y recaudar fondos para el Ejército Popular), la participación de Picasso era de suma importancia. “Si tenemos a Picasso en cuerpo y alma, el impacto será mayor que una batalla ganada en el frente a los fascistas”, había dicho Juan Negrín, el último presidente del Gobierno de la República.

El “parisino español” nunca había pintado obras explícitamente políticas (*La paloma de la paz* es de 1949, y saldrá volando precisamente del *Guernica*), pero aceptó el encargo. Y también la remuneración. Los republicanos hablaban de un “regalo” de Picasso, ya que la República solo había pagado por el lienzo y las pinturas. Más tarde se publicaría la cifra real de los honorarios: 150.000 francos, el 15% del coste de todo el pabellón de España, nueve veces más de lo que Picasso había recibido por la obra más cara que vendiera hasta esa fecha.

Durante cuatro meses, el artista, sumergido en una crisis creativa, no había pintado nada. Hasta que Guernica entró en la historia — para ser más exactos, al contrario — cuando la historia había caído sobre la población vasca. El lunes 26 de abril de 1937, aviones alemanes de la Legión Cóndor, unidad aérea de la Luftwaffe al servicio de la causa franquista, bombardearon Guernica durante tres horas y media. La villa, símbolo de los fueros vascos (bajo el roble local los señores de Vizcaya y los reyes de España prestaban juramento, y se comprometían a respetar todas *las libertades y privilegios*), se convirtió — a partir de ese devastador ataque — en un símbolo de horrores de la guerra en el siglo XX. Los titulares de los periódicos parisinos clamaban: “Solo quedan cinco casas en Guernica”, “Una tragedia nunca vista en el mundo”. El número de muertos, según los últimos estudios, oscila entre 120 y 300 personas. Todo, por supuesto, es relativo. Trágicamente relativo. Guernica es un “daño menor” en comparación con el Holocausto o con Hiroshima, pero, al ser uno de los primeros bombardeos sistemáticos de una ciudad y su población civil en la historia de Europa, el ensayo de una guerra totalitaria, adquiere una extraordinaria carga simbólica.

En los textos de historia del arte se repite el mismo error: el Gobierno de la República no encargó a Picasso una obra sobre la tragedia de Guernica, el encargo se produjo cuatro meses antes del bombardeo, sin especificar el tema. Pero Guernica, como recordaría Rafael Alberti, “había golpeado a Picasso como una cornada”. Se convirtió en un catalizador, en una explosión que sacaría a Picasso de su crisis y lo lanzaría al trabajo. El 1 de mayo aparecía el primer esbozo: un toro, un caballo herido, una mujer con una lámpara en la mano. Un dibujo de sencillez ejemplar. Los detalles de bocetos van variando. En algunos, el Pegaso alado sale volando de la herida en el costado del caballo y ése se retuerce de dolor; en otros, el caballo espantado pisa al guerrero herido, convirtiéndose luego en un garabato infantil, un caballito enojado (fue en esa época, cuando Picasso soñaba con “pintar como un niño”). Luego, el mismo caballo se alza con una mueca horripilante. El toro tiene tanto una apariencia amenazadora, como distante e impasible, en algunos dibujos muy humana, con grandes ojos tristes. El primer día, Picasso realizó cinco bocetos, pero el ritmo iba *in crescendo*. Además del trío inicial, aparecieron los cuerpos postrados de una mujer y de un guerrero, una madre sollozando con un niño muerto, una figura que clamaba al cielo. El propio Picasso dijo que había trabajado en un “estado de trance”, sin parar, durante 14 horas al día. “No solté mis pinceles, como los soldados republicanos no sueltan sus armas”, admite en una entrevista. El primer boceto de toda la composición está fechado el 9 de mayo. El 11 de mayo, Dora Maar, la musa de Picasso de la época del *Guernica*, saca foto de la primera composición llevada a un lienzo en el nuevo taller de la Rue des Grands Augustin, 7. Sus imágenes reflejaron las ocho fases del trabajo y la serie de fotografías sería un testimonio único: un monumento a la transformación de una idea inicial y del nacimiento de una obra maestra.

La primera fotografía enfatiza en el centro de la composición el puño levantado de un soldado herido pero triunfante, una metáfora visual del eslogan republicano “No pasarán”. La acción se está desarrollando en la plaza, las llamas envolviendo la casa, los cuerpos de las víctimas entremezclándose, una mujer aterrorizada tropezando con una mujer asesinada, mientras la otra, envuelta en llamas, extendiendo los brazos en un gesto desesperado. Todo volando, corriendo y desmoronándose. En la segunda imagen, un haz de trigo aparece en el puño musculoso del soldado con un sol naciente al fondo.

Pero a medida que avanza el trabajo, las declaraciones políticas directas y el lenguaje cartelista van abandonado la creación. En lugar del sol, aparece un misterioso y ambiguo ojolámpara con rayos de luz que se asemejan a pestañas. Por otro lado, la posición del soldado muerto sufre un cambio: cae el puño y el cuerpo con los brazos extendidos parece hacer referencia al crucifijo. La mujer muerta desaparece y en la composición se articulan los triángulos y la composición del friso con una rítmica formal *cuasi* clásica. El toro se desplaza del centro al lado izquierdo, acurrucado en semicírculo alrededor de la mujer con un niño en sus brazos. Y en lugar de un árbol cortado (la única referencia directa — y rápidamente desaparecida — a *Guernica* misma) aparece la esquina de una mesa con un pájaro herido. La acción se traslada a un espacio interior, simbólico y distorsionado, con un suelo cuadriculado (¿a la manera de un mapa de operaciones militares?) y el tiempo se congela.

Hasta el último momento, Picasso trató de introducir elementos de color en su obra: pegó lágrimas rojas en algunos rostros y confeccionó vestidos de papel abigarrado para tres mujeres (la que se está quemando, la que va corriendo y la que está sollozando ante su niño). La túnica roja con arabescos dorados de la madre con el hijo muerto, felizmente descartada, sería reutilizada posteriormente para *Femmes à leur toilette*, que adornan la residencia del embajador francés en Madrid (basta ver ese collage, para entender que el duende del *Guernica* la acabaría salvando del mal gusto). En las primeras etapas del trabajo, la mujer corriendo con las nalgas desnudas era representada con un pedazo de papel higiénico en la mano. Este detalle grotesco se correspondía, por así decirlo, con la serie de grabados satíricos, *Sueño y Mentira de Franco*, que Picasso estaba terminando al mismo tiempo. En una de las últimas versiones del *Guernica*, en lugar del papel dibujado, aparecía un pedazo de papel higiénico real pegado a su mano izquierda. A medida que nos vamos llegando a la obra final, solo quedan fragmentos mínimos de color: lágrimas rojas en la mejilla de la mujer corriendo y herida en el cuello del niño muerto.

En junio, una delegación del Gobierno Republicano inspecciona el trabajo. En su presencia, Picasso arrancó los últimos elementos del collage del lienzo: dos trozos de papel rojo, una lágrima y una herida. Los asistentes aplaudieron. “Vimos cómo el *Guernica* logró una tremenda moderación, digna de la sobriedad del Monasterio de El Escorial, pero inmersa en el horror del caos”, recordó uno de los testigos.

El título de *Guernica* aparecería tan solo hacia el final del trabajo. Hay quien afirma que una delegación de políticos vascos visitó el taller de Picasso y uno de los presentes exclamó: “¡Esto es *Guernica*!”. Otros testigos consideran que el nombre fue propuesto por Paul Éluard, que estaba escribiendo el poema *Victoire de Guernica*, o por Christian Zervos, el fundador de la revista *Cahiers d'Art*, que encargó a Dora Maar la mencionada serie de fotos de las etapas de la creación del *Guernica*. Sea como fuere, lo realmente importante, es que Picasso se había ido alejando en su composición de la relación con el hecho histórico concreto, aunque aceptara el título (extremadamente llamativo), dando pie así a discusiones posteriores.

El 4 de junio la obra abandonó el taller para ocupar su lugar en el Pabellón de España. A partir de ese momento, empieza a ser objeto de debates encendidos. Los marxistas más fervorosos exigieron que se quitara ese “engendro cubista”. Louis Aragón lamentó que la excesiva inclinación hacia la vanguardia privara a la obra de la “eficacia semántica del

realismo socialista”. La reacción del público fue ambigua. Le Corbusier, que estuvo presente en la apertura del pabellón, recordaría más tarde que el *Guernica* había parecido repulsivo a los visitantes, y que solo vio, en la mayoría de los casos, a espectadores, “dándole la espalda” al cuadro. El tiempo establecería el prisma de la percepción. En 1937, la Europa pacífica quería ver algo diferente: el progreso, el triunfo de la tecnología, un futuro brillante que aún no se había transformado en aquellas *cumbres abismales* (citando a Alexander Zinóviev) que Picasso ya divisaba en su *Guernica*. La prensa escribió con entusiasmo sobre los pabellones de Alemania y de la URSS (ese último coronado con el monumento *Obrero y Koljosiana*), mientras que el pabellón español, construido por los destacados arquitectos Luis Lacasa y José Luis Sert, ni siquiera era mencionado en el catálogo de los “principales expositores”.

Acabada la Exposición Internacional de París, el *Guernica* realizó una gira mundial por Inglaterra, Escandinavia, Estados Unidos y, posteriormente, encontró una residencia temporal, “hasta la llegada de la democracia a España”, como pidiera Picasso, en el Museo de Arte Moderno de Nueva York. A principios de la década de los 70 del siglo pasado, empezó a considerarse el regreso de la pintura a España. Según parece, Franco no se oponía. No obstante Picasso, como era de esperar, declinó. Tras largas negociaciones (la hija de Picasso exigía que antes de trasladar el cuadro, se permitiera el aborto y el divorcio en España), el 10 de septiembre de 1981 el *Guernica* llegó a España a bordo del avión *Lope de Vega*. La dramática historia se llegaba a su fin. El 25 de octubre, el día del centenario del nacimiento de Picasso, se inauguró una nueva exposición en el Casón del Buen Retiro, una sucursal del Museo del Prado, con el *Guernica* y una docena de bocetos. Durante los primeros años la pintura estuvo protegida por un vidrio blindado y la policía vigilaba la obra *in situ*. Dolores Ibárruri, presidenta del Partido Comunista de España, señaló en un discurso a tenor de la llegada del cuadro a España: “La guerra ha terminado. El último exiliado ha llegado a casa”. En 1992, el *Guernica* se trasladó del Prado al Museo Nacional Centro de Artes Reina Sofía y se convirtió en su pieza principal y más icónica. En la actualidad dos vigilantes la protegen rigurosamente de los fotógrafos.

Interpretación moral

Cuando el mundo experimentó los horrores de la Segunda Guerra Mundial, el *Guernica* adquirió un nuevo significado. El título de “la principal obra maestra antibélica del siglo XX” suena quizá algo grandilocuente, pero recoge en gran medida la esencia del cuadro. En el contexto del arte español, la obra clave de Picasso se alineó con *La rendición de Breda* de Velázquez y *Los fusilamientos del 3 de mayo* de Goya.

El sueño de Miguel Zugaza, director del Prado hasta marzo de 2017, fue la creación de la Sala de la Paz en el Salón de Reinos, la segunda sucursal del Museo: allí se ubicarían esas tres obras maestras — de Velázquez, Goya y Picasso. En la maqueta de los ganadores del concurso de reconstrucción, Norman Foster y Carlos Rubio, quedaba plasmado este proyecto (así como la voluntad del propio Picasso de que su obra “llegara del exilio al Prado”), lo que se acabó en crear una tensión entre museos. El Rey de España aseguró que el *Guernica* no abandonaría al Museo Nacional Centro de Artes Reina Sofía, y, pronto después, Zugaza dimitió. El fiasco con la Sala de la Paz fue, sin duda, una de las razones.

La rendición de Breda fue pintada en 1635, trescientos años antes que el *Guernica*. El cuadro representa a Justino de Nassau, gobernador de la ciudad de Breda, tomada por los

españoles tras un largo asedio, — fue una de las pocas victorias en la guerra con los Países Bajos y clave para elevar el ánimo de las tropas españolas — que entrega las llaves de la ciudad al general español Ambrosio Spínola. Al fondo de la imagen, el campo de batalla está humeando, pero vencedores y vencidos fueron pintados por Velázquez con el mismo grado de respeto y distanciamiento que los aristócratas y los bufones en sus otras pinturas. Los españoles triunfaron, pero Spínola no permite que el gobernador se arrodille, la guerra tiene todavía su ceremonial. A Velázquez le interesa no tanto el horror de la masacre, como la nobleza de la verdadera victoria. El mundo aún no ha perdido su integridad, la guerra todavía es digna de un retrato ceremonial.

Goya sí encarna la guerra como un mal metafísico. Los espíritus malignos de sus *Caprichos* y soldados de *Los desastres de la guerra* tienen el mismo semblante demoníaco. Las unidades de franceses que pasan por las armas a rebeldes en *Los fusilamientos del 3 de mayo*, se fusionan en un cuerpo monstruoso sin rostro y de muchas patas. Pero más allá de la colina del Príncipe Pío, escenario de la atrocidad, se levantan los palacios y las iglesias de Madrid. La materia del universo existe a pesar de todo, el mal es transitorio. Un hombre intrépido con camisa blanca levanta las manos. Este es el triunfo del crucifijo, pero un triunfo a fin de cuentas.

Picasso da un paso más allá. Es una visión profética, trágica e irresoluble, y una advertencia para la humanidad. La obra se adelantó a su tiempo, divisó el horror metafísico de la Segunda Guerra Mundial, de Hiroshima, de todas las inminentes masacres y ataques terroristas que desde entonces se encuentran en el *campo de gravedad* del *Guernica*. No es cubismo ni surrealismo: es el caos, es la aniquilación de la materia misma.

La mujer que aparece en llamas en el *Guernica*, tiene los brazos levantados como el héroe con camisa blanca de *Los fusilamientos* de Goya (en los bocetos, Picasso cambió la posición de las manos de la mujer varias veces hasta detenerse en préstamo obvio). Es un detalle más que comentado. Pero, según parece, nadie ha prestado la atención al detalle de que el toro en el *Guernica* ocupa una posición semejante a la del caballo en *La rendición de Breda* de Velázquez. En el flanco izquierdo del *Guernica* aparece Goya, a la derecha, Velázquez. Quizás sea una casualidad, pero de esas coincidencias que “habría que crear” para que dejaran de serlo. Las tres épocas, esas tres lecturas de la guerra — aunque no se hayan encontrado en la Sala de la Paz — son inseparables tanto en la historia del arte, como en la visión de la Historia Universal.

Interpretación alegórica

Las interpretaciones y lecturas del *Guernica* crean todo un coro polifónico que más parece una cacofonía, un choque de opiniones contradictorias. ¿Qué significan sus nueve personajes simbólicos, seis seres humanos y tres animales? La madre con el hijo muerto es la ciudad de Madrid. ¿El caballo, es una víctima ensangrentada también? Es el pueblo que ha rechazado a su jinete aristocrático. ¡No, es la alegoría del franquismo condenado y nada más! ¿Qué elemental, es la alegoría de una mujer seducida y atravesada por la espada de la traición! No ¡es España en sí misma! ¡Estáis equivocados, España es un toro! ¡No, el toro son las fuerzas del mal, el mal universal, el fascismo! Exactamente lo contrario: él es el defensor de una mujer con un hijo, es el poder y la fuerza indomable de la resistencia.

Este es el Minotauro, el macho, el propio Picasso, un autorretrato, ¡está clarísimo! Y la República con el niño en brazos implora por su ayuda. Esperad, el autorretrato es el busto

del guerrero, Picasso adoraba la antigüedad. No, el guerrero es el torero, es el soldado de la República, ¡no, es la civilización europea arruinada! Nada de eso, una civilización en ruinas es la casa en llamas. No, la ruina está plasmada en el pájaro herido.

¡Todo es mucho más simple: es una paloma de la Plaza de la Merced de Málaga, donde Picasso pasó su infancia; su padre pintaba palomas. ¿No habéis visto los bocetos? ¡Esta es la transformación de Pegaso que salió volando de la herida del caballo en las primeras versiones! ¿Dónde está el pájaro? Ni siquiera puedes verlo...

Al principio, los republicanos intentaron luchar contra la complejidad alegórica de la obra. Juan Larrea, poeta y amigo de Picasso, le escribió incluso una carta oficial en 1947 pidiéndole una “declaración” fechada y firmada de que el caballo herido “representa alegóricamente al franquismo” agonizante (¿resultaría posible imaginar a Florencia pidiéndole a Dante una confirmación por escrito de que el león a la entrada del infierno era la República y el lince, la Curia Romana?).

La obra carecía de una claridad necesaria para un combate ideológico. Para acceder a la eternidad, era más que suficiente. Picasso respondió a todas las preguntas sobre el simbolismo de los personajes señalando que ya lo había dicho todo mediante colores, por lo que las palabras eran superfluas. La pluralidad de alegorías no eclipsa, sino que enriquece su significado.

El campo semántico del *Guernica* concentra toda la obra de Picasso: *Las señoritas de Avignon* y las escenas taurinas, *La Minotauromaquia* y *La Crucifixión*, las composiciones triangulares del período azul y los ángulos agudos del cubismo. La novedad formal del *Guernica* no excluye ecos de *El Juicio Final* de Miguel Ángel, del *Comentario al Apocalipsis* del Beato de Liébana, de mosaicos de Rávena, de pinturas románicas, de imágenes de Baldung Grien, de *La Crucifixión* de Pordenone (el cuello alargado de la mujer del quinqué es el otro de préstamos evidente) y de *Los horrores de la guerra* de Rubens (allí uno encuentra también a una mujer con las manos levantadas, a una madre con un niño muerto, a un hombre postrado y a una Venus estirando una mano cuya postura se asemeja mucho a la “máscara” del quinqué).

En el coro alegórico, la vida personal de Picasso participa explícitamente con su magnífico trío. Durante el período de trabajo en el *Guernica*, estaba casado oficialmente con Olga Jojlova, pero la joven Marie-Thérèse Walter acababa de dar a luz a su hija Maya, y la nueva musa Dora Maar participaba de manera más que activa en el proceso creativo. Y el toro (que evoca los autorretratos de Picasso) mira a la mujer que está en llamas (¿Olga Jojlova?), a la mujer con el niño (¿Marie-Thérèse Walter?) y a la “máscara” que ilumina el cuadro (¿Dora Maar?). Igualmente, este toro-Minotauro se encuentra junto a un rectángulo en la parte izquierda del cuadro, en una posición que recuerda a Velázquez en *Las Meninas*. ¿Qué hay en la parte posterior del lienzo? Un enigma eterno y por ello sublime.

Interpretación anagógica

Mientras Picasso conversaba con Paul Éluard en el legendario café *Les Deux Magots* en la plaza Saint Germain, vio a una mujer con guantes blancos (hay quien opina que eran negros) jugando con una navaja. Hacía saltar el filo entre los dedos, no siempre acertaba y la sangre chorreaba por su mano. Fascinado, Picasso le pidió sus guantes manchados de sangre. Así fue el encuentro con Dora Maar. Fue ella quien había encontrado un gran taller para Picasso en la casa número 7 de la Rue des Grands-Augustins, necesario para que cupiera el enorme

lienzo del *Guernica*. En ese estudio se llevaban a cabo reuniones del grupo izquierdista *Contre-Attaque*, liderado por Georges Bataille, amante de Dora Maar, antes de que empezara su relación con Picasso. Y ese mismo ático, la “sede” de *Contre-Attaque*, fue descrito por Balzac en *La obra maestra desconocida*. ¡Una coincidencia más que simbólica! El *Guernica* se creó en el taller donde Balzac había situado la acción de la novela en la que, en 1831, predijera el nacimiento de la pintura de vanguardia, del arte abstracto, describiendo el retrato de *La Belle Noiseuse*. “Colores confusamente amontonados y contenidos por una multitud de extrañas líneas que forman un muro de pintura... un caos de colores, de tonalidades, de matices indecisos, de aquella especie de bruma sin forma”, — es lo que queda de la obra maestra, en la que el personaje de Balzac, el genial pintor Frenhofer, había trabajado durante 10 años.

En la fachada de esta casa parisina luce la placa memorial: “Picasso vivió aquí desde 1936 hasta 1955. En este taller pintó el *Guernica*”. En la misma casa, Balzac situó la acción de su novela *La obra maestra desconocida*. Este hecho es conocido, pero nadie, hasta donde sabemos, se había fijado hasta ahora en un detalle del texto. Los protagonistas de Balzac, Nicolas Poussin y su maestro, estupefactos ante ese fruto vanguardista de la búsqueda incontenible de la perfección, notan en la esquina derecha del lienzo “el extremo de un pie desnudo, un pie delicioso, un pie vivo”, “un fragmento librado de una increíble, de una lenta y progresiva destrucción”, que aparece allí “como el torso de alguna Venus de mármol de Paros que surgiera entre los escombros de una ciudad incendiada”. ¿Qué vemos en la esquina derecha del *Guernica*? Un pie femenino, repugnante, lisiado, deforme. Es un fragmento de *La Belle Noiseuse* del siglo XX.

Es la *Noiseuse* del *Guernica*. Una coincidencia así no puede ser accidental. En 1927, Picasso había ilustrado *La obra maestra desconocida* de Balzac y conocía bien el texto. Al igual que Frenhofer, Picasso no pudo dar por concluido el trabajo sobre su obra maestra. Durante años, crea “bocetos” para la obra ya finalizada, interminables *mujeres llorando*, algunas de ellas más aterradoras que las del *Guernica*. El encuentro de dos obras maestras, la de Balzac y la de Picasso en la Rue des Grands-Augustins, 7, no podía no haber tenido lugar. Ésa es la historia sobre lo infinito y lo incompleto en el arte. Sobre la imposibilidad de alcanzar el ideal y su encarnación, sobre la sordera ante la profecía. Sobre la misión del artista. Sobre el dolor de la falta de comprensión. Sobre el caos amenazante. Es decir, sobre lo más importante en el *Guernica*.

Sin embargo, los escolásticos medievales correlacionaban la interpretación “anagógica”, sublime, de los textos con la esperanza. El *Guernica* fue pintado en blanco y negro, pero la mayoría de la gente recuerda el cuadro como un cuadro en color. Es otro más de sus misterios. Los colores están vivos, pero ocultos bajo el terror de una destrucción color ceniza. Picasso sitúa tres fuentes de luz en un espacio cerrado: una bombilla-ojo, una vela-quinqué y una ventana de una casa ardiendo. Amarillo, rojo y azul — los tres colores primarios de los que nacen todos los colores del arco iris, todos los colores del mundo — y una flor brotando al lado de una espada rota. Puede ser que la historia de colores ocultos del *Guernica* sea una parábola contada por Picasso que sugiere que la vida, pese a todo, vence a la muerte de una forma incomprensible para la ciencia.

Tatiana Pigareva, Doctora en Filología, gestor cultural del Instituto de Cervantes en Moscú.

**«Герника» Пабло Пикассо: Веласкес, Гойя, Бальзак и Война.
Опыт междисциплинарного прочтения**

Статья-эссе систематизирует историю написания и интерпретации «Герники» Пикассо в соответствии с «многоуровневым» принципом анализа, изложенным Данте в письме к Кангранде делла Скала: историческим, моральным, аллегорическим и анагогическим. Наряду с анализом набросков и этапов написания «Герники», источников влияний и истории её восприятия, автор предлагает ряд новых интерпретаций диалога Пикассо с Веласкесом и Гойей, но прежде всего — с «Неведомым шедевром» Бальзака, а также анализирует скрытое присутствие цвета в работе Пикассо, дающее возможность для «катартической» интерпретации «Герники».

Татьяна Ивановна Пигарёва, кандидат филологических наук, руководитель Отдела культуры Института Сервантеса в Москве.

ELENA ASTAKHOVA

LA ESPAÑA DESPUÉS DE LA GUERRA
A TRAVÉS DE LA PELÍCULA
“CANCIONES PARA DESPUÉS DE UNA GUERRA”

El documental del famoso director español Basilio Martín Patino *Canciones para después de una guerra*, filmado en 1971 por encargo del Gobierno de Franco y permitido para ser proyectado solamente en 1976, se basa en los documentos de archivo y testimonios de la época desde el final de la Guerra Civil, el 1° de abril de 1939, hasta principios de la década de los 1950. A través de una especial visión, sin comentarios textuales y acompañado con melodías y canciones populares de la posguerra, se presenta el estado de la sociedad que sobrevivió la Guerra Civil, la sociedad en que los vencedores celebran el triunfo, que se ha convertido en la derrota para la historia de España a lo largo de 40 años. En la película el director muestra casi todas las áreas de la vida, la situación internacional de España, se habla de la imagen de Rusia (Soviética). Al aprovechar materiales de la propaganda franquista, combinando los documentos históricos y la música, el director creó una película acusatoria y antifascista.

Venceréis, pero no convenceréis
Miguel de Unamuno

En la actual discusión en torno a la Memoria Histórica ocupan un lugar especial los testimonios documentales sobre la Guerra Civil y la posguerra. Este artículo está dedicado a la película documental del destacado director español, Basilio Martín Patino (1930–2017), *Canciones para después de una guerra*¹.

Merece interés especial analizar ese material cinematográfico desde varias ópticas: ver el retrato documental de la realidad y algunos episodios concretos de la época de guerra y posguerra, investigar la importancia del impacto emocional del arte en la conciencia colectiva, estudiar el original lenguaje cinematográfico usado por el director para transmitir su visión al espectador.

A la tragedia de la Guerra Civil en España, que afectara a millones de personas dentro y fuera del país, se dedicaron numerosas películas, documentales y de ficción, pero, no hay ninguna tan impactante como la mencionada, tan atípica y expresiva, que a través de las imágenes y temas musicales de la época transmite la memoria histórica sentimental.

El documental *Canciones para después de una guerra* fue rodado en 1971 a base de documentos de archivos proporcionados por el aparato propagandístico franquista, pero se estrenó solamente en 1976, después de la muerte de Franco. La paradoja de la película, realizada por encargo del Gobierno radica en que su tono resulta profundamente acusatorio y antifascista, y el espectador se da cuenta de que *los vencedores* en la Guerra Civil son perdedores desde la perspectiva histórica.

¹ Martín Patino B. *Canciones para después de una guerra*. Producción: La Linterna Mágica, 1971.

Lamentablemente, esa obra de Basilio Martín Patino considerada en su época clásica e icónica ha sido casi olvidada y es desconocida por nuevas generaciones de los españoles. Durante muchos años después de la Transición y la consolidación de la democracia, en España se prefería evadir el tema de la división del país entre *los vencedores* y *los vencidos*. Sólo en los últimos años, a raíz de varias razones, esa tácita prohibición resultó quebrada. Las contradicciones sociales acumuladas se manifestaron en forma de acciones de protesta de *los indignados*, la formación de nuevos partidos, la aprobación de la Ley de Memoria Histórica, una dura lucha político-electoral y parlamentaria, la influencia creciente de las redes sociales, la reciente decisión del Gobierno del PSOE (2018) sobre el traslado de los restos mortales de Franco del Valle de los Caídos, ésas y otras circunstancias hicieron que el tema de la interpretación del pasado artificialmente olvidado se hubiera convertido en un tema candente.

La película *Canciones para después de una guerra* creada como un *documental y musical*, casi sin comentarios de la voz del autor, se construyó exclusivamente a base del montaje de fragmentos de archivos, fotografías, titulares de periódicos, imágenes del famoso *NO-DO*². Se usan extractos de espectáculos, escenas en la calle y en los estadios, en fábricas y colegios, pasajes en las plazas de toros, imágenes en las colas por los alimentos, en los desfiles de moda y otros actos sociales. Las formas en blanco y negro se acompañan con las melodías emblemáticas, las coplas y canciones de posguerra, de la época en que el país dividido intentaba curarse de las heridas de la contienda sangrienta.

El director muestra la realidad de la España de posguerra desde 1939 y hasta los inicios de los 1950. El cineasta abarca los aspectos más diversos de la vida de una sociedad dividida, humillada, reconciliada, dolida, pero, a la vez, solidaria.

En el montaje Basilio Patino recurre a la combinación de planos, técnicas especiales de superposición de imágenes, colores monocromáticos, aceleración o ralentización de secuencias, figuras geométricas, caricaturas, animación y otras técnicas propias del *cine nuevo* de los 1970. El hombre y los hechos aparecen encuadrados en un sistema de la acción continua de formas organizadas por el montaje, que constituyen una unidad composicional. Es obvio que el director español conoce el legado teórico de Serguéi Eisenstéin y, especialmente, del famoso director documentalista soviético Dziga Vértov, quien fue el primero en combinar las técnicas de filmación y de montaje: ángulos torcidos, grabación reflejada, cámara rápida y lenta, yuxtaposición de una o más imágenes. Vértov descubrió la manera de transmitir ideas por los medios meramente cinematográficos: a través de las complicadísimas técnicas de combinación visual y montaje asociativo.

Son el arte del montaje y el “trasiego” rítmico de imágenes los que sirven a Basilio Patino de herramienta para analizar a fondo la realidad cotidiana de la España de posguerra. La concentración de soluciones de montaje junto con la música genera una “sinfonía de significados”. Ninguna imagen es casual sino está encajada en cierta serie asociativa. Es el montaje que llena de significado la rápida sucesión de secuencias.

A través del “ojo de mosaico” se observa la vida de posguerra: la familia y su rutina, el papel de la mujer y juegos de los niños, la presencia de la religión en la sociedad, formas de la educación, los acontecimientos internacionales.

² NO-DO — Noticiarios y Documentales, un noticiero semanal del régimen franquista que se proyectaba obligatoriamente en los cines españoles antes de la película en sí, entre 1942 y 1981.

Además de los materiales cinematográficos facilitados por la censura franquista, tales, por ejemplo, como el desfile en Madrid de los nacionales saludados por una jubilosa multitud, o el reparto de alimentos a la población, o la publicidad de nuevos productos, o glamurosas fiestas y la vida cómoda de la nueva élite, vemos las desgarradoras imágenes de bombardeos, ciudades y pueblos arruinados, sufrimiento, hambre y miedo ante las represalias en los ojos de la gente común, caras de los niños huérfanos, trabajo de los presos en la construcción del Valle de los Caídos, también cruces en las tumbas de los soldados de la División Azul.

La banda sonora aumenta el impacto emocional de la película. La combinación de la música e imágenes crea un espacio de significados metafóricos que involucra al espectador.

El director usa la singular técnica de combinar el material documental de corte político, con la música que, a primera vista, no se corresponde con el contenido de secuencias, lo cual permite adivinar el mensaje oculto del autor: la acérrima crítica del régimen. Por ejemplo, bajo el acompañamiento de una balada de amor andaluza, *La bien pagá*, se visualizan las escenas de miseria y dolor de la población, nada más acabada la Guerra Civil. Las canciones alegres, como *Salud, dinero y amor, A lo loco, a lo loco* contrastan con las fotos de los pueblos en ruinas, cárceles y, a la vez, se ven las fiestas y diversiones de *los vencedores*.

El autor utiliza diferentes mensajes indirectos: un tranvía solitario que cruza las calles destruidas, prisioneros que tolean vestidos con la ropa de presos, bailes y bromas de los payasos, lo que acentúa la visión de un país dividido y dolido.

El discurso franquista atribuía una gran importancia a los valores españoles clásicos: fiestas y bailes populares, toros, procesiones religiosas, días de los santos. Igual como el talentoso escritor va revelando el dramatismo de la narración en unos diálogos aparentemente insignificantes de sus personajes, el director Basilio Patino toca las emociones del espectador montando fragmentos de zarzuelas o comedias populares. El documental contiene muchas grabaciones “alegres” de estos actos, pero ellos se combinan con los primeros planos de caras de niños mendigos, ojos de los viejos desesperados, colas de las mujeres vestidas de luto.

El director no hizo caso omiso a los importantísimos acontecimientos internacionales de la época que se presentan en la película a través de los titulares de periódicos: el cineasta muestra la reacción de los franquistas ante los bombardeos de Gran Bretaña, los cuadros de la ocupación de Polonia, el avance de los nazis hacia el Este. Son elocuentes las filmaciones del único encuentro entre Hitler y Franco, los aliados “espirituales”, según Franco, que tuvo lugar en octubre de 1940 en la frontera franco-española, en la estación de Hendaya³. La no participación formal de España en la Segunda Guerra Mundial no se definía por los franquistas como “neutralidad”, sino como “no beligerancia”, o, como se suele definir en la historiografía rusa, “neutralidad armada”. Se sabe que ambas partes quedaron insatisfechas con los resultados de la reunión: Hitler no consiguió que Franco hubiera consentido que España entrara en la guerra, mientras Franco, quien temía que el país dividido y destruido no soportara penas de una guerra más, se esforzaba por aplazar semejante decisión. La solución sugerida fue la creación de la División Azul y el envío de los llamados *voluntarios* españoles al Frente Oriental para “luchar contra el comunismo y la masonería” bajo el lema “¡Rusia es culpable!” (sin que España hubiera declarado la guerra a la URSS). Este lema se hizo famoso por primera vez en el mitin en Madrid, el 24 de junio de 1941, justo después de que Hitler

³ España en la Segunda Guerra Mundial // Revista de historia de España. 2018, N 10. P. 28, 92.

había atacado la URSS, en el discurso del entonces ministro de Asuntos Exteriores, falangista y seguidor de Hitler, Ramón Serrano Súñer⁴.

El documental muestra multitudes de jóvenes españoles que se alistaban con entusiasmo en la División Azul (azul por el color de las camisas de falangistas), que pasó a ser la 250ª División de Infantería de Wehrmacht. Se apresuraban a ser enviados a Rusia, a la URSS, para desfilar por la Plaza Roja. No había dudas en cuanto a la victoria de Hitler cuando se unían al resto de los ejércitos nazis hacia el asalto de Moscú. Cantaban una copla del “voluntario alegre”, convencidos de una rápida victoria sobre la URSS: *Voluntario alegre que a Rusia te vas con rancho de hierro para caminar. Voluntario alegre que a Rusia te vas llevando contigo un gran ideal. Cuando volvamos a España todo el mundo nos dirá: ¿cómo has engordado en Rusia de comer tanto foie-gras?*

Otra marcha era del mismo sentido: *Ahora que Franco ha ganado la guerra, volveremos a empezar, tomaremos Gibraltar. Tómalas así un día, tómalas así un dos. Cuando entremos en Moscú, tomaremos un vermú. Si necesitamos tierra, tomaremos Inglaterra... Rusia es cuestión de un día para nuestra infantería...*

El envío de los soldados españoles al frente de Leningrado fue para ellos una gran desilusión, soñaban con el paseo cerca del Kremlin, aunque seguían cantando coplas: *Al entrar en Leningrado, tomaremos un helado... Tómalas así un día, tómalas así un dos.*

Pero en 1944, después de duros combates, frío, hambre y muerte de compañeros, las coplas del “voluntario alegre” obtuvieron otro sentido: *Voluntario alegre que a Rusia te vas marchar has marchado, ¿cuándo volverás?*⁵

De los 47.000 efectivos de la División Azul, perdieron la vida en combates unos 5.000, muchos desaparecieron o fueron heridos, 372 personas pasaron por los campos soviéticos de prisioneros de guerra y regresaron a España en 1954 en el barco griego *Semiramidis*, en la película hay cuadros de este regreso que son de fuerte impacto emocional.

El cambio del equilibrio de fuerzas en el frente y la presión por parte del Reino Unido y EEUU, hizo que la idea de la presencia de los españoles en el Frente Oriental terminara disipándose y en 1944 las últimas unidades de la división regresaron a España⁶. Al mismo tiempo, hay que recordar que, a pesar de diversas razones que empujaban a alistarse en la 250ª División de Wehrmacht, los regimientos españoles estaban presentes en el Frente de Leningrado y participaron activamente en el asedio cruel de la ciudad. Al mismo tiempo en las unidades del Ejército Rojo, luchaban los jóvenes españoles republicanos, muchos de los que dieron sus vidas combatiendo contra el nazismo⁷.

La imagen de Rusia ocupa un lugar especial en la película y no es de extrañar. Ya al principio del documental vemos cómo arrancan los retratos de Marx, Lenin, Stalin, los carteles republicanos de agradecimiento a la URSS por la ayuda; les sustituyen gigantes retratos del caudillo. Pasan volando crónicas militares: la ofensiva de los carros blindados soviéticos, pueblos rusos arruinados, soldados españoles congelándose en el frente. La desesperación de *los voluntarios*, a los que en España hacen paquetes con alimentos y regalos navideños para enviar al Frente Oriental, se acentúa con los paisajes invernales y

⁴ Reverte J.M. La División Azul: Rusia, 1941–1944. Barcelona: Editorial RBA Libros, 211. P. 54–55.

⁵ Ibid. P. 127.

⁶ Ibid. P. 551.

⁷ España en la Segunda Guerra Mundial // Revista de historia de España. 2018, N 10. P. 19.

desérticos en blanco y negro. “Silencio, un silencio agobiante, esto recuerdo de aquellas nieves. Solo el blanco y el negro, el frío y no hay esperanza”, pronuncia una voz en *off* sobre el fondo de una triste melodía romántica, este es prácticamente único comentario textual en toda la película.

Después de la Segunda Guerra Mundial la rusofobia sigue presente en el discurso ideológico de la España franquista lo que muestra el director montando fragmentos de los titulares de los periódicos y haciendo entender al espectador que la imagen del enemigo exterior es imprescindible para desatar represalias y disculpar los problemas internos. Unos ejemplos: “Rusia es culpable de los bombardeos de Gran Bretaña”, escriben los diarios en los 1940; “ahora incluso los rusos nos envidiarán”, después de la admisión de España a la ONU en 1955. En los titulares, leemos también que “los rusos explotan dinamita en las minas haciendo pasar estas explosiones por la bomba atómica”, sabiéndose ya en todo el mundo que la URSS había probado la bomba nuclear. Pero en España: “El papá me decía que era imposible, los rusos son muy brutos”. (Digamos en *paréntesis* que la cómoda frase “Rusia es culpable” sigue usándose activamente en el discurso contemporáneo de algunos políticos y medios españoles).

Tras la derrota del nazismo y el fascismo en la Segunda Guerra Mundial, el franquismo busca a un aliado fuerte y lo encuentra en EEUU lo que también está reflejado en el documental. La llegada del nuevo embajador de EEUU, la construcción de la base militar en el territorio español (1953), la admisión de España en la ONU (1955) lo que significaba el fin del aislamiento internacional se muestran a través de las grabaciones de los jubilosos bailes, la euforia total, la publicidad de Coca-Cola con el acompañamiento de la pieza de orquesta de la famosa comedia de los años 1950 *Bienvenido, mister Marshall* rodada por Luis García Berlanga.

Haciendo hincapié en los valores ideológicos del régimen el autor usa los fragmentos de la película de ficción de Juan de Orduña de 1951, *Alba de América*, que glorificaba el descubrimiento de América por Colón, el poderío de la España imperial, el nacional-catolicismo y la idea de Hispanidad.

Cada sociedad tiene muchas caras, luces y sombras, alegrías y dolores. El autor presenta a la gente de a pie de la España de posguerra que quería *vivir la vida*, trabajar, formar familias, criar hijos lo que es la aspiración absolutamente natural y evidente. En la película de Basilio Patino se ven simples trabajadores y trabajadoras que se empeñan en aguantar cualesquiera adversidades confiando en lo mejor, deseando “sobrevivir diluyéndose en las canciones”; suena como refrán el mensaje de *aguantar*. Esta sociedad de posguerra es dolida, asustada y humillada pero solidaria. Y, en contraste con los cuadros del duro trabajo en el campo, — sin comentarios, acompañados solamente con las melodías de jazz, — se muestran bailes de la nueva élite en las naves transatlánticas, en automóviles caros que con sus cámaras modernas toman fotografías de los pobres sentados a lo largo de la carretera.

Hay muchos episodios impactantes en la película que producen una fuerte emoción con una clara connotación política: por ejemplo, el regreso a la patria de los exiliados por la dictadura, los “niños de la guerra”, que no habían visto a sus familias más de veinte años.

La película nació a principios de los años 1970, en el franquismo tardío, cuando las esperanzas de la democratización de la sociedad estaban exacerbadas al extremo. El autor reflejó estas esperanzas de forma artística apelando a ambos bandos de la Guerra Civil y

dirigiéndose directamente al espectador para que él mismo sacara sus propias conclusiones. Las últimas partes del documental resultan proféticas, dadas las últimas decisiones del Gobierno actual de acabar con los símbolos de la dictadura: el cineasta muestra una plaza desértica del Valle de los Caídos y un chico solitario en bicicleta que la cruza dejando atrás el gigantesco monumento, levantado con el trabajo forzoso de los presos republicanos e inaugurado oficialmente el 1ro de abril de 1959 en el aniversario de la victoria de Franco.

Una vez terminada, la película *Canciones para después de una guerra* recibió la aprobación de la censura oficial adjudicándole la categoría de *interés nacional*, que solían ostentar las obras que glorificaban el régimen. Pero muy pronto se hizo evidente que el impacto de la cinta es completamente contrario. Carrero Blanco, el entonces presidente del Gobierno, al enterarse de los rumores y agitación en torno al documental, organizó una función privada durante la cual los altos cargos invitados abandonaban la sala exclamando que el autor debía ser arrestado sin demora. La cinta fue prohibida, todas las copias fueron destruidas menos una, escondida por el director. La respuesta oficial a la solicitud de información sobre la película desde Hollywood fue que ésta nunca habría existido. Sólo en 1976 las *Canciones para después de una guerra* se estrenaron reuniendo a miles de espectadores; al mismo tiempo unos grupos franquistas organizaban protestas y piquetes delante de los cines.

Actualmente el documental está casi olvidado, no se encuentran sus copias en las librerías, ni filmotecas. Se proyecta en el Museo de Reina Sofía en Madrid, en la sala donde está la famosa el *Guernica* de Picasso, lo cual no es casual. La compaginación del lenguaje de la pintura y del cine de formas tan diferentes, pero igualmente elocuentes, habla por sí misma.

El retrato de España hecho por el cineasta no es lineal. La cinta muestra los sentimientos de una gran parte de los españoles que percibían con alivio el fin de la Guerra Civil, deseaban que se instalara orden y estabilidad, que se mantuvieran ideales familiares y religiosos; esta parte de la población no quería saber nada de las represalias de la dictadura, procuraba vivir aspirando a lo mejor. ¿A costa de qué? A costa de una nación dividida que se hizo que olvidara su pasado. La nación que sigue siendo dividida en la España moderna.

Basilio Patino creó muchas películas más. Entre ellas el documental de 2012 *Libre te quiero* sobre las manifestaciones de los *indignados* de 2011 que se llamaban *la revolución española* y se conocen como el Movimiento 15-M y que sirvieron de propósito para la creación de una nueva formación política de la izquierda, *Podemos*⁸. Así se puso fin al sistema bipartidista que existía en España desde los principios de los 1980, y ha empezado una nueva vuelta de su historia social moderna.

El gran filósofo español Miguel de Unamuno, quien en los primeros días respaldó “el alzamiento” de los nacionales, no tardó en comprender qué sacrificio supondría para su país la inevitable Guerra Civil. El 12 de octubre de 1936, en el discurso pronunciado en la Universidad de Salamanca con motivo del Día de la Raza (*ahora, la fiesta nacional dedicada a la comunidad de las naciones hispanohablantes, el Día de la Hispanidad*) en presencia de los falangistas destacados, dijo Unamuno una frase que después pasó a ser famosa: “Venceréis, pero no convenceréis”, lo cual produjo un estrepitoso escándalo, su despido posterior del

⁸ Astakhova E.V. “Shturm nebes” ili osobennosti politicheskogo diskursa “Podemos” // Iberoamerikanskiye tetrad. 2016; (1). P. 21–28.

puesto de rector⁹. El régimen franquista, durante los 40 años de su existencia, apostó por “convencer” a la población de sus logros, hazañas, éxitos, de que “España va bien”. Se usaron diferentes métodos propagandísticos apostándose también por el arte cinematográfico¹⁰. El encargo de la película a Basilio Martín Patino perseguía el objetivo de *convencer*, pero el talento y la honestidad del director han producido el efecto totalmente distinto, al unísono con las palabras del filósofo: se puede vencer, pero no llegar a convencer a un pueblo, porque los que vencieron, perdieron para siempre desde la perspectiva histórica.

Referencias:

Astahova E.V. “Shturm nebes” ili osobennosti politicheskogo diskursa “Podemos” // Iberoamerikanskije tetradi. 2016; (1). P. 21–28.

España en la Segunda Guerra Mundial // Revista de historia de España. 2018, N 10.

González Vallés J.E., Cabezero Lorenzo F. (coords.) La imagen del franquismo a través de la séptima arte: cine, Franco y posguerra. Madrid: Vision Libros, 2012.

Hernández P. Vencereis, pero no convenceréis: la última lección de Unamuno. Madrid: Editorial Oportet, 2016.

Reverte J.M. La División Azul: Rusia, 1941–1944. Barcelona: Editorial RBA Libros, 2011.

Astakhova Elena, Doctora en Historia, catedrática del Depto. de la Lengua Española de la Universidad MGIMO.

Испания сквозь призму фильма «Песни после одной войны»

Документальный фильм испанского режиссёра Басилио Мартина Патино «Песни после одной войны», снятый в 1971 г. по заказу франкистского правительства и разрешённый к показу только в 1976 г., создан на архивных материалах и свидетельствах эпохи, отражающих период с конца гражданской войны 1 апреля 1939 г. до начала 1950-х гг. Сквозь особую призму, при звучании популярных мелодий и песен послевоенного периода, показано состояние общества, пережившего гражданскую войну, где «победители» празднуют победу, ставшую на деле поражением для всего населения и истории Испании на последующие сорок лет. Фильм затрагивает практически все сферы жизни, в том числе и международное положение Испании, здесь присутствует и образ России. Используя материалы франкистской пропаганды, комбинируя документы и музыку, режиссёр создал антифашистский, разоблачительный фильм.

Астахова Елена Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (МГИМО).

⁹ Hernández P. Vencereis, pero no convenceréis: la última lección de Unamuno. Madrid: Editorial Oportet, 2016.

¹⁰ González Vallés J.E., Cabezero Lorenzo F. (coords.). La imagen del franquismo a través de la séptima arte: cine, Franco y posguerra. Madrid: Vision Libros, 2012.

GEORGY FILATOV

COMERCIO HISPANO-SOVIÉTICO DURANTE LA GUERRA CIVIL ESPAÑOLA

La Guerra Civil en España se convirtió en un período en el que las relaciones entre la URSS y España alcanzaron alturas sin precedentes. El suministro significativo de armas, el envío de especialistas y la preparación de personal militar apoyaban a los republicanos en su resistencia a los franquistas. La cooperación militar entre los dos países siempre ha sido el foco de atención de los historiadores que analizan la Guerra Civil en España. Sin embargo, los contactos con la Unión Soviética no se limitaron sólo a la esfera militar. El mutuo suministro de bienes de carácter no bélico durante la Guerra Civil experimentó un aumento singular. La URSS le suministraba a España una amplia gama de mercancías: maquinaria, equipos, fertilizantes. Sin embargo, artículos principales de las exportaciones soviéticas a España fueron alimentos, productos derivados del petróleo y fertilizantes. Por razones obvias el volumen de mercancías que España le suministraba a la URSS era mucho más bajo. Entre las mismas, las más importantes fueron metales, principalmente cobre, así como frutas, entre las cuales cítricos jugaron el papel principal. Los suministros no bélicos continuaron incrementándose, al alcanzar su punto álgido a finales de 1937–1938, después de lo cual se redujeron y se detuvieron casi por completo en 1939.

Introducción

La Guerra Civil en España fue un período en el que las relaciones entre la URSS y el país ibérico alcanzaron un nivel sin precedentes. El suministro de importantes cantidades de armamento, el envío de especialistas y la formación del personal militar les ayudaban a los republicanos en su resistencia a los franquistas. La cooperación militar entre los dos países siempre estuvo en el foco de atención de historiadores que analizan la Guerra Civil. Sin embargo, los contactos con la Unión Soviética no se limitaron a la esfera bélica. El suministro mutuo de bienes de carácter no militar durante ese período asimismo experimentó un aumento espectacular.

El envío de mercancías de uso civil a España por la URSS en los años de la Guerra Civil sigue siendo uno de los temas menos estudiados. La mayoría de los investigadores se concentran en el aspecto militar de la colaboración entre la URSS y la Segunda República discrepando entre sí en sus estimaciones de esa cooperación y sus condiciones. La principal polémica surge en torno al traslado de las reservas de oro de España a la URSS. Unos investigadores son críticos con esta decisión¹, mientras que otros la defienden alegando a la complicada situación en la que se hallaba España². Entre los historiadores rusos, el análisis más detallado sobre suministros militares le pertenece a Yuri Rybalkin que examinó minuciosamente materiales del Archivo Estatal Militar de Rusia³.

La colaboración no se limitaba a la esfera militar, aunque ésa sí que predominaba como es de esperar en las condiciones de una guerra civil. Cabe destacar que, en el caso de

¹ Olaya Morales F. *La gran estafa*. Madrid: Ediciones Libertarias-Prodhufi, 1996.

² Martín Aceña P. *El oro de Moscú y el oro de Berlín*. Madrid: Taurus, 2001.

³ Rybalkin Yu. *Ayuda militar soviética a la España republicana (1936–1939)*. Moscú: AIRO-XX, 2000.

una confrontación bélica, todo tipo de suministros, comprendidos los que no tienen que ver propiamente con la guerra, ayudan a la parte a la que vienen destinados. Sin embargo, ese aspecto de las relaciones entre la URSS y la Segunda República pasó prácticamente desapercibido para investigadores. Tan solo unos cuantos estudios mencionan de paso la ayuda económica brindada por Moscú. Por ejemplo, en la tesis doctoral de Magdalena Garrido Caballero dedicada a las asociaciones de amistad entre la URSS y España hay un pequeño capítulo sobre la ayuda económica que trata más bien del traslado de oro español a Moscú que de suministros de bienes de uso civil a España⁴. En el artículo *Las relaciones económicas internacionales: guerra, política y negocios*⁵ su autora Elena Martínez Ruiz analiza diferentes aspectos de relaciones económicas exteriores de la Administración franquista y la republicana mencionando brevemente suministros civiles realizados por la URSS.

El presente estudio se basa en una amplia cantidad de materiales de archivos rusos relacionados con esa época. En primer lugar, hay que mencionar el Archivo Estatal de Rusia que recoge materiales de organismos responsables del comercio exterior. Igual de importancia ha sido la aportación del Archivo Estatal de la Federación Rusa donde se guardan materiales del poder ejecutivo de la URSS, que ayudan a analizar métodos de la toma de decisiones sobre asuntos fundamentales. Otra importante fuente de información han sido boletines estadísticos oficiales dedicados al comercio exterior de la URSS que permiten evaluar el volumen general de exportaciones a España en esos años. Hay que mencionar que esos boletines recogieron exclusivamente los datos sobre suministros de carácter civil mientras que los envíos de guerra estuvieron estrictamente clasificados.

La unidad de cuenta que utilizaremos en ese artículo es el rublo soviético del año 1950. De esa forma vamos a demostrar el valor relativo y no absoluto de suministros y también el lugar de España en el comercio exterior de la URSS. Eso está relacionado con la dificultad de convertir el rublo soviético en otras divisas debido a la ausencia de mecanismos para evaluar el valor financiero de la moneda soviética⁶.

El examen de esos documentos permite ampliar el concepto tradicional de la cooperación entre la URSS y la Segunda República Española, vista generalmente a través de suministros de guerra, incluyendo de esa manera una página histórica importante relacionada con el intercambio no militar entre los dos países durante la Guerra Civil.

Prehistoria

Durante siglos el comercio entre Rusia y España estuvo a un nivel relativamente bajo. La distancia dificultaba el intercambio entre los dos países ubicados en los lados opuestos de Europa. Contactos permanentes se iniciaron sólo en los años del Gobierno de Pedro I, pero aun así de vez en cuando éstos se interrumpían por motivos políticos.

El comercio entre España y Rusia se basaba en las mercancías tradicionales de ambas naciones, el vino y el trigo respectivamente. Suministros de ese último crecieron todavía más una vez instalada Rusia en las costas del Mar Negro. A mediados del siglo XIX el comercio se interrumpía de vez en cuando debido a las guerras ruso-turcas y las medidas

⁴ Garrido Caballero M. Las relaciones entre España y la Unión Soviética a través de las Asociaciones de Amistad en el siglo XX, Thesis doctoral, Universidad Murcia, 2006.

⁵ Martínez Ruiz E. Las relaciones económicas internacionales: guerra, política y negocios // Martín Aceña P, Martínez Ruiz E. (coord.) La economía de la Guerra Civil. Madrid: Marcial Pons, 2006. Pp. 273–328.

⁶ Howson G. Armas para España: La historia no contada de la Guerra Civil española. Barcelona: Península, 2000.

proteccionistas del Gobierno español que trataba de apoyar a los productores locales frente a la competencia⁷.

Para finales del siglo XIX la situación en las relaciones comerciales se estabilizó definitivamente. Tampoco hubo cambios en las primeras décadas del siglo XX. La Primera Guerra Mundial dificultó, pero no detuvo el comercio entre los dos países. En ese período España y Rusia mantuvieron tanto las relaciones diplomáticas como las comerciales, pese a todos los problemas relacionados con el conflicto global.

La situación cambió drásticamente con la llegada al poder de los bolcheviques en octubre de 1917. La Revolución Rusa condujo a una larga pausa tanto en el comercio como en los contactos entre Rusia y España. La cooperación comercial se reanudó solo en 1925 cuando la URSS empezó a arreglar sus relaciones con los países del Occidente lo que llevó a un cierto auge en el comercio exterior soviético. En aquel año el volumen comercial de la URSS se duplicó en comparación con el año anterior 1924. Para el año 1928 el intercambio comercial entre España y la Unión Soviética recuperó el volumen que tenía antes del inicio de la Primera Guerra Mundial⁸ — de aproximadamente 50 millones de rublos. El 1930 llegó a ser el mejor año para las relaciones comerciales entre Moscú y Madrid antes del inicio de la Guerra Civil. Entonces la URSS exportó a España mercancías por 42 millones de rublos, y el país ibérico, por 24 millones de rublos, es decir el volumen general alcanzó 68 millones en moneda soviética. Posteriormente hasta el mismo inicio de la Guerra Civil los contactos comerciales entre ambas naciones se mantuvieron a un nivel mucho más bajo con un volumen de intercambio comercial de unos 25 millones de rublos.

En ese período la URSS exportó a España productos alimenticios, madera, pero el producto principal fue el petróleo y sus derivados que formaron un 90% de suministros soviéticos. Por su parte, las exportaciones españolas se caracterizaron por su diversidad e irregularidad. En ciertos años podían incluir tan solo uno o dos productos (por ejemplo, en 1924 un 88% de mercancías suministradas por España a la URSS fueron pirita y lana) mientras que en otros años constaban de pequeñas partidas de productos muy diferentes como, por ejemplo, tela, vino y aceite de oliva. Siempre estaban presentes productos como lana y corcho. Sin embargo, el principal producto de exportaciones españolas fue plomo⁹.

Esa situación en el comercio bilateral fue, en gran parte, consecuencia de la ausencia de relaciones oficiales entre los dos países. En los primeros años de la República no hubo intentos de restablecer los contactos diplomáticos entre Moscú y Madrid debido al triunfo de la derecha en las elecciones de 1933. Los años del liderazgo de la CEDA asimismo se caracterizaron por la mayor caída del intercambio comercial entre la URSS y España que en 1935 se redujo hasta 9 millones de rublos¹⁰.

Característica general del intercambio comercial entre la URSS y España

Las relaciones entre Moscú y Madrid dieron una vuelta de tuerca en los años de la Guerra Civil al experimentar uno de los mayores repuntes de toda su historia. El inicio de la Guerra

⁷ Volosiuk O. Las relaciones comerciales entre Rusia y España a principios del siglo XIX // Noticiero de la Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos. Serie: Historia de Rusia. 2017. Vol. 16. N 3. Pp. 445–461.

⁸ Herrero de la Fuente A. El convenio comercial hispano-soviético de 15 de septiembre de 1922 // Anuario español de derecho internacional. 1974. N 1. P. 351.

⁹ Vneshtorgizdat. Comercio exterior de la URSS en los años 1918–1966: boletín de estadísticas. Moscú: VTI, 1959. P. 640.

¹⁰ Ibid.

Civil y la negativa de tales potencias europeas como Francia y el Reino Unido de brindar ayuda a la República convirtieron la URSS en el principal proveedor del material bélico a la misma. Aparte de armas y municiones, la URSS suministraba a España gran cantidad de mercancías de uso civil. No obstante, hay que tener en cuenta que en las condiciones de guerra todo tipo de productos pueden ser de doble uso: con el pan se puede alimentar tanto a los soldados como a la población civil.

A diferencia de suministros de carácter militar que rigurosamente se ocultaban y se camuflaban, la información sobre los suministros de mercancías civiles era de acceso público y se registraba en las estadísticas oficiales soviéticas sobre el comercio exterior.

El repunte comenzó ya en el año 1936. El intercambio comercial se duplicó desde 10 millones hasta 25 millones de rublos. A primera vista, no era más que un retorno a los niveles medios del comercio hispano-soviético de la última década. Sin embargo, el carácter de bienes que la URSS exportaba a España cambió radicalmente. Si anteriormente en las exportaciones soviéticas predominó crudo, sobre todo, combustible, ahora el protagonismo lo adquirió la maquinaria: automóviles y piezas de repuesto (7 millones de rublos), después se situaron productos alimenticios (6,7 millones de rublos) y tan solo en el tercer lugar se posicionó combustible¹¹.

Suministros de productos de uso civil por la URSS a España alcanzaron su máximo en 1938. En ese año el volumen del intercambio comercial llegó a 128 millones de rublos lo que fue un récord absoluto para las relaciones comerciales entre los dos países. Nunca antes ni después España ocuparía un lugar de tal importancia en el comercio exterior de la URSS. En el año 1938 el país ibérico fue el destino de un 10 % de todas las exportaciones de la Unión Soviética¹². Para España, comprendida tanto la zona franquista como la republicana, la URSS llegó a ser el segundo proveedor más importante después de Alemania. Al mismo tiempo, los suministros soviéticos reemplazaron a los tradicionales socios comerciales de España: el Reino Unido, Francia y Estados Unidos que antes eran el origen de la mayor parte de las importaciones. Hay que tener en cuenta que en realidad las exportaciones soviéticas a España eran mucho mayores ya que las estadísticas oficiales no incluían las cargas militares.

Productos principales

El puesto central en suministros no militares de la URSS lo ocupaban los productos alimenticios que en el año 1938 llegaron a ser el número uno entre todas las mercancías suministradas por Moscú a Madrid. Entre éstos, lideraban cereales que habían contado además con una larga historia como parte del intercambio comercial entre Rusia y España. A lo largo del siglo XIX cereales fueron uno de los artículos más importantes en el comercio entre los dos países¹³. Sin embargo, esas exportaciones no habían sido regulares. Se interrumpían cuando el Gobierno español imponía restricciones buscando proteger a los productores nacionales o cuando Rusia se encontraba en guerra con el Imperio otomano lo que le impedía usar los puertos del sur cuya ubicación era estratégica para las exportaciones de cereales.

¹¹ Vneshtorgizdat. Comercio exterior de la URSS en los años 1918–1966. P. 640.

¹² Archivo Estatal de la Federación de Rusia (GARF). “Informe de estadística comercial”. F. P5446, Ser. 20a, Exp. 287, F. 67.

¹³ Schop Soler A. M. Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia: 1733–1833. Madrid: Ministerio de Asuntos Exteriores, Dirección General de Relaciones Culturales, 1984.

La importancia de cereales soviéticos para España queda bien ilustrada con las estadísticas agrícolas de esa década. Hasta mediados de los años 1930 en España se cosechaba un promedio de 4 300 000 toneladas de cereales al año¹⁴ lo que representa una cifra bastante alta. Ese nivel permitió a España reducir las importaciones de cereales. Por ejemplo, en los años 1933 y 1934 no hubo adquisiciones de cereales en absoluto. En 5 años fueron importadas un total de 3 000 000 toneladas de cereales, y la mayor parte de todo ese volumen (2 920 000 toneladas) fue importada en 1932¹⁵. De esa manera se puede concluir que España de una y otra forma atendía sus necesidades en cuanto a ese producto. Sin embargo, el inicio de la Guerra Civil generó una crisis en todas las esferas de la economía nacional, incluida la agricultura.

La división del país en dos bandos llevó a una considerable caída de la producción alimenticia. En 1936 en toda España lograron cosechar tan solo 2 800 000 toneladas¹⁶. En el territorio controlado por los republicanos las cosechas iban disminuyendo paulatinamente: de 1 250 000 toneladas en 1936 hasta 800 000 toneladas en 1938 lo que evidentemente era insuficiente para abastecer las necesidades de la población y el ejército en condiciones de guerra. Según los datos de los archivos españoles, en 1938 la zona republicana se necesitaba importar 850 000 toneladas de cereales al mes¹⁷. Para comparar, en todo el año anterior en la zona republicana fueron cosechadas solamente 960 000 toneladas¹⁸. Al respecto Elena Martínez Ruiz en su análisis destaca que a partir de 1937 el abastecimiento de la población con víveres se convierte en uno de los problemas esenciales para el Gobierno de la República¹⁹. Las autoridades solucionaban la falta de alimentos con las importaciones entre las cuales cereales suministrados por la Unión Soviética jugaron un papel crucial.

En 1938 la URSS suministró a España 300 000 toneladas de granos lo que es un poco menos de la mitad de toda la cosecha recogida en la zona republicana en ese año. Así en 1938 en toda España fueron cosechadas 2 730 000 toneladas de trigo²⁰. Además de la URSS las autoridades republicanas compraban productos alimenticios a los Países Bajos y Francia. Pero precisamente la URSS era el origen de más de la mitad de todos los suministros de cereales.

Conforme a los datos de archivos españoles España obtenía un promedio de 45 000 toneladas de granos al mes de las cuales 25 000 toneladas llegaban de la URSS²¹. A pesar de ese rol tan importante, cereales soviéticos enfrentaban ciertos problemas en España. Por ejemplo, en las cartas e informes de funcionarios responsables de la República se destacaba que la

¹⁴ Carreras de Odriozola A., Tafunell Sambola X. Estadísticas históricas de España, siglos XIX–XX. Bilbao: Fundación BBVA, 2005. P. 309.

¹⁵ Ibid. P. 327.

¹⁶ Barciela López C. Producción y política cerealista durante la Guerra Civil española (1936–1939) // Mateo Del Peral D., Anes y Álvarez de Castrillón G. (ed. lit.) Historia económica y pensamiento social: estudios en homenaje a 1983. Madrid: Alianza Editorial, 1983. Pp. 654, 662–663.

¹⁷ AGA, Fondo AAEE, IDD 112, 55/12607 a 55/12613.

¹⁸ Barciela López C. Producción y política cerealista durante la Guerra Civil española (1936–1939). Pp. 654, 662–663.

¹⁹ Martínez Ruiz E. Guerra Civil, comercio y capital extranjero: el sector exterior de la economía española (1936–1939) // Estudios de historia económica. 2006. N 49. P. 48.

²⁰ Barciela López C. Producción y política cerealista durante la Guerra Civil española (1936–1939). Pp. 654, 662–663.

²¹ AGA, Fondo AAEE, IDD 112, 55/12607 a 55/12613.64

calidad de cereales suministrados por la URSS era más baja que la de granos importados de otros países²².

Sin embargo, suministros alimenticios de la URSS tenían una enorme importancia para la República. El pan hecho del trigo soviético satisfacía en gran medida las necesidades de los republicanos. Hay que mencionar también que en los años 1937 y 1938 Moscú realizaba esos suministros pese a una crisis alimenticia en la propia URSS. Ésos fueron años de mala cosecha lo que llevó a la hambruna de 1937, menor que la de 1932–1933 pero aun así bastante grave²³.

Otro producto clave de las exportaciones soviéticas a España en los años de la Guerra Civil fue la maquinaria que antes de 1936 no formaba parte del comercio bilateral entre Moscú y Madrid. Para el año 1938 tractores, automóviles y piezas de repuesto ocuparon el segundo lugar en las ventas de la URSS a España desplazando petróleo y sus derivados. En total la URSS suministró a España productos de la maquinaria por 30 millones de rublos²⁴. Es de notar que suministros de camiones soviéticos se materializaban de la manera más operativa posible. Entre el envío del pedido y la llegada del barco al puerto solía pasar algo más de un mes²⁵. Ello fue específicamente característico para el año 1936 e inicios de 1937 cuando España era una de las prioridades de la política exterior de la URSS²⁶.

En 1938 el algodón asimismo empezó a cobrar importancia en las exportaciones soviéticas. Para la zona republicana los suministros de algodón eran esenciales ya que permitieron mantener el funcionamiento de las empresas textiles que representaban el núcleo de la industria republicana. La mayor parte de esas fábricas se ubicaban en Cataluña que ya a partir del siglo XIX se había convertido en el principal centro industrial del país. Desde julio de 1936 suministros de algodón por proveedores tradicionales empezaron a reducirse hasta detenerse casi por completo a principios de 1937²⁷. Eso dejó paralizada básicamente la industria de Cataluña.

Los primeros envíos del crudo soviético para la industria textil se realizaron en 1936. En ese año la URSS exportó a España 205 toneladas de algodón. En 1937 esa cifra incrementó hasta alcanzar 20 000 toneladas²⁸ lo que en términos monetarios equivalía a la cuarta parte de todas las exportaciones soviéticas a España de ese período calendario. Sin embargo, en 1938 la cuantía se redujo hasta 17 toneladas. A pesar de que suministros de ese crudo permitían mantener el funcionamiento de la industria textil, la calidad del algodón soviético no siempre correspondía a las demandas. Por ejemplo, resultó que la fibra del algodón de Asia Central era más corta que la de sus análogos de India y Egipto que antes compraban las empresas catalanas. Por esa razón resultó imposible fabricar ciertos productos y telas²⁹.

²² AGA, Fondo AAEE, IDD112 55/12609.

²³ Jlevniuk O. Stalin. La vida de un caudillo, Moscú: AST, Corpus, 2016.

²⁴ Vneshtorgizdat. Comercio exterior de la URSS en los años 1918–1966. P. 640.

²⁵ AGA, Fondo Asuntos Exteriores, IDD 112, Caja 55/12621.

²⁶ GARE. “Sobre la política exterior”. F. P5446, Ser. 20a, Exp. 572, F. 6.

²⁷ Catalán J. Guerra e industria en las dos Españas, 1936–1939 // Martín Aceña P., Martínez Ruiz E. (coord.), La economía de la Guerra Civil. Madrid: Marcial Pons, 2006. P. 161–227.

²⁸ Vneshtorgizdat. Comercio exterior de la URSS en los años 1918–1966. P. 640.

²⁹ Martínez Ruiz E. Guerra Civil, comercio y capital extranjero: el sector exterior de la economía española (1936–1939). P. 52.

Un rasgo particular de ese período fue que las exportaciones de España a la URSS eran mucho más bajas que las de Moscú a Madrid. Esa situación en general era común para el comercio bilateral tanto antes como después de la Guerra Civil. Sin embargo, durante el conflicto el desbalance fue mucho mayor que en cualquier otro período. Entre los años 1936 y 1939 España exportó al país soviético mercancías por algo menos de 50 millones de rublos, mientras que la URSS en ese mismo plazo suministró a España productos de uso civil por 214 millones de rublos³⁰. Ello formaba un 5,5% de todas las exportaciones soviéticas de esos años.

El colosal desbalance no tenía ninguna recompensa y básicamente representaba la ayuda de la URSS a la República Española. Las reservas de oro trasladadas a la Unión Soviética se emplearon para costear la ayuda militar brindada por Moscú en los años de la Guerra Civil (comprendidos suministros del material de guerra, piezas de repuesto, preparación del personal, trabajo de los consejeros militares etc.). El desequilibrio en el intercambio comercial no es de extrañar debido a las graves condiciones en las que se encontraba la Segunda República durante la Guerra Civil. Además, antes España asimismo principalmente suministraba al mercado exterior el crudo y los productos de la agricultura³¹.

Las principales mercancías exportadas por el país ibérico eran productos tradicionales para España. La mayor parte de suministros incluían tan solo dos grupos de bienes. Unos de éstos eran minerales, en primer lugar, plomo. En todo ese período España exportó a la URSS más de 40 000 toneladas de plomo por 20 millones de rublos lo que casi llegaba a la mitad de todas las exportaciones españolas a la Unión Soviética³².

Otro producto clave exportado por España durante la Guerra Civil fueron frutas. En primer lugar, eran naranjas cuya importancia para el comercio exterior de España está bien estudiada³³. En archivos rusos se guarda una gran cantidad de mensajes relacionados con esos suministros. En total, la URSS recibió 64 toneladas de frutas españolas. En moneda soviética el coste de esos envíos fue de 19 millones de rublos³⁴. Aparte de ello la URSS compraba a España cantidades relativamente bajas de aceite de oliva y especias. Desde 1938 España empezó a exportar a la URSS telas de lana y seda, al parecer, como consecuencia de las mejoras en la industria textil de Cataluña. Sin embargo, esos suministros eran muy escasos.

Más allá de esto las relaciones económicas con España se desarrollaban también en otras esferas que no quedaron reflejadas en las estadísticas comerciales, pero son interesantes por su carácter extraordinario. Así la Unión Soviética negoció con el Gobierno de la República el arrendamiento o la compra de varias naves españolas. Esas negociaciones llegaron a su fase más activa en 1938 cuando se debatió la posible compra del barco de vapor *Agustino* que nunca se completó³⁵. Al mismo tiempo, se negoció el arrendamiento de tres barcos españoles para trasladar cargas entre los puertos soviéticos³⁶.

³⁰ Vneshtorgizdat. Comercio exterior de la URSS en los años 1918–1966. P. 52.

³¹ Carreras de Odriozola A., Tafunell Sambola X. Estadísticas históricas de España, siglos XIX–XX. P. 323.

³² Vneshtorgizdat. Comercio exterior de la URSS en los años 1918–1966. P. 644.

³³ Abad García V. Historia de la naranja (1781–1939), Valencia: Comité de Gestión de la Exportación de Frutos Cítricos, 1984.

³⁴ GARF. “Sobre las importaciones de cítricos de España”. F. P5446. Ser. 22a. Exp. 621. F. 5–29.

³⁵ GARF. “Sobre la compra del buque de vapor *Agustino*”, F. P5446, Ser. 22a, Exp. 577, F. 87.

³⁶ GARF. “Sobre el fletamento de tres barcos españoles para la navegación costera en el mar Negro”. F. P5446. Ser. 22a, Exp. 554, F. 1–6.

Conclusión

Hasta el año 1936, el papel de la URSS en el comercio exterior de España fue muy insignificante mientras que el país ibérico, por su parte, asimismo tenía muy poca presencia en el comercio exterior de la Unión Soviética lo que se explica por varias razones. En primer lugar, los contactos entre los dos Estados ubicados en los lados opuestos de Europa históricamente fueron esporádicos e insuficientes. Segundo, la revolución bolchevique de 1917 llevó a la ruptura de las relaciones diplomáticas entre Madrid y Moscú que no fueron restablecidas después de su fin. El comercio se limitó a entregas singulares. La URSS vendía a España petróleo y sus derivados y España exportaba al país soviético productos de la agricultura, principalmente cítricos.

Con el comienzo de la Guerra Civil el intercambio de bienes de uso civil entre los dos países disparó. La URSS suministraba a España una amplia gama de mercancías: maquinaria, equipos, fertilizantes, alimentos, productos derivados del petróleo y fertilizantes. Por razones obvias el volumen de mercancías que España suministraba a la URSS era mucho más bajo. Entre éstas, se destacaban metales, principalmente cobre, así como frutas, sobre todo cítricos. Los suministros no militares continuaron creciendo hasta alcanzar su punto máximo a finales de 1938, después de lo cual otra vez disminuyeron y prácticamente se detuvieron en 1939.

De esa manera, en los años de la Guerra Civil la URSS se convirtió en un importante proveedor de España no solamente del material de guerra sino también de productos de uso civil. Precisamente las exportaciones de la URSS ayudaron a satisfacer la mayor parte de las necesidades de la zona republicana en cuanto al combustible, el equipamiento industrial y la maquinaria. Los envíos de productos alimenticios permitieron a las autoridades republicanas mejorar en cierto grado la grave situación en su territorio.

Referencias:

Abad García V. Historia de la naranja (1781–1939). Valencia: Comité de Gestión de la Exportación de Frutos Cítricos, 1984.

Barciela López C. Producción y política cerealista durante la Guerra Civil española (1936–1939) // Mateo del Peral D., Anes y Álvarez de Castrillón G. (ed. lit.) Historia económica y pensamiento social: estudios en homenaje a 1983. Madrid: Alianza Editorial, 1983. Pp. 649–676.

Catalán J. Guerra e industria en las dos Españas, 1936–1939 // Martín Aceña P., Martínez Ruiz E. (coord.) La economía de la Guerra Civil. Madrid: Marcial Pons, 2006. Pp. 161–227.

Carreras de Odriozola A., Tafunell Sambola X. Estadísticas históricas de España, siglos XIX–XX. Bilbao: Fundación BBVA, 2005.

Garrido Caballero M. Las relaciones entre España y la Unión Soviética a través de las Asociaciones de Amistad en el siglo XX. Thesis doctoral. Universidad Murcia. 2006.

Herrero de la Fuente A. El convenio comercial hispano-soviético del 15 de septiembre de 1972 // Anuario español de derecho internacional. 1974. N 1. Pp. 335–346.

Howson G. Armas para España. La historia no contada de la Guerra Civil española. Barcelona: Península, 2000.

Jlevniuk O. Stalin. La vida de un caudillo, Moscú: AST, Corpus, 2016.

Martín Aceña P. El oro de Moscú y el oro de Berlín. Madrid: Taurus, 2001.

Martínez Ruiz E. Las relaciones económicas internacionales: guerra, política y negocios // *Martín Aceña P., Martínez Ruiz E. (coord.) La economía de la Guerra Civil.* Madrid: Marcial Pons, 2006. Pp. 273–328.

Martínez Ruiz E. Guerra Civil, comercio y capital extranjero: el sector exterior de la economía española (1936–1939) // *Estudios de historia económica.* 2006. N 49. Pp. 5–105.

Olaya Morales F. La gran estafa. Madrid: Ediciones Libertarias-Prodhufo, 1996.

Rybalkin Yu. Ayuda militar soviética a la España republicana (1936–1939). Moscú: AIRO-XX, 2000.

Schop Soler A.M. Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia: 1733–1833. Madrid: Ministerio de Asuntos Exteriores, Dirección General de Relaciones Culturales, 1984.

Vneshtorgizdat. Comercio exterior de la URSS en los años 1918–1966: boletín de estadísticas. Moscú: VTI, 1959.

Volosiuk O. Las relaciones comerciales entre Rusia y España a principios del siglo XIX // *Noticiero de la Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos. Serie: Historia de Rusia.* 2017. Vol. 16. N 3. Pp. 445–461.

Filatov Georgy, Doctor en Historia, investigador del Instituto de la Historia Universal de la Academia de Ciencias de Rusia.

Торговля между СССР и Испанией в годы гражданской войны (1936–1939)

Гражданская война 1936–1939 гг. стала периодом, когда отношения между СССР и Испанией были наиболее интенсивными. Поставки оружия, отправка специалистов и подготовка военных кадров помогали республиканцам в их борьбе с франкистами. Военное сотрудничество между двумя странами всегда было в центре внимания историков, изучающих испанскую гражданскую войну. Однако контакты с Советским Союзом не ограничивались только военной сферой. Торговля в это время также переживала небывалый рост. СССР поставлял в Испанию широкий ассортимент товаров: машины, оборудование, удобрения. По понятным причинам объём товаров, которые Испания поставляла в СССР, был значительно ниже. Среди них наиболее заметное место занимали металлы, в основном свинец, а также фрукты, в первую очередь цитрусовые. Невоенные поставки продолжали расти, достигнув своего пика в конце 1937–1938 годов, после чего их объёмы стали быстро сокращаться, и поставки почти полностью прекратились в 1939 году.

Филатов Георгий Андреевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук.

О.Е. КАРИМОВ

ПОСТАВКИ СОВЕТСКОЙ НЕФТИ И НЕФТЕПРОДУКТОВ В РЕСПУБЛИКАНСКУЮ ИСПАНИЮ (1936–1939)

Экспорт сырой нефти и нефтепродуктов из СССР в Испанию имел важное значение для обоих государств ещё в 1920-е годы. Среди покупателей советских нефтепродуктов Испания занимала пятое место после Великобритании, Италии, Германии и Франции. После некоторого снижения советский нефтяной экспорт в республиканскую Испанию в 1936–1938 годах непрерывно возрастал в абсолютных и относительных показателях. Однако в условиях опасности развязывания новой мировой войны в 1939 г. нефтяной экспорт из СССР во все страны был сокращён до минимума. Испания под руководством Ф. Франко не получила ничего.

К концу 1930-х годов СССР занимал одно из первых мест в мире по разведанным сырьевым запасам. На тот период, по данным геологоразведки, здесь было сосредоточено более половины мировых запасов нефти. Это являлось значимой предпосылкой для укрепления индустриальной мощи Советского Союза.

Экспорт нефти и нефтепродуктов с 1920-х годов стал одной из немногих статей валютных доходов СССР, направляемых на проведение промышленной модернизации и создание индустриальной экономики. В это время советская нефтяная промышленность была явно ориентирована на экспорт. В 1929 г. Великобритания получала 21 % экспорта нефти и нефтепродуктов, Италия — 15 %, Германия — 12,6 %, Франция — 9,9 %, Испания — 8,4 %. Далее шли: Египет, Турция, Индия, Южная Африка, Бельгия и другие государства¹. Для этого были введены в строй два крупных нефтепровода, ведущие к Чёрному морю: Баку — Батум (1929), Грозный — Туапсе (1930), а также нефтеперерабатывающие заводы в обоих концах этих нефтепроводов. Пуск заводов был связан с необходимостью увеличить производство бензина, пользовавшегося всё большим спросом на мировом рынке. К началу 1930-х годов практически весь произведённый в Советском Союзе бензин отправлялся на экспорт.

Для торговли нефтью за рубежом в 1930 г. было создано государственное объединение «Нефтеэкспорт», которое подчинили Наркомату внешней торговли (НКВТ) СССР. Однако в период мирового кризиса 1929–1932 годов спрос на нефть и нефтепродукты резко снизился, на 17 % упала мировая нефтедобыча. В то же время добыча нефти в СССР выросла на 56 %, и её объём превышал на 3 млн т возможности переработки². Советский Союз был готов поставлять нефть и нефтепродукты по демпинговым ценам. Аналогичную позицию заняла и Румыния. Снижение цен удари-

¹ Иголкин А.А. Советский нефтяной экспорт в годы предвоенных пятилеток // Нефтяное хозяйство. 2006. № 9. С. 139.

² Там же. С. 140.

ло по полученным доходам, которые существенно упали с 548 млн руб. в 1930 г. до 208 млн руб. в 1934 г. при изменении объёма экспорта нефти и нефтепродуктов за аналогичный период с 4,71 млн т до 4,31 млн т (в 1932 г. соответственно — 6,11 млн т и 375 млн руб.)³. В этот период нефть и нефтепродукты были самой крупной статьёй советского экспорта — 18,7 % от общей стоимости.

Однако уже в 1932 г. И.В. Сталин прогностически писал секретарю ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу: «Наш экспортный нефтяной фонд будет уменьшаться ввиду колоссального и всё растущего спроса на нефтепродукты со стороны водного и железнодорожного транспорта, грузовой и автомобильной промышленности»⁴. Действительно — во 2-й пятилетке экспорт нефти и нефтепродуктов из СССР резко упал, так как их не хватало для внутреннего потребления. По сравнению с 1929 г. многократно увеличилось производство гражданских самолётов, судов, автомобильной и гусеничной техники, увеличилось потребление в вооружённых силах (авиация, бронемашин, корабли). Снижение советского нефтяного экспорта было настолько существенным, что объём выручки от продажи нефти стал ниже, чем от продажи леса, пшеницы, пушнины.

Падение экспорта нефти и нефтепродуктов продолжилось во 2-й и 3-й пятилетках. К примеру, в 1935 г. совокупный нефтяной экспорт составил 3,36 млн т (154 млн руб.), в 1936 г. — 2,66 млн т (128 млн руб.), в 1937 г. — 1,93 млн т (113 млн руб.), в 1938 г. — 1,38 млн т (79 млн руб.), в 1939 г. — 0,47 млн т (31,6 млн руб.)⁵.

Однако сокращение экспорта было связано не только с возросшим внутренним потреблением, но и со снижением темпов развития нефтедобычи. В 1938 г. было добыто 30,2 млн т, в 1939 г. — 30,3 млн т, в 1940 г. — 31,3 млн т, в 1-м полугодии 1941 г. — лишь 17,3 млн т. Рост добычи нефти по отношению к 1937 г. составил 9 % вместо 77 % по плану 2-й пятилетки⁶. В это время основной объём добычи и переработки нефти всё ещё был сосредоточен на Кавказе. Развитие же Волго-Уральского нефтегазового района только начиналось.

В 1938–1939 гг. СССР практически прекратил поставки нефти и нефтепродуктов в Германию. Одной из причин этого была гражданская война в Испании. Сама же Испания была важным звеном в советском нефтяном экспорте. В 1929 г. ей было поставлено совокупной продукции около 313,6 тыс. т (без учёта парафина), в 1930 г. — 318,7 тыс. т, в 1931 г. — 123,1 тыс. т, в 1932 г. — 431 тыс. т, в 1933 г. — 342,1 тыс. т, в 1934 г. — 493,5 тыс. т, в 1935 г. — 178,4 тыс. т, в 1936 г. — 111,7 тыс. т, в 1937 г. — 193,6 тыс. т, в 1938 г. — 205,1 тыс. т. В 1939 г. поставки были прекращены полностью⁷.

Летом 1936 г. республиканская Испания оказалась в сложном экономическом положении. Собственных сил и ресурсов для ведения борьбы с противником не хватало. В такой же ситуации находились и мятежники. «Очевидность зависимости исхода войны едва ли не полностью от факта помощи извне побудила 27 европейских стран пото-

³ Подсчитано автором. Внешняя торговля СССР за 1918. (Статистический обзор). Часть 1. М.: Внешторгиздат, 1960. С. 129.

⁴ Иголкин А.А. Советский нефтяной экспорт в годы предвоенных пятилеток. С. 140.

⁵ Подсчитано автором. Внешняя торговля СССР за 1918–1960 гг. С. 163.

⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М.: Кучково поле, 2013. С. 22.

⁷ Внешняя торговля СССР... Часть 2. С. 634, 637, 640.

ропиться подписать в августе 1936 г. Соглашение о невмешательстве»⁸. Политика невмешательства предусматривала введение эмбарго на поставку вооружения и боеприпасов, а также тех материалов, которые могли использовать обе стороны конфликта в военных целях. Одним из таких стратегических материалов является топливо, в частности нефть и нефтяные продукты. Нефть являлась необходимым условием и важным фактором так называемой «войны моторов». Происходившая в Советском Союзе «моторизация вооружённых сил естественным образом требовала в достаточно большом количестве горюче-смазочных материалов»⁹, аналогичная ситуация складывалась и в Испании.

Как мы видим из приведённых выше цифр, в 1936 г. поставки нефти и нефтепродуктов в Испанию сократились почти на треть. Через месяц после фашистского мятежа, 17 августа 1936 г., Политбюро ЦК ВКП(б) приняло положительное решение по записке заместителя наркома НКВД С.К. Судьина о продаже республиканцам «по пониженной цене на самых льготных условиях» 20 тыс. т мазута (из 824,9 тыс. т экспортного мазута)¹⁰. В начале сентября 1936 г. С.К. Судьин проинформировал секретаря ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича и председателя Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР В.М. Молотова об обращении представителя испанского правительства «в наше торгпредство о возможности поставки этиловой жидкости для смеси с бензином, потребляемым авиацией»¹¹. 7 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) вынесло постановление о выделении Наркомтяжпромом СССР в сентябре и в 4-м квартале 1936 г. необходимого количества этиловой жидкости¹². При этом объёмы этих поставок точно определены не были. Одновременно из госрезервов для Испании было выделено 3 тыс. т авиационного бензина¹³.

Несоблюдение принципа невмешательства со стороны Германии и Италии явилось основанием для оказания Советским Союзом военной и гуманитарной помощи республиканцам. Разведуправление РККА (РУ РККА) в августе 1936 г. доложило руководству Наркомата обороны СССР, что «неполучение Мадридом существенной поддержки извне может иметь тяжёлые последствия для исхода борьбы»¹⁴.

К середине сентября 1936 г. РУ РККА и Иностранный отдел ГУГБ НКВД СССР разработали и представили в ЦК ВКП(б) записку с проектом «Организации и техники проведения операции «Х». «Этот план предусматривал мероприятия по скрытной доставке в Испанию советских военных и гражданских специалистов, вооружения и военной техники, других необходимых республиканской армии материалов»¹⁵. План был одобрен в Политбюро ЦК ВКП(б) 29 сентября 1936 г.

⁸ Малай В.В. Европа и Испания (сентябрь 1936 г. — май 1937 г.): курс «невмешательства» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2008. № 1 (41). Вып. 5. С. 1.

⁹ Славкина М.В. Влияние отечественного нефтегазового комплекса на модернизационные процессы в СССР — России (1939–2008). Автореф. дис. на соискание учёной степени д.и.н. М., 2013. С. 21.

¹⁰ Внешняя торговля СССР за 1918–1960 гг. С. 163.

¹¹ СССР и Гражданская война в Испании. С. 46.

¹² Этиловая жидкость — антидетонирующая присадка к моторному топливу для повышения его октанового числа.

¹³ СССР и Гражданская война в Испании. С. 48.

¹⁴ Рыбалкин Ю.Е. Сталин и Испания. М.: Вече, 2016. С. 34.

¹⁵ Арцыбашев В.А., Каримов О.В. Добровольцы страны «Икс» // Военно-исторический журнал. 2017. № 2. С. 92.

Согласно плану, на начальном этапе предусматривалось прибытие в Феодосию испанского парохода «Кампечио». Здесь необходимо было «погрузить некоторое количество нефтепродуктов в таре (в Феодосии наливных операций не производится)». Затем пароход должен был отправиться в Туапсе «для дополнительной заливки нефтепродуктами (6500 т нефтепродуктов уже залито в Батуми)»¹⁶.

19 сентября 1936 г. НКВТ по просьбе испанской стороны предлагал дополнительно забронировать к продаже в 4-м квартале республиканцам 15 тыс. т мазута и «продать пароход в 7–8 тыс. т газойля». 20 сентября Политбюро утвердило решение об увеличении объёма годового экспорта в 3-м и 4-м кварталах в запрашиваемых объёмах¹⁷. Таким образом, из упомянутых выше 111,7 тыс. т экспорта нефти и нефтепродуктов в Испанию в 1936 г., как минимум, 35 тыс. т мазута и 8 тыс. т газойля (т. е. 38,4 %) были незапланированными, т. е. изъятыми из внутреннего потребления СССР.

7 октября 1936 г. Советский Союз предупредил, что «Москва не станет соблюдать Соглашение о невмешательстве, если Германия и Италия не прекратят его грубо нарушать», а 23 октября — заявил, что «не может считать себя связанным Соглашением о невмешательстве в большей мере, чем любой из остальных участников этого Соглашения». Таким образом, официально не выходя из Лондонского комитета по невмешательству, СССР «получил полную свободу действий в отношении стремительно развивавшихся событий на Пиренейском полуострове»¹⁸. Республиканская Испания в числе военной техники и прочих товаров (сырьё, продовольствие, машины, оборудование) получила возможность закупать в СССР нефтепродукты.

Необходимо отметить, что поставку советской авиационной и бронетехники предполагалось организовать вместе с определённым количеством топлива. Уже первые 30 самолётов «СБ» должны были быть поставлены с 570 т горючего, 10 т этиловой жидкости, 50 т масла, 50 танков — с 300 т горючего и 30 т масла¹⁹. Однако нормы были немного уменьшены, и 4 октября 1936 г. теплоход «Комсомолец» доставил 50 танков с 270 т горючего и 20 т масла. Теплоходы «Старый большевик», «КИМ», «Волга-лес» были загружены по 10 самолётов «СБ» каждый с более чем 55 вагонами горючего и масла²⁰.

Первые попытки неофициальной доставки нефтепродуктов в Испанию выявили ряд опасных недостатков. 29 октября 1936 г. нарком обороны К.Е. Ворошилов доложил в Политбюро ЦК ВКП(б) и И.В. Сталину: «Отправка горючего в «Х» для самолётов, танков и бронемашин до сих пор производилась в бочках и контейнерах на пароходах, вместе с машинами и боеприпасами. Это очень рискованно в пожарном отношении, тем более, что тара часто протекает. Необходимо впредь горючее посылать в танкерах. Тоннаж для этого имеется. Прошу поручить тов. Судьину послать в «Х» танкер с 2500 т авиационного бензина (20 заправок на каждый имеющийся и посылаемый в ближайшее время самолёт) и 2000 т бензина для танков»²¹. Постановление Политбюро ЦК

¹⁶ СССР и Гражданская война в Испании. С. 56.

¹⁷ Там же. С. 60, 64.

¹⁸ Арцыбашев В.А., Каримов О.В. Добровольцы страны «Икс». С. 93.

¹⁹ СССР и Гражданская война в Испании. С. 79–80.

²⁰ Там же. С. 93.

²¹ Там же. С. 118.

ВКП(б) (И.В. Сталин, В.М. Молотов, Л.М. Каганович, А.А. Жданов, Г.К. Орджоникидзе) от 31 октября № П-3272 было направлено в НКВТ СССР.

7 января 1937 г. нарком внешней торговли А.П. Розенгольц направил записку И.В. Сталину и В.М. Молотову: «Испанское правительство обратилось к нам с просьбой продать ему в 1-м квартале с.г. 53 тыс. т бензина. Объясняют они свою просьбу тем, что несмотря на все попытки, им не удалось достать товар в Румынии и имеют место затруднения в получении бензина из Америки. Прошу Вас разрешить запродать на Испанию в 1-м квартале 53 тыс. т бензина, обязав Госплан выделить эти количества в 1-м квартале сверх плана экспорта бензина, утверждённого на 1937 г. и 1-й квартал». Глава Государственной плановой комиссии (Госплан) при СНК СССР В.И. Межлаук предложил: «Из годового плана в 350 тыс. т на 1-й квартал выделено НКВнешторгу 150 тыс. т, поэтому считаю возможным: 1) дать сверх плана в 1-м кв., но в счёт годового плана 30 тыс. т; 2) 23 тыс. т НКВТ выделить из своих ресурсов»²². Глава СНК СССР В.М. Молотов согласился с этим предложением.

В июле 1937 г. были подведены итоги годовой работы НКВТ с республиканской Испанией. Из 460 тыс. т разных товаров нефтепродукты составляли около 204,3 тыс. т (44%): 1) бензин — 70,1 тыс. т; 2) мазут — 83,9 тыс. т; 3) газойль — 37,1 тыс. т; 4) масла разные — 7,7 тыс. т; 5) керосин — 5,3 тыс. т; 6) бензол — 0,9 т; 7) бромэтил — 2000 л; 8) пломбтетроэтил — 19,3 т; 9) этиловая жидкость — 9 т; 10) парафин — 210 т²³.

В сентябре 1937 г. по просьбе республиканского правительства ЦК ВКП(б) принял решение о вооружении двух испанских теплоходов «Кабо Санто Томе» и «Кабо Сан Агустин». Последний, помимо различных грузов, должен был доставить в Испанию 100 т авиамасел и 10 т пломбтетроэтила²⁴.

В 1938 г. испанское правительство также рассчитывало на поставки нефти и нефтепродуктов из СССР. Объёмы этих поставок были даже увеличены. 2 февраля 1938 г. нарком внешней торговли Е.Д. Чвялев встретился с послом Испанской Республики М. Паскуа по просьбе последнего. В ходе беседы поднимался и вопрос обеспечения нефтью и нефтепродуктами. Глава испанского правительства Х. Негрин просил не задерживать отгрузки Мадриду коммерческих грузов до урегулирования вопроса всей задолженности по отправленным СССР в Испанию товарам. Е.Д. Чвялев обратил внимание «на неблагоприятие в отношении присылки испанским правительством танкеров... Танкеры присылаются с большим опозданием и...испанский представитель в Лондоне, фрахтующий танкера, наверное, преднамеренно задерживает присылку танкеров под нефтяные грузы, в которых испанское правительство имеет острую нужду... Мимоходом задал ему вопрос: почему испанское правительство не добьётся надлежащей охраны нефтехранилищ, несмотря на частые поджоги, устраиваемые фашистами? Паскуа объяснил, что испанское правительство наспех приспособило для нефтехранилищ непригодные для этой цели инсталляции»²⁵.

В конце года — 26 декабря 1938 г. председатель Совета Министров и министр национальной обороны Х. Негрин вновь обратился с письмом по вопросу займа

²² СССР и Гражданская война в Испании. С. 172.

²³ Там же. С. 262.

²⁴ Там же. С. 294.

²⁵ Там же. С. 327.

в 100 млн американских долларов сроком на 10 лет к председателю СНК СССР В.М. Молотову. В счёт займа испанское правительство рассчитывало получать с января по июнь 1939 г. ежемесячно: бензина 15,3 тыс. т, сырой нефти 9 тыс. т, газойля 5 тыс. т. Итого: 29,3 тыс. т каждый месяц. На этом документе имеются три резолюции: «С т. Микояном придётся об этом поговорить в ЦК. В. Молотов»; «Нет. А. Микоян»; «Вопрос решён. Молотов»²⁶.

Вполне естественно, что СССР не смог удовлетворить подобные запросы республиканцев. Ведь в таком случае, согласно планам испанского правительства, советский нефтяной экспорт в Испанию мог составить до 351,6 тыс. т, что равнялось бы 74,8 % советского нефтяного экспорта в 1939 г.! Напомним, что всё это происходило в условиях, когда планами 3-й пятилетки советское руководство поставило перед народным хозяйством страны новые задачи, несущие ярко выраженную военную окраску, — любой ценой достичь уровня капиталистических стран в экономическом отношении и укрепить материальный фундамент обороны СССР²⁷.

Несмотря на то что Советский Союз был главной нефтедобывающей державой на европейском континенте и занимал второе место после США в мире, уровень развития нефтепереработки был недостаточен (особенно критическая ситуация сложилась в производстве авиационного бензина)²⁸. Кроме того, продуктов нефтепереработки катастрофически не хватало и для внутреннего потребления.

Анализируя совокупный советский нефтяной экспорт и нефтяной экспорт в Испанию, мы приходим к следующим показателям:

Год	Совокупный экспорт советской нефти и нефтепродуктов (млн т)	Из них экспорт в Испанию (тыс. т)	Процентное соотношение нефтяного экспорта в Испанию
1934	4,31	493,5	11,4
1935	3,36	178,4	5,3
1936	2,66	111,7	4,2
1937	1,93	193,6	10
1938	1,38	205,1	14,8
1939	0,47	–	–

Таким образом, советский нефтяной экспорт в республиканскую Испанию в 1936–1938 годах непрерывно возрастал в абсолютных и относительных показателях. Однако в условиях опасности развязывания новой мировой войны в 1939 г. нефтяной экспорт из СССР был сокращён до минимума. В Испанию не поступило ничего. Практически вся продукция была оставлена для внутреннего потребления и укрепления обороноспособности Советского Союза. Нефть, будучи стратегическим ресурсом, рассматривалась как важный элемент национальной безопасности СССР. В результате принятых мер согласно совместному постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О плане

²⁶ СССР и Гражданская война в Испании. С. 431–432.

²⁷ Великая Отечественная война. Т. 7. С. 18.

²⁸ Славкина М.В. Влияние отечественного нефтегазового комплекса. С. 22.

накопления госрезервов и мобзапасов на 1940 г.» Советский Союз по состоянию на 1 января 1941 г. имел в резерве 1,6 млн т нефти²⁹.

Библиография

Арцыбашев В.А., Каримов О.В. Добровольцы страны «Икс» // Военно-исторический журнал. 2017. № 2.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М.: Кучково поле, 2013.

Внешняя торговля СССР за 1918–1960 гг. (Статистический обзор). Часть 1, 2. М.: Внешторгиздат, 1960.

Иголкин А.А. Советский нефтяной экспорт в годы предвоенных пятилеток // Нефтяное хозяйство. 2006. № 9.

Малай В.В. Европа и Испания (сентябрь 1936 г. — май 1937 г.): курс «невмешательства» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2008. № 1 (41). Вып. 5.

Рыбалкин Ю.Е. Сталин и Испания. М.: Вече, 2016.

Славкина М.В. Влияние отечественного нефтегазового комплекса на модернизационные процессы в СССР — России (1939–2008): Автореф. дис. на соискание учёной степени д.и.н. М., 2013.

СССР и Гражданская война в Испании: 1936–1939 годы. М.: Вестник Архива Президента Российской Федерации, 2013.

Каримов Олег Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории РГУНГ (НИУ) имени И.М. Губкина.

Suministros de petróleo soviético y sus derivados a la República Española (1936–1939)

Las exportaciones de petróleo crudo y productos derivados de la URSS a España fueron importantes para ambos Estados en los años 1920. Entre los compradores de productos derivados de petróleo soviéticos, España ocupó el quinto lugar después del Reino Unido, Italia, Alemania y Francia. Después de una cierta disminución, las exportaciones de petróleo soviéticas a España Republicana iban aumentando continuamente en 1936–1938 en términos absolutos y relativos. Sin embargo, ante la amenaza del estallido de una nueva guerra mundial en 1939, las exportaciones de petróleo de la URSS a todos los países se redujeron al mínimo. España en ese contexto, bajo la dirección de Franco no recibió nada.

Karimov Oleg, Doctor en Historia, catedrático de Historia de la Universidad Estatal Rusa de Petróleo y Gas “Gubkin”.

²⁹ Великая Отечественная война. Т. 7. С. 33.

А. В. ДЕМЕНТЬЕВ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ И ФРАНКИСТСКОЙ РАДИОПРОПАГАНДЫ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ (1936–1939)

Радиовещанию, как действенному средству массовой информации и агитации, противоборствующие стороны — республиканцы и франкисты — отводили особо важную роль в годы гражданской войны в Испании. Перед радиопропагандой обе стороны ставили схожие задачи: поднять моральный дух в собственных рядах и деморализовать противника; формировать в стане соперника пораженческие настроения за счёт демонстрации (нередко лживой) боевых успехов собственной армии; разжигать противоречия между различными социальными, политическими и этническими группами населения на территории противника. Радиовещание периода гражданской войны в Испании стало одним из первых опытов массовой политической пропаганды и активного психологического воздействия на население.

Содержащиеся в предлагаемой статье положения и выводы могут быть использованы в исследованиях, посвящённых истории политической пропаганды и контрпропаганды, а также в качестве дополнительного материала при разработке современных методов борьбы с «фейковыми новостями».

Введение

В годы гражданской войны в Испании (18 июля 1936 г. — 1 апреля 1939 г.) радиовещанию, как действенному средству массовой информации и агитации, обе противоборствующие стороны отводили особо важную роль. Радиопропаганда доказала своё преимущество перед печатными СМИ (газетами, журналами, листовками, плакатами) в силу того, что далеко не все испанцы в те годы были грамотными. Ожесточённое противоборство между республиканцами и мятежниками развернулось не только на полях сражений, но и в эфире. Один из самых авторитетных авторов книг по военной истории, Э. Бивор, отметил следующее: «За время гражданской войны Испания пережила много злодеяний, что было не в новинку, — однако впервые столь огромную роль в смуте сыграли средства массовой пропаганды»¹.

Перед радиопропагандой обе стороны ставили во многом схожие задачи: поднять моральный дух и укрепить дисциплину в собственных рядах; подорвать доверие населения к лозунгам и действиям противоборствующей стороны; дискредитировать политическое и военное руководство; нейтрализовать эффект пропаганды противника; усиливать пораженческие настроения в стане врага за счёт демонстрации (нередко далёкой от действительности) боевых успехов собственной армии; разжигать противоречия между различными политическими, социальными и этническими группами населения на территории противника. При этом радиовещание было рассчитано не только на то, чтобы воздействовать на умы и настроения испанцев, но и формировать позитивный образ соответствующей стороны за рубежом, прежде всего в Европе.

¹ Бивор Э. Гражданская война в Испании 1936–1939 / Antony Beevor. The Battle for Spain. The Spanish Civil War 1936–1939. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. С. 140.

В первой четверти XX века Испания не была среди передовых европейских стран в части беспроводной передачи информации. Первая достаточно мощная радиостанция появилась в Барселоне 14 ноября 1924 г. — *EAJ-1 Radio Barcelona* («ЭАХОТА-1 Радио Барселона»). 17 июня 1925 г. король Альфонсо XIII принял участие в церемонии открытия первой столичной радиостанции *Unión Radio Madrid* («Унион Радио Мадрид»). В те годы все радиостанции находились в частных руках, а вещание осуществлялось преимущественно в средневолновом диапазоне. В 1930-е годы благодаря техническому прогрессу стали появляться сравнительно недорогие радиоприёмники. В 1936 г. их число превысило 300 тысяч². Испанцы быстро оценили преимущества устного слова по сравнению с печатным, т. к. радиопередачи не требовали умения читать. Постепенно эфир наполняли новые радиоканалы, новые передачи. К 1936 г. радио превратилось в действенный информационно-пропагандистский инструмент, прошедший проверку в годы диктатуры генерала М. Примо де Риверы (1923–1930), падения монархии (1931), установления Второй республики и в период острого идеологического противостояния (1931–1936), предшествовавшего гражданской войне.

Республиканская и франкистская радиопропаганда в начальный период гражданской войны

Уже в первые часы после начала антиправительственного путча стало ясно, что радиоэфир способен сыграть ключевую роль в развитии событий. К вечеру 17 июля 1936 г. мятежники овладели основными городами в испанском Марокко — Мелильей, Сеутой и Тетуаном. Вечером того же дня тревожные сообщения стали поступать в Мадрид, но кабинет министров во главе с С. Касаресом Кирогой пребывал в растерянности. Более того, утром 18 июля в правительственном радиосообщении говорилось, что «ни один, абсолютно ни один человек в Испании не принял участия в этом абсурдном заговоре»³.

18 июля 1936 г. на *Radio Tenerife* («Радио Тенерифе») впервые прозвучал голос одного из руководителей путча — генерала Франсиско Франко, который обратился к слушателям с призывом содействовать в борьбе «с хаосом, анархией, марксизмом, сепаратизмом и иностранными агентами». В тот же день на этот призыв откликнулись военные, расквартированные в Севилье. Во главе путчистов в столице Андалусии встал генерал Г. Кейпо де Льяно, впоследствии приобретший известность своими циничными выступлениями по севильскому радио. Лишь после того, как на сторону восставших перешли пехотная часть и артиллерийский полк, последовала реакция властей. По *Radio Sevilla* («Радио Севилья») профсоюзные лидеры объявили о всеобщей забастовке. Рабочие отряды, ведомые коммунистами и анархистами, приготовились к обороне в кварталах Триана и Макарена. В это время мятежники захватили радиостанцию *Radio Sevilla*, тем самым лишив власти возможности мобилизовать население. Г. Кейпо де Льяно объявил в эфире о готовности военных безжалостно подавить любое сопротивление.

Война стала поворотным пунктом для радиовещания в стране. Противоборствующие стороны взяли под свой контроль большинство радиостанций. Мятеж-

² La Guerra Civil española. Mes a mes. Т. 1–36. Madrid: Ed. Grupo Unidad Editorial S.A., 2005. Т. 2. P. 106.

³ Хью Т. Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. Пер. с англ. И. Полоцка. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. С. 129.

ники, будучи профессиональными военными, действовали более оперативно и организованно. По приказу Хунты национальной обороны (Junta de Defensa Nacional) от 28 июля 1936 г. на захваченных путчистами территориях фактической национализации подверглись все основные радиопередающие центры, которые были переданы в подчинение Управления прессы и пропаганды (Oficina de Prensa y Propaganda). На начальном этапе войны у путчистов наибольшую активность проявляла *Radio Sevilla*, на волнах которой 18 месяцев подряд по вечерам «солировал» Г. Кейпо де Льяно, чьи выступления можно смело ставить в один ряд с агитацией в духе доктора Геббельса.

Последовал симметричный ответ республиканских властей. 3 августа Министерство связи объявило о переходе под контроль Республики основных радиопередающих центров. В столице власти фактически национализировали наиболее мощную радиостанцию — *Unión Radio Madrid* («Унион Радио Мадрид»), которая в дальнейшем получила название *SER* (Sociedad Española de Radiodifusión)⁴. Именно на волнах этой радиостанции из уст легендарной Долорес Ибаррури прозвучал ставший известным всему миру лозунг: «¡No pasarán!» («Они не пройдут!»)⁵.

Радиосообщения как республиканцев, так и мятежников включали официальные заявления, сводки с фронтов, оповещения о воздушной тревоге, интервью с политическими деятелями и участниками боёв, повседневную информацию. Вместе с тем информационные передачи сопровождались музыкальными программами, выступлениями известных певцов и исполнителей, фрагментами из популярных сарсуэл⁶.

В пропагандистских целях противоборствующие стороны использовали взаимные обвинения в предательстве интересов испанцев, расправах над неудобными людьми, нарушении международного права. Сообщалось о якобы массовых дезертирствах с обеих сторон, кризисе в рядах республиканцев или франкистов и т.д. Мятежники обвиняли республиканское правительство в том, что в стране, погружившейся в хаос и анархию, не соблюдаются права трудящихся и предпринимателей, попираются чувства верующих, преследуются те, кто не разделяет коммунистическую идеологию. Утверждалось, что за спиной республиканцев стоит Сталин, а о Гитлере и Муссолини говорилось как о верных союзниках в борьбе с коммунизмом. Правые силы, прежде всего лидеры партии Народное действие (Acción Popular), резко критиковали левых, не брезговали различного рода «страшилками», запугивая обывателей «большевизацией», «красным террором», «тотальной коллективизацией». Республиканские власти совершенно справедливо обвиняли путчистов в осуществлении антиправительственного мятежа, грубо нарушающего законодательство страны и откровенно попирающего конституционные положения.

Роль радио возросла после того, как в первые месяцы войны стала повсеместно ощущаться нехватка бумаги. 4 декабря 1936 г. Франко был вынужден отдать распоряжение об обязательном сокращении на 50 % объёмов газетных и журнальных публикаций. Нарушителям грозил штраф в 5 тыс. песет, а в случае повторного нарушения издание подлежало закрытию.

⁴ La Guerra Civil española. Mes a mes. T. 10. P. 199.

⁵ Хью Т. Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. С. 134–135.

⁶ Сарсуэла (исп. zarzuela) — испанский музыкально-сценический жанр, близкий оперетте, сочетающий вокальные выступления, танцы и разговорные диалоги.

Осознавая важность радиопропаганды, Франко отдал распоряжение закупить в Германии самое современное радиооборудование. В декабре 1936 г. из Гамбурга в Виго, а затем в Бургос (там размещалась ставка Верховного главнокомандующего) был доставлен мощный немецкий радиопередатчик фирмы «Лоренц». Этот передатчик был в три раза мощнее всех остальных имевшихся в то время в Испании. Его возможности были таковы, что голос франкистов стал слышен на всем полуострове. Испанцы получили возможность слушать радиостанции как республиканцев, так и мятежников.

Жёсткая цензура над основными СМИ, как печатными, так и беспроволочными, была установлена и республиканцами, и франкистами. Цензоры обеих сторон старательно вымарывали любые сообщения, которые могли бы быть неверно истолкованы или послужить источником военной информации для противника. Иностранные журналисты, замеченные в публикации запрещённой информации, выдворялись с территории Испании или же теряли журналистскую аккредитацию⁷.

Республиканская радиопропаганда в ходе войны

В годы братоубийственной войны вопросы агитации и контрпропаганды стали ключевыми как для Республики, так и для мятежников. Причём в стане республиканцев налаживанию пропагандистских механизмов уделяли повышенное внимание не только центральные власти, но и руководство регионов. В частности, 5 октября 1936 г. по инициативе председателя Женералитата (орган регионального самоуправления Каталонии) Ж. Таррадельяса создаётся Комиссариат пропаганды, призванный действовать на фронте и в тылу. К основным направлениям его работы относились все виды агитации: печатная, устная, артистическая, спортивная. Печатное направление включало издание газет, журналов, книг, брошюр, листовок, плакатов.

Устное — отвечало за налаживание регулярного радиовещания, проведение митингов, собраний, конференций. Артистическое — делало акцент на кино- и фотоискусстве, организации художественных выставок, разнообразных конкурсов, концертных и театральных постановок. В функции спортивного направления входило проведение спортивных, физкультурных и оздоровительных мероприятий⁸. В целом республиканская радиопропаганда действовала достаточно успешно. Журналист-франкист М. Санчес де Арко был вынужден откровенно заявить на страницах газеты *ABC de Sevilla* от 1 декабря 1936 г.: «Одним из наиболее эффективных средств на службе марксистов является радио, пропагандистская деятельность которого — и это следует признать — с первых же дней осуществляется с умом и энергией». Однако эффективность республиканского радио была бы выше, если бы в рядах проправительственных сил существовало идейное единство и организационная сплочённость. Среди антифранкистов наблюдались идеологические разногласия, порой острые, что отражалось на содержании трансляций. Радиоэфир наполняли не только правительственные сообщения, но и информация и призывы анархистов, коммунистов, социалистов, антимонархистов, региональных националистов. Такой идейный разнобой снижал действенность республиканской пропаганды.

В 1936–1937 гг. получило распространение сравнительно новое средство устной пропаганды — громкоговорители, предназначенные для ведения вещания среди

⁷ La Guerra Civil española. Mes a mes. T. 17. P. 114.

⁸ Ibid. T. 33. P. 140.

военнослужащих противника. Аппаратуру устанавливали, как правило, на грузовых автомобилях или бронемашинах, которые перемещались вдоль линии боевых действий. Слышимость громкоговорителей была довольно внушительной — до 5 км. Громкоговорители использовались в моменты затишья или отдыха бойцов. Содержание зависело от конкретной установки: звучали призывы не доверять своим офицерам, сложить оружие, дезертировать. Передавалась информация о положении на фронтах, естественно, в красках, ущербных для противоборствующей стороны. Но репертуар передач этим не ограничивался. Нередко наряду с информационными сообщениями в ход пускалось музыкальное сопровождение или записи выступлений популярных исполнителей. Инициатива такого психологического воздействия на противника принадлежала руководителям ведущего печатного органа испанских коммунистов *Mundo Obrero* («Мундо Обреро»). Начиная с сентября 1936 г. особую активность на этом направлении проявляли антифашисты под руководством перуанского журналиста Сесара Фалькона, сформировавшего пропагандистскую бригаду *Altavoz del Frente* («Фронтальной громкоговоритель»). В 1936–1937 гг. участники этой бригады успешно действовали на различных участках центрального фронта, а в дальнейшем в районе Валенсии.

Важность радиовещания, в т.ч. с точки зрения оценки реальной ситуации на фронтах, подтверждает следующий факт. С октября 1938 г. по апрель 1939 г. в г. Хаэн по заданию советского руководства находился будущий академик и директор Института языкознания Академии наук СССР Георгий Владимирович Степанов. В задачу молодого переводчика входило прослушивание местных радиостанций и определение положения дел на андалусийском фронте. По итогам прослушивания составлялось короткое донесение. Как вспоминал Г.В. Степанов, содержание трансляций во многом совпадало: и франкисты, и антифашисты заявляли о важности социальной справедливости, повышения жизненного уровня трудящихся, улучшения положения в сфере образования и здравоохранения. Мешали и радиопомехи. В результате зачастую лишь по последним словам дикторов «¡Arriba España!» («Вперёд, Испания!»), «¡Viva Franco!» («Да здравствует Франко!») или «¡No pasarán!» («Они не пройдут!»), «¡Viva la República!» («Да здравствует Республика!») было возможным определить, находится ли та или иная радиовещательная точка в руках республиканцев или франкистов.

Франкистская радиопропаганда в ходе войны

По мнению Э. Бивора, действия мятежников в июле 1936 г. стали «первым государственным переворотом современности, в котором огромную роль сыграли радиостанции...»⁹. В ставке Верховного главнокомандующего (Generalísimo), находившейся в первые месяцы войны в Саламанке, зародилась радиовещательная компания *Национальное радио Испании* (Radio Nacional de España). Это был первый шаг на пути установления государственной монополии на информацию. 19 января 1937 г. в 22.30 испанцы впервые услышали позывные Национального радио: «¡Habla España!». Затем последовало выступление самого Франко, восхвалявшего славное прошлое страны. По его словам, «Испания — это страна героических подвигов, эпического величия, прародительница аскетов и Дон Кихотов, родина отважных идалго»¹⁰. Национальное радио Испании вещало не круглые сутки, а только 5 часов в день. Причём 4 часа при-

⁹ Бивор Э. Гражданская война в Испании 1936–1939. С. 109.

¹⁰ La Guerra Civil española. Mes a mes. T. 9. P. 87.

ходились на вечернее и ночное время. Дневному вещанию отводился всего один час с 12.00 по 13.00, т. е. на обычное в те годы для испанцев обеденное время.

В содержательном плане передачи Национального радио можно было поделить на две составляющие: информационную и музыкальную. Информационная часть содержала официальные заявления руководителей мятежа, сообщения с фронтов, пропагандистские материалы. Музыкальная была довольно скромной, так как первоначально фалангисты не располагали богатым архивом записей. Это эфирное время включало, как правило, произведения известных испанских композиторов — Исаака Альбениса (1860–1909), Мануэля де Фалья (1876–1946), Энрике Гранадоса (1867–1916), отрывки из популярных сарсуэл. Часто звучали военные марши. В рамках Национального радио родилось вещание на иностранных языках. Например, 18 июля 1937 г. речь Ф. Франко, посвящённая первой годовщине мятежа (выступление каудильо началось в 22:00), транслировалась тремя часами позже на немецком, итальянском, португальском, английском и французском языках¹¹.

Возрастающая информационная и агитационная роль радио заставляла мятежников предпринимать усилия по реорганизации радиовещания. Решение этой задачи было поручено родному брату каудильо — Николасу Франко. По его инициативе 14 января 1937 г. было создано Национальное управление прессы и пропаганды (*Delegación Nacional de Prensa y Propaganda*), в состав которого спустя несколько дней было включено и Национальное радио. В Официальном государственном бюллетене от 17 января 1937 г. можно было прочесть, что Национальное управление прессы и пропаганды предназначалось для борьбы с «моральным отравлением испанцев», осуществившимся по указанию «русских агентов, находящихся на службе коммунистической революции»¹². В функции Национального управления входила также подготовка дикторов и технических сотрудников радиостанций. После переноса в январе 1938 г. франкистской «столицы» из Саламанки в Бургос туда же переехало и Национальное радио, которое быстро «подмяло» под себя *Radio Castilla* («Радио Кастилия»), долгое время вещавшее из Бургоса. Начиная с 1938 г. Франко распорядился выделять дополнительные денежные суммы на пропагандистские цели. В результате Национальное радио получило возможность иметь продолжительное эфирное время, привлекать к подготовке материалов значительное число журналистов, редакторов и сценаристов, а также повысить зарплату техническим работникам радиостанций. Все эти меры положительно сказались на качестве франкистского вещания. Более разнообразным стал набор передач: привычными стали политические дискуссии с участием двух и более участников, развлекательные, в том числе детские и юмористические, программы. Официальная информационная сводка, выходившая в эфир каждый день в 22:00, стала, по утверждению путчистов, наиболее «слушаемой передачей» на всем полуострове. Разумеется, на подконтрольной Республике территории франкистские передачи слушались тайком.

Единственный раз, когда был изменён привычный порядок следования вечерних передач, приходится на 1 апреля 1939 г. В 23:13 голос диктора объявил: «Сейчас 11 часов 13 минут. Вы слушаете Национальное радио Испании. Над нами развеваются знамёна победителей». Затем прозвучал гимн фашистской партии — Испанской фаланги.

¹¹ La Guerra Civil española. Mes a mes. T. 9. P. 87.

¹² Ibid. P. 116.

Диктор объявил: «Слушайте официальное сообщение. 1 апреля 1939 года. Третий победоносный год. Сегодня, после того как Красная армия сложила оружие и оказалась в плену, национальные войска выполнили все поставленные перед ними завершающие боевые задачи. Война окончилась. Бургос, 1 апреля 1939 года. Главкомандующий Франко». Вновь прозвучал гимн Испанской фаланги. Затем последовали лозунги: «Да здравствует Германия! Да здравствует Италия! Да здравствует Португалия! Испания — единая! Испания — великая! Испания — свободная! Франко, Франко, Франко! Вперёд, Испания!»¹³.

К вещанию на волнах Национального радио привлекались не только политики, но и известные интеллектуалы, журналисты, писатели, например Хосе Мария Пеман (1897–1981). В решении пропагандистских задач приняла участие даже десятилетняя дочь каудильо — Карменсита Франко (1926–2017), по просьбе которой по вечерам детям читались небольшие рассказы и сказки. Примечательно, что основным диктором Национального радио был Фернандо Фернандес де Кордова, который вещал на безукоризненно чистом кастильском варианте испанского языка. Дикторы с каталонским, андалусийским, мурсийским или иным региональным акцентом к микрофонам не допускались. Таким образом, на долгие годы кастильский диалект стал единственно разрешённым на Национальном радио.

За идейно-пропагандистский контент активно взялись фалангисты. К концу войны под их идеологическим контролем находились 30 основных радиостанций на территориях, захваченных мятежниками. Франкистская пропаганда играла на страхе перед коммунизмом и взывала к консервативным и религиозным чувствам. Националисты утверждали, что отстаивают дело веры, порядка и западной цивилизации, столкнувшись с «азиатским коммунизмом». В подкрепление этой версии событий они, опираясь на поддельные документы, доказывали, что в 1936 г. коммунисты замыслили революцию и, дескать, подготовили для её осуществления 150 тысяч бойцов и 100-тысячный резерв, а националисты, опередив «красных», сорвали переворот. Жизнь в республиканской зоне изображалась в самых драматических тонах: казни священников, глумления над монахинями, расстрелы невинных людей. В оправдание своей неспособности занять Мадрид они утверждали, что «в Испании воюют полмиллиона иностранных коммунистов»¹⁴. Как уже отмечалось выше, в распространении «фейковых новостей» и грубых выпадов против республиканцев особенно преуспел мятежный генерал Г. Кейпо де Льяно. Надо сказать, что республиканцы не оставляли без внимания наиболее циничные из его заявлений. Например, 19 декабря 1936 г. баскская газета *Euskadi* («Эускади») опубликовала редакционную статью с критикой в адрес генерала-путчиста, который несколькими днями ранее обвинил баскских священников в предательстве, так как в церковных проповедях они якобы недостаточно критично отзывались о республиканских властях. Таких служителей культа Г. Кейпо де Льяно назвал не *sacerdotes* (священники), а *cerdotes* (свиньи), что вызвало протесты баскской общественности.

Заключение

Радиовещание сыграло чрезвычайно важную роль в годы гражданской войны в Испании (1936–1939). Наряду с газетами, журналами и листовками это было наибо-

¹³ La Guerra Civil española. Mes a mes. Т. 9. Р. 118.

¹⁴ Бивор Э. Гражданская война в Испании 1936–1939. С. 385–386.

лее эффективное средство массовой информации. Радиовещание того периода, ставшее первым мировым опытом массовой политической пропаганды и активного психологического воздействия на население, решало несколько задач, главная из которых заключалась в формировании у слушателей новой реальности, которая не всегда соответствовала истинному положению дел как на фронтах, так и применительно к лидерам противоборствующих сторон. Например, С.П. Пожарская справедливо отмечала: «Образ Франко, далёкий от действительности, был вездесущ на всем пространстве национальной жизни благодаря радио»¹⁵.

Первой жертвой любого вооружённого конфликта становится, как известно, правда. Войны начинаются со лжи. Эту аксиому подтвердила гражданская война в Испании, когда эфир заполнили взаимные обвинения в предательстве интересов Родины и испанского народа. Радиопропаганда зачастую велась с использованием фальсифицированной информации, подтасовки данных и личностных оскорблений.

Библиография

Бивор Э. Гражданская война в Испании 1936–1939. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018.

Пожарская С.П. Франсиско Франко и его время. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.

Хью Т. Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.

La Guerra Civil española. Mes a mes. Tomos 1–36. Madrid: Ed. Grupo Unidad Editorial S.A., 2005.

Payne S.G., Palacios J. Franco. Una biografía personal y política. Ed. Espasa Libros, S.L.U., 2014.

Дементьев Алексей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (МГИМО), Чрезвычайный и Полномочный Посланник (2 кл.).

Confrontación de la radiopropaganda republicana y franquista en la Guerra Civil española de 1936–1939

Durante la Guerra Civil española tanto los republicanos, como los franquistas atribuían a la radiodifusión, como medio eficaz de comunicación y propaganda, un papel particularmente importante. Ambas partes planteaban ante la radiopropaganda tareas similares: elevar la moral en sus propias filas y desmoralizar al enemigo; formar sentimientos derrotistas en el campo del oponente mediante la demostración de éxitos (a menudo falsos) de su propio ejército; atizar contradicciones entre diferentes grupos sociales, políticos y étnicos de la población en el territorio enemigo. La radiodifusión durante la Guerra Civil española fue una de las primeras experiencias de propaganda política masiva, así como de influencia psicológica activa en la población.

Las disposiciones y conclusiones contenidas en el presente artículo pueden ser usados en estudios dedicados a la historia de la propaganda política y la contrapropaganda, así como material complementario en el perfeccionamiento de métodos modernos para combatir “noticias falsas”.

Dementyev Alexey, Doctor en Filología, catedrático del Depto. de la Lengua Española de la Universidad MGIOMO; Ministro Extraordinario y Plenipotenciario (2 cl.).

¹⁵ Пожарская С.П. Франсиско Франко и его время. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 90.

EKATERINA GRANTSEVA

LA AYUDA SOVIÉTICA EN LA ESFERA CULTURAL Y HUMANITARIA: ALGUNOS SECTORES DE ACTUACIÓN

La cooperación humanitaria y cultural es una parte importante de relaciones internacionales. Los intercambios culturales contribuyen a fortalecer la política exterior y a desarrollar otras áreas de cooperación internacional. Además de la asistencia técnico-militar durante la Guerra Civil española de 1936 a 1939, la Unión Soviética brindó un amplio apoyo a la parte republicana. Por un lado, la URSS participó activamente en ayudar a los republicanos a alcanzar sus propios objetivos políticos. Por otro lado, comenzaron a formarse relaciones interpersonales que provocarían la interrelación de muchos rusos y españoles.

En la década de 1930, con la proclamación de la II República Española¹, las relaciones soviético-españolas se iniciaron tanto al nivel diplomático como al de relaciones culturales². En ese momento, el número de españoles que venían llegando a la URSS iba en aumento y surgieron asociaciones como la Sociedad de Amigos de la Unión Soviética, fundada en 1933³.

En primavera de 1936, después de que la coalición del Frente Popular ganara las elecciones y se formara un Gobierno con republicanos de izquierda, se entablaron las negociaciones para el intercambio de embajadores entre la URSS y la República Española. El 8 de abril en Ginebra el representante de España en Francia, Salvador de Madariaga, abordó al representante soviético de la URSS en Francia, V.P. Potemkin, para hacerle una solicitud sobre cómo iniciar el “Intercambio de misiones entre la URSS y España”⁴. A mediados de agosto de 1936, se inició el intercambio de embajadores. M.I. Rosenberg llegó a Madrid y V.A. Antonov-Ovseenko fue nombrado cónsul general en Barcelona⁵. El 21 de septiembre de 1936, Marcelino Pascua fue designado embajador español en la Unión Soviética.

El 25 de julio de 1936 el presidente del Consejo del Ministros, José Giral envió una carta al embajador soviético en París pidiéndole a los líderes de la URSS que proporcionaran a la República armas y equipo militar. El 29 de septiembre de 1936, el Buró Político del Comité Central del Partido Comunista (bolchevique) de toda la Unión Soviética inició la Operación “X”. Entre las áreas de actuación estuvieron “asistencia técnico-militar; actividades de asesores

¹ Hay que señalar que durante la dictadura de Primo de Rivera ese tipo de relaciones fueron interrumpidas. Asimismo, tras la Revolución de Octubre de 1934 volvieron romperse.

² Kuleshova V.V. *Ispaniya i SSSR. Kul’turnyye svyazi. 1917–1939*. Moskva: Nauka, 1975; Navarra A. *El espejo blanco. Viajeros españoles en la URSS*. Madrid, 2016.

³ Vease: Garrido Caballero M. *Compañeros de Viaje. Historia y Memoria de las Asociaciones de Amistad Hispano-Soviéticas*. Murcia: Ediciones de la Universidad de Murcia, 2005.

⁴ *Spravka 3-go zapadnogo otdela NKID SSSR ob ustanovlenii diplomaticheskikh otnosheniy s Ispaniyey. 14 avgusta 1936 g.* AVP RF F.010. Op. 11. P. 71. D. 53. L. 35–36.

⁵ Malay V. V. *Problemy Grazhdanskoy voyny v Ispanii 1936–1939 gg. v kontekste sovetskoy vneshney politiki (po materialam Arkhiva vneshney politiki RF)* // *ISTORIYA*. 2011. T. 2. Vypusk 8.

militares soviéticos y especialistas en la construcción de las Fuerzas Armadas de la República; desarrollo de operaciones del Ejército Popular y la Armada; especialistas en capacitación y participación directa de voluntarios soviéticos en operaciones”⁶.

En un momento en que la República Española se encontraba en una situación desesperada, la URSS anunció que se consideraría libre de obligaciones derivadas del Acuerdo de No Intervención en los asuntos internos de España, si no se detenían de inmediato las violaciones por parte de los aliados de Franco⁷.

Al mismo tiempo, en el momento en el que hubo un peligro real de la toma de Madrid por las fuerzas sublevadas, el presidente del Gobierno Largo Caballero y el ministro de Economía Juan Negrín decidieron enviar parte de las reservas de oro del Banco de España a la URSS. El 15 de octubre de 1936, representantes de España solicitaron formalmente a la Unión Soviética que aceptara unas 510 toneladas de oro para su almacenamiento⁸. En noviembre el oro estaba en Moscú y a principios de febrero de 1937 se firmó un acta sobre su recepción. Del lado español, el acta fue rubricado por el embajador de España en Moscú, Marcelino Pascua⁹.

La historia del “oro español” desempeñó un papel importante en la historia de las relaciones hispano-soviéticas. Durante mucho tiempo, el envío fue mantenido en secreto y generó muchos mitos. Asimismo, fue aprovechado reiteradamente por los franquistas para formar una imagen negativa de la URSS y se convirtió en uno de los obstáculos que impidieron el restablecimiento de relaciones en el período posterior a 1939. Como señaló Yu. E. Rybalkin, hoy, gracias a la investigación de Á. Viñas, no hay duda de que el oro se gastó por completo en la asistencia militar a la República en el marco de la Operación “X”¹⁰.

Además de la ayuda militar, durante la Guerra Civil, la Unión Soviética brindó un apoyo integral al lado republicano, comprendidos suministros de alimentos, equipos médicos, asistencia material, películas soviéticas, libros, carteles, etc.

La cooperación humanitaria y cultural es una parte importante de relaciones internacionales. Los intercambios culturales contribuyen a fortalecer la política exterior y a desarrollar otras áreas de cooperación internacional. A veces, esos lazos están por encima de todos los demás, lo que ha sucedido más de una vez en la historia de la interacción ruso-española¹¹.

Tradicionalmente, las relaciones culturales y humanitarias interestatales tienen una amplia variedad de formas: intercambios de exhibiciones de museos, cooperación con diversas organizaciones públicas, intercambio de libros, turismo, eventos culturales, científicos y educativos, etc. Todas esas líneas de cooperación interestatal adquirieron características especiales durante los años de la Guerra Civil.

El restablecimiento de las relaciones diplomáticas entre la URSS y España contribuyó al intercambio cultural y la cooperación en casi todas las esferas de cultura.

⁶ Rybalkin Yu.E. Stalin i Ispaniya. Moskva: Veche, 2016. P. 57.

⁷ Véase: Malay V.V. Sud’ba Respubliki reshallas’ ne v Madride. Belgorod, 1999.

⁸ Véase: Viñas Á. El escudo de la República. El oro de España, la apuesta soviética y los hechos de mayo de 1937. Barcelona: Crítica, 2007. Shubin A.V. Velikaya ispanskaya revolyutsiya. Moskva: URSS, 2012.

⁹ Recuerdos de estos tiempos por M. Pascua: Pascua M. Oro español en Moscú // Cuadernos para el diálogo. 1970. N 81–82. P. 11–18.

¹⁰ Rybalkin Yu.E. Stalin i Ispaniya. P. 134–150.

¹¹ Grantseva E.O., Filatov G.A., Volod’ko A.V., Paisova A.A. Rossiya XX veka na stranitsakh ispanskoy pressy i v svidetel’stvakh diplomatov. Moskva: Ves’ mir, 2018.

La mayoría de representantes de la intelectualidad republicana habían expresado opiniones antifascistas y prosoviéticas, y también habían participado activamente en la coalición del Frente Popular. En páginas de periódicos, en discursos y libros, narraron de la URSS, al expresar la gratitud por la ayuda soviética.

La Guerra Civil planteó agudamente el problema del tipo de organización social y los principios para su ordenación. Las partes en conflicto comenzaron a realizar un trabajo sistemático para formar una línea propagandística. El propósito de ésta era proteger el conjunto seleccionado de valores, y los medios y la esfera cultural debían incluirse en la interacción directa con instancias políticas, para adquirir las herramientas necesarias y el apoyo ideológico. Y la Unión Soviética fue un gran ayudante para el lado republicano en ese asunto.

A pesar de la ley marcial, los campos de la educación y la cultura siguieron siendo áreas prioritarias para el Gobierno republicano y se desarrollaron en estrecha cooperación con el campo de la información y la propaganda. El Ministerio de Instrucción Pública y Bellas Artes durante la guerra fue dirigido por el comunista Jesús Hernández Tomás. A partir de noviembre de 1936, el control sobre la cultura artística se incluyó en ese departamento, lo que condujo a fortalecer la función de agitación y propaganda en esa esfera, convirtiéndolo en uno de los medios de lucha del Frente Popular. El aparato del gabinete estaba compuesto principalmente por miembros del PCE, que también controlaba el sistema educativo, introduciendo la enseñanza de fundamentos del marxismo¹².

Al mismo tiempo se llegó a una interacción cada vez mayor con la Unión Soviética, tanto en el ámbito material, técnico y cultural, como en las relaciones interpersonales.

Ya antes del estallido de la Guerra Civil, la URSS había enviado una gran cantidad de material de propaganda a España. A finales de 1936, la colaboración entre la Unión Soviética y la República se intensificó significativamente. A partir de noviembre de 1936 a España brotó un caudal constante de libros y publicaciones periódicas soviéticas, así como de carteles, obras musicales y películas. Además, se desarrollaron contactos con numerosas organizaciones públicas y culturales comunistas y prosoviéticas que trabajaron activamente en la zona republicana¹³.

Como ya se había señalado, la Unión Soviética organizó entregas periódicas de diversos materiales de ayuda humanitaria y propaganda a la República Española.

Los barcos *Neva*, *Kuban*, *Volga*, *Zyryanin* llevaron ayuda alimentaria. De particular importancia fue el suministro de equipos y literatura médicos y el envío de especialistas médicos.

En 1937, la URSS elaboró una lista de actividades para el acercamiento cultural con España, comprendida la organización de exposiciones (la agricultura, *Osoaviakhim*, la Cruz Roja y la línea sindical). Se planeó invitar a artistas españoles, crear un departamento de lengua y literatura rusas en la Universidad de Valencia, hacer un intercambio de representantes

¹² Véase: Vázquez Liñán M. Propaganda y política de la Unión Soviética en la guerra civil española (1936–1939). Madrid, 2003. P. 117–120; Mainer J.-C. La vida cultural (1931–1939) // Jover Zamora J.M. (dir.). Historia de España. Menéndez Pidal. T. XL (República y Guerra Civil). Madrid, 2004. P. 447–520.

¹³ Puigsech Farras J. Oktyabr'skaya revolyutsiya kak obrazets dlya podrazhaniya v kontekste grazhdanskoy voyny v Ispanii // Rossiya i Iberoamerika v globaliziruyushchemsya mire: istoriya i sovremennost'. Doklady i materialy Tre'tyego mezhdunarodnogo foruma. SPb., 2017. P. 1837–1846.

de la ciencia y técnica (dar conferencias), organizar informes temáticos sobre la URSS en la República Española en las asociaciones de Amigos de la Unión Soviética, llevar a cabo una promoción activa de la producción cinematográfica soviética y organizar numerosas exposiciones fotográficas.

La Sociedad de Relaciones Culturales de la Unión Soviética (VOKS) también distribuyó activamente folletos, libros y artículos de propaganda soviética en el territorio republicano. Por separado, se enviaron materiales relacionados con la celebración del vigésimo aniversario de la Revolución de Octubre e instrucciones sobre la organización de eventos que se llevarían a cabo en el territorio republicano en noviembre de 1937 al respecto. También se proporcionaba información a la República Española sobre la cultura soviética, la educación y la protección a la maternidad y a la infancia, la construcción, el comercio, el transporte, etc. Para fines propagandísticos, la fotografía se utilizó activamente.

Además de numerosas publicaciones que promocionaron la URSS en publicaciones periódicas, en 1937 la rama catalana de la Asociación de Amigos de la Unión Soviética lanzó un álbum titulado *Homenatge de Catalunya* a la U.R.S.S.¹⁴ Esa obra contiene un discurso de apertura del presidente de la Generalitat de Cataluña, Lluís Companys, y una descripción detallada de varios aspectos de la organización de la vida en la URSS, comprendida la ideología y la cultura. Un lugar significativo en la publicación lo ocupaban numerosas fotografías que demostraron estilos de vida de la sociedad soviética.

En ese sentido, se puede hablar específicamente sobre el tema de la presentación de acontecimientos españoles. Y aquí un papel especial pertenece a maestros de la palabra: corresponsales y escritores soviéticos. Como ya se mencionó, se habían publicado numerosos artículos en la prensa soviética dedicados a la Guerra Civil española (analizados en muchas publicaciones y, en particular, en el libro de Enrique Picero Quadros)¹⁵.

Uno de los hitos importantes en la historia de relaciones entre la URSS y España fue el II Congreso Internacional de Escritores en Defensa de la Cultura, celebrado en verano de 1937 y ampliamente difundido en la prensa¹⁶.

El Congreso se llevó a cabo en Valencia, Madrid, Barcelona y concluyó sus labores en París. Aquí vienen entrelazándose varios temas principales relacionados con detalles de la cooperación soviético-española, la influencia ideológica y los problemas internacionales.

La difícil situación política de la década de 1930 les obligó a intelectuales europeos a buscar soluciones conjuntas para contrarrestar la agresión fascista. El Primer Congreso Internacional de Escritores para la Defensa de la Cultura se celebró en París en 1935. En ése se creó la Asociación Internacional de Escritores para la Defensa de la Cultura, así como su Oficina, Presidencia y Secretaría. Entre los miembros de la organización se encontraban los escritores y figuras culturales más grandes de la época: André Gide, Henri Barbusse, Romain Rolland, los hermanos Mann, Maxim Gorky y muchos otros. Uno de los representantes de España fue Ramón del Valle Inclán. Jean-Richard Bloch, Louis Aragon, André Malraux, Rafael Alberti, Mikhail Koltsov e Ilya Ehrenburg (de la URSS) se ocuparon de cuestiones organizativas.

¹⁴ Catalunya a la U.R.S.S.: *Homenatge de Catalunya* a la U.R.S.S. Barcelona, 1937.

¹⁵ Piquero Cuadros E. *La Guerra Civil española a través de las crónicas de los corresponsales soviéticos*. Madrid: Miraguano, 2017.

¹⁶ Vease, por ejemplo: Corpus B. *El II Congreso Internacional de Escritores. Su significación // Hora de España*. 1937. Num. 8. P. 5–10.

En 1937, el Buró de la Asociación convocó la segunda edición del Congreso. El propósito de su convocatoria determinó el lugar: España, donde la Guerra Civil había agudizado los problemas formulados por los participantes en el Primer Congreso y agregó otros nuevos, en cuya solución la República y sus aliados cifraban muchas esperanzas.

Para el Gobierno de la República, el Congreso debía cumplir un papel similar al del pabellón republicano en la Exposición Internacional de París¹⁷, celebrado al mismo tiempo. El objetivo era llamar la atención de la comunidad mundial sobre los acontecimientos en España y buscar ayuda para la causa.

La parte soviética, que participó activamente (organizativa y financieramente) en la preparación de ese Congreso, tenía varios intereses. El 21 de marzo de 1937, el Buró Político del Comité Central del Partido Comunista (bolchevique) (que aprobara fondos para el trabajo del Congreso) adoptó una resolución “Sobre el Congreso Internacional de Escritores Antifascistas” de tres puntos: 1. Aceptar la propuesta de escritores antifascistas españoles de convocar un Congreso Internacional Antifascista en España en el actual 1937; 2. Para celebrar y convocar un congreso, formar una Comisión Organizadora compuesta por escritores antifascistas estrictamente probados; 3. Prever la inclusión de los camaradas Koltsov, Ehrenburg, Alexei Tolstoi y Vishnevski en la Comisión Organizadora de parte de la URSS¹⁸. Mikhail Koltsov fue nombrado presidente del Congreso.

Como asistencia de la URSS a la Asociación Internacional para el Congreso y la aprobación de delegados extranjeros, el Politburó decidió consignar 20.000 \$. Para los gastos de la delegación soviética de 15 personas se asignaron 15.000 \$¹⁹.

La mayoría de los problemas técnicos se resolvieron el 1ro de junio de 1937, cuando V. Stavski, secretario general de la Unión de Escritores de la URSS, recibió instrucciones de M. Koltsov. Según esas orientaciones, todos los discursos de los participantes soviéticos fueron preparados de antemano y correspondieron a los temas dados. A. Fadeev era responsable del tema del realismo socialista, V. Stavski y V. Vishnevski hablaron sobre el humanismo y la democracia, A. Tolstoi disertó sobre problemas de la creatividad literaria, A. Barto dedicó su conferencia a la literatura para niños y jóvenes, F. Kelin, como historiador literario hispanista, relató historias en español y M. Koltsov destacó el papel de escritores en la sociedad. A pesar de las estrictas instrucciones, el énfasis estaba en la emotividad de su actuación²⁰.

El Segundo Congreso Internacional de Escritores contra el Fascismo se inauguró en Valencia el 4 de julio de 1937. La delegación soviética compuesta por A. Barto, V. Vishnevski, F. Kelin, I. Mikitenko, V. Stavski, A. Tolstoi, A. Fadeev y V. Fink llegó de Francia, al visitar primeramente la Exposición Mundial de París. Ya en España, M. Koltsov e I. Ehrenburg se unieron a la delegación.

El Congreso fue organizado por varios ministerios españoles. El Gobierno de la República no quería que el evento visitara Madrid, en cuyos alrededores estaban librándose combates, pero Koltsov insistió en ello.

¹⁷ Alix J. Pabellón Español de 1937. Exposición Internacional de París. Madrid, 1987; Grantseva E. La cultura española en el siglo XX — el principio del siglo XXI // Chubarian A. al. (coords.): Historia de España. Vol. 2. Desde la Guerra de Sucesión española a comienzos del siglo XXI. Moscú: Indrik, 2014. P. 720–721.

¹⁸ Bol'shaya tsenzura. Pisateli i zhurnalisty v Strane Sovetov. 1917–1956. Dokumenty (Pod red. akad. A.N. Yakovleva). Moskva.: Materik, 2005. P. 470.

¹⁹ Frezinskiy B. Sovetskiye pisateli v Ispanii (1929–1939) // Zvezda. 2011. N 10. P. 133–154.

²⁰ Frezinskiy B. Pisateli i sovetskiye vozhdhi. Moskva: Ellis-Lak, 2008. P. 105.

Los participantes del Congreso fueron recibidos con discursos por el presidente del Gobierno Juan Negrín y por el ministro de Estado Julio Álvarez del Vayo. El 6 de julio, la magna asamblea se trasladó a Madrid, donde las sesiones continuaron los días 7 y 8 de julio bajo los bombardeos franquistas.

Posteriormente, los participantes del evento regresaron a Valencia, donde fueron recibidos por el Presidente de la República, Manuel Azaña. Después se reunieron en Barcelona y finalizaron sus labores en París²¹.

Los protagonistas del Congreso fueron personalidades de la cultura, algunas de ellas habían participado en los frentes de la Guerra Civil como André Malraux, Ludwig Renn, Antonio Aparicio o Gustav Regler. Para los participantes españoles, el fusilamiento de Federico García Lorca, percibido como un verdadero crimen contra la cultura, fue uno de los temas principales.

Ese Congreso se convirtió en una encrucijada de distintas posiciones artísticas e intereses políticos, en el contexto de la política de “no intervención”, al indicar de la parte de la intelectualidad el apoyo incondicional a la República en su lucha contra los franquistas.

A pesar de las divergencias ideológicas, la integración de personalidades de la cultura frente a la tragedia de la destrucción del patrimonio cultural europeo y la amenaza bélica demostró el fortalecimiento de una posición consolidada contra la guerra y una resistencia resuelta al fascismo. Para la URSS, la organización del Congreso fue de gran importancia política, representando una de las formas de apoyo a la República Española y su influencia ideológica.

Otra área importante fue el cine. Hay que destacar que el cine no solo copia la realidad, sino que es producto de la creatividad y la percepción colectiva, expresa un punto de vista, una visión del mundo, una ideología, que a su vez existe en un determinado contexto social.

La Guerra Civil española fue la primera experiencia del uso generalizado del cine sonoro para intereses militares. El cine, junto a reportajes fotográficos y carteles, creó nuevas reglas y modelos para la información y la propaganda, posteriormente utilizadas durante la Segunda Guerra Mundial.

El cine soviético desempeñó el papel más importante en la formación de ideas sobre la URSS como asistente y amigo de la República. Las entregas de películas soviéticas fueron iniciadas por los españoles (y, en particular, por Josep Carner Ribalta, un funcionario de la Generalitat que había visitado Moscú en enero de 1937)²², así como por la Asociación de Amigos de la Unión Soviética. Esas iniciativas fueron apoyadas por parte de la URSS. Para su implementación, se utilizaron las capacidades de la VOKS. Los largometrajes soviéticos fueron muy populares en la zona republicana. Las películas fueron enviadas por ferrocarril con la compañía *Soyuzintorgkino*²³.

Se puede dividir los largometrajes que viajaron a España, en grupos temáticos. El primer grupo estaba relacionado con temas revolucionarios y la figura simbólica de Lenin (entre tales películas están *Octubre*, *Lenin en Octubre*, *Madre*, *El Acorazado Potemkin*, etc.). El segundo grupo lo constituyen películas que reflejan la guerra civil en Rusia y la resistencia a las fuerzas

²¹ См.: Aznar Soler M. República literaria y revolución: (1920–1939). Sevilla: Editorial Nacimiento, 2010.

²² GARE. F. P-5283. Op. 7. D. 1008.

²³ Kumanev V.A. Deyateli kul'tury protiv voyny i fashizma. Moskva: Nauka, 1987. P. 169–171.

de intervención (*Chapaev, Somos de Kronstadt*). El tercer grupo lo forman películas que propagaban el progreso y la misión humanista de la Unión Soviética (*El Circo*)²⁴.

El cine, junto a reportajes fotográficos y carteles, creó nuevas reglas y modelos para la información y propaganda. Y si al comienzo del conflicto español el cine no tuvo una debida atención, pronto las autoridades de ambas zonas reconocieron el poder del cine como un medio de comunicación social e influencia ideológica.

La reducción en el lanzamiento de largometrajes, debido al alto coste y la complejidad de la producción en condiciones de guerra, fue compensada por una gran cantidad de documentales y revistas de cine, lo que abrió grandes oportunidades para la propaganda. Bajo la influencia de la URSS, el documental cinematográfico adquirió particular importancia en tiempos de guerra. Un papel especial en el reflejo de acontecimientos de la Guerra Civil lo tuvieron los camarógrafos soviéticos. En España y en la URSS, en los cines donde se proyectaban documentales filmados por R. Carmen y B. Makaseev, se formaban largas filas. 22 de sus lanzamientos fueron incluidos en la serie *En cuanto a los acontecimientos en España*²⁵. En total, R. Carmen y B. Makaseev filmaron 40 mil metros de película para la historia, a partir de esos cuadros R. Carmen, junto al director E. Shub, rodó la película *España*²⁶, comentada por el escritor V. Vishnevski.

Muchas películas soviéticas fueron percibidas como una guía de acción en la lucha contra los enemigos de la República. Ésa es la función que enfatizó José Díaz, secretario general del PCE, en la proyección de *Somos de Kronstadt* en Madrid²⁷.

Una de las áreas más importantes de las relaciones soviético-españolas durante la Guerra Civil fue la protección de niños. A medida que la situación en los frentes de guerra se volvía más complicada, niños comenzaron a ser evacuados de la zona republicana. Ese proceso fue organizado por el Consejo Nacional para la Evacuación de Niños y la Cruz Roja Internacional. Según la Cruz Roja Internacional, un total de 2.895 niños y adolescentes de 3 a 14 años fueron traídos a la URSS: 1.676 niños varones y 1.197 hembras. La mayoría provenía de familias trabajadoras pobres procedentes del País Vasco, Asturias y Cantabria. La República perdió el control sobre esos territorios como resultado de la rápida ofensiva de los franquistas. Los niños llegaron a la URSS en barcos, desde los puertos de Valencia, Bilbao, Gijón y Barcelona²⁸. En la Unión Soviética, se crearon casas infantiles especiales en las que los niños vivían y estudiaban²⁹. Tenían educadores, docentes y médicos españoles y soviéticos. El Departamento de Casas Infantiles Especiales del Comisariado del Pueblo de Educación supervisó las actividades de las mismas³⁰.

²⁴ Puigsech Farras J. Oktyabr'skaya revolyutsiya kak obrazets dlya podrazhaniya v kontekste grazhdanskoy voyny v Ispanii. P. 1842–1843.

²⁵ Véase: Grantseva E.O. Kinematograf i grazhdanskaya voyna v Ispanii // Ispanskiy al'manakh. Vyp. 1. Moskva: Nauka, 2008.

²⁶ Garrido Caballero M. La ayuda soviética a la Segunda República durante la Guerra Civil Española // ISTORIYA. 10.2 (76), 2019.

²⁷ Díaz J. Tres años de lucha. Por el Frente. Por la libertad. Por la independencia de España. París, 1970. P. 242.

²⁸ Véase: Altied Vigil A., Nicolás Marín E., González Martell R. Los Niños de España en la Unión Soviética; De la evacuación al retorno, 1937–1999. Madrid, 1999; Colomina Limonero I. Dos patrias, tres mil destinos: vida y exilio de los niños de la guerra refugiados en la Unión Soviética. Madrid, 2010.

²⁹ GARF. F. A-307. Op. 1. D. 696. L. 5.

³⁰ Véase: Elpátievsky A.V. La Emigración española en la URSS. Historiografía y fuentes, intento de interpretación. Madrid: Exterior XXI, 2008.

La llegada de los pequeños españoles a la Unión Soviética fue un importante paso de propaganda del Gobierno Soviético. El tema español se promovió activamente en las páginas de la prensa y en la vida cotidiana de los ciudadanos soviéticos. Los periódicos centrales regularmente cubrían la crónica de la Guerra Civil, y la llegada de los niños despertó un gran interés en la sociedad soviética.

El período de la Guerra Civil en España representa una etapa única en la historia de las relaciones entre la URSS y España. Por un lado, la Unión Soviética participó activamente en la ayuda a la República para alcanzar sus propios objetivos políticos. Por otro lado, fue en el momento, además de todos los otros factores indicados, cuando comenzaron a formarse relaciones interpersonales, provocando que los destinos de muchos rusos y españoles se entrelazaran. El reflejo de ese proceso todavía sigue sintiéndose.

Referencias:

Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. Документы (Под ред. акад. А. Н. Яковлева). М.: Материк, 2005. Bol'shaya tsenzura. Pisateli i zhurnalisty v Strane Sovetov. 1917–1956. Dokumenty (Pod red. akad. A. N. Yakovleva). Moskva: Materik, 2005. [Great censorship. Writers and journalists in the Land of Soviets. 1917–1956. Documents].

Гранцева Е.О. Кинематограф и гражданская война в Испании // Испанский альманах. Вып. 1. М.: Наука, 2008. Grantseva E.O. Kinematograf i grazhdanskaya voyna v Ispanii // Ispankiy al'manakh. Вып. 1. Moskva: Nauka, 2008. [Cinema and the Civil War in Spain].

Гранцева Е.О., Филатов Г.А., Володько А.В., Паисова А.А. Россия XX века на страницах испанской прессы и в свидетельствах дипломатов. Москва: Весь мир, 2018. Grantseva E.O., Filatov G.A., Volod'ko A.V., Paisova A.A. Rossiya XX veka na stranitsakh ispanskoj pressy i v svidetel'stvakh diplomatov. Moskva: Ves' mir, 2018. [Twentieth-century Russia on the pages of the Spanish press and in the testimonies of diplomats].

Кулешова В.В. Испания и СССР. Культурные связи. 1917–1939. М.: Наука, 1975. Kuleshova V.V. Ispaniya i SSSR. Kul'turnyye svyazi. 1917–1939. Moskva: Nauka, 1975; Navarra A. El espejo blanco. Viajeros españoles en la URSS. Madrid, 2016. [Spain and the USSR. Cultural connections. 1917–1939].

Куманёв В.А. Деятели культуры против войны и фашизма. М.: Наука, 1987. Kumanev V.A. Deyateli kul'tury protiv voyny i fashizma. Moskva: Nauka, 1987. [Figures of culture against war and fascism].

Малай В.В. Проблемы гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. в контексте советской внешней политики (по материалам Архива внешней политики РФ) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2011. Т. 2. Выпуск 8. Malay V.V. Problemy grazhdanskoj voyny v Ispanii 1936–1939 gg. v kontekste sovetsoj vneshney politiki (po materialam Arkhiva vneshney politiki RF) // Istoriya. 2011. T. 2. V. 8. [Problems of the Civil War in Spain 1936–1939 in the context of Soviet foreign policy (based on materials from the Russian Foreign Policy Archive)].

Малай В.В. Судьба Республики решалась не в Мадриде. Белгород: Изд-во БелГУ, 1999. Malay V.V. Sud'ba Respubliki reshalas' ne v Madride. Belgorod: Izd-vo BelGU, 1999. [The fate of the Republic was not decided in Madrid].

Пучсек Фаррас Ж. Октябрьская революция как образец для подражания в контексте гражданской войны в Испании // Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность. Доклады и материалы Третьего международного форума. СПб., 2017. С. 1837–1846. Puigsech Farras J. Oktyabr'skaya revolyutsiya kak obrazets dlya podrazhaniya v kontekste grazhdanskoj vojny v Ispanii // Rossiya i Iberoamerika v globaliziruyushchemsya mire: istoriya i sovremennost'. Doklady i materialy Tret'yego mezhdunarodnogo foruma. SPb., 2017. P. 1837–1846. [The October Revolution as a role model in the context of the Spanish Civil War].

Рыбалкин Ю.Е. Сталин и Испания. М.: Veche, 2016. Rybalkin Yu.E. Stalin i Ispaniya. Moskva: Veche, 2016. [Stalin and Spain].

Фрезинский Б. Писатели и советские вожди. Москва: Эллис-Лак, 2008. С. 105. Frezinskiy B. Pisateli i sovetkiye vozhdii. Moskva: Ellis-Lak, 2008. [Writers and Soviet Leaders].

Фрезинский Б. Советские писатели в Испании (1929–1939) // Звезда. 2011. № 10. С. 133–154. Frezinskiy B. Sovetskiye pisateli v Ispanii (1929–1939) // Zvezda. 2011. № 10. S. 133–154. [Soviet writers in Spain (1929–1939)].

Шубин А.В. Великая испанская революция. Москва: URSS, 2012. Shubin A.V. Velikaya ispanskaya revolyutsiya. Moskva: URSS, 2012. [The great Spanish revolution].

Alix J. Pabellón Español de 1937. Exposición Internacional de París. Madrid: Ministerio de Cultura, Centro de Arte Reina Sofía, 1987.

Alted Vigil A., Nicolás Marín E., González Martell R. Los Niños de España en la Unión Soviética: de la evacuación al retorno, 1937–1999. Madrid: Fundación Largo Caballero, 1999.

Aznar Soler M. República literaria y revolución: (1920–1939). Sevilla: Editorial Nacimiento, 2010.

Catalunya a la U.R.S.S.: Homenatge de Catalunya a la U.R.S.S. Barcelona: AUS, 1937.

Colomina Limonero I. Dos patrias, tres mil destinos: vida y exilio de los niños de la guerra refugiados en la Unión Soviética. Madrid: Ed. Cinca, 2010.

Corpus B. El II Congreso Internacional de Escritores. Su significación // Hora de España. 1937. N 8. P. 5–10.

Díaz J. Tres años de lucha. Por el Frente. Por la libertad. Por la independencia de España. París: Colección Ebro, 1970.

Elpátievsky A.V. La Emigración española en la URSS. Historiografía y fuentes, intento de interpretación. Madrid: Exterior XXI, 2008.

Escolar H. La cultura durante la guerra civil. Madrid: Alhambra, 1987.

Garrido Caballero M. Compañeros de Viaje. Historia y Memoria de las Asociaciones de Amistad Hispano-Soviéticas. Murcia: Ediciones de la Universidad de Murcia, 2005.

Garrido Caballero M. La ayuda soviética a la Segunda República durante la Guerra Civil Española // Istoriya. 10.2 (76), 2019.

Grantseva E. La cultura española en el siglo XX — el principio del siglo XXI // Chubarian A. al. (coords.): Historia de España. Vol. 2. Desde la Guerra de Sucesión española a comienzos del siglo XXI. Moscú: Indrik, 2014. Pp. 720–721.

Jover Zamora J.M. (dir.). Historia de España. Menéndez Pidal. T. XL (República y Guerra Civil). Madrid, 2004.

Mainer J.-C. La vida cultural (1931–1939) // Jover Zamora J.M. (dir.). Historia de España. Historia de España. Menéndez Pidal. T. XL (República y Guerra Civil). Madrid, 2004. P. 447–520.

Navarra A. El espejo blanco. Viajeros españoles en la URSS. Madrid: Forcola, 2016.

Pascua M. Oro español en Moscú // Cuadernos para el diálogo. 1970. N 81–82. P. 11–18.

Piquero Cuadros E. La Guerra Civil española a través de las crónicas de los corresponsales soviéticos. Madrid: Miraguano, 2017.

Vázquez Liñán M. Propaganda y política de la Unión Soviética en la Guerra Civil española (1936–1939). Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 2003.

Viñas Á. El escudo de la República. El oro de España, la apuesta soviética y los hechos de mayo de 1937. Barcelona: Crítica, 2007.

Grantseva Ekaterina, Doctora en Historia, investigadora superior del Instituto de la Historia Universal de la Academia de Ciencias de Rusia.

Советская помощь в культурной и гуманитарной сфере: некоторые направления взаимодействия

Гуманитарное и культурное сотрудничество являются важными частями международного взаимодействия. Культурные связи способствуют укреплению комплекса внешнеполитических отношений, развитию других направлений международных связей. Помимо военной и военно-технической помощи, во время гражданской войны в Испании Советский Союз оказывал значимую гуманитарную поддержку республиканцам, активно сотрудничал с Испанской Республикой в культурной сфере. В статье идёт речь об основных векторах взаимодействия по этим направлениям.

Гранцева Екатерина Олеговна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук.

СОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА В КАТАЛОНИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: НАСЛЕДИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье анализируется, как Октябрьская революция 1917 года и её наследие влияли на советскую пропаганду, которая распространялась в Каталонии в 1936–1939 гг. Значительная часть каталонского общества воспринимала Советский Союз как оплот Октябрьской революции 1917 года и в то же время как современную и развивающуюся государственную модель. Власти СССР помогали распространению этого мифологизированного образа через прочную сеть политических контактов.

В годы гражданской войны 1936–1939 гг. в Каталонии отмечалось значительное идейное влияние как памяти об Октябрьской революции 1917 г., так и самого Советского Союза, принимавшее политические, интеллектуальные и пропагандистские формы. Это влияние было сформировано на основе двух источников — работы Всеобщего общества культурной связи с заграницей (ВОКС) и того позитивного образа, который СССР имел с начала 1930-х гг. в левых кругах Каталонии (политических и культурных), среди представителей рабочего движения и либеральных республиканцев. Советский Союз воспринимался как сильное и прочное государство, оплот революционных идей¹.

Точка отсчёта и первые контакты

С конца 1920-х гг. советская пропаганда в Испании осуществлялась через каналы Коминтерна и ВОКС. Среди таких каналов можно назвать Международную организацию помощи борцам революции, Ассоциацию писателей-революционеров и художников, Ассоциацию друзей Советского Союза, Коммунистическую партию Испании и делегатов Коминтерна. Советская пропаганда активизировалась после победы коалиции Народного фронта на выборах в феврале 1936 года и перешла на новый этап в конце августа 1936 года, благодаря работе обозначенных выше каналов и финансовой поддержке Коминтерна, а также контактам СССР и правительства Республики, включая последующее установление двусторонних отношений.

Влияние СССР в Каталонии представляет собой особый случай, что связано, с одной стороны, с присутствием советской консульской делегации в Барселоне с 1 октября 1936 года. Она выполняла роль посредника между Барселоной и Москвой. С другой стороны, важно упомянуть наличие автономного правительства — Женералитата, являвшегося институциональным представительством Испанской Республи-

¹ Puigsech J. La generació de la Revolució Russa // Camps J. (coord.) La Revolució que havia de canviar el món. Cent anys del 1917. Tarragona: Publicacions URV, 2018. Pp. 98–99.

ки в Каталонии после начала гражданской войны. Советская пропагандистская кампания в Каталонии вступила в активную фазу 29 сентября 1936 года. Директор ВОКС А.Я. Аросев уведомил консульство о том, что 13 октября ему будет направлена серия советских книг о прогрессе СССР в экономической, социальной и культурной сферах. Задача генконсульства состояла в распространении их по всей Каталонии, что способствовало бы трансляции позитивного образа СССР и развитию сотрудничества между Барселоной и Москвой².

2 декабря 1936 года ВОКС связалось с каталонским отделением культурной организации «Испанское общество книжных магазинов, газет, журналов и публикаций». Москвой было рекомендовано распространять в Каталонии и, если возможно, в остальной части Республики все советские публикации, газеты и книги, поставляемые из СССР. Также было предложено купить русско-испанские и испанско-русские словари напрямую у ВОКС, по более выгодной цене (по сравнению с французскими изданиями). По этому каналу в Испанию должны были поступать советские газеты «Известия» и «Правда», а также различные иллюстрированные журналы, в которых были представлены материалы о развитии и революционных преобразованиях СССР. Всё это должно было способствовать установлению двусторонних отношений и восприятию советской культуры и прогресса Испанской Республики.

ВОКС согласовало выдвинутые предложения. В Испанию было отправлено пять экземпляров испанско-русского словаря, изданного в Москве. Поступление русских словарей было встречено с энтузиазмом, так как представители различных учебных заведений и рабочих ассоциаций в Барселоне начали изучать русский язык.

Продолжением стало усиление связей ВОКС с Испанским обществом книжных магазинов, газет, журналов и публикаций. Было запрошено пятьдесят экземпляров испанско-русских и русско-испанских словарей, а также ещё пятьдесят экземпляров общего испанско-русского/русско-испанского словаря и тридцать экземпляров грамматики русского языка³.

С этого момента началось развитие деятельности ВОКС в Каталонии. Супруге советского консула в Барселоне, С.И. Антоновой-Овсеенко, поступило предложение направить в Москву несколько экземпляров изданных в Испании книг революционного содержания. В Барселону был отправлен пакет с 50 экземплярами статьи Сталина о новой Советской Конституции (переведёнными на французский язык) и 10 экземплярами статей о советском кино. С.И. Антонова-Овсеенко должна была распространить их среди каталонских учреждений, связанных с СССР, что и было сделано⁴.

После этих первых контактов к советской пропагандистской деятельности в Каталонии подключился Женералитат. Жозеп Карнер Рибальта, руководивший организацией зрелищных мероприятий в Каталонии и кинослужбой Женералитата, посетил Москву в период с 17 по 20 января 1937 года. Там он установил контакты с советскими театральными деятелями. Его целью было экспортировать в Каталонию некоторые образцы, реализованные в этой области в СССР. Он был заинтересован в возможности

² Arosev A. Radiograma al Cónsul General de la URSS Antonov-Ovseenko. 29-IX-1936, 5283/7/840. ГАРФ.

³ ГАРФ. Ф. 5283/7/1017. Sociedad General Española de Librería, Diarios, Revistas y Publicaciones. 02.12.1936; ГАРФ. Ф. 5283/7/1017. Грансберг С. 19.12.1936.

⁴ ГАРФ. Ф. 5283/7/840. Гладкова И. 04.01.1937.

создания театрального учебного центра, похожего на Государственный институт театрального искусства, и даже предполагал, что некоторые из его преподавателей посетят Барселону для передачи знаний и моделей, разработанных в СССР. Особенно надо выделить его встречу с Сергеем Эйзенштейном. Эта встреча показала, что представители ВОКС считали важным присутствие Ж. Карнера Рибальты в Москве. Но воспринимали его как представителя Республики, а не каталонской автономии. Именно поэтому ВОКС поручило ему подготовить статью об испанском театре, а не о каталонском. Однако, несмотря на это, его пребывание послужило укреплению сети распространения советской культуры в Каталонии. Спустя всего один день после отъезда Ж. Карнера Рибальты из Москвы руководство ВОКС уже связалось с Главлитом СССР и организовало перевод на французский и отправку в Барселону нескольких советских пьес.

С этого момента инициатива правительства Женералитата установить институциональные отношения с ВОКС и стать активным участником советской пропагандистской сети в Каталонии начала реализовываться. Во-первых, при помощи Ж. Карнера Рибальты, президента Женералитата Льюиса Компаниса и министра культуры Антони Мариа Сберта. А затем благодаря деятельности Франческа Трабала, члена Каталонской литературной комиссии Женералитата⁵.

Правительство Женералитата и советская пропаганда

Президент Женералитата и министр культуры направили официальное приглашение делегации ВОКС посетить Барселону. Приглашение было передано генконсулу в Барселоне, и он сам должен был выбрать подходящий момент для этого посещения. Эта поездка так и не была осуществлена, что не умаляет важности действий правительства Женералитата: оно пыталось организовать этот визит, чтобы руководство ВОКС могло напрямую оценить потенциал каталонской культуры.

Женералитат также просил ускорить процедуру передачи пакета материалов от ВОКС, содержавших записи советских революционных песен и программу работы Государственного института кинематографии. Также он запрашивал сведения о национализации театра в СССР и информацию о формах организации театра (зарплатах артистов, рабочих, администрации). В запросы также вошли характеристики советских национальных и областных театров, информация, связанная с авторскими правами, возможностью обмена с испанскими компаниями (условия поездок, размер зарплаты и т. д.), сведения о возможности пересылки книг о советском театре и их перевода с французского или английского языков. Из этих запросов следует, насколько остро стояла проблема языка⁶. Как уже было сказано, одним из главных участников советской пропагандистской кампании в Каталонии был Ж. Карнер Рибальта. С конца февраля 1937 г. он транслировал советские установки в главных театрах и зрительных залах Барселоны⁷.

11 февраля 1937 г. был осуществлен следующий шаг правительства Женералитата. Ф. Трабал уведомил ВОКС о готовности регионального правительства наладить посто-

⁵ ГАРФ. Ф. 5283/7/1008. ВОКС. Ж. Карнер Рибальта. Без даты.

⁶ Там же.

⁷ Breu R. La Catalunya soviética. El somni que venia de Moscou. Badalona: Ara Llibres, 2011. Pp. 93–96.

янный двусторонний культурный обмен⁸. Каталонская сторона активно демонстрировала готовность к сотрудничеству и запрашивала советские публикации. Ф. Трабал предложил привлечь наиболее значимых каталонских писателей к просмотру журналов и советских материалов, публикуемых в Каталонии, а также организовать публикацию каталонских материалов в различных советских изданиях⁹.

В то же время со стороны ВОКС шла работа по распространению советских публикаций в Каталонии. 21 января 1937 г. ВОКС отправило первую посылку из 132 книг и некоторых советских статей политического и литературного содержания, посвящённых прогрессу СССР (Советской Конституции, руководителям ВКП(б), большевизму), экономическим (электрификация, пятилетки, колхозы) и социальным (детские площадки, советское гражданство) вопросам. Но ничего из этих материалов не было представлено на каталонском или испанском языке (кроме испанско-русских словарей). На немецком языке было отправлено 32 работы, на английском — 89, на русском — 16, в переводе с русского на испанский — 10, и языковая принадлежность трёх осталась неопознанной¹⁰.

Через пять дней ВОКС осуществил вторую поставку материалов. В этом случае окончательная цифра составила 173 экземпляра, из которых 32 были на немецком языке, 89 — на английском, 12 — на русском, 5 — на испанском и русском и 35 с неопознанной языковой принадлежностью. Содержание во многом совпадало с предыдущей партией, но тем, связанных с социальной и культурной проблематикой, стало больше¹¹.

Через несколько дней была отправлена третья посылка. Она содержала 312 единиц, практически все они были на английском языке, за исключением 13 экземпляров на французском языке, 42 на немецком языке и четырёх с неопознанной языковой принадлежностью. В этом случае политические работы представляли более трети от общего числа: 20 статей И.В. Сталина о марксизме и национальном вопросе, 100 статей В.И. Ленина о политических целях советской молодёжи и 30 — о Коминтерне и женщинах-работницах. Остальные были посвящены экономическим и техническим успехам Советского Союза¹².

Все эти работы были получены генконсульством для распространения в политических и культурных кругах Каталонии. Среди всего полученного особенно выделялись материалы, связанные с Конституцией 1936 г. ВОКС было особенно заинтересовано в организации широкой пропагандистской кампании новой Советской Конституции как примера прогресса, модернизации и преобразования СССР. В этой связи в Испанию отправлялись материалы на испанском и французском языках, где подробно объяснялось значение Конституции (указанные материалы затем были использованы для организации выставки)¹³.

⁸ ГАРФ. Ф. 5283/7/1017. Comissió de les Lletres catalanes de la Generalitat de Catalunya. 11.02.1937.

⁹ ГАРФ. Ф. 5283/7/1017. Comissió de les Lletres catalanes de la Generalitat de Catalunya. 11.02.1937.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 5283/7/840. ВОКС. Obras enviadas a Barcelona. 21.01.1937.

¹¹ Там же.

¹² ГАРФ. Ф. 5283/7/840. ВОКС. Lista de obras enviadas a Barcelona para el camarada Antonov-Ovseenko. 28.01.1937(?).

¹³ ГАРФ. Ф. 5283/7/1011. Goulov. Carta al Consulado General en Barcelona. 31.01.1937.

С марта 1937 г. ВОКС было вынуждено использовать сложные каналы доставки из-за растущих технических трудностей, связанных с доставкой материалов дипломатической почтой. С одной стороны, такая доставка была сохранена для политических материалов. А с другой — обычная почта использовалась для литературы, языковых и визуальных материалов.

В период с марта по конец апреля 1937 г. было разослано около двух тысяч экземпляров политической литературы на разных языках. Все они были отредактированы московским издательством «Инорабочий».

Дипломатическая почта использовалась для пересылок, считавшихся особенно важными. Например, для рассылки серии статей о встрече различных организаций студентов-антифашистов в Барселоне и сходных мероприятиях в СССР. Среди них — мероприятие, проведённое 9 апреля в Московском энергетическом институте им. Молотова, в котором приняли участие около полутора тысяч студентов и преподавателей. На нём присутствовал посол Испании в Москве Марселино Паскуа, а также высшее руководство ВОКС, включая директора.

Также эта почтовая система использовалась для материалов, связанных с 20-летием Октябрьской революции. ВОКС отправило два сборника статей о советской торговле, национальной культуре, культурном строительстве, охране материнства и детства, жилищном и городском строительстве, образовании, а также транспорте. Они были дополнены серией фотографий о физической культуре, кино и театре, архитектуре, научных исследованиях, легкой и тяжёлой промышленности, канале Москва-Волга, испанских детях, находящихся в Москве, Героях Советского Союза, колхозах и рыбной промышленности. Один из этих сборников предназначался для генконсульства. Другой был адресован Ассоциации друзей Советского Союза в Барселоне¹⁴.

Важным пропагандистским элементом оставались фотографии. Из СССР было отправлено 88 фотографий о жизни и деятельности пионеров (эти фотографии предназначались для детского дома им. Ленина в Барселоне). Первая посылка, отправленная по почте в Секретариат культуры Женералитата, состояла из серии революционных песен, маршей, популярных и детских песен. Через пару недель в Барселону поступила 21 фотография на тему охраны материнства и новорождённых в СССР.

В середине сентября 1937 года был получен набор подарков от советских пионеров для каталонских детей, включавший галстуки и флаги. В начале ноября его дополнили различные статьи о музыке, театре кукол и молодёжном театре. Затем пришли новые посылки с детскими рисунками, пионерскими флагами и галстуками, письмами, открытками, эмблемами, значками, фотографиями В.И. Ленина и И.В. Сталина, а также К.Е. Ворошилова и Л.М. Кагановича¹⁵.

¹⁴ Garrido Caballero M. *Compañeros de Viaje. Historia y Memoria de las Asociaciones de Amistad Hispano-Soviéticas*. Murcia: Editum, 2009. Pp. 31–58, 261–306.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 5283/7/840. Nikolaiev A. Al camarada Antonov-Ovseenko. 17.03.1937; ГАРФ. Ф. 5283/7/1017. Milioutina D. Carta al señor Otto Mayer. 28.03.1937; ГАРФ. Ф. 5283/7/1011. Nikolaiev A. Al Consulado general de la URSS en Barcelona. 19.04.1937; ГАРФ. Ф. 5283/7/840. Yakovin y Dsalaloekova. 26.04.1937; ГАРФ. Ф. 5283/7/1011. Nagach. 16.09.1937; ГАРФ. Ф. 5283/7/1011. Sección de Control de la Literatura Extranjera. Control de Exportación al Extranjero. 28.10.1937.

В то же время в Барселоне наблюдался существенный дефицит бумаги, что затрудняло работу. По этой причине Женералитат был вынужден сократить поставку книг в Москву. Однако Ж. Карнер Рибальта смог продолжить пересылать публикации о советской культуре, а также некоторые из своих последних книг, связанных с процессом преобразований в арьергарде республиканцев¹⁶.

Правительство Женералитата, со своей стороны, продолжало укреплять отношения с ВОКС. Делегат Пропагандистской комиссии Женералитата в Париже Сантьяго Мелендес предложил направить делегацию представителей каталонского фольклора в СССР, в частности *La Cobla de Barcelona* («Кобла де Барселона»). Этот ансамбль совершил турне по Франции, Бельгии и Люксембургу, распространяя традиции и информацию о разнообразии народной культуры Республики. Искусство Кобла де Барселона было представлено как пример художественного богатства культуры всей республиканской Испании и её народных традиций в каталонском варианте. Важным элементом выступлений ансамбля была и антифашистская тематика¹⁷.

Существенный вопрос по отношению к распространяемой советской пропаганде заключается в её целевой аудитории, а именно в том, предназначались ли эти материалы непосредственно для республиканской Испании или были разработаны для более широкой аудитории. Очевидно, что ответом является второй вариант. Они были частью материалов, разработанных для международной аудитории, включавшей Латинскую Америку, в частности Уругвай, Аргентину, Чили и Мексику. Получателями были как частные лица, так и учреждения, такие как, например, Национальный университет Ла-Плата (Аргентина), Национальный автономный университет (Мексика) или Министерство образования Мексики. Это совпадение не было случайным. Помимо культурной и языковой близости, в это время в вышеупомянутых латиноамериканских странах активно работали Народные фронты. В случае Чили Народный фронт только что был создан. А Мексика того времени не только использовала методику Народного фронта, но и была непосредственно связана с Испанской Республикой¹⁸.

Восприятие каталонским обществом советских пропагандистских материалов

Без сомнения, советская пропаганда, отправлявшаяся в Каталонию, была эффективна и оказала существенное влияние на часть каталонского общества (как на личном, так и на коллективном уровне — через различные профсоюзные или культурные организации).

Одним из главных получателей и распространителей советской пропаганды был Альянс антифашистской интеллигенции в защиту культуры, который возглавлял Жауме Серра Хантер, один из руководителей Левых республиканцев Каталонии (ERC). Секретарём альянса был Пау Балселлс, связанный с Ассоциацией друзей Советского Союза и являвшийся одним из самых значимых пропагандистов СССР ещё до начала гражданской войны¹⁹. Эта организация отвечала за получение материалов, поступив-

¹⁶ ГАРФ. Ф. 5283/7/1008. Carner J. 23.04.1937(?).

¹⁷ ГАРФ. Ф. 5283/7/1017. Comissariat de Propaganda de la Generalitat de Catalunya. Cartas al camarada Alexandre Arosef. 29.08.1937.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 5283/7/840. ВОКС. Listas y direcciones para envíos de números especiales; ГАРФ. Ф. 5283/7/840. ВОКС. Lista para enviar los álbumes “Niños soviéticos”.

¹⁹ Breu R. La Catalunya soviética. Pp. 71–74.

ших в генконсульство, и их последующее распространение в Каталонии. Более того, альянс активно использовал связи с Ассоциацией друзей Советского Союза в Каталонии, чтобы делать запросы в ВОКС по поводу ускорения сроков доставки материалов. Особенно важно это было в дни, предшествовавшие мероприятиям, посвящённым 20-й годовщине большевистской революции²⁰.

Другим каналом распространения советской пропаганды было радио, например *Radio Barcelona* («Радио Барселона»). Сотрудники, входившие в Союз работников радиовещания Каталонии, от имени группы работников *Radio Barcelona* направили номер журнала своей станции в Москву. В него были включены различные статьи о спортивных достижениях в СССР, выпущенные под редакцией Жозепа Алаведра Варьора. Взамен они попросили выслать сборник текстов, нот русских песен и музыки из таких фильмов, как «Цирк». Среди запросов была также просьба выслать фотографии тренировочных сборов, стадионов, советских плавательных бассейнов, которые могли бы стать частью книги о развитии физической культуры и спорта в СССР.

Реакция с советской стороны была медленной. 22 октября 1937 года дюжина альбомов с революционными и популярными песнями, а также с теми, что были использованы в различных советских фильмах, была отправлена в каталонскую столицу. Они должны были звучать на главной радиостанции Барселоны. Через четыре недели был отправлен десяток фотографий о физической культуре и спорте в СССР²¹.

Проникновение советской пропаганды в каталонский тыл также проявлялось через конкретные личности. Рамон Бош, директор школы в Барселоне, попросил генконсульство выслать ему большую серию советских марок, с которыми могли бы работать его ученики. Генеральное консульство направило запрос в ВОКС, и курировать вопрос было поручено Библиотеке Академии наук СССР. Также был направлен запрос на марки, который прошёл через ВОКС и был передан в Государственный исторический музей. Его директор А.И. Галин 1 сентября 1937 г. отправил требуемую посылку в ВОКС. Затем она была направлена в генконсульство. В итоге запросы выполнялись, но это всегда было связано с работой сложной административной цепочки и строгой иерархией структур, отражавшей функционирование советского государства и замедлявшей поставки. Отправка марок здесь выглядит яркой иллюстрацией процесса²².

Запрос Р. Боша не был единичным случаем. Его надо воспринимать в контексте каталонской образовательной деятельности. Каталонская федерация преподавателей также запрашивала разнообразные агитационные материалы. Список был обширным. Но очень показательным его содержание: адреса Московского педагогического союза; книги начального, среднего и высшего образования; возможное количество газет для отправки из Москвы в Барселону и возможная периодичность поставок, в том числе просьба об обязательной пересылке как минимум одной редакционной статьи; пяти-

²⁰ ГАРФ. Ф. 5283/7/1013. Serra Hunter J. y Balsells P. Carta al VOKS. 03.09.1937; ГАРФ. Ф. 5283/7/1013. Goulouv. Carta para la Alianza de Intelectuales para la Defensa de la Cultura. 22.10.1937.

²¹ ГАРФ. Ф. 5283/7/1012. Goulouv. Carta al Sr. Josep Alavedra Warrior. 22.10.1937; ГАРФ. Ф. 5283/7/1012. Alavedra J. 03.06.1937; ГАРФ. Ф. 5283/7/840. ВОКС. Carta a Strajov.

²² ГАРФ. Ф. 5283/7/840. Milioutina D. Carta a Ramon Bosch. 19.05.1937; ГАРФ. Ф. 5283/7/840. Bosch R.; ГАРФ. Ф. 5283/7/840. Galin A.I.: Al Consulado General de la URSS en Barcelona. 01.09.1937.

летняя подписка на советский журнал; учебные материалы по советскому начальному, среднему и высшему образованию; постоянный контакт с двумя или тремя московскими школами, готовыми обмениваться учебными материалами, работами учащихся и фотографиями их работы, а также о происходящих в СССР преобразованиях в сфере просвещения и роли женщины в образовании²³.

Группу студентов и выпускников одного из самых престижных образовательных центров в Барселоне, Лицея Академии, можно назвать ещё одним потребителем советской пропаганды. Мартин Джонес, делегат по международным отношениям, попросил установить постоянный контакт между редакцией журнала *Akademos* и ВОКС. М. Джонес надеялся наладить стабильный обмен публикациями, и по этой причине он в конечном итоге проявил инициативу и отправил несколько экземпляров своего журнала в Москву. В ответ ВОКС отправило советские журналы, такие как «СССР на стройке» и «Интернациональная литература», а также «Московские новости» и альбомы «Советские дети» и «Конституция СССР»²⁴.

Проникновение советской пропаганды в Каталонию было очевидно и в художественной ячейке Объединённой социалистической партии Каталонии (PSUC) в Барселоне. Её президент Жоакин Марти-Бас предложил создать механизмы контактов и обмена с Московским союзом художников. Руководство ВОКС отправило ему два альбома московских художников под названием «Социалистическое строительство в СССР» и «Узбекистан». Но из-за неверного адреса они так и не были доставлены. По этой причине поступило распоряжение выслать ещё один альбом, уже по точному адресу, под названием «Советские дети».

Установленная связь для передачи пропагандистских материалов между Москвой и Барселоной будет разорвана после памятных событий, связанных с празднованием 20-летия большевистской революции²⁵. И.В. Сталин частично сократил помощь СССР Испанской Республике с октября 1937 года, а более заметно — с февраля 1938 года (с осознанием невозможности достижения антифашистского союза с Великобританией и его убеждённости в том, что война будет проиграна Республикой²⁶. С этого момента глава советского государства изменил своё отношение к военным, дипломатическим и пропагандистским действиям СССР по отношению к Республике²⁷.

Также следует иметь в виду, что активность распространения советской пропаганды в Каталонии совпала с уходом генерального консула и прибытием советского посольства в Барселону. И.В. Сталина перестал устраивать революционный образ В.А. Антонова-Овсеенко, он теперь стремился к более сдержанному и позитивному образу СССР в сфере международной политики. В результате в сентябре 1937 г. консульство осиротело и было ограничено в своих возможностях.

Прибытие советского посольства совпало с переносом части правительственной структуры Республики в Барселону и, по сути, лишило смысла полномочия генкон-

²³ ГАРФ. Ф. 5283/7/1011. Federació Catalana de Treballadors de la Ensenyanza de la UGT. Carta al Consulado General de la URSS en Barcelona.

²⁴ ГАРФ. Ф. 5283/7/1012. Milioutina D. Carta a Martin Jones. Revista "Akademos". 16.06.1937.

²⁵ ГАРФ. Ф. 5283/7/840. Strajov A. Carta al VOKS. 09.12.1937.

²⁶ Viñas Á. El honor de la República. Entre el acoso fascista, la hostilidad británica y la política de Stalin. Barcelona: Crítica, 2009. Pp. 217–519; Шубин А.В. Великая испанская революция. М.: URSS, 2019. С. 410–562.

²⁷ Kowalsky D. La Unión Soviética y la Guerra Civil española. Barcelona: Crítica, 2003. Pp. 153, 156–157.

сульства (хотя оно и продолжало существовать номинально²⁸). Таким образом, сам институт, обеспечивавший связь Барселоны с Москвой, был поглощён, а вместе с ним изжила себя и пропагандистская модель, утвердившаяся в Каталонии. Женералитат занял место единственного транслятора советской пропаганды в Каталонии с зимы 1937–1938 гг., что практически сделало невозможным возобновление пропагандистской деятельности в прежних формах.

Библиография

Шубин А.В. Великая испанская революция. М.: URSS, 2012.

Breu R. La Catalunya soviètica. El somni que venia de Moscou. Badalona: Ara Llibres, 2011.

Garrido Caballero M. Compañeros de viaje. Historia y memoria de las asociaciones de amistad hispano-soviéticas. Murcia: Editum, 2009.

Kowalsky D. La Unión Soviética y la Guerra Civil española. Barcelona: Crítica, 2003.

Puigsech J. La generació de la Revolució Russa // Camps J. (coord.) La Revolució que havia de canviar el món. Cent anys del 1917. Tarragona: Publicacions URV, 2018.

Puigsech J. La Revolució Russa i Catalunya. Vic: Eumo, 2017.

Viñas Á. El honor de la República. Entre el acoso fascista, la hostilidad británica y la política de Stalin. Barcelona: Crítica, 2009.

Пучсек Фаррас Жозеп, доктор истории, профессор Департамента новой и новейшей истории Факультета философии и гуманитарных наук Автономного университета Барселоны.

La Revolución Rusa y su herencia como referentes de la propaganda soviética en Cataluña durante la Guerra Civil española

Este texto muestra cómo la Revolución Rusa de Octubre de 1917 y su herencia marcaron la imagen propagandística soviética que se difundió en Cataluña entre 1936–1939. Los círculos institucionales en Cataluña, así como la esfera de la izquierda política y también una buena parte de la sociedad civil catalana, identificaron la Unión de Repúblicas Socialistas Soviéticas (URSS) como el resultado directo de la Revolución Rusa de 1917 y, al mismo tiempo, como un modelo de Estado moderno, sólido y en permanente progreso. Las autoridades soviéticas ayudaron a difundir esa imagen mitificada de la URSS a través de una sólida red de contactos políticos que, en todo caso, tuvieron presente una buena parte de las particularidades políticas de Cataluña, aunque no puede decirse lo mismo a nivel cultural. No obstante, puede hablarse de una interacción entre Barcelona y Moscú ya que la relación propagandística fue buscada por ambas partes.

Puigsech Farràs Josep, Doctor en Historia, profesor del Departamento de Historia Moderna y Contemporánea, Facultad de Filosofía y Letras, Universidad Autónoma de Barcelona.

²⁸ Puigsech J. La Revolució Russa i Catalunya. Vic: Eumo, 2017. Pp. 215–222.

ALEXANDER SHUBIN

**¿STALIN ABANDONÓ LA REPÚBLICA?:
LAS RELACIONES ENTRE ESPAÑA Y LA UNION SOVIÉTICA
EN EL ÚLTIMO AÑO DE LA GUERRA CIVIL (1938–1939)**

El artículo relata las relaciones entre España y la Unión Soviética en el último año de existencia de la República Española, es decir, en la primavera de 1938 hasta la primavera de 1939. En la parte central del artículo hay preguntas sobre la continua asistencia soviética a la República en ese período y sobre el grado de control sobre el Gobierno de Negrín por parte de la Unión Soviética y el Partido Comunista. El autor llega a la conclusión que, contrariamente a las opiniones encontradas en la literatura, la ayuda se mantuvo. Hubo un descenso en los suministros en el período relativamente breve a mediados de 1938, causado por consideraciones tan racionales como la situación militar en España, donde los republicanos no tenían la capacidad de llevar a cabo operaciones ofensivas; la necesidad de ayudar a China contra Japón; y el agravamiento de la situación en el centro de Europa en relación con la crisis de los Sudetes. La situación que surgió, así como en la primavera de 1939, dio la posibilidad de salvar a la República. El autor está de acuerdo con aquellos historiadores que no consideran a Negrín un títere del Kremlin y los comunistas, pero al mismo tiempo cree que en España se desarrolló la estrategia de llegada al poder de las fuerzas procomunistas conocidas posteriormente como la democracia popular. A pesar de la situación delicada de la República, se proporcionó ayuda soviética, con crédito, hasta la caída de Cataluña en febrero de 1939, después de lo cual las armas no se pudieron trasladar a España por razones de transporte.

La Guerra Civil española es un período de situaciones controvertidas y experiencias aleccionadoras que, como cualquier experiencia histórica, está rodeada de mitos y simplificaciones.

Uno de los temas clave relacionados con el último año de la guerra, que tiene un contexto amplio y aleccionador, es la naturaleza de la actitud de dirigentes soviéticos a la República ante el declive de su existencia. La esencia del problema es que la URSS estalinista fungió como el principal contrapeso mundial al fascismo. La responsabilidad de la élite liberal occidental de “no intervención” y “apaciguamiento” conllevó una búsqueda continua de excusas para evitar afrontar la expansión de esa ideología.

El problema de Stalin “impredecible”

¿Stalin (y por Stalin nos referimos al liderazgo soviético) fue consecuente? ¿Quizás traicionó a la República Española cuando se cambiará el contexto? Esa opinión al alcance de todos se ha expresado, por ejemplo, por D[ante] A. Puzo: “En Múnich en septiembre de 1938 quedó claro que las democracias occidentales no estaban listas para oponerse a la agresión fascista, el Kremlin decidió formular y aplicar una política diferente. Desde finales de 1938, la URSS dejó de suministrar armas a España”¹.

El historiador español Ángel Viñas, que diserta en defensa del primer ministro de la República, [Juan] Negrín, cree que poco después de llegar ése al poder, a mediados de 1937,

¹ Puzo D.A. *Spain and the Great Powers, 1936–1941*. NY, 1962. P. 148.

Stalin cambió su visión en cuanto a la República². Esto ayuda a Viñas a explicar por qué fue bajo el Gobierno de Negrín cuando la República sufrió diferentes derrotas militares.

La actitud de Stalin hacia la República Española a menudo se asocia con su carácter caprichoso, poniendo por encima ese factor personal frente a posibles motivos más racionales. En ese sentido, el historiador Yury Rybalkin afirma: “La posición de Stalin en relación con la República Española era impredecible y cambiaba según su estado de ánimo, la situación en los frentes de la Península Ibérica y el ámbito internacional. Poco a poco, el interés de Stalin en el país «X» desapareció, por el contrario, surgió la aversión ... Los cambios en el estado de ánimo de Stalin afectaron al volumen y la intensidad de los suministros militares a la República”³. El impredecible “malhumorado” Stalin.

Viñas comenta la opinión de Rybalkin sobre “el factor personal” y escribe que Stalin dejó de estar interesado en la República como lo era antes y que esto difícilmente puede explicarse por los cambios de humor, aunque esa opción tampoco puede descartarse⁴. ¿Entonces se excluye o no? Sin embargo, esa pregunta es fundamental, ya que fue planteada categóricamente por Rybalkin. ¿Fueron las pausas en suministros provocadas por el estado de ánimo de Stalin o por razones políticas y militares específicas?

Al intentar volcar la responsabilidad de los fracasos de la República de Negrín a la URSS, Viñas escribe que la ayuda de Stalin “se hubiera mantenido durante algo más de dos años. Aun así, aflojó a lo largo de doce meses cruciales, de noviembre de 1937 a noviembre de 1938. En cualquier caso, no fue suficiente para colmar las deficiencias materiales del EP ni mucho menos para compensar los continuos suministros que Franco recibió hasta el final de Italia y del Tercer Reich... Cuando Negrín asumió la presidencia del Gobierno, la República tenía ya, técnicamente hablando, perdida la contienda”⁵.

Después de la Batalla de Brunete, y especialmente tras la derrota de los republicanos en Teruel a principios de 1938, Moscú no pudo dejar de sentirse decepcionada por la incapacidad del Gobierno de Negrín-Prieto de ganar la guerra. Fue sí en ese momento cuando las relaciones entre la URSS y España se enfriaron, lo que se hizo tan notorio que el embajador español Marcelino Pascua le planteó el 10 de febrero al vicedomisario del pueblo de Asuntos Exteriores, V. Potemkin, el problema del debilitamiento del apoyo a la URSS⁶. ¿Cuánto tiempo duró ese debilitamiento y qué cosa lo generó?

Circunstancias objetivas

La peculiaridad de la situación en España en el último año de la Guerra Civil se caracterizó por varios factores principales:

1. Los franquistas continuaron triunfando en los frentes de combate. Los métodos de guerra no tuvieron éxito.

2. Durante el segundo Gobierno de Negrín (abril de 1938 — marzo de 1939), la República se consolidó políticamente. El Gobierno siguió una política de estandarización de la economía cercana a los postulados comunistas, y al mismo tiempo encontró un compromiso con el

² Viñas Á. Armas y hombres para España. Los apoyos exteriores en la Guerra Civil // Economía y economistas españoles en la Guerra Civil. V. 1. Barcelona, 2008. P. 407.

³ Rybalkin Yu. Operatsiya «X». Sovetskaya voyennaya pomoshch' respublikanskoy Ispanii (1936–1939). M.: AIRO-XX, 2000. Pp. 45–46.

⁴ Viñas Á. Armas y hombres para España. Los apoyos exteriores en la Guerra Civil. P. 401.

⁵ Viñas Á. El honor de la República. Barcelona, 2009. P. 545.

⁶ СССР i grazhdanskaya voyna v Ispanii: 1936–1939 gody. M.: Vestnik AP RF, 2013. P. 329.

sector anarcosindicalista, cuyos procesos revolucionarios provocaron un fuerte rechazo entre algunos republicanos durante los años 1936–1937. Pero ahora los partidarios de una paz rápida con Franco se convirtieron en la principal fuerza de oposición, ya que, según esos individuos, la guerra estaba perdida. Incluso el presidente Manuel Azaña gravitaba hacia esa última posición.

3. La situación en Europa había cambiado dramáticamente, al provocar vaivenes que acercaban el continente a una guerra mundial. El comienzo de ese conflicto podría haber sido una salvación para la República. Un jugador activo en el campo europeo fue la URSS, que abogara por la “seguridad colectiva” contra Alemania.

4. A partir del segundo semestre de 1937, la URSS brindó asistencia no solo a España, sino también a China. El Japón había sido durante mucho tiempo un adversario potencial de la URSS, y Stalin decidió apoyar a Chiang Kai-shek. Por lo tanto, la ayuda soviética se suministró también a China, lo que “restaba” suministros a España. Ese teatro fue aún más importante para la URSS que España, porque esta vez la lucha se desarrollaba muy cerca de las fronteras soviéticas. Asimismo, desde la primavera de 1938, la amenaza militar en el este de Europa creció en relación con la crisis checoslovaca, por lo que la URSS misma necesitaba rearmarse para afrontar cualquier posible conflicto⁷.

5. Los líderes franceses dudaron en cuanto a la política de suministros soviéticos a España. Por ello, unas veces dejaban pasar y otras cerraban suministros a través la frontera pirenaica.

El 13 de marzo de 1938 Léon Blum retomó el poder en Francia. El 17 de marzo, abrió la frontera para el tráfico de mercancías acumuladas en el sur del país galo destinadas a los republicanos (de hecho, se habían estado filtrando desde octubre de 1937, pero ahora la ayuda fluyó más rápido). A pesar de la caída del Gobierno de L. Blum en abril, la Administración de Édouard Daladier continuó enviando armas a través de la frontera hasta el 13 de junio. Es decir, desde ese punto, las nuevas entregas no tenían sentido, porque resulta obvio que los franceses cerrarían la frontera, después de haber transferido lo que se había ido acumulando. La “pausa” relativa en las entregas soviéticas en realidad se redujo al período del julio al noviembre de 1938, y estuvo relacionada tanto con la posición de Francia como con la crisis de los Sudetes.

Pero la URSS no tenía la intención de abandonar a la República como figura de reserva. Con referencia a los diplomáticos italianos, los agentes de inteligencia soviéticos informaron en mayo-julio de 1938 que, a más tardar en enero de 1939, la URSS sería atacada por una amplia coalición que incluiría desde Gran Bretaña a Japón. En ese caso, el golpe principal sería llevado a cabo por Alemania a través de Polonia⁸. Ahora, esos informes se ven poco reales, pero algunos de sus detalles se fueron confirmando: Gran Bretaña y Alemania firmaron un acuerdo para solucionar los problemas “checos” y “españoles”, sometiendo por completo Checoslovaquia a Berlín. Servicios de inteligencia anunciaron de antemano también que la formación de coaliciones se vio obstaculizada por un retraso en la solución de la “cuestión española”⁹. Lo más probable es que la información (desinformación) de italianos reflejara las esperanzas de Mussolini, que se hizo realidad solo en parte y se discutió en privado en los

⁷ Véase: Shubin A.V. *Mir na puti k voyne. SSSR i mirovoy krizis 1933–1940 gg.* M.: Algoritm, 2016.

⁸ *Vestnik Arkhiva Prezidenta RF. SSSR — Germaniya 1933–1941 gg.* M.: Vestnik AP RF, 2009. P. 163.

⁹ *Ibid.* P. 164.

círculos alemanes y británicos. Incluso si esa información era parcialmente correcta (y los líderes soviéticos tenían todas las razones para creerlo), la URSS estaba vitalmente interesada en continuar ayudando para que la República Española no cayera. Mientras ésa hubiera continuado combatiendo, se habría pospuesto la solución del “problema soviético”.

Democracia popular

La decepción de Moscú por la política militar de Negrín-Prieto podría corregirse en cierta medida como resultado de la renuncia de este último. Y es que el estado de ánimo del ministro de Defensa [Nacional] estaba imbuido por el sentimiento de desesperanza ante la imposibilidad de la victoria. En primavera de 1938, el tema de la reorganización del Gobierno apareció en la agenda de la URSS.

[Indalecio] Prieto ya no creía en la posibilidad de un “empate” y pasó al lado de los capituladores, cuyo líder ideológico era un socialdemócrata, del ala más “conservadora”, Besteiro. En el escenario político de la República estaban los comunistas, para quienes la guerra en España era parte de una batalla global, y la resistencia tenía sentido hasta el final.

Negrín estaba en el centro de ese debate, abogando por la continuación de la guerra, hasta que Franco accediera a alcanzar algún tipo de acuerdo. Viñas señala una diferencia clave en la posición de Negrín y los comunistas con respecto a la guerra: “A medida que la situación empeoraba, se acentuó la tendencia comunista al numantinismo. Fue cuando se esbozó con claridad la diferenciación de estrategias entre el PCE y Negrín, atento ése esencialmente a la salvación del mayor número posible de vidas republicanas”¹⁰. Es decir, Negrín tampoco creía en la victoria, pero hasta ahora estaba decidido a resistir tan mucho como sea posible.

El 6 de abril, se formó un nuevo Gobierno de Negrín sin prietistas. Pero esa vez, el Gobierno fue formado por Negrín y no por partidos u organizaciones. El mismo seleccionó a políticos de diferentes ideologías para que integraran su equipo. Los ministros de ese gabinete que eran miembros de diferentes partidos y organizaciones, en realidad pertenecían al “Partido de Negrín” — promovieron una política gubernamental, a pesar de la brecha que se había abierto entre los ministros y las opiniones de sus compañeros del partido¹¹. Las excepciones fueron los comunistas Uribe (Agricultura) y representantes de los nacionalistas que siguieron las políticas de sus organismos. Sin embargo, los nacionalistas perdieron su verdadera influencia: los nacionalistas vascos no tenían territorio, y Companys había perdido el poder en Cataluña. Así, formalmente, el Gobierno de Coalición de Negrín, que aparentemente dependía de toda una red de organizaciones del Frente Popular, flotaba en el aire. En realidad, el PCE era la única fuerza influyente que apoyaba a Negrín.

Durante el período de la crisis de Gobierno causado por la renuncia de Prieto, el “capitulante”, el PCE recibió instrucciones de Moscú de no entrar en el Gobierno. Esto, por supuesto, obstaculizaría la influencia del PCE en la política del gabinete. Sin embargo, el control sobre Negrín era menos importante para Stalin que la imagen moderada de la República Española ante los ojos de las élites anglo-francesas. Stalin prefirió llevar al Partido Comunista a las sombras, manteniendo a sus miembros como diputados. Sin embargo, los comunistas españoles optaron por permanecer en el Gobierno, y [Jesús] Hernández [Tomás],

¹⁰ Viñas Á. El honor de la República. P. 532.

¹¹ García H. La charca política republicana (1936–1939) // Economía y economistas españoles en la Guerra Civil. V. 1. Barcelona: Crítica, 2008. Pp. 216–222.

al enterarse del “consejo principal” de Moscú, dijo decepcionado: “esto significa perderlo todo”¹². El 20 de marzo, Stalin acordó que los comunistas podían permanecer en el Ejecutivo¹³.

El mismo Negrín, el 5 de marzo, orientó a Pascua que le dijera a Stalin su posición más que leal sobre ese tema: “La separación de los comunistas del gobierno le parece a Negrín una pérdida muy sensible. Sin embargo, si los líderes de Moscú consideran apropiado que los comunistas españoles no ocupen puestos demasiado prominentes en la República, Negrín reconoce la obligación de seguir esta instrucción”¹⁴.

Al mismo tiempo, Viñas tiene razón cuando señala: “A Negrín, en particular, se le proyecta como una marioneta del PCE, o, peor aún, de los gerifaltes del Kremlin”¹⁵. Los líderes del Kremlin no llegaron a establecer dicha afirmación. Sin embargo, Negrín tampoco fue un político independiente, libre de la influencia comunista. El 4 de julio de 1938, Negrín escribió al ministro anarquista Segundo Blanco: “A pesar de que como jefe del Gobierno podría vetar nombres propuestos por mis colegas, acostumbro no hacer observaciones siquiera, incluso en aquellos casos en que la designación es de Consejo de Ministros”¹⁶. Blanco sabía que cuando fue nombrado la opinión de Negrín fue decisiva y no la de la CNT. Si el candidato era propuesto por el PCE, Negrín no podía objetar.

Según el historiador H. García, el creciente aislamiento de Negrín aumentó gradualmente su dependencia del “partido de guerra”, a pesar de sus intentos de liberarse de esa incómoda alianza. Sabiendo que la conexión con el PCE aumentaba su impopularidad, a principios de diciembre el Presidente del Gobierno propuso fusionar todos los partidos republicanos en una especie de “Frente Popular”. Ese intento tardío de poner fin a la notoria fragmentación de la izquierda española fracasó debido a la negativa unánime de todas las organizaciones¹⁷. Pero la opinión de los partidos era algo que se podía arreglar. En realidad, era necesario el consentimiento de un partido: el PCE. En definitiva, fue en España donde se desarrolló el modelo político conocido como la “democracia popular”. Incluso ese nombre en sí, ampliamente conocido en los años 40, ya se usaba en España¹⁸.

En las esferas republicanas de poder, los comunistas continuaron ocupando cargos importantes, como en el cuerpo de oficiales y comisarios. En realidad, lideraron el Departamento de Guerra. El comunista Manuel Fernández Cortina dirigía el Cuerpo de Milicias Populares. Desde la mitad de 1938 “la interacción del NKVD con los servicios españoles ... comenzó a torcerse”¹⁹. En noviembre de 1938 Negrín pidió que los oficiales del NKVD en España contactaran solo con él y no mantuvieran tratos independientes con los servicios secretos españoles²⁰. Esto sugiere que Negrín estaba preocupado por las perspectivas de la “democracia popular”. La alianza de Negrín y los comunistas no se basaba en la confianza, pero su modelo político era cercano. Se esforzaron por crear un nuevo Estado, donde hubiera un Gobierno fuerte detrás de una fachada democrática, basada en estructuras

¹² RGVA. F. 33987. Op. 3. D. 1149. L. 149.

¹³ Viñas Á. El honor de la República. P. 376–379.

¹⁴ СССР и гражданская война в Испании: 1936–1939 годы. P. 333.

¹⁵ Viñas Á. El honor de la República. P. 532.

¹⁶ Cit.: Viñas Á. El honor de la República. P. 483.

¹⁷ García H. Op. cit. P. 217.

¹⁸ СССР и гражданская война в Испании: 1936–1939 годы. P. 285.

¹⁹ Viñas Á. El honor de la República. P. 482.

²⁰ СССР и гражданская война в Испании: 1936–1939 годы. P. 397.

de poder. Al mismo tiempo aquellos que querían la paz conservaron su influencia. Negrín tomó esto último en consideración, pero sus “iniciativas de paz” en ese momento no fueron diseñadas para obtener una respuesta desde el otro lado del frente. También Negrín continuó trabajando en pro de la causa de la resistencia hasta que le fuera posible y hasta que las condiciones externas cambiasen.

Hoy sabemos cómo se desarrollaron los acontecimientos que proyectaban una imagen de que la derrota sería irremediable. Sin embargo, en 1938, aún hubo opciones. Si la República hubiera conseguido sobrevivir durante mucho tiempo, habría podido situarse en la misma posición que las “democracias populares” de Europa del Este en los años 40, comprendidas las no ocupadas por las tropas soviéticas. Con la mayor expansión del poder de los comunistas, Negrín y Azaña tendrían que haber elegido entre el destino de Edvard Beneš y Petru Groza. Sin embargo, bajo la presión de Gran Bretaña y Francia, la República podría haber permanecido en el campo occidental.

Esto pondría fin al poder de Negrín, que ya se había comprometido ante los ojos de Occidente por una cooperación demasiado estrecha con los comunistas. Por lo tanto, si se hubiera preservado la República, Negrín nuevamente habría tenido que elegir entre la marginación o una política procomunista. El destino lo vinculó al éxito político con los comunistas. Y solo el colapso de la República lo liberó de esos grilletes (por cierto, también de ser miembro del PSOE, ya que Negrín fue expulsado de su partido en 1946 por la política procomunista durante la Guerra Civil). El destino político de Negrín dependía de circunstancias externas, incluso si la República hubiera sobrevivido hasta el estallido de la Segunda Guerra Mundial. Ya muy poco dependía de él, pero de sus acciones dependería el régimen constituido en 1931, concretamente cuántos meses duraría la República en 1939.

El Ebro y Checoslovaquia

Tras reagruparse y recibir nuevos suministros, los republicanos llevaron a cabo una operación ofensiva exitosa. El 25 de julio, el ejército, bajo el mando de Modesto, con un número total de unos 100.000 soldados, avanzó en el Ebro para intentar reunificar el territorio republicano. No obstante, los republicanos no pudieron continuar mucho tiempo con la ofensiva y se vieron obligados a ponerse a la defensiva. Así como en Brunete y Teruel, el Ejército Republicano confirmó que no podía llevar a cabo operaciones ofensivas exitosas a gran escala.

A pesar de que la batalla en el Ebro fue posicional, requirió un esfuerzo tremendo por ambos lados. Esto también afectó a Mussolini, aliado de Franco, quien ya en agosto pensaba que los nazis estaban al límite de sus capacidades en el teatro bélico español. El dictador italiano, insatisfecho con la pasividad de Franco, le dijo a su ministro Gian Ciano: “Escribe en tu diario que hoy, 29 de agosto, predigo la derrota de Franco ... Los rojos son luchadores y Franco no”²¹.

“Los republicanos sintieron hasta septiembre de 1938 que el viento todavía podría soplar a su favor y estaban dispuestos a perder todas las batallas salvo la final. Sin embargo, a pesar de sus esfuerzos no pudieron recomponer su desgaste en aquel gran espasmo que fue el Ebro, aun cuando los soviéticos se movieron esta vez, y después de Múnich, con inusitada rapidez”²², — comenta Viñas en relación a la situación de los leales. La operación en el

²¹ Ciano's diary, 1937–1938. L., 1952. P. 148.

²² Viñas Á. El honor de la República. P. 547.

Ebro se gestó gracias a las armas que atravesaron la frontera francesa “antes de Múnich”, en abril-junio de 1938. Tras ese período, Daladier decretó un fuerte endurecimiento del régimen fronterizo, consecuencia de la Conferencia de Múnich. En ese momento, Stalin necesitaba situar recursos militares en sus fronteras europeas. La participación de la URSS en los asuntos checoslovacos explicaba el tiempo de espera que se tomó Stalin con respecto a su intervención en España. El resultado de la crisis checoslovaca afectó automáticamente a la situación en la Península. En cierto sentido, el destino de España se decidió en el centro de Europa.

En el caso de un conflicto militar entre Gran Bretaña, Francia, la URSS y Alemania con la probable intervención de Italia, las partes implicadas en el conflicto español podrían convertirse en participantes en una guerra europea. Esto significa que los franceses podrían enviar tropas a Cataluña, lo que empeoraría dramáticamente la situación de Franco. En septiembre de 1938, el mundo se tambaleaba ante los riesgos de que se produjera una guerra. Hitler amenazó con declararle la guerra a Checoslovaquia. Gran Bretaña y Francia aproximaron sus posiciones como aliados. La URSS expresó su disposición de ayudar a Checoslovaquia. Si la URSS, Francia y Gran Bretaña se hubieran convertido en aliados militares, la política de no intervención habría muerto de inmediato²³.

El 12 de septiembre, el encargado de negocios de Franco informó a Berlín que en Burgos creían que la guerra europea haría imposible el triunfo sobre la República. Franco comenzó la construcción urgente de fortificaciones en las fronteras con Francia en los Pirineos y en Marruecos. Hitler mantuvo a Franco fuera de sus planes, lo que provocó una reacción nerviosa del general español, cuyos intereses no habían sido tomados en cuenta. Además, el líder sublevado informó a Londres que, en caso de guerra, permanecería neutral²⁴. Por otro lado, Daladier prometió no atacar a España en caso de guerra²⁵. Todo esto antes del comienzo del conflicto armado. Es cierto que en caso de que hubiera estallado la guerra, la actitud de Francia hacia el régimen fascista difícilmente habría acabado siendo tan benevolente. Alemania e Italia habrían diversificado el uso de sus tropas y armas, que hasta ahora se enviaban solo a España. Además, en el caso del estallido de la guerra europea, Gran Bretaña y Francia habrían tenido que ponerse de acuerdo con la URSS, y Franco habría sido una buena moneda corriente. En el mejor de los casos, Gran Bretaña, Francia y la URSS habrían acordado crear una España neutral sobre la base de un compromiso.

El 26 de septiembre, Chamberlain se vio obligado a advertir a Hitler que si invadiera Checoslovaquia, Francia y Gran Bretaña declararían la guerra a Alemania. A partir de un discurso, Hitler respondió lanzando una serie de maldiciones contra Checoslovaquia dejando una cosa clara al resto del mundo: el Führer estaba listo para la guerra. A pesar de la emoción extrema, Hitler no olvidó agradecer a Chamberlain los esfuerzos de mantenimiento de la paz y recordó: “ese es mi último reclamo territorial a Europa”²⁶.

En cualquier caso, “el 1º de octubre de 1938, Alemania no estaba lista para entrar en guerra contra Checoslovaquia, Inglaterra y Francia al mismo tiempo, sin mencionar a Rusia.

²³ Véase: Shubin A.V. *Mir na puti k voyne*.

²⁴ Preston P. Franko. M.: Tsentrpoligraf, 1999. P. 241.

²⁵ Pritsker D.P. *Podvig Ispanaskoy respubliky*. M.: Sotsekgiz, 1962. Pp. 357–359.

²⁶ Véase: Churchill W. *Vtoraya mirovaya vojna*. Kn. 1. M.: Voenizdat, 1991. P. 142.

De haber desatado una guerra, Alemania la habría perdido rápidamente, y este sería el fin para Hitler y el Tercer Reich²⁷.

Pero en la noche del 30 de septiembre, Hitler, Chamberlain, Mussolini y Daladier se reunieron en Múnich y firmaron el acuerdo que confirmaba la anexión de Sudetes por Alemania. Se abrió el camino hacia el reparto de Checoslovaquia. La guerra contra el fascismo se pospuso, y esto hizo que la situación de la República Española fuera casi desesperada. De ahora en adelante, Francia no tendría intención de usarla como contrapeso contra Italia, con la que había mejorado rápidamente sus relaciones.

El 2 de octubre, en un discurso radial, Negrín lanzó una interrogante: ¿los nacionalistas realmente quieren continuar la guerra hasta que el pueblo español sea completamente destruido? Ese nuevo llamamiento a la paz flotó en el aire: después de Múnich, Franco se sintió aliviado y el discurso de Negrín parecía un grito de desesperación.

Sin embargo, Negrín continuó escribiendo cartas optimistas a los líderes soviéticos, en las que esperaba “paz con nuestra victoria”²⁸. Pero el 16 de noviembre, las tropas republicanas regresaron al punto de inicio de la ofensiva del Ebro. Franco ganó definitivamente la iniciativa bélica.

Ultima ayuda

El 23 de diciembre, Franco lanzó la ofensiva contra Cataluña. Ésa se convirtió, en enero de 1939, en un desastre para los republicanos. A pesar de que la defensa de la zona central no se quebró, la derrota en Cataluña causó un fuerte impacto en el liderazgo de la República.

El 28 de enero, el jefe del Estado Mayor General Vicente Rojo, apoyado por el general Enrique Jurado, informó a Azaña y Negrín que las posibilidades de resistencia se habían agotado.

Según el representante de la Komintern Palmiro Togliatti, “estaba claro que el propio Negrín también había perdido la fe en la lucha posterior, pero aún mantuvo su antigua línea política: la línea de resistencia ... La posición contradictoria de Negrín fue que, al defender la resistencia a ultranza, no hiciera todo lo posible por organizarla. El fallo que se le puede achacar fue que en los últimos días en Figueres no ordenó enviar al menos algunas de las armas que habían llegado a Valencia y Madrid”²⁹.

Las armas que se habían suministrado en esa última remesa se habían pagado con un crédito, ya que el oro transportado a la URSS se agotó el 8 de agosto de 1938³⁰. En diciembre de 1938, se asignaron 100 millones de dólares para suministros militares (en comparación, 70 millones de dólares en marzo), y se transportaron armas a Francia por 55 millones³¹. Considerando lo que luego fue devuelto, la URSS pagó a la República unos 7 millones de dólares que nunca fueron devueltos³².

El 12 de enero de 1939, la URSS otorgó un préstamo de 50 millones de dólares a la República. En ese acuerdo, a diferencia de la práctica anterior, no había condiciones para garantizar un préstamo o incluso condiciones para su reembolso. Solo se estipuló que “la

²⁷ Shirer U. *Vzlet i padeniye Tret'yego reykh*. M.: Voenizdat, 1991. T. 1. P. 463.

²⁸ SSSR i grazhdanskaya voyna v Ispanii: 1936–1939 gody. P. 396.

²⁹ Komintern i grazhdanskaya voyna v Ispanii. M.: Nauka, 2001. Pp. 444–445.

³⁰ SSSR i grazhdanskaya voyna v Ispanii: 1936–1939 gody. P. 478.

³¹ Rybalkin Yu. *Op. cit.* Pp. 98–99.

³² SSSR i grazhdanskaya voyna v Ispanii: 1936–1939 gody. P. 25.

República Española se compromete a utilizar los montos del préstamo que le otorgó la URSS solo para la compra y pedidos de bienes en la URSS”³³. De hecho, la URSS simplemente pagó por los suministros. Las compras realizadas con ese préstamo llegaron a Francia.

Esas armas fueron transportadas a Cataluña. Desde el 30 de enero al 4 de febrero se enviaron 41.955 rifles, 3.446 ametralladoras, 319.000 proyectiles y 31.5 millones de cartuchos de munición. El 4 de febrero de 1939 se ordenó detener el suministro de armas a Cataluña. A medida que avanzaban los franquistas, unos 400 vagones con equipos militares tuvieron que ser evacuados de regreso a Francia. El intento de transportar una parte de municiones a la Zona Central el 2 de febrero con barcos de vapor fracasó, los mismos fueron interceptados y destruidos por aviones italianos³⁴. Los franceses no permitieron más esos experimentos. Almacenes en Francia estaban llenos de armas soviéticas, pero no podían llegar a su destino.

Cuando Negrín hizo otra solicitud de suministros, Voroshilov propuso a Stalin tener en cuenta las siguientes consideraciones:

“1. La URSS siempre ha simpatizado con las necesidades del Gobierno Español, y con todas sus solicitudes de ayuda en cuanto a armas y otros medios militares. En la medida de lo posible, se han cumplido oportunamente.

2. La última solicitud del Gobierno Español, anunciada a través de Cisneros, para la venta de armas fue cumplida en gran medida y si el Gobierno Español no pudo llegar a un acuerdo con el Gobierno Francés sobre la transferencia oportuna de esas armas a España, entonces solo podemos deplorar.

3. En ese momento, cuando las armas que entregamos se encuentran en grandes cantidades en el territorio francés y corren el riesgo de caer a los nazis como trofeos, el requisito de nuevos suministros de armas es inoportuno”³⁵.

Ese documento refleja la irritación de los dirigentes soviéticos ante una situación en la que se desperdiciaron recursos significativos para la URSS debido a la lentitud de Negrín. Hay que admitir que la dificultad para hacer llegar los suministros no recaía tanto en Negrín como en Daladier, pero era inapropiado pedir nuevas armas en esas condiciones.

El 1° de febrero, evacuado junto a los restos del Ejército presente en Cataluña a Francia, el Gobierno se reunió en el Castillo de Figueres, cerca de la frontera francesa, con 62 diputados de Las Cortes. Negrín presentó solo tres condiciones para el cese de la resistencia: la independencia del país, la celebración de elecciones y la negativa a enjuiciar a los opositores después de la guerra. El 13 de febrero, Franco anunció que todos los que habían sido involucrados en “actividades subversivas” desde octubre de 1934 y obstruido al “gobierno de los nacionalistas” serían castigados.

El 8 de febrero de 1939, Negrín y Rojo cruzaron la frontera francesa. Junto al Gobierno Español, fue evacuado el representante soviético S. Marchenko. Nunca volvió a España³⁶. El 9 de febrero, los últimos republicanos cruzaron la frontera con Francia y fueron internados en campos: la guerra terminó para 70.000 soldados republicanos. El 27 de febrero, el Politburó

³³ СССР и гражданская война в Испании: 1936–1939 годы. P. 456.

³⁴ RGVA. F. 35082. Op. 1. D. 240. L. 90–92.

³⁵ СССР и гражданская война в Испании: 1936–1939 годы. М.: Vestnik AP RF, 2013. P. 463.

³⁶ Al comentar la necesidad del regreso del representante soviético a España, Litvinov escribió a Stalin que “Marchenko pudiera dar a Negrín alguna respuesta a sus preguntas...” (СССР и гражданская война в Испании: 1936–1939 годы. P. 467).

del Comité Central del PC(b) de la URSS decidió asignar 5 millones de francos para ayudar a los refugiados españoles en Francia³⁷.

Última oportunidad

La situación de la República se estaba volviendo desesperada. Hubo mínimo de municiones, materias primas y alimentos y la base industrial estuvo casi completamente capturada por el enemigo. La aviación difícilmente podría operar sin combustible (las autoridades fueron incapaces de trasladarlo desde Cataluña al territorio central). En febrero de 1939, Franco tenía 1.028.941 efectivos (excluyendo tropas extranjeras) y los republicanos 750.000 soldados. Por otro lado, los franquistas poseían abundante armamento, mientras que en la zona centro-sur solo había 250.000 rifles. Ante 469 aviones fascistas, los republicanos poseían solo 163 aeroplanos. Hay que destacar que en Francia se mantenían abundantes armas y aviones republicanos, tanto los que les quitaron a los republicanos como los nuevos suministros soviéticos que no habían logrado cruzar la frontera.

Sin embargo, la concentración de tropas en el Frente Central era alta y a Franco le resultaba difícil aplastar a un ejército bien posicionado y fortificado con un ataque rápido. Los republicanos podrían crear líneas de defensa interna adicionales para resistir más tiempo. Después de todo, ahora el tiempo jugaba en favor de la República.

No obstante, la República Española había dejado de ser un factor en el tablero europeo. La dinámica de sucesos entró en una fase decisiva y el gran desenlace se preveía en cuestión de meses. La posibilidad de resistencia de la República también se calculó en varios meses. Esta era la última oportunidad de supervivencia del régimen surgido en 1931.

El ministro de Asuntos Exteriores, Álvarez del Vayo, más tarde vinculó las esperanzas de la supervivencia de la República con las tradiciones de la historia española: “Soñamos con el bastión español, no importa cuán pequeño, donde sea que estuviéramos hasta la hora de la reconquista. El recuerdo de los liberales españoles de principios del siglo XIX que, en su isla, asediados por las tropas de Napoleón (Cádiz en 1812), resistieron durante seis meses el ataque de las fuerzas reaccionarias, pareció especialmente alentador en una era en la que toda la política europea sufrió rápidos cambios. Aunque nunca vimos la Segunda Guerra Mundial como una salida, era obvio que si un bastión republicano permaneciera en España en un momento en que estalló el inevitable conflicto entre las “democracias occidentales” y los estados totalitarios, los terribles sacrificios realizados por el pueblo español no habrían sido en vano”³⁸.

El 10 de febrero de 1939, Negrín regresó a España. El 16 de febrero se reunió con los oficiales más importantes del Ejército y la mayoría de ellos insistieron en que la resistencia era imposible. El 27 de febrero, Gran Bretaña y Francia reconocieron al Gobierno de Franco. El mismo día, Azaña renunció a su cargo de presidente de la República, debilitando aún más la posición internacional de los leales. Estos se quedaron sin un presidente legítimo. La renuncia de Azaña fue un gran golpe para Negrín, “que siempre trató de mantener y demostrar la legalidad de la República ante los ojos del mundo”³⁹, — escribió Marchenko.

Negrín no estaba dispuesto a permitir la rendición. “Sabía muy bien, como Azaña y Prieto, que era imposible ganar la guerra. Y éstos sabían que lo sabía. Pero, a diferencia de

³⁷ СССР и гразhdanskaya voyna v Ispanii: 1936–1939 gody. P. 466.

³⁸ Vease: Soria J. Voyna i revolyutsiya v Ispanii. 1936–1939 gg. M.: Progress, 1987. T. 2. Pp. 258–259.

³⁹ AVP RF. I Zapadnyy otdel NKID. Ispaniya. 1939. P. 104. D.43. L. 28.

ellos, no se doblegó. No le fue posible, sin embargo, sortear tres obstáculos que se sustraían a su influencia: el comportamiento de Azaña, la imparable dinámica hacia el reconocimiento franco-británico de Franco y la sensación ampliamente extendida fuera de los círculos comunistas, de que ya no existía capacidad de prolongar la resistencia⁴⁰. “Lo que sí parece cierto es que Negrín todavía se agarraba a un clavo ardiendo y que quería continuar la resistencia, aunque sólo hasta un punto determinado. Echó mano de quienes estaban más próximos a tal idea: los comunistas⁴¹, escribe Á. Viñas. Y no fue tan estúpido dada la crisis política que se extendía por Europa.

El 6 de marzo se produjo el golpe de Estado de Casado y sus seguidores. Ese mismo día se anunció la creación de un Consejo Nacional de Defensa (CND) sin la participación de comunistas. El golpe desencadenó una lucha dentro de las tropas republicanas situadas en Madrid. Bajo esas circunstancias, la mayoría de los ministros consideraron que era inútil resistir. “El éxito de Casado fue facilitado, aparentemente, por el hecho de que se rebeló contra el Gobierno, que no pensaba defenderse. Ya a fines de enero, la mayoría de los miembros del Gobierno fueron derrotados⁴², — escribió S. Marchenko.

Como dijo Togliatti, en ese momento “Negrín no quería irse dejando a los comunistas, como dijo, ya que estaba obligado por honor⁴³. Sin embargo, después de algunas dudas, Negrín se exilió a Francia, privando de legitimidad a aquellos que estaban combatiendo contra el golpe de Casado. Como escribió Marchenko, “el Gobierno abandonó España, satisfecho con la ocasión que Casado le dio, considerándose moralmente liberado de la responsabilidad de la rendición del centro de España⁴⁴.

Los comunistas intentaron organizar la resistencia en Madrid y en la costa, pero en general, esa situación “perturbó” a la mayoría de sus líderes. Togliatti llamó la atención sobre la siguiente peculiaridad de los cuadros comunistas: “Acostumbrados al poder y a las oportunidades laborales que proporcionaba, no podían trabajar rápidamente en una posición semilegal⁴⁵. Una parte del Politburó del Comité Central del PCE y Togliatti fueron arrestados por los casadistas (aunque luego lograron escapar). Los casadistas capturaron Alicante, destruyendo las esperanzas de crear un centro de resistencia al golpe en el centro de España.

El último episodio de las relaciones soviético-españolas durante la República fue la evacuación de la Misión militar soviética. Al comienzo del golpe contaba con 55 personas. El principal consejero militar, el comandante de brigada Shumilov, estaba cerca de Almansa (Albacete)⁴⁶. Representantes soviéticos encontraron a Negrín en Elda, al norte de Alicante. Álvarez del Vayo y el Politburó del Comité Central del PCE estaban con él. Negrín estuvo de acuerdo con que los asesores soviéticos deberían abandonar el país⁴⁷. Al mismo tiempo, Casado también liberó a los funcionarios soviéticos localizados en Madrid⁴⁸. Shumilov

⁴⁰ Viñas Á. El honor de la República. P. 548.

⁴¹ Ibid. P. 510.

⁴² AVP RF. I Zapadnyy otdel NKID. Ispaniya. 1939. P. 104. D.43. L. 27.

⁴³ Komintern i grazhdanskaya voyna v Ispanii. P. 461.

⁴⁴ AVP RF. I Zapadnyy otdel NKID. Ispaniya. 1939. P. 104. D.43. L. 28.

⁴⁵ Komintern i grazhdanskaya voyna v Ispanii. P. 467.

⁴⁶ Leningradtsy v Ispanii. Sbornik vospominaniy. L.: Lenizdat, 1967. P. 269.

⁴⁷ Ibid. P. 271.

⁴⁸ Ibid.

comenzó la evacuación con la ayuda de un pequeño avión que podría llevar a varias personas a Orán. Había poco tiempo, por lo que los representantes soviéticos enviaron aviones desde Francia. No obstante, no encontraron el aeródromo cerca del que se localizaba la Misión soviética y los miembros que aún no se habían marchado tuvieron que dirigirse a Alicante. Para irse legalmente, Shumilov contactó con Casado. Según el traductor E. Plavskin, Shumilov habló con Casado como el nuevo jefe del Gobierno Español e incluso le preguntó si este Gobierno necesitaría la ayuda de los funcionarios soviéticos. Tras recibir una respuesta negativa, solicitó ayuda en la evacuación, a lo que Casado respondió que, bajo la amenaza de ejecución, la Misión soviética debería entregarse en Madrid y garantizar el cese de la resistencia de los comunistas. Shumilov, naturalmente, respondió a esta demanda con una negativa: “Bajo las estrictas instrucciones del Gobierno soviético, bajo ninguna circunstancia debemos intervenir en los asuntos internos de España, y en particular en los desacuerdos entre los partidos”⁴⁹. Después de haber llegado a Albacete, la Misión, compuesta por 17 personas, fue detenida por guardias de asalto. Según Plavskin, el segundo del oficial encargado de la detención estuvo a punto de fusilar a los rusos, pero el jefe, por el contrario, mostró una amistad formal, los alojó en el hotel y comenzó a esperar una orden escrita sobre qué hacer con ellos. El 10 de marzo, se le ordenó liberar a los representantes soviéticos, y del 10 al 12 de marzo salieron de España⁵⁰.

La tragedia de los acontecimientos de marzo de 1939 radicó en el hecho de que justo después del comienzo de la rebelión de Casado, la situación en Europa comenzó a cambiar rápidamente. Cuando la República comenzó a agonizar, de repente tuvo la oportunidad de sobrevivir gracias a los cambios en el contexto europeo.

El 15 de marzo los alemanes entraron en Praga. Después de algunas dudas⁵¹, Chamberlain se vio obligado a admitir que Hitler lo había engañado y había violado los acuerdos de Múnich. En un discurso, donde mostraba su enojo, el 17 de marzo de 1939, Chamberlain fingió abandonar la política de apaciguamiento. El 31 de marzo, proporcionó a Polonia garantías de la entrada de Gran Bretaña en la guerra si el país estaba sujeto a una “agresión directa o indirecta”. Después de la ocupación de Albania, se proporcionaron garantías a los países balcánicos. Las tensiones en las relaciones anglo-alemanas aumentaron bruscamente. Chamberlain tuvo que recurrir a la política de “seguridad colectiva”, que no concordaba con sus políticas pretéritas. Francia apoyó el nuevo rumbo de contención iniciado por los británicos.

En esas condiciones, la diplomacia británica y francesa mostraron interés en un acercamiento con la URSS, que un mes después dio lugar a una propuesta de negociaciones sobre una alianza político-militar.

Pero por desgracia, la rebelión de Casado acabó con toda esperanza de poder resistir. La conclusión sobre la imposibilidad de una mayor resistencia se desarrolló en un determinado contexto y la República fue destruida entre otras cosas, en vísperas de la Segunda Guerra Mundial, lo que modificó por completo el escenario europeo. Además del destino de España, que se decidió poco antes. La URSS hizo todo lo posible para que este destino fuera diferente.

⁴⁹ Leningradtsy v Ispanii. Pp. 275–276.

⁵⁰ Ibid. Pp. 283–288.

⁵¹ Véase: Shubin A.V. Mir na puti k voyne. P. 303.

Referencias:

- Churchill W.* Vtoraya mirovaya voyna. Kn. 1. M.: Voenizdat, 1991. [The Second World War].
- Economía y economistas españoles en la Guerra Civil. Barcelona: Crítica, 2008.
- El diario de Ciano, 1937–1938. L.: Methuen, 1952.
- Komintern i grazhdanskaya voyna v Ispanii. M.: Nauka, 2001. [The Comintern and the Civil War in Spain].
- Leningradtsy v Ispanii. Sbornik vospominaniy. L.: Lenizdat, 1967. [Leningraders in Spain. Collection of memories].
- Preston P. Franko.* M.: Tsentrpoligraf, 1999. [Franco].
- Pritsker D.P.* Podvig Ispanskoy respubliki. M.: Sotsekgiz, 1962. [Feat of the Spanish Republic].
- Puzzo D.A.* España y las grandes potencias, 1936–1941. NY: Columbia University press, 1962.
- Rybalkin Yu.* Operatsiya “X”. Sovetskaya voyennaya pomoshch’ respublikanskoj Ispanii (1936–1939). M.: AIRO-XX, 2000. [Operation “X”. Soviet military assistance to republican Spain (1936–1939)].
- Shirer U.* Vzlet i padeniye Tret’yego reykh. M.: Voenizdat, 1991. [The rise and fall of the Third Reich].
- Shubin A. V.* Mir na puti k voyne. SSSR i mirovoy krizis 1933–1940 gg. M.: Algoritm, 2016. [The world on the road to war. USSR and world crisis 1933-1940].
- Shubin A. V.* Velikaya ispanskaya revolyutsiya. M.: Librokom, 2012. [Great Spanish Revolution].
- Soria J.* Voyna i revolyutsiya v Ispanii. 1936–1939 gg. M.: Progress, 1987. [War and revolution in Spain. 1936-1939].
- SSSR i grazhdanskaya voyna v Ispanii: 1936–1939 gody. M.: Vestnik AP RF, 2013. [USSR and Spanish Civil War: 1936-1939].
- Vestnik Arkhiva Prezidenta RF. SSSR — Germaniya 1933–1941 gg. M.: Vestnik AP RF, 2009. [Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation. USSR — Germany 1933–1941].
- Viñas Á.* El honor de la República. Barcelona: Crítica, 2009.

Shubin Alexander, Doctor en Historia, profesor, investigador principal del Instituto de la Historia Universal de la Academia de Ciencias de Rusia.

Бросил ли Сталин Республику: советско-испанские отношения в последний год гражданской войны (1938–1939)

В статье рассматриваются советско-испанские отношения в последний год существования Испанской Республики, то есть с весны 1938 до весны 1939 г. В центре внимания автора стоят вопросы о продолжении советской помощи Республике в этот период и о степени контроля над правительством Негрина со стороны СССР и КПИ. Автор приходит к выводу, что, вопреки встречающимся в литературе суждениям, помощь продолжалась. Некоторое снижение помощи затронуло относительно краткий период середины 1938 г. и было вызвано такими рациональными соображениями, как военная ситуация в Испании, где республиканцы не смогли продемонстрировать способность к проведению наступательных операций, необходимость оказывать помощь Китаю против Японии, обострение положения

в центре Европы в связи с Судетским кризисом. Возникшая в этой связи, а также весной 1939 г. ситуация давала при этом шансы на спасение Республики. Автор соглашается с теми историками, которые не считают Негрина марионеткой Кремля и КПИ, но в то же время полагает, что в Испании отработывалась стратегия прихода к власти прокоммунистических сил, известная как «народная демократия». Несмотря на поражения Республики, советская помощь оказывалась, причём в кредит, до самого падения Каталонии в феврале 1939 г., после чего оружие не было возможности переправлять в Испанию по транспортным причинам.

Шубин Александр Владленович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук.

VERA MALAY

**LAS AVIACIONES EXTRANJERAS
EN LA GUERRA CIVIL ESPAÑOLA 1936-1939:
ASPECTOS TÉCNICOS Y ESTRATÉGICOS**

Basado en el análisis de materiales presentes en 8 fondos del Archivo de Política Exterior de la Federación de Rusia, del Archivo Estatal de la Federación de Rusia y de bibliografía sobre política exterior, se ha investigado el empleo de la aviación extranjera en la Guerra Civil española de 1936-1939. Apoyándose en la investigación analítica de los materiales de archivo, se rastrean aspectos técnicos y estratégicos del empleo de aviones extranjeros por parte de los beligerantes españoles, así como las conclusiones hechas por militares y políticos europeos.

Con el estallido de la Guerra Civil española, ninguna de las partes opositoras pudo ganar rápidamente y sin ayuda externa. No era casualidad que en septiembre de 1936 Franco declarara que el triunfo sería para aquellos que tuvieran mejores recursos y que estuvieran en mejores condiciones para usarlos¹.

La ayuda externa significaba no solo la internacionalización del conflicto, sino también la transformación de España en un polígono de pruebas de capacidades y estrategias técnico-militares de determinados ejércitos en un período extremadamente importante: la víspera de la Segunda Guerra Mundial. Ya el 4 de agosto de 1936, el ministro de Asuntos Exteriores francés Yvon Delbos comentó lo siguiente: “España se convertirá en un lugar de prueba técnico-militar de las grandes potencias”².

El primero en responder a las solicitudes de adquisición de armas por parte del Gobierno Republicano fue el Frente Popular de Francia. A finales de julio 1936, el ministro del Aire Pierre Cot, simpatizante de los leales, ordenó vender a España municiones, rifles, armas y ametralladoras, aviones con equipos y tripulaciones³. En Toulouse, una escuadrilla de España se formó bajo el mando del escritor antifascista francés, André Malraux. A pesar de la firma posterior del Acuerdo de No Intervención por Francia, las empresas privadas mantuvieron, aunque con posibilidades reducidas, la capacidad de entregar aviones a España sin equipo de combate⁴. Los aparatos suministrados fueron los cazas Dewoitine D.372 con armamento retirado, los bombarderos bimotores Potez 540 y Loire-Newport LN-46 y los aviones de caza Spad-510. El estado de la industria aeronáutica francesa, formada por pequeñas y dispersas empresas que no contaban con equipos modernos (hasta 1938 no lo consiguieron), afectó también la calidad de aeronaves. Los aviones franceses no tenían la capacidad para hacer frente a las aviaciones italiana y alemana.

¹ Komintern i grazhdanskaya voyna v Ispanii. Dokumenty. M., 2001. P. 135.

² Documents Diplomatiques français (1932-1939). 2e sér. (DDF). T.III. 1966. Doc. 69. P. 111.

³ Ibid. P. 52.

⁴ Ibid. P. 98; Doc 36. P. 111.

Hitler, al responder a la solicitud de apoyo de Franco, no se planteaba involucrarse profundamente en el conflicto. Los motivos de su intervención militar fueron pragmáticos y prudentes. Al hacer una deposición en el Juicio de Núremberg, Goering señaló que fue él quien le aconsejara a Hitler que probara aviones alemanes en España⁵.

Ya el 10 de agosto de 1936, el periódico español *Claridad* publicó una foto de aviones alemanes con esvástica. Eran los Junkers empleados para el traslado de tropas de Marruecos a la Península. El primer avión Ju-52 llegó a Marruecos el 28 de julio. Un poco más tarde 6 hidroaviones de reconocimiento He-60 fueron suministrados a España. A finales de julio el barco de vapor *Uzarano* con 28 aviones desmontados, bombas aéreas, proyectiles y cartuchos zarpó de Hamburgo. Por otro lado, la prensa mundial publicó la información sobre entregas de aviones alemanes durante agosto de 1936⁶.

A finales de agosto, el encargado de negocios alemán en Madrid, Völkens, informó al Ministerio de Asuntos Exteriores sobre el bombardeo exitoso de la capital española con aviones tipo Ju-52⁷. Los alemanes probaron numerosos aviones en la Guerra Civil: bombarderos Junkers (Ju)-52 / 3m, Junkers-87, Heinkel (He)-50, He-111, DO-17, cazas He-45, He-46, He-51, He-52, Henschel (Hs)-123, Arado, Messerschmitt (ME-109), aviones de reconocimiento naval He-60, aviones de reconocimiento He-46c, torpederos Ne-59 V-2, etc. Alemania ensayó con un total de 27 tipos de aviones durante la Guerra de España⁸. Hitler comentó posteriormente: “Franco debe erigir un monumento a los Ju 52. Ganó la guerra gracias a ese avión”⁹.

El 30 de octubre de 1936, el Führer decidió enviar una división aérea a España: la Legión Cóndor. Según el historiador estadounidense R. Proctor, más de 5 mil personas sirvieron en esa unidad. Cóndor derribó 386 aviones y perdió 160 aviones de tipos diferentes¹⁰. A partir de verano de 1938, el Cuartel General alemán comenzó a retirar a los pilotos más experimentados de España¹¹.

En cuanto a la aviación italiana, aquí entre los más importantes estuvieron biplanos de combate FIAT CR-32 (Chirri) y bombarderos trimotores Savoia S.81 y S.79. Asimismo, aviones pesados de transporte, bombarderos Caproni-111 y 113, SA-135 y bombarderos ligeros Romeo-37 fueron probados con éxito en la Guerra de España¹². Los políticos y militares italianos habían llegado a la conclusión sobre la importancia de la aviación durante

⁵ International Military Tribunal. Nuremberg. Vol. IX. Nuremberg, 1948. P. 280–281.

⁶ Arkhiv vneshney politiki RF (AVP RF). F. 69. Op. 27. P. 86. D. 23. L. 36; Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. (DGFP). Ser. D. Vol. 3. Germany and the Spanish Civil War. 1936–1939. Wash., 1950. P. 58; AVP RF. F.069. Op. 21. P. 62. D. 8. L. 109; New York Times. 1936. 13 Aug.; Times. 1936. 13 Aug.; Daily Express. 1936. 13 Aug.; News Chronicle. 1936. 28 Aug., etc.

⁷ AVP RF. F.69. Op. 27. P. 86. D. 23. L. 36; DGFP. Ser. D.Vol.3. P. 58.

⁸ AVP RF. F.069. Op. 21. P. 62. D. 8. L. 109, 111; F. 69. Op. 27. P. 86. D. 23. L. 7; Proctor R. Hitler's Luftwaffe in the Spanish Civil War. L., 1983. P. 275; Whealey R.H. Hitler and Spain. The Nazi Role in the Spanish Civil War, 1936–1939. Lexington, 1989. P. 102.

⁹ Green V. Boyevyye samolety tret'yego Reykha [Combat aircrafts of the Third Reich]. M., 1995. At 5 h. Part 5. P. 286. M., 1995.

¹⁰ Proctor R. Hitler's Luftwaffe... P. 253.

¹¹ DBFP. 3rd ser. Vol. 1. Doc. 507. P. 580.

¹² AVP RF. F.082. Op. 19. P. 141. D.658. L. 217; Ibid. F. 069. Op. 21. P. 62. D. 8. L. 109, 11–113; F. 69. Op. 27. P. 86. D. 23. L. 20, 22–23.

la guerra de Abisinia. Ese conflicto, según el Ministro de Aviación Valle, “permitió descubrir sus capacidades”¹³.

El CR.32 resultó ser el tipo de avión más popular de la Guerra Civil española. La escuadrilla de combate Fiat se apuntó la mayoría de las 903 victorias aéreas reclamadas por los italianos, obteniendo sus miembros medallas de Franco¹⁴. Los “grillos” se usaron en todas las batallas importantes: en el avance de los sublevados a la costa en primavera de 1938; en la batalla del Ebro, la mayor batalla aérea de toda la guerra; y en el ataque a Cataluña a principios de 1939. A medida que la Fuerza Aérea Republicana se volvió menos activa, los Fiat trabajaron cada vez menos como caza y más como aviones de bombardeo. Al final de la guerra, los cazas italianos de nueva generación aparecieron en el cielo español: Fiat G.50 y Macchi MS.200, que, según sus datos, superaron significativamente a los CR.32. Hay que destacar el hecho que un CR.32 del grupo Assodi Bastoni fue el último avión derribado en la Guerra Civil española el 31 de marzo de 1939.

Los aviones italianos no eran (al menos en la etapa inicial de la guerra) peores que los alemanes. La asistencia de los italianos en la formación de pilotos fue significativa. Hacia el final de la guerra, 25.000 soldados y oficiales del ejército de Franco pasaron por esos cursos de entrenamiento¹⁵.

La URSS comenzó el apoyo militar a la República Española a finales de septiembre de 1936. Junto al empeoramiento de la situación de la República Española¹⁶, la evolución de la posición soviética, como se sabe, fue influenciada por el factor político interno de España¹⁷.

Según el catálogo de agendas para las reuniones del Politburó del Comité Central del Partido Comunista (bolchevique) de la URSS, la decisión de proporcionar asistencia militar a España fue tomada el 28 de septiembre de 1936¹⁸. La operación soviética para brindar ayuda militar a la República obtuvo el nombre en clave de “Operación X”.

La aviación soviética en noviembre de 1936 desempeñó un papel importante en el destino de Madrid. Los bombarderos soviéticos RZ (Natasha) y SB-2 (Katyusha), el avión más avanzado de su clase (superando a los cazas italianos y alemanes en velocidad), así como el R-5 (Ryazan o Rasante), entraron en combate. También los cazas de tipo I-15 (Chatos) e I-16 (Moscas). A finales de 1936 y a principios de 1937, los principales adversarios en el aire, el caza alemán He-51 y el italiano CR.32, eran significativamente inferiores en términos técnicos. Los expertos militares soviéticos participaron activamente en las hostilidades en España: 772 aviadores soviéticos defendieron a la República¹⁹.

Al evaluar el volumen de entregas alemanas e italianas de armas y municiones a España para 1936–1939 la historiografía rusa y extranjera divergen, lo que noto también P. Preston²⁰.

En total, suministraron los siguientes aviones: los italianos enviaron entre 729 y 859 (según fuentes extranjeras) y 1000 aviones (según Rusia), los alemanes expidieron entre

¹³ AVP RF. F. 098. Op. 20. P. 26. D. 7. L. 75.

¹⁴ Ibid. Op. 21. 2P6a. D. 5. L. 15.

¹⁵ Alpert M. A New International History of the Spanish Civil War. L., 1994, P. 395.

¹⁶ AVP RF. F. 010. Op. 11. P. 71. D. 53. L. 103.

¹⁷ Ibid. L. 58.

¹⁸ Politbyuro TSK RKP (b) — VKP (b). Povestki dnya zasedaniy. Katalog. T. 2. P. 808.

¹⁹ Rybalkin Yu. Operatsiya «X». Sovetskaya voyennaya pomoshch respublikanskoy Ispanii (1936–1939). M., 2000. P. 64.

²⁰ Preston P. The Spanish Civil War, 1936–1939. L., 1986. P. 22.

708 (según fuentes extranjeras) y 593 aparatos (según Rusia), mientras que los soviéticos enviaron 648 aeronaves²¹. A modo de comparación: la ayuda soviética a China (1937–1939) incluyó 985 aviones²².

Las entregas a España fueron registradas por todas las partes en conflicto. Los informes de diplomáticos, agregados e “informadores” sobre ese tema abundan en los archivos, así como materiales extranjeros publicados de ese período²³.

En España, se probaron muchos de los últimos tipos de armas y se confirmó la tesis sobre el carácter que tendría la próxima guerra mundial como una contienda de motores. El ímpetu fue el desarrollo de la aviación y los carros blindados. En vísperas de la Segunda Guerra Mundial, la Guerra Civil española supuso el conflicto militar más grave (especialmente en el continente), lo que obligó a sus participantes directos y observadores a sacar conclusiones sobre las tácticas y estrategias desarrolladas.

La aviación fue objeto de una gran atención y análisis: características técnicas, tácticas y su papel estratégico. “Bajo Guadalajara, solo con la ayuda de aviones, la misión de combate se completó tan brillantemente y se ganó la batalla”, ese punto de vista inglés fue expuesto por el Boletín de la Flota Aérea a principios de 1939²⁴. Resultó ser que el Fiat CR.32 italiano era ligeramente inferior al I-15 y al I-16 en términos de maniobrabilidad y debido a su mayor peso (1,5 veces más). Esto último, si le daba algunas ventajas al aviador italiano, solo era en picado²⁵. Los Junkers alemanes solo pudieron usarse si había un sistema de defensa aérea efectivo y cazas en el lado contrario. Dominaron el cielo español hasta que los republicanos ampliaron su artillería antiaérea y cazas soviéticos. Tal cambio en la situación provocó el reemplazo el Ju-52 / Zt por los bombarderos más modernos. El Ju-52 / Zt comenzó a usarse solo como vehículo de transporte, convirtiéndose en el principal avión de transporte militar de la Alemania fascista²⁶. Hay que resaltar que en 1936, los pilotos alemanes usaron un nuevo tipo de bomba: altamente explosiva²⁷.

Los combates aéreos en España mostraron que la velocidad del primer Me-109 (excepto el 109C) no tenía ventajas sobre el I-16 soviético y era inferior a ellos en cuanto a velocidad de ascenso y armamento. En general, en términos de su eficacia de combate, esas máquinas estaban cerca y todo dependía de las tácticas de guerra y el arte de pilotar. Ya en otoño de 1936,

²¹ Coverdale J. *Italian Intervention in the Spanish Civil War*. Princeton, 1975. P. 93; Whealey R.H. *Hitler and Spain*. P. 103; Rybalkin Yu. *Operatsiya “X”*. P. 44.

²² *Grif sekretnosti snyat: Poteri Vooruzhennykh sil SSSR v voynakh, boyevykh deystviyakh i voyennykh konfliktakh: Statisticheskoye issledovaniye*. G.F. Krivosheyev (ed.). M., 1993. S. 69; *Rossiya i SSSR v voynakh KHKH veka. Poteri vooruzhennykh sil. Statisticheskoye issledovaniye*. G.F. Krivosheyev. M., 2001. P. 164–167; Rybalkin Yu. *Operatsiya “X”*. P. 44–46.

²³ Por ejemplo: AVP RF. F. 05. Op. 17. P. 131. D. 51. L. 10–11, D. 54. L. 17; F. 011. Op. 1. P. 4. D. 35. L. 133, 188–189. D. 37. L. 5; F. 069. Op. 20. P. 60. D. 5. L. 44–45; F. 082. Op. 21. P. 89. D. 4. L. 19, 83; F. 097. Op. 13. D. 27. L. 1; *Documents on the Italian Intervention in Spain*. L., 1937. P. 3, 7, 32–34, 87–92; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 131, 308, 325, 328, 339, 368, 369, 375, 406; Vol. 18. Doc. 54, 190, 255, 257, 376; Vol. 19. Doc. 11, 12, 3; DBFP. 3rd ser. Vol. 2. Doc. 595, 1093, 1228, etc.

²⁴ *Rol aviatsii v sovremennoy voyne v Ispanii (angliyskiye vzglyady) // Vestnik vozdushnogo flota. Voenizdat. 1939. № 3. P. 51.*

²⁵ *Ibid.* P. 53.

²⁶ Yakuba N. Fel'dman F. *Nad Pireneyami // Krylya Rodiny*. 1998. № 1. P. 21–22.

²⁷ Whealey R.H. *Hitler and Spain*. P. 102; Pitcairn F. *V Ispanii (iyul-avgust 1936)*. [In Spain (July-August 1936)]. M., 1936. P. 103.

los observadores notaron que, al desarrollar velocidades de hasta 175 km/h, los bombarderos alemanes e italianos podían evadir a los cazas, pero perdían significativamente precisión al realizar los bombardeos²⁸.

Los cazas alemanes Me-109, los bombarderos He-111 y el bombardero italiano Savoia-79 que aparecieron en España en verano de 1937, no eran inferiores a los aviones soviéticos en cuanto a las características técnicas, e incluso los superaban en algunos índices. Los diseñadores de aviones alemanes basándose en las lecciones de la guerra española y el análisis de las características de combate de los cazas soviéticos I-16, mejoraron rápidamente sus aviones. En particular, la nueva versión del Me-109 (de clase “E”) era significativamente superior a los cazas soviéticos en velocidad (con una diferencia de 100 km/h), calibre de armas y campo de tiro. La etapa final de la Guerra de España estuvo marcada por una ventaja significativa de la aviación alemana. El Me-109, en sus distintas versiones, se fabricó hasta el final de la Segunda Guerra Mundial. Erich Hartmann, el piloto de combate con más victorias aéreas de toda la historia, voló exclusivamente en ese avión²⁹.

Al analizar las batallas aéreas en España, se solucionó el problema debatido sobre las propiedades cualitativas de cazas: la velocidad y maniobrabilidad³⁰. Se hizo evidente la necesidad de protección de armadura de pilotos, fortaleciendo las capacidades defensivas de los bombarderos.

En el cielo español se demostraron las ventajas de los cazas y surgió la necesidad (para todas las partes involucradas) de desarrollar los bombarderos. Los bombarderos estratégicos de largo alcance aprendieron a evitar la artillería antiaérea en los bombardeos nocturnos. Pero privados de cobertura de caza en algún momento de la operación, los bombarderos podían quedar indefensos. Los aviones de combate, por otro lado, necesitaban aumentar los parámetros de velocidad. La solución fue hallada en la fabricación de aviones a reacción. Se sabe que Heinkel 178, el primer avión de propulsión a chorro alemán, realizó un vuelo tripulado dos días antes del estallido de la Segunda Guerra Mundial³¹.

Los comandantes ganaron la experiencia importante. Por ejemplo, el Capitán Werner Mölders mejoró significativamente las tácticas de combate aéreo. En su cuenta, hubo 14 aviones republicanos (soviéticos) derribados. Franco enfatizó repetidamente la importancia de sus victorias a partir del papel realizado por los “excelentes pilotos alemanes”³².

El estudio de la experiencia técnico-militar obtenida por los soviéticos de la Guerra en España puede rastrearse en los materiales desclasificados entre 1999 y 2001 dentro del fondo “Oficina Técnico-Militar adjunta al Comité de Defensa del SNK (Consejo de Comisarios de Pueblo) de la URSS” del Archivo Estatal de la Federación de Rusia. Las formas y grados de evaluación dados por constructores y militares de la información recibida sobre equipos militares extranjeros son interesantes: desde un simple “de interés” o “interés de información”,

²⁸ New York Evening Journal. 1936. 16 Sept.

²⁹ Vease: Shumikhin V.S. Sovetskaya voyennaya aviatsiya. 1917–1941. M., 1986. P. 199–212; Prokofyev G.M. Ispanskoye nebo v ogne. V kn.: Pod znamenem Ispanskoy respublikii. M., 1964. F. 483–540; Deyton L. Vtoraya mirovaya voyna: oshibki, promakhi, poteri. M., 2000. P. 378. Rol aviatsii v sovremnnoy voyne v Ispanii (angliyskiye vzglyady) // Vestnik vozdushnogo flota. Voenizdat. 1939. № 3. P. 53.

³⁰ Rol aviatsii v sovremennoy voyne v Ispanii (angliyskiye vzglyady) // Vestnik vozdushnogo flota. Voenizdat. 1939. № 3. P. 53.

³¹ Vease: Zapolskis A.A. Reaktivnyye samolety Lyuftvaffe. Minsk, 1999. P. 26–27, 30.

³² Dokumenty Ministerstva Inostrannykh del Germanii. V. 3. P. 23; Whealey R.H. Hitler and Spain. P. 105.

pasando por un “gran interés para la Fuerza Aérea del Ejército Rojo” y hasta un “interés constructivo”, “evita repetición del trabajo realizado en Alemania”, “es una herramienta valiosa”³³.

El avión italiano CR.32, el avión enemigo más frecuente de los pilotos soviéticos en España, también atrajo la atención de los especialistas de la URSS. El primer caza italiano fue entregado al Instituto de Investigación de la Fuerza Aérea en abril de 1937. Su armamento, particularmente, suscitó mucho interés. En junio de 1937, prácticamente todo un Fiat CR fue recibido en el Instituto de Investigación de la Fuerza Aérea. Los aviones Savoia-Marchetti-S.79, Fiat APR-2 y Fiat G 18V que no sólo combatieron en España, sino también se ofertaron a la venta en el extranjero, según la conclusión de la lista de especialistas, fueron de gran interés informativo. Diseñadores, militares y políticos soviéticos tenían también descripciones de los aviones italianos Savoia Marchetti C73, C78 y C81³⁴.

Los nombres de los informes en el fondo “Oficina Técnico-Militar adjunta al Comité de Defensa del SNK (“Voyenno-tekhnicheskoye byuro pri KO SNK SSSR”) hablan por sí mismos: “Sobre el nuevo material utilizado en Alemania para la construcción de aviones” (mayo de 1937), “Bombardero Caproni SA-135 (enero de 1937)”, “Descripción del avión Savoia-Marchetti S73”, “Transmisores de a bordo en aviones militares italianos (noviembre de 1936 — abril de 1937)”, etc.³⁵ En marzo de 1937, el jefe de la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo (RU RKKA, por las siglas en ruso) preparó una “Recopilación de Materiales de Información para España”, entregada a V.M. Molotov. Un mes después, la RU RKKA emitió, para uso oficial, la recopilación clasificada “Fuerza Aérea Alemana”³⁶.

Teniendo en cuenta la experiencia española se hicieron algunos ajustes en la fabricación de aviones militares soviéticos. Entonces, “junto a la experiencia en otros aviones extranjeros (en particular, Fiat-32 — V.M.), se han diseñado, construido y probado nuevos frenos neumáticos con un nuevo control para aviones I-16, pero aún requieren refinación (se puede usar para otros cazas)”³⁷.

Pero la participación de la aviación soviética en la guerra española también sacó a la luz la necesidad de una transición (lo más rápida posible): desde la modernización de modelos de producción hasta la creación de una nueva generación de aviones. Pero no se reaccionó rápidamente frente a los modelos extranjeros fabricando nuevas muestras. No se puede descartar que la poca oposición en la etapa inicial de la guerra en España que tuvieron los aviones de combate soviéticos del tipo I-15 e I-16, con modelos obsoletos de aviones alemanes e italianos, provocó un exceso de confianza en los mismos. El resultado fue que, al comienzo de la Segunda Guerra Mundial, el 80 % de los aviones soviéticos eran obsoletos³⁸.

El historiador militar V. Gagin da las siguientes características de la guerra aérea en España: la URSS combatió con equipos bien establecidos; la técnica italiana tuvo un promedio de 2–3 años; los alemanes comenzaron a retroceder, reaccionaron dinámicamente, lanzaron todos los nuevos, depuraron y avanzaron mucho³⁹.

³³ Gosudarstvennyy Arkhiv RF. (GARF). F. R-8433. Op. 3. D. 31. L. 81, 103, etc.

³⁴ Ibid. Op. 3. D. 136. L. 1, 4, 5; Ibid. D. 31. L. 76, 78.

³⁵ Ibid. Op. 2. D. 121; Op. 4. D. 249; Op. 1. D. 39; Op. 3. D. 31, 136.

³⁶ Ibid. Op. 2. D. 13. L. 19–38, 39.

³⁷ Ibid. Op. 3. D. 131. L. 8.

³⁸ Rybalkin Yu. Operatsiya «X». P. 119.

³⁹ Gagin V.V. Vozdushnaya voyna v Ispanii (1936–1939). Voronezh, 1998. P. 75.

Los países que no participaron directamente en el conflicto español llevaron a cabo también sus propios análisis. Según la Embajada de la URSS en París (febrero de 1937), “el personal quedó muy impresionado por la información del agregado militar francés en Madrid, que caracteriza las acciones de la aviación soviética de la manera más positiva”. A finales de enero de 1937, el ministro del Aire francés Pierre Cot tenía la intención de solicitar la venia parlamentaria para comprar aviones militares en el extranjero, principalmente en la URSS (hasta 100 aviones) con el objetivo de suministrarlos a España⁴⁰.

Incluso el cónsul general alemán en Valencia, Kocher, expresó a Antonov-Ovseenko: “¡Vuestros pilotos hacen maravillas cerca de Madrid!”⁴¹ James, un miembro de la delegación parlamentaria británica en España, un exoficial de vuelo, telegrafió al Ministerio del Aire británico: “Protegiendo a Hitler, no estás eligiendo el caballo que necesitáis. Es mejor tener combatientes soviéticos como nuestros aliados que los bombarderos alemanes”⁴².

Así, en la guerra de España, no todos los políticos y militares europeos pudieron o quisieron ver que ese conflicto era un preludio de una guerra moderna debido a la reducida velocidad de desenvolvimiento de acontecimientos y a algunas limitaciones territoriales. No obstante, esos factores deberían haber contribuido a asimilar mejor la experiencia española.

La guerra en España fue la primera guerra seria de motores. En ella, los futuros participantes en la Segunda Guerra Mundial probaron sus últimos modelos tanto en el aire como en tierra. Ese conflicto local, con su profundo grado de internacionalización, demostró lo que podría significar una guerra en Europa con una gran cantidad de material bélico, pero no de efectivos.

La guerra en la Península Ibérica también fue la primera en que la aviación desempeñó un papel que se le asignó posteriormente en conflictos internacionales, destacando factores tales como la velocidad de aviones, su fuerza, la preparación de tripulaciones de vuelo para combates nocturnos y la necesidad de una cobertura confiable de caza. La batalla por Madrid demostró plenamente la importancia de la aviación en la próxima guerra.

Las conclusiones de los participantes y los observadores extranjeros en la guerra de España fueron heterogéneas.

En el caso del ejército británico se consideró necesario modernizar la Fuerza Aérea y mejorar el sistema de defensa antiaérea. Esto afectó al famoso caza Spitfire y al caza Hawker Hurricane⁴³. Inglaterra sacó más conclusiones políticas que militares de los acontecimientos españoles.

Los militares y políticos franceses reaccionaron al conflicto en el Estado vecino con el deseo de fortalecer el poder militar de su país. Pero el rearme tuvo lugar en condiciones de conflictos políticos internos y en un contexto de crisis económica. Francia comenzó a actualizar y reponer su flota de vehículos militares demasiado tarde, lo que le perjudicó su destino en la Segunda Guerra Mundial. Los militares franceses no pudieron y no quisieron adaptar su doctrina militar a las nuevas realidades.

Italia mostró una excesiva complacencia, junto a la confianza en sus propias posibilidades. Muy involucrada en la guerra de España, pagó por su baja preparación

⁴⁰ AVP RE. F. 011. Op. 1. P. 7. D. 73. L. 5.

⁴¹ Ibid. F. 05. Op. 16. P. 119. D. 62. L. 24.

⁴² Ibid. F. 069. Op. 20. P. 60. D. 4. L. 71.

⁴³ Eden A. Facing the Dictators. Boston, 1962. P. 547.

técnica (en comparación con Alemania) para la Segunda Guerra Mundial. La élite militar en su conjunto ignoró las lecciones de la Guerra Civil en España, satisfecha con el hecho mismo de la victoria de Franco.

La dirección soviética estudió y resumió la experiencia de la guerra española, describiendo las características técnicas de todo el equipo militar utilizado en la misma. Nuevas tácticas de combate aéreo fueron probadas también por especialistas soviéticos. La experiencia obligó a cambiar las tácticas de combates nocturnos, siendo no solo una innovación en la aviación soviética⁴⁴. La Unión Soviética, que tenía información completa sobre las ventajas y desventajas de sus aviones militares propios y extranjeros en España, llegó a una serie de conclusiones precisas sobre la necesidad de su modernización. En consecuencia, se puso a trabajar en esa dirección. Habían sido varias las conclusiones que encontraron una aplicación práctica en la mejora y modernización de aviones soviéticos. Una de las medidas que era necesario implementar fue la de actualizar y ampliar el parque técnico-militar. No obstante, problemas de personal que hubo al comienzo de la guerra, no se solucionaron por completo. Varias razones internas de naturaleza política, estratégico-militar y económica no permitieron implementar completamente las enseñanzas aprendidas en España antes del inicio de la Segunda Guerra Mundial.

El liderazgo alemán no solo se analizó, sino que introdujo conclusiones técnicas sacadas de la Guerra Civil española. Por lo tanto, el papel de la aviación en el Blitzkrieg se desarrolló casi hasta el más mínimo detalle en el cielo de España. El papel principal en esa operación lo desempeñó el general Wolfram von Richtofen (quien más tarde planeó operaciones aéreas contra Polonia y Francia). La Alemania de Hitler reaccionó de manera más adecuada al mejorar una serie de modelos de combate que entraron con su versión modernizada en la Segunda Guerra Mundial, lo mismo ocurrió también con tanques y otros tipos de armas.

De este modo, los países europeos pagaron un precio diferente a causa del “experimento español”. No se trata solo de costos materiales y políticos. Las ambigüedades de las conclusiones militares hechas en España conllevaron los resultados dispares del primer período de la Segunda Guerra Mundial.

Referencias:

- Alpert M.* A New International History of the Spanish Civil War. L., 1994.
Coverdale J. Italian Intervention in the Spanish Civil War. Princeton, 1975.
Deyton L. Vtoraya mirovaya voyna: oshibki, promakhi, poteri. M., 2000.
Documents Diplomatiques français (1932–1939). 2e sér. (DDF). T.III. 1966. International Military Tribunal. Nuremberg. Vol. IX. Nuremberg, 1948.
Eden A. Facing the Dictators. Boston, 1962. P. 547.
Gagin V.V. Vozdushnaya voyna v Ispanii (1936–1939). Voronezh, 1998.
Green V. Boyevyye samolety tret'yego Reykha [Combat aircrafts of the Third Reich]. M., 1995. At 5 h. Part 5. P. 286. M., 1995.

Grif sekretnosti snyat: Poteri Vooruzhennykh sil SSSR v voynakh, boyevykh deystviyakh i voyennykh konfliktakh: Statisticheskoye issledovaniye / G.F. Krivosheyeva (ed.). M., 1993.

⁴⁴ Vease: Shumikhin V.S. Sovetskaya voyennaya aviatsiya. 1917–1941. M., 1986. P. 200; Stepanov N.Ye. Nochnoy taran // My — internatsionalisty. Vospominaniya sovetskikh dobrovol'tsev — uchastnikov natsional'no-revolutsionnoy voyny v Ispanii. M., 1986. P. 268–269.

- Komintern i grazhdanskaya voyna v Ispanii. Dokumenty. M., 2001.
- Pitcairn F.* V Ispanii (iyul-avgust 1936). [In Spain (July-August 1936)]. M., 1936. P. 103.
- Proctor R.* Hitler's Luftwaffe in the Spanish Civil War. L., 1983. 124
- Prokofyev G.M.* Ispanskoye nebo v ogne. V kn.: Pod znamenem Ispanskoy respubliky. M., 1964.
- Rol aviatsii v sovremennoy voyne v Ispanii (angliyskiye vzglyady) // Vestnik vozdushnogo flota. Voenizdat. 1939. № 3. P. 51.
- Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Poteri vooruzhennykh sil. Statisticheskoye issledovaniye. Pod red. G.F. Krivosheyeva. M., 2001.
- Rybalkin Yu.* Operatsiya "X". Sovetskaya voyennaya pomoshch respublikanskoy Ispanii (1936–1939). M., 2000.
- Shumikhin V.S.* Sovetskaya voyennaya aviatsiya. 1917–1941. M., 1986.
- Stepanov N.Ye.* Nochnoy taran // My — internatsionalisty. Vospominaniya sovetskikh dobrovoltagev — uchastnikov natsional'no-revolutsionnoy voyny v Ispanii. M., 1986.
- Whealey R.H.* Hitler and Spain. The Nazy Role in the Spanish Civil War, 1936–1939. Lexington, 1989.
- Yakuba N. Fel'dman F.* Nad Pireneyami // Krylya Rodiny. 1998. № 1.
- Zapolskis A.A.* Reaktivnyye samolety Lyuftvaffe. Mn., 1999.
- Preston P.* The Spanish Civil War, 1936–1939. L., 1986.

Malay Vera, Doctora en Historia, catedrática de la Universidad Nacional de Investigación Estatal de Belgorod.

Иностранная авиация в гражданской войне в Испании 1936–1939 гг.: технические и стратегические аспекты

В статье на основе анализа материалов восьми фондов Архива внешней политики Российской Федерации, Государственного архива РФ, опубликованных зарубежных внешнеполитических документов исследуется использование иностранной авиации в гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. С опорой на анализ архивных материалов прослеживаются технические и стратегические аспекты применения обеими испанскими воюющими сторонами иностранной авиационной техники, а также выводы, сделанные по этому поводу европейскими военными и политиками.

Малай Вера Владимировна, доктор исторических наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Х.Б. РУИС НУНЬЕС

СОВЕТСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ОРГАНИЗАЦИЮ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ АВИАЦИИ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ (1936–1939)

Советская помощь Испанской Республике сыграла значительную роль в сдерживании франкистских мятежников, прежде всего, в военной сфере и особенно — в авиации. Советские специалисты и авиационная техника, направленные в Испанию, существенно повлияли на динамику развития республиканской авиации. Надо отметить и то, что эта помощь была получена в очень сложный момент, когда Республика испытывала острую нехватку вооружения и специалистов. Поставляемыми самолётами ещё надо было научиться управлять, и присутствие советских специалистов имело важное значение при знакомстве испанских пилотов с новой для них техникой.

Советская помощь Испанской Республике сыграла значительную роль в сдерживании франкистских мятежников, прежде всего, в военной сфере — в авиации и поставках танков, как отмечал Висенте Рохо¹. Советские специалисты и авиационная техника, направленные в Испанию, существенно повлияли на динамику развития республиканской авиации. Надо отметить и то, что эта помощь была получена в очень сложный момент, когда Республика испытывала острую нехватку вооружения и специалистов. Поставляемыми самолётами ещё надо было научиться управлять, и присутствие советских «друзей»² имело важное значение при знакомстве испанских пилотов с новой для них техникой.

В августе 1936 г. советская помощь начала поступать в Испанию, и её объём постепенно увеличивался до 29 сентября того же года, когда Политбюро санкционировало разработку Операции «Х» — плана систематической поддержки Испанской Республики. Можно выделить несколько причин, повлиявших на это решение: укрепление позиций Франции на геополитической арене³, желание предупредить Германию о последствиях её экспансионистской политики и продемонстрировать лидерство СССР среди левых сил в мировом масштабе. Кроме того, появилась прекрасная возможность испытать в деле оружие и технику и исследовать тактические приёмы потенциального противника в ходе реальных боевых действий⁴.

¹ Rojo Vicente. Carta del General Jefe del Estado Mayor Central al Presidente del Gobierno y Ministro de Defensa, Archivo Histórico Nacional, Fondo Vicente Rojo, Caja 2/4, documento 126.

² Слово, которым республиканцы обозначали в документах представителей СССР.

³ Это позволило СССР сблизиться с ключевой страной, чтобы избежать международной изоляции, которая могла привести к тому, что Дж. Хоусон назвал «буржуазным забором».

⁴ Viñas Á. La soledad de la República: El abandono de las democracias y el viraje hacia la Unión Soviética. Barcelona: Crítica, 2010. Pp. 216–17; Volodarsky B. Estimados camaradas: agosto de 1936 — enero de 1937 // El caso Orlov: los servicios secretos soviéticos en la Guerra Civil española. Barcelona: Crítica, 2013; Howson G.

В этой статье будет рассмотрено возможное влияние⁵ советской помощи на организацию бомбардировок республиканской авиации, особенно тех, где участвовали самолёты Туполев СБ, с точки зрения оперативной независимости авиации от сухопутных войск и флота, а также специфики авиационного состава в боевых вылетах.

Группа 12⁶ вначале включала советские самолёты и личный состав, формировалась самолётами Туполев СБ и разделялась на три эскадрильи⁷. Группами и эскадрильями командовали советские специалисты, несмотря на то, что официальным командиром числился испанец. Что касается пилотов, которые входили в лётный состав, то, в случае с Группой 12, большинство из них были представителями СССР, но в группу также обязательно включались испанцы, которые лучше ориентировались на местности. Такая схема была логичной, учитывая нехватку испанского военного персонала для пилотирования. При этом С. Сидонча отмечает, что в тот момент, когда прибыли советские самолёты, несколько испанских лётчиков были переведены в Гвадалахару для обучения обращению с этими летательными аппаратами⁸.

Несомненно, республиканская авиация слабо взаимодействовала с сухопутными войсками и военно-морским флотом. В течение первых месяцев после мятежа положение в авиации, как и в остальной армии, было хаотичным и трудным. Это было связано со спецификой исходящих от командования приказов, а также с присутствием внешних сил. Постепенно управление было восстановлено, и руководство всеми военно-воздушными силами Республики было сосредоточено в командовании ВВС, согласно указу от 6 сентября 1936 года⁹.

Управление авиацией было организовано таким образом, что ВВС получили большую самостоятельность, чем другие рода войск. В докладе¹⁰, хранящемся в архиве Мануэля Асаньи, приведен интересный анализ республиканской авиации и эволюции, которую она претерпела во время войны. Там же содержится критика некоторых

Armas para España la historia no contada de la Guerra Civil española. Barcelona: Península, 2000. Pp. 176–177; Rybalkin Yu. Stalin y España: la ayuda militar soviética a la Republica. Madrid: Marcial Pons Historia, 2007. Pp. 55–56.

⁵ Goddard R.V. Republican Spain — February 1938. Visit of Air Staff Officers. General Report of Wing Commander R. V. Goddard (11 de marzo de 1938). TNA. FO. 371/22682/177.

⁶ Согласно Х. Кальдевилу, используется термин «группа», так как каждая эскадрилья включала 12 самолётов.

⁷ В конце ноября состав третьей эскадрильи был распределён между двумя другими. Абросов С.В. Воздушная война в Испании. Хроника воздушных сражений 1936–1939 гг. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 29.

⁸ Прокофьев Г. Испанское небо в огне // Под знаменем Испанской республики. 1936–1939: Воспоминания советских добровольцев-участников национально-революционной войны в Испании. М.: Наука, 1965. С. 377–378; García Lacalle A. Mitos y verdades: la aviación de caza en la Guerra Española. México: Ediciones Oasis, 1973. P. 26; Saiz Cidoncha C. Aviación republicana: historia de las Fuerzas Aéreas de la República Española (1931–1939). Vol. I. Madrid: Almena ediciones, 2006. P. 303–304; J.F.S. (¿José Falcó Sanmartín?) «El viejo “Katiuska”», Alas plegadas. Boletín de información de la Liga de antiguos aviadores de la República Española, diciembre de 1996. P. 17; Абросов С. В небе Испании. 1936–1939 годы. О советских лётчиках-истребителях, воевавших в Испании. М.: Б. и., 2003. С. 59; Cadevila J. Memorias de Juan Caldevila // Ícaro: Boletín informativo de la directiva nacional de la Asociación de Aviadores de la República, julio de 1997. P. 10.

⁹ Indalecio Prieto Tuero. “Decretos”. С. 193. Diario Oficial del Ministerio de Marina y Aire. 1936. P. 1107–1108.

¹⁰ Учитывая, кто подвергся критике и кто был признан жертвой, вполне вероятно, что доклад был сделан каким-то военнослужащим академии, который закончил свою подготовку до государственного переворота.

аспектов управления авиацией, в том числе организации этого управления. Заявляется, что самостоятельность авиации, в основе которой лежали идеи о «доминировании в воздухе и короткой войне», привела к отсутствию координации с другими силами. По словам автора доклада, причиной были также «идеи, господствовавшие в дружественной стране (СССР), и их реализация в нашей в качестве испытания»¹¹.

В СССР было создано воздушное управление, занимавшееся стратегическими вылетами. Следует отметить, что большинство его подразделений находились в тесном сотрудничестве с сухопутными войсками. В Испании же проблемы независимости авиации существовали до начала советской помощи. В докладе НКТ об использовании авиации осенью 1936 года, до прибытия основной части подкреплений, говорится, что «необходима бóльшая связь и взаимодействие между авиацией и нашими колоннами»¹². Однако до сентября 1936 года авиационная структура всё ещё была частью общего военного управления, за исключением некоторых подразделений, таких как испанская эскадрилья, которая имела некоторую автономию. С одной стороны, непосредственно после мятежа ни одно подразделение не было в прямом контакте с каким-либо другим подразделением, поскольку они получали приказы от высших органов власти. С другой стороны, иногда удавалось достичь высокой координации (как в случае Майорки, где Альберто Байо (Alberto Bayo y Giroud) имел возможность использовать для операции несколько гидросамолётов).

Сентябрьский указ установил определённую независимость, которая способствовала автономии авиации от других военных частей. Это было связано и с обособленным расположением командования авиацией, находившегося в Альбасете (в то время как генеральные штабы других родов войск находились сначала в Мадриде, а затем в Валенсии). Об этом свидетельствуют и советские специалисты в своих докладах¹³.

Таким образом, упомянутая структура управления уже существовала, когда советские специалисты прибыли в Испанию, и всё, что они сделали в этой связи — не изменили этого независимого положения авиации. Эта ситуация повторилась и в момент перемещения республиканского руководства в Валенсию в апреле 1937 г.¹⁴

Эта модель организации республиканской авиации создавала много проблем в различных военных сферах, которые всегда требовали более глубокой координации между различными родами войск для того, чтобы проводить более эффективные наступательные операции. Однако реальность была такова, что появление самолётов часто запаздывало, что провоцировало критику со стороны командования. В ноябре 1937 года Висенте Рохо, будучи начальником штаба генерала Х. Миахи, требовал под-

¹¹ “El Estado de la Aviación” (s.f. pero ca. julio de 1938). AGA. Grupo de fondos 10. Sign. 12/3197. Carp. 1. P. 11. Doc. 2.

¹² Comité Nacional de la CNT. “Utilización de los globos cautivos de gran altura” (ca. septiembre-octubre de 1936). Archivo CNT 1936–1939. C8.1. FAL.

¹³ Comité Central del Arma de Aviación, “Informe que remite el Comité Central del Arma de Aviación sobre la actuación moral y material del mando de dicha arma desde los comienzos de la sublevación fascista” (23 de enero de 1937), CDMH, S. Político-Social Serie Militar, Carp. 5652, Exp. 2, Doc. 105; Абросов С. В небе Испании. 1936–1939 годы. С. 12–13.

¹⁴ Romero Basart L. La Guerra en España o Asesinato de los Españoles. 1936 a 1939. Valencia (Venezuela): Tip. “El Cronista”, 1958. P. 25; Hidalgo de Cisneros I. Memorias 2. La República y la Guerra de España. Paris: Sociéte d’Éditions de la Librarie du Globe, 1964. P. 393; Абросов С. В небе Испании. 1936–1939 годы. С. 13.

чинения авиации приказам последнего, руководившего обороной Мадрида, для лучшего управления операциями.

При этом в апреле 1937 года Висенте Рохо признал, что авиация является независимой в своей организации и управлении, хотя и продолжал заявлять, что для подготовки наступления именно глава армии должен отдавать приказы военно-воздушному флоту¹⁵. Генеральный штаб, созданный в мае 1937 г., подготовил в июне 1937 года отчёт, в котором было заявлено, что танковые подразделения и авиация, тесно связанные с советской помощью, имели чрезмерную независимость от сухопутных войск. В этом же документе выражалась уверенность в том, что в дальнейшем будет поощряться более тесное сотрудничество. Однако сам Идальго де Сиснерос признавал, что это невыполнимо, отмечая, что «в нынешних условиях это невозможно осуществить во всех армиях и подразделениях»¹⁶. Так продолжалось и далее, несмотря на регулярную критику данных обстоятельств¹⁷, и приводило к таким случаям, как проблема согласования действий между генералом Хуаном Сарабией и авиацией во время операции под Теруэлем, и усиливало решительность командования в желании урегулировать взаимодействие военно-воздушных сил с сухопутными войсками и флотом. Реализацию этих стремлений можно было наблюдать при подготовке операций на Арагонском фронте в сентябре 1937 года. Было заявлено, что «вся авиация должна подчиняться высшему командованию без ущерба для операций и действовать согласно специальным просьбам, которые получает в срочном порядке непосредственно от армий». Но в то же время И. Прието подчинил часть авиации Х. Сарабии¹⁸ во время Теруэльской операции. Тем не менее проблема заключалась в том, что его приказы не исполнялись. Так, когда генерал направил приказы на аэродром Барракас для проведения ряда операций, начальник аэродрома ответил, что ему необходимо получить санкцию авиационного командования. И. Прието же был уверен, что проблема будет решена с присутствием главы ВВС в штаб-квартире Х. Сарабии¹⁹. Таким образом, ситуация так и не изменилась, несмотря на предпринятые усилия.

Историк Кабесас Моро отмечает интересный аспект в разговоре И. Прието с Х. Негрином 27 декабря 1937 года: обсуждалось, что временный командующий ВВС Мартин Луна²⁰ считал, что ситуация, которая сложилась в Теруэле с авиацией, была связана с советскими советниками. И. Прието этому не удивился и говорил Х. Негрину, что думает о том, как решать этот вопрос с СССР. Однако в итоге эта претензия так

¹⁵ Vicente Rojo. "Conferencia tenida con el teniente coronel Rojo, jefe del EM del General Miaja, a las 17'30 del día 7 de noviembre de 1936". 7 de noviembre de 1936). AFIP. "Guerra Centro. Septiembre de 1936 — marzo de 1938"; Archivo 16, Cp. 1611; Vicente Rojo, "Instrucción de las tropas para la ofensiva". 27 de abril de 1937. ANPCE. Rollo 32 — 1. Doc. 2.

¹⁶ Jefe del EMC. «Acta de la reunión del EM Central» (3 de junio de 1937). AHN. F. Diversos-Vicente Rojo. P. 1, 2-1.

¹⁷ Teniente coronel Vicente Rojo, jefe del EMC. "Instrucciones generales para el desarrollo de la maniobra ofensiva de conjunto" (21 de septiembre de 1937). AHN, F. Diversos-Vicente Rojo. C. 1/3. Doc. 36 y "El estado de la Aviación" (s.f. pero c. julio de 1938). AGA. Grupo de fondos 10. Sign. 12/3197. Carp. 1. P. 11. Doc. 2.

¹⁸ Командующий большей частью войск, наступавших на Теруэль.

¹⁹ Ministerio de Defensa Nacional (27 de diciembre de 1937). AFJN. Doc. N° 1MDN1000400020005001.

²⁰ Идальго де Сиснерос перенёс серию сердечных приступов, которые привели его к отказу от руководства Военно-воздушными силами (Cisneros Hidalgo de. Memorias 2. La República y la Guerra de España. P. 432-435).

и не была предъявлена, так как главный советник Григорий Михайлович Григорович (Штерн) положительно отзывался об использовании авиации в Теруэле и критиковал отсутствие связи с авиацией в штабе Х. Сарабии²¹. Таким образом, И. Прието вновь, говоря о причинах авиационной самостоятельности, объяснял её советским влиянием, хотя в данном случае Григоровичу было ясно, что для успеха необходимо улучшать взаимодействие с сухопутными войсками.

Аналогичным образом воспринималась самостоятельность авиации и другими командирами, о чём говорят жалобы на обособленность авиации, в которых сообщалось о том, что поставленные цели периодически игнорируются и самолёты не бомбят то, что нужно. Эти жалобы были прокомментированы в докладе Рохо о необходимых коррективах для успешного наступательного маневра. Он отмечал, что авиация «действует в целом со слишком большой независимостью. Необходимо большее взаимодействие с землей... Не меняйте цели бомбардировок, установленные командованием». Другим представителем власти, который говорил о необходимости соблюдения поставленных целей, был И. Прието. В телеграмме И. де Сиснеросу он подчёркивает необходимость командованию «в большей степени учитывать мои указания». Точно так же в своих мемуарах он пишет о неисполнении подчинёнными его приказов²².

Хотя на протяжении 1938 года жалобы продолжали поступать, были моменты, когда взаимодействие между авиацией и другими родами войск приносило успех. В качестве примера можно привести благодарность В. Рохо, которую он направил Идальго де Сиснеросу за хорошую работу авиации, что подняло боевой дух сухопутных войск. Документ не датирован, но уточняется, что такая работа была замечена только в операциях под Теруэлем, что позволяет сделать вывод, что документ появился уже после битвы за Теруэль²³.

Несмотря на очевидное улучшение, в сентябре 1938 года доклад В. Рохо был очень резким: «Одной из величайших ошибок, сделанных, по мнению генерала, в ходе нашей войны, было (sic!) сделать нашу авиацию независимой». Генерал давал ясно понять, что авиация должна слиться с сухопутной армией. Ошибка заключалась в создании из неё независимого рода войск, в то время как на практике ей необходимо было очень много взаимодействовать с сухопутными войсками, а с этим были проблемы²⁴.

²¹ Cabezas O. Indalecio Prieto, socialista y español. Madrid: Algaba Ediciones, 2005. P. 714–715.

²² Rojo V. Instrucciones generales para el desarrollo de la maniobra ofensiva de conjunto (21 de septiembre de 1937). AHN. AHN. F. Diversos-Vicente Rojo, C. 1/3, Doc. 36; Indalecio Prieto e Ignacio Hidalgo de Cisneros (12 de noviembre de 1937). AFIP. C. 15, L. 1502; Prieto I. Cómo y por qué salí del Ministerio de Defensa Nacional: intrigas de los rusos en España. Barcelona, España: Fundación Indalecio Prieto: Editorial Planeta, 1989. Pp. 106–109. Следует отметить, что И. Прието утверждает в своих мемуарах, что он исключил Вальядолид из списка бомбардировок, которые должны были быть осуществлены в январе 1938 года, но налёт был совершён 25 января 1938 года. Прието заявил, что он удалил этот город из списка целей, который был ему представлен, потому что «не было никакого военного объекта, и мы знали это по достоверным источникам». Отсутствие целей в Вальядолиде подтверждается различными документами Республиканской информационной службы (Jefe de Gabinete de Cartografía (9 de octubre de 1937). CDMH. S. Incorporados. C. 749. Exp. 4. Docs.1 y 2.; Sección de información del EM del Ejército de Tierra. Respuesta sintética al cuestionario enviado por el gabinete de cartografía en nota de 17 de noviembre de 1937, con arreglo a datos del archivo del S.I.E.E. (17 de noviembre de 1937). CDMH. S. Incorporados. C. 724. Sign. 5.5.

²³ Vicente Rojo (s.f.), AHN. F. Diversos-Vicente Rojo. C. 4/2.

²⁴ Vicente Rojo (septiembre de 1938). AHN. F. Diversos-Vicente Rojo. C. 2/4-1. Doc. 108.

На эту чрезмерную независимость указали не только испанские службы. Французские аналитические службы определили отсутствие координации между авиацией и сухопутными силами, что не давало актуализировать изменения на земле, как главную причину бомбардировок целей, которые уже потеряли своё значение²⁵.

С другой стороны, поскольку авиация получила большую самостоятельность, предполагалось большое количество стратегических операций, которых на самом деле не было. В результате большинство миссий носили тактический характер, но без нормальной координации с сухопутными войсками²⁶. Таким образом, это была независимая авиация, но не выполнявшая большого количества стратегических операций и плохо координирующая свои действия с сухопутной армией или флотом.

Стоит помнить, что независимость, о которой мы говорим, не относится к тому, что было достигнуто республиканской авиацией с созданием самостоятельного вида войск указом от сентября 1936 года, а относится к оперативной независимости от остальных частей вооружённых сил. Оба вопроса могут быть связаны между собой, поскольку авиация получила собственное командование и, следовательно, большую автономию, однако, например, в таких странах, как Франция, с 1933 года существовали самостоятельные воздушные силы, хотя некоторые воздушные подразделения по-прежнему были подчинены сухопутным и морским войскам, поэтому решения об операциях с привлечением этих машин принимались командирами, не связанными с ВВС.

Необходимо также уточнить, что цель Министерства военно-морского флота и авиации в создании ВВС заключалась в том, что «командование авиацией будет назначать авиачасти, которые будут в распоряжении морских или сухопутных сил, а также те, что будут действовать независимо»²⁷. Это придавало республиканской авиации организацию, похожую на ВВС других европейских армий, стремившихся иметь как автономные подразделения, так и те, что должны действовать в тесной связи с другими частями вооружённых сил. Советский Союз по мере роста напряжённости в Европе пытался тоже подойти к такому способу организации. Однако у Республики, вероятно, не было средств для этого²⁸, и командиры решили, что необходимо делать ставку на самостоятельность авиации, хотя и с нюансами.

Однако стремление придать ВВС большую самостоятельность было тенденцией, которую можно было наблюдать в разных странах до начала гражданской войны.

²⁵ 2° Bureau del EM del Ejército del Aire francés. Espagne. Bulletin d'Information n° 24. Période du 25 Décembre 1937 au 22 Février 1938 (1 de marzo de 1938). SHD. E.M.A. et attachés militaires: GR 7 N — Attaché militaire en Espagne. Correspondance diplomatique, 7 N 2759.

²⁶ “El Estado de la Aviación” (s.f. pero ca. julio de 1938). AGA. Grupo de fondos 10, Sign. 12/3197. Carp. 1. P. 11. Doc. 3; Alfredo Kindelán “Informe para el general en jefe acerca de la situación actual de las fuerzas aéreas beligerantes” (9 de diciembre de 1936). ANEA, A-123. В этом докладе Кинделан также подтвердил проблемы взаимодействия авиации с республиканским командованием и войсками.

²⁷ Indalecio Prieto Tuero “Decreto creando el Arma de Aviación, integrada por todas las fuerzas y servicios que se expresan, y autorizando al titular de este departamento para dictar las disposiciones reglamentarias encaminadas a desarrollar este Decreto”, 136 Gaceta de la República § Ministerio de Marina y Aire (1937). Pp. 719–720.

²⁸ Такая возможность рассмотрена в докладе FAI о положении Народной армии («Informe sobre la dirección de la guerra y las rectificaciones a que obliga la experiencia»), где присутствует критика в отношении влияния СССР на ситуацию с авиацией, а также отсутствия сотрудничества с армией и проблем наблюдения с воздуха. AHN. F. Diversos-Vicente Rojo. C. 11. Carp. 10. Subcarp. 10.

Поэтому такой подход к организации воздушных сил, даже если его привнесли советские советники, был применён в условиях, когда многие считали его перспективным²⁹.

Стратегия бомбардировок, разработанная в первые несколько месяцев войны офицерами, оставшимися верными Республике, основывалась на отдельных миссиях с небольшим количеством самолётов, которые должны были бомбить отдельные цели.

Эффективность налётов на города была сомнительной из-за небольшого числа бомб, которые могли взять самолёты, а также ограниченной частоты вылетов, о чём известно из двух аналитических сообщений³⁰. Это положение было связано с небольшим количеством имевшихся в распоряжении самолётов. Всё это наряду с плохой централизацией авиационного командования приводило к малой эффективности миссий и мало что давало в долгосрочной перспективе³¹.

Согласно документу Центрального комитета по авиационному вооружению, советские специалисты инициировали изменение стратегии рейдов республиканской авиации на вражеские территории: переход к использованию бомбардировщиков большими группами, чтобы причинить максимально возможный моральный и материальный ущерб³². Конечно, это было возможно благодаря технике, предоставленной СССР, из-за которой значительно увеличилось количество действующих самолётов в республиканских ВВС.

«Друзья» рассматривали массированные атаки на цели в глубине фронта как одну из главных задач для авиации, особенно с 1936 года, когда сторонники доктрины генерала Дуэ имели наибольшее влияние в советской авиации. Однако такой подход активно пропагандировался в Испании авиаторами Х. Айматом и И. Варлеттой в 1920-х годах и Дуэ в 1921 году, поэтому такие идеи существовали в республиканской авиации и до прибытия советников из СССР³³.

С другой стороны, с приходом «друзей» практика бомбардировок целей в тылу франкистов одиночными самолётами сохранилась, и она продолжилась в апреле и мае 1937 года, например, против таких городов, как Бургос, Вальядолид и Памплона. Все

²⁹ Историк Карлос Ласаро также отмечает эту динамику в своей последней публикации: Lázaro Ávila C. Isidoro Giménez, maestro de pilotos. Carlos Lázaro Ávila, 2019. P. 200.

³⁰ Air Staff Intelligence (RAF). "Summary for week ending Spanish Civil War" (5 de septiembre de 1936). TNA. HW, 22/1; [V. Goddard?] "Notes on Air Employment in the Spanish Civil War" (1 de octubre de 1936). TNA. AIR. 40/219; Comité Nacional de la CNT "Cómo se ha empleado la Aviación" (septiembre de 1936?). Archivo CNT 1936–1939. C8.1., Fundación Anselmo Lorenzo; Comité Central del Arma de Aviación "Informe que remite el Comité Central del Arma de Aviación sobre la actuación moral y material del mando de dicha arma desde los comienzos de la sublevación fascista" (23 de enero de 1937). CDMH. S. Político-Social Serie Militar. Carp. 5652. Exp. 2. Docs. 99 y 100.

³¹ Cerdón A. Trayectoria: memorias de un artillero. Sevilla: Espuela de Plata, 2008. P. 433.

³² Comité Central del Arma de Aviación "Informe que remite el Comité Central del Arma de Aviación sobre la actuación moral y material del mando de dicha arma desde los comienzos de la sublevación fascista" (23 de enero de 1937). CDMH. S. Político-Social Serie Militar. Carp. 5652. Exp. 2. Docs. 99 y 100.

³³ Pennington R. From Chaos to the Eve of the Great Patriotic War, 1922–1941 // Russian Aviation and Air Power in the Twentieth Century (ed. Robin Higham, John T Greenwood y Von Hardesty). London; Portland, OR: Frank Cass, 1998. P. 43; Sterrett J. Soviet (Russian) Study of War: Soviet Air Force Theory, 1918–1945. Florence, US: Routledge, 2007. P. 93–94, 97; Aymat Mareca J.M., Warletta de la Quintana I. Conferencias del bombardeo aéreo // Conferencias teóricas: Primer Cu1r3so1 para Jefes de Unidades Tácticas Aéreas: aviación militar (ed. Aviación militar, vol. II). [Madrid?]: s.n., 1926. Pp. 230–231; Douhet G. El dominio del aire. Madrid: Publicaciones oficiales del Ministerio de Defensa, 2007. P. 117.

они были осуществлены одним самолётом из Группы 12, то есть самолётом Туполев СБ³⁴. Более того, Энрике Перейра отмечает, что атаки на два последних города в мае были осуществлены подразделениями, состоящими только из советских пилотов, поэтому можно говорить, что следование стратегии массированных авианалётов не было столь жёстким.

И. Прието также придавал большое значение массированным бомбардировкам, особенно в начале вражеского наступления, когда необходимо не дать противнику возможности собрать войска и материальные ресурсы в месте наступления. Относительно операции, готовившейся мятежниками после падения республиканского Северного фронта, И. Прието сказал, что «необходима максимальная интенсивность воздействия, каждый день по определённой точке, не давая вздохнуть врагу и возвращаясь туда постоянно». Таким образом, Прието сам выступал за такую форму действий, поэтому неясно, была ли это тактика, поощряемая советским влиянием. Такого же мнения придерживался и франкистский военный, министр авиации Х. Лакалье, который заявлял, что ни при собственных, ни при вражеских наступательных операциях не используются групповые действия авиации, которые должны быть в приоритете³⁵.

При определении количества самолётов, которые использовались в каждом вылете, было учтено несколько переменных. Среди них, например, тип миссии. Вероятно, в случае с упомянутыми полётами, где главной целью была разведка, имело смысл выполнять их одним самолётом. Погода также учитывалась, потому что, даже если операция предполагала большое количество самолётов, могло быть так, что с некоторых аэродромов, откуда самолёты должны были взлетать, этого сделать было невозможно из-за плохой погоды. В то же время надо было учитывать недостаток республиканской авиации в самолётах. Это было очень хорошо объяснено И. де Сиснеросом в телеграмме И. Прието: «Мы постараемся выполнить вашу просьбу (массовые бомбардировки в тылу), но учтите, что при выполнении этой просьбы я не могу упускать из виду то, как мало мы имеем самолётов...»³⁶.

Заключение

В отношении организации республиканской авиации можно сказать, что советские специалисты, скорее всего, адаптировались к ряду особенностей, возникших после военного мятежа. Многие авиационные части остались в руках центральных властей, в то время как сухопутная армия распалась и была сформирована в результате объединения кадровых частей, ополченцев и сил правоохранительных органов. Это привело к тому, что авиационный персонал остался под управлением высшего командования и, как правило, не был в подчинении каких-либо сухопутных частей.

Хотя это имело место в начале войны, с приходом советских специалистов тенденция по укреплению независимости ВВС продолжилась. Это привело к большому числу жалоб со стороны наземных и морских частей, а также Генерального штаба на недо-

³⁴ Jefatura de las FF.AA. "Boletín de operaciones nº378" (15 de abril de 1937). AGMAV. C. 255, 5, 4 / 35; Jefatura FF.AA. "Boletín de operaciones nº415" (21 de mayo de 1937). AGMAV. C. 467, 6 / 3; Jefatura FF.AA. «Boletín de operaciones nº418» (22 de mayo de 1937). AGMAV. C. 467, 6 / 5; CICR "Burgos" (s.f.), Cruz Roja C ESCI 163.

³⁵ Indalecio Prieto e Ignacio Hidalgo de Cisneros (12 de noviembre de 1937). AFIP. C. 15. L. 1502; García Lacalle A. Mitos y verdades. P. 299.

³⁶ Indalecio Prieto e Ignacio Hidalgo de Cisneros (12 de noviembre de 1937). AFIP. C. 15. L. 1502. Эта последняя причина также указана Лакалье: García Lacalle A. Mitos y verdades. P. 299.

статок координации со стороны воздушных сил. Основной причиной использования тактики массовых налётов, как представляется, был недостаток персонала. В результате для небольшого количества заданий использовалось много самолётов, поскольку риск того, что они будут сбиты или повреждены, ставил под угрозу жизнеспособность бомбардировочной авиации Республики.

Referencias:

Абросов С. В небе Испании. 1936–1939 годы. О советских лётчиках-истребителях, воевавших в Испании. М.: Б.и., 2003.

Абросов С.В. Воздушная война в Испании. Хроника воздушных сражений 1936–1939 гг. М.: Яуза, Эксмо, 2008.

Абросов С.В. Советская авиация в гражданской войне в Испании // Военно-исторический журнал. Август, 2012. № 8(628). С. 36–40.

Прокофьев Г. Испанское небо в огне // Под знаменем Испанской Республики. 1936–1939: Воспоминания советских добровольцев—участников национально-революционной войны в Испании. М.: Наука, 1965.

Aumat Mareca J.M., Warletta de la Quintana I. Conferencias del bombardeo aéreo // Conferencias teóricas: Primer Curso para Jefes de Unidades Tácticas Aéreas: aviación militar. Vol. II. Madrid: s.n., 1926.

Douhet G. El dominio del aire. Madrid: Publicaciones oficiales del Ministerio de Defensa, 2007.

Caldevila J. Memorias de Juan Caldevila // Ícaro: Boletín informativo de la directiva nacional de la Asociación de Aviadores de la República, julio de 1997.

Cordón A. Trayectoria: memorias de un artillero. Sevilla: Espuela de Plata, 2008.

García Lacalle A. Mitos y verdades: la aviación de caza en la Guerra Española. México: Ediciones Oasis, 1973.

Hidalgo de Cisneros I. Memorias 2. La República y la Guerra de España. Paris: Société d'Éditions de la Librarie du Globe, 1964.

Howson G. Armas para España la historia no contada de la Guerra Civil española. Barcelona: Península, 2000.

J.F.S. (¿José Falcó Sanmartín?). “El viejo «Katuska»”, Alas plegadas // Boletín de información de la Liga de antiguos aviadores de la República Española, diciembre de 1996.

Lázaro Ávila C. Isidoro Giménez, maestro de pilotos. Carlos Lázaro Ávila, 2019.

Romero Basart L. La Guerra en España o Asesinato de los Españoles. 1936 a 1939. Valencia (Venezuela): Tip. “El Cronista”, 1958.

Pennington R. From Chaos to the Eve of the Great Patriotic War, 1922–41 // Russian Aviation and Air Power in the Twentieth Century (ed. Robin Higham, John T Greenwood, Von Hardesty). London; Portland, OR: Frank Cass, 1998.

Rybalkin Yu. Stalin y España: la ayuda militar soviética a la República. Madrid: Marcial Pons Historia, 2007.

Saiz Cidoncha C. Aviación republicana: historia de las fuerzas aéreas de la República Española (1931–1939). Vol. I. Madrid: Almena ediciones, 2006.

Sterrett J. Soviet (Russian) Study of War: Soviet Air Force Theory, 1918–1945. Florence, US: Routledge, 2007.

Viñas Á. La soledad de la República: El abandono de las democracias y el viraje hacia la Unión Soviética. Barcelona: Crítica, 2010.

Volodarsky B. El caso Orlov: los servicios secretos soviéticos en la Guerra Civil española. Barcelona: Crítica, 2013.

Руис Нуньес Хуан Борис, доктор истории, независимый исследователь.

Influencia soviética en la organización de la Aviación republicana durante la Guerra Civil española (1936–1939)

La ayuda de la URSS a la República fue clave para que pudiera resistir al embate de los sublevados. Igualmente, la influencia de los soviéticos en el ámbito militar leal fue importante. En la Aviación fue grande, al igual que en tanques. Es un hecho indiscutible que la gran cantidad de material y aviadores que envió la URSS fue una acción que marcó esa dinámica. Pero también que esta ayuda se recibió en un momento de crisis de efectivos humanos y materiales dentro de la Aviación republicana. Estos suministros fueron una cuestión de apremiante necesidad, como también lo fue que los “amigos” ayudaran en la reconstrucción de la Aviación leal. No hay que pasar por alto que, a partir de noviembre, la mayoría de los aparatos republicanos en misiones en territorio enemigo fueron soviéticos. Por otro lado, los aeronautas hispanos, incluidos los mandos, debían adaptarse a los nuevos aparatos y aprender a cómo utilizarlos en combate. Por ello, y mientras se completaba este proceso, fue esencial la ayuda humana prestada por la URSS para poder emplear de forma inmediata todos los recursos materiales enviados.

Ruiz Núñez Juan Boris, Doctor en Historia, investigador independiente.

¡PROTEGED BARCELONA! LOS PILOTOS SOVIÉTICOS EN LA DEFENSA DE LA CAPITAL CATALANA (1936-1939)

Durante la Guerra de España, Barcelona fue el principal centro económico, industrial y político de la República. Era centro de producción de material de guerra, con numerosas fábricas y talleres, y de recepción de armamento y alimentos para la población civil, gracias a su puerto y aeropuerto. Era también, lugar de concentración, acuartelamiento y distribución de tropas antes de partir al frente. Barcelona era también todo un símbolo de una larga tradición republicana, obrerista y anarquista. Ante ataques de los franquistas, la sociedad catalana se organizó y cooperó con los estamentos militares y políticos para minimizar los ataques de los piratas del aire. Uno de los aspectos más significativos, fue la construcción de refugios en la que participó el conjunto de la retaguardia, como sindicatos y partidos, agrupaciones vecinales, bomberos, cuerpos de seguridad y voluntarios ciudadanos. Pero aparte de esta tarea de defensa pasiva, hubo la defensa activa, en la que prestaremos más atención, ya que la Unión Soviética tuvo un papel destacado.

Ciudad llena de objetivos

Durante la Guerra de España, Barcelona fue el principal centro económico, industrial y político de la República. Era centro de producción de material de guerra, con numerosas fábricas y talleres, y de recepción de armamento y alimentos para la población civil, gracias a su puerto y aeropuerto. Era también, lugar de concentración, acuartelamiento y distribución de tropas antes de partir al frente.

Barcelona era también todo un símbolo de una larga tradición republicana, obrerista y anarquista.

Además, a finales de 1937 fue la sede de tres gobiernos: Generalitat de Catalunya, Estado y gobierno vasco. Era pues, una ciudad llena de objetivos y los fascistas dispusieron de un excelente portaviones para el ataque de la capital: Mallorca.

Gracias a los distintos aeródromos situados en la Isla, aviones italianos y alemanes pudieron atacar sin tregua todo el levante español. A finales de 1936 los fascistas empezaron desde allí una tarea de reconocimiento y topografía de las costas catalana y valenciana, elaborando mapas con los principales objetivos, tales como vías férreas, fábricas, centrales eléctricas, puentes, aeródromos, etc.

El 13 de febrero de 1937 hubo el primer ataque con víctimas mortales sobre Barcelona, efectuada por el crucero italiano *Eugenio de Savoia*, con el resultado de 18 víctimas mortales y más de sesenta edificios destruidos.

Un mes más tarde, el 16 de marzo, se produce el primer ataque aéreo, con el resultado de seis víctimas mortales en los barrios de la Barceloneta y Poble-Sec, aunque su objetivo era el puerto.

El 29 de mayo hubo primer ataque nocturno sobre la ciudad, como represalia de un ataque republicano al puerto de Palma contra un buque italiano. Atacaron diversos barrios obreros de la ciudad, con el resultado de 64 víctimas mortales.

La defensa de la ciudad

Ante estos ataques, la sociedad catalana se organizó y cooperó con los estamentos militares y políticos para minimizar los ataques de los piratas del aire.

Uno de los aspectos más significativos, fue la construcción de refugios en la que participó el conjunto de la retaguardia, como sindicatos y partidos, agrupaciones vecinales, bomberos, cuerpos de seguridad y voluntarios ciudadanos.

Pero aparte de esta tarea de defensa pasiva, hubo defensa activa, en la que prestaremos más atención, ya que la Unión Soviética tuvo un papel destacado.

Defensa activa

La defensa activa es la organización militar responsable de la localización y neutralización de los atacantes enemigos, ya sea aérea o marítima. Para ello se utilizan ametralladoras y cañones antiaéreos, Marina y artillería de costa, servicio de transmisiones, reflectores y fonolocalizadores, vigías, observadores y aviación militar.

Por lo que hace a las baterías antiaéreas la ciudad fue provista por distintos cañones, entre las cuales se encontraban dos piezas soviéticas de 76,2 mm. Estos cañones suministrados en un centenar por los soviéticos a la República Española durante toda la guerra tenían unas características verdaderamente óptimas: un tiro de 7.000 metros de alcance en vertical y 10.000 en horizontal y una velocidad de 820 m/s. La cadencia con personal bien entregado podía llegar a los 25 tiros por minuto.

Por lo que hace a la defensa de cazas, los cielos de Barcelona fueron escenarios de numerosas batallas aéreas en las que participaron pilotos españoles, soviéticos, italianos, alemanes y también americanos, franceses entre otros. Barcelona fue sin duda, la antesala de las batallas que se librarán años después sobre Londres, Berlín o Moscú.

Los primeros cazas de defensa

Los ataques directos a Barcelona ciudad aumentaron en frecuencia y gravedad durante 1937.

Desde la isla de Mallorca, los fascistas podían atacar cualquier punto de la costa catalana y valenciana gracias a los efectivos entregados por Mussolini (trimotores Savoia S-81 y S-79) y Hitler (Heinkel He-59). Este año marca el inicio de ataques continuos contra puertos, aeródromos, ferrocarriles, fabricas, transporte marítimo, población civil, etc. con el objetivo de hundir la moral y el esfuerzo de guerra de la República.

La avanzada tecnología subministrada por Alemania e Italia, permitió al ejército franquista especializarse en los bombardeos de forma muy concreta. Así, mientras los rápidos aviones italianos S79 se especializaron en ataques diurnos por sobre los 4.500 metros, los también italianos S81, más los alemanes He-59 se centraron en ataques nocturnos.

Mientras los fascistas contaban con gran cantidad de recursos gracias a la ayuda germano-italiana, los republicanos tenían que defender la ciudad con aparatos obsoletos de preguerra, tales como los Nieuport Ni-52, Breguet XIX y Savoia S-62.

Los mandos republicanos eran bien conscientes de esta amenaza, pero lógicamente se veían obligados a destinar los mejores aparatos (Polikarpov I-16 “Mosca” y Polikarpov I-15 “Chato”) en los frentes de Madrid y Norte, los puntos en que por estas fechas se libraban batallas clave que definirían el curso de la guerra.

Aun así, en septiembre de 1937, ante las numerosas pérdidas humanas y materiales que causaban los ataques en el Mediterráneo, se decidió crear una aviación destinada

específicamente a la protección de costas. Se nombró al capitán José Riverola Gruas jefe de la Defensa Costera, quien organiza una defensa de toda la costa en diferentes puntos del levante español con aviones I-15 y I-16. Por desgracia, la República pasaba en estos momentos por graves apuros en la zona del Cantábrico, por lo que este despliegue fue efímero.

Con la voluntad de hacer el paso definitivo, en noviembre de 1937, se creó la Escuadra 7 de Defensa de Costas, con el Grupo 71 de cazas y el Grupo 72 de bombarderos. Estos aviones pilotados por españoles y de procedencia no soviética, con pocas posibilidades de sobrevivir al frente, se mostraron ineficaces para parar los rápidos Savoia S-79, aunque tuvieron algunos éxitos contra los Heinkel He-59 y los Savoia S-81. Más tarde, se creó el Grupo 28 de bombardeo ligero equipado con aviones Grumman G23 de patente americana, los cuales proporcionaron protección diaria a la ciudad de Barcelona durante el verano de 1938.

Los I-15 e I-16 en la defensa de Barcelona

Sin duda alguna, la defensa con cazas fue efectiva cuando se destinaron a ella los I-15 e I-16. Como he dicho, las necesidades de la guerra obligaban a destinar estos aviones al frente, pero en algunas ocasiones escuadrillas de estos aviones pasaron temporadas en aeródromos de la retaguardia, principalmente Sabadell, punto clave para la defensa de Barcelona. Concretamente fue en los momentos de formación, descanso o períodos de extrema gravedad (como por ejemplo en marzo de 1938).

Aeródromos cómo los de Sabadell, la Sénia, el Prat o Reus fueron lugares donde estuvieron destinados en períodos puntuales de la guerra los “pilotos camaradas” como se solían referirse a los soviéticos los españoles.

Veamos, pues, algunos de sus protagonistas — los soviéticos de Sabadell:

Entre octubre y noviembre de 1937, y enero y febrero de 1938, estuvo en Sabadell la 1ª Escuadrilla de Caza I-15, mandada e integrada en gran medida por personal soviético.

Por aquellas fechas, el Jefe de la 1ª Escuadrilla era Evgeni Sergeevich Antonov, un joven de 27 años que había partido hacia España el 27 de mayo de 1937 y hacia escasos meses se había convertido en uno los primeros pilotos de vuelo nocturno.

Junto a Antonov se encontraban también Evgeni Nikolaievich Stepanov e Il'ya Aleksandrovich Finn quienes, junto al español Juan José Armario, participaron en un importante éxito de la aviación nocturna de caza sobre los cielos de Barcelona. La noche del 25 de octubre de 1937, se detectó la presencia de tres bombarderos S81 procedentes de Mallorca volando en paralelo de la costa de Mataró. En la altura de Premià de Mar, los atacantes viraron hacia el interior, momento en que fueron interceptados y atacados por los I-15. Stepanov se lanzó contra uno de ellos, al que derribó, mientras que los otros dos huyeron hacia el mar, no sin antes dejar caer sus bombas sobre Badalona, Mataró y Premià de Mar, donde causaran un muerto, heridos y diversos desperfectos en casas y fábricas.

El avión abatido cayó sobre la población de Montcada y Reixac y en él fallecieron seis tripulantes italianos.

Este hecho merece especial atención, por diversas razones. En primer lugar por tratarse de una acción nocturna, con la dificultad que eso conlleva. En segundo lugar, porque Stepanov sólo había volado con I-16, pero al llegar a España, como tantos otros, tuvieron que ponerse a los mandos de I-15, dado el insuficiente número de los otros aparatos.

La alegría de esta pequeña victoria duró poco. Il'ya Finn fue uno del centenar de pilotos soviéticos que cayeron en España. Fue el día siguiente del éxito de Montcada. A las ocho de

la tarde saltó la alarma del aeródromo de Sabadell, Il'ya y Stepanov salen pero vuelven en no localizar el enemigo. Al aterrizar, con la oscuridad de la noche, Il'ya Finn choca y capota contra un árbol. Finn sale gravemente herido con un traumatismo craneoencefálico y muere en el hospital el día siguiente.

Su entierro se convirtió en una manifestación multitudinaria. Mientras tanto, los aviadores Serov, Stepanov y Antonov, honran a su camarada en vuelo rasante durante todo el trayecto. Muchos años más tarde, después de la muerte de Franco, sus camaradas volvieron a la ciudad de Sabadell para visitar la tumba de su camarada y rendirle el homenaje que merecía. El caso de Serov, también merece una mención especial, ya que él fue el iniciador y organizador de las acciones nocturnas de los cazas. En el Frente del Centro, junto a Serov, los también soviéticos Ribkin, Antonov y Yakushin realizaron las primeras pruebas de vuelo de caza nocturno, hartos de las acciones nocturnas perpetradas ya por la aviación fascista. Esto supuso para estos pilotos una gran dificultad, ya que no sólo tenían que hacer frente a las carencias materiales (falta de iluminación en los campos, volar en plena noche con absoluta negritud, falta de radio), sino que a esto se le añadía la fatiga extrema por tener que efectuar también combates durante el día.

Después de varios intentos, Yakushin y Serov consiguieron su primera victoria en plena noche, al derribar un bombardero Junkers Ju-52 en los cielos de El Escorial.

Otros pilotos que formaron parte de la 1ª Escuadrilla y tomaron parte en la defensa de Barcelona durante estas fechas son: Nikita Timofeevich Siusiukalov, quien se lanzó en paracaídas sobre el mar después de ser abatido y fue salvado de milagro por una lancha republicana. También es el caso de Petr Mikheevich Ivanov, quien después de volar en más de cincuenta misiones y numerosas batallas aéreas, se accidentó en un despegue en Sabadell sufriendo graves quemaduras.

En marzo de 1938 pilotos soviéticos vuelven a tomar parte activa en la defensa de Barcelona. El motivo fueron los bombardeos que sufrió la capital los días 16, 17 y 18. Los más trágicos y destructivos que ha sufrido nunca la ciudad. Durante aquellos tres días, por orden expresa de Mussolini, en una demostración de fuerza y violencia del dictador italiano, se lanzaron sobre la ciudad 192 bombas en 12 ataques en un espacio irregular de tiempo. El resultado fue de casi mil muertos, entre 1.500 y 2.000 heridos y 350 edificios destruidos. Los ataques provocaron el caos en la ciudad y la parálisis de la vida ciudadana, tal y como querían los italianos.

Ante la gravedad de los hechos, el mando republicano envió a Sabadell las escuadrillas 2ª y 5ª del Grupo 21 de I-15, comandadas por Platon Efimovich Smolaykov y Vasili Vasilevich Bagrov, respectivamente y aún pilotadas por soviéticos, y más adelante la 6ª Escuadrilla, integrada por españoles. Por desgracia, la ayuda llegó tarde para Barcelona.

La situación a partir de aquel momento fue gravísima para la República, puesto que los fascistas lanzaron una gran ofensiva sobre el Frente de Aragón llegando a ocupar la zona más occidental de Cataluña y la provincia de Aragón, dejando aislado así el territorio catalán. Después de esta ofensiva, las fuerzas leales contaban solo con 37 I-16, 40 I-15 y 18 SB-2.

Tres meses más tarde la República lanzó a la desesperada su última ofensiva en el Ebro, en un intento de demostrar al mundo que aún existían posibilidades de resistir e incluso ganar la Guerra. En esta batalla, considerada la más grande de la Guerra de España, se le destinaron la mayor parte de aviones de procedencia soviética pilotados por los últimos enviados a España,

muchos de los cuales, perdieron la vida en suelo español. Durante este período, patrullas de caza se relevan durante ciertos períodos para defender la Tarragona y Barcelona, aunque el mayor esfuerzo de guerra se centrará en la Batalla del Ebro.

Así pues, podemos sacar algunas conclusiones:

- Franco ganó la guerra en el aire. Sus incursiones aéreas colapsaron el esfuerzo de guerra de la República en la retaguardia y el frente.
- La guerra en el aire fue una guerra internacional, en que soviéticos, alemanes e italianos probaron su armamento y todos ellos fueron claves para la evolución de la guerra.
- El dominio de Mallorca por los fascistas fue claro determinante para el sitio sobre Barcelona.
- La República jugó siempre en desventaja pero sin la intervención soviética la destrucción de ciudades como Barcelona habría sido mucho mayor.
- La tecnología soviética se demostró eficaz para defender las ciudades, aunque fue siempre insuficiente en número.

Pizà Castella Bernat, secretario técnico de la Asociación de Aviadores de la República (ADAR).

Защитить Барселону! Участие советских пилотов в обороне каталонской столицы (1936–1939)

Во время гражданской войны в Испании Барселона была одним из важнейших городов Республики в экономическом, промышленном и политическом смысле. Здесь производилось вооружение, через барселонский порт и аэродромы поступала военная помощь и продовольствие. Тут же сосредоточивались и распределялись войска перед отправкой на фронт. Барселона была важна и в символическом смысле, связанном с долгой республиканской и анархистской традициями, а также рабочим движением. Население города делало всё возможное, чтобы защитить его от франкистской авиации. Важную роль в активной обороне Барселоны играли советские пилоты.

Пиза Кастелла Бернат, технический секретарь Ассоциации лётчиков-республиканцев (ADAR).

Н.Е. АНИКЕЕВА

**НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ИСПАНИИ:
СОВЕТСКИЕ ЛЁТЧИКИ-ДОБРОВОЛЬЦЫ
И ИСПАНСКИЕ ПИЛОТЫ-РЕСПУБЛИКАНЦЫ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1936–1939)**

Победа Народного фронта в Испании в 1936 г., с которой были не готовы смириться правые силы, накопила политическую ситуацию в стране в середине 1930-х гг. Испания раскололась на два лагеря, на «две Испании». 18 июля 1936 г. франкистский мятеж распространился на всю страну и затем перерос в гражданскую войну. Помощь СССР Испанской Республике была ограничена большим расстоянием и международной обстановкой блокады, закрытых границ и политикой «невмешательства». Несмотря на эти трудности, в Испанию из СССР были направлены авиаторы разных специальностей и боевые самолёты всех типов. Испанская Республика 1936–1939 гг. явилась первым опытом демократической республики нового типа, предшественником государств народной демократии, воспринявших её опыт. Важно, спустя 80 лет после начала знаменательного рокового события в истории Испании, вновь обратиться к прошлому и ещё раз вспомнить об участии советских лётчиков-добровольцев и испанских пилотов-республиканцев, в частности Грицевца С.И., Серова А.К., Ф. Мероньо Пельисера, в гражданской войне в Испании.

Победа Народного фронта в Испании в 1936 г., с которой были не готовы смириться правые силы, разделила Испанию на два лагеря, на «две Испании». В середине 1930-х гг. в стране накалилась политическая ситуация. Участились столкновения между активистами левых и правых движений. По одну сторону были социалисты, коммунисты, профсоюзы Народного фронта, сторонники радикальных социальных реформ. По другую — противники разрыва с прошлым, к которым примкнули испанские фашисты (фалангисты), считавшие, что необходимо установить сильное государство, провести преобразования по образцу нацистской Германии и фашистской Италии.

18 июля 1936 г. мятеж распространился на всю Испанию. Первыми восстали части, дислоцировавшиеся в испанском Марокко. Их возглавил Ф. Франко. По просьбе Франко немецкие и итальянские самолёты стали перебрасывать мятежные войска из Марокко в Испанию. Мятеж стремительно перерастал в гражданскую войну. Противники Республики получили современное оружие, военных советников и германскую авиацию с пилотами («Легион Кондор»). Военная помощь Гитлера и Муссолини помогла мятежникам перейти в наступление. В Испании не было развитой военной промышленности, современное оружие можно было купить только за границей. Страны Запада (прежде всего Великобритания и Франция), приверженные идее «умиротворения», объявили о политике «невмешательства» в испанскую гражданскую войну и отказались помогать республиканцам. США также объявили нейтралитет. 9 сентября 1936 г. в Лондоне начал работать Международный комитет по невмешательству

в испанские дела. В него сначала входили представители Германии, Италии и СССР. Несмотря на это, фашистские страны продолжали помогать Франко¹.

29 сентября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило так называемую «Операцию «Х»» по оказанию активной военной помощи Испанской Республике. Дипломатические отношения между СССР и Испанией были восстановлены в августе 1936 г.² В октябре 1936 г. советское руководство открыто заявило, что считает себя свободным от обязательств по соглашению о невмешательстве и, формально оставаясь членом Лондонского комитета, начинает поставки оружия республиканцам. В Испанию направлялись советские военные советники, прибывали добровольцы левых взглядов со всего мира, которые вступали в интернациональные бригады, сражавшиеся против франкистов. Многие из них направлялись по линии Коммунистического Интернационала³.

Помощь Советского Союза была ограничена громадным расстоянием и международной обстановкой блокады, закрытых границ и политикой «невмешательства». Несмотря на эти трудности, в Испанию прибыли в трёхлетний период войны 772 авиатора всех специальностей и 806 боевых самолётов всех типов. СССР направил в Испанию свою первоклассную по тем временам авиационную технику — истребители И-15 («чатов» — «курносые»), И-16 («москасы» — «мухи»), бомбардировщики СБ («Катюши») и Р-З («Наташи»).

СССР поставил в Испанию 120 бронемашин, 362 танка, 1555 орудий, 500 тыс. винтовок. Большая часть этого оружия была оплачена золотым запасом Испании, вывезенным в СССР. Многие республиканские пилоты были обучены в авиационных училищах СССР. В этот период в среде республиканцев появился лозунг известной испанской коммунистки Долорес Ибаррури, знаменитой «Пассионарии»: «No pasarán!». Одним из направлений военно-технической помощи СССР Испанской Республике была подготовка национальных кадров для Народной армии. Под руководством советских специалистов около 20 тысяч республиканцев получили различные специальности; только на территории СССР — около 3 тысяч. В конце августа 1936 г. в Испанию прибыли первые советские пилоты. Большая часть советников, офицеров и специалистов была доставлена в начале октября 1936 г. На стороне республиканцев находилось около трёх тысяч советских специалистов. В боевых действиях по защите Республики участвовали пилоты и танкисты, переводчики (204 человека), связисты (166 чел.), военные инженеры и технические специалисты (141 чел.), артиллеристы (100 чел.) и моряки. Таким образом, самая многочисленная группа была представлена лётчиками (772 чел.), в числе которых — более 300 пилотов-истребителей. Многие из них отдали свои жизни на испанской земле, где сражались за справедливое дело народа, показав чудеса героизма и храбрости на полях сражений. В Испании погибло более 200 добровольцев, 59 удостоились звания Героя Советского Союза. В небе Испании советские лётчики и испанские пилоты-республиканцы воевали вместе.

¹ Гражданская война в Испании. Известное и неизвестное. М.: Ленанд, 2018. С. 336.

² Рыбалкин Ю.Е. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М.: АИРО-XX, 2000. С. 152.

³ Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. Составители: С.П. Пожарская, А.И. Саплин. М.: Наука, 2001. С. 528.

Боевые полёты 1936–1939 гг., в годы гражданской войны в Испании, проходили в четыре временных этапа, имеющие между собой существенное различие: первый — от начала мятежа до появления на фронте первых немецких и итальянских истребителей в середине августа 1936 г; второй — с середины августа 1936 г. до появления на фронте первых советских истребителей в ноябре 1936 г.; третий — с ноября 1936 г. до прибытия на фронт первых молодых лётчиков, окончивших лётную школу в Советском Союзе, в июле 1937 г.; четвёртый — до конца войны в марте 1939 г.

В период с января 1937 г. по апрель 1939 г., по решению Советского правительства, была создана и функционировала специальная школа по подготовке пилотов для Воздушных сил Республики, расположенная в городе Кировабад (Азербайджан). Её официальное название — 20-я школа пилотов. В короткие сроки были созданы аудитории и аэродром, построены казармы для курсантов. Только в первый призыв, который прошёл 1 февраля 1937 г., в школу поступило 193 слушателя. В состав школы входили 416 человек преподавателей и обслуживающего персонала. В распоряжении этого учебного заведения было 84 самолёта. Выпускниками школы в Кировабаде стали более 500 военных лётчиков.

В результате сотрудничества испанских республиканцев и советских военных специалистов была учреждена Народная армия на регулярной основе, которая смогла приостановить продвижение националистов к Мадриду. Появилось новое поколение лётчиков, обученных в ускоренном порядке в лётных школах СССР. Советские и испанские лётчики сражались с врагами вместе. За годы гражданской войны лётчиками советской и республиканской авиации было совершено немало героических подвигов: в тяжёлых сражениях за Мадрид, Гвадалахару, Каталонию.

Испанский лётчик-республиканец Франсиско Мероньо Пельисер в самом начале гражданской войны вступил добровольцем в ряды республиканской армии. Закончив курсы истребителей как подающий большие надежды, он был направлен в СССР, где весной 1937 г. проходил обучение в лётной школе. Вернувшись в Испанию, молодой пилот три года провёл на фронте. За это время Ф. Мероньо в 100 воздушных боях сбил 20 самолётов противника.

По его мнению, «без помощи Советского Союза война была бы уже проиграна республиканцами ещё в 1936 г.». Однако республиканцами, считает Ф. Мероньо, «было ошибочно обращено главное внимание на истребительную авиацию, а мятежники имели превосходство по качеству и количеству бомбардировщиков, поскольку для того, чтобы победить, надо наступать и развивать наступательное оружие»⁴.

После поражения республиканцев многие испанские лётчики—курсанты лётной школы в Кировабаде решили остаться в Советском Союзе. Порядка 200 курсантов разъехалось по городам СССР, чтобы учиться и работать. А после того как 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война, в июле группа испанцев, недавних курсантов, отправилась на фронт воевать за Советский Союз. На фронте была в этот период большая потребность в полётах на У-2, которые использовались в качестве ночных бомбардировщиков.

⁴ Мероньо Пельисер Ф. ¡No pasarán! Они не пройдут. Воспоминания испанского лётчика-истребителя. М.: Эксмо, Яуза, 2008. С. 456.

А.К. Серов — один из самых известных советских военных лётчиков 1930-х гг., признанный мастер высшего пилотажа и организатор собственной пилотажной группы, участник гражданской войны в Испании. Пройдя лётную подготовку, он с декабря 1931 г. служил в строевых частях Военно-воздушных сил Красной Армии. В мае 1936 г. перешёл на лётно-испытательную работу. С мая 1937 г. по январь 1938 г. под именем Родриго Матео он принимал участие в гражданской войне в Испании. Серов прошёл путь от рядового лётчика до командира истребительной авиагруппы, сражаясь на стороне республиканцев на Центральном и Арагонском фронтах. На истребителе И-15 он произвёл более 180 боевых вылетов, в 38 воздушных боях сбил 15 самолётов противника (8 лично и 7 в составе группы). За время участия в боевых действиях Серов ввёл в практику воздушных боев ряд новшеств, разработал и успешно применил тактику перехвата вражеских ночных бомбардировщиков, доказал возможность эффективной штурмовки наземных целей истребителями. По ходатайству республиканского правительства Испании за личное мужество и героизм, проявленные при исполнении интернационального долга, старшему лейтенанту Серову А.К. указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 марта 1938 г. было присвоено звание Героя Советского Союза.

После возвращения в СССР Серов был назначен начальником Главной лётной инспекции. С июня 1938 г. он также входил в состав Совета по авиации при Наркомате обороны СССР, уделял большое внимание перевооружению авиационных частей и переобучению лётного состава и участвовал в разработке концепции перспективного истребителя нового поколения⁵.

В мае 1938 г. в Испанию прибыл также один из выдающихся советских лётчиков, С.И. Грицевец — командир истребительной авиационной эскадрильи в рядах республиканской Испании, отдельной авиационной группы новейших истребителей И-153 1-й армейской группы, майор, дважды Герой Советского Союза. Грицевец родился 6 июля 1909 г. в деревне в Минской губернии в крестьянской семье. В рядах Красной Армии с 1931 г., по комсомольской путёвке он учился в Оренбургской военной школе лётчиков, навсегда связав свою жизнь с военной авиацией.

С 1931 г. — член ВКП(б). С сентября 1932 г. он начал служить в Киевском истребительном авиаотряде, а через год — командиром звена в 1-й Краснознамённой истребительной авиационной эскадрилье на Дальнем Востоке. Успехи молодого лётчика были замечены командованием, поэтому в 1936 г. он был направлен на учёбу в Одесскую школу воздушного боя, а по окончании школы был оставлен в ней лётчиком-инструктором. С 1938 г. С.И. Грицевец в Кировабадской авиационной школе готовил к воздушным боям испанских лётчиков-республиканцев. В июне 1938 г. он с заграничным паспортом на имя С.И. Горева в составе группы из 34 лётчиков-добровольцев вступает в ряды республиканцев. За 116 дней пребывания на испанской земле командиру эскадрильи истребителей С.И. Грицевцу пришлось участвовать в 57 воздушных боях. В отдельные дни лётчики делали по 5–7 вылетов. В Испании ярко проявились все лучшие качества лётчика-истребителя Грицевца. Он от боя к бою совершенствовал своё лётное мастерство. 30 сбитых вражеских самолётов лично и 7 в группе на его боевом

⁵ Смирнов Б.А. Испанский ветер: записки лётчика. М.: Советский писатель, 1963. С. 324.

счёту. 15 октября 1938 г. советские добровольцы получили приказ о возвращении на Родину. В конце декабря С.И. Грицевцу было присвоено внеочередное звание майора.

Грицевец не только умело водил группы истребителей в бой, но и участвовал в бою сам. В одном из вылетов советский ас уничтожил сразу семь самолётов противника. Рекорд, непревзойдённый в 1930-е гг. В группе Грицевца практиковался весь набор тактических приёмов, наработанных на то время советскими лётчиками. К примеру, вариант эшелонирования разнотипных истребителей по высоте.

За три месяца боев в самый тяжёлый заключительный период войны в Испании в схватках с асами Мёльдерса Грицевец лично сбил более 20 самолётов. А всего в небе Испании он уничтожил 37 вражеских бомбардировщиков и истребителей. 22 февраля 1939 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза⁶.

В Испании впервые проявились взгляды на тактику применения ВВС двух главных противников во Второй мировой войне — СССР и Германии. Командование Люфтваффе рассматривало войну как хорошую возможность испытать авиатехнику. Эта задача была возложена на лётчиков так называемого «Легиона Кондор» и Вернера Мёльдерса — главного разработчика «новой тактики» немецкой истребительной авиации. Такую же задачу ставило перед собой и командование советских ВВС. «Участвуя в боевых действиях», как отметил на одном из заседаний Военного совета НКО СССР комкор Яков Смушкевич, «мы смогли проверить наших людей, проверить материальную часть и главным образом испытать, что из себя представляет враг, противник, с которым нам придется драться»

В заключение необходимо назвать фамилии советских и испанских воздушных асов 1930-х гг., принимавших участие в гражданской войне на стороне республиканцев, а также количество самолётов, которое было ими уничтожено: Сергей Грицевец — 42 самолёта (война в Испании и на Халхин-Голе); Иван Лакеев — 12 самолётов (война в Испании); Анатолий Серов — 15 самолётов (война в Испании); Павел Коротков — 6 самолётов (война в Испании); Павел Рычагов — 6 (война в Испании). А также испанцы: Андрес Гарсиа де ла Калье (Испания, ВВС республиканцев) — 11 самолётов (война в Испании); Хосе Мария Браво Фернандес (Испания, ВВС республиканцев) — 10 (война в Испании); Мигель Самбудьо Мартинес (Испания, ВВС республиканцев) — 10; Мануэль Сарауса Клаверо (Испания, ВВС республиканцев) — 10.

На третьем заключительном этапе гражданской войны (сентябрь 1938 г. — март 1939 г.), после Мюнхенского сговора с Германией и Италией Великобритания и Франция, ситуация изменилась в пользу врагов Республики. Лондон и Париж стали оказывать прямое давление на республиканское правительство Хуана Негрина, принуждая его прекратить сопротивление. В феврале 1939 г. франкисты заняли Каталонию. Полковник Сехисмундо Касадо 5 марта 1939 г. в Мадриде объявил о создании Национального совета обороны (так называемой «Хунты Касадо») и о смещении правительства Негрина. Касадо надеялся заключить мир с Франко на «почётных условиях». Этот переворот привёл к вооружённым столкновениям между сторонниками Касадо и коммунистами. Однако Франко не хотел идти на переговоры с правительством без ком-

⁶ Грицевец С.И. // Герои страны. [Электронный ресурс]. 2018. URL: <http://www.warheroes.ru> (дата обращения: 31.07.2019).

мунистов. 26 марта началась капитуляция республиканской армии. 28 марта фашисты вступили в Мадрид, а 1 апреля 1939 г. заняли всю республиканскую территорию⁷.

После 32 месяцев героической борьбы Республика пала в результате неблагоприятной международной ситуации и интервенции фашистских держав. Поражение республиканцев имело тяжёлые международные последствия, способствовало развязыванию Второй мировой войны.

Героическая борьба испанских республиканцев против фашистских мятежников и германо-итальянских интервентов вызвала широкое движение народов других стран против сил международного фашизма. В октябре 1936 г. военную помощь Республике стал оказывать Советский Союз, посылая танки, самолёты и другие виды военной техники. Советские танкисты, так же как и лётчики, приняли участие в боях под Мадридом. В Испанию были направлены в качестве советников будущие Маршалы Советского Союза Р.Я. Малиновский, К.А. Мерецков, Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов, Главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов, генерал армии П.И. Батов, генерал-полковник А.И. Родимцев и др. С ноября 1936 г. в боях под Мадридом стали принимать участие первые добровольцы-антифашисты из других стран, создавшие Интернациональные бригады. В годы гражданской войны в Испании стали известными такие герои, как генерал Лукач (венгерский писатель-коммунист Матэ Залка), генерал Клебер (немецкий коммунист М. Штерн), генерал Вальтер (национальный герой Польской Народной Республики К. Сверчевский). Всего в рядах Интербригад в боях в Испании участвовало 50 тыс. добровольцев из разных стран мира⁸. Испанская Республика явилась первым опытом демократической республики нового типа, предшественницей государств народной демократии, воспринявших её опыт. Поэтому очень важно спустя 80 лет после начала знаменательного рокового события в истории Испании вновь обратиться к прошлому и ещё раз вспомнить об участии советских лётчиков-добровольцев и испанских пилотов-республиканцев в гражданской войне в Испании⁹.

Библиография

Аникеева Н.Е. Гражданская война в Испании и советское участие в ней: 80 лет спустя (обзор конференции) // Латинская Америка. 2017. № 11. С. 91–94.

Аникеева Н.Е. Советские лётчики-добровольцы и испанские пилоты-республиканцы в годы Гражданской войны в Испании. Новые подходы в изучении // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. № 2 (76).

Гражданская война в Испании. Известное и неизвестное. М.: Ленанд, 2018.

Грицевец С.И. // Герои страны. [Электронный ресурс.]

Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы / сост. С.П. Пожарская, А.И. Саплин. М.: Наука, 2001.

⁷ Малай В.В. Гражданская война в Испании 1936–1939 годов и Европа. М.: Наука, 2011. С. 291.

⁸ Аникеева Н.Е. Советские лётчики-добровольцы и испанские пилоты-республиканцы в годы Гражданской войны в Испании. Новые подходы в изучении // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. № 2 (76).

⁹ Аникеева Н.Е. Гражданская война в Испании и советское участие в ней: 80 лет спустя (обзор конференции) // Латинская Америка. 2017. № 11. С. 91–94.

Малай В.В. Гражданская война в Испании 1936–1939 годов и Европа. М.: Наука, 2011.

Мероньо Пельисер Ф. ¡No pasarán! Они не пройдут. Воспоминания испанского лётчика-истребителя. М.: Эксмо, Яуза, 2008.

Рыбалкин Ю.Е. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М.: АИРО-XX, 2000.

Смирнов Б.А. Испанский ветер: записки лётчика. М.: Советский писатель, 1963.

Аникеева Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (МГИМО).

Nuevos enfoques en el estudio de la historia de España: pilotos voluntarios soviéticos y pilotos republicanos españoles durante la Guerra Civil (1936–1939)

La victoria del Frente Popular en España en 1936, que las fuerzas de derecha no estaban dispuestas a aceptar, caldeó la situación política en el país a mediados de los años treinta. España se ha dividido en dos campos, en «dos Españas». La rebelión de Franco se extendió por toda España y luego se convirtió en una Guerra Civil en julio 1936. La ayuda de la URSS a la República estuvo limitada por la enorme distancia y la situación internacional del bloqueo, las fronteras cerradas y la política de “no intervención”. A pesar de esas dificultades, aviadores de diversas especialidades y aviones de combate de todo tipo fueron enviados a España desde la URSS. La Republica Española de 1936–1939 fue la primera experiencia de un nuevo tipo de república democrática, la antecesora de la democracia popular que aprovechó la experiencia de la misma. Es importante, 80 años después, después del inicio de un significativo acontecimiento fatídico en la historia de España, recordar una vez más la participación de pilotos voluntarios soviéticos y pilotos republicanos españoles, en particular, a S.I. Gritsevets, A.K. Serov, Francisco Meroño Pellicer en la Guerra Civil.

Anikeeva Natalya, Doctora en Historia, catedrática del Depto. de Historia y Política de Europa y América de la Universidad MGIMO.

DMITRY KHAZANOV

**HÉROE DE LA GUERRA CIVIL ESPAÑOLA
ALEXANDER STEPANOVICH OSIPENKO (1912–1991)**

El artículo está dedicado a la biografía del héroe de las batallas en España, el teniente general A.S. Osipenko, un participante activo en la Guerra Civil en ese país de enero a junio de 1938, que a su regreso recibió la Orden de la Bandera Roja y el título de Héroe de la Unión Soviética con la concesión de la Orden de Lenin. Desarrolló su carrera como piloto en la época anterior a la guerra, en las batallas de la Gran Guerra Patria y los primeros años de posguerra, en que dirigió con éxito formaciones y grandes unidades de primera línea y Tropas de Defensa Aérea. Hasta sus últimos días de vida, A.S. Osipenko ostentó el cargo de presidente de la Sección Española del Comité Soviético de Veteranos de Guerra.

El famoso piloto soviético Alexander Stepanovich Osipenko nació el 19 de mayo (el 1 de junio, según el calendario gregoriano) en 1912 en la ciudad de Tursevo-Kula, que entonces formaba parte del Gran Principado de Finlandia en el Imperio Ruso. Sin embargo, los documentos indican una fecha de nacimiento diferente: 01.06.1910. Estas discrepancias a menudo ocurrían a principios del siglo XX, algunas veces la confusión se debía por casualidad y otras veces era intencional por alguna razón. La familia no tenía relación con los finlandeses: el lugar de nacimiento figuraba en la columna: los cuarteles del Segundo Regimiento de Finlandia.

La madre del futuro héroe, Polina Efimovna, provenía de una familia noble empobrecida, que trabajaba en el hogar, y su padre Stepan Ilich, cuando nacieron los hijos (había tres de ellos, Alexander fue el último en nacer), se había reenganchado y tenía el grado de alférez. Era nativo de una familia de cosacos de Zaporozhye, reasentados por la Emperatriz Catalina II en la Provincia de Smolensk. En 1918, la familia Osipenko se mudó a la ciudad de Smolensk, hasta 1923 su padre sirvió en el Ejército Rojo, y su último puesto militar fue el jefe de la Dirección de Educación de la Provincia. Después Stepan Ilich trabajó como profesor.

Fue el padre quien enseñó a sus hijos a trabajar insistiendo en que continuaran su educación. En 1928, Alexander, siendo un adolescente fuerte y alto, habiendo pasado dos años en una escuela militar, ingresó en la Escuela Militar Teórica de Pilotos de Leningrado y, un año después, en la Escuela N 2 de Pilotos de Aviación en Borisoglebsk (el futuro Héroe de la Unión Soviética, el jefe de las Fuerzas Aéreas del Ejército Rojo, Pável Rychagov, siguió el mismo camino. Es cierto, que las relaciones entre Osipenko y Rychagov eran tensas). Desde el marzo de 1932 comenzó a servir en la Escuadrilla de la aviación de caza N 35 del Distrito Militar de Bielorrusia, sucesivamente como piloto menor, piloto mayor y jefe de la patrulla y del grupo de aviones. Probablemente, aquí se formó como un futuro guerrero maravilloso, se destacó entre los mejores en las maniobras del distrito, el 14 de marzo de 1936 se le otorgó el título del teniente mayor y, lo que era muy raro entonces, “por servicios para fortalecer las

capacidades defensivas del país” fue condecorado con la Orden Signo de Honor (el Decreto del Comité Ejecutivo Central de toda la URSS del 25 de mayo de 1936).

Su primera esposa, Polina Dudnik, en primer matrimonio Govyaz, dejó una huella brillante en el destino de la aviación soviética y del mismo piloto. Se conocieron cuando Polina Denisovna ya estaba divorciada, recién comenzaba su carrera de piloto. Entre los jóvenes surgieron los sentimientos y en febrero de 1934 registraron las relaciones oficiales. El año siguiente, el esposo y la esposa comenzaron a servir juntos, y pronto P.D. Osipenko comenzó un entrenamiento reforzado para realizar vuelos en condiciones difíciles. El comisario del pueblo de Defensa de la URSS, K.E. Voroshilov, la apoyó. En verano de 1937 Polina logró romper tres récords mundiales de vuelos a gran altitud con y sin carga, y al año siguiente encabezó un vuelo sin escalas Sebastopol — Arcángel; la tripulación femenina también estableció un récord internacional en autonomía de vuelo directo para hidroaviones.

Del 24 al 25 de septiembre de 1938 V.S. Grizodubova, P.D. Osipenko y M.M. Raskova debían llevar a cabo un vuelo sin escalas al Lejano Oriente, como se esperaba, desde Moscú a Komsomolsk del Amur en un avión ANT-37 “Rodina” (*Patria* en ruso) especialmente equipado. Sin embargo, debido a las difíciles condiciones climáticas, no pudieron localizar el aeródromo final cuando el avión con tanques vacíos estaba frente a la costa del mar de Ojotsk. La comandante de la tripulación ordenó a la navegante, Marina Raskova, que saltara con paracaídas, al cabo de diez días la localizaron en la taiga. Valentina Grizodubova y Polina Osipenko se quedaron en el avión y sobrevivieron un aterrizaje de emergencia. A pesar de esas circunstancias, la tripulación de “Rodina” estableció un récord de 6450 km de autonomía de vuelo femenino, y cada una de las pilotos fue honrada con el título de la Héroe de la Unión Soviética.

Alexander quiso seguir los pasos de su esposa, al tratar de demostrar de lo que era capaz. Dos solicitudes de enviar a España condujeron a nada. Sin embargo, en una entrevista personal con el subjefe de la Dirección de las Fuerzas Aéreas del Ejército Rojo, el Héroe de la Unión Soviética, Ya.V. Smushkevich, el joven comandante pudo demostrar la validez de sus deseos. Cinco pilotos, incluido A.S. Osipenko, llegaron a los Pirineos en diciembre de 1937 y fueron asignados a la primera escuadrilla de I-15 — Alexander fue nombrado jefe de esa unidad; finalmente reemplazó al teniente mayor N.T. Syusyukalov, que se había marchado a casa. Sin embargo, al principio realizó tareas como piloto ordinario.

El héroe peleó en España del 12 de enero al 28 de junio de 1938. Debo decir, que la documentación sobre combates no está completa, no todas las victorias de los pilotos soviéticos pueden ser localizadas en los informes; mucho dependía de jefes de las unidades y las reglas para llenar registros establecidos por ellos. Como escribe el historiador de aviación S.V. Abrosov, A.S. Osipenko, realizó 96 horas de vuelos de combate en un caza I-15 durante casi medio año, al participar en 30 peleas. “Se desconoce el número de aviones enemigos derribados personalmente, ya que no los contó, y la escuadrilla que comandaba, derribó 23 cazas y 3 bombarderos”¹.

Los combates fueron notables por su duración y tensión, a veces se libraron en grandes grupos. Por ejemplo, el 8 de junio, en la zona de Sierra Engarcerán (provincia de Castellón), cubriendo tropas terrestres, 21 “chatos” (I-15) fueron atacados por 8 “saboyas”, acompañados

¹ Abrosov S.V. V nebe Ispanii 1936–1939 gody. M., 2003. P. 340.

por 30 “fiats”. Estalló un combate intransigente y feroz, pronto estallaron tres “quince”, pero todos los pilotos se salvaron en paracaídas. Uno de ellos fue Rómulo Negrín, hijo del Primer Ministro de España Republicana, que cubría a su jefe, Alexander Osipenko. Los pilotos soviéticos y españoles obtuvieron ocho victorias, con un bombardero italiano cayendo en el territorio controlado por los republicanos.

Muchos directorios y artículos indican que después de terminar la “misión especial” en España, Alexander Osipenko fue ascendido de tenientes mayores inmediatamente a coroneles, es decir, ¡salvando tres grados militares! Sin embargo, los documentos almacenados en los fondos del RGVA permiten algunas aclaraciones sobre este tema. En aquel entonces, el piloto es transferido de la Escuadrilla de combate N 65 a la N 40 ocupando el mismo cargo (jefe del grupo) y con el mismo grado (teniente mayor) el 31 de enero de 1938, o “retroactivamente”, al cabo de 50 días de haber salido de la URSS y haberse marchado a España².

El grado de capitán se le otorgó a él de manera regular de acuerdo con la ley aplicable y las normas vigentes para el servicio militar el 5 de julio de 1938. Pero transcurridos unos días después, el 20 de julio, una vez analizados los informes de consejeros de aviación, A.S. Osipenko se convierte en coronel, como se señala en la orden del Comisario del Pueblo de Defensa de la URSS, “por méritos especiales”, y se condecora con la Orden de la Bandera Roja, que le ha sido entregada el 14 de noviembre de ese año. Ese mes, su puesto ha cambiado dos veces: primero, el jefe asistente de la Brigada N 69, y luego el jefe adjunto de las Fuerzas Aéreas del Distrito Militar de Moscú³.

Por el Decreto del Presídium del Soviet Supremo de la URSS del 22 de febrero de 1939, por el coraje y el heroísmo mostrados en las batallas por la libertad del pueblo español, al coronel Alexander Stepanovich Osipenko le fue conferido el título del Héroe de la Unión Soviética con la entrega de la Orden de Lenin, y luego el grado de comandante de brigada. Pasó poco tiempo, y el trágico evento conmocionó no solo a Alexander Osipenko sino a todo un país: durante un vuelo de entrenamiento regular el 11 de mayo de 1939, el jefe de la Inspección Principal de Vuelo de las Fuerzas Aéreas del Ejército Rojo, el Héroe de la Unión Soviética, A.K. Serov, se estrelló en el avión UTI-4. El vuelo fue realizado conjunto con la piloto inspector, la Héroe de la Unión Soviética, Polina Osipenko.

Durante los eventos fúnebres, la urna con las cenizas de los pilotos fue llevada personalmente por Stalin y otros dirigentes del Estado y del Partido. Stalin simpatizaba claramente con los dos aviadores destacados, supervisando sus logros. La investigación del accidente se realizó bajo la vigilancia del jefe de la Sección Especial de la Dirección Principal del NKVD de la URSS, el mayor principal de Seguridad del Estado, V.M. Bochkov. Las pesquisas cuidadosas de las circunstancias e interrogatorios de testigos del desastre mostraron que los famosos pilotos violaron las instrucciones: se metieron en picado a baja altitud, de la cual no lograron sacar el avión. En ese caso, a diferencia de muchas otras investigaciones de la segunda mitad de la década de 1930, nadie quedó castigado, y tampoco arrestado.

En 1939, Alexander Osipenko se graduó de Cursos de Formación Avanzada para el Personal de Mando en la Academia del Estado Mayor del Ejército Rojo. Como se sabe, la Medalla “Estrella de Oro” como signo de máxima distinción no existía en el país en ese momento, y los héroes recibían sólo diplomas correspondientes. Una vez establecido ese

² RGVA. F. 37837. Ser. 4. Caja. 165. Fol. 360.

³ RGVA. F. 37837. Ser. 4. C. 193. Fol. 387 o6., 555; Fol. 181. Fol. 145; C. 349. Fol. 78.

distintivo el 1º de agosto de 1939, el 17 de noviembre del mismo, a Osipenko le ha sido entregada en el Kremlin la Medalla de Oro N 123. Y en septiembre de 1939, mientras servía como jefe de las Fuerzas Aéreas del Ejército N 10, participó en la campaña en el oeste de Bielorrusia.

No he podido probar su participación en la guerra con Finlandia, ya que el nombramiento del jefe de las Fuerzas Aéreas del Ejército N 14 estacionado en Karelia tuvo lugar el 4 de febrero de 1940, y de hecho Osipenko llegó al nuevo lugar de su servicio en la segunda quincena del mes, cuando el destino de la campaña ya había sido resuelto. Sin embargo, aquí, en el nevado norte, incluso antes del cese de las hostilidades, A. Osipenko fue informado gratamente: el 4 de marzo se le otorgó el grado del comandante de brigada.

Aunque no hay evidencia de contactos durante la Guerra Civil en España, entre A.S. Osipenko y G.I. Kulik, cuya carrera fue cuesta arriba a finales de la década de 1930, el último consejero militar soviético en el frente de Madrid, prestó la atención a un piloto bien entrenado e intrépido, supervisando su servicio y apoyándolo. En otoño de 1940, Alexander Osipenko se casó con la joven hija del Mariscal de la Unión Soviética de su primer matrimonio con Lydia Yakovlevna Paul, Valentina, nacida en 1922 (aunque a veces indican erróneamente 1925).

Las Fuerzas Aéreas Soviéticas cambiaron luego una estructura para divisional, además, era necesario dominar nuevos tipos de aviones, y el tiempo era alarmante, la probabilidad de una guerra a gran escala venía aumentando cada mes. Desde el agosto de 1940, el mayor general (general de división) Osipenko es el jefe de la División N 20 de Aire Mixta en el Distrito Militar de Odessa. Ese cargo lo ocuparía por casi 20 meses, los más difíciles en la vida de la Unión Soviética. Señalamos que la primavera de 1941 también resultó ser un momento increíblemente estresante: hubo un entrenamiento militar de mando y personal ordinario.

“En mayo, me enviaron urgentemente a Chişinău”, recordó uno de los pilotos militares y de prueba más destacados, P.S. Stefanovsky, posteriormente el Héroe de la Unión Soviética. — “La tarea era reentrenar al personal de vuelo de la división, comandada por el famoso piloto, el general A.S. Osipenko, en el MiG-3. La división tenía dos grupos completos de aviones de combate: el antiguo I-16 y el I-153 y el nuevo MiG-3. Por el momento, no se realizó un solo vuelo, ni siquiera uno de prueba. Tuve que ponerme manos a la obra inmediatamente. Y a renglón seguido, una sorpresa: los pilotos desconfiaban mucho de la nueva aeronave, nadie parecía estar ansioso de dominarlo lo antes posible. Si es así, debí mostrar enseguida de lo que era capaz el MiG-3. Me quité, extraía todo del avión, e incluso un poco más. Parece disipé sospechas. La gente dejó de mirar con aprensión el nuevo avión. El reentrenamiento se llevó a cabo, como se dice, a un ritmo acelerado.

Volaron desde el amanecer hasta el anochecer. No sé cómo se portó esta división aérea durante la guerra, pero en su período inicial, los pilotos de combate que fueron completamente entrenados en el MiG-3, mostraron ejemplos excepcionales de habilidad de combate, coraje personal y heroísmo⁴.

Podemos agregar que la división actuó con mucho éxito, en muchos aspectos mejor que los vecinos. Aquí, como parte en el regimiento N 55, estuvo en servicio el teniente mayor A.I. Pokryshkin, un piloto innovador, el futuro Héroe de la Unión Soviética en tres ocasiones, que entró en primera combate con el enemigo en la madrugada del 22 de junio de 1941

⁴ Stefanovskiy P.M. Trista neizvestnykh. M., 1968. P. 160, 161.

en un MiG-3. Y el mejor de los mejores en los primeros combates fue el piloto de ala de A. Pokryshkin, el teniente K.E. Seliverstov; el 10 de agosto, el jefe de la división A. Osipenko firmó documentos para presentar al piloto, el primero en la misma, al título del Héroe de la Unión Soviética; en su cuenta hubo 5 victorias personales y 2 en grupo. Desafortunadamente, Seliverstov pronto murió combatiendo, y se le otorgó el alto título póstumamente.

En ese momento difícil, el destino de la división, que permaneció en el Frente Sur todo el tiempo, resultó ser relativamente exitoso: después de participar en batallas fronterizas en Moldavia, la formación apoyó a las tropas en las operaciones Tiraspol-Melitopol, Uman, Barvenkovo-Lozovo y derribó alrededor de 400 aviones enemigos. Y los subordinados del general Osipenko no solo defendieron Rostov del Don, sino que también derrotaron al enemigo (el 29 de noviembre de 1941) y con razón compartieron el honor de la primera gran victoria sobre el enemigo en el flanco sur con soldados de infantería.

En abril de 1942, A.S. Osipenko fue nombrado para el puesto del jefe adjunto de las Fuerzas de Defensa Antiaérea para la aviación de caza (entonces el mayor general S.A. Pestov dirigió la estructura por un corto tiempo), y después de aproximadamente un mes, se convirtió en el comandante de esa unidad. En ese momento, la mayoría de los centros del país, excepto Moscú y Leningrado, estaban defendidos principalmente por aviones de caza de tipo antiguo. La industria aeronáutica había aumentado la producción de aviones modernos, y fue bajo el mando del general Osipenko cuando comenzó la introducción masiva del MiG-3, LaGG-3, Yak-1, luego el Yak-7b y La-5 en las unidades de defensa antiaérea.

Según los documentos, la aviación de caza de defensa antiaérea incluía tres cuerpos aéreos de defensa antiaérea, 13 divisiones de combate y 9 regimientos separados (74 regimientos aéreos en total), la mayoría de los cuales realizaron misiones para proteger los centros industriales y económicos del país contra los ataques aéreos⁵. En noviembre, cuando la intensidad de incursiones de aviones alemanes contra objetivos en retaguardia se redujo, las pérdidas y la destrucción disminuyeron significativamente, la jefatura presentó al mayor general (general de división) Osipenko a la cuarta Orden de la Bandera Roja, y después de la victoria en Stalingrado, al siguiente grado militar del teniente general de aviación.

El puesto del jefe de las Fuerzas de Defensa Antiaérea para la aviación de combate implicaba la presencia casi constante en la retaguardia, en el Estado Mayor. Es cierto que el general tuvo la oportunidad de comunicarse con su familia, ver a su hija Polina, nacida en agosto de 1941. Pero la guerra aún estaba muy lejos por terminar y A.S. Osipenko pide enviarlo al frente, al presentar varias solicitudes. Una de ellas, fechada en julio de 1943, fue satisfecha por la jefatura.

En primavera de ese año, comenzó a la vez la formación de varios cuerpos aéreos de la Reserva del Cuartel General del Mando Supremo. El Cuerpo de Aéreo Mixto N 4 fue creado y dirigido por F.F. Zhrebchenko. A finales de junio de 1943, la unidad recibió el nombre del 8º Cuerpo Aéreo de Combate N 8 (IAC por las siglas en ruso), pero en septiembre Zhrebchenko se enfermó gravemente, y después de recuperarse fue nombrado subjefe de las Fuerzas Aéreas del Distrito Militar de Asia Central.

Retirado a la reserva a principios de octubre, el Octavo IAC con el nuevo jefe Osipenko comenzó los preparativos intensivos para las próximas batallas contra el enemigo. El 22 de

⁵ Golotyuk V.L., Tsapayev D.A. Komandnyy sostav Voysk PVO Krasnoy Armii v gody Velikoy Otechestvennoy i sovetsko-yaponskoy voyen 1941–1945 gg. Voenno-istoricheskiy trud. M., 2012. P. 70, 71.

abril de 1944, una alegre noticia llegó a Alexander Osipenko en uno de los aeródromos al sur de Moscú: un hijo Alexander nació en la familia. Sucedió que solo el 16 de junio de 1944, el teniente general Osipenko fue oficialmente aprobado como jefe del Cuerpo, y al cabo de 4 días fue reubicado en el territorio liberado del este de Bielorrusia, antes del inicio de la Operación *Bagratió*. Esa operación era una de las diez principales operaciones ofensivas del Ejército Rojo en 1944.

A juzgar por los documentos de esa época, el general Osipenko y su Cuartel General prepararon el cuerpo perfectamente para las batallas: el 29 de junio, el mando del cuerpo recibió el agradecimiento de parte del Comandante en Jefe Supremo por las acciones en la batalla por Bobruisk, una poderosa unidad de defensa enemiga (el Octavo IAC se hizo conocido como “Bobruisk” y fue condecorado con la Orden de la Bandera Roja)⁶.

En un telegrama enviado el 6 de agosto de 1944 por el jefe del Ejército N 65, el coronel general P.I. Batov, en particular, se señaló: “Al llevar a cabo la operación de Bobruisk, las unidades del Octavo IAC contribuyeron al éxito del Ejército N 65 en romper la defensa del enemigo, desarrollar el éxito a la profundidad, rodear y destruir al enemigo en la zona de Bobruisk. Durante la operación, el jefe del Cuerpo, el teniente general Osipenko, estuvo personalmente en su puesto de mando en las inmediaciones del puesto de mando del Ejército N 65, lo que aseguraba la llamada inmediata de aviones al campo de batalla y sus acciones”⁷.

Luego hubo batallas en el este de Polonia y Alemania. A finales de abril de 1945, el Cuerpo de Osipenko hizo una gran contribución a la toma de las ciudades de Harz, Estrasburgo, Friedland, Malkhin (como parte del Ejército Aéreo N 4) por el Ejército Rojo. Hasta los últimos días de la guerra en Europa, el teniente general A.S. Osipenko permaneció a la cabeza de su formación, desde el septiembre de 1945 comandó el Ejército Aéreo N 7 (Distrito Militar de Bakú) y desde el agosto de 1946, el Ejército Aéreo N 11 (Distrito Militar Transcaucásico, desde que se disolvió el Distrito de Bakú). Debe enfatizarse que luego el mando militar de la URSS creó una agrupación muy poderosa que constaba de 18 divisiones aéreas y tres escuelas militares, y Alexander Osipenko tuvo que resolver muchos problemas cotidianos desde su Estado Mayor en Tbilisi, incluido el principal: dominar el equipo reactivo por parte de subordinados.

Obtuvo un descanso de casi dos años en el servicio de combate: desde el marzo de 1947 hasta el enero de 1949, fue oyente en el Departamento de Aviación de la Academia Militar Mariscal Voroshílov del Estado Mayor General de la URSS. Como se señala en su descripción, en la academia se estableció como un cadete diligente, pero se perdió muchas clases debido a una enfermedad. Y, lo más importante, en enero de 1947, un pariente cercano de Osipenko (padre de su esposa), el ex mariscal y el entonces mayor general, G.I. Kulik, fue detenido. Y luego de largos interrogatorios con torturas fue ejecutado el 24 de agosto de 1950.

La razón de lo que sucedió fue la sincera confianza del desafortunado jefe militar, que había sido despedido del ejército no por su culpa. En conversaciones privadas, se permitió ser muy halagador y crítico al hablar sobre N.A. Bulganin (uno de los allegados a Stalin), L.P. Beria (el entonces jefe del NKVD) y el mismo Stalin. Después de la muerte de Stalin, en

⁶ Osvobozhdeniye gorodov. Spravochnik. M., 1985. P. 50, 51.

⁷ TSAMO RF (por las siglas en ruso ЦАМО РФ) Archivo Central del Ministerio de Defensa de la Federación de Rusia. F. 35. Ser. 73959. C. 18. F. 6.

abril de 1956, el caso penal contra G.I. Kulik fue sobreseído por falta de pruebas, y pasados otros 17 meses, Grigory Kulik recuperó póstumamente el grado militar del Mariscal de la Unión Soviética, los derechos a los premios estatales y el título del Héroe de la Unión Soviética. A los familiares sobrevivientes del Mariscal se les permitió regresar de los campos. Entre ellos, a la esposa de Alexander Osipenko — Valentina Osipenko, con su hijo menor Stepan, quien nació bajo custodia en septiembre de 1948.

Para completar este tema, damos la opinión del Héroe de la Unión Soviética en dos ocasiones, el Mariscal de la Unión Soviética A.M. Vasilevski, a quien la mayoría de los investigadores consideran no solo un jefe militar sobresaliente, sino también una persona muy objetiva. Escribió sobre Grigory Ivanovich: “El Mariscal de la Unión Soviética, G.I. Kulik, no podía ejercer la jefatura del ejército ni cumplir con los deberes de un representante del Cuartel General. Y esto fue determinado [...] por una preparación insuficiente y cualidades personales. Simplemente estaba fuera de lugar”⁸.

Mientras tanto, un graduado de la academia, el teniente general Osipenko, fue nombrado a principios de 1949 para el puesto del jefe asistente del Ejército Aéreo N 17 (en el Cáucaso). En junio de ese año con una disminución de 2 a 3 pasos, fue nombrado el jefe de las Fuerzas Aéreas del Distrito Militar de Gorki, finalmente, en julio de 1953, jefe adjunto del Ejército Aéreo N 22 de las Fuerzas de Defensa Antiaérea (en Karelia). Y en mayo de 1954, el general A.S. Osipenko fue despedido.

El propio Alexander Stepanovich estaba seguro de que su destitución del servicio militar sin derecho a la jubilación y sin derecho a usar uniformes militares era venganza por parte del entonces Ministro de Defensa N.A. Bulganin, con quien el honorable piloto general habló repetidamente en voz alta en el frente y se le enfrentó (Bulganin como un civil puro, era poco versado en asuntos militares, aunque sirvió como miembro del Consejo Militar del Frente Occidental y del Primer Frente Bielorruso, donde en diferentes momentos operó el Octavo IAC).

Por supuesto, Osipenko y su familia nuevamente tuvieron que soportar tiempos muy difíciles. Una apelación fue autorizada en mayo de 1959. Al cabo de exactamente 5 años para restaurar la justicia, en particular, se le estableció una pensión general completa. Alexander Osipenko no tenía prisa de retirarse, todavía no tenía 57 años. Ocupó constantemente los cargos de vicerrector del Instituto de Aviación de Moscú (1962–1965), jefe del Departamento de Abastecimiento Principal del Ministerio de Educación Superior y Secundaria de la URSS (1969–1972) y de vicepresidente de la Academia de Ciencias Pedagógicas de la URSS (1972–1983). Al mismo tiempo, llevaba a cabo constantemente un gran trabajo social en el Comité Soviético de Veteranos de Guerra.

“Como yo mismo soy piloto militar de profesión y del servicio militar, disfruté mucho al hablar con Alexander Osipenko durante mis años de cadete”, recordó su sobrino, el teniente general de aviación A.N. Osipenko, — “Entonces, nunca habló mal de nadie. Ni sobre subordinados, ni sobre colegas, ni sobre superiores. Podría mencionar algún tipo de deficiencia humana, pero en general, siempre prevaleció una evaluación positiva. Y aquí está lo que sigue siendo característico. Las personas envidiosas son internamente muy malvadas y vengativas. Y si se vuelven bien merecidos y en grandes filas, entonces espera. Y de las

⁸ Vasilevskiy A.M. Delo vsey zhizni. M., 1975. P. 590.

conversaciones con Alexander Osipenko se dedujo que el jefe debería confiar en los méritos de sus subordinados y desarrollar buenas cualidades, ayudando a superar las deficiencias”⁹.

Hasta los últimos días de su vida, Alexander Stepanovich no perdió contacto con los guerreros internacionalistas restantes, especialmente con los “españoles”, hizo lo mejor que pudo para apoyar a aquellos que necesitaban esa ayuda, ocupando el cargo de presidente de la Sección Española del Comité Soviético de Veteranos de Guerra. El Héroe de la Unión Soviética, el teniente general A.S. Osipenko, falleció el 22 de julio de 1991, 5 meses antes de la liquidación del país, al cual había servido fielmente toda su vida.

Referencias:

Абросов С.В. В небе Испании: 1936–1939 годы. М., 2003. Abrosov S.V. V nebe Ispanii 1936–1939 gody. М., 2003. [En el cielo de España 1936–1939].

Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1975. Vasilevskiy A.M. Delo vsey zhizni. М., 1975. [El negocio de toda una vida].

Голотюк В.Л., Цапаев Д.А. Командный состав Войск ПВО Красной Армии в годы Великой Отечественной и советско-японской войн 1941–1945 гг. Военно-исторический труд. М., 2012. Golotyuk V.L., Tsapayev D.A. Komandnyy sostav Voysk PVO Krasnoy Armii v gody Velikoy Otechestvennoy i sovetsko-yaponskoy voyn 1941–1945 gg. Voenno-istoricheskiy trud. М., 2012. [La estructura de mando de las Fuerzas de Defensa Aérea del Ejército Rojo durante la Gran Guerra Patria y la guerra soviético-japonesa de 1941–1945. *Obra Histórica Militar*].

Освобождение городов. Справочник. М., 1985. Osvobozhdeniye gorodov. Spravochnik. М., 1985. [La liberación de las ciudades].

Осипенко А.Н. Две звезды. М., 2009. Osipenko A.N. Dve zvezdy. М., 2009. [Dos estrellas].

Стефановский П.М. Триста неизвестных. М., 1968. Stefanovskiy P.M. Trista neizvestnykh. М., 1968. [Trescientas incógnitas].

Dmitry Khazanov, Doctor en Ciencias Técnicas, investigador del Archivo Estatal Militar Ruso.

Герой гражданской войны в Испании Александр Степанович Осипенко (1912–1991)

Статья посвящена биографии героя боёв в Испании генерал-лейтенанта А.С. Осипенко, активного участника гражданской войны в этой стране с января по июнь 1938 г., которого по возвращении наградили орденом Красного Знамени и удостоили звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина. Карьера лётчика успешно развивалась в предвоенное время, в боях Великой Отечественной, первые послевоенные годы, когда он с успехом командовал соединениями и объединениями фронтовой авиации и войск ПВО. До последних дней жизни А.С. Осипенко занимал должность председателя испанской секции Советского комитета ветеранов войны.

Хазанов Дмитрий Борисович, кандидат технических наук, научный сотрудник Российского государственного военного архива.

⁹ Osipenko A.N. Dve zvezdy. М., 2009. P. 204.

К.К. СЕМЁНОВ

МИХАИЛ КРЫГИН — РУССКИЙ БЕЛОГВАРДЕЕЦ В РЕСПУБЛИКАНСКОЙ АВИАЦИИ

Жизнь русского лётчика М.А. Крыгина (1890 — после 1972) — один из примеров трагических судеб русской военной эмиграции. Талантливый лётчик Первой мировой, он, как и многие его сослуживцы, прошёл Гражданскую войну в России, успев послужить и у красных, и у белых. Оказавшись в эмиграции, Крыгин не пожелал оставить военную службу. Он вступил в испанский Иностраннный легион и участвовал в войне в Марокко, показав высокий профессионализм. В годы гражданской войны в Испании капитан Крыгин оказался на стороне Республики и воевал не только против франкистов, но и своих старых друзей и сослуживцев, сражавшихся за Франко.

Среди иностранных участников гражданской войны в Испании было небольшое количество русских белоэмигрантов. Для многих из них испанская война стала продолжением Гражданской войны в России. Русские эмигранты оказались в составе враждующих лагерей: кто-то поддержал Республику, а другие — националистов.

Одним из русских эмигрантов-республиканцев был Михаил Андреевич Крыгин — один из лучших российских пилотов морской авиации. Он родился 1 ноября 1890 г. в семье офицера Войска Донского. Воспитание получил в Донском кадетском корпусе императора Александра III. В 1909–1912 гг. учился в Морском корпусе, был унтер-офицером в младшем классе, при выпуске получил в подарок от гардемарин кортик с надписью: «Капралу от класса». По окончании корпуса 5 октября 1912 г. произведён в мичманы. Плавал на учебных судах «Рында» (1909) и «Воин» (1910), на крейсерах «Аврора» (1910), «Россия» (1911), «Богатырь» (1911), линкоре «Ростислав» (1912, 1913), крейсере «Кагул» (1913)¹.

Ещё до начала Первой мировой войны Михаил Крыгин живо интересовался авиацией, видел в ней большой потенциал. С началом войны Крыгин служил на флоте, затем, как и многие офицеры, записался в авиационную школу. В 1915 г. окончил школу морских лётчиков на станции Круглая бухта (Севастополь). Осуществлял боевые вылеты с июля 1915 г. в составе отряда Б-1 (позже 1-й корабельный отряд). 24 января 1916 г., вместе со своими будущими сослуживцами по Испании Н.А. Рагозиным (1891–1957) и В.М. Марченко (1890–1937), участвовал в бомбардировке порта Зонгулдак (Турция), за что был представлен к ордену Святого Владимира IV степени с мечами и бантом². За охранение транспортов в марте 1916 г. представлен к ордену Святого Станислава III степени с мечами и бантом. 10 апреля 1916 г. Крыгин был произведён в лейтенанты по Морскому ведомству. Позже он командовал особым отрядом ко-

¹ Кузнецов Н.А. Русский флот на чужбине. М.: Вече, 2009. С. 338–339.

² Кузнецов Н.А. Русские морские лётчики в небе Испании 1936–1939 // Донские казаки в борьбе с большевизмом. 2011. № 6. С. 112.

рабельной авиации в Румынии в августе–октябре 1916 г., 2-м корабельным отрядом в ноябре 1916 г. В 1917 г. — в Московской авиационной школе.

В период Гражданской войны сначала служил в Красной армии. В апреле 1918 г. Крыгин был начальником (по другой информации — инструктором) Школы воздушного боя в Красном Селе. В 1918 г. он оказался дома в Области Войска Донского и был мобилизован либо вступил добровольно в Добровольческую армию. 25 декабря 1918 г. из старших лейтенантов произведён в чин капитана 2-го ранга, проходил службу в Донском авиационном дивизионе.

В связи с выходом белых частей к Чёрному морю и образованием морской авиации Крыгин вернулся в её состав. 14 января 1919 г. в одном из рапортов по Добровольческой армии значилось: «...из Войска Донского вызывается старший лейтенант Крыгин для общего заведывания гидроавиацией [Чёрного моря]...»³.

В течение 1919 г. М.А. Крыгин командовал 1-м Добровольческим морским авиаотрядом в Севастополе. В конце апреля 1919 г. под давлением Красной армии Севастополь был оставлен, и Крыгин ушёл в Константинополь на судне «Почин». После освобождения Севастополя Вооружёнными силами Юга России в июне 1919 г. он вернулся в Крым. 28 декабря 1919 г. Крыгин был зачислен в резерв чинов флота, а с 11 января 1920 г. являлся комендантом ледокола № 1. В ноябре 1920 г. М.А. Крыгин эвакуировался вместе с Русской армией генерала П.Н. Врангеля. Из Константинополя Русская эскадра была направлена в Бизерту, на несколько лет ставшую для неё последней стоянкой. С января 1921 г. Крыгин находился на миноносце «Дерзкий» в качестве старшего офицера.

2 марта 1922 г. Министерство авиации Испании разрешило набирать на службу в испанскую авиацию иностранных пилотов, которые должны были определяться на службу в Иностраннный легион. Первый русский пилот в испанской авиации Борис Ужацкий появился в легионе с ноября 1921 г.

В мае 1922 г. Михаил Андреевич отправился в испанское Марокко для записи в легион. С 19 июня 1922 г. он солдат 2-го класса испанского Иностранного легиона. За полгода (июнь–декабрь 1922 г.) его налёт составил 26 часов 20 минут. За этот же период им было осуществлено 7 вылетов на бомбардировку и 2 на разведку. За 1923 г. его налёт составил 193 часа 18 минут, было осуществлено 29 вылетов на бомбардировку, 27 вылетов на разведку и 5 вылетов на сопровождение. 1 января 1924 г. Крыгин был произведен в сержанты, в июне 1924 г. — в унтер-офицеры. За 1924 г. он совершил 23 вылета на бомбардировки, 3 вылета на разведку и 3 на сопровождение. Налёт часов за 1924 г. составил 153 часа 35 минут. В 1925 г. налёт был несколько меньше — 142 часа 52 минуты. В 1925 г. Крыгиным было осуществлено 22 вылета на бомбардировки, 11 — на разведку, 8 — на сопровождение. 26 июня 1926 г. Михаил Крыгин был произведен в младшие лейтенанты, а в 1931 г. — в лейтенанты⁴. По испанской традиции пользовался в стране двойной фамилией (добавив материнскую) — Крыгин-Мелоканов (Krygin-Melokanov). В 1928 г. — член Катарского кружка бывших морских офицеров⁵.

³ Кузнецов Н.А. Русские морские лётчики в небе Испании. С. 112.

⁴ Mesa de J.L. Campañas de Marruecos y pilotas extranjeros // Aeroplano. 2000. N 18. P. 9.

⁵ Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога: В 2 т. Т. 1. М.: ФИВ, 2012. С. 643.

Интересные подробности о появлении русских пилотов в Испании мы находим в некрологе, опубликованном в «Бюллетене Общества бывших Русских Морских Офицеров в Америке»⁶ от 24 апреля 1938 г.: «В 1922 г., получив приглашение на службу в Испанию, Михаил Александрович [так в тексте, здесь и далее правильно читать — Андреевич] выезжает туда вместе со ст[аршим] лейтенантом Н. Рагозиным и ныне погибшим В. Марченко. Принятые по недоразумению за шпионов, они попадают в тюрьму, но освобождаются капитаном Франко, братом генерала. Михаил Александрович, в должности инструктора школы высшего пилотажа, обучает капитана Франко... В войне с арабами в Марокко Михаил Александрович получает ряд боевых наград. После войны владелец германской фирмы Дорнье лично предлагает русскому морскому офицеру М.А. Крыгину быть его лётчиком-представителем по сдаче аппаратов в ряде стран. Зимой 1929/30 г. М.А. Крыгин попадает в Нью-Йорк и, в течение своего пребывания в Америке, состоит членом нашего Общества».

После начала гражданской войны в Испании М.А. Крыгин оказывается на стороне Республики. Возможно, он просто не успел перелететь на сторону националистов. По мнению испанского историка Хосе Луиса де Меса, Крыгин был насильно мобилизован в республиканскую авиацию, где числился пилотом. Возможной причиной службы Крыгина республиканцам Х. де Меса считает угрозу расстрела его пожилой матери, жившей в России, при этом якобы республиканцы не позволяли ему летать, опасаясь перелёта на сторону националистов⁷.

Факт службы Крыгина в республиканской авиации отражён в воспоминаниях советских военных специалистов. Генерал-майор авиации Герой Советского Союза А.И. Гусев в своих воспоминаниях «Гневное небо Испании» рассказывает о встречах с Крыгиным в Лос-Алькасаресе. В 1937–1938 гг. в Испании Гусев был командиром эскадрильи, а затем командиром истребительной группы. В эскадрилье Гусева Крыгин занял должность начальника штаба и переводчика: «своим главным лингвистом и связующим человеком мы считали Михаила Викторовича (автор путает отчество М. Крыгина). И не ошиблись, он помог сравнительно быстро установить деловые, товарищеские отношения, взаимное доверие между советскими лётчиками и испанскими специалистами».

Также Гусев рассказывает и о мотивации Михаила Крыгина:

«Времени на чужбине для раздумий о жизни у меня было более чем достаточно... — с горькой улыбкой продолжал свою исповедь Михаил Викторович. — В Испанском Марокко познакомился с лётчиками. Опять жизнь вроде потянула меня вверх. Попал в личные пилоты к одному генералу. Облетал вместе с начальством всю Европу. Работал по приёмке купленных самолётов в Италии, Франции, США. Были и положение, и деньги... Но Родины не было. Что ни ночь — вижу во сне родную станицу, Дон... Быстрый тихий Дон, кусты ивняка по-над берегом. И как под ветром ивняк глядится серебряным. Почувствовал — не могу так жить. Хоть в петлю. Перед мятежом я служил в одной из авиационных частей в чине капитана. Когда услышал первые сообщения о мятеже, долго не раздумывал, сразу же с двумя товарищами-испанцами перелетел на сторону республиканцев. Если не у себя, в России, так хоть здесь решил воевать за народное дело...

⁶ Цит. по: Кузнецов Н.А. Русский флот на чужбине. С. 341–342.

⁷ Mesa de J.L. Los otros internacionales. Voluntarios extranjeros desconocidos en el Bando Nacional durante la Guerra Civil (1936–39). Madrid: Barbarroja. 1998. P. 101.

Я знал, что Михаил Викторович с первых дней мятежа оказался на стороне тех, кто защищает правое дело трудовой Испании. Совершил более сорока боевых вылетов. Бомбил войска, военные объекты франкистов. Был тяжело ранен в воздушном бою. Выйдя из госпиталя, служил в штабе ВВС Республики». Далее Гусев пишет: «Мы работали с Михаилом Викторовичем достаточно долго. И ничего, кроме хорошего, сказать о нём не могу. В том, что эскадрилья быстро вошла в строй и в дальнейшем успешно вела боевые действия, есть частица и его труда»⁸.

В конце 1937 г. Крыгин покинул советскую эскадрилью и был назначен заместителем командующего вспомогательной авиацией Республики. Также личность нашего героя упоминается в воспоминаниях Л.П. Василевского⁹, в 1936–1938 гг. бывшего командиром разведывательно-диверсионной группы ИНО НКВД в Испании, старшего советника Особого отдела Мадридского фронта. В феврале 1939 г. Михаил Крыгин был интернирован французами. В годы Второй мировой войны М.А. Крыгин, возможно, участвовал во французском движении Соппротивления. По окончании войны Крыгин вернулся в Испанию и умер на Мальорке после 1972 г.

Библиография

Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога: В 2 т. Т. 1. М.: ФИВ, 2012.

Гусев А.И. Гневное небо Испании. М.: Воениздат, 1973.

Кузнецов Н.А. Русский флот на чужбине. М.: Вече, 2009.

Кузнецов Н.А. Русские морские лётчики в небе Испании 1936–1939 // Донские казаки в борьбе с большевизмом. 2011. № 6.

Mesa de J.L. Los otros internacionales. Voluntarios extranjeros desconocidos en el Bando Nacional durante la Guerra Civil (1936–39). Madrid: Barbarroja. 1998.

Mesa de J.L. Campañas de Marruecos y pilotos extranjeros // Aeroplano. 2000. N 18.

Семёнов Константин Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына.

Mikhail Krygin — un guardia blanco ruso en la Aviación Republicana

La vida de un piloto ruso M.A. Krygin (1890 — después de 1972) es un ejemplo del destino trágico de la emigración militar rusa. Piloto talentoso de la Primera Guerra Mundial, él, como muchos de sus colegas, pasó por la Guerra Civil en Rusia, habiendo logrado servir tanto con los Rojos como con los Blancos. Una vez en el exilio, Krygin no quiso abandonar el servicio militar y entró en la Legión Extranjera española y participó en la guerra en Marruecos, mostrando una gran profesionalidad. Durante la Guerra Civil en España, el capitán Krygin estuvo del lado de la República y combatió no sólo contra los franquistas, sino también contra sus viejos amigos y colegas, que lucharon por Franco.

Semenov Konstantin, Doctor en Historia, investigador principal del Departamento de Historia de la Emigración Rusa de la Casa de la Emigración Rusa A. Solzhenitsin.

⁸ Гусев А.И. Гневное небо Испании. М.: Воениздат, 1973. С. 29–30.

⁹ Кузнецов Н.А. Русские морские лётчики в небе Испании. С. 118–119.

Д.И. РУБЛЁВ

РУССКИЕ АНАРХИСТЫ, ДОБРОВОЛЬЦЫ В ИСПАНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ (1936–1939)

Исследование деятельности иностранных добровольцев, сражавшихся в рядах армии Республики во время гражданской войны в Испании (1936–1939), имеет обширную историографию, в том числе и на испанском языке. Российские анархисты-эмигранты, участвовавшие в тех событиях, не удостоились обобщающего исследования. В данной статье проблема будет рассмотрена на основе как опубликованных исторических источников, так и документов из архивных фондов Международного Института Социальной Истории (Амстердам).

Исследование деятельности иностранных добровольцев, сражавшихся в рядах Армии Республики во время гражданской войны в Испании (1936–1939), имеет обширную историографию, в том числе и на испанском языке. Российские анархисты-эмигранты, участвовавшие в тех событиях, не удостоились обобщающего исследования. Всего в 1936–1939 гг. в Испании находились более 20 русских анархистов.

Действовали три анархистские организации русских эмигрантов. Раньше всех заявила о себе Русская секция Анархистов Барселоны, возникшая не позднее октября 1936 г. В её состав входили четыре человека¹. Её секретарём был Никита Ромаш (1882–1946)². Снабжённый рекомендательными письмами русских и французских анархистских организаций, с 1 сентября 1936 г. он находился в Барселоне. Н. Ромаш вступил в милицию Национальной конфедерации труда (НКТ). Сначала он работал в ремонтных мастерских при казармах в Барселоне³. Затем, в сентябре — ноябре, служил механиком при артиллерийской батарее на Мадридском фронте. Вскоре, вследствие заболевания, Н. Ромаш попал в один из госпиталей Мадрида. По выздоровлении он был уволен из армии и полтора года работал на одной из фабрик Барселоны. В начале 1939 г. он покинул территорию Испании⁴.

Из организаций русских анархистов наиболее существенную роль в анархистском движении Испании сыграла Группа русских анархистов Парижа. В середине ноября 1936 г. в Испанию прибыл один из её активистов, Алексей Харенко, вступив-

¹ Корреспонденции с мест // Дело труда. Ноябрь — декабрь 1936. № 94. С. 23–24.

² IISH. Federación Anarquista Ibérica Archives. Archivo de la oficina de propaganda exterior CNT/FAI 1936–1939. 47 b. 1. Cartas de referencia y documentos personales de Nikita Romach. 1935–1936.

³ Корреспонденции с мест. С. 33–34; IISH. Federación Anarquista Ibérica Archives. Archivo de la oficina de propaganda exterior cnt/fai 1936–1939. 47 b. 1.

⁴ Максимов Г.П. Никита Ромаш // Дело Труда-Пробуждение. Октябрь-ноябрь 1946. № 19. С. 25–26; IISH. Federación Anarquista Ibérica Archives. Archivo de la oficina de propaganda exterior cnt/fai (1918–) 1936–1939. 24 b. 2. Traducciones de la prensa rusa; Dossier 'Boletín en preparación' con artículos y notas; Correspondencia diversa. 1938.

ший вскоре в анархистскую милицию. В январе 1937 г. трое её активистов (М.П. Воробьёв, И.А. Юдин и Н.Н. Ревский) прибыли в Испанию. Здесь они примкнули к Барселонской секции русских анархистов. 15 мая активисты этой организации образовали группу «Боровой» в составе Федерации анархистов Иберии (ФАИ). Её секретарём был избран Михаил Петрович Воробьёв. В январе 1937 г. был основан Русский отдел Бюро внешней пропаганды НКТ-ФАИ, в котором работали И. Юдин, М. Воробьёв и Н. Ревский. М. Воробьёв уехал в Мадрид, где поступил в распоряжение Секции пропаганды Центрального конфедеративного комитета обороны, заняв должность «Ответственного по пропаганде на русском языке». Одной из его задач была пропагандистская работа среди иностранных добровольцев. С этой целью он посещал мадридские госпитали, устанавливая контакты с ранеными русскими, поляками, болгарами, хорватами и немцами. Распространял среди них издания НКТ и ФАИ на русском, польском и болгарском языках, а также анархистские журналы русских эмигрантов. В конце января — феврале 1937 г. он прочитал на радиостанции НКТ-ФАИ в Мадриде курс лекций на русском языке об испанском анархистском движении⁵.

Главной задачей Русского отдела Бюро внешней пропаганды НКТ-ФАИ стал выпуск «Русского бюллетеня». В этом издании публиковались официальные документы и сообщения этих организаций о событиях в Испании. 25 января 1937 г. вышел первый номер. По данным на 9 января 1939 г., всего было издано 59 выпусков, отпечатанных на ротапинтере. Первоначально «Русский бюллетень» редактировал Иван Алексеевич Юдин, однако после выпуска второго номера он вернулся во Францию⁶. Номера 3–18 редактировал единолично М. Воробьёв. На него же с этого времени была возложена работа по установлению тесных связей с русскими либертарными организациями Америки, культурными организациями и единомышленниками антифашистов из стран Восточной Европы. Одновременно он раз в неделю вёл передачи на русском языке на радиостанции Барселоны ECN-1. Вскоре его перевели на работу в Архив международной прессы Регионального комитета Каталонии. Здесь он писал статьи для *Solidaridad Obrera*⁷. Номера 19–32 редактировал Н. Ревский, известный также под псевдонимом Бездомный. В январе 1937 г. он ушёл на фронт и до 24 сентября служил в 25-й дивизии 12-го корпуса, в Арагоне. Затем получил разрешение на отбытие с фронта в Барселону, где вступил в должность редактора «Русского бюллетеня»⁸. 1 апреля 1938 г. он ушёл с поста редактора бюллетеня, передав его М. Воробьёву, а 16 апреля покинул Испанию, вернувшись в Париж⁹.

⁵ IISH. Federación Anarquista Ibérica Archives. Archivo de la oficina de propaganda exterior CNT/FAI (1918–) 1936–1939. 24 b. 1.; Ibid. 61 b. Sección Rusa (M. Vorobieff) 1. Correspondencia de M. Vorobieff. Con anexos. (1937–1938); Ibid. 2. Manuscritos [de M. Vorobieff] en español sobre la historia de Rusia y el movimiento de trabajadores.

⁶ IISH. Federación Anarquista Ibérica Archives. Archivo de la oficina de propaganda exterior CNT/FAI 1936–1939. 24 b. 1.; Ibid. 61 b. 1. [Письма М. Воробьёва к К. Воробьёвой переведены с французского языка Е.В. Звонарёвой].

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. 24 b. 1, 2.

⁹ Ibid. 24 b. 2.

1 мая 1938 г., после отъезда во Францию А. Харенко, группа «Боровой» прекратила своё существование¹⁰. А после взятия Барселоны франкистами в январе 1939 г. М.В. Воробьёв был вынужден завершить свою деятельность и выехать во Францию. «Русский отдел» перестал существовать.

Помимо группы «Боровой» в Испании действовала организация, известная как Русская секция «Интернационального анархического комитета». Один из её участников — известный российский анархист Александр (Израиль) Петрович Шапиро (1889–1942). 9 марта 1937 г. он принял участие в прошедшей в Доме НКТ-ФАИ в Барселоне Чрезвычайной ассамблее иностранных добровольцев-милисианос из участков фронта Сарагосы и Уэски¹¹. В феврале 1939 г., во время успешного наступления франкистов в Каталонии, он вернулся во Францию.

Разумеется, русские анархисты-эмигранты не ограничивались пропагандистской и информационной работой. Некоторые из них сражались в рядах вооружённых сил Республики. На основе списков и индивидуальных карточек Русского отдела и мемуарных источников нам удалось выявить 12–13 человек. Дальнейшие подсчёты приводятся с учётом периодических изменений места службы. Распределение по родам войск показывает, что из них в артиллерии служил 1, в инженерных войсках — 1, в моторизованных частях — 1, в пехоте — 7. Род войск у 5 человек не установлен. В 25-й дивизии служили 3, в 26-й (дивизия Дуррути) — 9, в 30-й — 1. У 2 бойцов подразделение неизвестно. Командные должности никто из них не занимал. По имеющимся данным, ранее опыт службы в регулярной армии или в военизированных повстанческих отрядах имели 7 добровольцев. До 1936 г. в боевых действиях участвовали 4 из них. 4 погибли в боях. Из погибших 2 известны по документам из архива МИСИ.

1. Павел Завалинский, родившийся в 1900 г. Уроженец города Майкоп. Крестьянин по происхождению. С первых дней фашистского мятежа в Испании вступил в милицию НКТ. Участвовал в десанте на Мальорку, затем служил в колонне «Красное и Чёрное» на Арагонском фронте. В апреле 1938 г. перешёл во 2-ю роту 20-го сапёрного батальона. Затем служил пулемётчиком в 484-м батальоне 121-й смешанной бригады 26-й дивизии (дивизия Дуррути). 27 мая 1938 г. он был убит во время атаки в Сан-Рома, под Исоной, на границе Каталонии с Арагоном¹².

2. Александр Стародольц (др. вариант написания имени и фамилии — Александр Стародолый, в воспоминаниях испанского анархиста Антуана Хименеса упоминается и как Александр Стародофф). Крестьянин из Украины. По некоторым данным, участвовал в анархистском движении с 1917 г., воевал в армии Н.И. Махно. Затем эмигрировал. Жил в Румынии, Швейцарии, Франции. Пять лет воевал в составе Иностранного легиона, затем вёл жизнь бродяги. В июле 1936 г. Александр уехал в Испанию. Здесь воевал в Интернациональной группе дивизии Дуррути. Погиб во время боёв в Арагоне в октябре 1936 г.¹³

¹⁰ ISH. Federación Anarquista Ibérica Archives. Archivo de la oficina de propaganda exterior CNT/FAI 1936–1939. 24 b. 2.

¹¹ Paz A. The Story of Iron Column: Militant Anarchism in the Spanish Civil War. London, Edinburgh, Baltimore. 2011. P. 158–159.

¹² IISH. Federación Anarquista Ibérica Archives. Archivo de la oficina de propaganda exterior CNT/FAI 1936–1939. 24 b. 1.

¹³ Ibid. Giménez A. Souvenirs de la guerre d'Espagne (главы 6, 14, 15, 16, 30) <http://gimenologues.org/spir>

Ещё два имени погибших называет в своей книге Александр Скирда. Это махновцы Большаков и Солдатенко, сражавшиеся в дивизии Дуррути и погибшие в Вилья Майор близ Сарагосы в 1937 г.¹⁴

В боевых действиях участвовали ещё 8–9 русских добровольцев из числа анархистов.

1. Н.Н. Ромаш.
2. Н.Н. Ревский.

3. Лео Волин (Эйхенбаум). Сын известного анархистского публициста, теоретика, одного из лидеров анархистского движения России, Всеволода Михайловича Волина (Эйхенбаума). Родился 4 января 1917 г. и с весьма юного возраста разделял идеалы отца. В 1936 г. работал радиомехаником в нескольких французских фирмах. 14 января 1937 г. вместе с французскими анархистами прибыл в Испанию. Учитывая свой опыт радиомеханика, планировал поступить в республиканскую авиацию и для этого был отправлен на обучение в Валенсию. Однако из-за трений с офицерами, не доверявшими анархистам, эти планы не были осуществлены. В феврале 1937 г. он был отправлен под Теруэль в составе подразделения НКТ. Вероятно, затем оно вошло в состав 28-й дивизии¹⁵. В мае 1938 г. Лео вернулся в Барселону, а затем выехал во Францию.

4. Николай Масленников-Ефимов. Родился в 1893 г., в посёлке Святая Ольга (Приморье, Дальний Восток). По данным, заведенным на него «Русским отделом», в конце 1907 г. дезертировал, чтобы спастись от преследований за ведение пропаганды в поддержку Партии социалистов-революционеров. Вероятно, его дезертирство произошло в более позднее время, поскольку служба на флоте в столь молодом возрасте была маловероятна. Или же год его рождения был более ранним. Николай стал матросом в английском торговом флоте. После Первой мировой войны он поселился на севере Франции. Работал здесь газопроводчиком на металлургическом заводе. Затем эмигрировал в Испанию, вероятно, в начале гражданской войны. Здесь Масленников-Ефимов вступил в профсоюз металлургов НКТ и женился на активистке этой организации. В начале октября 1937 г. у них родилась дочь. Масленников-Ефимов вскоре поступил на службу рядовым ополченцем во взвод сапёров, входивший в 119-ю смешанную бригаду 26-й дивизии. Был трижды ранен и в конце 1937 г. признан непригодным к войне, перейдя на работу в военную промышленность¹⁶.

5. В документах упоминается также некий Александр Голутва, данные о котором, записанные на той же карточке, что и данные о Масленникове, весьма схожи с ними. Не исключено, что речь идёт об одном и том же человеке. Отличается лишь место рождения. Голутва также родился в 1893 г. Уроженец Одессы. 1907-м же годом датировано его бегство с корабля Балтийского флота на территорию Франции. Затем во

¹⁴ Скирда А. Нестор Махно. Казак свободы (1884–1934). Гражданская война и борьба за вольные советы на Украине 1917–1921. Париж. 2001. С. 297.

¹⁵ Interview with Leo Voline // KSL: Bulletin of the Kate Sharpley Library No. 12, October 1997. [URL: <http://www.katesharpleylibrary.net/8gtjf5> Дата обращения — 10.12.2015 г.] Подлинник см.: Interview de Léo Voline // Itineraire. Une vie, une pensée. N 13, 1995. P. 21–24.

¹⁶ IISH. Federación Anarquista Ibérica Archives. Archivo de la oficina de propaganda exterior CNT/FAI 1936–1939. 24 b. 1.

время Первой мировой войны он служил рядовым в Русском экспедиционном корпусе. После войны Голутва, как и упоминавшийся Масленников, работал на заводах на севере Франции. В сентябре 1936 г. он приехал в Испанию. Его место службы не указано. Упомянуто лишь, что проходила она в анархистской милиции¹⁷.

6. Леонид Горлов. Крестьянин по происхождению. Дата и место его рождения в документах не приводятся. В начале гражданской войны жил в провинции Лерида, где вступил в крестьянский профсоюз НКТ. Позднее Горлов участвовал в проводившейся анархистами коллективизации. В марте 1937 г. он поступил рядовым на службу во взвод связи 484-го батальона 121-й смешанной бригады 26-й дивизии. Позже Горлов перешёл в Каталонии в 4-й батальон 119-й смешанной бригады той же дивизии¹⁸.

7. Алексей Харенко. Дата рождения неизвестна. Происходил из крестьян Западной Украины. По условиям Рижского договора 1921 г. его семья оказалась на территории Польши. А. Харенко был призван в польскую армию, но дезертировал и бежал во Францию, где вступил в Группу русских анархистов Парижа (ГАРП). 18 ноября 1936 г. он приехал в Испанию, стал членом профсоюза металлургов НКТ, позднее — группы «Боровой». С ноября А. Харенко служил рядовым в колонне «Луи Юбер» на Эбро. Затем, до 1 марта 1937 г., в комендатуре Оргиса, 1 марта — 16 апреля в Интернациональной группе Хельса 26-й дивизии. С 18 апреля 1937 по май 1938 г. — в моторизованном эскадроне 117-й смешанной бригады 25-й дивизии 22-го корпуса, находясь на фронте под Теруэлем. В первых числах мая 1938 г. А. Харенко покинул Испанию¹⁹. По имеющимся данным, в конце мая 1938 г. он жил в Париже и планировал уехать на заработки в деревню²⁰.

8. Алехандро Вильямс-Антонов. Моряк по профессии. Входил в профсоюз Морского транспорта НКТ. Известно, что он служил в Каталонии сержантом 153-й смешанной бригады 30-й дивизии²¹.

9. Михаил Кириллович Буренко, более известный у исследователей анархистского движения под именем Георгия Сосенко. На основании его мемуарной книги «Идеалистический искатель приключений» мы уточнили данные по его биографии и пребыванию в Испании. М. Буренко родился 8 (22) декабря 1918 г. в Одессе, в семье бывшего морского офицера, участвовавшего в Гражданской войне на стороне белых. В Париже отец Михаила стал владельцем ресторана в Латинском квартале. Со школьных лет М. Буренко участвовал в деятельности левых студенческих и эсперантистских организаций в Париже. Среди его друзей были коммунисты, социал-демократы, троцкисты и анархисты. По своим взглядам он был близок, скорее, к марксистам, однако, в качестве зрителя, в 1934 г. принял участие в похоронах Н.И. Махно. 15 августа 1936 г. Михаил посетил митинг Французской коммунистической партии на велодроме Буффало в Па-

¹⁷ IISH. Federación Anarquista Ibérica Archives. Archivo de la oficina de propaganda exterior CNT/FAI 1936–1939. 24 b. 1.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ IISH. Federación Anarquista Ibérica Archives. 63. Miscelánea. 1937–1939 y s.f. 3a. Credenciales y autorizaciones de D. Querol y A. Jarenko.

²⁰ IISH. Federación Anarquista Ibérica Archives. Archivo de la oficina de propaganda exterior CNT/FAI 1936–1939. 24 b. 1.

²¹ Ibid.

риже. Под влиянием речей М. Тореза, А. Марти и Д. Ибаррури он принял решение ехать добровольцем в Испанию²².

Посетив пункты для набора, организованные ПОУМ и ФКП, он получил отказ из-за слишком молодого возраста и отсутствия военного опыта. По совету друга, члена Федерации анархистов, Михаил отправился в её штаб-квартиру. Быстро подружившись с анархистами, он начал запаковывать винтовки, предназначенные для нелегальной переправки в Испанию. 6 октября 1936 г., под фамилией Жоржа Жора, в составе группы из 12 добровольцев-анархистов Михаил отправился к театру боевых действий. В Барселоне вместе с приехавшими он был записан в центурию Себастьяна Фора, входившую в состав колонны Ортиса, находившейся в подчинении Б. Дуррути и отправленной на Арагонский фронт. Центурия была переброшена под Бельчите. В своих воспоминаниях М. Буренко описывает бои за Асайя и Монтальбан, в которых лично принимал участие. В марте 1937 г. центурия была переброшена в долину реки Харамы, прибыв ближе к окончанию Харамской битвы. В своей книге М. Буренко отзывается об анархистах с большой симпатией, говоря об их храбрости в боях²³. В Испании он встретил нескольких русских анархистов. Однако, судя по всему, не поддерживал с ними постоянных контактов²⁴.

В конце июля 1937 г., не проинформировав своих товарищей, М. Буренко перешёл в 13-й батальон 14-й Интернациональной бригады 35-й дивизии, находившейся под командованием легендарного К. Сверчевского («генерала Вальтера»). В этой интербригаде в чине капитана служил парижский друг Михаила, упоминающийся в мемуарах под кличкой «Адмирал». Поскольку батальон занимал соседние позиции с центурией Себастьяна Фора, перейти туда не составило сложности. При этом М. Буренко признаётся, что идеи анархизма привлекали его значительно больше, чем марксистско-ленинская идеология. Свой переход в интербригаду он объяснял тем, что оценивал боевые действия коммунистических подразделений как более успешные. В этом его убедил «Адмирал». Прослужив месяц в интербригаде, Михаил был найден адвокатом отца, неким Мармаряном. Вместе с родителями он приехал за М. Буренко в Испанию. Михаила вызвали в Барселону. 31 августа он покинул страну, вернувшись во Францию²⁵.

Проанализировав материалы прессы анархистской эмиграции, воспоминаний и неопубликованных источников, мы смогли составить список русских анархистов, так или иначе участвовавших в событиях гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. Герои нашего исследования вели издательскую, журналистскую, пропагандистскую и контрпропагандистскую деятельность, работали на военных предприятиях, участвовали в боевых действиях на стороне Испанской Республики. Наиболее важным организационным центром русских анархистов в Испании была группа «Боровой». Возможно, будущие исследователи сумеют открыть новые имена, работая в испанских

²² Sossenko G. *The Idealist Adventurer*. Atlanta, 2010. P. 11, 85, 90; Шапапов. Георгий Сосенко: «В Испании мы выросли, научились сражаться с фашизмом и упрочили свои анархистские убеждения». Под ред. Цовмы М. // *Без границ*. Либертарное издание Балтийского региона. Ноябрь — декабрь 2009. С. 8.

²³ Sossenko G. *Op. cit.* P. 91–92, 96, 98, 104, 112–113.

²⁴ Шапапов. *Op. cit.* С. 8.

²⁵ *Ibid.* P. 9; Sossenko G. *Op. cit.* P. 119–120, 122, 127–128, 134.

архивах, но уже известные нам факты подтверждают участие представителей анархистской эмиграции России в событиях гражданской войны в Испании.

Библиография

Корреспонденции с мест // Дело труда. Ноябрь-декабрь 1936. № 94.

Максимов Г.П. Никита Ромаш // Дело Труда-Пробуждение. Октябрь-ноябрь 1946. № 19.

Скирда А. Нестор Махно. Казак свободы (1884–1934). Гражданская война и борьба за вольные советы на Украине 1917–1921. Париж, 2001.

Interview de Léo Voline // Itineraire. Une vie, une pensée. N 13, 1995.

Шарапов. Георгий Сосенко: «В Испании мы выросли, научились сражаться с фашизмом и упрочили свои анархистские убеждения» / под ред. М. Цовмы // Без границ. Либертарное издание Балтийского региона. Ноябрь — декабрь 2009.

Giménez A. Souvenirs de la guerre d'Espagne (Главы 6, 14, 15, 16, 30). Электронный ресурс: <http://gimenologues.org/spip>

Sossenko G. The Idealist Adventurer. Atlanta, 2010.

Рублёв Дмитрий Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории государственного и муниципального управления Факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий специалист Российского государственного архива социально-политической истории.

Anarquistas rusos, voluntarios en la Guerra Civil española de 1936–1939

El estudio de las actividades de los voluntarios extranjeros que lucharon en el ejército de la República durante la Guerra Civil española (1936–1939) tiene una extensa historiografía, incluso en español. Los anarquistas emigrantes rusos que participaron en esos eventos no recibieron un estudio generalizado. En este artículo, el problema se considerará sobre la base de las fuentes históricas publicadas y los documentos de los fondos de archivo del Instituto Internacional de Historia Social (Ámsterdam).

Rublev Dmitry, Doctor en Historia, catedrático del Depto. de Historia de la Gestión Estatal y Municipal de la Facultad de Administración Pública de la Universidad Estatal M.V. Lomonosov de Moscú, especialista principal del Archivo Estatal Ruso de Historia Sociopolítica.

А.А. САГОМОНЯН

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ И СЕМЬЯ:
РАЗНЫЕ ДОРОГИ БРАТЬЕВ-ГЕНЕРАЛОВ
ИДАЛЬГО ДЕ СИСНЕРОС (НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ)**

В статье на основе новых архивных источников рассматривается судьба двух известных в истории Испании XX века военных деятелей — братьев Игнасио и Франсиско де Сиснерос, один из которых во время гражданской войны являлся генералом республиканской армии, а другой служил франкистам. Игнасио назначается командующим всеми Военно-воздушными силами Республики, тогда как карьера его брата в армии генерала Франко развивалась не столь успешно. Но после окончания войны ситуация кардинально меняется — Игнасио становится изгнанником, а Франсиско — генерал-губернатором Астурии. Однако между братьями не возникло личной вражды, и они даже нашли возможность для личной встречи на нейтральной территории во Франции. В их судьбе отразился не только трагический раскол испанского общества, но и перипетии холодной войны.

Гражданская война в Испании, как и любая другая гражданская война, разделяла не только социальные слои, партии и т. д. Разлом проходил порой и внутри одного рода, семьи, хотя именно для Испании это было не типично, ведь семейные узы, традиции там были всегда исключительно прочными. Тем интереснее судьба братьев Франсиско и Игнасио Идальго де Сиснерос, которые в 1936 г. оказались по разные стороны баррикад.

Имя генерала, командующего Военно-воздушными силами Республики в годы гражданской войны в Испании Игнасио Идальго де Сиснероса (1894–1966) достаточно хорошо известно, в том числе и у нас в стране. В 1967 г. в СССР вышли его мемуары «Меняю курс»¹. Он принадлежал к старинному аристократическому баскскому роду, многие представители которого навсегда вошли в испанскую историю. Так, например, Бальтасар Идальго де Сиснерос был адмиралом, участвовал в Трафальгарском сражении (1805), в 1809 г. стал вице-королем Аргентины, затем — военно-морским министром. Традиционно все представители рода по мужской линии были военными, в том числе и его отец. Сам он в 1920 г. поступил в лётное училище.

В начале своей книги Игнасио де Сиснерос рассказывает о своём отце и о его брате, т. е. о дяде, юность которых пришлось на годы третьей карлистской войны (1872–1876): «Много раз я слышал, что оба брата принимали участие в одних и тех же сражениях, но во враждебных лагерях. Когда мои близкие вспоминали об этом, как о семейной драме, они не могли предположить, что спустя 83 года подобная ситуация повторится со мною и братом Пако»².

У Игнасио было много сводных братьев и сестёр (от первых браков отца и матери), но самым близким был для него старший брат Франсиско (Пако), которого он ува-

¹ Сиснерос И. Меняю курс. М.: Политиздат, 1967.

² Там же. С. 10.

жал и любил с детских лет. Брат также пошёл по военной стезе: «Пако всегда точно и честно выполнял свои обязанности и на службе и дома. В армии его считали одним из самых способных офицеров»³. Если брат не интересовался политикой, то Идальго вошёл в круг офицеров-антимонархистов, участвовал в 1930 г. в неудачном заговоре против Альфонса XIII. «Мне хотелось узнать, как реагировал Пако на провозглашение республики [в 1931 г.]. Он был майором и служил в расквартированном в Витории полку. Я знал его как умеренного монархиста, в политику он никогда не вмешивался, заботясь только о своей карьере. Я нашёл его спокойным: смену режима он воспринял без особой радости, но и без злобы, надеясь, что провозглашение республики не повлечёт за собой каких-либо изменений в его личной судьбе»⁴.

Но развитие событий в стране пошло, как известно, по самому драматичному пути... Ещё в годы Республики Игнасио де Сиснерос сблизился с социалистами, в том числе с Индалесио Прието и Хуаном Негрином. После победы Народного фронта (февраль 1936 г.) он стал одним из сотрудников нового генерального инспектора авиации, занимался укреплением позиций сторонников левых сил в ВВС. Был назначен адъютантом военного министра Сантьяго Касареса Кироги, занимавшего одновременно пост премьер-министра. С началом гражданской войны Игнасио был назначен командующим всеми Военно-воздушными силами Республики. Он курировал их оснащение советскими самолётами, был произведен в генералы. Генерал де Сиснерос быстро сблизился с коммунистами, а затем и сам вступил в КПИ, что повлекло его разрыв с И. Прието. Сам он это своё «изменение курса» объяснял тем, что, по его наблюдениям, именно коммунисты наиболее доблестно сражались с франкистами, о построении же коммунизма или социализма он не помышлял, да и не очень хорошо представлял себе коммунистическую доктрину.

Формально все советские лётчики-добровольцы подчинялись И. де Сиснеросу. Однако старшим военным советником при командующем ВВС был комбриг РККА Я.В. Смушкевич (генерал Дуглас). В своих отчётах в Москву он характеризовал испанского генерала как честного и преданного долгу командира, пользующегося большим уважением в авиации и в правительственных кругах, как друга Советского Союза. Однако его теоретические знания и тактическая подготовка, считал Смушкевич, явно недостаточны, чтобы занимать столь высокую командную должность. По мнению некоторых исследователей, именно Смушкевич на деле руководил Военно-воздушными силами Республики⁵.

Несмотря на высокий пост, Игнасио оставался очень эмоциональным человеком. В мае 1938 г. на лётное поле аэродрома Барахас под Мадридом было сброшено обезглавленное тело республиканского лётчика с оскорбительным письмом на итальянском языке. И тогда генерал призвал своих возмущённых товарищей нанести бомбовый удар по Риму, выразив готовность лично возглавить «операцию возмездия». Лишь жёсткая реакция правительства Республики охладила пыл авиаторов⁶.

³ Сиснерос И. Меняю курс. С. 123.

⁴ Там же. С. 212.

⁵ См., например: Beevor A. The Battle for Spain. London: Weidenfeld, 2006. P. 153.

⁶ Томас Х. Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. М.: Центрполиграф, 2003. С. 407.

Тем не менее именно Игнасио де Сиснерос в конце 1938 г. по поручению главы правительства Испанской Республики Х. Негрина был направлен в Москву с просьбой о предоставлении республиканцам большой партии вооружений. В Кремле он был принят И.В. Сталиным, В.М. Молотовым и К.Е. Ворошиловым. Этот визит он подробно описывает в своих мемуарах⁷. Считалось, что ни в каких советских источниках эта встреча отражения не нашла. Как отмечал ещё в 2004 г. историк С.Ю. Данилов: «О миссии Сиснероса не найдено сведений в архивах нашей страны...». По словам самого генерала, она была успешной, просьба испанского правительства была удовлетворена, при этом советские руководители подчеркнули, что переправленные ранее в СССР испанские финансовые активы уже исчерпаны. Оружие было доставлено на франко-испанскую границу, однако французские власти запретили отправлять его в Испанию⁸.

Брат Игнасио, Франсиско де Сиснерос (1885–1964), оказался в стане франкистов. Его военная карьера также развивалась успешно, хотя и не столь стремительно. Игнасио с горечью пишет: «Не раз, готовя бомбардировку вражеских позиций, я знал из донесений разведки, что одним из объектов, намеченных для бомбёжки, командует мой брат Пако»⁹. Нигде он не говорит о брате с осуждением, тем более с ненавистью или враждебностью.

После окончания гражданской войны положение братьев радикально меняется. Карьера Франсиско пошла вверх: он получает чин генерала, назначается генерал-губернатором Астурии. Игнасио становится изгнанником, в годы Второй мировой войны он живёт в Мексике, затем перебирается в Европу, вначале во Францию, потом в Румынию. Удивительно, но братья нашли возможность встретиться, причём известно, как минимум, о двух их встречах. В РГАСПИ хранится документ под грифом «совершенно секретно» — записка председателя Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) (так назывался Международный отдел ЦК партии) В.Г. Григорьяна на имя министра иностранных дел СССР В.М. Молотова, датированная 29 сентября 1949 г. О том, какое значение придавал ей адресат, свидетельствует его резолюция — «Разослать семье», т. е. членам Политбюро, включая И.В. Сталина. Записка начинается словами: «Член Политбюро ЦК Компартии Испании т. Каррильо передал Внешнеполитической комиссии запись беседы члена Компартии Испании Игнасио де Сиснероса с его братом Франсиско де Сиснеросом, генерал-губернатором Астурии, состоявшейся 7 августа с. г. на юге Франции.

Игнасио де Сиснерос, республиканский генерал, в период антифашистской войны в Испании командовал республиканской авиацией. В 1938 г. был на приёме у тов. Сталина. В настоящее время проживает во Франции, работает по заданию КПИ. По согласованию с руководством КПИ Сиснерос в 1948 г. и в 1949 г. встречался со своим братом — высокопоставленным фалангистом. В последней беседе содержатся заслуживающие внимания данные об экономическом положении в Испании и настроениях франкистских кругов»¹⁰. Таким образом, эта записка, помимо всего прочего, является

⁷ Сиснерос М. Меняю курс. С. 414–419.

⁸ История Испании. Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века. М.: Индрик, 2014. С. 567.

⁹ Сиснерос М. Меняю курс. С. 406.

¹⁰ Секретная записка В.М. Молотову председателю Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В.Г. Григорьяна. 28 сентября 1949 г. // РГАСПИ. Ф. 82 (Молотов). Оп. 2. Ед. хр. 1224. Л. 51.

первым известным советским документом, где официально подтверждается встреча испанского генерала с высшим руководителем СССР в 1938 г.

Испания в конце 1940-х годов была полностью «закрытой» страной, источников информации о положении там было крайне мало, поэтому понятно, почему записка вызвала интерес на самом верху. Однако каких-либо особо секретных, уникальных сведений она не содержит. Информация подаётся в традиционном ключе, в духе той оценки ситуации во франкистской Испании, которая ей давалась в СССР и которая в значительной части исходила от испанских коммунистов.

Так, в документе говорится: по словам Франсиско де Сиснероса, «франкистская клика глубоко встревожена катастрофическим положением экономики Испании. Особенно ухудшилось положение за последний год. В промышленности изношенность оборудования и ограниченность возможности его замены ... приводят к закрытию многих предприятий». Главной причиной генерал называет отсутствие помощи и торговых отношений с западными странами, прежде всего с США.

Плохое экономическое положение сказывается и на армии. «Франсиско де Сиснерос особенно обеспокоен ростом недовольства среднего состава армии на почве плохого материального положения». В записке утверждается, что он сказал: «Если бы американцы не были такими скотами ... они бы заключили договор с Франко, предоставив нам оружие, прежде чем кому-либо другому. И сегодня они имели бы в Европе настоящую армию почти в миллион человек»¹¹.

Особое недовольство франкистов вызывает то обстоятельство, что США предпочитают оказывать помощь французам и англичанам, но не Испании. «Они не понимают, заявил Сиснерос, что давать оружие Франции — это всё равно, что давать его сразу Сталину, т.к. эти субъекты не воевали и не будут воевать, когда начнётся новая война. Если в прошлом году во время первой встречи Сиснерос говорил о возможности в случае войны «обороны [европейцев] на Пиренеях», то теперь, без американской помощи испанцам, он исключает и эту возможность». Надо сказать, что мнение франкистского генерала во многом совпадало с прогнозами американских военных. По планам Пентагона (март 1948 г., план «Бройлер») в случае войны с СССР в Европе советские армии стремительно занимали Германию и Францию, а войска западных союзников отступали за Пиренеи и там накапливали силы для ответного удара¹².

В заключение автор приводит слова Франсиско де Сиснероса о мощи и непобедимости Советского Союза: «Война с СССР не предвещает ничего хорошего для западных держав», потому что он имеет процветающую экономику, сильную армию, располагает атомной бомбой и таким союзником, как Китай¹³.

Во-первых, надо заметить, что эта встреча, безусловно, была согласована и генералом Франсиско де Сиснеросом со своим начальством. Он, как представитель высшего руководства Испании, обладал самой секретной информацией, которой, однако, не стал делиться, ограничившись общими рассуждениями. Можно предположить, что большая часть беседы братьев была посвящена не политическим, а семейным проблемам.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 82 (Молотов). Оп. 2. Ед. хр. 1224. Л. 51.

¹² См. об этом: Сагомоян А.А. Испанский узел холодной войны. М.: РОССПЭН, 2004. С. 155–175.

¹³ РГАСПИ. Ф. 82 (Молотов). Оп. 2. Ед. хр. 1224. Л. 51–52.

Во-вторых, сетования франкистского генерала на тяжёлую экономическую ситуацию в Испании не сопровождаются и малейшим намёком на наличие какого-либо политического кризиса в стране, на разногласия внутри высшего руководства, непрочность режима и т. п. Он, судя по всему, уверен, что все проблемы решатся, если США окажут Испании более или менее значительную помощь. И как мы знаем, это и произошло: Испания не была включена в план Маршалла, но американская помощь, сначала экономическая, затем военная, начала поступать уже в ближайшее время.

Третье, что обращает на себя внимание. Из записки следует, что тезис об уникальной мощи СССР и его готовности начать войну в Европе был глубоко укоренён в этот период не только в США или Англии, активно его насаждавших, но даже в изолированной Испании. Это лишний раз свидетельствует, что на Западе не представляли себе (или не хотели представлять) реального положения Советского Союза после страшной четырёхлетней войны. Масштабы разрушений, людских потерь, истощённости населения и т. д. были несопоставимы даже с Первой мировой войной. Все оборонительные акции, которые предпринимало советское руководство в тех условиях, интерпретировались как наступательные. Но отметим и другое: в формирование образа непобедимой державы безусловно внесла свою лепту и советская пропагандистская машина. Отзвуки этого мы находим в рассмотренной записке — уникальном документе своего времени.

Библиография

История Испании. Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века. М.: Индрик, 2014.

Сагомонян А.А. Испанский узел холодной войны. М.: РОССПЭН, 2004.

Секретная записка В.М. Молотову председателя Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В.Г. Григорьяна. 28 сентября 1949 г. // РГАСПИ. Ф. 82 (Молотов). Оп. 2. Ед. хр. 1224.

Сиснерос И. Меняю курс. М.: Политиздат, 1967.

Томас Х. Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. М.: Центрполиграф, 2003.

Beevor A. The Battle for Spain. London: Weidenfeld, 2006.

Александр Артурович Сагомонян, доктор исторических наук, профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова.

La Guerra Civil española y la familia: diferentes caminos de la vida de los hermanos generales Hidalgo de Cisneros (según nuevos materiales de archivo)

El artículo, escrito sobre la base de nuevas fuentes de archivo, se analiza el destino de dos figuras militares muy conocidas en la historia de España del siglo XX — los hermanos Ignacio y Francisco de Cisneros, uno de los cuales durante la Guerra Civil fue el general del Ejército Republicano, y el otro sirvió a los franquistas. Ignacio fue nombrado el comandante en jefe de todas las Fuerzas Aéreas de la República, mientras que la carrera de su hermano en el ejército del general Franco no fue tan exitosa. Pero una vez finalizada la guerra, la situación cambia drásticamente: Ignacio se convierte en un exiliado, y Francisco se hace el gobernador general de Asturias. Sin embargo, no hubo hostilidad personal entre los hermanos, e incluso encontraron una oportunidad para una reunión personal en un territorio neutral en Francia. Su destino se vio afectado no sólo por la trágica división de la sociedad española, sino también por los ecos de la guerra fría.

Sagomonian Alexander, Doctor en Historia, profesor de la Facultad de Procesos Globales de la Universidad Estatal M.V. Lomonosov de Moscú.

AVIADORES ESPAÑOLES EN LA UNIÓN SOVIÉTICA

El artículo está dedicado a los pilotos españoles que sirvieron en la URSS después del final de la Guerra Civil. Se consideran los problemas de su servicio durante la Segunda Guerra Mundial. También se presta atención a la represión que sufrieron algunos de ellos.

Introducción

Desde al menos 1999 los cronistas aeronáuticos Juan Carlos Salgado, José Miguel Sales Lluch y el que suscribe decidieron resumir los retazos de historias conocidos acerca de los diferentes pilotos, tripulantes y especialistas de aviación que por diferentes rumbos y razones recalaron en Rusia al final de la Guerra Civil española y participaron en lo que los soviéticos denominaron La Gran Guerra Patria. Han pasado algunos años durante los cuales se añadieron nuevos datos a aquellos resúmenes, al publicarse memorias y biografías de algunos participantes más y también trabajos completos como el de Carlos Lázaro sobre las promociones de pilotos y observadores en Kirovabad y Járkov. Desde hace poco tiempo relativamente, contamos con dos libros importantes para conocer más datos sobre este interesante tema de los aviadores en Rusia. Nos referimos al libro de Carmen Calvo Jung “Los Últimos Aviadores de la República: La Cuarta Expedición a Kirovabad”, y el de Secundino Serrano “Españoles en el GULAG: Republicanos bajo el Estalinismo”.

Un índice pormenorizado de todos los aviadores españoles en la Unión Soviética debería comprender datos de varios grupos distintos entre ellos los siguientes:

- Grupo de Pilotos enviados a Rusia en septiembre de 1938.
- Cuarta Promoción de Kirovabad que se quedó en la escuela desde abril de 1939 y en la cual figuraban como agregados varios oficiales que acompañaron a los alumnos y que siendo observadores, habían obtenido la promesa de hacerse pilotos allí.
- Algunos Niños de Rusia, que llevaban desde el año 1937 en residencias y escuelas, que trataron por todos los medios de hacerse pilotos antes de comenzar la II Guerra Mundial e inmediatamente después de su inicio entre Rusia y Alemania el 22 de junio de 1941.
- Y luego el contingente más numeroso, ya que entre julio y septiembre de 1939 comenzaron a llegar a Rusia los combatientes de la Aviación de la República que habían estado primero en Argelés sur Mer o Saint Cyprien, y luego en Gurs, Olorón Saint Marie, cerca del Pirineo francés. Estos últimos constituyeron el núcleo más importante de combatientes en las Fuerzas Aéreas soviéticas durante la guerra mundial.

Libros y artículos sobre combatientes

Los testimonios escritos de algunos de estos combatientes son fundamentales para reconstruir las acciones y hechos de armas en los cuales participaron bien aisladamente, tanto como en pequeños contingentes de tres ó cuatro miembros, nunca en proporciones mayores

por los argumentos que más adelante se citan. Siguiendo un orden alfabético citaremos a Sol Aparicio Rodríguez que en su libro “Yo Combatí en Tres Mundos”, describe las acciones y acontecimientos en los que fue testigo tanto en Marruecos hasta 1926 como en la Guerra Civil española y la II Mundial.

Antonio Arias Arias fue autor de “Arde el Cielo”, publicado primero en ruso en Moscú y luego traducido, corregido y editado con la importante aportación de José María Bravo, en el cual relata sus experiencias tanto en la Guerra de España como en Rusia. El propio Bravo se decidió a publicar sus memorias, recopiladas por este autor. El libro fue publicado el último semestre de 2006 con el título de “El Seis Doble: Bravo y los Moscas en la Guerra Civil española y en la II Guerra Mundial” [“Embestida”].

Andrés Fierro dio a conocer hace varios años su libro de memorias “Tarán” [“Embestida”] en el cual se mezclan relatos veraces de las dos guerras con algunas diatribas y auténticos memoriales de agravios contra algunos amigos y compañeros suyos de muchos años, de forma que el conjunto es bastante lamentable.

En cuanto al más prolífico de ellos, Francisco Meroño, queda muy desvirtuado el contenido real que pueda haber en sus relatos por su enorme y a veces divertida imaginación. Él mismo confesaba a menudo a sus amigos que “después de tantos años quien se va a enterar”.

Los diferentes grupos de aviadores

Ya durante el transcurso de los meses finales de la Guerra Civil española se habían trasladado a la Unión Soviética algunos pequeños grupos de aviadores españoles con la finalidad de realizar cursos de especialización o de mejora de sus conocimientos. El grupo más significativo de pilotos que fue a la URSS antes de finalizar la guerra fue el enviado en septiembre de 1938 encabezado por Leopoldo Morquillas para cursar estudios en la Escuela Superior Táctica de Aviación en Lípetsk. Los oficiales eran los tenientes pilotos de Moscas Marciano Diez, los tenientes pilotos de Chatos Manuel Orozco, Rómulo Negrín, Román Llorente al igual que el propio mayor Morquillas, y los tenientes pilotos de Katiuskas Alfonso García Martín y Anselmo Sepúlveda. A excepción de Negrín, reclamado por su padre desde México al finalizar la guerra, todos los demás se quedaron en la Unión Soviética y participaron en las filas del Ejército Soviético en la Segunda Guerra Mundial. Durante año y medio cursaron sus estudios en la Academia de Lípetsk, acabando los cursos en el otoño de 1939, pasando a ser profesores de vuelo en diversas escuelas durante el primer año de la II Guerra Mundial y a ser nombrados jefes de unidades de asalto y de caza posteriormente. También fue en el mismo grupo José Vela, pero lo pasaron a volar en I-15 en otra escuela y finalmente paso a actuar como directivo en el PCE.

Leopoldo Morquillas Rubio había sido ascendido por méritos en combate a teniente en marzo de 1937, a capitán en marzo de 1938 y a comandante el 1º de septiembre de 1938, en el mismo boletín y por las mismas razones que ascendieron también a mayor (comandante) los aviadores Comas, Duarte y Zarauza. Durante la II Guerra Mundial Morquillas tuvo el cargo de inspector de regimientos de caza con el grado de teniente coronel. Falleció en Tula, ya retirado en el mes de diciembre de 1989.

También había sucedido al finalizar la guerra el 1º de abril de 1939, con la victoria de las fuerzas encabezadas por el general Franco, que algunos grupos de alumnos pilotos de la República Española, que estaban realizando el Cuarto Curso o Promoción de pilotos en la

Escuela de Kirovabad, ya no pudieron continuar sus cursos normales porque la finalidad de su entrenamiento había desaparecido, con lo cual se cancelaron los cursos, se terminaron apresuradamente y cesó la actividad normal que la escuela había mantenido hasta aquel entonces. Algunos de ellos, ya eran pilotos en ese momento.

El final de la Guerra Civil sorprendió por tanto al último grupo de cadetes de aviación españoles y personal de tierra entrenándose en la URSS. Por razones obvias, tuvieron que quedarse en el país, uniéndose a la población civil y trabajando en todo tipo de sectores o estudiando en la universidad. Con ellos aunque repartidos por varias residencias, había cientos de niños y adolescentes refugiados que habían sido evacuados de España durante la guerra. Otros aviadores estaban en Francia en campos de refugiados, especialmente en Gurs, a pocos kilómetros de Olorón Saint Marie, Departamento de los Altos Pirineos, en condiciones no muy diferentes de los campos de concentración alemanes en 1939–1940, así que muchos pidieron refugio en la URSS. Después, el 22 de junio 1941, se vieron envueltos en otra guerra. La mayoría se alistaron en el Ejército Rojo sin pensarlo pero no fueron enviados inmediatamente al Arma que se correspondería con su experiencia militar previa, algo típico de aquel período de caos en el régimen estalinista. De ese modo, las habilidades adquiridas en el entrenamiento como pilotos, tripulantes u observadores o personal de tierra de Aviación, se desperdició en operaciones de guerrilla en vez de aprovecharse en unidades de aviación. Algunos de esos pilotos tenían una considerable experiencia de combate de España.

Ninguna unidad española en las VVS¹

Es bastante difícil dar una idea clara de la participación de los aviadores españoles en la así llamada Gran Guerra Patria, pues al estar dispersos en las VVS, nunca fueron concentrados en unidades homogeneizadas por nacionalidad, a diferencia del grupo francés Normandie-Niemen en el seno de las VVS o los numerosos escuadrones extranjeros integrados en la RAF.

En palabras de Antonio Arias Arias: “Incomprensiblemente, los pilotos españoles fuimos distribuidos en distintas unidades de aviación, en las que cumplimos con nuestro deber internacionalista en la guerra contra la Alemania fascista que había apoyado a Franco ... y era culpable de que nosotros fuéramos ahora emigrados políticos. Hubiera sido mucho más lógico organizar una unidad Ebro-Volga de españoles, que, al igual que los franceses en su regimiento Normandie-Niemen, podríamos haber demostrado — mejor que actuando por separado — la elevada calidad de nuestros pilotos”. Hay que tener en cuenta que no todos los españoles hablaban el ruso con fluidez, con la implícita desventaja que esto implicaba.

En este proceder que demostraba una cierta desconfianza hacia los aviadores y en general hacia los excombatientes españoles por parte de los rusos se descubren dos aspectos importantes, que se desvelan en cuanto los protagonistas tienen cierta confianza para hablar llanamente. Como primera y nada despreciable, se debe tener en cuenta la fama de indisciplinados a la vez que intrépidos, con iniciativa y un gran valor individual y a la vez demasiado peligrosos como conjunto, de los españoles en general y de los excombatientes de la República Española en particular. A este respecto no deja de ser demostrativa y espectacular una anécdota de José María Bravo cuando buscaba junto a Andrés Fierro, ya después de su licenciamiento del año 1948, un lugar en Moscú donde alojarse, cuestión verdaderamente peliaguda en esa época y sometida al típico “jeroglífico” ruso: “si no tienes trabajo en Moscú,

¹ Fuerzas Aéreas, Voenno-Vozdushnye Sily.

no puedes tener un trabajo... etc.” y así hasta el infinito. Después del llevar horas en una cola del funcionario que concedía el documento que le permitiría tener derecho a un alojamiento o empadronamiento en la ciudad, el burócrata de turno examinó su petición superficialmente y sin mirarlo le dijo “No sirve, que pase el siguiente” José María exasperado, cogió el tintero de la mesa y en tono amenazador le dijo “Nada del siguiente, Ud. me tiene que solucionar esto”. Ante aquel tono y aquella decisión el otro reconsideró las razones y cuando ya se avenía a explicaciones le preguntó:

- ¿De dónde eres camarada?
- Soy español
- ¿Y todos los españoles son como tú?
- Pues más o menos como yo
- ¿Y entonces por qué perdisteis la guerra?
- Porque teníamos entre nosotros un montón de gente como tú.

Pero el hecho de que cuatro oficiales de Aviación españoles, de magnífica preparación técnica y con experiencia, se encontraran preparándose para hacerlo o ya haciendo el Curso de Estado Mayor junto a la “flor y nata” de la Aviación Soviética, la famosa “Horda de Oro” en la Escuela Superior de Mónino en 1948, demuestra que algo estaba cambiando justo en ese momento, cuando un subterfugio desgraciado, sirvió para apoyar la despedida masiva de todos los aviadores de las Fuerzas Aéreas soviéticas. No es extraño que durante los años siguientes algunos persiguieran al culpable “por montes y valles”. Fue durante años un proscrito, nadie quería pronunciar su nombre, y era relativamente fácil encontrarlo trabajando como taxista en turnos extemporáneos en la ciudad de Madrid.

Gracias entre otras fuentes a las memorias de Francisco Meroño en “Aviadores Españoles en la Gran Guerra Patria”, publicadas en español en Moscú, allá por el año 1986, justo al comienzo de la “perestroika”, así como a numerosos retazos de conversaciones y escritos, hemos podido sintetizar esta contribución. He podido personalmente entrevistar a los pocos supervivientes que he conseguido encontrar y gracias a algunos artículos en AEROPLANO, la publicación anual del IHCA, se fue consiguiendo completar la historia personal de cada uno de los combatientes en la URSS. También apareció un artículo en la revista de gran difusión DEFENSA. Se trata de una breve biografía de Juan Lario escrita por Vicente Talón. Ese autor también incluyó un breve capítulo sobre los aviadores vascos que sirvieron en las VVS en uno de los volúmenes de su serie dedicada a la Guerra Civil en el norte de España. Juan Lario Sánchez escribió su libro sobre la Guerra de España con el título de “Habla un Aviador de la República” en 1973, pero en él solamente trató sobre su experiencia en los años de 1936 a 1939 y su relato termina en Gurs. Pero luego de muchos años escribió la historia sobre su actuación en la Unión Soviética con el mismo título que lleva este trabajo “Aviadores Españoles en la URSS”, que mereció el Tercer Premio “Espejo de España” de la Editorial Planeta y que le fue concedido en febrero de 1976. Su extenso artículo titulado “Republicanos españoles al servicio de la URSS” fue publicado en “Historia y Vida” en 1995.

A través de esas publicaciones, ha sido posible encontrar los nombres de 95 pilotos y miembros de tripulaciones, un radiotelegrafista y tres miembros del escalón de tierra, lo que supera las cifras que ofrecía Meroño. Él dice que hubo más de setenta aviadores españoles luchando con las fuerzas rusas, tanto del ejército como de aviación. Al menos 20 pilotos españoles que volaron con las VVS murieron en acto de servicio. Personalmente creo que

son 88 los que volaron, puesto que de las listas que hemos manejado tanto José Miguel Sales como J.C. Salgado y yo mismo había que eliminar a varios, que correspondían a nombres repetidos o inexistentes, apodos y equivocaciones.

En cambio había que añadir algunos otros, y hacer la salvedad de que algunos no combatieron nunca en Aviación en la URSS, aunque habían sido aviadores en España, por ejemplo Alfredo Fernández Villalón, fusilado en retaguardia alemana como guerrillero. Alguno más con esa misma peripecia no figuraba en la lista, como Félix Allende Santa Cruz, observador de Katiuskas, fallecido en Stalingrado, en tierra, que tampoco voló en la URSS. La lista completa de combatientes españoles fallecidos en Rusia, que me fue facilitada por Antonio García Cano hace varios años y tiempo antes de fallecer, creo que es lo más completo en cuanto a **Fallecidos**, y en ella figura el teniente de carros de combate Rubén Ruiz Ibárruri.

Es una omisión explicable, pues intentó ser piloto en la Escuela donde se prepararon los jóvenes “Niños” que luego fueron a la Escuela de Borisoglébsk, no consiguiéndolo. No obstante fue — aunque con la aureola propagandística que se quiera — uno de los dos españoles que figuran en el monumento a los caídos en Stalingrado, en la colina llamada Mamayev Kurgan, ya que falleció como teniente mayor el 1º de septiembre de 1942 por las heridas recibidas en la batalla de Stalingrado. Es el único español nombrado “Héroe de la Unión Soviética”, aunque hubo también otro combatiente aéreo español en Stalingrado que fue Anselmo Sepúlveda García, cuyo nombre no está presente y el que sí figura con todo merecimiento es José María Pascual Santamaría “Popeye”.

Con el presente esfuerzo se ha pretendido sistematizar y confrontar fuentes publicadas que no están disponibles en inglés.

Otra vez en guerra

Al día siguiente al de la invasión de Rusia por parte de Alemania, el 23 de junio de 1941, numerosos voluntarios de diferentes países que vivían en la Unión Soviética, se daban cita en el Estadio Dinamo de Moscú para alistarse como voluntarios. Entre ellos estaban grupos de pilotos y aviadores españoles, que a duras penas habían entendido el Pacto Germano-Soviético Molotov–Ribbentrop de 1939, gestado en contra de todos sus principios de pensamiento estalinista militante.

Allí se apuntaron sin citar sus grados conseguidos en la Guerra Civil española, con una adscripción literal como soldados rasos voluntarios y a pesar de que muchos de ellos eran capitanes, tenientes y sargentos pilotos, observadores navegantes o mecánicos de tierra o vuelo. Venían de fábricas o centros industriales donde llevaban trabajando desde 1939. De la Fábrica de Automóviles “Gorki” llegaron Ramón Moretones, Antonio García Cano, Manuel León, Francisco Benito, José Macayá (Damián), Vicente Beltrán, Juan Lario, José Pascual Santamaría, Alfredo Fernández Villalón y Francisco Meroño Pellicer. Por su cuenta llegó solo Fernando Blanco de la Carrera, observador de Katiuskas que procedía de la Academia Agrícola “Timiriazev”, donde era profesor de Química. Todos ellos se alistaron en las VVS, Fuerzas Aéreas, lo que sugería que serían probablemente enviados a las guerrillas. Al día siguiente se les unieron Ladislao Duarte Espés, Isidoro Nájera, Domingo Bonilla, Antonio Arias Arias, José Aguinaga, Jesús Rivas Concejo y Ángel Guzmán. En este grupo inicial no figuran varios aviadores notables como Bravo, Zarauza, Fierro y García Otero ya que, afincados en Járkov, Ucrania, protagonizaron una odisea volviendo hacia Moscú

y estuvieron durante el primer año de la guerra contra Alemania en unidades y grupos de guerrilleros.

Experiencia fallida: guerrilleros aéreos

El grupo citado en primer lugar, parece ser que iba a recibir instrucción como guerrilleros y así comenzaron su entrenamiento. Pero de repente, en un estilo puramente soviético, pasaron de la concentración de los 18 en un centro de instrucción para guerrilleros a comienzos de julio de 1941, a ser citados el 20 de julio para una misión especial de vuelo supersecreta. Con gran secretismo se reúnen con el encargado del entrenamiento, capitán Valentín Ivánovich Jomiakov y en el aeródromo de Chekalov comienzan vuelos en Yak-1 y en Yak-7 doblemando. Luego de cuatro días de vuelos continuos los recoge un Douglas y los traslada al otro lado de los Montes Urales, probablemente al aeródromo de Aramil.

Allí se han concentrado un valioso número de aviones de origen alemán, entre ellos Messerschmitt ME-108 Taifun, ME-109, Dornier DO-217, Junkers JU-88, ME-110 que van a ser volados como guerrillas en vuelo, introduciéndose entre las formaciones alemanas, camuflados incluso con sus insignias y distintivos, por los pilotos españoles, a los cuales los rusos consideran expertos en esos aviones. La operación está al mando del Coronel Fiodor Fiódorovich Opadchi como instructor y los primeros vuelos se hacen en la avioneta cuatriplaza Messerschmitt Me-108, Taifun, con los mandos de vuelo y actuadores en cabina muy parecidos a los del avión de caza ME-109, para entrenamiento en el material alemán. Los aviones procedían de capturas en los primeros días de la ofensiva, y también aviones cedidos por los propios alemanes durante las amistosas jornadas que siguieron al reparto de Polonia e incluso en años anteriores a la Guerra Civil de España. Algunos podían haberse capturado allí entre 1936 y 1939.

En los últimos días de octubre de 1941 se produce un terrible accidente despegando un JU-88 en el cual resulta el coronel herido y muy graves los aviadores Manuel León, que volaba como primer piloto y José Aguinaga que actuaba como mecánico de a bordo. Este último perdió las dos piernas. Se aborta la experiencia en este momento y los aviadores vuelven al área de Moscú pasando al servicio activo en Volvo, a 30 kilómetros de la capital, con la 1ª Brigada Aérea, en la defensa de la zona. Arias, Beltrán y García Cano volaban en una de las dos únicas escuadrillas, que contaba con un par de MiG-1. Pascual Santamaría, Lario y Meroño estaban en otra, volando en un biplaza, probablemente un Yak-7. Una tercera escuadrilla al mando de Ladislao Duarte estaba formada por Francisco Benito, Fernández Villalón, Bonilla y Blanco, que contaban con un único Polikarpov I-15. Un radiotelegrafista, Ángel Guzmán, se les había unido mientras tanto, al mismo tiempo que los observadores José Macayá (Damián) y Ramón Moretones.

La tarea principal era proteger el área de Moscú, especialmente las instalaciones del TsAGI, el Tsentralniy Aerodinamicheskiy i Gydrodynamicheskiy Institut (Instituto Central de Aerodinámica e Hidrodinámica), el principal centro de investigación aeronáutica ruso, así como las ciudades de Kashira, Sérpujov, Naro-Fominsk y Býkovo. El grupo "Español" estuvo actuando allí desde el 7 de noviembre de 1941 hasta el 25 de julio de 1942.

En un grupo de guerrilleros que se retiraron desde Járkov, Ucrania, hacia Vorónezh y luego Moscú, iban algunos pilotos que luego pasaron al Mar de Azov, participando en voladuras en la zona de Taganrog, núcleo ferroviario en poder de los alemanes, cruzando el Azov helado desde Eisk. De allí iban a ser enviados a la Escuela de Oficiales Guardafronteras,

al norte de Moscú, cuando entraron en contacto con Osipenko. Según José María Bravo, se encontró un día casualmente por la capital con el general Alexander Stepanovich Osipenko, que había conocido en España. Él iba vestido como capitán de Ingenieros, que es lo que desempeñaba en su misión de guerrilleros-minadores. Le pidió una lista con graduaciones, horas de vuelo, aviones volados y esta vez sí que pudieron ir a la Aviación Soviética, aunque dentro de las PVO², Defensa contra Aeronaves.

Pilotos de caza, un breve resumen

Uno de los libros más importantes sobre los pilotos de caza soviéticos, publicado en inglés es "Stalin`s Falcons: the Aces of the Red Star". En su parte final se relacionan diferentes pilotos de caza de varias naciones que volaron en las Fuerzas Aéreas de la Unión Soviética. Entre los pilotos españoles solamente se destaca a Antonio Arias, Vicente Beltrán, Juan Lario, José Luis Larrañaga, José Pascual Santamaría y Manuel Zarauza Clavero. Es indudablemente una distribución caprichosa y se debe sobre todo a falta de datos ya que no se les cita por más o menos derribos, ni por ser "Ases" con más de cinco victorias, ni tampoco por otras razones que unifiquen el criterio de su inserción. Entre esos seis hay alguno que no derribó ningún avión en Rusia como Zarauza, aunque era un "As" indiscutido con más de 24 victorias obtenidas en la GCE, cuando llegó al Cáucaso en junio de 1942. Y alguno como Larrañaga era apenas un crío, pero derribó cinco aviones antes de morir en combate el dos de mayo de 1943.

El mayor as español de las VVS probablemente fue el teniente Juan Lario Sánchez. Se unió a las Fuerzas Aéreas de la República en 1937, formando parte de la 1ª Promoción de Kirovabad. Había derribado 7 aviones en España volando Chatos Polikarpov I-15, aunque es muy difícil asegurarlo, y derribó otros 27 a título individual y 8 compartidos en la URSS. En la GGP sirvió sucesivamente en el 127 IAP³, el 108 IAP de la 105 División Aérea Táctica DAT⁴, destinado en Grozny y después con la 208 DAT en Stalingrado bajo el mando de Rokossovski. Durante 1943 efectuó servicios en las batallas de Kursk y en Járkov, así como en Kiev en la última parte del año. En 1945 servía en el 348 IAP, volando aviones Spitfire IX al frente de una escuadrilla que operaba sobre Polonia y Alemania.

Actuó durante algún breve tiempo desde el aeródromo de Tempelhoff. Al término de la Gran Guerra Patria parece que había volado 886 misiones y tomado parte en 97 combates lo que le permitió reclamar 35 victorias, de las cuales 8 compartidas. Realicé una entrevista a Juan Lario unos meses antes de su fallecimiento. Muchos de los datos que aportaba eran muy válidos y así lo he anotado en otras partes de este trabajo. Siempre se ha tenido un enorme respeto por Lario, aunque sus 27 victorias en la II G.M. están un tanto en entredicho por dos razones: Una, los documentos para probarlo, al igual que para los demás, ahora que están localizados no establecen claramente los derribos y habrá que investigar de forma mucho más profunda en los historiales de los regimientos, porque los rusos han sido siempre muy críticos en este aspecto, y Dos, es extraño que no consiguiera más órdenes, y en especial el HUS, además de las Bandera Roja y de la Gran Guerra Patria. También es raro que no ascendiera a empleos más elevados. Pero a su favor está que fue sin duda el que más voló

² PVO, Defensa Contra Aeronaves, unidades de caza dedicadas a esta defensa.

³ Designación de los regimientos de caza soviéticos: Istrebitelnyi Aviatsionnyi Polk, Regimiento de Aviación de Caza, IAP.

⁴ Designación de las Divisiones de Caza soviéticas: Istrebitelnaia aviatsionnaia divizia, IAD.

en la II GM, más tipos de aviones y más horas de vuelo. Estaba en poder de numerosas condecoraciones soviéticas tales como una OBR, dos ER, dos GGP y diferentes medallas de campaña.

El segundo nombre en la lista de ases es el mayor Manuel Zarauza Clavero, con un total de 30 victorias en España y en la URSS ninguna, después de haberse pasado un tiempo con la guerrilla al empezar la guerra. Sirvió con el 961 IAP, donde luego estuvo Bravo. Murió en Bakú el 7 de octubre de 1942 durante un entrenamiento al chocar su avión con el de su punto, el sargento Sasha Riapishev. Su nombre auténtico figura en el libro.

El capitán José María Bravo Fernández-Hermosa y el teniente Joaquín Díaz Santos sirvieron con la 3ª Escuadrilla del regimiento de caza, 481 IAP, dentro del VIII Cuerpo de Ejército Aéreo. Bravo fue jefe de escuadrilla, y después sirvió con el 485 y el 961 IAP. Había derribado 23 aviones en España, y no derribó aviones enemigos en la URSS durante la II G.M. En noviembre de 1943 el Cuartel General de la 130 DA pidió dos pilotos para el regimiento especial de ases. Llamaron a Bravo pero cuando llegó a Moscú lo rechazaron, según parece por ser español. Otros pilotos de su unidad eran el teniente José Carbonell — que después sirvió en el 962 IAP — y José Pallarés, así como Joaquín Díaz Santos. Volaron en la defensa de la zona especial de defensa de Bakú. Bravo fue el jefe de la escolta realizada entre el Cáucaso y Teherán al Lisunov Li-2 de Stalin entre finales de noviembre y diciembre de 1943. José María mandaba una escuadrilla en este servicio, con aviones Kittyhawk P-40 de origen norteamericano, que no era totalmente la suya, pero del conjunto de pilotos él era el más antiguo y caracterizado. El otro piloto con más experiencia era el teniente Jafizúllin.

Bravo comenzó su actuación en junio de 1941 como guerrillero-minador al mando del coronel Stárinov, veterano jefe de guerrilleros de la Guerra de España. Su grupo se retiró desde Járkov hasta Vorónezh, más de 330 kilómetros, siempre cerca del avance alemán, destruyendo equipos y material enemigo. En él participaban españoles entre los cuales eran aviadores Bravo, Herminio Cano (4ª de Kirovabad), Juan García Otero (observador de Katiuskas), Andrés Fierro y Francisco Benito.

Leopoldo Morquillas Rubio tenía 21 victorias en España pero se desconoce si tuvo alguna más en la URSS. Fue inspector de escuelas de vuelo y de una gran organización de entrenamiento durante la II G.M. También participó activamente en regimientos de asalto, volando Iliushin IL-2 Shturmovik.

El teniente José María “Popeye” Pascual Santamaría, que había derribado 9 aviones hasta el día de su fallecimiento, parece ser que en la misión en la que fue derribado se anotó tres victorias combatiendo sobre Stalingrado, el 27 de agosto de 1942, situándose en quinto lugar en la particular lista de pilotos de caza españoles, “Ases” de la aviación de la URSS. Por desgracia no hay constancia de las unidades en las que sirvió, pero se sabe que estuvo con el teniente Domingo Bonilla en el 788 GuIAP (Regimiento de la Guardia), la 102 DC (División de Caza). Pascual Santamaría era de la Segunda Promoción de Kirovabad. Ascendió de teniente a teniente mayor. En la Plaza que está en el centro de la ciudad de Stalingrado, la Mamáyev Kurgán, hay un monumento con una lista de nombres en grandes letras de oro donde solamente hay dos nombres españoles: el de José Pascual Santamaría y el de Rubén Ruiz Ibárruri, hijo de Dolores Ibárruri “Pasionaria”. Anselmo Sepúlveda que también fue derribado en Stalingrado no aparece en esa placa. J.M. Pascual Santamaría recibió por su último combate la Orden de Lenin.

El capitán Antonio García Cano, que derribó al menos cinco aviones, entre ellos un Ju-88 con su punto Fiódorov el 26 de noviembre de 1941 y un He 111, el 12 de octubre de 1942, voló en Kittyhawks y Tomahawks con el 573 IAP, la 101 División. Otras fuentes establecen que estaba en el 563 IAP. Francisco Benito también estaba con él. Algunas fuentes indican que estuvieron en el 573 IAP juntos mientras que otras señalan que después sirvieron con el 887 IAP. Antonio García Cano siempre insistía en que tuvo que enviar a Francisco Benito a reentrenamiento, lo que parece implicar algún problema de disciplina o de capacidad técnica de vuelo. De cualquier forma también señalaba que después de su reentrenamiento, voló en misiones de bombardeo nocturno con aviones ligeros PO-2, que eran los mismos U-2 biplanos reconvertidos, una técnica que los rusos habían refinado en España con los Rasantes R-5.

Ladislao Duarte, que había sido jefe de una escuadrilla de Chatos en la Guerra Civil, fue comandante de un regimiento de caza, y se dice que derribó algunos aviones pero Antonio Arias Arias dice en sus memorias que era observador con el 740 IAP y después con la 144 División. Esto se debe sin duda a la peculiar estructura de los regimientos rusos de aquella época, donde el jefe de observadores y navegación era el segundo jefe del regimiento y piloto de caza también.

El teniente Luis Lavín Lavín y Antonio Lecumberri sirvieron en el 826 IAP al mismo tiempo. Luis Lavín pasó después a la 36 DC y acabó la guerra con el 907 IAP de Operaciones Especiales. Eugenio Prieto Arana, Tomás Suárez, Ramón Cianca Bengoechea, José Antonio Uribe Galdeano, José Luis Larrañaga Muniátegui, Isaías Albistegui e Ignacio Aguirregoicoa estuvieron también con Lavín en la misma escuela de vuelo. Este grupo estaba formado inicialmente por ocho muchachos de los llamados “Niños Españoles en Rusia” porque llegaron como chicos muy jóvenes refugiados, de origen vasco casi todos. En el mismo grupo estuvo Rubén Ruiz Ibárruri, pero no pasó el examen médico para ser piloto y pasó a tierra, falleciendo al mando de una compañía de ametralladoras, en torno a Stalingrado.

Fueron a la Escuela de Vuelo de Borisoglébsk en la Región de Tambov en el año 1942 finalizando su entrenamiento en el año 1943. Eugenio Prieto Arana sirvió en el 3º IAP, la 36 DC o la División “Iván Bakéiev”, y Antonio Uribe estaba con él. Uribe murió en combate, derribado por la antiaérea en Kursk. Tenía al menos dos victorias. Larrañaga, que sirvió en el 591 IAP y tenía al menos cinco victorias, fue derribado el 2 de mayo de 1943. Ignacio Aguirregoicoa volaba como punto en un combate aéreo en 1944, cuando fue alcanzado y habiendo aterrizado tras las líneas enemigas disparó a los depósitos de combustible de su avión haciéndolo explotar y falleciendo en la deflagración⁵. Servía en el 964 IAP, la 130 DC. Eugenio Prieto tenía cuatro victorias pero fue derribado a su vez en dos ocasiones. En la segunda, en 1943, fue hecho prisionero y según algunas fuentes fue expulsado del ejército por ese motivo en 1945 tras ser liberado. Lo cierto es que fue licenciado como capitán en 1948 y regresó a España con posterioridad.

Con respecto a este grupo de ocho aviadores, que serían los más jóvenes de todos los pilotos españoles en Rusia hay que especificar lo siguiente respecto a algunos de ellos:

- Ignacio Aguirregoicoa es el mismo Benito Ignacio Aguirre Goicoa que voló en el 964 IAP de la 130 División, fallecido en combate. La lista de españoles fallecidos lo da como

⁵ Otras fuentes sitúan este hecho a finales de 1942 en el Frente de Stalingrado.

perteneciente últimamente al 159 Regimiento IAP con el empleo de subteniente y el cargo de jefe piloto mayor, dentro de la 275 División IAPD, desaparecido el 9-3-1944.

- Eugenio Prieto Arana del mismo grupo de ocho se confunde con Ezequiel Picondo o Pikondo, que no existe, es un nombre supuesto o novelado.

- José Antonio Uribe Galdeano, de la citada Escuela y luego del 3º Regimiento de Caza de la 36 División, caído en Ucrania.

- Un combatiente de nombre Isaías Aristegui, aparece según datos proporcionados recientemente por Luis Lavín, y estuvo en la Escuela Inicial de Vuelo en Moscú, pero no llegó a completar los estudios y ya no fue tampoco a Borisoglébsk. Sin embargo hacia el final de la II G.M. aparece como piloto de planeadores de transporte que aterrizaron detrás de las líneas alemanas.

El teniente mayor Francisco Meroño Pellicer, el teniente Vicente Beltrán y el capitán Fernando Blanco de la Carrera volaron con el 960 IAP, la 125 División que se estaba formando en Riedoma, a 20 kilómetros de Tula y a 30 kilómetros del frente, en aquel momento. Meroño estuvo en la 1ª escuadrilla y Beltrán en la 3ª. Inicialmente tuvieron dos I-16 volando desde el aeródromo de Býkovo y allí probaron un MIG-1 el 20 de septiembre de 1942. El 23 de febrero de 1943 les entregaron nuevos aviones Lavochkin LA-5, entre ellos el número 88 a Meroño y fueron trasladados a Kursk. Meroño fue derribado y herido en Kursk, pasando al hospital en Moscú y siendo destinado posteriormente a una escuela a volar U-2 como instructor. Allí se encontró con pilotos de Yak-7 del 8º Cuerpo de Ejército que eran José Cirujeda, Pedro Muñoz Bermejo, José Gisbert, José Ruiz, Amadeo Trillo, Fernando Buenaño. En el hospital había tenido contacto con José Sánchez Montes, que también pasó de los U-2 a Yak-7 en el Frente de Voronezh y había derribado cuatro aviones enemigos.

Fernando Blanco de la Carrera era Licenciado y Doctor en Química y luego de actuar como observador en Katuskas en la Guerra de España consiguió hacerse piloto junto con la 4ª Promoción en Kirovabad⁶. Desde 1939 a 1941 trabajó en la Academia de Agricultura “Timiriázev”. Fue el aviador que terminó la II G.M. con más elevada graduación, pues era mayor y 2º jefe de regimiento al término de la contienda en Bratislava con los tenientes José Robineda, Vicente Beltrán y Jacinto Gallegos.

Antonio Arias Arias era comandante de la 2ª escuadrilla en el 964 IAP, la 130 DA y Manuel Gisbert Talens, José Gómez y Julián Díaz Izquierdo sirvieron con él en dicho escuadrón. Volaban en Hawker Hurricane en el Frente de Leningrado y después en Tomahawks. Arias sirvió también con el 740 IAP y después como jefe observador en el 439 IAP. Gisbert, que también serviría con el 938 IAP, se uniría a Arias y Julián Díaz en el 439 IAP de la 147 DC. En sus memorias dice que lo llamaron con el teniente Vieselovski al Cuartel General de la 130 División por orden del General Károl. Los mandaron a Moscú para formar parte de alguna unidad especial, pero rechazaron a Arias, porque alegaron que si caía derribado los alemanes podían presentarlo como extranjero en el seno de las VVS. Lo mismo le ocurrió a Bravo.

Santos Sevilla Medina, Pedro Muñoz Bermejo y José Luis Larrañaga (el mismo piloto ya mencionado) estuvieron en el 591 IAP. Larrañaga fue derribado en el Kuban probablemente con cinco victorias. Otros pilotos en la zona de Gorki fueron Joaquín Carrillo, Juan Eguiguren

⁶ Los observadores de las diferentes promociones de “Universitarios” fueron ascendidos directamente a tenientes o brigadas en la Guerra de España.

Madariaga y Blas Paredes. Eguiguren voló en el 423 IAP y fue desmovilizado como capitán en 1948.

Agustín Morales Escamilla murió en accidente en Jitomir el 28 de agosto de 1943. Isidoro Nájera Montero fue derribado en el Cáucaso en octubre de 1942 sirviendo en la 1ª Aerobrigada. En Gorki volando con Lavochkin LA-5 estuvieron Joaquín Carrillo, Juan Eguiguren y Blas Paredes.

Andrés Fierro Menú, José Cirujeda Esteve, José Ruiz, Amadeo Trillo, Manuel Gisbert Talens, Julián Díaz y Francisco Gómez se alistaron en 1943. Fierro y Trillo sirvieron en el 439 IAP. El primero derribó al menos un Ju-88 en un ataque “tarán” [“embestida”] el 25 de agosto de 1944 y él insiste en sus memorias, así tituladas “Tarán”, en que también derribó otro bombardero alemán por el mismo procedimiento. En 1944 era capitán en el 439 IAP.

Román Llorente Castro, Manuel Orozco, Marciano Díez Marcos, Alfonso García Martín “Gerásimov”, Anselmo Sepúlveda, Leoncio Velasco, el teniente Celestino Martínez Fierros, Francisco Gaspar Torres, José Crespillo y otros como Julio Muñoz, Joaquín Carrillo y Antonio Peinado Peñalver, se habían alistado en 1942. Orozco sirvió en el 785 IAP, la 36 DA, y después en la 106 DA. José Crespillo, Antonio Peinado Peñalver y Francisco Gaspar Torres volaron con el 17 Regimiento de Reserva, el 887 IAP, de la 208 DA.

A la Escuela de Penza fueron destinados a volar U-2 José Crespillo, Carlos García Ayuso y Francisco Benito. De entre ellos Francisco Gallardo voló también en el 887 IAP de la 208 División Aérea del 2º Cuerpo de Ejército, y algo más tarde pasó a volar en aviones de caza. Había sido corneta — lo que en el Ejército Español se llamaba “Educando de Banda” — en Los Alcázares. José Crespillo fue derribado en caza y murió en combate en Kiev, Ucrania, en 1943.

Carlos García Ayuso, Francisco García, Basilio Mesa y José Rodríguez volaron en el 17 Regimiento de Reserva.

Pilotos de bombardeo

El capitán Sepúlveda volaba en los Petlyakov Pe-2 y fue derribado en Stalingrado en octubre de 1942. Leoncio Velasco, el capitán Marciano Díez Marcos, Alfonso García “Gerásimov” y Celestino Martínez Fierros volaban en los Il-2 Shturmovik. Velasco, Gerásimov y Sepúlveda lo hicieron juntos en el 208 ShAP (regimiento de asalto).

Celestino Martínez murió al ser derribado su Il-2 en el lago Balatón, Hungría, en 1945. Era natural de Ballota en la zona occidental costera de Asturias y perteneció a la 4ª Promoción de Kirovabad; posteriormente se casó con Clarita Rosen, la intérprete más famosa y la chica más hermosa de la Escuela. Celestino participó en numerosos combates con U-2 y a primeros de 1944 pasó a los IL-2 Shturmovik. Había derribado dos aviones enemigos y falleció en el citado combate en Hungría. Díez Marcos primero sirvió como instructor, pero después pasó al 24 ShAP, de IL-2, siendo desmovilizado como capitán en 1948. Fernando Blanco de la Carrera voló en la 125 DA y fue subcomandante de un regimiento mandado por el coronel Akulin.

Los tenientes Francisco Gaspar Torres, Carlos García Ayuso y Francisco Benito volaron en los Polikarpov U-2 al mismo tiempo, igual que José Sánchez Montes, aunque en el caso de este último eran ambulancias U-2. Más tarde Sánchez Montes voló en Yak-7 y derribó al menos cuatro aviones, entre ellos un Ju-87 el 13 de julio de 1943 en el Frente de Vorónezh, en Projorovka.

Pilotos de transporte

El capitán Román Llorente Castro antes mencionado voló en aviones civiles de transporte. Peinado fue derribado en Polonia en 1944. Parece que fue muerto durante un bombardeo. Su último destino según la Lista era el 153 Regimiento IASP, la 12 división GuIAD, división de la guardia como subteniente piloto.

Quizá el caso más inusual entre los pilotos españoles fue el de Isaías Albístegui, quien voló en planeadores de transporte tras las líneas enemigas para abastecer a las fuerzas guerrilleras. Ese extraño empleo debe ser la causa de que no haya forma de ubicarlo en ninguna lista ni grupo conocido.

Otro personal

Ramón Moretones Senén volaba como observador en bombarderos de largo alcance en 1943, después de haber participado en los vuelos con aviones alemanes en los Urales. Según García Cano, volaba como navegante-observador en la 1ª Brigada de Guardafronteras, en un regimiento de bombardeo dotado con aviones B-25. Exactamente lo mismo es aplicable a Damián Macayá Tarré, que también volaba como navegante en bombarderos de largo alcance, fue derribado sobre Königsberg y entregado al Gobierno español. Al parecer fue fusilado en Barcelona. Ambos procedían de la 4ª Promoción de Kirovabad, pero no habían logrado hacerse pilotos.

Otros nombres figurados y que no fue posible asociar con una unidad de aviación determinada eran: Andrés Acero, José Luis Barco, Jacinto Gallegos, Jacinto García Baños, José Gisbert, Julián Izquierdo, Pedro Muñoz Bermejo, José Robineda, Miguel Roy, Ramón Santos, Tomás Suárez y Adolfo Torres. (Muchos de estos nombres son figurados, aparecidos en la novela “El sol sale a media noche” editada en Moscú en castellano). De los primeros sus nombres reales son Andrés Fierro, José María Bravo y José Díaz Santos. También aviadores eran Pedro Muñoz Bermejo, piloto de SB-2 en la Guerra Civil, José ó Manuel Rovineda, piloto de bombardeo nocturno con aviones escuela PO-2 y Tomas Suárez, fallecido en Rusia en fecha desconocida.

Combatientes en tierra

Si es difícil mencionar todos los nombres del personal de tripulaciones, el cuadro es aún más restringido en lo tocante al personal de tierra. De los que se alistaron en las VVS en 1941, sólo se conocen los nombres de Ignacio Aguinaga, mecánico de vuelo y el teniente mecánico Jesús Rivas Concejo. Unos cuantos aviadores con experiencia, como el propio Jesús Rivas y el piloto Juan Roldán Ramón, lucharon con las fuerzas guerrilleras tras las líneas alemanas, sin volver a volar en un avión a partir de 1941. Roldán murió en Novorosiisk en enero de 1943. La misma suerte corrieron Antonio Blanco, Antonio Blanch, Alfredo Fernández Villalón e Hipólito Nogués. Fernández Villalón fue capturado y fusilado en Jitomir en febrero de 1942. También falleció tras las líneas alemanas actuando valientemente como guerrillero Juan José García Otero, observador de Katiuskas en la Guerra de España.

Los aviones que volaron

Quizá los tipos de aviones más sorprendentes en los que volaron los pilotos españoles de las VVS fueron el Messerschmitt Me 108, Bf 109, Bf 110, Dornier Do 215 y Junkers Ju-88, algunos de ellos comprados a los alemanes antes de la guerra. Ocurrió en verano de 1941 en el aeródromo de Aramil en Sverdlovsk, en los Urales. De hecho eran los primeros aviones en los que volaron al comenzar la guerra, con la finalidad de realizar misiones tras enemigas,

pero el plan no pudo llevarse a la práctica a causa del impetuoso avance alemán hacia Moscú, no sin antes haber sufrido la baja del Ju-88 al despegar en un vuelo de entrenamiento, en el que resultó gravemente herido el mecánico Ignacio José Aguinaga, siendo [lesionados] los otros tripulantes Manuel León Díaz y el coronel Opadchi. Antonio Arias voló en el Bf-110.

En ese momento se abortó la idea. Sin embargo, fue resucitada en 1942 tras la captura de 15 aviones intactos de la Luftwaffe en Osinovka, incluidos Me 109G y Go 145A, con los que realizaron varios vuelos de reconocimiento sobre las posiciones alemanas.

Los pilotos de caza volaron en todos los tipos en servicio con las VVS desde el I-153 y sus viejos conocidos de España, los I-16, hasta lo último en Airacobras, Kingcobras, Kittyhawks y Spitfires.

Desmovilización

Algunos nombres no están atestiguados de forma completa, sólo con uno de los apellidos, y por esa razón es posible que en algunos casos se trate de la misma persona a la que algunos compañeros conocían por un apellido, otros por otro. Se dan los nombres completos donde ha sido posible encontrarlos. Se dice que la mayoría de los pilotos de caza españoles por convicción política eran reacios a considerar los éxitos individuales y hablar del número de aviones que derribaron en combate, así que muchas de sus victorias no están registradas a título personal. Aunque de ser cierto parece que no es esta una tradición coherente, pues las victorias en España se anotaban siempre.

Un total de 800 españoles lucharon en las filas del Ejército Soviético y 185 murieron en acto de servicio. La mayoría de los pilotos españoles fueron desmovilizados en 1948. Algunos regresaron y se establecieron en España desde 1957: Bravo, Lecumberri, Prieto Arana, Albistegui, Arias y Lario, por mencionar algunos. Tras la muerte de Franco, la llegada de la democracia y las convulsiones de la moribunda URSS, algunos más regresaron en los años 80 y 90.

Referencias:

Arias Arias A. Arde el Cielo (Memorias de un Piloto de Caza Participante en la Guerra de España 1936–1939 y en la Gran Guerra Patria de la U.R.S.S 1941–1945). Alicante: Ediciones Adela Delgado Romero, Silla, 1995.

Bravo J. M., Madariaga Fernández R. de El Seis Doble: Bravo y los Moscas en la Guerra Civil española y en la II Guerra Mundial. Editorial Craftair, 2006.

Calvo Jung C. Los Últimos Aviadores de la República: La Cuarta Expedición a Kirovabad. Madrid: Ministerio de Defensa, 2010.

Flores Pazos C. Españoles en el Ejército Soviético // Españoles en la Segunda Guerra Mundial (El Frente del Este). Madrid: Vandalia, 1999.

Lázaro Ávila C. Diario de un Piloto de Caza en Kirovabad // Cuadernos de Aviación Histórica, Dossier 3. 2003.

Meroño F. “Aviadores Españoles en la Gran Guerra Patria”. Moscú: Ediciones Progreso, 1986.

Madariaga R. de Los Ases Republicanos. Leopoldo Morquillas y una Tumba en el Cáucaso // Aeroplano. 1995. N 13.

Madariaga R. de Figuras de la Aviación Española: José María Bravo // Aeroplano. 1996. N 14.

Polak T., Shores C. Stalin's Falcons. London: Grub Street, 1999.

Talón V. Juan Lario Sánchez. Un Piloto de Caza y Dos Guerras: la Española y la Mundial // Defensa. 1997. N 233.

Talón V. Memoria de la Guerra de Euzkadi. Vol 4. Los Vascos en la Segunda Guerra Mundial // Defensa. Extra N 27.

Ramoneda Vilaradaga J. ¡Muera la Muerte! España 1936–1939. Juan, Ediciones Lectio 2010.

Serrano S. Españoles en el GULAG: Republicanos bajo el Estalinismo. Barcelona: Ediciones Península, 2011.

Madariaga Rafael de, el autor del libro “Aviadores Españoles en la URSS 1936–1948”.

Испанские пилоты в Советском Союзе

Статья посвящена испанским пилотам, служившим в СССР после окончания гражданской войны 1936–1939 гг. Рассматриваются вопросы их службы во время Второй мировой войны. Уделяется внимание также и репрессиям, которым подверглись некоторые из них.

Мадариага Рафаэль де, автор книги «Испанские пилоты в СССР, 1936–1948».

ANTONIO VALLDEPERES,
MARIA IVON MICHAVILA SANZ

LA INTERVENCIÓN SOVIÉTICA EN EL AERÓDROMO DE LA SÉNIA: PASADO, PRESENTE Y FUTURO

La presencia soviética en el aeródromo de La Sénia tuvo mucha importancia durante la Guerra Civil y nosotros hemos estructurado nuestra intervención, primero haciendo referencia a su historia (*el pasado*), después *al presente*. Actualmente después de su recuperación y restauración es un centro de interpretación y un centro de aviación histórica y como no a su futuro.

En segundo lugar, decir que es un tema que necesita un estudio más profundo y especializado. Nosotros hemos intentado hacer una pincelada divulgativa sobre este campo de aviación. Relacionado con esto, decir que se ha encontrado poca documentación escrita y grafica de la etapa republicana y de la estancia de los soviéticos en aeródromo, si lo comparamos con la estancia de la Legión Cóndor en La Sénia.

El pasado

1. Situación y condiciones favorables

El aeródromo de La Sénia está situado en España (Catalunya). Cuando empezó la guerra el julio de 1936, el Gobierno de la República se dio cuenta de la conveniencia de disponer de un aeródromo equidistante a Valencia, Barcelona, Zaragoza y Mallorca (situación estratégica). Durante el transcurso de la guerra, su ubicación respecto el frente distaba unos 200 km.

Su emplazamiento responde a diversos condicionantes: el tipo de **terreno era llano**, pedregoso, firme y seco que favorecía al despegue y aterrizaje de los aviones. Las **condiciones meteorológicas** también eran favorables al no haber neblinas. Como es una zona que sopla viento fuerte frecuentemente, se estudió la dirección de vientos reinantes.

Aprovecharon las infraestructuras que les proporcionaba la población de La Sénia, como alojamientos para los aviadores (fondas y casas particulares). El campo de aviación también estaba bien comunicado, a 16 km hay una estación de tren (Uldecona) y a 30 km está el puerto de Vinaroz. Los suministros llegaban en barco y en tren, eran trasladados al aeródromo en camiones. Para facilitar el paso de camiones entre el norte de Castellón y el sur de Tarragona el gobierno decidió construir un puente que cruza el río Cenja entre Sant Rafael del Riu y el Barri Castell.

2. Principales acontecimientos del aeródromo

Junio 37. Construcción del aeródromo:

Expropiación de 90 hectáreas de olivos y tala de 9.000 árboles

Pérdidas económicas de más 40.500 pesetas anuales

Otoño 37. Llegada de aviones y de pilotos.

Octubre 37. Incorporación de la 3ra escuadrilla de Moscas con mando ruso (Smirnov), después de unos ataques al aeródromo de Garrapinillos (Zaragoza).

Noviembre 37

Estuvo la 2ª escuadrilla de Katiuskas (Grupo 24) dirigida por Cremades. Participó activamente en la batalla de Belchite.

(día 4): Muerte de Voloshenko

(día 11): Habían 15 aviones republicanos.

Recurso del Ayuntamiento a la Consejería de Agricultura por indemnización de olivos.

(día 27/ 29): Habían 18 Katiuskas

(día 28): Accidente entre dos Katiuskas, con el resultado de 3 muertos (Brufau)

Diciembre del 37 / abril del 38

Estuvo la 3ª escuadrilla de Katiuskas al mando de Mendiola (Grupo 24)

(día 2): 21 aviones (18 Katiuskas, 1 avioneta G.G y 2 Moscas)

(día 9): 22 aviones (19 Katiuskas, 1 avioneta G.G y 2 Moscas)

(día 10): **Constan 23 aviones** (20 Katiuskas, 2 moscas y 1 avioneta G.G)

Febrero 38

(día 8): Constan 17 aviones

(día 20): Constan 10 aviones de los cuales 7 eran Katiuskas

(días 25/27): Habían 9 Katiuskas

(día 28): Constan 10 Katiuskas y 1 Late

14 de abril del 38. Entrada de los nacionales a La Sénia.

A mediados de 1937, con la Guerra Civil en pleno desarrollo, la aeronáutica militar y el Gobierno de la República decide construir el aeródromo a 3 km de la población de la Sénia. Rápidamente se talaron aproximadamente 9000 olivos, hecho que provocó intensas protestas por parte del Ayuntamiento, ya que los olivos tardan mucho tiempo en crecer y ser productivos. La tala de los olivos perjudicó los ingresos de la población, ya que la agricultura era la base de su economía.

3. Instalaciones

Las dimensiones del campo son de norte a sur de 1200 m y de este a oeste de 1100 m. Está compuesto por 3 pistas: EW 1.100 m, NNW-SEE 1200 m y NE-SW 990 m. Su localización es 3º59E y 40º38N. Las pistas, eran de tierra dura, de composición arenosa sin asfaltar, que absorbía muy bien el agua de lluvia.

Las pistas se adaptaron al terreno y desde el aire parecía una enorme estrella de 5 puntas (estrella comunista). Esta forma irregular, favorecía el despegue y el aterrizaje de los aviones si lo comparamos con otros aeródromos catalanes que tenían unas condiciones de despegue y aterrizaje más difíciles. El aeródromo también podía ser ampliado en caso de ser necesario, pues su perímetro estaba rodeado por olivos que podían ser arrancados.

El aeródromo se construyó siguiendo la directriz de los asesores militares soviéticos de acuerdo a su plan militar global para ganar la Guerra Civil española. Una vez construidas las pistas se instalaron todos los equipamientos necesarios para el buen funcionamiento del aeródromo: casa de mando, almacenes, sistemas de comunicación y refugios.

El campo contaba **con una casa de mando** de forma rectangular de 30 m de largo por 15 m de anchura. Esta estaba situada a un extremo del campo rodeado de olivos que favorecían su camuflaje (pintada de color tierra). Este edificio no fue nunca bombardeado durante la etapa republicana. Era una construcción de buena calidad, sus paredes eran de piedra y obra.

Como característica ornamental tenía situada en cada una de las 4 esquinas el emblema de la aviación republicana.

Este edificio estaba equipado con luz eléctrica, una cisterna que le proporcionaba agua corriente y estancias muy luminosas al tener muchas ventanas. Disponía también de una gran terraza que permitía poner mesas y sillas en el exterior para los oficiales. En la casa estaba el oficial de día, el edificio servía de oficina, también aquí dormían y comían. En este edificio también se ubicaban los sistemas de comunicación como el telégrafo y el teléfono. Posteriormente la Legión Cóndor disponía de emisoras de radio, teletipos y un radar (Caseta Roe). También contaban con un servicio de reconocimiento fotográfico efectuado por un Mosca y un bombardero equipado por cámaras fotográficas. Las imágenes se revelaban en dos camiones que eran móviles.

Al lado de la casa de mando estaba situado **un refugio** de dos bocas, la entrada estaba ubicada en la parte sur-oeste y la salida situada en la parte norte-oeste, separadas por 50 metros. Este refugio tenía una capacidad para unas 200 personas. Actualmente este se conserva, a diferencia de 3 refugios más de tipo elemental, que fueron soterrados.

El campo no disponía de edificios para alojar al personal. A unos 3 km al este del campo estaba ubicado un edificio en forma de castillo (“Les Coves de Martí”) donde se alojaban los oficiales. Al sur del aeródromo, al otro lado del río Cenia el grandioso edificio del “Molí Hospital, también alojaba personal. También alojaron tropas las Escuelas Nacionales.

En conclusión un aeródromo era una instalación de una gran complejidad, disponía de muchos servicios: observadores, ametralladores, bombarderos, mecánicos, electricistas, armeros, telegrafistas, plegadores de paracaídas, meteorólogos, especialistas en combustible, fotógrafos, informadores, tropas y servicios (administrativos, conductores...). Se calcula que durante la etapa republicana en el aeródromo trabajaron unas 500 personas, los alemanes doblaron la cifra.

El campo no tenía un taller bien equipado, si se producía una avería importante, el avión se enviaba a Reus, al Monjos o a Valencia. Cambiaban motores o ponían parches en caso de ametrallamiento de los aviones.

Las bombas y el combustible para los aviones (grandes bidones) los guardaban debajo de los olivos, no había polvorín, los alemanes construyeron almacenes.

La Sénia y la relación humana con su población

La construcción de esta infraestructura militar cercana a la población de la Sénia, implicó un impulso económico para el pueblo y unas relaciones amistosas entre los aviadores soviéticos y la población de La Sénia.

Para situarnos La Sénia durante los años 30 tenía 3.300 habitantes. La agricultura ocupaba la mayoría de la población, destacando el monocultivo de olivo. A pesar del predominio de la agricultura, la economía de la población estaba diversificada. Había dos fábricas de papel, dos de pinceles, numerosas instalaciones hidráulicas en el río, diversas ebanisterías, tiendas, negocios artesanos, cafés y tabernas que daban un servicio efectivo al personal del aeródromo.

La construcción del campo favoreció su economía, ya que en su acondicionamiento trabajó un número importante de habitantes. Las fondas y domicilios particulares proporcionaron el alojamiento y la alimentación de los aviadores republicanos y soviéticos. La tala de los 9000 olivos implicó disponer de mucha madera y se construyeron numerosas carboneras

(obtención de carbón vegetal) cerca del campo; los hornos de población también podían disponer de la leña gratuitamente.

Los asesores rusos son los primeros que llegaron al campo y después lo hicieron los republicanos. Los primeros bimotores en llegar fueron rusos y causaron mucha expectación sobre todo en los jóvenes de La Sénia que fueron a ver los aviones y no entendían a los pilotos rusos. Como al principio no se entendían ni con los pilotos republicanos (a excepción de los que se formaron a la URSS), ni tampoco con la población había intérpretes. Hay una fotografía de una intérprete soviética con muchachas del pueblo.

A pesar de que los soviéticos estuvieron pocos meses en el aeródromo la gente mayor de la población tiene buenos recuerdos de ellos, algunos eran pequeños y se acuerdan que los cogían en brazos y les daban comida, seguramente recordando a la familia que habían dejado en la URSS.

En cuanto al contexto político La Sénia de los años 30 acababa de salir como toda España de la dictadura de Primo de Rivera. Esta no consiguió solucionar ninguna de las contradicciones y conflictos que afectaban las sociedades rurales. Las elecciones municipales de abril de 1931 comportaron para la población un consistorio municipal de “Esquerra Republicana”. Los años de la República no fueron fáciles para el Ayuntamiento y con el retorno de los progresistas al poder el febrero de 1936, el Ayuntamiento siguió siendo republicano (el alcalde en 1935 era Juan Ferré Cortiella). Como la expropiación de los olivos fue importante para la población, el 9 de noviembre del 37, el alcalde Eduardo Cuartiella Abella hizo una reclamación para cobrar los olivos cortados.

Aviones y armamento republicano

En el aeródromo de la Sénia durante la etapa republicana no había un número fijo de aviones, oscilaba según las necesidades del servicio y el desarrollo de la guerra. Reus era el campo más próximo y de allí conseguían el material aeronáutico necesario. Las escuadrillas de La Sénia también volaban frecuentemente a Reus y Caspe. A este tipo de táctica los republicanos la denominaban “el circo volante”.

Setiembre del 37. Se encontraba la 2ª escuadrilla de Katiuskas, comandada por Cremades, perteneciente al Grupo 24 de bombarderos. Esta participó activamente en la batalla de Belchite.

10 de octubre del 37. La 3ª escuadrilla de Katiuskas al mando de Mendiola y perteneciente al Grupo 24 fue destinada a La Sénia.

15 de octubre del 37. Después de unos ataques al aeródromo de Garrapinillos (Zaragoza), la 3ª escuadrilla de Moscas con mando ruso se incorpora a la Sénia.

El 11 de noviembre del 37. 15 aviones republicanos: 6 Polikarpov I-16 de la 3ª escuadrilla del Grupo 21, 8 Tupolev SB de la 2ª escuadrilla del Grupo 24 y 1 Tupolev SB en reparación.

El 27 de noviembre del 37. 18 Katiuskas de la 2ª escuadrilla del Grupo 24.

El 10 de diciembre del 37. 20 bombarderos Tupolev SB-2 (Katiuska) de la 2ª y 3ª escuadrilla del Grupo 24 y 2 Polikarpov I-16 (Mosca) de la 3ª escuadrilla del Grupo 21.

8 de febrero del 38. 17 aviones, 4 Katiuskas, 10 Moscas, 1 González Gil y 2 Late. La principal función de los Moscas era la defensa de la costa y también hacían misiones tácticas y estratégicas. En octubre de 1937, bombarderos Katiuska del aeródromo actuaron en la segunda ofensiva contra Zaragoza, con el objetivo de parar los ataques enemigos en Asturias.

Desde el **octubre de 1937** al abril del 38 en el aeródromo se han documentado 3 escuadrillas de bombarderos: Grupo 24, Tupolev SB “Katiuska”. La 1ª escuadrilla era dirigida por los soviéticos. La 2ª y 3ª escuadrilla era dirigida por los republicanos. La 2ª era comandada por los capitanes Manuel Cremades Payá y Juan Mª Mendiluce González, la 3ª por el capitán Armando Gracia Mena. También había un Grupo de caza, nº 21 de Polikarpov I-16 “Mosca”, dirigida por el teniente Boris Smirnov (mando soviético). Un Grupo mixto de caza, nº 71 de la defensa de costa, éste se denominaba patrulla Dewoitine D-510, dirigida por el sargento José Sarrió. También había aviones de enlace como el González Gil GG y Latécoère Late-28.

Tupolev SB-2 “Katiuska” (bombardero rápido)

Fue el mejor bombardero soviético participante en la Guerra Civil española. Fue proyectado por A.A. Arkhangelski y entró en servicio en las Fuerzas Aéreas soviéticas a principios de 1936.

Era un monoplano, bimotores, de ala media implantada, totalmente metálico, tenía “flaps” de frenado y 2 depósitos de carburante de 390 litros. Tenía una sencilla línea aerodinámica que unida a la potencia de sus motores permitía alcanzar una velocidad máxima de 430 km/h. Los republicanos recibieron aproximadamente 100 unidades que actuaron tanto en misiones estratégicas como tácticas. La cantidad de Katiuskas construidas en total fue de unas 6.666 unidades. La producción en la URSS era de 13 aparatos diarios en el año 1937. Los primeros aviones que vinieron, tenían el problema que se les encendían los depósitos de combustible cuando les disparaban, posteriormente se sustituyeron por depósitos autosellables de caucho.

Características:

- Potencia: 2x860 CV
- Envergadura: 20,40 m
- Longitud: 12,30 m
- Altura: 4,39 m
- Peso total: 6.100 kg
- Velocidad de crucero: 380 km/h
- Velocidad máxima: 430 km/h
- Autonomía de vuelo: 1.200 km
- Altitud 9.000 / 10.000 m
- Armamento 4 ametralladoras SHKAS: 7,62 mm

Polikarpov I-16 “Mosca”

El I-16 soviético al 1936 era considerado el caza más moderno del mundo. El motor del biplano era el M-25, versión soviética del Cyclone. Este nuevo caza fue construido en las fábricas de Moscú y de Gorki. El total de su producción ha sido calculado en unos 20.000 aparatos. El primer contingente que llegó a España, fue de 31 unidades y fue fundamental en la defensa de Madrid. Tenía un fuselaje de madera y alas recubiertas de tela. Las ruedas eran recogidas a mano por el piloto. Las primeras versiones contaban con dos ametralladoras.

Los soviéticos lo denominaban “aguilucho”, los republicanos “Mosca” y los franquistas “Rata”. Dimensiones:

- Potencia: 730 CV
- Envergadura: 9m
- Longitud: 6 m
- Altura: 2,56 m

- Autonomía de vuelo: 800 km
- Velocidad máxima: 450 km/h

El 4 de abril del 1938 el campo fue evacuado y los aviones se trasladaron a la cuarta región aérea (Castellón, Valencia y Alicante)

Los aviadores soviéticos

Los primeros en llegar al campo fueron los soviéticos (ingenieros y aviadores). Posteriormente los pilotos soviéticos fueron sustituidos por pilotos republicanos, algunos de ellos habían recibido formación en la URSS. Formaron escuadrillas mixtas.

De los pilotos soviéticos destacaremos dos figuras:

Voloshenko Nikolay Andreevich (1909–1937)

Este piloto era teniente del Ejército Soviético, llegó a España el 19 de mayo del 37 y perdió la vida en un accidente de aviación en el aeródromo de la Sénia el 4 de noviembre del 37. Pilotaba un Polikarpov I-16 (un Mosca) de 3ª escuadrilla del Grupo 21, dirigida por Boris Smirnov. Su matrícula era CM 130. Fue condecorado a título póstumo con la Orden de la Bandera Roja como todos los aviadores soviéticos que participaron en la Guerra Civil española.

El día del accidente en el aeródromo recibieron el aviso que en la costa había un avión enemigo, tenía la orden de derribarlo y cuando intentó despegar, no pudo remontar y se estrelló contra un olivo como consecuencia del fuerte viento y murió en el accidente a los 28 años de edad. Lo enterraron en el cementerio del pueblo. El Consistorio de la Sénia cedió el nicho gratuitamente para enterrarlo:

Muerte de un aviador. Sesión ordinaria 4/11/37.

“Por la Presidencia se da cuenta haber tenido noticias del accidente sufrido por un aviador en el aeródromo de esta villa, muerte que produce una baja sensible en nuestra Gloriosa; dice que la Alcaldía se ha hecho propio el sentimiento ya que cae un defensor más de las libertades humanas. Como quiera que el acto de sepelio ha de ser el día de mañana, proponen acudir a él, la Corporación, expresando su pésame a los compañeros del finado y a la Subsecretaría del Ejército del Aire y además que se ceda gratuitamente el nicho donde ha de ser enterrado el difunto. Así se acuerda por unanimidad”.

Posteriormente le construyeron un monolito con su nombre y desde la Embajada de Madrid y del Consulado de Barcelona le han efectuado diversos actos de homenaje.

De este joven piloto se sabe que en ocasiones especiales y previamente autorizado efectuaba demostraciones (acrobacias) con su avión en una calle de la población (La Clorada) con el consiguiente deleite de la población.

Klimov Leontii Aleksandrovich (1908)

Este aviador también pilotaba un Polikarpov I-16 como **Voloshenko**. Murió el 18 de mayo del 38. Su misión era hacer de escolta de unas Katuskas que venían a bombardear el aeródromo de La Sénia. Este piloto era de la patrulla Plyasov de la 5ª escuadrilla y fue derribado por un caza alemán (Bf. 109 de la Legión Cóndor). Su cuerpo no pudo ser recuperado.

Recuperación del equipamiento: el centro de interpretación y el centro de aviación histórica de la Sénia

Este equipamiento después de la contienda española, entró en desuso, los antiguos propietarios recuperaron los terrenos y las edificaciones se fueron deteriorando, la gente

del pueblo sabía que había habido una instalación militar de importancia, pero no había ni medios, ni recursos necesarios.

El interés por el aeródromo fue creciendo tanto a nivel particular, por parte de estudiosos, como por parte de las instituciones (Ayuntamiento, Gobierno autonómico). Se creó un Patronato donde participaban personas interesadas en el proyecto de la recuperación de estas instalaciones. En 2010 dentro del contexto de la memoria democrática, se dio soporte a creación de 22 espacios de “les Terres de l’Ebre”. Uno de estos espacios memoriales en proceso de recuperación y señalización fue el campo de aviación de La Sénia. El primer paso fue mejorar y consolidar sus vestigios y su entorno. Se señaló el lugar exacto de su emplazamiento para que los visitantes pudieran acceder fácilmente. Y se procedió a la instalación de diversos plafones explicativos sobre la importancia del equipamiento. Se pudo recuperar la casa de mando y un refugio antiaéreo. Posteriormente se rehabilitaron estos dos elementos y se museizó el espacio.

En el 2011 se inauguró el centro de interpretación del aeródromo de La Sénia, donde se puede visitar la antigua casa de mando y el refugio. La casa de mando tiene una exposición permanente con objetos personales, imágenes y fotografías que hacen referencia al pasado del campo. También cuenta con una pequeña sala donde se proyectan documentales de época. El equipamiento cuenta con unos plafones explicativos y la silueta de dos de los aviones más representativos que estuvieron en el aeródromo. Se ha intentado dinamizar el equipamiento.

Desde el 2010 la tercera semana de setiembre se realiza una jornada conmemorativa en aeródromo.

El 2017 para complementar el centro de interpretación se inauguró el CAHS (Centro de Aviación Histórica de La Sénia). Se trata de una nave de 1300 metros de exposición situada en un extremo del antiguo campo de aviación militar.

En este edificio se ha desarrollado la arqueología aeronáutica aplicada a dos aviones. En 2003 se empezó a investigar un accidente de un avión que tuvo lugar durante la Guerra Civil en una población cercana al aeródromo (Canet lo Roig — Castellón). En el lugar que impactó el avión se encontraron pequeños fragmentos del fuselaje e instrumentos de vuelo (la brújula). El objetivo era saber quiénes eran los pilotos del aparato y qué tipo de avión era. Se trataba del bombardero Tupolev SB 2 (“Katiuska”), con matrícula B-K-093 que fue derribado el 16/12/38, era del Grupo 24, de la 2ª escuadrilla. Murió el piloto Francisco Gómez Fernández y el ametrallador Victoriano Sánchez Catalán (están enterrados en Canet lo Roig). Gracias al observador Rafael Ballester que se salvó al tirarse en paracaídas, se localizó el lugar exacto del impacto.

A partir del material encontrado y de conocer los hechos ocurridos se programa la construcción de un avión de la misma tipología. Para construirlo se ha buscado una amplia documentación sobre este tipo de avión. Se ha utilizado documentación de la RGVA de Moscú (archivos militares). Los soviéticos durante la guerra vinieron a probar sus aviones, hacían partes sobre su funcionamiento y los enviaban a Moscú.

Para construirlo José Ramón Bellaubí se ha basado en los planos originales. Actualmente está construida la cabina e instrumentos de a bordo, el fuselaje, la cola, el timón de dirección, la rueda trasera de aterrizaje y también las ametralladoras del observador. Este iba situado delante, a continuación, el piloto y finalmente el ametrallador. Aún se está trabajando en el

tren de aterrizaje, las alas, los 2 motores y las 2 hélices. El proceso constructivo empezó el 2010, hace 8 años.

Cuando esté terminado se pintará con los colores originales, ya que se encontraron restos de pintura en buen estado de conservación en las alas y el fuselaje. El material constructivo de esta tipología de aparatos era el duraluminio, muy resistente. La reconstrucción se ha hecho con aluminio naval.

Anteriormente a la reconstrucción del bombardero, José Ramón Bellaubí inició la construcción de un caza, de un Mosca. Está se inició el 2003 y duró 6 años. Para su elaboración se utilizaron planos originales del Ejército del Aire español. El motor se trajo de Austria, de un avión Antonov de 1000 CV de potencia y la hélice de aluminio, es original de un Mosca.

Los dos aviones fueron planteados para una exposición estática para preservar la memoria histórica de los aviones soviéticos utilizados durante la guerra.

En el CAHS el protagonismo lo tiene la aviación republicana, pero como en el aeródromo también estuvo la Legión Cóndor, se han recuperado los restos de un “Messerschmitt” (Bf 109 E-3) que también estará expuesto allí con el grupo de J-88.

El CAHS recientemente ha sido visitado por familiares de pilotos soviéticos que han dejado recuerdos personales.

Desde hace unos cuantos años, el tercer sábado de setiembre se programa unas jornadas de puertas abiertas en el centro de interpretación del aeródromo de La Sénia.

Memorial de 101 aviadores soviéticos

Actualmente se está trabajando en un memorial fotográfico en memoria de todos los aviadores soviéticos muertos en España durante la Guerra Civil. Se dedicará una sala del CAHS para esta conmemoración.

Referencias:

Almuni V., Ballester M. (coord.) La Sénia: història i territori. Onada edicions, Benicarlo Ballester Linares, 2007.

Bellaubí I. El camp d'aviació de La Sénia. Records dels anys de la guerra (1937–1939), dins lo senienç. Memòria, natura i llengua, 2006. Pp. 69–74.

Centre d'estudis seniençs. Col·lecció passeja i coneix La Sénia. Dossiers per a la difusió del patrimoni senienç, 4, 2007.

García Esteller H. El aeródromo de La Sénia. 1937–1939. Madrid: Cibm, 2006.

García Esteller H. El aeródromo de La Sénia. 1100 imàgenes para el recuerdo. Barcelona: Historia edicions, 2017.

Íñiguez D., Gesalí D. Guerra aèria a la batalla de l'Ebre. Barcelona: Duxelm, 2010.

Grau J.J., Sorribes J. El montsià. Estructura dinàmica i socioeconòmica. Barcelona: Caixa d'estalvis de Catalunya, 1982.

Sánchez Cervelló J. Conflicte i violència a l'Ebre: De Napoleó a Franco. Barcelona: Flor dels vents, s.a, 2001.

Vidal Querol R. Apuntes para la historia de mi pueblo. Autoedició, 1996.

Archivos

Archivo Municipal de La Sénia.

Archivo digital del Centre d'Estudis Seniençs. Archivo digital de Heribert García.

*Valldeperes Antonio, historiador de la Asociación de Aviadores de la República (ADAR);
Michavila Sanz Maria Ivon, investigadora del Instituto de La Sènia.*

**Советское присутствие на аэродроме Ла-Сениа:
прошлое, настоящее и будущее**

Советское присутствие на аэродроме в городе Ла-Сениа было очень важным во время гражданской войны в Испании. Оно представлено в статье в трёх временных пластах. Прошлое — это само присутствие, настоящее — восстановление истории, её интерпретация и сохранение, будущее — продолжение работы. Данная тематика требует глубокого и специализированного изучения, в данной статье даётся общая информация о том, что связано с аэродромом в Ла-Сениа, в том числе основанная на документах о пребывании советских специалистов и техники на аэродроме, в сравнении с пребыванием «Легиона Кондор».

*Вальдеперес Антонио, историк Ассоциации лётчиков-республиканцев (ADAR);
Мичавила Санс Мария Ивон, научный сотрудник Института Ла-Сениа.*

DAVID ÍÑIGUEZ, DAVID GESALÍ

LA INVESTIGACIÓN Y LOCALIZACIÓN DE LOS AVIADORES VOLUNTARIOS SOVIÉTICOS MUERTOS DURANTE LA GUERRA CIVIL ESPAÑOLA (1936–1939)

Durante la Guerra de España, Barcelona fue el principal centro económico, industrial y político de la República. Era centro de producción de material de guerra, con numerosas fábricas y talleres, y de recepción de armamento y alimentos para la población civil, gracias a su puerto y aeropuerto. Era también, lugar de concentración, acuartelamiento y distribución de tropas antes de partir al frente. Barcelona era también todo un símbolo de una larga tradición republicana, obrerista y anarquista. Ante ataques de los franquistas, la sociedad catalana se organizó y cooperó con los estamentos militares y políticos para minimizar los ataques de los piratas del aire. Uno de los aspectos más significativos, fue la construcción de refugios en la que participó el conjunto de la retaguardia, como sindicatos y partidos, agrupaciones vecinales, bomberos, cuerpos de seguridad y voluntarios ciudadanos. Pero aparte de esta tarea de defensa pasiva, hubo la defensa activa, en la que prestaremos más atención, ya que la Unión Soviética tuvo un papel destacado.

Introducción

La investigación sobre la localización de los aviadores soviéticos que perecieron en los cielos de España durante la Guerra Civil española de 1936–1939 se inició a comienzos de 2017. Desde los primeros años de su fundación, la Asociación de Aviadores de la República (ADAR), formada por el colectivo que agrupaba a miembros de las diversas especialidades que formaron parte del Arma de Aviación de la República, volcó todos sus esfuerzos en la ayuda mutua y en reivindicar sus derechos como militares profesionales. Una vez logrados estos objetivos, en la década de los noventa del siglo pasado, la entidad consiguió visibilizarse a través de la publicación de biografías y memorias que recogían la trayectoria de algunos de los participantes. Otra de las vías que sirvió para dar a conocer la historia del colectivo fue — y aún lo es— la implementación de actos y eventos memoriales, así como la erección de monumentos conmemorativos. También durante este período se permitió el ingreso de socios aficionados e historiadores que empezaron a colaborar en el desarrollo de numerosas actividades, continuando con el legado de los antiguos socios históricos y sus familiares. En el caso de Cataluña, la asociación inició en esta última década la colaboración con organismos del Gobierno catalán, participando activamente en la señalización de espacios históricos como antiguos aeródromos, interviniendo en jornadas y congresos, e incluso aportando contenidos para la realización de equipamientos museográficos, sin dejar a un lado los eventos dedicados a homenajear a los aviadores republicanos fallecidos. En la actualidad, la entidad realiza un notable esfuerzo para aumentar los fondos y colecciones del archivo en Barcelona mediante la adquisición de material objetual, bibliográfico y documental.

En este contexto, los investigadores de la asociación trabajan con la finalidad de dar respuesta a muchas peticiones de particulares que solicitan información acerca de sus familiares aviadores. En otros casos, también se atiende a estudiantes de bachillerato y

universitarios que desean realizar su investigación. Es este el contexto en el que se integra el objeto de nuestro artículo. Seguidamente, exponemos los antecedentes relacionados con la investigación de los aviadores voluntarios soviéticos llegados a España para colaborar con la Aviación Republicana, así como las fuentes de información que están siendo útiles para llevar a cabo dicha investigación.

Antecedentes y fuentes

Como ya hemos apuntado, desde su fundación la Asociación de Aviadores de la República lleva a cabo la tarea de recopilar y reunir toda la información posible sobre la historia del Arma de Aviación de la República y, especialmente de quienes formaron parte de ella. En este contexto, se trabaja en la identificación de todo su personal, con sus diferentes especialidades, dando especial relevancia a la búsqueda de quienes perecieron durante el conflicto. Es por ello que una de las tareas ineludibles consiste también en localizar e identificar al personal soviético que formó parte de la Aviación Republicana y que murió en España. Para ello hemos podido disponer del beneficio de la apertura de los archivos militares en Rusia y que pudieron ser consultados por los autores de este artículo los años 2014 y 2016. Al mismo tiempo, la consulta también de material bibliográfico como las obras de los autores Sergei Abrosoy y Paul Whelan junto a los dos volúmenes *De Moscú — al país "X"* principalmente, han sido las herramientas fundamentales para dar comienzo a la investigación.

Por lo que respecta al objeto de estudio, debemos señalar que el global de voluntarios soviéticos aviadores que intervinieron en la guerra debe ser considerado como integrante de la misma Arma de Aviación Republicana. Sin duda constituyó el grupo más numeroso de todo el contingente soviético de la *Operación X*, en total 772 aviadores del total de 2.083 voluntarios. Ellos tuvieron la enorme tarea de tratar de compensar una de las principales debilidades de la República, la aviación y la inferioridad en personal y material de que adolecía esta. Llegados en sucesivas oleadas de pequeños grupos, se integraron en diversas unidades y destinos a lo largo del conflicto, participando ya fuera como pilotos de caza o bombardero, ametralladores, observadores, mecánicos, armeros, etcétera. Los primeros, además, se hallaron ante la complicada situación de tener que intervenir en una aviación carente de personal de vuelo y sobretodo de aparatos modernos con los que plantar cara a los modernos modelos alemanes e italianos. Todo ello fue llevado a cabo mientras el desarrollo de las operaciones militares agravaba la situación del Ejército Republicano en diversos frentes de batalla.

En lo que concierne a los antecedentes locales sobre la investigación de los aviadores soviéticos voluntarios, debemos señalar que el primer intento de averiguar el paradero de aquellos que fallecieron en España se remonta a 1981. En esa fecha visitaron España los representantes del Comité de Veteranos de España en Rusia Gheorghij Zakharov, Mikhail Yakushin, Aleksandr Osipenko y V. Maiski acompañados por representantes de la Asociación de Aviadores de la República. No conocemos mucho más de esta visita, tan solo el intento por localizar el lugar de enterramiento del piloto de I-15 Il'yá Finn, fallecido en Sabadell en octubre de 1937.

Al margen de las publicaciones mencionadas y que citamos en la bibliografía, un primer documento es el llevado a cabo en el año 2008 por el historiador de la asociación, el Dr. Carlos Lázaro y titulado *Informe para el coronel Andrei Rakov*. En él se recopilan datos sobre la localización de algunos siniestros aéreos y las respectivas inhumaciones de fallecidos en

combate o acción de guerra en dos localidades de Toledo (Santa Cruz de la Zarza y Torrijos), un monumento conservado en Murcia (Torre Pacheco) y un monolito en Tarragona (La Sénia), todos ellos relacionados con aviadores soviéticos. A su vez, gracias a los investigadores Carlos Mallench y Blas Vicente, se pudo localizar el lugar de enterramiento de tres tripulantes de Tupolev SB caídos en combate en febrero de 1938 e inhumados en la localidad de Mora de Rubielos (Teruel). Corresponden a Ivan G. Bóldyrev, Anatoli A. Gorelov y Petr I. Latyshev. Además, se están realizando las gestiones oportunas para localizar los restos del Héroe de la Unión Soviética Aleksandr Romanov, enterrado en 1937 en la localidad de Casinos (Valencia), así como el lugar de inhumación en Cataluña de los aviadores Aleksei Brovkin y el ya citado Il'ya Finn en la localidad de Sabadell (Barcelona). También se ha conseguido averiguar el fallecimiento por agresión (a causa de un disparo) del mecánico Danil Bliakher y su ingreso en el hospital de Valencia en febrero de 1937.

La investigación

El presente proyecto de investigación y localización está conformado por un equipo conjunto de historiadores de la asociación e investigadores locales, la mayoría vinculados también a la misma entidad. Conocedores del entorno geográfico, son quienes aportan sus conocimientos como expertos locales en el desarrollo de las operaciones bélicas, el patrimonio y la guerra aérea. Ambos perfiles colaboran conjuntamente para dar respuesta a los interrogantes que genera cada casuística particular de aviador caído en combate, como el lugar del siniestro, accidente o derribo, así como la localización de su posible inhumación.

Pese a que este ambicioso trabajo no dispone de ninguna ayuda institucional ni de financiación, los avances están siendo significativos. Los objetivos principales de la investigación consisten en la localización de los restos de todos los voluntarios aviadores soviéticos en España, el estudio individual de cada fallecido y la elaboración de su biografía, la indagación de las circunstancias de su fallecimiento, así como averiguar el posible lugar donde fueron inhumados. Posteriormente debería llevarse a cabo un acto de dignificación señalizando y visibilizando el lugar de inhumación, erigiendo algún monolito o elemento conmemorativo que contenga una breve información sobre datos biográficos y las circunstancias del deceso.

Para finalizar, la recopilación conjunta de toda esta investigación tendrá como finalidad la creación de un futuro Memorial que debería erigirse en la localidad de La Sénia (Tarragona), además de la publicación de una obra que reúna toda la información de los voluntarios fallecidos. El contacto permanente con los representantes de la Federación Rusa en España, mediante el Consulado General en Barcelona o la Embajada en Madrid, permitirá en la medida de lo posible, localizar a los familiares o allegados de los voluntarios fallecidos en territorio español.

En líneas generales, estos son los principales objetivos:

- Realizar las biografías de los voluntarios fallecidos y un informe/expediente individual para cada caso
- Averiguar la causa y las circunstancias que envolvieron su fallecimiento
- Conocer su lugar de enterramiento
- Localizar sus restos
- Dignificar su memoria erigiendo algún elemento conmemorativo

- La comunicación con las autoridades rusas para realizar los actos de dignificación e intentar localizar familiares
- La creación de un Memorial y una publicación con todo el material reunido.

Como en todo proceso de investigación hemos partido de la formulación de diversos interrogantes: ¿Cuántos voluntarios soviéticos aviadores fallecieron en España? ¿Quiénes eran? Nombre, edad, especialidad, destino, sus familiares ... ¿Cuál fue la causa de su muerte?

¿Cayeron en combate, en accidente o en otras circunstancias?; ¿Dónde murieron, en el frente o en la retaguardia?, ¿En territorio propio o en campo enemigo?, ¿Entre líneas, en cautiverio, en un hospital de campaña o de sangre? ¿Desaparecieron en acción de guerra? Y también, ¿Fueron inhumados? ¿Dónde y por quién? ¿Queda algún rastro de ello? Partimos de la base de que algunas respuestas son ya definitivas, aunque otras aún son provisionales y quedan por resolver otras muchas. Tenemos constancia gracias a diversos trabajos publicados, entre los cuales el exhaustivo *De Moscú — al país X*, que el número de voluntarios relacionados con la aviación fue de 101, de los cuales 99 fallecieron en España y 2 a posteriori en la URSS a consecuencia de las graves heridas sufridas en España. De estos 101 y aunque no corresponden directamente a la especialidad de aviación, contabilizamos una traductora fallecida en el aeródromo de Sabadell, Aleksandra Bajmutskaia y un ingeniero aeronáutico vinculado a la Fábrica de Aviación de C.A.S.A. (Construcciones Aeronáuticas S.A.) de Reus (Tarragona), Iosif Oitser, fallecido en accidente de tráfico. A los que debemos sumar los 99 restantes: 3 miembros del personal de tierra y el resto perteneciente a personal de vuelo, entre ellos 53 pilotos de Polikarpov I-16, la cifra más alta, junto a los 13 de Polikarpov I-15. En cuanto a la especialidad de bombardeo, fallecieron 30, entre pilotos de bombardero Tupolev SB y Polikarpov SSS, conocidos en España como *Katiuska* y *Rasante* respectivamente; junto a ametralladores-radistas y navegantes de estos mismos aparatos (Véase la tabla).

Basándonos en las cifras aportadas por diversas fuentes de archivo, algunas de ellas también bibliográficas, de los 101 miembros relacionados con la aviación soviética en España, 34 desaparecieron en acción, 28 están pendientes de conocer su lugar de inhumación y de hasta 39 sabemos el lugar dónde fueron inhumados, aunque ello no implica que todavía permanezcan sus restos allí.

Sin poder concretar plazos para la consecución de nuestros objetivos por la falta de dedicación plena de los participantes en el proyecto, prevemos que pueda finalizarse a lo largo del año 2020. No obstante, las circunstancias políticas en España no son muy favorables para la investigación en esta área, pudiendo encontrar dificultades importantes en el momento de realizar la consulta de la documentación administrativa local de ayuntamientos, de regiones o relacionadas con las inhumaciones en cementerios. En este sentido, también es posible hallar otro tipo de obstáculos ideológicos que dificultan el trabajo de campo, con gobiernos locales poco proclives a facilitar información o a realizar actos de homenaje a combatientes de la Guerra Civil española. Y es que no hay que olvidar que más de cuarenta años después de la muerte del dictador las fosas de desaparecidos en España se mantienen prácticamente intactas. Sin duda, el problema más grande con el que nos encontramos es la profanación y destrucción de los lugares de enterramiento de muchos de los voluntarios, consecuencia de la aplicación de una *damnatio memoriae* por parte de los vencedores contra los vencidos. El ejemplo más evidente es el del cementerio de Fuencarral (Madrid) que albergaba antes de finalizar la guerra de un espacio con las

tumbas de centenares de voluntarios de las Brigadas Internacionales. Con la victoria del ejército franquista, este emplazamiento fue profanado, destruido y trasladados los restos de los internacionales a otra fosa desconocida. En otros casos similares, hallamos la problemática de las reformas y ampliaciones de algunos cementerios y del traslado o movimiento de los restos, sin ningún tipo de aportación documental. En este sentido, el segundo inconveniente es la inexistencia de documentación relativa a esas inhumaciones en la mayoría de cementerios, pero también en hospitales de campaña y ayuntamientos, como certificados y registros de defunción, etcétera.

ADAR y sus investigadores tienen pues el reto de afrontar un proyecto complejo que implica diversos actores a distancia y el manejo de un volumen nada despreciable de fuentes y documentación. Los mismos historiadores, coordinados junto a otros historiadores e investigadores, desarrollan su tarea con la colaboración e implicación de asociaciones memorialistas, archivos, ayuntamientos e instituciones locales y políticas. Sin olvidar que la finalidad de todo ello nos debe encaminar a la recuperación de la memoria democrática en España, la de sus socios y la de todos aquellos que defendieron la democracia en el Arma de Aviación de la República. Consecuentes con la esencia de la asociación, además de una obligación también deben ser un homenaje y un agradecimiento a todos quienes vinieron de muy lejos a defender la democracia y murieron en España. Nuestra voluntad es pues que sus nombres no queden en el olvido.

Aviadores soviéticos fallecidos en la Guerra de España
(Elaboración de los autores a partir de diversas publicaciones
y documentos de archivo)

ESPECIALIDAD	AÑO			TOTAL
	1936	1937	1938	
Piloto SB	4	2	1	7
Observador SB	3	4	4	11
Ametrallador SB	2	1	2	5
Piloto SSS	1	1	–	2
Ametrallador SSS	2	2	–	4
Piloto I-15	4	9	–	13
Piloto I-16	4	26	23	53
En avión de preguerra	1	–	–	1
Personal de tierra	–	3	–	3
Traductora	–	–	1	1
Ingeniero CASA	–	1	–	1
TOTAL	21	49	31	101

Referencias:

Abrosov S. V nebe Ispanii. 1936–1939 gody. O sovetskikh letchikakh-istrebitelyakh, voyevavshikh v Ispanii. M.: B.i., 2003.

Artsybashev V.A., Karimov O.V., Voloshenko I.N. Iz Moskvy — v stranu “Iks”: Kniga pamyati sovetskikh dobrovol'tsev — uchastnikov Grazhdanskoy voyny v Ispanii 1936–1939 gg.: T. 1. M.: GBU “TSGA Moskvy”, 2015.

Pod znamenem Ispanskoj respubliki. 1936–1939: Vospominaniya sovetskikh dobrovol'tsev-uchastnikov natsional'no-revoljucionnoy voyny v Ispanii. M.: Nauka, 1965.

Howson G. Armas para España: la historia no contada de la Guerra Civil española. Barcelona: Península, 2000.

Íñiguez D., Gesalí D. Guerra aèria a la batalla de l'Ebre. Barcelona: Duxelm, 2010.

Íñiguez D., Gesalí D. Los aviadores soviéticos en la Guerra Civil // España y Rusia. Diplomacia y diálogo de culturas. Moscú: Universidad Nacional de Investigación. Escuela Superior de Economía. Indrik, 2018.

Kowalsky D. La Unión Soviética y la Guerra Civil española. Barcelona: Crítica, 2013.

Lázaro C. Informe para el Coronel Andrei Rakov. Agregado militar adjunto de la Embajada Rusa sobre los aviadores rusos enterrados en Escalonilla (Toledo), Santa Cruz de la Zarza (Toledo), Torre Pacheco (Murcia) y La Sénia (Tarragona). Inédito. Madrid, 2008.

Los Rusos en la Guerra de España. Madrid: Fundación Pablo Iglesias, 2009.

Rybalkin Yu. Stalin y España: la ayuda militar soviética a la República. Madrid: Marcial Pons Historia, 2007.

Whelan P. Soviet Airmen in the Spanish Civil War. 1936–1939. Atglen: Schiffer Publishing, 2014.

Íñiguez David, Gesalí David, historiadores de la Asociación de Aviadores de la República (ADAR); investigadores del Grupo de Investigación DidPatri. Didáctica del Patrimonio de la Universidad de Barcelona.

Исследования и поиск останков советских добровольцев-aviаторов, погибших в годы гражданской войны в Испании (1936–1939)

Исследования и поиск местонахождения останков советских лётчиков, погибших в небе Испании во время гражданской войны 1936–1939 годов, начались в 2017 году. Однако ещё в первые годы основания Ассоциации лётчиков-республиканцев (ADAR) сформировалась группа единомышленников, объединяющая представителей различных специальностей, которая направила все свои усилия на восстановление памяти о лётчиках — защитниках Республики. С 1990-х гг. публикуются серии биографий и воспоминаний, организуются памятные мероприятия, устанавливаются мемориалы в память о погибших и событиях гражданской войны.

Давид Иньигес, Давид Гесали, историки Ассоциации лётчиков-республиканцев (ADAR), сотрудники Научно-исследовательской группы Университета Барселоны DidPatri.

МУЗЕЙ «КРАСНАЯ ПЯТЁРКА» ИМ. КОМБРИГА А.К. СЕРОВА

Краснотурьинский краеведческий музей разработал концепцию проекта «Красная пятёрка», которая предусматривает создание музея имени Анатолия Константиновича Серова (1910–1939) на родине, в городе Краснотурьинске Свердловской области. А.К. Серов — лётчик, комбриг, Герой Советского Союза, участник гражданской войны в Испании 1936–1939 годов. Особое место в жизни А.К. Серова занимало пилотажное мастерство. Возглавляя «Красную пятёрку» истребителей И-16, А.К. Серов неоднократно участвовал в воздушных праздниках на Тушинском аэродроме и пролетал во время первомайских парадов над Красной площадью. О короткой, но очень яркой жизни лётчика-героя расскажет экспозиция нового музея.

В 2018 году Краснотурьинским краеведческим музеем была разработана концепция создания музея «Красная пятёрка», посвящённого популярному лётчику 1930-х годов, комбригу, Герою Советского Союза и участнику гражданской войны в Испании Анатолию Константиновичу Серову.

Почему «Красная пятёрка»? Особое место в жизни Серова занимало пилотажное мастерство, благодаря которому он не знал поражений, защищая испанское небо от фашистских захватчиков. Возглавляя «Красную пятёрку» истребителей И-16, Анатолий Серов неоднократно участвовал в воздушных праздниках на Тушинском аэродроме и пролетал во время первомайских парадов над Красной площадью. О короткой, но очень яркой жизни лётчика-героя расскажет экспозиция нового музея.

Идея создания музея нашего знаменитого земляка на его родине в городе Краснотурьинске не нова. В 1980 г. в посёлке Воронцовске, в доме, где родился герой, был открыт мемориальный музей. В доме-музее была воссоздана обстановка быта уральской горняцкой семьи, а в нескольких комнатах располагалась информация о лётчике-герое. Формировать фонд Серова для Краснотурьинского музея помогли его родственники — сёстры и брат Анатолия. В 2000 г. музей был закрыт из-за низкой посещаемости. Экспозиция дома-музея «переехала» в исторический отдел краеведческого музея. Мемориальный фонд, собранный в 1980-е гг., ляжет в основу будущего нового музея комбрига Серова.

Сегодня пришло время переосмыслить подход к созданию музея лётчика-героя, сделать его современным — более привлекательным, интересным, ярким и эмоционально насыщенным.

Цель проекта: создание первого в России музея, посвящённого участнику гражданской войны в Испании — земляку краснотурьинцев комбригу А.К. Серову.

Задачи:

1. Компиляция классических музейных и современных мультимедийных технологий для осмысления реалий прошлого.

2. Внедрение интерактивных методов освоения музейного пространства так, чтобы наблюдался приоритет личности над информированием.

3. Создание условий для диалогового, творческого освоения посетителями музейной экспозиции.

4. Музей «Красная пятёрка» как один из центральных объектов на культурной карте региона.

Основная тема музея — короткая, но яркая жизнь лётчика Анатолия Константиновича Серова, от детских лет до трагической гибели. Параллельная тема — история авиации 1920–1930-х гг. Дополнительная экспозиция о современной российской авиации, выдающихся пилотах и рекордах.

Музей расположится в здании городской водонапорной башни. Помещение цилиндрической формы, общая высота около 30 м, внутренний диаметр 10 м. Конструктивно здание разделено на 3 помещения: нижнее (высота 3,5 м), среднее — высота около 18 метров и верхнее, бак — высота около 8 м.

В нижнем помещении расположится рекреационная зона — гардероб, туалеты, технические помещения. В среднем зале разместится основная экспозиция, на отметках 3, 6 и 9 м, а также 16 метров — где располагается мост под баком, выполнены балконы-площадки для размещения экспонатов и доступа к ним посетителей. Перемещение посетителей на различные отметки экспозиции осуществляется посредством лифта, установленного снаружи здания. Пожарная лестница находится также снаружи здания. Стена напротив балконов-площадок используется как экран для проекций. Вертикальная перспектива башни определила общую концепцию и построение экспозиции — это путь вверх: путь лётчика в небо, от мальчишеской мечты до её воплощения, путь Анатолия Серова от подручного сталевара из уральской глубинки до звания Героя.

На первом этаже планируется экспозиция **«Парень из нашего города»**. Серов стал прототипом главного героя пьесы К.М. Симонова «Парень из нашего города». Название как нельзя лучше отражает тему рождения и проживания будущего лётчика-героя в городах и посёлках нашего края: Воронцовске, Покровске-Уральском, Богословске (Карпинске), Турьинских Рудниках (Краснотурьинске), Надеждинске (Серове) в 1910–1929 гг. В экспозиции будут использованы интересные факты из детства Тошки Серова: спасение младшего брата из-под копыт казачьих лошадей, «полёт» с крыши бани на крыльях, неудавшийся побег в Америку, занятия спортом (футболом и лыжами), звёздно-лыжные пробеги Надеждинск — Свердловск и Ярославль — Пушкино. Предметная часть экспозиции: сломанные крылья, мебель семьи Серовых и др. Здесь же начинается тема самолётов Серова (моделей самолётов), которая проследует через всю экспозицию музея. С чего началась мечта — «Старенький Фарман», увиденный им над Богословском в детстве, и агитсамолёт Уральского отделения Общества друзей воздушного флота. Погрузить посетителей в атмосферу того времени поможет видеостена (из мониторов 32"). Контент — ролик из архивных кинофотоматериалов СССР 30-х годов XX века.

Экспозиция **«Огромное небо»** (2-й этаж здания)

Самый большой зал музея. При диаметре 10 м высота его составляет 16 м. Экспонаты, расположенные на площадках, станут информационной частью экспозиции, а видеопроекции на противоположной стене-экране — эмоциональной.

Площадка 0 м

Середину зала занимает 3D-инсталляция «Тверди земной», в форме круга. Это макет той земли, что открывалась Анатолию Серову с самолёта. Макет поделен на четыре сектора, каждый из которых плавно переходит в другой:

1. Типичный пейзаж российской глубинки (уральской, где родился герой, и рязанской, где он погиб).

2. Аэродромное поле.

3. Железнодорожная станция со вторым и третьим путями. По железной дороге движется состав (паровоз, товарные вагоны, платформы; на платформах танки Т-26 и БТ-5, броневые автомобили БА-10). У станции — зенитная батарея.

4. Город, испанский город. Рядом с уцелевшими зданиями — здания с разрушениями и совсем руины. Бульвар и площадь с фонтаном. Прямо на площади — зенитная батарея. Людей в городе не видно: попрятались на время воздушного налёта. Легковые и грузовые автомобили — без водителей и пассажиров. Только у зениток — орудийные расчёты.

Посетители передвигаются по кругу, постепенно осматривают макет. С помощью современных технологий мы сделаем экспозицию «живой», что будет способствовать более глубокому погружению посетителей.

Площадка 3 м «Небесный тихоход»

Осенью 1930 г. учлёт Серов был допущен к первому самостоятельному полёту. Обучившись (с отличием) летать на «небесных тихоходах» Р-1 и У-2, был выпущен из школы лётчиком-истребителем. На площадке — два сенсорных стола (один — информация по самолёту У-2, второй — по Р-1); двигатель самолёта У-2 в интерактивной витрине.

Площадка 6 м «Воздушные акробаты»

С 1933 по 1935 г. Серов проходил службу на Дальнем Востоке. За эти годы он окончательно сформировался как воздушный боец и мастер высшего пилотажа. В 1933 г. звено Серова истребительной авиационной эскадрильи в Хабаровске, летавшее на истребителях И-5, освоило групповой высший пилотаж, за что было прозвано «воздушными акробатами». В то время групповой пилотаж был новинкой и почти не практиковался в авиации. Опыт серовского звена был внедрён в военную авиацию.

На площадке дополнительно к витринам с моделями самолётов, фото и другими экспонатами — сенсорный стол с информацией по самолёту И-5.

Длиннофокусный проектор отображает на противоположной стене видеопроекцию «Воздушные акробаты», которая познакомит посетителей с фигурами высшего пилотажа, необходимыми для воздушного боя: наклонные и горизонтальные виражи, восходящие спирали, двойные и одинарные перевороты, ранверсманы (горки с поворотом), иммельманы (боевые развороты), пикирование, штопор и петля Нестерова с выходом в хвост неприятельского самолёта.

Площадка 9 м «Сталинский сокол»

Получивший в 1936 г. назначение в НИИ ВВС РККА, Серов вошёл в руководимую В.К. Коккинаки «Красную пятёрку», что было уделом немногих: пилотирование истребителя в плотном строю требовало понимать ведущего на уровне подсознания. Серову это удавалось блестяще. Пилотажная группа истребителей И-16 «Красная пятёрка»

была под пристальным оком И.В. Сталина. На первомайском параде 1937 года «Красную пятёрку», выполнившую девять петель подряд над Красной площадью, вёл Анатолий Серов.

Контент экспозиции: на кронштейне перед посетителями модель истребителя И-5 масштаба 1:5, выполняющего наклонный вираж. В витринах на площадке модели самолётов АИР-6 И-2, АИР-14 масштаба 1:72, модели И-16 в стандартной окраске и окраске Красной пятёрки НИИ ВВС масштаба 1:72 и плоскостной материал.

Площадка 9 м «Испанская командировка»

В мае 1937 г. старший лейтенант Анатолий Серов отправился добровольцем на помощь испанскому народу, став асом военно-воздушных сил Родриго Матео. С июля 1937 г. командовал эскадрилей И-15 «Чатос». Тогда же националисты перебросили под Мадрид группу бомбардировщиков Ju-52 из состава немецкого «Легиона Кондор». «Юнкерсы» использовались для ночных бомбардировок. Анатолий Серов стал инициатором «ночного патруля» из истребителей 1-й эскадрильи. Ночью 27 июля Серов сбил Ju-52. Ночные бомбардировки Мадрида прекратились.

15 октября 1937 г. Анатолий Серов участвовал в уникальной операции по уничтожению самолётов противника на аэродроме Гарापинильос. Две эскадрильи (Серова и Чиндосвиндо) атаковали аэродром пулемётами и мелкими бомбами. Остальные 4 эскадрильи прикрывали атакующих. В результате около 60 вражеских самолётов было уничтожено или повреждено, подавлены зенитные батареи, уничтожены 2 истребителя, взорваны склады боеприпасов и другие постройки. Республиканцы потерь не имели. Это было первое в истории авиации применение истребителей для уничтожения вражеских самолётов на земле.

Прилетая в республиканский штаб авиации, Анатолий выдвигал в небе всякие «штучки» для семнадцатилетней переводчицы при группе советских военных советников Аделины Абрамсон.

Композиция: модели самолётов И-15 и Ju-52 в масштабе 1:5 изображают атаку немецкого бомбардировщика истребителем Серова. На площадке витрины с моделями самолётов в масштабе 1:72, участвовавших в Испанской войне. С одной стороны — республиканских, с другой — фашистских. Во время осмотра зрителями композиции на стены идёт проекция хроники документальных кадров гражданской войны в Испании, республиканских плакатов, лозунгов и т. д. Затем включаются видеопроекции, воспроизводящие сцены ночного боя и штурм Гарापинильоса.

16 м (мост) «Красная пятёрка»

На высоте 16 м через весь диаметр башни мост (2 балки и ж/б перекрытие). Мост будет стеклянным. Чтобы ничего не мешало посетителям оценить высоту «своего положения» над главным залом музея, увидеть далеко внизу 3d-модель «тверди земной».

Контент: на кронштейнах 5 самолётов И-16 в окраске серовской «Красной пятёрки» и сорвавшийся в штопор УТИ-4 (учебная модификация И-16).

С площадки и моста виден внизу «типичный рязанский пейзаж», с воткнувшимся в землю самолётом.

Из старших лейтенантов Серов стал полковником. Взлёт на четыре ступени в воинском звании! Такое могло случиться только при вмешательстве вождя. Полковнику Анатолию Константиновичу Серову присвоили звание Героя Советского Союза

и назначили начальником Главной лётной инспекции, ввели в состав Совета по авиации при Наркомате обороны СССР.

Женился он на восходящей звезде экрана Валентине Половиковой (звездой она стала под фамилией Серова). Новый, 1939-й, год Серовы встречали в Кремле, за одним столом со Сталиным.

В феврале Серову было присвоено воинское звание комбрига (генерал-майора). В апреле его назначили ответственным за подготовку и проведение первомайского воздушного парада. 1 мая Серов пролетел над Красной площадью дважды: ведущим группы истребителей и во главе своей семёрки, на красных самолётах были начертаны слова «Привет Сталину».

11 мая во время учебного полёта погибли Герои Советского Союза Анатолий Константинович Серов и Полина Денисовна Осипенко.

14 мая на Красной площади состоялся многотысячный траурный митинг, после которого Сталин лично отнес прах Серова и Осипенко в Кремлёвскую стену, так же как раньше, в декабре 1938 года, прах Чкалова.

18 м (бак) «Над уровнем неба»

Нет предела стремлениям человека вверх, его мечтам о небе, как и у неба, нет границ: «Всё выше, и выше, и выше!» В продолжение темы отрыва человека от Земли на самом высоком уровне башни, в баке, будет устроена интерактивная часть экспозиции. Это пространство будет использоваться для запуска кордовых моделей самолётов и демонстрации пилотажных фигур с помощью кордовых моделей. По периметру — авиасимуляторы, чтобы дети и взрослые могли испытать себя в управлении самолётами. Бак — это, прежде всего, игровое пространство, предназначенное для того, чтобы вовлечь посетителей в увлекательный мир полётов.

Название музея «Красная пятёрка» в полной мере заиграет именно здесь. С помощью купольного экрана посетители станут участниками воздушного парада на аэродроме Тушино в 1938 году, где серовская «пятёрка» произвела фурор, продемонстрировав мастерство высшего пилотажа.

Гунгер Юрий Владимирович, директор МБУК «Краснотурьинский краеведческий музей».

Museo “CINCO ROJOS”. Museo del Kombrig Anatoli Serov

El Museo de Etnografía Territorial de Krasnoturyinsk ha desarrollado el concepto de los Cinco Rojos, que prevé la creación del Museo de Anatoly Konstantinovich Serov (1910–1939) en su patria, en la ciudad de Krasnoturyinsk de la Región de Sverdlovsk. A.K. Serov es piloto, comandante de brigada, Héroe de la Unión Soviética y participante en la Guerra Civil española de 1936–1939. La maestría de pilotaje sin igual ocupaba un lugar especial en la vida de A.K. Serov. Siendo el comandante de los cinco aviones de caza rojos I-16, A.K. Serov participó repetidamente en festivales aéreos en el aeródromo de Tushino y voló durante los desfiles del Primero de Mayo sobre la Plaza Roja. La exposición del nuevo museo contará sobre la breve pero plena vida del piloto héroe.

Gunger Yuri, director del Museo de Etnografía Territorial de Krasnoturyinsk.

А. С. САЛОМАТИН

СОВЕТСКИЙ ДОБРОВОЛЕЦ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ СУМАРЕВ

Александр Михайлович Сумарев окончил в 1935 г. Оренбургскую школу лётчиков, служил в Белорусском военном округе в 142-й ИАБ в г. Бобруйске. В августе 1937 г. попал в Испанию, где погиб 30 декабря 1937 г. в воздушном бою, пилотируя И-16 в битве за Теруэль.

Сумарев Александр Михайлович родился в 1913 г. в городе Киеве, в районе Кухмистерская слободка, в семье рабочих. Отец Михаил был краснодеревщиком, мать Агафья — домохозяйкой. Также в семье были ещё дети, сёстры Анастасия, Анна и брат Михаил. Вместе с братом Александр работал на Днепре, где сплавляли лес. В один из дней брат Михаил доставал бревно из реки и получил удар по голове. Александр попытался его спасти, но не смог.

В 1932 г. Александр был призван в ряды РККА и поступил в Оренбургское лётное училище. После его окончания попал в 142-ю истребительную авиационную бригаду на должность младшего лётчика в звании лейтенанта. Бригада находилась в составе Белорусского военного округа в городе Бобруйске. Именно в 142-ю ИАБ поступила одна из первых партий легендарного истребителя И-16. Также туда приезжал Валерий Павлович Чкалов, помогал осваивать эту машину. Вместе с Александром Сумаревым служил и будущий Герой Советского Союза генерал-майор авиации Александр Иванович Гусев.

В 1937 г. с группой других советских лётчиков был зачислен в отряд добровольцев для отправки в Испанию. По приезде в Москву группе наших лётчиков была выдана гражданская одежда и документы. В документах была фамилия Сумкин. Далее из Москвы они выехали в Ленинград, откуда на пароходе «Кооперация» отправились в город Гавр. Этот пароход впоследствии стал известен тем, что вывозил из Испании детей республиканцев, и на нём был доставлен из США АНТ-25 В. П. Чкалова. Вероятно, там Сумарев и познакомился со своим будущим командиром эскадрильи, старшим лейтенантом Иваном Георгиевичем Девотченко, впоследствии ставшим Героем Советского Союза и лётчиком-испытателем. Во время плавания в Гавр вся группа неожиданно заболела морской болезнью.

По прибытии в этот французский порт наших добровольцев встретили представители посольства СССР. Затем они отправились в Париж. Летом 1937 г. в Париже проходила Всемирная выставка, на которой смогли побывать все лётчики. Во Франции они пробыли около месяца, после всех вызвали в посольство, забрали документы и вручили билеты на поезд до Тулузы. Оттуда ночью вылетели на самолёте и через Пиренеи прилетели в Барселону. Это было 20 августа 1937 г. Далее отправились в Валенсию,

где находился штаб республиканских ВВС, там всех лётчиков распределили по частям, Александр Сумарев попал в 6-ю эскадрилью 21-й группы республиканских ВВС, на один из аэродромов под Аликанте. Командиром эскадрильи был Иван Георгиевич Девотченко. Летал Александр на самолёте И-16 5-й серии с бортовым номером СМ 009.

Изначально целью прибывших лётчиков было прикрытие Картахены и Аликанте и других близлежащих городов. Далее эскадрилья была переброшена на Сарагосский фронт, где принимала участие в штурме города Бельчите и налёте на крупный франкистский аэродром Гарापинильос. Впоследствии эскадрилья была перебазируется в район города Теруэль, на аэродром Саррион. 15 декабря 1937 г. началась одна из самых кровопролитных операций в гражданской войне — Теруэльская наступательная операция. 30 декабря в 8:47 утра эскадрилья поднялась в воздух в составе 8 самолётов для сопровождения 17 республиканских бомбардировщиков Р-Z, где они также встретились с другими 16 истребителями прикрытия. Задача бомбардировщиков была бомбить резервы противника в районе населённого пункта Басес. На обратном пути, после успешного бомбометания группы встретили 25 истребителей Фиат и 10 Мессершмиттов. Александр Сумарев первый увидел самолёты противника и бросил свой истребитель в бой. Схватка длилась всего 15 минут. Александр Сумарев был сбит немецким лётчиком из «Легиона Кондор» Игнацем Пестреле (Ignatz Pestrele). Впоследствии И. Пестреле одержал 16 побед, из них три в Испании, участвовал в операции «Барбаросса» против СССР, в 1942 г. был сбит союзниками у побережья Франции (погиб). В том бою также были ранены, но смогли сесть Александр Иванович Гусев и Александр Васильевич Ильин. 2 марта 1938 г. Александра Михайловича Сумарева посмертно наградили орденом Красного Знамени. Орден поехала получать в Москву его мать, и награду ей вручил Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин.

Имя Александра Михайловича Сумарева выбито на мемориале, посвящённом советским добровольцам в Мадриде на кладбище Фуэнкарраль. На данный момент точное место захоронения не известно, но Ассоциация лётчиков-республиканцев (ADAR) разыскивает его могилу и места захоронения других лётчиков-добровольцев.

Саломатин Антон Сергеевич, правнук Александра Сумарева, член Поискового отряда «Бумеранг — ДОСААФ» (Наро-Фоминск).

Alexander Mikhailovich Sumarev

Alexander Mikhailovich Sumarev se graduó de la Escuela de Pilotos de Oremburgo en 1935, sirvió en el Distrito Militar de Bielorrusia en la 142ª IAB [la Brigada de Cazas] en la ciudad de Bobruisk. En agosto de 1937 llegó a España, donde murió el 30 de diciembre de 1937 en un combate aéreo, pilotando el I-16 en la batalla de Teruel.

Salomatín Anton, bisnieto de Alexander Sumarev, miembro del Grupo de Exploradores “Bumerang — DOSAAF” (Naro-Fominsk).

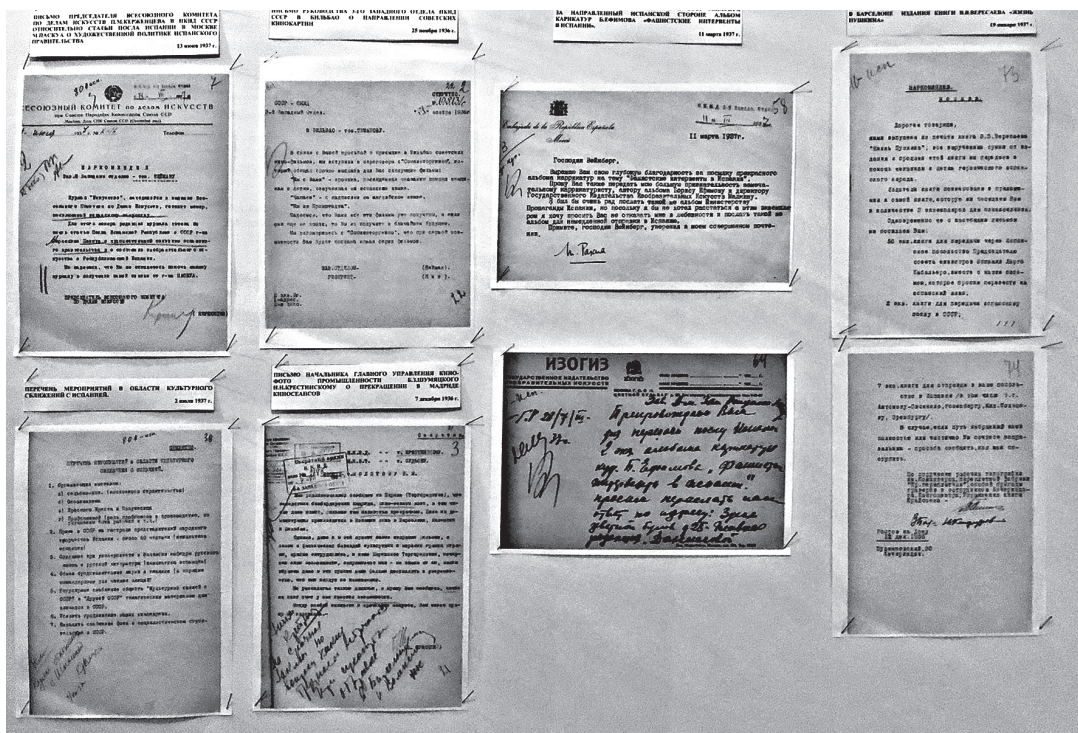
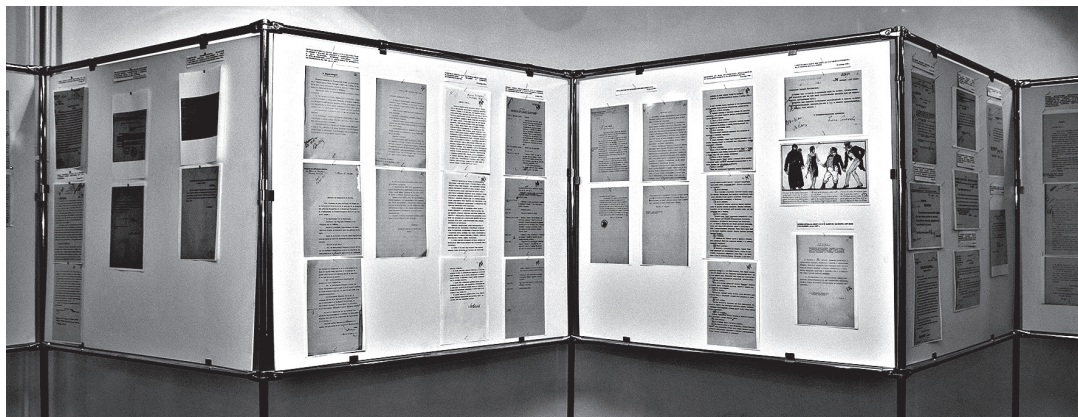
Е. О. ГРАНЦЕВА

**ВЫСТАВКА ДОКУМЕНТОВ
О СОВЕТСКО-ИСПАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг.
ИСТОРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ДЕПАРТАМЕНТА
МИД РОССИИ**

В сентябре 2018 года Фондом ветеранов дипломатической службы, Институтом всеобщей истории РАН, МГИМО (Университет) МИД России, Ассоциацией лётчиков-республиканцев (ADAR) и Ассоциацией российских дипломатов была организована Международная научная конференция «Советско-испанские отношения в период гражданской войны в Испании 1936–1939 годов». Участники обсудили документальные свидетельства и важнейшие проблемные точки, связанные с исследованием данного периода, а также сохранением исторической памяти о нём в России и Испании.

Одной из важнейших тем научной встречи стали документальные свидетельства о гражданской войне 1936–1939 гг., представленные в российских архивах. Историко-документальный департамент МИД России в рамках конференции подготовил выставку документов, отразивших ряд значимых аспектов советско-испанских отношений второй половины 1930-х гг. На открытии конференции о документах, представленных на выставке, и работе Историко-документального департамента МИД России рассказала его директор Н.М. Барина.

Важная часть экспонировавшихся материалов связана с установлением и развитием советско-испанских отношений во второй половине 1930-х гг. Среди них такие документы, как «Справка 3-го западного отдела НКВД СССР об установлении дипломатических отношений и Испанией (14 августа 1936 г.)», «Разговор с Президентом г. Компанисом (1 октября 1936 г.)», «Письмо генконсулу СССР в Барселоне тов. Антонову-Овсенко от Н. Крестинского об учреждении при Консульстве в Барселоне должности военного атташе (4 октября 1936 г.)», «Информация для СМИ “Об установлении прямой радиотелеграфной связи между Москвой и Мадридом” (11 октября 1936 г.)», «Запись беседы зав. 3-м западным отделом НКВД СССР А.Ф. Неймана с послом Испании в Москве М. Паскуа (15 октября 1936 г.)», «Письмо Неймана Полпреду СССР в Испании тов. Розенбергу (19 октября 1936 г.)», «Письмо посла Испании в СССР М. Паскуа в НКВД СССР об открытии Генерального консульства Испании в Одессе (6 сентября 1937 г.)», «Запись беседы наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова с послом Испании в Москве М. Паскуа (13 декабря 1937 г.)», «Записка поверенного в делах СССР в Испании С.Г. Марченко наркому иностранных дел СССР М.М. Литвинову (10 апреля 1938 г.)», «Письмо руководства Испанской социалистической рабочей

Документы из фондов Историко-документального департамента МИД России

партии с благодарностью за поддержку испанского народа в его борьбе с фашизмом и сопроводительное письмо С.Г. Марченко (15 августа, 24 августа 1938 г.)», «Радиограмма премьер-министра Испанской республики Х. Негрина М.И. Калинину в связи с избранием его председателем Президиума Верховного Совета СССР», «Ответная телеграмма М.И. Калинина (январь 1938 г.)», «Беседа В.П. Потемкина с испанским послом Паскуа (27 января 1938 г.)».

На стендах выставки были также размещены материалы, связанные с деятельностью Комитета по невмешательству и международными отношениями в годы гражданской войны в Испании. Среди них нотная переписка между НКВД СССР и посольством Франции в Москве по вопросу о «невмешательстве в дела Испании», позиции западных стран и присоединении СССР к деятельности Комитета по невмешательству (август 1936 г.), включая «Ноту посольства Франции в Москве в НКВД СССР (22 августа 1936 г.)» и «Ноту поверенному в делах Франции в СССР Ж. Пайару об отказе СССР от прямого и косвенного вмешательства во внутренние дела Испании (23 августа 1936 г.)», «Приказ Народного комиссариата внешней торговли о запрещении экспорта, реэкспорта и транзита в направлении Испании и её владений оружия, амуниции и военных материалов (28 августа 1936 г.)», «Выдержки из речи итальянского представителя на заседании Комитета по невмешательству (9 октября 1936 г.)», «Проект ответа представителя СССР в Комитете по невмешательству в дела Испании в Лондоне на заявление представителя Италии (октябрь 1936 г.)», «Памятную записку СССР, врученную представителям Великобритании и Франции в Комитете по невмешательству (29 декабря 1936 г.)», а также «Справку об обстоятельствах гибели теплохода «Комсомол» 5 декабря 1936 г.», «Письмо генерального секретаря КПИ Совету народных комиссаров СССР о выражении скорби по поводу преступного нападения фашистов на пароход «Комсомол» (26 декабря 1936 г.)», копию «Декларации председателя Автономного правительства Страны Басков и официальной ноты Правительства Страны Басков о разрушении Герники (28, 29 апреля 1937 г.)» и «Препроводительное письмо посла Великобритании в СССР Д. Маккиллопа заместителю наркома иностранных дел СССР В.П. Потёмкину (25 мая 1937 г.)», «Проект письма В. Потёмкина послу Испанской республики М. Паскуа о возмущении Правительства СССР актом агрессии германского фашизма против города Альмерия (июнь 1937 г.)».

Ряд интересных документов, представленных на выставке, был связан с гуманитарным и культурным сотрудничеством СССР и Испании. Особо надо выделить «Перечень мероприятий в области культурного сближения с Испанией (2 июля 1937 г.)». Данный перечень включает семь пунктов: «1. Организация выставок: а) сельско-хоз. (колхозного строительства), б) Осоавиахима, в) Красного Креста и Полумесяца, г) Профсоюзной (роль профсоюзов в производстве, по улучшению быта рабочих и т. д.); 2. Приезд в СССР на гастроли представителей народного творчества Испании — около 60 человек (инициатива испанцев); 3. Создание при университете в Валенсии кафедры русского языка и русской литературы (инициатива испанцев); 4. Обмен представителями науки и техники (в порядке командировок для чтения лекций); 5. Регулярное снабжение обществ «Культурных связей с СССР» и «Друзей СССР» тематическим материалом для докладов о СССР; 6. Усилить продвижение

наших кинокартин; 7. Наладить снабжение фото о социалистическом строительстве в СССР».

Что касается 6-го пункта, примечательны такие представленные на выставке документы, как «Письмо руководства 3-го западного отдела НКВД СССР в Бильбао о направлении советских кинокартин (25 ноября 1936 г.)», «Письмо начальника Главного управления кинофотопромышленности Б.З. Шумяцкого Н.Н. Крестинскому о прекращении в Мадриде киносеансов (7 декабря 1936 г.)» и «Письмо заместителя народного комиссара по иностранным делам Н.Н. Крестинского начальнику Главного управления кинофотопромышленности Б.З. Шумяцкому с ответом на запрос о путях доставки кинокартин в Барселону, Валенсию и Бильбао (11 декабря 1936 г.)».

Среди других документов, связанных с этой темой, можно отметить «Приглашение испанских театральных деятелей на театральный фестиваль в СССР (14 августа 1937 г.)» и «Письмо председателя Всесоюзного комитета по делам искусств П.М. Керженцева в НКВД СССР относительно статьи посла Испании в Москве М. Паскуа о художественной политике испанского правительства (13 июня 1937 г.)».

Одним из центральных в культурном сотрудничестве было направление книжного обмена, а также поставок учебно-методической литературы, что отразили и экспонаты выставки. С этой темой связаны такие представленные документы, как «Письмо об организации Государственной центральной библиотекой иностранной литературы общественного просмотра Библиотеки испанской литературы, присланной из Испании в дар народам СССР (10 апреля 1938 г.)», «Письмо народного комиссара просвещения РСФСР П. Тюркина министру народного просвещения и здравоохранения Испанской республики С. Бланко об организации специального отдела испанской литературы в Библиотеке иностранной литературы (20 июня 1938 г.)», «Благодарность посла Испании в СССР М. Паскуа за направленный испанской стороне альбом карикатур Б. Ефимова “Фашистские интервенты в Испании” (11 марта 1937 г.)», «Просьба начальника Управления детскими домами и специальными школами Наркомпроса РСФСР Шифрина и зав. Отделом школ специального назначения Семёнова в 3-й западный отдел Народного комиссариата иностранных дел СССР об оказании необходимого содействия в получении от Министерства народного просвещения Испанской республики программ по испанскому языку и другим учебным предметам (5 июля 1938 г.)», «Письмо поверенного в делах СССР в Испании С.Г. Марченко, сопровождающее учебные материалы из Испании (25 июля 1938 г.)», «Сопроводительная записка поверенного в делах СССР в Испании Марченко к двум экземплярам копий учебных программ по испанскому языку и литературе и по географии и истории, а также “Учебному плану начальной школы” (25 июля 1938 г.)», «Письмо руководителя Группы по международным конвенциям Народного комиссариата здравоохранения СССР А. Левенко относительно получения литературы о хирургии в Испании в военное время (14 ноября 1938 г.)».

Тему книжного обмена и отношения жителей СССР к происходящим в Испании событиям ярко иллюстрирует «Письмо советских граждан в Наркоминдел по поводу передачи в Испанию экземпляров книги “Жизнь Пушкина”, а также перевода всех вырученных сумм от издания и продажи этой книги в помощь женщинам и детям героического испанского народа (12 декабря 1936 г.)».

В целом, выставка стала важным дополнением разговора о документальных свидетельствах событий периода гражданской войны 1936–1939 гг., хранящихся в российских архивах. Участники конференции отметили значимость представленных документов, открывающих существенные детали взаимодействия СССР и Испанской Республики во второй половине 1930-х гг.

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ИСПАНИИ
И СССР. ИЗБРАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДОВ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЕННОГО АРХИВА

COOPERACIÓN TÉCNICO-MILITAR ENTRE ESPAÑA Y LA URSS.
DOCUMENTOS SELECCIONADOS DE FONDOS
DEL ARCHIVO ESTATAL MILITAR DE RUSIA

**ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ИСПАНИИ И СССР.
ИЗБРАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДОВ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЕННОГО АРХИВА**

**Выдержка из оценки обстановки в Испании,
выполненной Разведывательным управлением РККА
на 16 октября 1936 г.**

Население и его классовый и национальный состав

На 01.01. [19]35 г. в Испании насчитывалось 24 583 тыс. жителей, плотность населения — 48 чел. на 1 км². В промышленных районах, как например в Каталонии, средняя плотность населения — 90 чел. на 1 км².

Самодеятельного населения в Испании — 9 млн человек, из которых 57% заняты в сельском хозяйстве.

Важнейшие города Испании.

Мадрид (около 1 млн жителей до начала Гражданской войны) — административный, политический и торговый центр.

Барселона — крупнейший в Испании город с 1,2 млн жителей, крупнейший в Испании центр и промышленный центр.

Валенсия (350 тыс. жителей), Севилья (180 тыс.), Малага (180 тыс.), Бильбао (160 тыс.), Мурсия (158 тыс.) ...

Классовый состав населения характеризуется следующими данными:

Пролетариат. Общая численность рабочего класса — около 4 млн. Из них 2 млн заняты в промышленности, на транспорте, в торговых предприятиях, 2 млн — сельскохозяйственного пролетариата, состоящего из совершенно безземельных рабочих и рабочих, арендующих крохотные участки земли.

Крестьянство. Общее количество крестьянских хозяйств превышает 3 млн. Значительная часть крестьянской массы испанской деревни — беднота. Вся крестьянская масса находится в той или иной форме в полуфеодальной зависимости от помещиков.

Кулацких хозяйств относительно больше в северных областях и в Каталонии.

Помещиков насчитывается в Испании 150 тыс. Крупные помещики — испанские гранды, которых насчитывается несколько тысяч, — владеют половиной всей земельной площади; численно большую группу представляют мелкопоместные дворяне, из которых комплектовался, главным образом, офицерский состав испанской армии и чиновничество.

Помещики и церковь до революции владели 2/3 всей земельной площади.

Духовенство в Испании до революции было больше, чем в любой другой стране Европы. Всего в Испании насчитывалось 200 тыс. лиц духовного звания. В Испании масса церквей: на каждые 300–400 чел. населения — одна церковь. Всего в стране в 1928 г. насчитывалось 71 353 религиозных учреждения.

Городская мелкая буржуазия в Испании относительно многочисленна и определяется количеством не менее 1 млн чел.

Городская крупная буржуазия менее многочисленна и слабее, чем в других крупных капиталистических странах...

В течение 10 месяцев Гражданской войны в Испании ясно определилось то основное обстоятельство, что в этой войне выступают: с одной стороны — подавляющее большинство испанского народа, борющегося за демократическую республику, национальную независимость и свободу, с другой стороны — германские и итальянские интервенты¹ и военно-фашистская клика генерала Франко, стремящаяся задушить трудовые массы Испании, установить в ней фашистский режим и превратить ее в плацдарм и придаток германского и итальянского империализма.

Международное значение испанских событий колоссально.

Победа Народного фронта в Испании, несомненно, улучшит позиции всех демократических сил в Европе, поднимет волну антифашистского движения и укрепит волю к борьбе против войны и фашизма широких трудящихся масс и всего «передового и прогрессивного человечества» (Сталин). Наоборот, победа фашистов в Испании могла бы создать условия для усиления агрессивности всех фашистских государств, в первую очередь гитлеровской Германии, чрезвычайно усугубила бы опасность войны в Европе, особенно же контрреволюционной войны против СССР.

Международная обстановка вокруг испанских событий

Гражданская война в Испании является событием, вносящим большую напряженность во всю международную обстановку. Победа фашистских мятежников в Испании могла бы значительно усилить стратегические позиции Италии в Средиземном море, а также открыть Германии возможность использования Испании как плацдарма против Франции. Несмотря на эту перспективу, весьма опасную для британских и французских интересов, английские консерваторы и правые французские буржуазные круги явно склоняются к поддержке мятежников.

Английская буржуазия из классового интереса предпочитает победу в Испании военно-фашистского режима — победе Народного фронта, сопряженной с дальнейшим углублением революционных процессов. С другой стороны, ген[ерал] Франко дал в Лондоне заверение, что он «не намерен уступать кому бы то ни было какую-либо часть испанской территории, а тем более стратегически важные пункты, могущие попасть в руки держав, имеющих свои счета с Англией». Английские (и французские) правящие круги отнюдь не убеждены, что Франко станет слепым оружием в руках германского и итальянского фашизма. Некоторую роль играет также и тот факт, что английский капитал имеет в испанской промышленности довольно крупные интересы (²/₃ угольной промышленности, 80 % бискайской железной руды и значительная часть медной продукции находятся в руках английского капитала).

Французский финансовый капитал больше всего опасается, что победа демократической революции в Испании усилит еще больше Народный фронт во Франции и даст толчок к быстрому обострению классово-борьбы и росту революционных сил.

Позиция английских и французских представителей на последнем заседании Комитета о невмешательстве показывает, что правительства Англии и Франции в насто-

¹ Германия и Италия начали оказывать военную помощь восставшим с конца июля 1936 г.

ящее время фактически проводят курс медленного удушения испанской демократической революции.

Об огромном международном напряжении, вызванном испанскими событиями, свидетельствует тот факт, что в настоящее время в территориальных водах Испании сосредоточено 49 военных кораблей иностранных держав, в том числе: 20 английских, 6 итальянских, 7 германских, 13 французских, 3 американских.

Позиция, которую занял в отношении Испанской республики Советский Союз, — продовольственная помощь трудящихся Союза испанскому народу, открытое и честное выступление Советского Союза с разоблачением нарушений соглашения о невмешательстве фашистскими государствами, — имеет выдающееся значение как мощный стимул повышения боевого духа испанских народных масс и правительства Народно-го фронта.

Краткие характеристики политических деятелей Испанской республики

Асанья Мануэль — президент республики с 10 мая 1936 г. По образованию юрист; публицист; автор работ: «Реймс и Верден», «Французская военная политика» и др. Один из выдающихся представителей т. н. «поколения 1898 г.», т. е. буржуазно-интеллигентского демократического течения, сложившегося после катастрофического поражения Испании в испано-американской войне 1898 г. Председатель буржуазно-интеллигентского и антиклерикального клуба «Атенео»²⁶ и позже — лидер левореспубликанской партии «Республиканское действие». Член подпольного временного республиканского правительства 1930 г., член первого республиканского правительства, глава второго левореспубликанского правительства 1931–1933 гг. Находясь у власти, применял репрессии против сторонников анархистского движения (в 1932 г. было арестовано и сослано несколько сот деятелей анархистской федерации и Национальной конфедерации труда). После октябрьского восстания 1934 г. был арестован фашистским правительством.

Асанья и его группа не имеют связи с широкими массами. Однако Асанья пользуется популярностью среди испанской интеллигенции, и его поддерживает значительная прослойка офицерства, лояльного республике. С начала восстания Асанья стремился к тому, чтобы создать армию, независимую от рабочей милиции и подчиненную только правительству.

По последним сведениям, в связи с ухудшением обстановки на фронте у Асанья наблюдаются «эвакуационные настроения». Асанья опасается того, что в случае поражения анархисты не простят ему 1932 г.

Кавальеро² Ларго Франсиско (67 лет) — председатель правительства и военный министр. Лидер левого крыла социалистической партии, также деятель из «поколения 1898 г.». Один из ветеранов социалистического и профессионального движения. На первых этапах своей деятельности возглавлял правое течение социалистов. После всеобщей забастовки 1917 г., в которой участвовал как член всеиспанского забастовочного комитета, был арестован и осужден на бессрочную каторгу. Был освобожден в 1918 г., так как был избран членом парламента. В 1930 г. — член подпольного республиканско-

² Чаще встречается написание фамилии Кабальеро.

го правительства, позже — министр труда в правительствах Асанья 1931 и 1933 гг. Генеральный секретарь Всеобщего союза рабочих (это профобъединение насчитывает в настоящее время около 1 млн членов). С 1934 г. Кавальеро — сторонник единого фронта с коммунистами. Был одним из руководителей рабочего восстания в Мадриде в октябре 1934 г. После поражения восстания был арестован, предан суду, но освобожден под давлением массового движения.

Кавальеро очень популярен среди рабочих масс Мадрида. Имеет репутацию человека решительного и твердой руки. Пользуется значительным влиянием в рабочей милиции, но среди офицерства имеет мало сторонников.

Относится к коммунистам не вполне лояльно, опасаясь растущего влияния компартии. Тормозил, например, снабжение коммунистических отрядов оружием.

Прието Индалесио — морской и воздушный министр. Лидер правого крыла социалистической партии. Недавно был противником единого фронта. Во временном правительстве 1931 г. и в кабинетах Асанья 1931 и 1933 гг. был министром общественных работ.

В руках Прието аппарат ЦК и местных комитетов социалистической партии. В ЦК социалистической партии у него большинство. Его поддерживают большие кадры либеральной интеллигенции; рабочих в его группе мало. Прието имеет влияние на севере, среди астурийцев. Хороший оратор и организатор. Прожженный политик, хитрый и скрытный человек.

С представителями Советского Союза в Мадриде в отличных отношениях, всячески старается угодить и демонстрировать свое влияние. Прието находится во враждебных отношениях с Кавальеро. По некоторым сведениям, он ведет закулисную кампанию против него.

Компанис Луи — глава каталонского правительства. Родился в 1873 г., журналист, лидер национальной каталонской партии «Эскерра». Свыше 25 лет участвует в республиканском национальном движении. Многократно арестовывался. Член парламента в 1932–1934 гг. Морской министр в кабинете Асанья [в] 1933 г. Глава Каталонского автономного правительства в течение января-октября 1934 г. После октябрьского восстания 1934 г. был арестован и осужден на 30 лет каторжных работ. Сторонник единого фронта с коммунистами.

Дуррути — один из выдающихся лидеров «Федерации анархистов Иберии» (Испании). Рабочий. С 1932 г. завоевал большое влияние в анархистской Национальной конфедерации труда.

С начала восстания 18 июля 1936 г. находится на фронте под Сарагосой во главе колонны рабочих-анархистов. Колонна Дуррути приобрела репутацию одной из самых боевых и устойчивых частей республиканской армии. Дуррути, в отличие от других вождей-анархистов, насаждает в войсках дисциплину и организованность. Искренний сторонник единства с коммунистами.

Альварес Дель Вайо Хулио — министр иностранных дел; журналист, бывший правый социалист. Полевел в период 1934–1936 гг. В настоящее время очень близок к Кавальеро, является одним из популярных лидеров социалистической партии; редактор «Клариды [д]» — центрального органа социалистической партии. Представитель испанской социалистической партии во II Интернационале. С 1932 г. был послом в Мексике.

Считается одним из наиболее образованных и ориентирующихся в обстановке политиков.

Диас Хосе — генеральный секретарь Коммунистической партии Испании. Родился в 1894 г., рабочий, пекарь. Участвует в рабочем движении с 1917 г. В 1927 г. вступает в коммунистическую партию. В 1932 г. во время всеобщей забастовки в Севилье Диас руководит баррикадными боями бастующих рабочих. После поражения забастовки арестовывается, но вскоре освобождается под залог 5000 песет, собранных среди севильских рабочих всех политических направлений. С 1932 г. Диас — член политбюро ЦК КПИ. В феврале 1932 г. избирается членом кортесов от рабочих Мадрида.

Ибаррури Долорес («Пассионария»). Родилась в 1895 г. Дочь горняка; в возрасте 17 лет вступила в социалистическую партию. В 1920 г. становится одним из организаторов испанской компартии. После октябрьских боев 1934 г. в Астурии Ибаррури приобретает в испанском рабочем классе огромную популярность своей самоотверженной деятельностью по организации помощи семьям убитых и арестованных рабочих.

Урибе Висенте — министр земледелия в нынешнем правительстве; рабочий, коммунист, депутат кортесов с 1932 г., секретарь парламентской коммунистической фракции.

Эрнандес Хесус — министр просвещения в нынешнем правительстве, один из руководителей КПИ, редактор центрального органа компартии «Мундо Обреро», депутат кортесов с 1936 г.

Эстрада — майор, начальник Генерального штаба. В старом «штабе» он был начальником информационного отдела. О нем хорошо отзываются и правые, и левые социалисты. Эстрада — очень грамотный командир и достаточно решителен в планах реорганизации армии.

Асенсио [Торрадо] — полковник, командующий Центральным фронтом. Недавно произведен в генералы. Является выдающимся командиром, имеет опыт по Марокканской войне; хороший организатор. Провел несколько удачных операций с применением маневра. Крайне честолюбив. Асенсио — решительный человек и пытается крутыми мерами наводить порядок. Так, например, 07.09. лично застрелил командира батареи, захваченной противником при контратаке. Лояльность Асенсио в отношении республики и его преданность Народному фронту еще достаточно не проверены.

Руководители мятежников

Франко Франсиско (43 года). Один из самых молодых генералов испанской армии, принадлежит к старинному дворянскому роду. В своей служебной карьере пользовался особым покровительством диктатора Примо де Ривера. Выдвинулся как организатор легиона и марокканских частей и позже — в войне с рифами. Участвовал во главе Иностранного легиона в подавлении всеобщей забастовки и вооруженного восстания в октябре 1934 г. При военном министре Хиль Роблесе, лидере испанского фашизма, был начальником генерального штаба (лето 1935 г.). После прихода к власти правительства Народного фронта участвовал в контрреволюционном заговоре, но был разоблачен и сослан в «почетную ссылку» на Канарские острова на должность военного губернатора. Здесь Франко организует подготовку восстания 18 июля.

В отличие от других испанских генералов-солдафонов, Франко считается «политическим» генералом и претендует на роль «теоретика» испанского фашизма.

Мола — генерал, командующий Северной армией мятежников. Военную карьеру проделал в Марокканской армии. В 1930 г. при монархическом правительстве Беренгера был начальником полиции. Как большинство испанских генералов, Мола всегда симпатизировал юнкерской партии в Германии, а позже — национал-социалистам... [РГВА. Ф. 37967. Оп. 8. Д. 1181. Л. 2–35.].

Extracto de una evaluación de la situación en España realizada por la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo el 16 de octubre de 1936

Al comienzo del documento se ofrece una descripción de la composición en parámetros nacionales y sociales de la población española. Se considera que la mayor parte del país está del lado de la República. Posteriormente, se describe el contexto internacional y se explica la posición de varios países en relación con los sublevados y los republicanos. Como ejemplo de la importancia de la Guerra Civil en el contexto internacional, se proporciona información sobre la presencia de 49 buques militares extranjeros en aguas territoriales españolas: 20 ingleses, 6 italianos, 7 alemanes, 13 franceses y 3 estadounidenses. Al final se incluye una breve descripción y fichas biográficas de líderes de la Segunda República y de sublevados. Entre los primeros sobresalen partidarios de relaciones estrechas con comunistas (Prieto, Companys, Durruti) y aquellos que sospechan de ellos (Caballero).

Действия авиации по аэродромам. Доклад тов. Шарапова³

Действия истребительной авиации по аэродромам дают более эффективные результаты, чем [налеты бомбардировочной авиации]. Но производить нападения так часто, как бомбардировать, не удастся, ибо связано со многими трудностями в организации этих налетов... Налет бомбардировщиков на аэродром ничем не отличается от налета на любую цель в оперативном тылу. При организации же налета истребителями приходится учитывать целый ряд моментов, не имеющих места у бомбардировщиков:

1) получить точные сведения от пленных летчиков, перебежчиков, разведкой и наблюдением с наблюдательных пунктов на фронте о количестве и расположении самолетов на аэродроме;

2) время прихода на аэродром и ухода с аэродрома летного и технического состава. Эти сведения дадут возможность выбрать время нападения, приурочив его ко времени, когда на аэродроме останется один караул. Наиболее точные сведения давали пленные летчики с этого или соседнего аэродрома;

³ Шарапов Андрей Родионович (1896–1973) — полковник, впоследствии генерал-лейтенант авиации, в Испании с октября 1937 г. по февраль 1939 г., авиационный советник, за выполнение специального задания был награжден орденом Красного Знамени (02.03.1938). Военный лётчик и лётчик-испытатель, последняя должность — зам. по учебной и научной работе начальника Военно-воздушной академии в Монино.

3) получить сведения о ПВО аэродрома, зенитной артиллерии и зенитных пулеметах, количестве и расположении их;

4) сохранение в тайне подготовки этой операции чрезвычайно важно. Надо стремиться к тому, чтобы о будущей операции знало как можно меньше людей. Хорошо, если об этом будут знать только командиры и непосредственные исполнители;

5) подбор командира эскадрильи, назначенной для обстрела. Командир должен уметь хорошо ориентироваться, быть храбрым, а летчики должны ему полностью доверять;

6) патроны для самолетов эскадрильи, назначенной для атаки, должны быть только зажигательные;

7) обеспечить внезапность. Враг не всегда подставляет себя под удар, поэтому надо использовать оплошность противника. Ни в коем случае нельзя откладывать операцию под предлогом сбора более полных сведений. Чем быстрее все будет организовано, тем больше шансов добиться внезапности;

8) учесть метеорологические факторы. Ожидать отличной погоды не стоит. При полете на цель, если представится возможность, определить направление ветра и, придя к аэродрому, атаковать с подветренной стороны. Если самолеты стоят близко друг к другу, то от взрыва баков одного самолета загорится рядом стоящий самолет.

Во время войны в Испании было проведено три удачных нападения истребителей на аэродромы, один провели республиканцы и два фашисты.

Республиканские ВВС 25.9.[19]37 г.⁴ совершили налет на аэродром Гарापинильос⁵, где была сосредоточена, главным образом, итальянская авиация. Этим налетом, осуществленным с большим искусством, в течение 4–6 мин было уничтожено 35–40 самолетов...

Позволю себе сказать, что для действий по аэродромам с большой эффективностью может быть применена штурмовая авиация, вооруженная современным типом самолета. Штурмовик может поражать материальную часть мелкими бомбами и огнем стрелкового оружия.

Выводы:

1. Действия бомбардировочной авиации по аэродромам противника [в целом] себя не оправдали.

2. Бомбардировочную авиацию при налетах на аэродромы привлекать для:

а) дезорганизации планомерной работы авиации противника;

б) нарушения связи;

в) воздействия на моральное состояние летного состава врага;

3. Налеты истребителей на аэродромы с целью уничтожения материальной части дают хороший эффект и полностью оправдали себя.

4. Аэродромы, на которых базируется большое количество самолетов — до сотни и больше, — обязательно прикрывать зенитной артиллерией и достаточным количеством зенитных пулеметов.

5. При бомбардировке аэродромов своих бомбардировщиков прикрывать сильной группой истребителей.

⁴ По всей видимости, ошибка, так как налет состоялся 15 октября 1937 г.

⁵ Аэродром, находившийся рядом с г. Сарагоса в провинции Арагон.

6. Для действий по аэродромам с целью уничтожения материальной части выгоднее применять осколочные авиабомбы, а не фугасные.

[РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 261. Л. 8–12.]

Acciones de la Aviación contra los aeródromos. Informe del camarada Sharapov

El documento analiza la experiencia en la destrucción de aeródromos enemigos en España. Se llega a la conclusión de que los aviones de caza son más adecuados para estas acciones que los bombarderos, pero las operaciones con aviones de caza requieren más tiempo de preparación. Hay que señalar que durante la Guerra Civil española hubo tres ataques exitosos de aviones de caza contra aeródromos, uno llevado a cabo por los republicanos y dos por los sublevados. El republicano tuvo lugar en septiembre de 1937 [obviamente es un error involuntario; el ataque tuvo lugar el 15 de octubre] contra el aeródromo de Garrapinillos. En ese campo de aviación se concentraba principalmente aviación italiana. Durante el ataque que duró de 4 a 6 minutos, fueron destruidos entre 35 y 40 aviones. Se sugiere utilizar bombarderos para desorganizar operaciones sistemáticas de la Aviación enemiga, interrumpir comunicaciones y bajar la moral de los aviadores y del personal de tierra enemigos.

Доклад командира танковой бригады Д.Г. Павлова⁶ (Доминго Пабло) о боевой работе правительственных танков с 11 по 14 января 1937 г.⁷ в боях у Лас Росас де Мадрид⁸ и Махадаонда⁹

Боевая работа правительственных танков с 11 по 14 января 1937 г. в боях у Лас Росас де Мадрид и Махадаонда

Для нанесения удара в общем направлении Галапагар — Махадаонда были привлечены 12-я¹⁰ и 14-я¹¹ интербригады численностью 1600–1700 чел., 36 орудий и 47 танков. Сосредоточение пехоты происходило... ночью, на автомашинах с полным светом, с движением вдоль фронта. Танки сосредотачивались ночью, совершив марш с потушенными фарами из Кольменар-Виехо в Галапагар¹². Марш прошел хорошо. Оливковые кусты хорошо маскировали машины. Личный состав горел желанием вступить

⁶ Павлов Дмитрий Григорьевич (1897–1941) — комбриг, командир и военком 4-й механизированной бригады, впоследствии генерал-полковник танковых войск. В Испании с октября 1936 г. по июнь 1937 г., командир танковой бригады, за выполнение специального задания был удостоен звания Героя Советского Союза (21.06.1937) и награжден орденами Ленина (21.06.1937) и Красного Знамени (02.01.1937). Участник боёв на реке Халхин-Гол и Советско-финляндской войны (1939–1940). Последняя должность — командующий войсками Западного фронта, генерал армии. Арестован 4 июля 1941 г., расстрелян 22 июля 1941 г., реабилитирован 31 июля 1957 г.

⁷ Бои стали частью третьей битвы за шоссе на Ла-Корунью, происходившей с 3 по 15 января 1937 г. В ходе неё франкисты пытались окружить Мадрид обходом с востока.

⁸ Город в провинции Мадрид.

⁹ Город в провинции Мадрид.

¹⁰ Бригада им. Гарибальди.

¹¹ Бригада «Марсельеза».

¹² Расстояние около 30 км.

в бой. В задачу танковой группы входило совместно с пехотой, артиллерией и авиацией разгромить группировку противника в районе Лас Росас де Мадрид, Махадаонда и занять эти пункты, обеспечивая ударную группу от возможного контрудара во фланг и тыл. Стоял густой туман. Поэтому артиллерия и авиация участия в бою не принимали. Вся тяжесть боя выпала на танки. Местность изрыта глубокими оврагами с обрывистыми скатами. 1-й и 2-й батальоны танков получили задачу уничтожить противника и ввести в наступление интербригады. Оба батальона последовательно атаковали войска мятежников, возвращались к пехоте и снова переходили в атаку до полного уничтожения противника, помогая продвижению интербригад. В Лас Росас и Махадаонда танки были встречены сильным огнем почти всей артиллерии противника, отлично пристрелянной и не скованной наступлением с других направлений. Задача танками была выполнена; пехота получила возможность окружить населенные пункты. Отмечается недостаточно четкое управление танковыми ротами в бою. Слишком велика опека командира батальона, что сковывает самостоятельность командира роты.

За три дня боя у противника уничтожено: 12.01. — 13 автомашин с людьми, 300 чел. пехоты, 1 пушка ПТО, одна батарея и до 30 пулеметов; 13.01. — 500 чел. пехоты, 6 дуколов с боеприпасами, 2 батареи, 1 орудие и эскадрон конницы.

Республиканские танковые батальоны в этих боях потеряли 5 чел. убитыми и 6 чел. ранеными. Подбитые огнем противника 5 машин отремонтированы и возвратились в строй. Все раненые сгруппированы в одном госпитале, окружены заботой и обеспечены тщательным уходом.

Командование всех степеней не умеет рассчитывать время, потребное на сосредоточение частей. Например, 14-я интербригада смогла сосредоточиться на 36 часов позже назначенного срока. Командование фронтом еще до окончания сосредоточения требовало самостоятельного ввода в бой интербригады, что грозило ее полным уничтожением. Когда начальник группы подполковник Бурильо¹³ указал на нецелесообразность таких действий, то все командование мадридского участка отказалось от своего письменного приказа, заявив, что приказ можно выполнять, если к тому есть возможность.

Всех сил, указанных в приказе, сосредоточено не было, и удар был произведен только интербригадами и 47 танками. Танкам категорически было запрещено атаковать населенные пункты. Противник, располагавшийся вне населенных пунктов, уничтожался танками, и только после этого пехота занимала очищенный от противника район. Пехота, как правило, не атакует до полного уничтожения противника танками. При малейшей попытке противника проявить активность пехота всюду требует поддержки танков. Любое свое отступление пехота мотивирует отсутствием танков. Часто пехотные начальники выдумывают несуществующие атаки противника, только бы получить танки. Имели место и такие случаи, когда пехота выделяла лучших пулеметчиков, которые садились в танки и следовали в них в атаку. Пушечный огонь танков выгонял противника из укрытий в поле. В этот момент пулемет-

¹³ Рикардо Бурильо Штолье (Ricardo Burillo Stholle) (1891–1940) — испанский военный. Участник Второй марокканской войны. После провозглашения Республики служил в штурмовой гвардии. В годы гражданской войны занимал различные командные должности в республиканской армии. В июне 1937 г. возглавил полицию Барселоны. В ноябре 1937 г. командующий Эстремадурской армией. После войны расстрелян франкистами.

чики выходили из танков и при их поддержке расстреливали противника с близких дистанций, нанося ему огромные потери. Стремление быть всюду сильными и боязнь фланговых ударов заставляли правительственные войска требовать дробления танков на группы в 2–3 танка. Управление базировалось на полной договоренности всех командиров пехотных бригад. Учитывая недостаточную устойчивость пехоты, танки всегда отводились для отдыха в надежное место за 6–8 км от переднего края пехоты.

Противник в обороне оказывает исключительное упорство и не сдается до полного уничтожения. При появлении танков он быстро перебрасывает артиллерию ПТО и устанавливает ее в домах или за каменными стенами, проделывая специальные бойницы. Стены домов и каменных оград настолько толсты, что не пробиваются бронебойными снарядами. Чтобы взять отдельный дом, приходилось стрелять осколочными снарядами по окнам, заставляя пулемет пр[отивни]ка прекратить огонь.

Пассивность республиканских войск мадридской группы позволила пр[отивни]ку в течение нескольких часов сосредоточить всю артиллерию мадридского участка для отражения удара с северо-запада.

Боем установлено, что сзади населенных пунктов, занимаемых пр[отивни]ком, ставятся отборные фашистские пулеметчики с задачей расстрела своих, если они начнут отход. Отмечается меткость и мобильность артиллерии пр[отивни]ка. Как правило, каждая батарея пр[отивни]ка имеет несколько пристрелянных рубежей.

Отмечаю невыгодность введения в бой танков поддержки пехоты с фронта. Арт-огонь, направленный против танков, не дает пехоте двигаться вперед. Удар танков с фланга дает исключительный эффект.

Наличие у противника хорошей ПТО, особенно артиллерийской, не допускает действия танков мелкими группами. Является потребность допустить в предстоящих боях некоторый отрыв танков от пехоты для уничтожения наиболее мешающих батарей противника.

Управление танковой ротой и батальоном затруднено ограниченностью наблюдения из танка. Одно боевого комплекта для боя не хватает. При организованности и героизме экипажей удается выводить из боя подбитые танки даже при условии их полного окружения противником. На исходных позициях для вытаскивания подбитых танков необходимо иметь сильные тягачи, способные тащить танки волоком. Наши люди, как и раньше, работают отлично.

[РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 286. Л. 2–5.]

Informe del comandante de brigada de tanques D.G. Pavlov (Domingo, Pablo) sobre acciones de combate de tanques gubernamentales del 11 al 14 de enero de 1937 en las batallas de Las Rozas de Madrid y Majadahonda

El documento informa sobre las acciones de tanques en la tercera batalla de la carretera de La Coruña. Debido a la espesa niebla, la aviación y la artillería no pudieron operar, por lo que los tanques desempeñaron el papel principal. Necesitaban apoyar las acciones de la infantería y rodear al enemigo en asentamientos. Los tanques no tenían permiso de pelear en ellos. A pesar de la fuerte artillería del enemigo, lograron cumplir la misión. Se observa

un control insuficientemente de compañías de tanques en la batalla. La tutela de parte del comandante del batallón es demasiado grande, lo que obstaculiza la iniciativa del comandante de la compañía. Oficiales al mando no cuentan con el tiempo para concentrar unidades. Debido a esto a veces se requiere entrar en combate de forma escalonada. Se nota la excesiva confianza de la infantería en los tanques. Se informa que comandantes de infantería inventaban ataques enemigos inexistentes, solo para obtener el apoyo de tanques. Esa situación obligó al gobierno a fragmentar el apoyo de carros de combate, lo que se evalúa negativamente, ya que el enemigo tiene buena artillería y sólo puede ser derrotado por la concentración de las fuerzas mecanizadas. Hay que señalar que los tanques se utilizan mejor para apoyar a la infantería desde los flancos y no desde el frente. La gestión de una compañía y un batallón de tanques se complica por la observación limitada desde el carro de combate.

Выдержки из стенограмм бесед летного состава, вернувшегося из Испании, с руководством РККА, конструкторами, представителями авиапромышленности

Обсуждение вопросов техники и тактики ВВС, январь 1937 г.

Стуров (летчик СБ. — *Прим. сост.*): Бомбардировочная нагрузка маловата. Мы чрезмерно нагружали машину. Полагается брать 500 кг, а загружали 6 бомб по 100 кг и горючее заливали полностью.

Нам не разрешали бомбить по населенным пунктам. Когда фашисты это узнали, так они стали туда забираться. Тогда нам запрет сняли...

Очень плохо, что не дают принимать самостоятельных решений в воздухе. Мы вот утром летали [по этому маршруту], затем дают второе задание, и летим опять с той же стороны, они нас и стреляют. Так подбили Романова. Если зайти с другой стороны Мадрида, это получится несколько лишних минут, зато они нас не поймают. А нам не разрешают этого делать. А если в воздухе принял самостоятельное решение, то приходится за это отвечать.

Алкснис¹⁴ (начальник ВВС РККА. — *Прим. сост.*): Ограничивают инициативу?

Стуров: Ограничивают. Даже в воздухе нельзя принять решение. Думаешь, если пробьют самолет, то потом будешь отвечать, почему не выполнил задание, как было приказано.

...

Алкснис: Так что, радиостанции были в качестве лишнего балласта?

Стуров: Почти так... Сам полет не тяжел, а устаешь на аэродроме, так как все делаешь сам, бомбы, например, подвешиваешь. Испанцы стоят и смотрят. Если он один, он не может подвесить бомбы к 4 самолетам сразу, приходится следить за подвеской, помогать ему, даже самому подтаскивать бомбы к машине...

Нужны осколочные бомбы для этой цели, а то даже 100 кг делают много шума, а толку мало.

¹⁴ Алкснис (Астров) Яков Иванович (1897–1938) — командарм 2-го ранга, член Военного совета ВВС РККА, начальник Управления ВВС, затем начальник ВВС и одновременно зам. наркома обороны СССР по авиации. Вёл большую работу «по популяризации гражданской и военной авиации в массах». В Испании не был. Арестован 23 ноября 1937 г., расстрелян 29 июля 1938 г., реабилитирован 1 февраля 1956 г.

...

Алкснис: Как они вас атаковали?

Шмельков¹⁵: У них заведен такой порядок — как увидят, что один самолет оторвался от строя, они сейчас же набрасываются на него и атакуют и сразу же уходят. Интересная тактика выхода из боя — штопором, свободным падением или пикированием до земли. Получается впечатление, что самолет подстрелен и падает. Первое время мы их бросали. А потом, когда проследили, так стали гнать до земли. Во втором бою сразу до земли гнали. Стали одиночек ловить, поймал, стукнешь и смотришь, куда упадет машина. Как свалится или летчик прыгнет с парашютом, так этого бросаешь и ловишь другого.

Алкснис: А как самолет И-15?

Шмельков: Самолет И-15 хорош для ведения индивидуального боя. Между прочим, дрались все время индивидуально. Только скорость у него мала. «Хейнкеля» (*Heinkel He 51*. — *Прим. сост.*) не догнать. «Фиат» (*CR.32*. — *Прим. сост.*) не отрывается, а «хейнкеля» никак не догонишь, перевернется и уходит. Мы-то ни разу не уходили: догонять пробовали — не догонишь. Зато вверх «хейнкель» идет плохо.

Алкснис: Вверх идет плохо, но уходит лучше. Значит, скорость горизонтальная больше.

Шмельков: Хорошо под конец научились мы их сбивать. Стараешься дать очередь по мотору, водяное охлаждение перебеешь, мотор перестает работать, и некуда им деваться. Так мы их и били. Иногда летчики прыгали с парашютом, а то падали до земли. В бою так — дашь очередь и смотришь: если машина перевернулась, значит, попал. Вот когда появились разрывные и зажигательные пули, стало легче.

...

Алкснис: В основном были индивидуальные бои? Групповых не было?

Шмельков: Дрались всегда в одиночку, так что самому нужно было смотреть в оба, хорошо драться и стрелять. Дома мы не очень хорошо умели смотреть и видеть, а теперь оборачиваемся так, что весь стабилизатор видно.

Самолету И-15 нужно прибавить скорость, и тогда машина будет хорошая. Нужно также убрать «чайку» (изгиб верхнего крыла. — *Прим. сост.*) и, пожалуй, шасси. Кроме того, машина «слеповата». На высоте хорошо, а на бреющем ничего не видно.

...

Алкснис: Сколько лично у Вас сбитых самолетов?

Шмельков: Сам сбил четыре, и два самолета сбили вдвоем.

Алкснис: Выходит, по понятиям мировой войны, Вы уже «ас». Там ведь нужно было сбить не менее 5 самолетов.

...

Лавров (начальник штаба ВВС РККА. — *Прим. сост.*): Звено при атаке сразу расстраивается?

¹⁵ Шмельков Николай Иванович (1908–1967) — лейтенант 109-й истребительной эскадрильи, впоследствии полковник, в Испании с октября 1936 г. по январь 1937 г. (в беседе описывает опыт полётов на И-15), лично сбил 4 самолёта противника и 2 в группе, за выполнение специального задания удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина. Участник Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Последняя должность — зам. командира 234-й иад, уволен в запас в августе 1945 г.

Шмельков: Моментально.

Лавров¹⁶: Потом уже не собираются?

Шмельков: Когда бой кончится, а мы никуда не уходили из боя, разгоним всех, тогда собираемся и идем домой.

Лавров: А как в бой ходили?

Шмельков: Если по вызову, то поотрядно. У нас всего было 18 машин.

...

Лавров: На каких дистанциях атакуете звеньями?

Шмельков: Когда атаковали звеньями, дистанция была 400.

Лавров: А потом отваливаете?

Шмельков: А потом уходим... Когда мы летали над Мадридом, солнце со стороны противника, и они ходят из-за него, чтобы их не было видно, и делают так: выполняют первую атаку и уходят, а потом увидят одиночку и набрасываются на него. Как заглядишься, так все пропало. А мы их так атаковали: И-16 заходят на их территорию, подойдут с солнечной стороны и начинают стрельбу, они рассыпаются, тут мы их ловим и бьем.

Алкснис: Значит, И-16 их атаковали и разгоняли, а вы их били? Если они рассыпаются, где лучше ходить — выше или ниже, где лучше видно противника?

Шмельков: Мы ходили ниже; вверх лучше видно, они же почти всегда ходили выше нас. Иногда мы идем, они нас видят, но проходят не атакуют.

...

Богачев¹⁷: По аэродромам действовали неудачно, так как не давали определенной цели. Дадут район. Например, Торрихос, а где — восточнее или западнее — неизвестно...

Один раз нас сопровождали СБ в качестве наводчиков: они с высоты видят цель, а мы идем на бреющем, и нам цели не видно. Пока мы шли на средней высоте, видели друг друга, а как перешли на бреющий полет — СБ нас потеряли, и мы их тоже. В итоге — командир отряда, который хоть и летал много, заблудился, так как на бреющем он ранее не летал. Мы отошли от цели километров на 70. На обратном пути прошли мимо аэродрома. Я от него отстал, за мной пошли остальные, так как горючее было уже на исходе, и [все же] пришли на аэродром.

...

Петраков (летчик Р-5 СССР. — *Прим. сост.*): о действиях ночью. Набираем 3000 м, заходим над Мадридом, сбавляем газ и атакуем...

Вылетали и бомбили звеньями, отбомбишь и уходишь, через 10 минут появляется следующее звено. Высота 1000 м.

...

Лавров: Связью пользовались?

¹⁶ Лавров Василий Константинович (1898–1938) начинал службу как морской лётчик, последнее звание — комкор (1935), инспектор ВВС, заместитель начальника штаба ВВС РККА. В 1936 г. редактировал журнал «Вестник Воздушного Флота». В Испании не был. Арестован 27 июля 1937 г., расстрелян 29 июля 1938 г., реабилитирован 30 июля 1956 г.

¹⁷ Лётчик Р-5 СССР (скоростной, скороподъёмный, скорострельный) — модернизация с улучшением аэродинамики и установкой более мощного двигателя многоцелевого одномоторного самолёта биплана ОКБ Поликарпова.

Петраков: Нет. Радиостанции стояли лишним грузом.

...

Лавров: Маскировались как-нибудь?

Петраков: Самолеты раскрашивали (наносили камуфляжную окраску. — *Прим. сост.*).

...

Струков: Не дают инициативы проявлять. В воздухе не можешь принять никакого решения. Выполняй только поставленную тебе задачу.

Шмельков: У нас наоборот, нам была предоставлена полная возможность проявлять инициативу. Иначе и нельзя.

...

Алкснис: А как дерутся интернациональные летчики?

Струков: Два поляка хорошо работают, белогвардеец Иванов хорошо дерется. Один на диверсионные действия хорошо летал. Под Мадридом белогвардейцы хорошо дерутся в интернациональных бригадах.

Богачев: Но лучше всего дерутся немцы... Французы не летают.

...

Алкснис: Когда будете работать в частях ВВС, так без всяких церемоний примените свой опыт, чтобы не только вы могли им воспользоваться, но и другие.

[РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 240. Л. 112–127.]

Extractos de estenogramas de conversaciones de personal volante que regresó de España con jefes del Ejército Rojo, constructores y representantes de la industria aeronáutica

Discusión sobre la calidad de equipos y armas de aviones utilizados antes de febrero de 1937. Se analiza experiencia de combates con el constructor de aviones I-15 e I-16 Polikarpov, el jefe de Estado Mayor de la Fuerza Aérea del Ejército Rojo y el director de una fábrica de aviones. Se discuten problemas del uso de varios tipos de municiones y características de aeronaves durante sobrecargas. Pilotos señalan mejoras necesarias para aviones.

Доклад старшего артиллерийского советника Н.Н. Воронова¹⁸ (псевдоним Вольтер) в Разведуправление РККА об итогах работы советских артиллерийских советников и результатах боевого применения артиллерии республиканской армии от 20 января [19]37 г.

Работа по созданию современной артиллерии республиканской армии идет весьма медленными темпами.

Основные причины:

¹⁸ Воронов Николай Николаевич (1899–1968), псевдоним Вольтер — комбриг, впоследствии Главный маршал артиллерии, Герой Советского Союза, в Испании с октября по июнь 1937 г., советник генерального инспектора артиллерии, за участие в боях был награжден орденом Ленина (02.01.1937) и орденом Красного Знамени (21.06.1937).

1) Инспектор артиллерии республики подполковник Фуэнтес¹⁹ очень плохо работал и подчас саботировал ряд мероприятий, пользуясь хорошими отношениями с главой правительства. Много приходилось делать помимо [н]его и без него. Он — бывший штатный военный атташе в ряде государств, должного авторитета среди подчиненных не имеет, нет инициативы, не охватывает многих важных вопросов своей многогранной работы. Последние дни у него вдруг произошел какой-то перелом к лучшему, стал поворотливее и активнее. Вопрос о снятии ставился, но без результата: видимо, трудно найти соответствующего кандидата.

2) Острый недостаток офицеров-артиллеристов всех степеней. До начала Гражданской войны испанская армия имела всего около 2 тыс. офицеров-артиллеристов, из них теперь в республиканской армии служат около 200, остальные находятся у Франко.

3) Острая нужда в орудийных мастерах, артиллерийских техниках и строевом младшем начсоставе.

4) Среди рядового состава значительный процент людей не служили раньше в армии, а из числа служивших [многие] слабо знают испанскую материальную часть артиллерии и стрельбу из нее. Для характеристики прежней подготовки артиллерии испанской армии можно привести следующие факты. Боевые стрельбы проводились ежегодно лишь в артиллерии, находившейся в Марокко, артиллерия Пиренейского полуострова снаряды получала редко, были батареи, которые по 4–5 лет не производили боевых стрельб. Во время фашистского мятежа в мадридском гарнизоне одна батарея мятежников заняла огневую позицию у дороги на окраине города, но была атакована небольшой группой мадридских рабочих, вооруженных только револьверами и посаженных на такси. В результате атаки батарея быстро была захвачена рабочими.

5) Большие трудности в деле боевой подготовки и боевого использования артиллерии встречаются в связи с наличием на вооружении очень многих образцов орудий, в большинстве старых и изношенных, как правило, без описаний и таблиц стрельбы.

6) Отсутствие боевого опыта у кадров комсостава, стремление к слепому копированию методов и приемов использования артиллерии во французской армии. Наличием офицерский состав с трудом воспринимает новые факторы современного боя, а в связи с этим и новую тактику артиллерии, и пытается применять методы стрельбы, явно неприглядные для данного периода Гражданской войны. У офицеров нет решительности и инициативы, они — большие формалисты, боятся ответственности, очень часто в ожидании приказа бездействуют.

Приведу несколько примеров безынициативности артиллерийских командиров.

а) Во время артиллерийской подготовки мною была обнаружена батарея противника, открывшая огонь по исходному положению нашей пехоты. Я предложил немедленно открыть по ней огонь, затем обратился с просьбой к начальнику артиллерии выделить две или хотя бы одну батарею. У этого честного начальника, безусловно, не фашиста, был один ответ: «Нет приказа!?» Пришлось добиваться приказа от высшей инстанции, и только после долгой проволочки батарея противника была подавлена.

¹⁹ Артиллерийский офицер. Во времена диктатуры Примо де Риверы активно агитировал в войсках против него. В Генеральном штабе отвечал за республиканскую артиллерию.

б) После нескольких дождливых дней до 1,5 тыс. марокканцев²⁰ расположились очень кучно на обратных склонах горы Карабитас в районе Мадрида для просушки своего обмундирования и обуви, не подозревая, что они хорошо видны с некоторых наблюдательных пунктов правительственной артиллерии.

Было потеряно полтора часа, пока мне удалось получить приказ от начальника обороны Мадрида генерала Миаха²¹ и открыть огонь. После нашей стрельбы противник выбросил много автомашин для раненых и увоза убитых. Огонь по машинам открыт не был, но мне разъяснили: «Зачем же бить уже битых!»

7) Скрытый и открытый саботаж многих мероприятий, крайняя медлительность при проведении в жизнь принятых решений характерны для всех, особенно высших инстанций.

8) Очень краткие сроки формирования новых батарей (в среднем 8–10 дней), что вызвалось исключительно тревожной обстановкой на фронте. При такой скороспелости мы не могли давать фронту хорошо подготовленные современные батареи.

9) Особенно острый недостаток в приборах стрельбы и наблюдения, телефонных аппаратах и телефонном кабеле. В этой области пока реальных перспектив нет и новые формирования под большой угрозой.

10) Существующие уставы и наставления устарели, в ходу и очень ограниченное количество, что в значительной мере затрудняет обучение личного состава артиллерии.

11) Крайняя нуждаемость в наших советниках-командирах и специалистах-техниках; продолжительное время я был здесь один, было невозможно везде успеть и оказать необходимую помощь.

Подвожу краткие итоги работы, проделанной мною и нашими артиллерийскими советниками.

После двухмесячной волокиты открыта и один месяц занимается артиллерийская школа в Лорка²², имеющая 237 чел. курсантов. В барселонской [объединенной артиллерийской] школе организовано артиллерийское отделение. Сроки обучения различные, в зависимости от подготовки слушателей, от одного до трех месяцев.

Созданы артиллерийские центры формирования и обучения в Альманса²³ и Ченчилья²⁴. При этих центрах периодически функционируют краткосрочные курсы младшего начсостава.

25.01.[19]37 г. в Валенсии открываются курсы по подготовке орудийных мастеров и техников на 120 чел. со сроком обучения 20–30 дней.

²⁰ Имеются в виду части франкистской армии, составленные из подразделений, находившихся перед началом гражданской войны в Марокко. Считались наиболее боеспособными частями испанской армии, так как вели вялотекущую войну в Марокко против местных партизан.

²¹ Хосе Миаха Менант (1878–1958 гг.) — кадровый военный, участник Второй марокканской войны 1921–1926 гг. Во время военного мятежа 18 июля 1936 г. остался верен Второй республике. В ноябре 1936 г. возглавлял оборону Мадрида. Под его руководством попытки франкистов взять город штурмом потерпели неудачу, и они перешли к осаде. Затем занимал различные ответственные командные должности в республиканской армии. В 1939 г. принял участие в государственном перевороте против правительства Негрина.

²² Город в провинции Мурсия.

²³ Город в провинции Альбасете.

²⁴ Город Чинчилья-де-Монтеаргон в провинции Альбасете.

Сформированы и отправлены на фронт 48 новых батарей различных калибров.

Нашими советниками систематически оказывается помощь показом, личным примером и советом артиллерии, действующей на фронте, и новым артиллерийским формированием в тылу.

Организован вполне удовлетворительный центр артиллерийской инструментальной разведки на базе имеющихся новейших звукометрических станций. При помощи этой разведки под Мадридом вскрыто большинство артиллерийских батарей противника.

Силами наших командиров-артиллеристов и небольшой рабочей бригадой из наших граждан производится сборка и ремонт материальной части артиллерии иностранных образцов, которую войска и парки знают слабо.

В связи с созданием регулярной республиканской армии артиллерия организуется по единому принципу. Окончательная схема организации будет представлена дополнительно, по утверждению ее военным министром.

Военному министру²⁵ доложено о необходимости развернуть формирование девяти артиллерийских групп (дивизионов) из прибывающей новой материальной части артиллерии. Эта артиллерия пойдет в пехотные бригады и составит артиллерийский резерв главного командования. Кроме того, предложено создать запасную артиллерийскую бригаду для пополнения убыли на фронте.

Поставлен вопрос о переиздании уставов и издания временных наставлений для артиллерии.

Уход за матер[иальной] частью артиллерии и огнеприпасами улучшился, значительно усовершенствован учет. На главных артиллерийских складах значительно упорядочено хранение боевых выстрелов и принимаются меры безопасности.

Перехожу к успехам и недостаткам в боевой работе республиканской артиллерии.

С большим трудом удалось убедить артиллеристов легких батарей быть всегда готовыми к стрельбе по танкам прямой наводкой. Только хорошие результаты стрельбы по итальянским танкеткам убедили их в необходимости и возможности выполнения этой задачи.

Большинство артиллерии уже наблюдает за разрывами, пристреливает цели и наносит организованное поражение противнику.

Опыт двух боев под Мадридом²⁶ и Теруэлем²⁷ доказал нашим друзьям необходимость массирования артиллерийского огня, хотя до сих пор некоторая часть пехотных командиров стремится к раздробленным действиям артиллерии.

Массированный огонь республиканской артиллерии нанес значительные потери противнику и показал ему силу и мощь республиканской артиллерии.

Однажды под Мадридом был сосредоточен огонь 22 батарей по высотам, занимаемым марокканцами, которые выдержали лишь пять минут такого огня и вынужде-

²⁵ В тот момент должность занимал Индалесио Прието.

²⁶ Имеются в виду бои, которые происходили в ходе обороны Мадрида, начавшейся в ноябре 1936 г.

²⁷ В ходе военного мятежа июля 1936 г. Теруэль оказался в руках восставших военных. С августа 1936 г. было предпринято несколько попыток взять город сторонниками Республики. Наиболее серьезная состоялась в декабре 1936 г. с участием XIII интернациональной бригады, однако все они оказались тщетными.

ны были отойти с большими потерями. Только неумелые и вялые действия пехоты не привели к крупному успеху республиканцев на этом участке.

В бою под Теруэлем 10 батарей сосредоточили огонь по укрепленной противником высоте, выпустив за 30 мин. 2400 снарядов 75-мм, 105-мм и 115-мм калибров. Противник, по рассказам пленных и перебежчиков, понес громадные потери. Республиканская пехота начала атаку с опозданием на 1 час 15 мин., и только поэтому высота, командующая над г. Теруэль, не была взята.

В этом же районе марокканский резервный батальон был брошен противником в контратаку, но, вовремя обнаруженный артиллерией, он был встречен огнем 6 батарей, потерял более 50 %, из них 150 чел. убитыми, и бежал в панике. Через два часа в том же районе противник бросил в контратаку свежий испанский батальон, который был расстрелян огнем 9 батарей и через несколько минут разбежался.

Артиллерия сделала первые успехи в ночной стрельбе по пристрелянным днем целям.

В вопросах организации взаимодействия между пехотой и артиллерией очень много трудностей. Связь между пехотой и артиллерией очень слабая, так как не имеется необходимых средств связи с пехотой и стремления поддерживать эту связь со стороны артиллеристов.

Очень туго прививается заблаговременная подготовка исходных данных стрельбы по ориентирам, чтобы эти расчеты использовать для быстрого открытия огня по появившимся целям.

Инженерное оборудование огневых позиций и наблюдательных пунктов плохое.

Борьба с артиллерией противника ограничивается стрельбой по огневым позициям батарей противника, видимых с наземных наблюдательных пунктов. Воздушного наблюдения нет. В ближайшее время будут использоваться данные звукометрической разведки. В предстоящих операциях предполагается использовать самолеты для обслуживания артиллерии. Приступаем к оборудованию самолетов «бреге»²⁸, так как специальных артиллерийских самолетов не имеется.

Пока признается лишь целеуказание по координатам карты, и все командиры батарей всегда стремятся готовить исходные данные для стрельбы также [по смыслу: «только»] по карте. Бывали случаи, когда лично показываешь на местности обнаруженную цель командиру группы или командиру батареи, а он убедительно отвечает: «Открыть огонь нельзя, дайте координаты этой цели по карте!» ...

При оценке опыта Гражданской войны в Испании напрашиваются следующие предварительные выводы.

1) Роль артиллерии в современном бою возросла, несмотря на наличие авиации, танков и прочих технических средств борьбы. Приспособленные для обороны, деревни и местечки Западной Европы с каменными постройками могут быть успешно атакованы пехотой лишь после массивной артиллерийской подготовки. Это же касается и атаки пехотой полевых инженерных сооружений. Танки и авиация почти бессильны бороться с такими серьезными укрытиями для пехоты противника.

2) Как никогда, чувствуется необходимость иметь в дивизиях и полках достаточное количество гаубичной артиллерии. В дивизиях, кроме 122-мм гаубицы, надо

²⁸ Самолёт французской авиастроительной фирмы.

иметь и 152-мм гаубицу. Количество гаубиц в стрелковых дивизиях необходимо довести до 60–65 %, в то же время продолжая работу над увеличением дальности гаубичной артиллерии. На вооружении гаубиц следует оставить гранату со взрывателем универсального действия. Взрыватель РГ-6 дает очень хорошие результаты даже в старых гранатах калибра 115 мм, изготовленных 20 лет тому назад. Он действует отлично с замедленным действием, хорошо разрушая укрытия, а при установке на мгновенное действие наносит серьезные потери живой силе противника и подавляет ее моральное состояние. Шрапнель должна быть снята с вооружения гаубиц по причинам: трудности стрельбы, особенно для комсостава запаса; большой зависимости от высоты и интервала разрыва, что очень трудно дается в скоротечных боях; дороговизны и сложности изготовления, а также большого расхода цветных металлов.

3) Легкая полевая пушка должна иметь дальность не менее 14 км, иметь на вооружении не более 15–20 % шрапнелей, остальные — гранаты. Неплохие результаты продолжает давать 75-мм французская пушка, особенно модернизированная, с повышенной дальностью.

4) В боях артиллерия показывает высокую живучесть. В батареях, применяющих на наблюдательных пунктах и огневых позициях узкие окопы типа щелей, под огнем артиллерии противника и сильной бомбардировке авиации потери в личном составе ничтожны. Потери в материальной части не превышали одного орудия на батарею, поэтому батарея продолжала свободно выполнять поставленную перед ней боевую задачу. Для защиты от пулеметного огня авиации необходимо строить над окопами щелями навесы-козырьки. Особо уязвима артиллерия на походе. Она несет большие потери и быстро теряет моральную устойчивость.

5) Боевые действия показали, что умелое применение современных противотанковых орудий заставляет танки прекращать бой или действовать с большой осторожностью. Легкая полевая артиллерия проявила большую способность поражать танки с закрытых и открытых позиций. Легкая полевая артиллерия является весьма надежным средством уничтожения и подавления отдельных орудий ПТО.

6) Артиллерии необходимо поддерживать систематическое круглосуточное наблюдение с наземных наблюдательных пунктов за противником, местностью и своими войсками. Опыт боев под Мадридом и Теруэлем показал, что при помощи такого наблюдения артиллерии удавалось вскрывать группировки, перегруппировки и намерения противника и находить важные объекты для их своевременного поражения.

Нужно обратить особое внимание на обучение командиров и артиллерийских разведчиков наблюдению. Это обучение проводить обязательно на местности с обозначенным противником.

7) В процессе боя большие затруднения встречаются в вопросах целеуказания пехотой вновь появляющихся целей для артиллерии. Наши уставные способы целеуказания приемлемы, но необходимо обращать большое внимание на отработку этого вопроса на совместных занятиях командиров пехоты и артиллерии.

8) Всевозможные способы исходных данных для стрельбы артиллерии не могут исключать в той или иной мере пристрелку или надежный контроль своих исчислений. Надежное поражение противника достигается лишь при обеспеченной узкой вилке при стрельбе по неподвижным целям. Пристрелка всегда должна иметь место, качество

подготовки исходных данных может влиять лишь на уменьшение расхода снарядов и времени пристрелки. Опыт показал, что переход сразу на поражение не дает нужных результатов, несмотря на все «точности» подготовки исходных данных для стрельбы.

9) Продолжать в артиллерии РККА культивировать открытие огня на быстроту, стрельбу без приборов и пристрелку по знакам наблюдения. Незнание этих методов стрельбы создает для командиров испанской артиллерии значительные трудности в бою.

10) Нормы расхода снарядов по нашему Боевому уставу артиллерии, ч[асть] II, в значительной мере верны и подходят к боевым условиям, правда, не все из них удалось проверить.

11) Лучшим средством маскировки является применение к местности и маскировочные сети с использованием для них подручных материалов и прекращение огня с появлением вражеских самолетов. Хорошо дисциплинированные батареи месяцами занимают позиции, ежедневно стреляют и остаются необнаруженными.

Для испанской республиканской артиллерии в ближайшем будущем необходимо:

1) Продолжать гаубизацию артиллерии, увеличить количество 155-мм гаубиц и немедленно приступить к формированию горно-вьючной артиллерии, которую присылать с соответствующими комплектами амуниции.

2) Снабдить республиканскую артиллерию орудиями с большими дальностями и новейших конструкций. Республиканская армия получила самолеты и танки последних конструкций; они здесь проходят большие испытания, но в области артиллерии этого не сделано. Многие наши системы могли бы здесь принести громадную пользу и одновременно пройти боевые испытания. Крайне необходимо скорее доставить современные орудия ПТО — германская [пушка фирмы «Рейнметалл»] 37-мм.

3) Оказать немедленную помощь присылкой приборов для стрельбы и наблюдения, а также доставить телефонный кабель.

4) Командировать еще 10–12 командиров-артиллеристов различных званий и артиллерийских техников разных специальностей.

[РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 292. Л. 14–22.]

**Informe del consejero principal de artillería N.N. Voronov (pseudónimo Voltaire)
para la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo sobre los resultados del trabajo
de consejeros de artillería soviéticos y del uso de la Artillería del Ejército Republicano
el 20 de enero 1937**

El documento explica razones que ralentizan la creación de un Cuerpo de Artillería moderna en el Ejército Republicano. Las principales razones aducidas son: ineptitud del teniente coronel Fuentes (aunque se estipula que en los últimos días había empezado a mejorar su actuación), falta de oficiales de Artillería en todos los niveles y escasez de técnicos capaces de reparar armas. Se observa que la mayoría de efectivos de ese Cuerpo no habían servido en el ejército y, aquellos que sí, no tenían conocimientos sobre artillería. Incluso antes de la guerra, la preparación de artilleros era insuficiente y algunas baterías no se habían entrenado en disparar en años. Suboficiales y oficiales no tienen experiencia en combate y no siempre

pueden evaluar cuál es la actuación más adecuada en un momento determinado. Asimismo, tienen miedo a tomar la iniciativa esperando siempre órdenes de sus superiores. Existe poca interacción entre los artilleros y la infantería. La prisa en la preparación de las baterías (en promedio unos 8 ó 10 días) hace que sea difícil hacerlo de una manera eficaz. Sin embargo, se han abierto varias escuelas de formación de artilleros en Lorca, Barcelona, Almansa y Chinchilla. Se informa sobre la dificultad de introducir métodos modernos en el uso de la artillería en las tropas republicanas. Para finalizar, se sacan una serie de conclusiones para la organización de unidades de artillería soviéticas.

**Доклад старшего авиационного советника Я.В. Смушкевича²⁹
(псевдоним Андре) в РУ РККА о состоянии и работе ВВС
противоборствующих сторон**

Доклад о состоянии и работе авиации

I. Состояние самолето-моторного парка

A. По самолетам СБ

Совершенно вышло из строя 6 самолетов: два уничтожены при бомбометании; два разбиты при катастрофе, когда при тумане врезались в горы; два сбиты истребителями противника. Три самолета, потерпевшие аварии на посадках, находятся в ремонте; три самолета находятся еще в сборке и мелком ремонте, из коих на сегодняшнее число два уже собраны.

В эксплуатации — 18 самолетов. Все остальные будут отремонтированы. Для этого используем все заводы и мастерские Испании. Таким образом, все оставшиеся 24 самолета войдут в строй... Всего заменено 16 моторов. Такое катастрофическое положение с моторами объясняю неграмотной эксплуатацией и уходом, недосмотром за горючим и конструктивными недочетами. Приняты все меры к улучшению эксплуатации. Будем ремонтировать моторы в Барселоне...

В эксплуатации СБ, когда приходится давать до двух вылетов в день, показали много недочетов и, как правило, 25 % машин не выходит. Техники работают не меньше 12–15 часов в день.

B. По самолетам И-15

Погибло в воздушном бою 5 самолетов, два улетели к противнику, два разбиты при посадке, два — в ремонте после крупной поломки на посадках. В строю 14, из них на двух меняют моторы: на одном лопнул коленчатый вал, на другом прострелен мотор. Итого 9 вовсе вышли из строя; 16 будут действующими.

В. По самолетам И-16

²⁹ Смушкевич Яков Владимирович (1902–1941) — комбриг, командир 40-й бомбардировочной авиабригады, впоследствии участник боёв на реке Халхин-Гол, Советско-финляндской войны, зам. наркома обороны по авиации, дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации. В Испании с октября 1936 г. по июнь 1937 г., старший авиационный советник, руководитель ПВО Мадрида, за выполнение специального задания был удостоен звания Героя Советского Союза (21.06.1937) и награждён двумя орденами Ленина (02.01.1937 и 21.06.1937). Арестован 8 июня 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 11 мая 1954 г.

Погибло в воздушном бою два самолета и два разбито при посадке, из коих один, возможно, будет отремонтирован. Действующих 27 самолетов.

Замечания по самолетам

Подтверждается, что СБ для действий по войскам не подходят. Главное — мало держателей для бомб; плохой оборонительный огонь, особенно задней полусферы; очень плохи для ориентировки; мал обзор.

Истребители хорошие. Особенно отличается своей маневренностью И-15. Если ему добавить скорость на 40–50 км, то будет лучший истребитель. И-16 выявил два дефекта: большая посадочная скорость и большой разнос пуль. Надо наши истребители снабдить бомбодержателями, крупнокалиберным пулеметом для действий по тяжелым бомбардировщикам. Необходимо хотя бы на командирских машинах иметь радио, иначе никакого управления в воздушном бою не получается.

II. Личный состав

С летным составом положение хорошее. Плохо с техсоставом для СБ. Работающие товарищи-испанцы с трудом его осваивают, и получается преждевременный износ и выход из строя. Большие затруднения с оружейниками. Из-за недостатка оружейников задерживаются вылеты. Надо у нас увеличить [количество] оружейников, иначе на войне будем страдать. Буквально страдаем из-за отсутствия специалистов по приборам. Совершенно не налажена метеослужба, так как нет специалистов. Самое трудное, что нет радистов. Самолетные радиостанции фактически без ухода, они не работают. Они не работают еще и потому, что не присланы совершенно наземные радиостанции типа 11-АК или 12-АК. Поэтому никакой связи с самолетами, несмотря на все мои старания и попытки, не удалось наладить.

Для того чтобы у меня была возможность организовать работу служб и поднять эффективность боевой работы, необходимо сформировать минимальный аппарат: нач[альник] связи, флаг-штурман, инженер по эксплуатации, инженер по вооружению, начальник тыла. Здесь на месте таких работников достать невозможно.

III. Тыл

К моему прибытию фактически никакого тыла и органа, который бы ведал тылом, не было. Этим и объясняется, что многое из запчастей и имущества, которое прибыло, рассосалось и растерялось по разным местам, а теперь крайне трудно все это найти и собрать.

Принимаю все меры, чтобы сколотить тыл. Пока только выделены: начальник горючего, начальник боеприпасов, начальник аэродромов, начальник транспорта. Все товарищи — испанцы. Работают старательно, но органа, который бы ведал всем тылом, еще не создано, имеется только в Валенсии и Мурсии. Нужен наш товарищ, который помог бы сколотить тыл для нормальной боевой работы.

...

V. Боевая работа противника

A. По бомбардировочной авиации

За мое время летали только трехмоторные «юнкерсы»; «капрони»³⁰ и других систем не появлялось.

³⁰ Имеются в виду итальянские бомбардировщики SM.81.

Эти бомбардировщики в тыл летают только ночью. Днем ни одного полета в тыл с их стороны не было. Летают они днем, всегда при прикрытии истребителей по объектам у самого фронта, не далее 30 км от линии фронта. Ночью летают на высоте 1200–1500 м поодиночке, максимум двойкой, без бортовых огней. Пока летали только в лунные ночи. Широко пользуются провокационными огнями своих агентов. Эти огни служат точкой прицеливания. Самое важное, что немцы имеют отличные осветительные бомбы на парашюте, которые над землей ярко горят 15–20 минут и прекрасно освещают землю на большом радиусе. Над этим вопросом нам следует поработать, иначе ночью бомбить по неосвещенной цели невозможно.

Дневные действия «юнкеров» ничего интересного не представляют. Прилетают группами от 2 до 8 самолетов, с высоты 2000 м бросают бомбы по войскам или по Мадриду. Как только замечают наших истребителей, как правило, возвращаются и уходят. Пулеметная оборона с «юнкера» хорошая во всей задней сфере. Лоб совершенно не защищен. Бомбардировочное вооружение прекрасное. Бомбы бросают осколочные, весом от 25 до 250 кг. Налетов на наши аэродромы не было.

Б. Истребители

Установлено наличие «хейнкелей» и «фиатов». Только за последние два дня появились двухместные самолеты, предположительно истребители.

«Фиатов» значительно меньше, чем «хейнкелей», и с каждым днем количество «фиатов» уменьшается, тогда как количество «хейнкелей» все увеличивается. Очевидно, итальянцы меньше пополняют свою материальную часть, чем немцы.

По сравнению с нашими самолетами, истребители «хейнкель» и «фиат» не имеют преимуществ против наших И-15 и И-16. По маневренности даже лучше самолеты И-15, а по скорости И-16 ушли далеко вперед.

Предполагаем, что обзор у «хейнкеля» лучший, чем у И-16. Некоторым их преимуществом в бою является применение трассирующих и разрывных пуль. Из их тактики пока удалось выявить следующее: летают группами от 8 до 20 самолетов, эшелонируются по высоте. Стремятся всегда быть выше противника, считая, видимо, это большим преимуществом. В атаку все сразу не вступают. Обычно перед атакой отделяется несколько самолетов на флангах и на высоте, маскируясь солнцем и облаками. Остальные самолеты вступают в атаку, и как только наше звено расстроилось, и появляются одиночки, отдельные самолеты, находящиеся на флангах и на высоте, бросаются на наши одиночные самолеты. Таким образом, они сбивли трех наших летчиков. Надо полагать, что эти дежурные являются лучшими летчиками-стрелками.

У противника чувствуется стремление к внезапному нападению. Как правило, больше 1–2 атак не делают, а сразу уходят для сбора. Только 13.11, когда появились монопланы (по-видимому, тоже «хейнкели»), воздушный бой продолжался 25 минут, и они с поля боя не уходили. Отмечено, что итальянские и германские летчики дерутся настойчиво, когда в поле боя находятся «юнкеры». Как только «юнкеры» ушли, они бой также прекращают.

Установлено, что «хейнкели» ведут лучше и искуснее воздушные бои, чем «фиаты». Последних наши летчики сбивают значительно легче. Нет никакого сомнения в том, что, как только они почувствовали и увидели, что наши летчики их крепко побили

в первых боях и нанесли им большие потери, немцы прислали сильное пополнение из лучших летчиков. Это видно из последних боев, о чем я уже доносил.

...

Всего мы потеряли наших прибывших из Союза 15 товарищей, из них на поле боя 10, при катастрофе СБ — 5. Ранены 4 товарища, из них тяжело ранен т. Тархов (умер 23.11.1936 г.). Кроме этого, 2 командира звена, ввиду потери ориентировки, перелетели границу. Обо всех потерянных с указанием фамилий Вам было донесено.

За это время нашими истребителями сбито у противника: истребителей — 26, «юнкерсов» — 4, а всего — 30 самолетов. Уничтожено при бомбометании на его аэродромах не менее 15 самолетов.

VI. Отдельные вопросы

Небольшой опыт воздушной войны показал:

- 1) Большую роль и значение истребителей. Этот тип самолета будет очень грозным оружием. Его следует как можно больше развивать. Летчик-истребитель должен не только отлично владеть машиной, но и отлично стрелять и все видеть.
- 2) Нескоростные бомбардировщики должны готовиться только для ночных действий.
- 3) Днем сможет действовать только скоростная бомбардировочная авиация.
- 4) Для действий по тактическим целям нам требуется другой скоростной штурмовик или бомбардировщик.

...

Живем здесь сплоченно и дружно. Дисциплина хорошая. Воюют наши летчики в смысле смелости, настойчивости и желания победить врага — исключительно. Мне это трудно даже описать. Я не знаю случая трусости. Все мы сильно переживаем, что наземные войска дерутся слабо.

Окружает нас совершенно невероятный хаос, неразбериха. В этом вся слабость наших товарищей и наших друзей.

Завтра телеграммой донесу список достойных награды орденами. Прошу сообщить решение. Среди летчиков есть буквально герои. Например, комэск Гринберг³¹, который сегодня спрыгнул на парашюте. Он уже имеет 6 сбитых самолетов. Отлично работают Пумпур³², Федосеев³³ и все комэски.

Летчики и техники очень просят организовать получение писем с родины.

³¹ Имеется в виду ст. лейтенант Павел Васильевич Рычагов (1911–1941), сбитый в бою 16 ноября 1936 г. До февраля 1937 г. участвовал в войне в Испании. С декабря 1937 г. служил в Китае. В 1938 г. отличился при командовании ВВС в боях у оз. Хасан. С августа 1940 г. начальник Управления ВВС РККА. 12 апреля 1941 г. освобожден от должности. Направлен на учёбу в академию Генштаба. Арестован в июне 1941 г., расстрелян в октябре того же года

³² П.И. Пумпур (1900–1942) — советский военачальник, участник гражданской войны в Испании, командир истребительной группы Мадридского фронта, Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации. Репрессирован в мае 1941 г. Расстрелян в феврале 1942 г.

³³ Михаил Андреевич Федосеев (1912–1942) — советский лётчик, участник гражданской войны в Испании и Великой Отечественной войны. 23 марта 1942 г. командир 247-го ИАП майор Федосеев погиб в неравном воздушном бою. Похоронен в селе Семисотка Ленинского района (ныне Республика Крым). К моменту гибели совершил в Великой Отечественной войне более 200 боевых вылетов, провёл более 30 воздушных боёв, лично сбил 18 самолётов противника. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1942 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм майору Федосееву М.А. присвоено звание Героя Советского Союза.

Подробный доклад о выполнении всей работы нашей авиацией напишу в ближайшие дни.

Немцы и итальянцы потеряли при посадках на своих аэродромах 25 самолетов. Хотя мы в этих случаях потеряли немного меньше, но все же имеем много поломок и аварий. Это очень характерно, и в будущей войне это придется серьезно учитывать. Так называемая «мирная аварийность» на войне будет очень высокой.

Я. В. С.

[РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 275. Л. 27–33.]

Informe del consejero principal de aviación Ya.V. Smushkevich (seudónimo Andre) para la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo sobre el estado y el trabajo de las Fuerzas Aéreas de los bandos rivales

El documento describe las pérdidas de aeroplanos y sus causas según tipo de aviones. Hay problemas con la reparación de aeronaves asociados con la falta de calificación del personal terrestre. El bombardero SB es criticado por defectos de parámetros de diseño: fuego defensivo deficiente, reducida capacidad de carga de bombas y poca visibilidad, lo que dificulta la navegación. Se concluye que el SB no es adecuado para bombardear tropas enemigas. Los aviones I-15 y I-16 se describen como aviones superiores a los utilizados por el enemigo. Se recomienda equiparlos con ametralladoras pesadas, soportes para bombas y radiotransmisores de a bordo. Se critica la situación con el personal y el equipo de tierra. Especialistas técnicos insuficientes o completamente ausentes. Debido a la falta de estaciones de radio en campos de aviación, no hay conexión con los aviones que apoyan a las unidades terrestres. No existe una organización de logística militar. Sin embargo, el autor informa que está tratando de implantar esta lógica de trabajo. Se describen tácticas de bombarderos y aviones de caza del enemigo. En las conclusiones se indica que aviones de caza juegan un papel importante en la aviación. Los bombarderos de baja velocidad sólo pueden usarse de noche. Se llama la atención sobre la tasa de accidentes de aviones soviéticos. Las tropas necesitan aviones de asalto o bombarderos de alta velocidad. La vida de pilotos soviéticos se describe como buena, pero lo que ocurre en la retaguardia se califica como un caos.

Выдержки из стенограмм бесед летного состава, вернувшегося из Испании, с руководством РККА, конструкторами, представителями авиапромышленности

Обсуждение вопросов качества техники, вооружения и оборудования самолетов, февраль 1937 г.

Алкнис: На ту сторону фронта И-16 не ходили, не разрешали мы, не хотели, чтобы наш самолет попал в руки к противнику.

...

Черных³⁴: Атаки «юнкерсов» проходили так: идут «юнкерсы», нам дают ракету, кто готов вылететь — взлетает, дает форсированный газ. Туда приходили не вместе (у кого мотор слабее, у кого сильнее), поэтому атака получается неравномерной...

³⁴ Черных Сергей Александрович (1912–1941) — лейтенант 107-й истребительной эскадрильи, впоследствии генерал-майор авиации, в Испании с октября 1936 г. по февраль 1937 г., лично сбил 5 самолётов

...

Алкснис: Кислородными приборами пользовались?

Черных: Нет, кислородными приборами не пользовались. Козырек (фонарь) не нужен, он закрывает обзор.

Как только бак пробит и потек бензин, хотя бы даже из заливного бачка, машина горит. Когда идет набор высоты — ничего, а как по прямой идешь — горит, так как бензин по фюзеляжу не стекает.

Шасси хорошее. Вооружение нужно увеличивать.

Сакриер³⁵ (начальник Управления авиационного вооружения ВВС РККА): Может, скорострельный поставить³⁶?

Черных: Самое лучшее — пушечку. Из пулемета хорошо стрелять трассирующими и зажигательными пулями.

Рафалович³⁷: Вы как стреляете?

Черных: Одна простая, две зажигательных.

Сакриер: Мы вам давали трассирующие.

Черных: Это у И-15.

Алкснис: Значит, у вас трассирующих не было?

Черных: У нас зажигательные.

Поликарпов³⁸: Бьете по прицелам?

Черных: По прицелам со всеми поправками.

Сакриер: Пулеметы надежно действуют?

Черных: Простыми действуют без задержки. Когда появились зажигательные, они немного длиннее, стали ленты рваться, и были перекосы, пулемет ломается; там еще были зажигательно-бронепробивные.

Сакриер: Значит, нужно увеличивать скорострельность и количество пулеметов.

Черных: Обязательно.

Сакриер: У вас патронов хватает на вылет?

Черных: Если стрелять грамотно, то остается. Но если стрелять, как испанцы — с 1000 м, то на вторую атаку уже не хватает.

Сакриер: В среднем какая очередь?

Черных: У меня, если за 400 м, 4 — 8, а когда ближе, тогда штук по 30.

Сакриер: Как с набивкой патронов в звенья?

Черных: Научились набивать вручную, только патронов давайте.

противника, за выполнение специального задания удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина (31.12.1936). Последняя должность — командир 9-й смешанной авиадивизии в ЗапОВО. Арестован 8 июля 1941 г., расстрелян 16 октября 1941 г., реабилитирован 5 августа 1958 г.

³⁵ Сакриер Иван Филимонович (1900–1941), на период окончания гражданской войны в Испании — дивинженер, впоследствии д.т.н., профессор, один из крупнейших советских специалистов по управлению артиллерийским огнём, начальник Управления авиационного вооружения ВВС РККА. В Испании не был. С 1939 г. — начальник Управления вооружения ВВС РККА. Арестован 21 апреля 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 28 апреля 1955 г.

³⁶ Имеется в виду пулемёт СН, конструкции Савина и Норова, превосходивший по скорострельности ШКАС, но в серию он не пошёл.

³⁷ Начальник отделения 2-го отдела штаба ВВС РККА.

³⁸ Главный конструктор самолётов И-15, И-16.

Алкснис: А тульские машины не попали?

Черных: Не попали. Мы вручную набивали.

Мирошников³⁹: Мы давали пять машин с четырьмя пулеметами.

Черных: Они в Брянске. Мне на ней пришлось сделать только один полет на высоту. Больше я на ней не летал. Электроспуск надо сделать.

Мирошников: Я дал пять машин, Тархов говорит, хорошие, а НИИ [ВВС РККА] забраковало.

Черных: Запчастей не хватает.

Сакриер: А если поставить скорострельные, это не помешает?

Черных: Если будет стоять 4 пулемета, это значит, что идет два самолета и кучность выше.

Сакриер: А если два пулемета поставить еще, но не скорострельных?

Черных: Тогда лучше пушку через винт. <...>

Алкснис: А как запуск?

Черных: Нас спасали только стартеры.

Мирошников: В 1936 году хотели дать воздух, потом прекратили. По-моему, нужно опять давать.

Черных: Потом нужно улучшить обзор назад.

Поликарпов: Мы вам зеркало поставим.

Черных: У нас научились так смотреть — смотришь налево и видишь правую консоль стабилизатора... Радио снять.

Алкснис: Без радио летать нельзя. Если ведущего сбили, то как без радио разговаривать.

...

Семенов⁴⁰: Преимущество И-15 во время боя: когда мы входим в вираж, он⁴¹ в бой не вступает, мы видели, что, когда мы делаем левый вираж, он левого виража не делает, не может. Делает только правый. Потому, когда заходишь на левый вираж, он уходит опять переворотом со снижением... Из боя не уходили. На И-15 «хейнкеля» не догнать, но мы имели преимущество — самолет быстро идет вверх, если дать полный газ. Мы этим и спасались. Сразу вверх уйдешь, он и остался...

У меня машина сильно перегружается, от пикирования и большой скорости люфты получаются, элероны шатаются и рули поворота, и потом при пикировании, при скорости 350 км и больше, машина начинает рыскать. Смотришь, как бы прицел не отскочил на этой скорости. Стрелять уже нельзя. При больших углах пикирования смотреть в прицел нельзя — качается. Мы сами ставили растяжки спереди и сзади... В отношении пулеметов. Хорошо было бы сделать им охлаждение или вынуть на поверхность, а то они в фюзеляже. И главное, от чего страдали — это [быстрый] запуск. Имели всего 3 стартера и не успевали запускать. Можно даже «обезьянкой» запускать, но металлический винт тонок, мнется.

...

³⁹ Директор авиазавода № 21 в Горьком, производившего И-16.

⁴⁰ Лётчик И-15.

⁴¹ Не-51.

Черных: Бывают случаи, что не хватает патрон. Мы схватились драться, дали 2 очереди, пулемет отказал, не стреляет, я пикирую — не стреляет, выхожу из атаки — оказывается, обрыв ленты. На резких разворотах ленты обрываются... Пушки иметь хорошо. Противник боится их.

...

Линде⁴²: Рации испытать не удалось, как была запакована, так и стоит... Я сам сделал кассету. Желательно на всех СБ сделать кассеты. А то, если берешь бомбы по 50 кг, получается недогрузка.

...

Алкснис: Вы недооцениваете кислородный прибор.

Черных: Очень загрузка машины большая. В данной войне он не нужен.

<...>

Храмцов⁴³: Большим недостатком является мотор. Работает самое большое 20 часов, а потом приходится снимать... Электропроводка на первых машинах выдерживала 20 часов, а потом все время возились с электропроводкой.

[РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 240. Л. 128–144.]

Extractos de estenogramas de conversaciones de personal volante que regresó de España, con jefes del Ejército Rojo, constructores y representantes de la industria aeronáutica

Discusión sobre la calidad de equipos y armas de aviones utilizados antes de febrero de 1937. Se debate la experiencia de combates con el constructor de los aviones I-15 e I-16 Polikarpov, el jefe de Armamento de la Fuerza Aérea del Ejército Rojo y el director de una fábrica de aviones. Se analizan problemas del uso de diferentes municiones y características de aviones durante sobrecargas. Pilotos proponen mejoras necesarias para los aviones.

Из записок летчика-бомбардировщика ст. лейтенанта Г.И. Тхора⁴⁴ — отзыв о боевых качествах самолета СССР

8 февраля 1937 г.

Отзыв о самолете СССР

Из записок летчика т. Т. от 08.02.1937 г.

⁴² Лётчик СБ.

⁴³ Авиационный инженер, обслуживал СБ.

⁴⁴ Тхор Григорий Илларионович (1903–1943) — ст. лейтенант, впоследствии генерал-майор авиации. В Испании с октября 1936 г. по июль 1937 г., лётчик-бомбардировщик, за выполнение специального задания был награждён двумя орденами Красного Знамени (02.01.1937, 04.07.1937). Перед войной занимал должность заместителя командира 62-й бомбардировочной дивизии. При выходе из окружения под Киевом в сентябре 1941 г. попал в плен. Первоначально содержался в концентрационном лагере Хаммельбург, затем переведен в Нюрнбергскую тюрьму, где в январе 1943 г. был расстрелян гитлеровцами. Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза (26.06.1991).

В первые дни своей работы штурмовики давали огромнейшей эффект, но чем дальше, тем больше дело стало ухудшаться. Увеличивались потери, как за счет качеств машины, так, отчасти, и за счет наших промахов. Скажу прямо, что командир подразделения — штурмовик должен обладать большими организаторскими способностями и практикой. Особенно практикой распределения огневых средств, подхода к цели, выскакивания и ухода. В этом отношении нельзя придумать шаблон — он был бы нелеп, и особенно для таких этапов, как выскакивание, распределение огневых средств над целью и уход от цели. Здесь нужен большой опыт и так называемая смекалка...

Самолет ССС у нас достаточно известен, и распространяться о нем нет необходимости. Следует только сказать, что, несмотря на наличие сильного огня, он все же отстал от современных требований боя. На самом деле, территория Испании, ее естественные неровности, вполне способствуют [успешной] работе штурмовиков, а ССС не могут выполнять эту задачу потому, что им не позволяют, во-первых, его скорость, во-вторых, его скороподъемность и, в-третьих — его габариты. Кроме того, бывали случаи, когда в самый интересный момент на отдельных самолетах отказывали почти все пулеметы.

Самолет-штурмовик должен обладать скоростью, по крайней мере, на 100 км/ч большей, чем скорость самолета ССС. Скороподъемность его на 300–500 метров должна исчисляться исключительно секундами, и чем меньше секунд, тем лучше. Самолет должен быть меньше по своим габаритам. Количество пулеметов должно остаться таким же, но пулеметы должны быть безотказны в действии. Штурмовик без мощного пулеметного огня над целью неизбежно явится жертвой противника, и тем более, когда это будет не в начале войны, а при некоторой ее затяжке, когда люди свыкнутся с боевой обстановкой и приносятся к отражению [налета] штурмовиков. Снаряжение пулеметов лентами и зарядание пулеметов на земле нужно сократить, по крайней мере, в 5 раз, чего нельзя сделать, не реконструировав ящики для патронных лент.

Самолет, обладающий перечисленными свойствами, будет не только расстреливать, но и деморализовать противника и лишать [его] уверенности в своих силах потому, что такой самолет займет времени на выскакивание, стрельбу и бомбометание не больше 3 минут в зависимости от длины цели, местных препятствий и маскирующих признаков. За это время противник, находящийся под огнем, уже потрясенный морально (внезапным появлением самолетов), не успеет применить свои огневые средства или же применит их в небольшом количестве. Однако это не исключает опасности, особенно в условиях затянувшейся войны.

Каждый пулемет, каждая винтовка, не подвергающиеся поражению непосредственно, будут стрелять редко, но метко. Кроме того, нужно полагать, что по штурмовикам будет вести огонь картечью и артиллерия. Из сказанного вытекает новая проблема огня — штурмана (летнаба)... Сразу же по уходу от цели летнаб должен быть готов к отражению истребителей. Кстати, нужно отказаться от существующей у нас теории, будто истребители не могут атаковать штурмовиков, идущих бреющим полетом. Практика опровергла эту теорию. Истребители прекрасно атакуют штурмовиков без всякого риска врезаться в землю при выводе из пикирования.

Перечисленные качества самолета позволят летчику вступать в бой с истребителями, тем более что штурмовики, как правило, будут выполнять эту задачу группами. Если поставить вопрос так, то штурмовик должен обладать и маневренностью, не уступающей маневренности истребителя. Мотор штурмовику нужен, безусловно, с воздушным охлаждением.

Таким образом, боевая практика показала, что самолет ССС — неподходящая машина к современным условиям боя. Но это еще не говорит о том, что от нее нужно отказаться. Отнюдь нет. Она вместе с тем и хорошая машина. При грамотной организации боя штурмовики ССС, несмотря на их отрицательные качества, при наличии хорошо подготовленного летного состава, хорошей подготовке вооружения (для чего нужно достаточное количество оружейников) дадут потрясающие результаты. Под хорошей организацией боя я понимаю своевременное, смелое и тактически правильное введение в действие всех средств борьбы при четком их взаимодействии, чтобы не получалось то, что каждый род оружия воюет как бы для себя, часто изолированно один от другого. К примеру, авиация громит позиции противника, а пехота восхищается этим и ни шагу вперед; или авиация бомбит морские силы противника, а своих морских сил и близко нет. И еще хуже, когда такое, с позволения сказать, взаимодействие получается у пехоты с танками и артиллерией.

Самолет ССС — [имеет] прекрасный планер и обладает довольно большим диапазоном скоростей, и, вместе с этим, он достаточно грузоподъемный. Кроме этого, он прост в пилотировании. Эти качества делают его прекрасным ночным бомбардировщиком и, главным образом, по фронту, так как в этом случае его можно переоборудовать, увеличив вдвое количество легких бомб.

[РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 10. Л. 108–124 об.]

De apuntes del piloto de bombardero, el teniente G.I. Thor, — revisión de cualidades de combate del avión R-5/SSS de Polikarpov

Revisión de aviones SSS

De apuntes del piloto c. T. con fecha del 08.02.1937

El documento afirma que inicialmente ese avión de asalto surtía gran efecto, pero a medida que venía pasando el tiempo, sus resultados iban empeorándose. La razón fue tanto la calidad del avión como errores de tripulaciones. Se observa que esos aviones deben actuar de manera extraordinaria y modelos de comportamiento no se ajustan a lo deseado: el piloto debe tener experiencia. Para la situación actual, el SSS no es adecuado para acciones de asalto debido a su tamaño y a su insuficiente velocidad de crucero y de ascenso. Cabe señalar que la experiencia de España refutó la creencia de que los cazas no podrían atacar los aviones de asalto. Se llama la atención a la importancia de la interacción entre la Aviación y las Fuerzas Terrestres y Navales. A pesar de las deficiencias del avión SSS como avión de asalto, se concluye que es perfectamente adecuado para el papel de bombardero nocturno.

**Доклад летчика-бомбардировщика лейтенанта Т.Т. Хрюкина⁴⁵
об опыте боевого использования самолетов СБ в Испании**

20 марта 1937 г.

*Боевая деятельность самолетов СБ
(Доклад лейтенанта т. Х.)*

В Испании я пробыл 5 месяцев и 15 дней. За это время имею 40 боевых вылетов с налетом 108 час. 50 мин., из них на разведку — 8 полетов и на бомбометание — 32 полета. Кроме этого, имею 15 небоевых полетов (проба мотора, перелеты и т. д.) с налетом 18 час. 20 мин. Всю свою летную работу в Испании я провел без единой аварии и поломки.

Я состоял в эскадрилье т. Ш[ахта]⁴⁶, которая базировалась на аэродроме Альбасете⁴⁷. Первый боевой вылет эскадрилья производила по аэродромам мятежников. Отряд, в котором я состоял, получил задачу на бомбометание аэродрома Севилья. Отряд свою задачу выполнил успешно. Бомбометание было произведено с двух заходов, и мы благополучно вернулись на свой аэродром.

Первый полет показал, что использование эскадрильи для налетов на тылы мятежников по отрядам нецелесообразно, ибо один отряд не мог нанести существенного вреда противнику... Не всегда также учитывались метеоусловия полета, что приводило к губительным результатам (погибли два СБ с экипажами). Часто полеты производились при облачности высотой до 200 м. После гибели двух СБ был дан приказ летать при высоте облачности не ниже 1000 м.

Наши штурманы были плохо подготовлены и часто терялись в сложных метеорологических условиях и не могли восстановить потерянную ориентировку. Из-за потери ориентировки были случаи аварий и даже гибели самолета. Все это происходило потому, что в практике боевой подготовки в мирных условиях штурманы мало тренировались на самостоятельных полетах.

Первые боевые вылеты для нас проходили безнаказанно, но потом мы стали подвергаться налетам истребителей мятежников и обстрелу зенитной артиллерии. Зенитная артиллерия мятежников, как правило, очень точно определяла нашу высоту и курс, но определить скорость ей не удавалось. ЗА стреляла заградительным огнем

⁴⁵ Хрюкин Тимофей Тимофеевич (1910–1953) — лейтенант 10-й бомбардировочной эскадрильи, участник боёв в Китае, впоследствии генерал-полковник авиации, в годы Великой Отечественной войны командовал 8-й и 1-й воздушными армиями, дважды Герой Советского Союза. В Испании с октября 1936 г. по март 1937 г., за выполнение специального задания правительства награждён орденом Красного Знамени (02.01.1937).

⁴⁶ Шахт Эрнст Генрихович (1904–1942) — капитан ВВС РККА, родился в Швейцарии, командир авиаэскадрильи особого назначения, впоследствии генерал-майор авиации, в Испании с сентября 1936 г. по февраль 1937 г., за выполнение специального задания удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина (31.12.1936). Последняя должность — заместитель командующего ВВС Орловского военного округа по высшим учебным заведениям. Арестован 30 мая 1941 г., расстрелян 23 февраля 1942 г., реабилитирован 26 ноября 1955 г.

⁴⁷ Альбасете — столица одноименной провинции.

по 18–20 разрывов спереди и с боков каждые 2–3 секунды. Были случаи, когда на СБ производился комбинированный удар истребителями и зенитной артиллерией.

Такой случай имел место при налете на аэроузел мятежников в Севилье. 6 самолетов СБ получили задание бомбить один из аэродромов в районе Севилья, а если там самолетов не окажется, то бомбить основной аэродром в Севилье. Мы вылетели в составе 6 самолетов под командованием т. Ш. и благополучно подошли к цели, но на этом аэродроме самолетов не оказалось, и мы пошли на Севилью. При подходе к цели нас атаковали 6 истребителей мятежников и вели с нами бой до момента, когда мы повернули на боевой курс. С этого момента истребители ушли, и нас стала обстреливать зенитная артиллерия, которая прекратила огонь, когда мы, сбросив бомбы, стали уходить. После прекращения огня ЗА нас снова атаковали истребители, которые сбили один СБ.

...

Машина СБ исключительно хорошая по своей скорости, маневренности и крепости. Но имеет ряд существенных недостатков:

1. Самолет как бомбардировщик хорош, но совершенно не годится для визуальной разведки.

2. Моторы М-100 не вполне отвечают требованиям боевых условий, греются, часто лопаются рубашка цилиндров, а от этого происходит прорыв газа и выброс всей воды. Все моторы почти снимались по этой причине, а снято было 13 моторов за 2 м[еся]ца, и после ремонта эти моторы были совершенно непригодны к эксплуатации.

3. Самолет не имеет аварийного выброса бензиновых баков. Баки расположены так, что на каждом баке лежит выхлопной патрубок мотора и способствует возникновению пожара, так как при полетах выхлопные патрубки нагреваются докрасна...

[РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 11. Л. 92–96.]

Informe del teniente T.T. Jriukin sobre la experiencia del uso de combate de aviones SB en España

20 de marzo de 1937

Actividad de combate de aviones SB

(Informe del teniente T.J.)

Según el informe, el piloto permaneció en España durante 5 meses y realizó 40 misiones. El primer bombardeo del aeródromo sublevado fue exitoso: la tarea se completó. Sin embargo, demostró que el uso de la escuadrilla para ataques en la retaguardia enemiga no es práctico, ya que no puede infligir daño a un nivel significativo. Inicialmente, los vuelos tuvieron lugar sin tomar en cuenta las condiciones climáticas. Cabe señalar que navegadores estaban mal preparados debido a que no se entrenaban en vuelos independientes. La artillería antiaérea de sublevados calculaba bien la altura, pero no podía fijar la velocidad. A veces hubo un ataque simultáneo contra bombarderos realizado por aviones de caza y artillería antiaérea. El avión SB se caracteriza bien por su velocidad, pero tiene fallos. Estos son: motores de baja calidad y tubos de descarga ubicados sobre los tanques de gasolina calentándose al rojo, provocan incendios.

Доклад главного морского советника Н.Г. Кузнецова⁴⁸
(псевдоним Лепанто)
в РУ РККА об операциях республиканского военного флота

Не ранее 26 марта 1937 г.

*Операция правительственного флота 26 марта по обстрелу
Малаги, Мелильи, Мотриль, Майорки и Ибиса
(доклад т. Лепанто)*

Докладываю о проведенной последней операции по обстрелу Малаги⁴⁹, Мелильи⁵⁰, Мотриль⁵¹, Майорки и Ибиса.

25 марта в районе Аликанте был обстрелян французский океанический пароход. Находившийся недалеко французский крейсер «Суфран»⁵² запросил по радио название стрелявшего корабля, тот сначала ответил своими позывными и только после того, когда крейсер потребовал сообщить свое полное название, он ответил, что «Балеарес»⁵³. Поэтому ранее намеченная операция правительственного флота в южной части Средиземного моря была изменена и районом поисков была намечена северная часть моря в районе Майорки.

Вечером 25.03. была послана одна флотилия миноносцев (3 эсминца): «Гравина», «[Альмиранте] Миранда» и «Эсканьо» с задачей — произвести поиск крейсеров мятежников и в случае их обнаружения атаковать. С рассветом эти миноносцы должны были находиться по одному в Валенсии, Барселоне и Менорке. Флот в составе 2 крейсеров и 6 миноносцев по плану должен был выходить утром следующего дня с задачей — днем находиться в районе мыса Тенес у африканского берега на случай отхода крейсеров противника в район пролива, а ночью пройти на север и днем на следующий день пройти вдоль берега до Барселоны.

Миноносцы вышли по плану и произвели поиск, флот вышел в 9 час. 26 марта, но уже в 10 час. был обнаружен разведкой противника, и поэтому внезапность операции была нарушена. Разведка и береговые посты постоянно доносили о крейсере типа «Канариас» в районе Кастелона, который производил какие-то демонстративные хождения вдоль берега, не прибегая ни к каким активным действиям. Становилось подозрительным, не является ли это умышленным вовлечением республиканского

⁴⁸ Кузнецов Николай Герасимович (1904–1974) — капитан 2-го ранга, командир крейсера «Червона Украина», впоследствии нарком ВМФ СССР, Адмирал Флота Советского Союза, член Ставки ВГК, Герой Советского Союза. В Испании с августа 1936 г. по июль 1937 г., советский военно-морской атташе, затем главный морской советник. За выполнение специального задания правительства награждён орденами Ленина (02.01.1937) и Красного Знамени (21.06.1937).

⁴⁹ Малага — столица одноимённой провинции на юге Испании.

⁵⁰ Город Мелилья — испанский порт, находящийся в Испанском Марокко на побережье Средиземного моря.

⁵¹ Город Мотриль — испанский порт, находящийся в провинции Гранада.

⁵² Имеется в виду «Сюффрен», тяжёлый крейсер французского флота.

⁵³ Тяжёлый крейсер, воевавший на стороне франкистов, на момент начала войны строительство не было завершено.

флота в район узкостей между берегом и островами Майорка и Ибиса, где раньше наблюдались подводные лодки мятежников.

У командования правительственного флота, идущего курсом на Алжир, было основание полагать, что противник предположит наше движение туда для встречи транспортов и попытается атаковать самолетами. Кроме того, исходя из желания создать у противника ложное представление о направлении операции, было решено в эту же ночь провести обстрел Малаги, Мелильи и Мотриль. Для выполнения непосредственно обстрела были выделены 2 миноносца — «Лепанто», «Санчес» и для обстрела Мотриль базирующийся на Альмерию миноносец «Ласага». Для обеспечения действий миноносцев флот в течение ночи находился в районе мыса Гата⁵⁴. Там же была назначена точка утреннего рандеву с миноносцами («Ласага» должен был вернуться в Альмерию). В 8 час. утра 27 марта миноносцы, после выполнения операции, присоединились к флоту.

Было принято решение — в случае неполучения подтверждающих данных от миноносцев, находящихся на севере моря, и воздушной разведки о нахождении крейсеров противника, отказаться от похода всего флота севернее островов, используя для этого 6 миноносцев, которые должны были произвести поиск и атаковать противника, а в случае необнаружения — обстрелять Майорку и Ибису. Никаких подтверждающих данных получено не было, и крейсера с тремя миноносцами направились в Картахену, а три миноносца, проводив флот до базы, пошли на соединение с другими миноносцами. Крейсера противника снова не были найдены, и миноносцы, обстреляв Майорку и Ибису, вернулись: 3 — в базу, а 3 — остались в районе Валенсия — Барселона для обеспечения транспортов.

Подходя к базе, флот был атакован одним крупным бомбардировщиком, бросившим 4 бомбы, которые упали за кормой «Либертад». С крейсера «Мендес Нуньес» доложили, что были атакованы подводной лодкой, якобы выпустившей торпеду, но я лично этому верю мало. Флот вернулся в базу и находился в готовности к выходу в зависимости от результатов поиска.

Одним из мотивов возвращения крейсеров являлось также и желание принять полный запас топлива, так как накануне авиация противника бомбардировала Барселону, Кастельон и Сагунто и надо было быть в готовности на случай какой-нибудь крупной операции на побережье.

Кроме того, в эту операцию, фактически целиком руководимую и управляемую нами, мне не хотелось без особой нужды подвергать опасности корабли, чтобы приобрести еще большую авторитетность наших предложений на следующие операции, и это вполне удалось: корабли, выполнив задания (по обстрелу), все вернулись в полном порядке без каких-либо потерь и аварий. Отмечается, что в результате этой операции все мои указания на разборе командирами кораблей воспринимались с исключительной готовностью их выполнить.

Выводы:

Операция по выполнению основной задачи — ловля крейсеров противника — выполнена неудовлетворительно: крейсера не обнаружены, но с точки зрения мораль-

⁵⁴ Находится в провинции Альмерия на юге Испании.

ного состояния, придания уверенности в свое[м] вооружении, эта операция имеет большое значение.

Отдельные выводы по состоянию флота.

Флот начинает становиться боеспособным, я говорю — начинает, так как считать [его] полностью боеспособным еще нельзя. Личный состав работает хорошо, без боязни, офицерский же состав еще трусит, и если на корабле или соединении, выполняющем ту или иную операцию, нет нашего человека, она проводится боязливо.

Много еще недостатков организационного порядка — плохое наблюдение, неграмотное и иногда просто опасное маневрирование отдельных командиров, корабли завалены излишними предметами, опасными на случай боя: шлюпки, бензин, бочки и пр. Все это сейчас быстро изживается.

По использованию оружия — одиночные стрельбы показали неплохие результаты, но при сложных боевых условиях еще можно ожидать растерянности и плохих результатов.

Мало учений проводится на походах, и время не используется должным образом...

[РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 338. Л. 2–4.]

**Informe del consejero principal de la Marina N.G. Kuznetsov
(seudónimo — Lepanto) para la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo
sobre las operaciones de la Armada republicana**

No antes del 26 de marzo de 1937

*Marina gubernamental el 26 de marzo operación de bombardeo
de Málaga, Melilla, Motril, Mallorca e Ibiza
(informe del camarada Lepanto)*

La operación fue pospuesta por no haber localizado la flota franquista. El objetivo de naves republicanas era encontrar cruceros franquistas y atacarlos. Tras comenzar la operación el 26 de marzo, aviones enemigos detectaron rápidamente barcos, por lo que se perdió el efecto sorpresa. Para desinformar al enemigo con respecto a los objetivos de la operación, se decidió disparar a puertos controlados por franquistas. En la ruta de regreso, los barcos fueron atacados por aviones enemigos. Una de las naves reportó el ataque de un submarino, pero Kuznetsov no lo cree. Hay que señalar que la operación fue dirigida por especialistas soviéticos. Según Kuznetsov, el objetivo de la operación no se cumplió, pero elevó la moral de marineros. Se observa que gradualmente la Marina comienza a trabajar de forma coordinada.

**Выдержки из стенограмм бесед летного состава, вернувшегося из Испании,
с руководством РККА, конструкторами, представителями
авиапромышленности**

Обсуждение вопросов штурманской службы, радиосвязи в ВВС, март 1937 г.

Воробьев⁵⁵: Сейчас мы возим радиостанции как лишнюю нагрузку. Связи [все равно] никакой нет. Ты летишь, а на земле ничего о тебе не знают.

...

Стерлигов⁵⁶: Вы проходили в Ейской школе всякие способы маневрирования: по высоте, свободный маневр и т. п. В какой степени это применимо в боевой обстановке и какой способ наиболее подходящий?

Воробьев: Если бы инициативу давали летчику, тогда можно было бы проверить. Но нам никакой инициативы не давали.

Алексеевский⁵⁷: Кто же ставил такие задачи?

Воробьев: Мы не имели права менять маршрут. Когда появилась зенитная артиллерия и мы привезли пробоины, мы стали менять маршруты и уходить от зенитного огня.

Стерлигов: Вам применить свои знания не пришлось?

Воробьев: Нет, не давали.

...

Алексеевский: Радиосвязью занимались?

Володин⁵⁸: Там ее не было. Когда я летал над аэродромом, там начальник связи сказал: действовать только позывными.

Алексеевский: Но рации были исправны?

Володин: Да. Я говорил с другими — никто радиосвязь в полете не держал.

[РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 240. Л. 145–155.]

**Extractos de estenogramas de conversaciones de personal volante que regresó
de España, con jefes del Ejército Rojo, constructores y representantes
de la industria aeronáutica**

Se analizan problemas del servicio de navegación y radiocomunicaciones en la Fuerza Aérea en marzo de 1937. Se informa que habilidades profesionales de pilotos adquiridas en escuelas de aviación no pueden ser aplicadas en la práctica debido a que no se les permite mostrar iniciativa en sus acciones de combate. No se utilizan radiocomunicaciones y radiotransmisores de a bordo generalmente no funcionan.

⁵⁵ Штурман СБ.

⁵⁶ Флаг-штурман ВВС РККА. Стерлигов Борис Васильевич (1901–1971) — на период окончания гражданской войны в Испании комбриг, впоследствии генерал-лейтенант авиации, совершил в 1929 г. авиаперелёт Москва — Нью-Йорк. В период с 1933 по 1948 г. флаг-штурман советских ВВС, в Испании не был. Военный штурман, участвовал в организации многочисленных перелётов.

⁵⁷ Начальник 1-го отдела штаба ВВС РККА.

⁵⁸ Стрелок-радист самолёта французской фирмы Потэ (Potez), затем СБ.

Доклад летчика-бомбардировщика майора В.С. Хользунова⁵⁹ о боевой работе самолетов СБ в Испании

13 апреля 1937 г.

(Доклад майора тов. Х.)

О боевой работе самолетов СБ в Испании

Эскадрилья, которой я командовал, имеет общий налет более 1000 час. В воздушных боях штурманами и стрелками сбито 3 «хейнкеля» и 4 «фиата» мятежников. За пять месяцев боевой работы среди летного состава не было ни одного больного. Также не было случаев нарушения воинской дисциплины; боевые задачи всегда выполнялись на «хорошо» и «отлично». В эскадрилье имею трех Героев Советского Союза, а все остальные — краснознаменцы.

За это время эскадрилья потеряла: один экипаж СБ и одного Героя Советского Союза т. Джигелли⁶⁰.

Результаты проведенных боев, в которых мне лично приходилось проверять нашу боевую технику и тактику, показывают, что техника (самолет СБ), за исключением отдельных дефектов, показала свои отличные качества.

Тактика и организация применения самолета СБ: строй и боевые порядки, количество самолетов в строю, борьба с зенитной артиллерией, воздушный бой с истребителями противника, методы бомбометания и взаимодействие со своими истребителями показали, что необходимо внести соответствующие поправки в существующие наши инструкции и уставы.

1. Действия по тылам.

Бомбардировочные действия по глубокому тылу противника и аэродромам, где имеется сильная насыщенность противовоздушными средствами (зенитная артиллерия, истребительная авиация и аэростаты заграждения), в зависимости от поставленной задачи следует производить звездными налетами, группами не более одного отряда с интервалом в 2–3 мин. между отрядами и не более 10 мин. между целыми частями.

⁵⁹ Хользунов Виктор Степанович (1905–1939) — полковник, впоследствии комдив, член Военного совета при наркомобороны. В Испании с октября 1936 г. по март 1937 г., командир бомбардировочной эскадрильи, за выполнение специального задания был удостоен звания Героя Советского Союза (27.06.1937), награжден орденами Ленина (27.06.1937) и Красного Знамени (02.01.1937). Погиб в авиационной катастрофе 28 июля 1939 г.

⁶⁰ Джигелли (псевдоним Кольдеро) Примо Анжелович (1893–1936) — капитан ВВС РККА, по национальности итальянец. Один из создателей Итальянской компартии. Воевал в Испании в составе 1-й интернациональной бомбардировочной эскадрильи с начала ноября 1936 г. 10 ноября 1936 г. был сбит к северо-востоку от г. Алькорсина, выпрыгнул с парашютом, ветром отнесен через линию фронта, попал в плен к франкистам и был разрублен топором на куски. На следующий день при авианалете авиаэскадрильи «Легиона Кондор» на Мадрид на позиции республиканцев был сброшен на парашюте брезентовый тук, в котором находилось изрубленное на части тело Джигелли. После проведения медицинской экспертизы было установлено, что на части рубили живого человека. Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза (31.12.1936) с награждением орденом Ленина (31.12.1936).

При налетах на аэродромы и ж.-д. узлы противника, где можно взаимодействовать со штурмовой авиацией и истребителями, которые за 5–10 мин. до бомбардировочного налета уничтожат ЗА, необходимо, чтобы эскадрилья действовала в полном составе, а строи отрядов должны обеспечивать взаимную огневую поддержку в воздушных боях.

Бомбардировочные налеты правительственными бомбардировщиками производились, как правило, группой в шесть самолетов, так как увеличение самолетов в группе более шести дает большие потери.

Сопровождение истребителями самолетов СБ не обязательно, но целесообразно перед вылетом СБ высылать истребители, которые вступают в бой с истребителями мятежников, а СБ в это время перелетают линию фронта и идут на выполнение своего задания.

Выбор калибра бомб необходимо производить в зависимости от объекта. В практике нашей работы в Испании это совершенно не делалось, так как налеты были бесплановые и, зачастую, приходилось бомбить по живой силе 100-[килограммовыми] фугасными бомбами, что кроме морального эффекта ничего не давало.

По возвращении с боевого задания, сразу после посадки самолета, бомбы подвешивались такого калибра, который имелся в наличии.

В будущем каждому авиационному парку (а желательно парк иметь при каждой эскадрилье) необходимо строго учитывать, какие бомбы нужны, и своевременно [по]давать заявки, а вышестоящему органу снабжения необходимо хорошо знать свою матчасть и полностью обеспечивать все боевые части всем необходимым вооружением, исходя из боевых задач каждой части.

2. Борьба с зенитной артиллерией.

Борьба с ЗА должна проводиться выбором маршрута, начиная от прохода линии фронта и кончая целью, с учетом точных данных, где находится ЗА. Вышестоящий штаб должен своевременно информировать части обо всех перемещениях ЗА противника как на фронте, так и в тылу. Во всех случаях нужно делать обязательный обход всех пушек ЗА, не считаясь с расстоянием. При выходе на цель, примерно в 10 км, необходимо начинать противозенитный маневр по направлению и высоте.

В один из моих полетов я получил задание — в 13.00 бомбить аэродром Севилья, где имелось много самолетов «юнкерс» и других, имея запасной целью ж.-д. станцию Севилья.

Я с шестью самолетами в 13.30 был над Севильей, не имея данных о наличии там сильной ЗА. При подходе к цели (7–10 км) на высоте 4600 м и скорости 280 км/ч я неожиданно был встречен сильным заградительным огнем (до 100 разрывов) впереди самолетов и немного ниже (100–150 м). Я сразу сильным снижением и разворотом вправо пошел в эти разрывы, непрерывно меняя направление и высоту, увеличив скорость до 320 км/ч по прибору. Весь этот маневр производил с учетом разворота на боевой курс. По сигналу штурмана я поставил вариометр на 0 и повел самолет по горизонту и, как только бомбы были сброшены, сразу же заложил пологий разворот с большим радиусом и продолжал снижаться.

ЗА продолжала вести огонь, и снаряды рвались очень близко, но ни одного самолета они не уничтожили. Как только ЗА прекратила свой огонь, я сразу начал набирать

высоту, держа скорость 300 км/ч. Через минуту нас атаковали истребители мятежников с трех направлений — с обоих флангов и сзади, особенно близко подошли с левого фланга. Я дал полный газ, и истребители быстро стали отставать. В результате задача нами была выполнена хорошо — бомбы упали на аэродром и в речной порт, где был разбит один торговый пароход.

Во время этого налета самолеты СБ получили 15 пробоин от осколочных снарядов, но это не помешало нам в сомкнутом строю вернуться на свой аэродром.

3. Воздушный бой СБ с истребителями.

Опишу несколько случаев воздушного боя самолетов СБ с истребителями.

1. Если истребители атакуют спереди, когда они имеют преимущество в высоте, то СБ нельзя делать разворотов, а нужно дать полный газ (не теряя высоты) и непрерывно делать эволюции по курсу, не давая вести истребителям прицельного огня. Когда же дистанция подходит к действительному огню, то, не сильно снижая скорость, энергичным движением штурвала на себя набрать сколько можно высоты, и тогда истребители мгновенно пролетят под самолетом и догнать уже не смогут.

2. Когда истребители атакуют с фланга, справа или слева, и имеют преимущество по высоте, необходимо делать те же самые эволюции, как и в первом случае, и отворачиваться во внешнюю сторону, ставя их себе в хвост, и на полной скорости, не теряя высоты, уходить на выполнение задачи.

Во всех других случаях воздушного боя всегда нужно стараться как можно быстрее от истребителей уйти, чтобы скорее выполнить боевую задачу по бомбометанию. Если же видно, что в воздушном бою противник имеет большие преимущества, а до цели бомбометания еще далеко, то лучше выйти из боя и, вернувшись обратно, стараться пройти на малой высоте (если нет кислородных приборов), и, добравшись до цели, выполнить свою задачу. Но всегда решение на выход из боя нужно принимать быстро, а если опоздал, то дерись до конца, ставя своей задачей — уничтожить противника или обратить его в бегство.

4. Штурманская служба.

В первые дни полетов на СБ многие штурмана не пользовались приборами, в особенности штурмана, никогда не летавшие на СБ, а в большинстве случаев хватались за карту, забыв про компас и время. Но так как скорость на СБ большая и время, потребное для прилета к цели, проходило быстро, то штурмана начинали сомневаться в правильности визуальной ориентировки, искать другие пункты и очень быстро теряли ориентировку. Считаю, что во всех полетах боржурнал нужно вести обязательно. Так как бомбы подвешивались разного калибра, то девиация снималась обычно на первом курсе, для чего намечались два контрольных ориентира и позже вводились поправки. Приборы на СБ хорошие, и нужно требовать, чтобы в мирных условиях больше пользовались ними.

5. Работа штабов.

Громадным недостатком в работе штаба было то, что штаб часто выполнял не свои функции. Совершенно не составлялись оперативные и разведывательные свод-

ки, а также оперативные планы. Бомбардировщики часто использовались неправильно, и задачи ставились без учета действий земных войск. Штаб авиагруппы помощи в работе штаба эскадрильи не оказывал. Штабные командиры опыта штабной работы в условиях боевой обстановки не получили, а занимались телефонными разговорами и передачей результатов полета. Штабные командиры ни разу не летали на разведку, и авторитет их среди летного состава был невысок.

6. Подготовка стрелков-радистов.

Опыт воздушных боев в Испании показал, что на эти должности нужно подбирать людей физически сильных и абсолютно здоровых. Нужно знать тормозимость⁶¹ каждого, для чего, пропуская через медицинские комиссии, отсеивать всех непригодных.

Обучение стрельбам нужно начинать со стрельб на параллельных курсах, а все остальные стрельбы проводить так, чтобы стрелок не знал ни ракурса стрельбы, ни скорости. Все эти данные он должен сам в воздухе определить, и тренировать на этом нужно как можно чаще.

Не нужно особенно огорчаться, если стрелок в первые 10–15 стрельб не будет поражать конус, но это даст лучшую пользу, чем стрельба с заранее известным углом и скоростью конуса.

Все эти выводы я делаю на основании наблюдения за своими стрелками в бою, когда в первые дни некоторые стрелки физически не могли перебросить пулемет на другой борт или не успевали сделать это достаточно быстро. При сколачивании отряда и эскадрильи необходимо отработать, кто кого поддерживает в бою своим огнем, распределить, кто и в каком секторе ведет наблюдение за воздухом. Установить сигналы тревог в воздухе. Я считаю эволюции самолета и пулеметный огонь наилучшими сигналами тревог в воздухе.

7. Связь.

Связь с землей во время боевых полетов, тем более на самолетах с большими скоростями, почти не нужна, но связь остро необходима для управления самолетами в воздухе. Работа раций по управлению самолетами в воздухе должна исключать возможность радиоперехватов со стороны противника, так как в противном случае самолеты СБ могут быть атакованы истребителями. Если такую рацию для СБ дать нельзя, то связь можно осуществлять эволюциями самолетов, а наличие связи, дублирующей одна другую, только вводит путаницу, и лучше иметь одну связь, но зато надежную. Наземную же связь нужно иметь работающую безотказно и, главное, быстро.

Фашисты эту связь поставили на должную высоту и при всех вылетах самолетов СБ, как только они пересекут линию фронта, мятежникам сразу становились известны время полета, количество самолетов и курс полета.

А на правительственной территории наземная связь была поставлена неудовлетворительно, и часто становилось известно о появлении самолетов мятежников тогда, когда они уже выполнили свою задачу и уходили на свои аэродромы.

⁶¹ Тормозимость — психологический термин. — Прим. ред.

8. Маскировка аэродромов.

Опыт боевых действий в Испании показал, что маскировка аэродромов имеет огромное значение для сохранения матчасти и людей.

Авиационным паркам нужно иметь в своем хозяйстве следующий маскировочный материал:

1. Маскировочные сети.
2. Известь.
3. Строительный материал (доски, бревна).
4. Различная ткань.
5. Краски разных цветов.
6. Сажа или шлак.
7. Инструмент (лопаты, кирки, молотки, топоры и т. д.).

Нужно в штабы эскадрильи ввести двух-трех человек специалистов-маскировщиков, которых подготавливать на специальных курсах.

Пребывание эскадрильи на одном аэродроме должно быть не более 5 суток.

Немецкие «юнkersы» меняли аэродромы каждые три дня.

9. Нормы боевой работы летного состава.

Срок боевой работы летного состава можно считать 2–3 месяца, после чего нужно обязательно давать отдых.

Работа свыше этого срока при полетах на больших высотах и скоростях вызывает потемнение в глазах, а в конце полета появляется тошнота. Эти явления наблюдались у всего летного состава эскадрильи на четвертом и пятом месяце непрерывной летной работы в условиях боевой обстановки.

Для сохранения здоровья летного состава еще в мирной обстановке необходимо следить, чтобы положенные два месяца отпуска им использовались полностью. Врачи должны перестроить свою работу в сторону усиления медицинского наблюдения за летным составом и его обслуживания.

10. Матчасть СБ.

1. Самолет не обеспечивает достаточного наблюдения за воздухом и землей.
 2. Связь внутри самолета на больших скоростях плохо работает, и командир самолета не может знать, в каком состоянии у него находится экипаж.
 3. Управление шасси нужно перенести все в кабину летчика.
 4. Нужно увеличить бомбовую нагрузку по количеству и весу бомб.
 5. Поставить в заднюю кабину крупнокалиберный пулемет.
 6. Поставить аварийный бомбосбрасыватель летчику и приспособление для открывания и закрывания бомболоюков.
 7. Переделать сиденье летчика, сделав его выше, и поставить бронь.
 8. Переделать заливную систему, ибо по тревоге очень трудно быстро приготовить самолет к вылету.
 9. Проверить, почему у большинства моторов после 70–80 час. работы в полете падает наддув и с ним число оборотов до 250.
- После устранения этих дефектов самолет СБ и моторы будут прекрасные.

Я выражаю благодарность создателям этого самолета и нашему правительству за такую хорошую материальную часть, на которой мы с малыми потерями нанесли большие поражения фашистам.

11. Штаты эскадрильи самолетов СБ.

Эскадрилья должна состоять из четырех отрядов по 8 самолетов в каждом и одного самолета командира эскадрильи.

Такой состав эскадрильи необходим по следующим соображениям:

1. В боевой обстановке придется делать каждый день не менее двух вылетов, и если учесть, что при напряженной работе 15 % матчасти будет не в строю, то при существующих штатах эскадрильи для выполнения боевого задания может не хватить самолетов.

2. Эскадрилья есть боевая часть, которая самостоятельно выполняет боевые задачи (бомбометание аэродромов, ж.-д. узлов и т. д.), а для выполнения этих задач нужно не менее 20 самолетов. Во всех случаях нужно бить так, чтобы чувствовалась сила эскадрильи.

3. В случае очень интенсивной работы всегда можно дать отдых одному отряду в порядке очереди.

4. При больших потерях безболезненно можно послать одного командира отряда для подбора нового пополнения и дальнейшего сколачивания отряда.

Самолеты необходимо располагать на двух аэродромах по 12 самолетов на каждом.

Для полного обеспечения боевой работы эскадрильи необходим следующий автотранспорт:

- 20 грузовиков (трехтонки);
- 5 грузовиков (полутонки);
- 4 цистерны;
- 4 автостартера;
- 2 ремонтных мастерских;
- 4 легковых машины;
- 4 водоцистерны.

12. Отдельные вопросы.

1. Я считаю, что командиром эскадрильи самолетов СБ должен быть обязательно летчик, потому что он должен своим самолетам показывать в бою, как надо действовать. Он может лучше знать летные качества каждого отдельного летчика и соответственно этому давать боевые задания.

2. При бомбометании аэродромов, особенно с истребительной авиацией, при подходе к ним на дистанцию 7–10 км нужно бросить одну-две бомбы, что оказывает очень сильное моральное действие на летный состав, который в это время сидит в самолетах и пытается запустить моторы или прогревает их, а при падении бомб даже вблизи аэродромов все бросают самолеты и бегут под укрытия.

Такой случай был 3 октября при налете самолетов мятежников на аэродром правительственных самолетов в Хетафе⁶², когда одна бомба, сброшенная самолетом против-

⁶² База республиканских ВВС в 14 км от Мадрида.

ника в 7 км от аэродрома, заставила весь летный состав правит[ельственных] самолетов бежать с аэродрома. Все это дало возможность противнику сбросить бомбы, когда все самолеты были на аэродроме, и уйти безнаказанно.

3. Посадка самолетов СБ с бомбами возможна, но в целях безопасности лучше их во всех случаях сбросить до посадки и садиться без бомб.

4. Нашим конструкторам необходимо сконструировать парашют, безопасный в пожарном отношении.

5. В практике командирской учебы необходимо проводить больше занятий по изучению вооруженных сил вероятных противников, а каждый летчик должен хорошо знать все новейшие самолеты капиталистических стран.

[РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 11. Л. 65 об. — 83.]

Informe del mayor V.S. Kholzunov sobre las operaciones de combate de aviones SB en España

13 de abril de 1937

El informe dice que la escuadrilla derribó a 3 Heinkel y 4 Fiat sublevados. La aeronave SB está clasificada como buena. Se dan recomendaciones sobre la acción de bombarderos contra la retaguardia profunda del enemigo. Se informa que la escolta de aviones de caza en ese caso no es necesaria. Se dan orientaciones sobre la lucha contra la artillería antiaérea y contra los aviones de caza enemigos. Se critica el trabajo de los navegadores, ya que al principio muchos no usaban instrumentos de a bordo que son excelentes. Se critica el trabajo del Estado Mayor en la preparación de misiones, porque en lugar de su labor (confección de resúmenes operativos y de inteligencia, elaboración de planes de operaciones) sólo se ocupan de realizar informes de trabajo. Coordina mal las acciones de los bombarderos con las Fuerzas Terrestres. Se observa que las personas físicamente fuertes deben ser seleccionadas para el puesto de ametrallador-radista. Estos deben aprender a disparar en un entorno cercano al combate. Se informa que la comunicación con tierra no es necesaria. Se necesita una radiocomunicación entre las aeronaves de la escuadrilla, pero de tal manera que no pueda ser interceptada, de lo contrario las acciones de la aeronave serán conocidas por el enemigo. Hay que destacar la importancia de enmascarar aeródromos. Se propone nombrar personas especialmente capacitadas para este trabajo. Las tripulaciones SB deben descansar cada 2 ó 3 meses. Se dan recomendaciones para mejorar la aeronave.

Выдержка из оценки обстановки в Испании, выполненной Разведывательным управлением РККА, на 5 июня 1937 г. Распределение территории и населения Испании между борющимися сторонами

Республиканцы имеют под своей властью полностью 14 провинций страны и часть других 13 провинций, входящих в зону вооруженного фронта, а также остров Менорка из группы Балеарских островов. Территория, занимаемая республиканцами, состав-

ляет приблизительно 215 тыс. км² (около 42 % всей территории страны) с населением 12 млн чел. (48 % населения Испании).

Фашисты владеют 20 провинциями собственно Испании, а также большей частью Балеарских островов, Канарскими островами и Испанским Марокко. Вместе с частью территории 13 провинций, непосредственно охваченных фронтами, территория фашистов составляет около 290 тыс. км² (58 % всей территории Испании), с населением 13 млн человек (52 % населения Испании).

Преимуществом республиканского правительства является то, что занимаемая им территория больше насыщена промышленными предприятиями и рабочей силой среди населения, чем территория мятежников. Имеющиеся в Испании два миллионных города (Мадрид и Барселона) находятся в руках республиканцев. Из 9 городов с населением свыше 100 тыс. чел. четыре (Валенсия, Бильбао, Мурсия и Картахена с общим количеством населения 758 тыс.) принадлежат республиканцам и пять городов (Севилья, Малага, Сарагоса, Гранада и Кордова с общей численностью населения 800 тыс. чел., из которых значительный процент перебежал к республиканцам) принадлежат мятежникам. Однако в руки последних попали такие важные сельскохозяйственные территории, как юго-западные провинции, производящие значительную часть продуктов продовольствия.

В руках мятежников находится 8185 тыс. га, или 53 % всей посевной площади Испании, в распоряжении республиканцев — 7245 тыс. га, или 47 % посевной площади страны. Точно так же в распоряжении мятежников имеется большое количество железных дорог. На Средиземноморском побережье и на Бискайском заливе республиканское правительство располагает несколькими удобными портами, фашисты же владеют большинством портов Южной Испании (включая и Испанское Марокко) и порты сев[еро]-зап[ада] Испании (Галисия).

Социальная база сторон

Опорой республиканского правительства является подавляющее большинство испанского народа.

Наиболее активную силу представляет рабочий класс. Республиканское правительство поддерживается всеми рабочими партиями Испании — коммунистами, социалистами и анархистами, профсоюзами и левыми буржуазно-республиканскими партиями («Республиканское действие»⁶³, «Республиканский союз»⁶⁴), представляющими интересы городской мелкой буржуазии, интеллигенции и некоторых групп средней прогрессивной буржуазии. Испанское крестьянство не имеет своей особой политической партии, его интересы наиболее последовательно защищает испанская компартия. Кроме того, на стороне Народного фронта находится национальное

⁶³ Партия была основана в 1925 г. Мануэлем Асанья. В 1934 г. вошла в партию Левые республиканцы. По всей видимости, здесь имеется в виду последняя.

⁶⁴ Республиканский союз существовал с 1934 по 1958 г. Возник в результате слияния Демократической радикальной партии Диего Мартинеса Баррио (основана группой членов Радикальной республиканской партии Алехандро Лерруса, недовольных альянсом последнего с консерваторами из Испанской конфедерации независимых правых (CEDA)) и Радикально-социалистической республиканской партии.

движение Каталонии, Басконии и Галисии (каталонцев — 3 млн чел., галисийцев — 2 млн [чел.], басков — ок[оло] 1 млн чел.).

Мятежники, являясь орудием итальяно-германской интервенции, одновременно последовательно защищают интересы крупной испанской буржуазии и помещиков. Их поддерживает духовенство и кулацко-ростовщическая верхушка деревни.

Организационным хребтом фашистского мятежа были тайные офицерские союзы («хунты»), а также так называемая СЭДА (Испанская федерация правых организаций), «Испанская фаланга» (приближающаяся по типу к германской национал-социалистической организации и поддерживаемая крупным финансовым капиталом) и «карлисты» (старая монархическая организация, распространенная преимущественно в сев[ерной] Испании).

Соотношение военных сил

В ходе военных действий в соотношении военных сил республиканцев и мятежников произошли радикальные изменения.

Военные силы республиканцев на фронтах изменялись следующим образом:

	На 20.10.[19]36 г.	На 20.02.[19]37 г.	На 10.05.[19]37 г.
Людей	180 000	230 200	440 000
Винтовок	80 000	215 000	300 000
Пулеметов	около 350	2350	3600
Орудий	около 240	430	760
Мортир	–	260	650
Танков	–	75	240
Бронемашин	–	60	110
Самолетов	ок[оло] 40 (устаревших образцов)	160	ок[оло] 300

Первоначально республиканские войска состояли из «колонн» разной численности. В дальнейшем (в первую очередь, на Мадридском фронте, а затем и на всех других фронтах) армия республиканцев постепенно принимает вид регулярной вооруженной силы. В настоящее время основной организационной единицей в республиканской армии является бригада: три бригады составляют дивизию, три дивизии — корпус. Бригады имеют 2–5-батальонные составы, примерно по 500 чел. в каждом батальоне.

Республиканская армия до марта 1937 г. пополнялась главным образом добровольцами. Только в последнее время проведен закон об общей мобилизации населения в ряды республиканской армии.

Командный состав республиканских войск лишь в незначительной степени укомплектован офицерами кадровой испанской армии; эта категория использована, главным образом, в центральном военном аппарате и в высших штабах на фронте. Основные

кадры командного состава республиканской армии выдвинулись из низов, из числа наиболее преданных и выдающихся борцов республиканского фронта. Большинство командных должностей от командира бригады и ниже заполнены лицами этой категории. Военная подготовка их почерпнута, главным образом, из опыта самой войны. До войны огромное большинство республиканских командиров с военным делом были мало знакомы. В еще большей степени это касается бойцов республиканской армии.

В целом эта армия строится и учится на ходу, в огне боевых действий.

Фашистские мятежники имели на фронтах следующие силы:

	К 20.10.[19]36 г.	К 20.02.[19]37 г.	К 01.06.[19]37 г.
Людей	138 000	180 000	290 000 (в т. ч. около 80 тыс. итальянцев и немцев и 60 тыс. марокканцев)
Винтовок	120 000	180 000	235 000
Орудий	400	538	800
Танков	100	150	200
Самолетов	180	300	260

Организационно фашистские войска сведены в пех[отные] дивизии, по 3–4 полка в каждой, кав. группы из нескольких кав. полков, специальные и технические части и распределены между армиями — «Северной» и «Южной». В последнее время на Мадридском фронте мятежники провели объединение частей трех дивизий (15-й, 7-й и Мадридской) в особое оперативное соединение — корпус. Войска фашистов хорошо обеспечены командным офицерским составом (из 20 тыс. офицеров регулярной испанской армии около 70%, т. е. до 14 тыс. чел., примкнули к военно-фашистскому движению и только небольшое количество офицеров осталось верным законному республиканскому правительству). Благодаря поддержке Германии и Италии фашистские войска хорошо обеспечены вооружением, боеприпасами и средствами техники, особенно артиллерией и авиацией.

Однако в качественном отношении республиканская авиация и танки, как по состоянию материальной части, так и по искусству личного состава, превосходят авиацию и танки мятежников и интервентов.

Анализируя соотношение сил сторон, можно сказать, что с точки зрения соотношения внутренних сил Испании Народный фронт, в конечном счете, имеет несомненный перевес над фашистскими мятежниками.

Гражданская война в Испании изобилует многочисленными примерами героизма, проявляемого бойцами и командирами Народного фронта. Упорству мятежников, не на жизнь, а на смерть отстаивающих привилегии эксплуататорских классов, противопоставит энтузиазм и стойкость республиканских частей, а также готовность широких масс народа продолжать борьбу против фашизма. Особенно следует отметить боеспособность республиканских частей, находящихся на Мадридском фронте.

[РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 475. Л. 6–9.]

Extracto de la evaluación de la situación en España realizada por la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo el 5 de junio de 1937. Distribución del territorio y la población de España entre las partes beligerantes

Al comienzo del documento, se introduce una descripción de territorios ocupados por los republicanos y los sublevados. Hay que señalar que, aunque los sublevados controlan un poco más de territorio y de población que los republicanos, los principales centros industriales están en manos de los últimos. Posteriormente se incluye una descripción de la base social de cada uno de los contendientes. Se informa que la mayoría de la población y las fuerzas políticas en España abogan por la República. Los principales apoyos políticos de los franquistas son las juntas de oficiales, la CEDA, la Falange Española y los carlistas. A continuación, se ofrece una descripción del equilibrio existente entre ambos ejércitos. Las tablas muestran el número de armas y efectivos que poseen tanto los republicanos como los sublevados. Hay que destacar el hecho que el Ejército Republicano fue adquiriendo progresivamente un carácter cada vez más regular y jerárquico. Se observa que la estructura de mando del Ejército está formada por los que, antes del golpe de Estado, pertenecían a grados inferiores de la escala castrense, sin mucha experiencia militar. El ejército franquista se caracteriza por ser más profesional, debido a que una parte importante de oficiales profesionales se unieron a los sublevados. Sin embargo, en términos de calidad, la aviación republicana y los tanques, tanto en términos de equipamiento como de efectivos, son superiores a los de los sublevados y sus aliados extranjeros. Se concluye que la República tiene cierta ventaja en la contienda.

Сводка действий республиканской авиации с 9.3 по 8.4 [1938 г.] и пояснения к ней тов. А. (авиационного советника в Испании полковника Ф.К. Арженухина⁶⁵)

Республиканская авиация действовала в операции непрерывно⁶⁶. Не было ни одного дня, ни одного часа, когда бы мы не могли действовать из-за потери управления, недостатка боеприпасов или по другой причине. Республиканцы ограничивали действия авиации максимально допустимым напряжением для летного состава... Нормально истребители делали по 2–3 вылета в день, но иногда обстановка заставляла делать 4 и даже 5 вылетов. Примерно через 5–8 дней после начала операции республиканские истребители вели бои с большим успехом, почти не неся потерь. Сказывался боевой опыт, который летчики-истребители приобрели в предыдущей операции⁶⁷.

⁶⁵ Арженухин Фёдор Константинович (1902–1941), псевдоним Камарада Федорио — полковник, впоследствии генерал-лейтенант авиации, в Испании с февраля 1937 г. по август 1938 г., авиационный советник, за выполнение специального задания был награждён орденом Ленина (03.11.1937) и орденом Красного Знамени (02.03.1938). После возвращения из Испании, с сентября 1939 года — начальник штаба ВВС РККА. С сентября 1940 года — начальник Военной академии командного и штурманского состава ВВС РККА.

⁶⁶ Имеются в виду оборонительные бои, которые вела республиканская армия, пытаясь остановить продвижение франкистских войск, известное как Арагонское наступление. Оно началось 7 марта 1938 г. и завершилось 19 апреля 1938 г. В его ходе франкистским войскам удалось занять обширные территории и отрезать Каталонию от основной республиканской зоны.

⁶⁷ По всей видимости, имеется в виду Теруэльская операция, проходившая в период с 15 декабря 1937 г.

Тактика противника очень проста. В решающие дни, когда его пехота наступала, он развивает в воздухе исключительную активность. [Нет] ни одной свободной минуты, когда бы не было в воздухе его самолетов. [Причем] он массирует авиацию не только по месту, но и по времени. Когда пройдут решающие дни, он почти совершенно прекращает полеты над фронтом, давая своим авиационным частям время на отдых и ремонт.

В такие решающие дни республиканские истребители вылетали, как правило, всей группой и, достигая перевеса только на короткое время, все же били противника. Главная задача тогда заключалась в том, чтобы навязать противнику несколько хороших воздушных боев. Все разговоры о прикрытии оказались пустяками. Поэтому, когда его авиация не давала жить республиканской пехоте, стояла задача: провести хотя бы два результативных воздушных боя и сбить несколько самолетов противника. Группа вылетала в полном составе, строилась в соответствующий боевой порядок и искала боя. Нет ничего важнее для истребителя, чем желание драться. Каждый летчик-истребитель должен быть так воспитан, чтобы искать противника в небе и стремиться сбить во что бы ни стало. Время показало: такая постановка задачи — правильная. Ибо прикрывать, значит рассредоточить силы...

Когда начинаются крупные операции и идут массовые бои, надо иметь много истребителей. Я не ошибусь, если скажу, что для обеспечения господства в воздухе надо иметь истребителей в 3–4 раза больше, чем их имеет противник. К такому соотношению надо всегда стремиться в будущей воздушной войне. Однако фактически все обстоит как раз наоборот: у нас истребителей в 4 раза меньше, чем их имеет противник...

В этой операции республиканцы вынуждены были постоянно менять аэродромы, эвакуировать с них разное авиационное имущество и боеприпасы. Не секрет, что республиканские войска арагонского фронта оказались деморализованы, и бежали, побросав оружие, потеряв соприкосновение с противником... Управление было нарушено, никто не знал, что творится на фронте, где свои, где противник. Как ни печально, но в такие дни мы думали не о том, где наша пехота задержит противника, сколько о том, когда противник остановится, поскольку иссякнут его наступательные возможности.

Примерно за 20 дней каждая эскадрилья меняла по 6–7 аэродромов, т. е. с каждого работа производилась по 3–4 дня, после чего часть снова перебазировалась в тыл. Бывали случаи, когда приходилось эвакуироваться спешным порядком — фронт оказывался открытым⁶⁸, и ничто не препятствовало противнику приехать на автомашинах на аэродром (например, Каспе⁶⁹). Однако такого не случилось, и мы почти ничего не оставили противнику на наших аэродромах.

Фронт остановился [только] по линии Сорт, Тремп, Балагер, Лерида, Моро де Эбро, Тортоса⁷⁰. За месяц противник захватил территорию более 150 км в глубину. Мы потеряли более 30 аэродромов, и наша авиация оказалась в гористой Каталонии с [имев-

по 22 февраля 1938 г. В её ходе республиканские войска предприняли крупное наступление в районе г. Теруэль, но после контрнаступления франкистов занятые позиции пришлось оставить.

⁶⁸ Согласно воспоминаниям начальника Генерального штаба республиканской армии Висенте Рохо, такая ситуация сложилась 15 марта.

⁶⁹ В ходе Арагонского наступления франкистов Висенте Рохо, начальник Генерального штаба республиканской армии, разместил в г. Каспе в провинции Арагон центр организации обороны.

⁷⁰ Города, расположенные на западе Каталонии в провинциях Лерида и Таррагона.

шимися там] 20 аэродромами, большинство которых очень ограниченных размеров. Наибольшую трудность мы испытали при эвакуации фронтového склада из Балагер⁷¹. Для того, чтобы оттуда вывезти бензин, бомбы и прочее, потребовалось свыше 1000 грузовиков. Работа производилась непрерывно (днем и ночью), солдаты трудились без отдыха, на складе уже ждали два специально командированных подрывника, чтобы подорвать те запасы, которые не успеют вывезти. К счастью, этим товарищам не нашлось работы...

Мы никогда не перебрасывали эскадрильи на новые аэродромы без выполнения боевой задачи. Утром группа И-16 прикрывала СБ⁷², после чего садилась на новый аэродром. Труднее было с переброской земных эшелонов эскадрилий. Они, как правило, меняли аэродромы ночью, чтобы утром оказаться на новом месте...

Операция показала, что командование армии оказалось не на должной высоте. Оно обнаружило абсолютное неумение использовать авиацию. Не только испанские командиры не понимают элементарных основ использования авиации, но и наши советники нуждаются в том, чтобы дома их учить грамотному использованию воздушных сил. Большие командиры не умеют смотреть вперед даже на 5–8 дней. Не раз приходилось слышать такие заявления: «Завтра вы должны дать 5 и больше боевых вылетов, и если послезавтра вы останетесь без самолетов, то это не имеет никакого значения. С выходом противника к морю война будет проиграна и нам авиация будет не нужна».

[РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 261. Л. 141–147.]

Resumen de acciones de la Aviación Republicana del 09.03 al 08.04 [1938] y explicaciones del camarada A. (asesor de aviación en España, el coronel F.K. Arzhenukhin)

El documento proporciona un resumen de acciones de la Aviación Republicana durante la ofensiva del Ejército franquista en Aragón. Se informa que, en promedio, los aviadores realizaron 2 ó 3 misiones al día, pero a veces la situación les obligaba a hacer 4 o incluso 5 vuelos. Al comienzo de la ofensiva, combatientes republicanos pelearon con gran éxito, casi sin pérdidas. Esto se debe a la experiencia adquirida en batallas anteriores. Por contra, la superioridad numérica estaba del lado de aviones enemigos. La mayor parte del documento describe problemas referentes a la necesidad de cambiar constantemente los aeródromos de base. En promedio, las unidades aéreas estuvieron en un lugar solamente durante 3 ó 4 días. Hay momentos en los que el frente estaba poco resguardado (por ejemplo, en el caso de Caspe) y no había tropas republicanas entre los aeródromos y la vanguardia de tropas franquistas. La transferencia de la aviación entre aeródromos siempre tuvo lugar al mismo tiempo que se estaba realizando una misión de combate. Hay que señalar que los acontecimientos demostraron la incapacidad de comandantes españoles y asesores soviéticos de utilizar de forma correcta la aviación.

⁷¹ Рядом с г. Балагер располагался военный аэродром, который был введен в эксплуатацию в марте 1937 г.

⁷² СБ — скоростной бомбардировщик АНТ-40.

Доклад старшего советника санитарной службы военврача 1 ранга

Клюсса И.А.⁷³

Санитарное обеспечение июльской операции.

(Доклад тов. К.)

Подготовительный период.

Подготовительный период для санитарной службы нужно считать с 29.06 по 05.07. В районе операции⁷⁴ были расположены 1 и 6 корпуса. В районе Вальдеморильо⁷⁵ сосредотачивалась ударная группировка в составе 5 и 18 корпусов. Ресурсы санитарной службы этих корпусов даны в приложении № 1, а дислокация — в приложении № 2. Корпусные госпитали 1 и 6 корпусов находились в начальной стадии организации, причем, судя по темпам развертывания, мало было получить их к началу операции. Цифры развернутых коек почти по всем госпиталям оказались значительно преувеличенными, подвижные госпитали оказались в действительности неподвижными, т. к. транспорта своего не имели, палатки оказались только на бумаге. В действительности это были просто склады коек, инструментария и некоторых запасов материала, причем персонал, вследствие того, что госпитали находились в свернутом состоянии уже несколько месяцев, в значительной своей части оказался в отпуску.

Аналогичное положение было с транспортом. Бумажные сведения оказались неточными, транспорт частично в ремонте, а находящийся в наличии так рассредоточен, что справиться с ним было бы трудно.

Кроме того, из Валенсии были присланы в Мадрид 50 амбулансов, прибывших из Франции. Когда проверили их прибытие, то оказалось, что все они сданы в мастерскую на ремонт. Причина — не понравилось подрессоривание носилок, и поэтому решили все их капитально переделать. В мастерской 35 из них уже разобрали (внутреннее устройство). Оказалось, что ежедневно выпускать из ремонта мастерская может только пять амбулансов. По правде говоря, Франция продала достаточно скверные амбулансы, сделанные буквально на живую нитку и небрежно, настолько, что после первых же дней работы, во время операции, обшивка стала разъезжаться и носилки падать.

С личным составом дело обстояло не лучше. Сведений об укомплектованности частей почти не имелось, наличие хирургических групп в госпиталях было явно недостаточно для операции.

Запасы материалов в частях и госпиталях минимальны. Таким образом санитарная служба оказывалась почти совершенно неподготовленной к проведению большой операции. Надо было принимать быстрые меры по всем вопросам подготовки. Однако и здесь сказались значительные трудности, т. к. командование никаких указаний санитарной службе на давало.

⁷³ Клюсс Иван Александрович (1899–1948) — военврач 1-го ранга, старший преподаватель кафедры военно-полевой хирургии Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова, впоследствии генерал-лейтенант медицинской службы. В Испании с апреля 1937 г. по апрель 1938 г., старший советник санитарной службы, за выполнение специального задания был награжден орденом Красного Знамени (28.10.1937). В годы Великой Отечественной войны был начальником Военно-санитарных управлений ряда действующих фронтов.

⁷⁴ По всей видимости, речь идет о битве при Брунете 6–25 июля 1937 г.

⁷⁵ Город в провинции Мадрид.

Наконец, нач. штаба фронта был представлен следующий проект плана.

1. Общее решение.

а) Принимая во внимание трудности подъема госпиталей, отсутствие подвижных и неподготовленность существующих, как основная база используется существующая госпитальная сеть 1 и 6 корпусов (см. приложение № 1).

б) Пути эвакуации:

5 корпус: Галапагар — Серседа — Кольменар Вьехо — Фуэнкараль — 43 км.

18: Торрелодонес — Ойо де Мансанарес — Кольменар Вьехо — Мадрид — 48 км.

Запасный: Галапагар — Торрелодонес — Эль Пардо — Фуэнкараль⁷⁶ — Мадрид — 38 км.

в) Для организации неотложной квалифицированной хирургической помощи развертываются по несколько хирургических групп в р-не Галапагар-Кольменар Вьехо для 5 корпуса и в районе Торрелодонес для 18 корпуса.

г) Создаются резервы: госпитальные (в Эскориаль, Фуэнфриа, Мирафлорес и Мадрид), транспортные и хирургические группы в расположении начсанарма. Полевые подвижные госпиталя, автохир. отряды остаются в распоряжении начсанарма для выбрасывания вперед при развитии наступления.

2. Расчет потерь

Корпуса	Численность	Общие потери		Санитарные	1 день		2 день		3 день		4 день		5 день		6 день		7 день		8 день	
		%	Абс.		%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.
V XVIII	25000	20	5000	4000	20	800	20	800	15	600	15	600	10	400	10	400	5	200	5	200
	25000	20	5000	4000	20	800	20	800	15	600	15	600	10	400	10	400	5	200	5	200
Всего	50000		1000	8000		1600		1800		1200		1200		800		800		400		400

Такой ориентировочный расчет исходил из предположения, на что у командования имелись основания, что операция не явится неожиданной для противника и наступление с первого же дня встретит максимальное сопротивление. Однако этот расчет оказался не совсем правильным; наступление было, несомненно, неожиданным и сопротивление стало нарастать с развитием операции. В силу этого, распределение потерь, оставаясь в общем правильным для этого этапа операции, по дням приняло иной характер.

3. Расчет хирургической помощи.

За основу для этого расчета были взяты обычные справочные цифры деления санитарных потерь по тяжести:

Легких — 50 %

Средней тяжести — 35 %

Тяжелых — 15 %

⁷⁶ Все вышеназванные населённые пункты находятся на северо-западе от Мадрида.

Рассчитывая на наиболее трудные первые дни операции, можно было ожидать потерь.

	V ск	XVIII ск	Всего	
Легкие	400	400	800	1.70
Средн. тяж.	280	280	660	
Тяжелых	120	120	240	

4. Госпитальное обеспечение.

... Всего: 970 коек.

Кроме того, могли быть использованы как резервные при большой загрузке основных госпиталей еще госпиталя — всего 630 коек.

Наконец, для усиления эвакуационных линий могли быть выдвинуты после предварительной подготовки госпиталя — 520 коек.

Таким образом, общее количество коек составляло уже 2120 и при их полноценности было бы совершенно достаточным. Однако, надо было принять меры к их укомплектованию, снабжению и соответствующей перегруппировке.

б) Госпиталя тыловые.

Из 11 000 коек, развернутых в Мадриде, к этому времени было свободно около 5000 коек. Принимая во внимание, что Мадрид является первой госпитальной базой почти всего центрального фронта, а в условиях данной операции и первой базой действующей армии — этого было совершенно недостаточно, и после первых же дней операции Мадрид мог оказаться забитым. Необходима была срочная разгрузка его в Таранкон⁷⁷, являющийся второй госпитальной базой фронта. Однако это было в свою очередь сопряжено с необходимостью разгрузки Таранкона в Левант (Валенсия, Мурсия, Аликанте) и планомерной последующей разгрузки его во время операции.

5. Дополнительные мероприятия.

Кроме того, было предложено провести ряд дополнительных мероприятий.

а) Назначить начальника сан. службы действующей армии и его помощника.

Это мероприятие вызывалось, во-первых, необходимостью единого руководства на месте; во-вторых, тем, что нач. сан. службы фронта только что был назначен новый из Валенсии, вопреки и даже в отмену приказа ген. Миаха и не только не знал фронта, но и вообще не знал армии, т. е. никогда в ней не служил и все время работал в гражданском здравоохранении.

Таким нач. санарм был назначен нач. полевой службы сан. управления центрального фронта Хулио Гонсалес Рекатеро⁷⁸. Это наиболее способный из всей сан. службы фронта и растущий человек, один из старых членов коммунистической организации Мадрида. Обладая общими для всей сан. службы недостатками (отсутствие навыков

⁷⁷ Город в провинции Куэнка.

⁷⁸ Хулио Гонсалес Рекатеро (Julio González Recatero) — испанский медик, занимавший руководящие должности в медицинской службе республиканской армии. После поражения республиканцев был задержан франкистскими властями. По одной из версий, во время допросов выбыл из окна.

в организации, управлении и систематическом контроле, и руководстве), он производит хорошее впечатление своим стремлением к росту. Помощником ему был предложен нач. сан. службы 1 с. к. Эрмохенес, также молодой и растущий работник, но менее восприимчивый и менее дисциплинированный. В процессе операции он был затем назначен нач. сан. службы XVIII ск. вследствие полной непригодности нач. сан. службы этого корпуса Приецс [наверное, Приест (Priest). — *Прим. сост.*].

б) Отдать приказ об укомплектовании в частях носильщиков по штату.

в) Немедленно организовать в Мадриде школу для подготовки санитаров и носильщиков с укомплектованием ее по наряду штаба.

г) Создать не менее 25 хирургических групп и передать их в распоряжение начсанарма.

д) Подготовить в резерв начсанарма не менее 30 врачей.

е) Немедленно разгрузить полностью все войсковые госпитали и довести количество свободных коек в Мадриде до 7000. Равным образом договориться с центром управлением о систематической разгрузке Таранкона.

ж) Немедленно закончить развертывание корпусных госпиталей 1 и VI ск.

з) Укомплектовать и выбросить в район Галапагар—Торрелодонес все передовые подвижные госпитали.

и) Создать транспортный резерв начсанарма.

к) Отдать приказом подачу обратного порожняка для эвакуации легкораненых.

л) Организовать пикеты дорог.

м) Легкораненых, направляемых обратным порожняком, направлять непосредственно в Мадрид, где выделить специальные госпитали для легко раненых и организовать возвращение их в части после выздоровления.

н) При въезде в Мадрид организовать диспетчерский пункт для учета и распределения раненых по госпиталиям.

о) Обеспечить правильную регистрацию раненых в БПМ с отметками об оказанной помощи до места госпитализации.

п) Проверить обеспеченность частей перевязочными материалами и сыворотками госпиталей, кроме того кровью. Дать задание институту переливания крови доставить в госпитали к началу операции запасы крови по расчету и пополнять их.

р) Галапагар и Торрелодонес максимально обеспечить хирургическими группами.

Изложенный план был нач. штаба фронта одобрен. Однако, он выразил опасение за р-н Галапагар в отношении налетов авиации, и предложил госпитали V ск развернуть в Эскориале, изменив соответствующим образом пути эвакуации.

Таким образом, к началу операции дислокация сан. службы армии была организована так, как это показано на схеме № 3.

В процессе подготовки начсанарм лично трижды объехал весь войсковой р-н, проверяя готовность и устраняя недостатки.

II. Операция.

При подготовке к операции два раза было проведено совещание корпусных врачей соответствующих корпусов с подробным детальным разбором организации работы санитарной службы и необходимых мероприятий.

Все же этого оказалось недостаточно, и в процессе операции выявился ряд крупных недочетов, которые исправлялись, насколько возможно, на ходу. Рабочий день начсанарма во время операции был построен таким образом, что с утра он уезжал проверять работу батальонных и бригадных пунктов непосредственно в частях. За время операции он был во всех бригадных пунктах, причем в некоторых наиболее важных по несколько раз и в большом количестве б-нов. На обратном пути он проверял работу дивизионных и корпусных пунктов. Вторую половину дня посвящал объезду госпиталей и организации работы в них. Наконец, вечер уходил на работу в управлении, подготовке необходимых распоряжений и работу с корпусами и дивизионными врачами.

Работа войсковых пунктов.

Общая система войсковых пунктов состоит из сети батальонных, бригадных, дивизионных и корпусных пунктов. Точного определения объема работы пунктов нет. Добиться установления его удалось только к концу операции. Предполагалось, что первые два работают как перевязочные, вторые как классификационные. Практически не все они работали как перевязочные, повторяя ошибки прошлого. Несмотря на настойчивую борьбу за то, чтобы всю основную сортировку производить не дальше бригадных пунктов и отправлять оттуда раненых уже с определенным назначением — добиться этого удалось только частично, и большая часть раненых проходила постепенно этапы, получая на них повторные перевязки. Количество таких перевязок доходило до 3–5 в сутки.

Первая повязка обычно накладывается или ротным санитаром, или батальонным врачом. Качество этих перевязок невысокое. Это имеет несколько причин.

Во-первых, нет выучки не только у санитарного состава, но и у врачебного в вопросах соблюдения правил асептики. Во-вторых, очень распространены повязки с лейкопластом, причем марля придерживается двумя узкими полосками лейкопласта, наложенными крестообразно. Если такие повязки допустимы в мирное время и в отношении небольших ранений на войне, и то при условии наложения не менее 4 полосок по всем сторонам повязки, то в отношении более обширных ранений они недопустимы. В-третьих, очень развито промывание ран перекисью водорода. При несоблюдении правил асептики эта опасная манипуляция становится просто вредной, т. к. в процессе этого обмывания, несомненно, заносится в рану инфекция.

Во время беседы с батальонным врачом ранило пулей в нижнюю треть левого плеча стоявшего тут же санитаря. Практикант сначала обмыл все плечо перекисью, которая струилась вниз по руке, обмывая рану, после этого прикрыл рану куском марли, закрепив ее лейкопластом.

Тяжелораненые доставляются на носилках носильщиками, работающими очень хорошо под огнем. Работают без страха, но, к сожалению, без достаточной выучки. Раненого подбирают и укладывают на носилки самыми невозможными способами, чаще всего за руки и за ноги, как мешок с картошкой. В большинстве случаев БМП⁷⁹ располагается не далее 500–700 метров, но часто и на 100–200 метров от линии огня. Правда, 06.07 под Вильянуэва де ла Каньяда⁸⁰ едва удавалось разыскать батальон-

⁷⁹ Батальонный медицинский пункт.

⁸⁰ Город в провинции Мадрид.

ный пункт, так хорошо он замаскировался и укрылся. Оказалось, что батальонный врач-психиатр, только третий день призванный в армию, никаких указаний не получал. За день он пропустил только 2 раненых и то, по-видимому, случайно набредших на него.

Бригадный пункт.

Обычно располагался на расстоянии от 1,5–2,5 км, но опять-таки без учета путей следования раненых. Большим недостатком в оборудовании всех войсковых пунктов является отсутствие палаток, так что все они располагаются под открытым небом, раскладывая на ящиках все материалы и инструментарий, причем все это покрывается слоем пыли. Только в одном бригадном пункте (1-я бригада 11 дивизии) я видел развернутую палатку, но, к сожалению, в ней была устроена канцелярия, а ящики с перевязочным материалом и инструментами стояли под деревом у самой дороги, в облаке пыли. Тут не производились перевязки. В большинстве таких случаев начсанарм тут не давал необходимые указания, а иногда просто брал на себя руководство. Так было 06.07 на бригадном пункте 108 бр. 35 дивизии. На пункте скопилось около 40 раненых, среди них несколько очень тяжелых. Пункт под открытым небом и под обстрелом, причем тут не стоит несколько амбулансов. Врач совершенно растерялся и занимается тем, что обходит всех раненых и запрашивает анкеты. Все остальные стоят и ждут, когда он кончит. Только в стороне одна сестра спокойно перевязывает подходящих легкораненых и отправляет их дальше. После вмешательства начсанарма раненые были быстро рассортированы, перевязаны и эвакуированы. Аналогичная картина была на батальонном пункте 100 бр. 11 дивизии у Брунете.

Обычный объем работы — перевязки, причем делают их почти всем поступающим с батальонных пунктов с целью классификации. Кроме того, производят инъекции сердечных. Сыворотки впрыскиваются в дивизионных госпиталях. Одним из существенных недостатков пунктов является отсутствие связи и навыков управления. Бригадные врачи, да и все другие начальники больше заняты тем, что происходит непосредственно вокруг них, а не тем, чтобы руководить работой подчиненных пунктов. В результате начсанарму несколько раз приходилось заставлять бригадных и дивизионных врачей заняться батальонными и бригадными пунктами, их разгрузкой, помощью им, отрывая их от перевязки какого-нибудь отдельного раненого. Дивизионные пункты по сути дела дублировали работу бригадных с тем же объемом работ. Корпусные пункты — по идее классификационные, практически же те же перевязочные, т. к. ни сведений от госпиталей, ни связи с ними не имеют, и поэтому регулировать поток раненых по госпиталям не могут. Поэтому они занимаются тем же, чем и остальные пункты, т. е. перевязками. Но так как они поставлены на путях эвакуации, то всех раненых везут в них, достаточных неврачебных сил они не имеют и поэтому происходили заторы. Так было, в частности, при отступлении от Брунете на пункте XVIII корпуса.

Существование у них карточки учета мало что дает, отчетности в частях почти никакой не ведется. В госпиталях нет ни историй болезни, ни даже операционных журналов, за редким исключением. Все соответствующие советы Центральному управлению были даны с самого начала, но темпы выполнения такие, что ждать их выполнения часто значит остаться без всего. Поэтому во время операции все было срочно органи-

зовано приказом начсанарма на ходу, и надо прямо сказать, при заметном сопротивлении дивизионных и корпусных врачей, которое в значительной мере объясняется непониманием этого дела. Образцы этих форм прилагаются (приложения № 4, 5, 6, 7). Благодаря этому все же удалось собрать сведения о потерях и частично даже о их характере по данным пунктов и дать общие данные о потерях по частям войск и по дням операции (приложение № 8).

Работа госпиталей.

Основным недостатком работы госпиталей являются: отсутствие организации госпиталя как целого (практически это не госпиталь, а конгломерат хирургических групп), довольно низкий уровень соблюдения правил асептики, отсутствие истории болезни, операционных журналов (за малым исключением), отсутствие в большинстве госпиталей систематического наблюдения за температурой, общая загрязненность и довольно низкий уровень больничного ухода, опять-таки за немногими исключениями. Все это заставляло начсанарма обращать особое внимание на госпиталь и добиваться улучшения внутренней организации работы, но это в данных условиях дело трудное и требующее значительного времени.

По данным 7-ми войсковых госпиталей, за период с 6 по 28 всего прошло 10330 человек, из них:

Общее количество раненых — 9457 — 91,6 %
больных — 873 — 8,4 %

По роду ранящего оружия эти данные располагаются так:

Руж. пуль — 5636 — 54,6 %
Осколочных — 3821 — 37,2 %

(из числа осколочных 36,6 артиллерийских, 0,6 авиационных, однако эти сведения неточны).

Из общего количества раненых:

Ранения головы — 8 %
Лица, шеи — 7,2 %
Груди — 12,6 %
Живота — 8,7 %
Конечностей верхних — 28,3 %
нижних — 35,2 %

Общий процент смертности — 9 %, из них среди раненых — 7,8 %
больных — 21,2 %

Из общего количества раненых оперировано — 1429 — 15,1 %

Смертность среди оперированных — 26,7 %
неоперированных — 4,4 %

Смертность по областям:

Ранения головы — 16,7 %
Лица, шеи — 3,2 %
Груди — 14,3 %
Живота — 26,3 %
Верхних конечн. — 2,3 %
Нижних — 3,3 %

Переливание крови — 120

Иммобилизацией конечностей — 202, причем подавляющее большинство из них нижние (Крамер).

Раненые обычно поступали в госпитали в срок от 1 до 7 часов после ранения. Операции же часто запаздывали из-за неорганизованности сортировки.

Из общего количества операций произведено:

В 1-й день после ранения — 1376

На 2-й день — 36

3-й — 17

Умерли:

в 1-й день после ранения — 419

на 2-й — 303

3-й — 202

Эвакуировались дальше в тыл:

В день после ранения — 5890

На 2-й — 2159

На 3-й — 1177

Подверглись госпитализации в войсковых госпиталях:

465 — 4,5 %

По госпиталям Мадрида с 6 по 16.07 поступило — 8599 из них: раненых — 7444, больных — 1155.

Общая смертность в госпиталях Мадрида — 2,3 %.

Из общего количества поступивших оперировано в Мадриде 1896 — 22 %.

Послеоперационная смертность — 5,3 %

Потери.

Как видно из прилагаемой сводной ведомости потерь по бригадам и по дням операции, общее количество санитарных потерь — 14958 (в эти сведения не включены потери авиационных и танковых частей, которые составляют — 306 по танковым частям и 69 — по авиационным).

Из них умерших от ран — 255 — 1,7 %

Раненых — 13475 — 90,1 %

Больных — 1218 — 8,2 %

Фактически учета убитых ни по санитарной, ни по стрессовой линии не производилось. По личным наблюдениям это количество не должно превышать 8–10 % общего количества потерь.

Полных данных о распределении потерь по роду ранящего оружия собрать не удалось, но частичный материал дает следующее распределение:

На 2235 поражений, по сведениям войсковых пунктов:

Руж. пуль. ранений — 54,3 %

Артиллерийских — 31,1 %

Авиационных — 10,1 %

Прочих — 1,6 %

Контузии (ушибы) — 2,3 %

Это средние цифры, по отдельным дням процент потерь от разных причин колебался, например, процент пулевых доходил до 64 %, процент артиллерийских до 36 %, авиационных — от 4 до 28 %.

Что касается вопроса о возвращении в строй, то ему было с самого начала уделено особое внимание. Для этой цели в Мадриде были выделены особые госпитали для легко раненых. Раненые, подлежащие возвращению в строй, получают из госпиталя документ и дальше следуют самостоятельно. Это не дает гарантии возвращения в часть, поэтому был внесен проект организации в Мадриде специального сборного пункта — казармы, в которые все госпиталя переводят подлежащих возвращению в части. При этой казарме должна быть организована группа офицеров, распределяющих и развозящих людей по своим частям. Так как переговоры начсанарма со штабом не дали результатов, был представлен на подпись генералу Миаха проект приказа, однако, подписание его также стало затягиваться. Это вынудило начсанарма изменить эвакуацию легкораненых и вместо направления их в Мадрид — направлять в резервные госпитали в Мирафлоресе⁸¹ и Фуэнфрия⁸², увеличив там количество коек.

Всего за время операции из мадридских госпиталей выписано в свои части 5225 человек по всему фронту. Из них по ударной армии 3484, т. е. 22,5 % общих потерь.

Отдельные вопросы.

Совершенно отсутствует санитарно-гигиеническое обеспечение войск и санитарно-пищевой надзор. В настоящее время начата организация центральной пищевой лаборатории в Мадриде с несколькими подвижными лабораториями. По линии гигиенического обеспечения начата работа по организации пунктов санитарной обработки по одному на бригаду.

Общие выводы.

1. Вся организация санитарной службы республиканской армии не обеспечивает полностью интересов армии. Санитарная служба в целом не является единым организмом, с единой системой, с единой организацией. Центральное управление оторвано от фронтов, живет своей жизнью, очень мало практически помогает фронтам. Как в подборе личного состава, так и в работе его слишком резко чувствуется между-партийная борьба. Необходима серьезная работа как по пересмотру и укреплению состава центрального управления, так и санитарного управления фронта. Вся служба в целом нуждается в реорганизации, в направлении приближения ее работы к непосредственным интересам армии.

2. Подготовка личного состава к выполнению работы очень низкая — нет знания основ организации, тактики и управления. Дисциплина стоит на низком уровне. Необходима серьезная работа по перевоспитанию, дисциплинированию и учебе всех звеньев санитарной службы. Необходимо издание кратких справочников по основным вопросам организации службы, роли отдельных звеньев и организации помощи в военное время. Необходимо создание курсов по переподготовке всех звеньев санитарной службы.

3. Наиболее слабым звеном санитарной службы являются госпитали. Их внутренняя организация, санитарно-гигиеническое содержание, наконец специально

⁸¹ Населённый пункт на севере Мадрида.

⁸² Населённый пункт на севере Мадрида.

медицинская работа неудовлетворительны. Цифры смертности по госпиталям за операцию целиком это подтверждают. Врачебный состав работает без контроля, не всегда удовлетворительно, но всегда безнаказанно. Это звено службы требует особого внимания и коренной реорганизации, вернее элементарной организации.

4. Учет работы поставлен совершенно неудовлетворительно, а то, что есть преследует большие специальные узкомедицинские цели и является достоянием начальников хирургических групп, а не санитарной службы.

5. Система эвакуации нуждается в изменении в отношении упразднения лишних классификационных пунктов и укрепления, вернее организации хирургической помощи в дивизионном звене.

6. Система возвращения в строй должна быть разрешена, главным образом, по линии командования организацией специальных сборных пунктов с кадрами офицеров.

7. Санитарно-гигиеническое обеспечение войск, а также санитарно-пищевой надзор отсутствуют. Только сейчас начата работа по их созданию. То же относится к санитарно-химической защите.

8. В настоящее время санитарная служба нуждается в помощи в отношении:

а) увеличения автотранспорта парка;

б) производства специальных автоустановок (души, дезкамеры, лаборатории);

в) обеспечения палатками — их совершенно нет, но они насущно необходимы;

г) укрепления материальной базы госпиталей, в частности, денежных средств на содержание.

9. Совершенно необходимо создание института политкомиссаров санитарной службы, и в первую очередь в госпиталях.

10. Что касается общего вывода по операции, то можно признать, что санитарная служба справилась удовлетворительно в отношении войсковых пунктов и эвакуации и неудовлетворительно в отношении работы госпиталей.

Темпы работы медленные и причины их искать нужно быть может в другом направлении. В настоящее время я считал бы целесообразным проведение целого ряда мероприятий приказом военного министра, так будет быстрее, чем в системе санитарной службы.

[РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 406. Л. 1–48.]

**Informe del asesor principal de la Sanidad Militar
por parte del médico militar del primer rango, I. Kluss.
Apoyo médico a la operación de julio. (Informe del camarada K.)**

Informe del asesor principal de la Sanidad Militar por parte del médico militar del primer rango, I. Kluss. Apoyo médico a la operación de julio. (Informe del camarada K.) El informe saca conclusiones en cuanto al trabajo de la Sanidad Militar del Ejército Republicano para con resultados de la operación de Brunete. Describe la preparación de la Sanidad Militar para la operación, la organización de la evacuación de heridos y el funcionamiento de hospitales.

Se informa de la falta de preparación de la Sanidad Militar del Ejército. El funcionamiento de hospitales de retaguardia, en los que no se lleva a cabo un trabajo sistemático, es el más criticado. Médicos realizan principalmente sus tareas individuales. El trabajo de puestos médicos de batallón se duplica y triplica en diferentes niveles. En particular, en lugar de clasificar a los heridos e identificarlos en los hospitales de división, se están repitiendo vendajes para todos. Como resultado, la herida se venda 5 ó 7 veces. No hay conexión entre los hospitales y los puestos médicos de batallón, debido a esto no es posible comprender la carga de instalaciones médicas y arreglar el flujo de los heridos. Hay que señalar que incluso si existiera tal conexión, entonces, debido al hecho que en los hospitales no se mantienen los registros normales, eso sería inútil. La conclusión principal es que, además de un equipo técnico deficiente, la mala organización del trabajo interfiere con la Sanidad Militar.

**Показания пленного немецкого летчика Фрица Лозигкайта⁸³,
сбитого 31 мая 1938 г. в секторе Альбохареса**

Допрашиваемый родился 17 ноября 1913 г., сын трамвайщика. Учился до 1933 г. в школе в Берлине, затем окончил курсы по подготовке в высшее учебное заведение. Работал по асфальтированию улиц и в свободные часы учился в планерной школе, поскольку отец хотел, чтобы он со временем стал пилотом. В 1934 г. в Людвиге его призвали в армию, стал рядовым авиации, закончил летную школу в Людвиге. В школе было три секции... имелось 15 — 20 учлетов, занятия продолжались год.

После окончания в октябре 1936 г. школы получил звание унтер-офицера и назначение на аэродром истребительной авиации в Дюбрехе, вблизи Берлина. Там его распределили в истребительную группу «Рихтгофен», которой командовал майор Карл Вик, всего имелось три отряда по 12 самолетов «хейнкель-51» ... В конце 1936 г. истребители He 51 начали заменять на новые Bf 109В, которые прибыли к нам в группу. Военнопленный летал на «хейнкелях» три месяца, а на «мессершмиттах» налет был — 25–30 час. Они имели моторы Jumo 210 мощностью 600–700 л. с. и вооружались тремя пулеметами, два из которых синхронные, а третий устанавливался на месте пушки... Какое вооружение имеют «мессершмитты», которые сейчас применяются в Испании, пленному не известно.

Военнопленному стало известно, что Министерство авиации [Германии] разрешило желающим поехать в Испанию... Через некоторое время он оказался в порту Гамбурга, получил билет на пароход «Зезендрчер», который 20 декабря отплыл в Севилью с неизвестным грузом и группой пассажиров из 25 чел., один из которых был метеорологом, другой — техником. Допрашиваемому выдали паспорт как инструктору по спорту. Далее в течение пяти месяцев он летал на почтовом самолете «юнкерс» W 34, после чего был определен в отряд He 51, которым командовал капитан Лютцов⁸⁴.

⁸³ Лозигкайт Фриц (1913–1994) участвовал в боях в Испании, сбит, взят республиканцами в плен, обменян на советского лётчика, 10.02.1939 г. вернулся в Германию. Прошёл путь от рядового лётчика до командира эскадрильи (командовал JG51 и JG77), воевал на Западном, а с июня 1943 г. на Восточном фронте, выполнил 750 боевых вылетов, одержал 68 побед, награждён «Рыцарским крестом».

⁸⁴ Гюнтер Лютцов (1912–1945) — немецкий лётчик-ас, участник гражданской войны в Испании и Второй мировой войны. В Испании командовал эскадрильей. Удостоился нескольких испанских и немецких наград.

В этом подразделении он пробыл с июня по октябрь 1937 г., летая постоянно, постоянно тренируясь в стрельбе на небольшом озере, находящемся на краю аэродрома...

В Каламочу⁸⁵ он прибыл 3 ноября 1937 г., находясь там до февраля следующего года. Эскадрилья выполнила 30 заданий на Теруэльском фронте, летая всегда девятками, неоднократно сталкиваясь с советскими истребителями, но не ввязывались в бой, избегая его, так как He 51 очень тяжелый для боя самолет. Во время одной бомбардировки пострадали 7 «хейнкелей», три из которых потом вывезли с аэродрома, а четыре других ремонтировались на месте. Целый месяц допрашиваемый находился в Сарагосе из-за заболевания лихорадкой, а 3 апреля 1938 г. вернулся в свой отряд, который тогда находился в Санхурхо (Гарапильос)⁸⁶... Во время перелета на аэродром Ла Сения встретили там отряд «мессершмиттов» из 7 самолетов, который возглавлял капитан Мельдерс⁸⁷...

В группе истребителей He 51 имеется три отряда, один из которых пилотируется исключительно испанскими летчиками. Самолеты вооружены двумя пулеметами «Рейнметалл» кал. 7,92 мм и несут по шесть 10-килограммовых бомб каждый, используя их по войскам, укрытым в легких траншеях или находящимся в открытом поле.

За время боевой работы, как известно допрашиваемому, потери группы составили три раненых и один погибший.

На фронте в секторе Альбокасере видел одно звено самолетов «юнкерс-87», которые сбрасывают 250-килограммовую бомбу с пикирования.

[РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 475. Л. 6–9.]

Testimonio del piloto alemán capturado, Fritz Losigkeit, derribado el 31 de mayo de 1938 en la zona de Albocácer

En la parte inicial del documento se incluyen breves datos biográficos del prisionero de guerra alemán. A continuación, se informa de su llegada y actuación en España. Inicialmente voló en un avión Junkers W 34, tras lo que fue asignado a un destacamento con aeroplanos He 51. La escuadrilla completó 30 misiones en el Frente de Teruel, volando siempre en grupos de nueve aparatos. En repetidas ocasiones se tropezó con aviones de caza soviéticos, pero no se involucró en combates, ya que el He 51 es un avión muy pesado para pelear en el aire.

15 октября 1937 г.

Организация местного ПВО гор. Картахена

1. Организацию местного ПВО возглавляет секция городского совета, так называемая «хунта». Хунта работает под председательством городского головы. Деловая группа состоит из нескольких лиц: начальника ПВО, гражданского губернатора, двух

⁸⁵ Город в провинции Теруэль.

⁸⁶ Рядом с г. Сарагоса.

⁸⁷ Вернер Мельдерс (1913–1941) — немецкий лётчик-ас, участник гражданской войны в Испании и Второй мировой войны. Один из разработчиков тактики полётов четвёрками самолётов (Finger-four formation, Vierfingerschwarm), которая была отработана в Испании.

инженеров — морского и военного, техника, врача, фармацевта и двух представителей НКТ и УХТ. Вопросами проектными и технического оформления ведают архитектор и инженеры, причем последние непосредственно ведут строительство.

2. По проекту для городского населения намечено к постройке 7 убежищ следующей емкости:

№ 1 на 5000 человек № 5 на 3000 человек

№ 2 3000 № 6 1400

№ 3 4000 № 7 700

№ 4 1000 см. план общего расположения убежищ — приложение № 1.

Общая вместимость убежищ 18 100 человек.

Из 7 убежищ окончательно закончены 3, а остальные за исключением убежища № 7 находятся в работе. Кроме того, вновь строящихся убежищ построены и действуют следующие убежища:

Военные — 10 на 2080 человек.

Морские — 7 2000 человек

Портовые — 3 2770 человек

Министерства внутренних дел — 3

Прочие — 7, на 925 человек

Итого: 30 убежищ на 7775 человек (без учета убежищ МВД).

Запроектированы убежища емкостью всего 25.875 человек, ассигновано на постройку убежищ 2.119.193. 860 песет. Это делается для города с населением в 45 тыс. человек. Когда будут закончены все убежища, то ими будет обеспечено 63 % всего населения, но учитывая, что часть населения оставило город и выехало в деревни, обеспеченность населения убежищами будет, примерно, стопроцентной. Убежища по городу распределены равномерно.

3. По типу конструкции и задачам защиты убежища можно разбить на 3 типа:

1 тип — абсолютно надежные убежища,

2 тип — предохраняющие от бомб противника в 100, 150 и 200 кг,

3 тип — не дающие полной безопасности от бомбометания (легкой конструкции).

Как правило, подвалами население не пользуется, так как последние представляют ловушку и именно в подвалах население несет самые большие потери. Бомбы со взрывателями замедленного действия проходят многоэтажные дома, доходят до подвала, где взрываются и от дома остаются одни полуразрушенные стены.

4. Абсолютно надежные убежища (1 тип).

Характерно, что до октября месяца в Картахене убежищ не было. Убежища начали строиться на 4-м месяце гражданской войны, и то только после первых бомбардировок. За эту оплошность население поплатилось многочисленными жертвами. Опыт гражданской войны настойчиво диктует постройку убежищ в мирное время с расчетом на пробивное и разрушительное действие бомб в 200–250 кг, в противном случае многочисленные жертвы неизбежны.

Из абсолютно надежных убежищ особенно характерны № 1 и № 2 (см. план). В качестве укрытий использованы скалистые горы. В скале специальными электрическими сверлами пробуравливаются скважины, куда закладывается динамит и взрывается. Динамитными взрывами проходятся продольные и поперечные туннели (см. эскиз,

приложения № 2 и 3). Так убежище № 2 имеет 24 продольных туннеля, длиной 45–50 метров каждый, которые пронизаны пятью поперечными туннелями. Это убежище рассчитано на 3000 человек. Толщина каменного покрытия достигает в максимальных точках горы до 50 метров, в минимальных — 20 метров. Покрытие из камня (скалы) в 20–50 метров абсолютно надежно и выдержит любую бомбардировку авиации. В таком убежище во время бомбардировки спокойно можно заниматься своим делом. Внутри стены убежища выкладываются кирпичом, на который накладывается штукатурка и производится побелка.

На постройку этого убежища ассигновано 523 тысячи песет, но этой суммы далеко не хватает. По-видимому, чтобы до конца оборудовать данное убежище, понадобится еще около полумиллиона песет. Характерно и убежище № 1 на 5000 человек, которое расположено также в скале и имеет покрытие от 10 до 25 метров (см. приложение № 4).

Техники при постройке этих убежищ не применяется почти никакой; обломки скалы, камни, песок и проч. мусор выносятся в плетеных корзинах и вывозится за город гужевым транспортом. После взрыва рабочие работают ломом и кирками. Населению (женщинам и детям) приходится пользоваться незаконченными убежищами: нет уборных, водопровода, скамеек, кроватей. Спят непосредственно на твердом грунте, много пыли и т. д. Все это еще раз говорит о том, что убежища надо строить в мирное время, когда полностью можно применить технику. На это убежище ассигновано 534 тысячи песет, но этой суммы далеко не хватит.

5. Убежища 2-го типа.

Этот тип убежищ принадлежит к разряду искусственных. По конструкции их можно разделить на две подгруппы: 1 подгруппа подземного типа, туннель или подземная галерея. Под землей, на глубине 7–8 метров строится подземный туннель длиной в среднем 50–80 метров, в зависимости от площади, не занятой домами.

Убежища этого типа строятся на площадях, в скверах и других местах, свободных от построек. Данные туннеля: ширина — общая — 2 метра (ход — один метр, ступеньки для сидения с обеих сторон на высоте 0,40 метра имеют ширину в 0,50 метра), высота 3 метра. Стена и потолок туннеля выбелены, имеется электроосвещение. Высота общего покрытия такого типа убежища достигает 10–11 метров.

Принимая во внимание, что грунт земли скалистый, это покрытие является весьма надежным, а так как ширина туннеля — два метра, то вероятность попадания в такое убежище вообще исключается и данное убежище следует признать абсолютно надежным. В убежище ведут лестницы в 24–30 ступеней. Входы закрываются наглухо двумя дверями. Приспособить это убежище на случай газовой атаки не представляет никакого труда.

2 подгруппа — наземные постройки коридорного типа из кирпича, обычно небольшой емкости. Покрытие железобетонное, не более 2–3 метров толщины. Эти убежища имеют вход и выход, размеры коридора обычные, ширина — 1–1,5 метра, высота 2,5–3 метра.

6. Убежища легкой конструкции (тип № 3).

В основу положен цементный блок прямоугольной формы, длиной 4–5 метров, высотой 2 метра и шириной 1,5 метра. Блоки ставятся рядом, перекрываются досками, и сверху дается покрытие из камня, который между собой не связан. Высота покрытия

2,5 метра. Покрытие рассчитано для бомбы весом не более 50 кг и служит первым препятствием для проникновения бомбы вовнутрь, вызывая взрыв на поверхности покрытия.

Убежище не дает полной безопасности и создает лишь некоторый моральный эффект. Население предпочитает пользоваться убежищами первых двух типов, которые не закончены постройкой и не имеют никаких удобств, но однако каждую ночь заполняются женщинами, детьми, стариками и целыми семьями.

Третий тип убежища появился в связи с крайней необходимостью спрятать куда-либо население в первые месяцы бомбежки. Для постройки капитальных убежищ типа № 1 требуется 6–7 месяцев, а при более интенсивных темпах работы и применении современной техники в полном объеме — понадобится не менее 3–4 месяцев. В убежищах двух первых типов оборудованы в специальных помещениях медицинские пункты первой помощи, где ночью дежурит медицинский персонал в достаточном количестве. Отдельные посты медицинской помощи дежурят во всех убежищах.

Организация Красного Креста Картахены имеет специальную бригаду в 125 человек. Она снабжена противогазами и разбита на отдельные посты. За время своей работы эта бригада оказала первоначальную помощь пораженным около 300 раз.

7. Убежище командного пункта штаба военно-морской базы. Убежище построено в скале по указанию начальника ПВО в первые месяцы гражданской войны. Емкость убежища около 500 человек. Высота покрытия 15–20 метров, полностью обеспечивающая от бомб противника. В убежище идут два входа: один коридорного типа на протяжении 40 метров, а второй непосредственно ведет в убежище. В убежище отдельно имеется помещение для всех укрывающихся от бомб противника и отдельно две небольшие комнаты для командования, оборудованные телефонной связью со всеми важнейшими объектами военно-морской базы.

Штаб базы может беспрепятственно во время бомбардировки продолжать свою оперативную работу в течение продолжительного времени, что он и делал во время последних налетов противника на город Картахену. Имеется электроосвещение, стены и потолки побелены, поставлены скамейки.

Выводы.

На основе опыта гражданской войны в Испании можно сделать выводы:

1. Необходимо строить убежища тяжелой конструкции исходя из динамического разрушительного действия бомб весом не менее 200 кг.

2. Как правило, строить убежища еще в мирное время, иначе неизбежны многочисленные жертвы. Картахена за сравнительно короткий срок сумела построить подобные убежища, что надо отнести на счет бесподобного энтузиазма испанцев и их трудолюбия. Работали даже женщины и дети, вынося камни и мусор в корзинах.

3. Военные убежища надо оборудовать так, чтобы командование, не прерывая ни на минуту своей оперативной работы, смогло работать в убежище несколько часов, так как бомбардировки иногда продолжаются всю ночь. Командные пункты в убежищах должны быть оборудованы всеми видами связи.

4. Убежища в мирное время должны быть приспособлены против газов, т. е. герметически закрываться.

5. Убежища надо строить коллективные с хорошим электроосвещением, водопроводом, койками, кроватями, уборными, буфетами, так как все население находится в убежище ночью, а иногда и днем. Во время активных действий авиации противника убежища становятся фактически постоянными жилищами для населения.

6. Для постройки убежищ приспособлять горы, чтобы высота покрытия была возможно большей. Убежища в горах можно построить быстрее, оно будет стоить значительно дешевле, а главное — оно будет служить надежной защитой. У нас подобные убежища можно построить в гор. Севастополе, где они будут защищать население не только с воздуха, но и с моря. Их можно построить и в г.г. Киеве, Смоленске, Москве (Воробьевы горы), Баку и т. д.

7. Ни в коем случае не рассчитывать на подвалы, и вообще с идеей укрытия в подвалах надо покончить. Подвалы в современных условиях служат ловушкой.

8. Хорошо оборудованным убежищем могут пользоваться беженцы. Картахенские убежища переполнены беженцами из городов, занятых фашистами. Следует иметь в виду, что убежищем, главным образом, пользуются дети, женщины и старики.

Организация зенитно-артиллерийской обороны порта и укрепрайона гор. Картахена.

Организация зенитно-артиллерийской обороны порта и укрепрайона гор. Картахена.

1. Оценка объекта.

1. Порт Картахена является основной базой республиканского флота.

2. Порт Картахена является основным портом, куда прибывают и разгружаются военные материалы для вооружения и технического оснащения армии.

3. В Картахене расположен крупный морской арсенал, а также ремонтные доки и военно-судостроительные верфи (миноносцы, подлодки).

4. Район Картахены имеет мощные береговые укрепления и батареи калибра 155, 210 и 380 миллиметров, требующие прикрытия с воздуха.

5. В районе Картахены расположен ряд фабрик взрывчатых веществ.

6. В самой Картахене находится артиллерийский парк, обеспечивающий снабжение боеприпасами флота и береговой артиллерии.

2. Вывод: Картахена является важным стратегическим пунктом республиканской Испании, а также пунктом дальней военно-морской коммуникации.

1. Средства зенитной обороны, их вооружение (см. приложение № 5).

2. Картахена имеет 6 зенитных четырехорудийных батарей калибра 105 мм, установленных стационарно на бетоне.

3. Батареи вооружены 105-мм орудиями системы «Виккерс» с директорами «Виккерс» (несколько образцов) и дальномером Бардструд.

4. Кроме того, имеется зенитная артиллерия флота, насчитывающая:

6 пушек-пулеметов «Гочкис» калибра	25 мм
10 зенитных пушек «Виккерс»	76,2 мм
4	47 мм

Все эти орудия, кроме пушек-пулеметов, стреляют малоэффективным подвижным заград[ительным] огнем, т. к. не имеют никаких приборов управления огнем.

3. Состояние батарей к 1 марта.

1. На пяти батареях из шести около года неисправна и не работает синхронная связь орудий с директором.
 2. На всех батареях неисправна и около года не работает телефонизация.
 3. На всех шести батареях неисправна и не работает система освещения для стрельбы ночью.
 4. Отсутствуют какие-либо правила стрельбы.
 5. Командный состав техники не знает и использовать ее не умеет.
 6. Командный состав не применяет и не считает нужным применять какую-либо корректуру.
 7. Батареи не имеют совершенно наблюдательных и корректировочных пунктов.
 8. Командиры батарей не имеют средств для наблюдения за разрывами.
 9. На четырех батареях орудия расположены линейно на интервалах 5–6 м. Фронт обращен в сторону моря (противоположно), приборы поставлены очень близко от орудий. В результате в фланговом направлении стрельбу можно вести только одним орудием. В сторону города можно стрелять только при больших углах возвышения. При стрельбе фронтом, дым орудий мешает ведению огня, и наводчики теряют цель.
 10. Стрельба проводилась самым кустарным образом прямой наводкой, причем с прибора брались: установка трубки, горизонтальное и вертикальное учреждения без учета фактического и очень большого работного времени.
 11. О результатах стрельбы можно было судить при случайном обстреле своего самолета двумя батареями. Положение разрывов настолько не соответствовало действительности, что самолет заметил стрельбу только на третьем курсе.
 12. На двух батареях не работают по причине расклейки линз дальномеры.
- Вывод: Батареи совершенно небоеспособны. Богатая техника испорчена, не используется и является мертвым капиталом.

4. Тактическая группировка.

1. Батареи, за исключением одной (Долорес), расположены на отдельных высотах от 300 до 500 м над уровнем моря и имеют очень хороший круговой обзор.
2. 4-е батареи прикрывают непосредственно Картахену (Долорес, Сиерра, Горда, Конехо и Ролдан).
3. Одна батарея (Кабо Негрете) прикрывает поселок и бухту Портман и береговые батареи в этом районе (восточнее Картахены).
4. Одна батарея Аталайон прикрывает береговые батареи на мысе Тиньосо (западнее Картахены).
5. Никакого тактического управления и даже оперативной связи не было, батареи входили в состав береговых артчастей.

5. Проведенные тактические мероприятия по оживлению батарей.

1. Созданная бригада электромонтеров полностью отремонтировала и ввела в эксплуатацию синхронную связь, телефонизацию и систему освещения на всех батареях. Бригада в настоящее время разбита по батареям и наблюдает за эксплуатацией.
2. Составлены правила стрельбы и корректуры, по которым обучены все батареи. В качестве основного способа дан автоматический способ стрельбы, а в качестве допол-

нительного способа работа с передачей установок по телефону. В обоих случаях наводка непрямая и рабочее время равно 0. (В основу положены русские правила стрельбы.)

3. Организовано по одному наблюдательно-корректировочному пункту в каждой батарее. Командиры батарей снабжены средствами наблюдения.

4. Составлены и отработаны правила стрельбы по «штурмовикам».

5. Рассчитана система заградительного огня.

6. Проведен ряд дневных и ночных тренировочных учений.

7. Проведено три боевых стрельбы по рукаву, одна получила оценку «удовлетворительно» и две «хорошо». Во всех трех случаях было поражение рукава.

8. Оперативная связь выделена в отдельный узел. Создан штаб ПВО.

9. Батареи изъяты из состава частей береговой артиллерии и подчинены начальнику ПВО Картахены.

10. На двух батареях (Конехо и Ролдан) ведутся работы по перестановке орудий на широкие интервалы по углам трапеций.

6. Организация световой обороны (прожекторной).

1. До февраля Картахена не имела никаких прожекторных средств.

2. В феврале Картахена получила три 150 см прожектора типа 3-15-4 и из местных ресурсов два 90 см.

3. В конце апреля было получено еще шесть 120 см английских береговых прожекторов обр. 1918 г.

4. В конце марта получено два звукоулавливателя местного производства типа «Валенсия».

5. В настоящее время Картахена имеет всего 10 прожекторов.

7. Мероприятия по оживлению световой обороны.

1. Сделаны предупредительные планшеты для работы звукоулавливателей с прожектором.

2. Проведено обучение работе с планшетом и технике поиска и сопровождения.

3. Проведен ряд дневных и ночных тренировочных учений.

4. 120-мм английские береговые прожектора приспособлены для работы по воздушным целям. К ним приделана штанга для вертикальной наводки и шкала углов шеста.

8. Командный пункт.

1. Командный пункт нач. ПВО имеет связь через свой коммутатор со всеми батареями и прожекторами.

2. Со звукоулавливателями командный пункт связан прямой связью.

3. С постами службы ВНОС командный пункт связан через центральную станцию Картахены, а с некоторыми через морскую центральную станцию.

4. В случае тревоги командный пункт переносится в убежище, построенное в скале горы, куда переключаются рубильником все средства связи и где имеются дублирующие телефонные аппараты на все направления. В убежище командный пункт располагается специальной комнатой.

9. Организация службы ВНОС.

1. На всей территории Картахенского укрепрайона (радиус до 60 км) создана сеть из наблюдательных постов.

2. Кроме того, на важнейших направлениях и за пределами укрепрайона имеются также наблюдательные посты.

3. Посты связаны с командным пунктом по гражданским телефонным линиям и имеют право внеочередного абонента.

4. Кроме того, в качестве средств предупреждения используются и средства радиопеленгации.

5. Вывод: служба ВНОС справляется с возложенными на нее задачами. Во всех случаях предупреждение было своевременным.

10. Боевая деятельность противника и средства активной обороны.

1. В ноябре 1936 г. противник подверг Картахену ряду ночных воздушных бомбардировок продолжительностью до 4 часов. Бомбардировка причинила городу большие разрушения, а на военных объектах вывела из строя один пятитонный кран в порту.

2. В то время прожекторов не было и батареи стреляли наугад, по слуху.

3. В течение пяти с лишним месяцев бомбардировки не было.

4. Зная наличные средства зенитной артиллерии, противник действовал по Картахене только ночью.

5. Бомбардировки возобновились в конце мая 1937 г. года также ночью.

5. Аэродром, с которого противник действует по восточному побережью Испании, является Пальма на острове Майорка.

6. 23 мая 1937 года около 2 ч 30 м ночи противник шестью тяжелыми бомбардировщиками произвел налет на Картахену, очевидно получив сведения о прибытии кораблей с военным грузом. Будучи встречена огнем зенитных батарей (выпущено 260 снарядов) и на очень короткое время освещена прожекторами (тогда их было только три), авиация противника город и порт не бомбила, а сбросила бомбы в окрестностях по второстепенным объектам, не нанеся им вреда.

7. 31 мая 1937 г. около 2 ч. 30 мин. ночи противник тремя тяжелыми бомбардировщиками вновь произвел налет на Картахену, опять получив сведения о прибытии парохода, но был своевременно схвачен прожекторами и обстрелян прицельным огнем зенитных батарей (выпущено 160 снарядов). Самолеты противника сбросили в районе порта 4 бомбы, не причинив вреда, пытались повторить заход еще два раза, но оба раза вновь были пойманы прожекторами и, побросав бомбы за городом, в поле и на дорогу — ушли. Во всех трех случаях самолеты были пойманы прожекторами, работавшими со звукоулавливателями и упредительным планшетом.

11. Общий вывод.

1. Картахена располагает достаточными боеспособными и стоящими на уровне современной техники средствами артиллерийско-зенитной обороны.

2. Хотя Картахена и имеет достаточное количество прожекторов отсутствие современных звукоулавливателей и автоматических средств для наводки прожекторов в упрежденную точку сказывается на их работе и затрудняет поимку цели, тем самым понижая эффективность действия зенитно-артиллерийских средств.

3. Состояние активных средств ПВО, достаточная численность, а также мероприятия пассивной ПВО, главным образом, по линии 100 % охвата убежищами выдвигает Картахену, как образцовый и надежно защищенный пункт ПВО Испании.

[РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 393. Л. 2–34.]

Organización de la Defensa Antiaérea Local de Cartagena el 15 de octubre de 1937

El documento aborda problemas de construcción de refugios para la población. Se informa que comenzaron a edificarse en Cartagena sólo unos meses después del comienzo de la guerra. Los refugios se dividen en 3 tipos: los completamente seguros, que pueden proteger contra bombas de hasta 200 kg y los que no pueden brindar seguridad completa. La edificación de los mismos se realiza principalmente a mano. Debido a esto, el tiempo de construcción de un refugio completamente seguro se prolonga. Se concluye que los refugios deben construirse antes del estallido de la guerra. Se propone abandonar por completo la idea de usar sótanos de edificios como refugios, ya que en condiciones modernas sótanos se convierten en trampas. Cuando las bombas penetran en la casa, las personas que se encuentran en el sótano, perecen. A continuación, el documento describe el estado de la Defensa Antiaérea de la ciudad. Se informa de una condición grave al comienzo de la guerra: la falta de comunicación entre baterías y focos y pocas habilidades de tiro de los artilleros. Esta situación permitió a los franquistas llevar a cabo un bombardeo exitoso. Sin embargo, la situación comenzó a mejorarse gradualmente y, en mayo de 1937, la Defensa Antiaérea de la ciudad era capaz de defenderla por completo de ataques de aviones enemigos.

Воспоминания переводчика Е.А. Паршиной⁸⁸

о встречах с главным военным советником испанской республиканской армии Я.К. Берзиным⁸⁹ в 1936–1937 гг. (записаны в 1980-е годы)

Ян Карлович Берзин, бывший начальник Разведывательного управления РККА, прибыл в Испанию во второй половине 1936 г., когда Испания не имела с СССР официальных дипломатических отношений, а Советское консульство в Барселоне возглавлял Антонов-Овсеев, отбывший на родину вскоре по прибытии Берзина. Положение в Испании было сложное не только внутри страны, но и в международном плане. Отказавшись оказать военную и экономическую помощь республиканскому правительству, США и западноевропейские страны очень ревниво отнеслись к соглашению Советского Союза предоставить законному правительству оружие, советников и продовольствие. Мало того, вскоре английский флот начал осуществлять настоящую блокаду испанских берегов, а фашистские военные суда перехватывали наши суда в Средиземном море. Франция заявила протест против переправки через ее границу советского оружия сухопутными каналами. Официально они все заявили, что это якобы делается для того, чтобы локализовать военные действия на Пиренейском

⁸⁸ Паршина Елизавета Александровна (1913–2002) — выпускница Московского института новых языков (1935), перед отъездом в Испанию работала во Всесоюзном акционерном обществе «Интурист». В спецкомандировке с октября 1936 г. по октябрь 1937 г. За выполнение специального задания Советского правительства награждена орденом Красной Звезды (02.01.1937) и орденом Красного Знамени (02.11.1937).

⁸⁹ Берзин Ян Карлович (Кюзис Петерис) (1889–1938), псевдонимы Доницетти, Гришин — корпусной комиссар, перед отъездом в спецкомандировку — начальник Разведывательного управления РККА, в Испании с октября 1936 г. по конец мая 1937 г., главный военный советник. За выполнение специального задания Советского правительства награжден орденом Ленина (02.01.1937). По возвращении на родину — армейский комиссар 2-го ранга. Арестован 27 ноября 1937 г., расстрелян 29 июля 1938 г., реабилитирован 28 июля 1956 г.

полуострове, в действительности же предпочитали видеть в Испании фашистское правительство, а не демократическое.

Уже с самого начала фашистского мятежа в Испании очень болезненно ощущался недостаток оружия и военных специалистов. Регулярная армия Испании почти полностью была на стороне фашистов, а вооружившийся народ — рабочие, крестьяне, интеллигенция — были не только не подготовлены к ведению военных действий, но и разобщены организационно. Большая часть созданных подразделений находилась фактически под командованием различных партийных и общественных комитетов, создавших и вооруживших их. В этих условиях республиканская армия, которая к концу 1936 г. так [только] называлась, но фактически единой армией еще не была, терпела поражение на всех фронтах, где фашисты предпринимали наступление.

В этих условиях главному [военному] советнику при Генеральном штабе испанской республиканской армии приходилось вести осторожную дипломатическую работу с представителями (неофициальными) и аккредитованными в иностранных посольствах дипломатами капиталистических стран; главной же задачей он имел наладить организованную помощь республиканской армии советниками и вооружением, с перебоями и преодолением опасностей все же поступающего [из] Советского Союза. Кроме этого, большое внимание он уделял созданию военной промышленности, мощность которой в какой-то мере могла удовлетворить потребности фронта.

О деятельности Берзина в Испании обычно авторы различных статей и очерков говорят очень скупно. Это понятно, поскольку людей, знавших его там, осталось слишком мало. Надо сказать, что и те, кто в эти годы был в Испании и участвовал в военных действиях, знали об этом чрезвычайно мало. Чаще всего те или иные факты были известны только тем людям, с которыми Ян Карлович вел разговор [ы], которые, кстати будет сказать, не всем бы хотелось вспоминать. Ведь начальство не только хвалит, но часто и выговаривает за промахи.

Всех прибывающих в Испанию из Советского Союза Ян Карлович приглашал в консульство для личной беседы, но впоследствии он редко встречался с кем-либо из них, поскольку они поступали под начальство на местах, а Берзин давал вполне оправданную свободу действия советникам в воинских частях, поскольку понимал, что на месте человеку виднее, что лучше делать в той или иной ситуации. Кроме того, наши товарищи в Испании были только советниками, лично никем не командовали и их советов не всегда слушались, особенно в анархистских подразделениях. В довольно затруднительном положении был и Берзин, когда он получал советы из Москвы от Ворошилова, имевшего очень слабое представление о ходе действия в Испании и еще более смутное — о возможностях республиканской армии.

На фронтах Берзин не бывал и никогда не претендовал на славу участника фронтовых действий. С советскими советниками он встречался в очень узком кругу старших советников или наедине. Главной его заботой было обеспечение армии и военной промышленности, но и это только в качестве советника. Бывали редкие случаи, когда в очень критических ситуациях он старался повлиять на решения высшего командного состава по проблемам стратегического характера. Остановлюсь только на некоторых случаях, о которых мне стало известно в Испании или уже несколько лет спустя от старших советников, вспоминавших Яна Карловича. Замечу к этому, что в те годы,

когда стало возможно говорить открыто о Гражданской войне в Испании, очень многих, главным образом из высшего офицерского состава, не осталось в живых, а некоторые говорили не о том, что имело место, а о том, что, по их мнению, следовало говорить. В течение последующих двадцати лет после событий в Испании имя Яна Карловича вообще старались не упоминать, поскольку о его аресте известно стало всем, его никто гласно не вспоминал добрым словом из опасений за собственную судьбу, а поставить ему что-либо в вину тоже оснований не было.

Гражданская война в Испании развивалась по своим законам, и проигрыш в то время был неизбежен как по объективным причинам — блокада, недостаток военного опыта у республиканцев, нехватка оружия и продуктов питания, так и по причинам субъективным — робость и некомпетентность членов правительства, скрытое и открытое предательство в крупных штабах, реакционная настроенность военного министра Прието, измена Касадо, анархистский путч, организованный под действием троцкистов в Барселоне, когда за одну неделю в городе было уничтожено более четырех тысяч человек...

[РГВА. Ф. 41142. Оп. 3. Д. 14. Л. 1–5.]

**Memorias de la traductora E.A. Parshina sobre encuentros
con el principal asesor militar del Ejército Republicano español, Y.K. Berzín,
en 1936–1937 (apuntado en la década de 1980)**

Al principio del texto, Parshina describe la situación general en España al principio de la guerra. A continuación, informa de problemas en las relaciones de Berzín con representantes oficiales y no oficiales de Estados extranjeros en España. Hay que señalar que Berzín recibía a todos los ciudadanos soviéticos que llegaban a España, pero luego prácticamente no se relacionaba con los mismos. Dio mayor independencia a asesores militares que se encontraban in situ, ya que creía que tenían una mejor comprensión de lo que estaba sucediendo. Al mismo tiempo se llama la atención a dificultades asociadas a la obtención de orientaciones de Moscú, que estaba dando cuenta mal de cómo era la situación en España. El documento recalca que representantes soviéticos eran únicamente asesores sin tener unidades bajo su mando. Por otro lado, indica que consejos dados por los soviéticos a menudo no se tomaban en cuenta. Hubo casos en los que, en situaciones muy críticas, Berzín intentó influir en decisiones de los oficiales de alto rango republicano. Hay que resaltar que casi nada se sabe y se ha escrito sobre la actuación de Berzín en España, ya que muchas personas en su entorno trataron de ocultar su conexión con él debido a su arresto posterior en la URSS.

199

ЗАМЕЧАНИЯ ПО РАБОТЕ В ИСПАНИИ.

(Доклад полкового комиссара т.Агальцова)

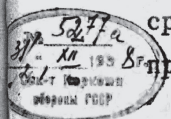
Обстановка, в которой работают наши люди.

1. На протяжении всего периода нашим летчикам приходилось работать в сложных условиях.

Во-первых - все время исправно действует аппарат по "Невмешательству", с помощью которого фашистские страны и реакционные классы демократических стран блокируют и душат испанский народ при одновременном обильном снабжении мятежников. В результате такой политики этим кругам удалось создать огромный перевес в технических средствах армии мятежников над республиканской армией (плюс итальянские корпуса). Им удалось взять испанский народ в тиски голода. Население Испании буквально голодает. Переносит это безропотно. Ненависть к фашизму и иностранным интервентам растет и усиливается с каждым днем.

Во-вторых - тяжело сказывается на состоянии страны, особенно для центральной Испании, разделение ее на две части. Для центральной Испании в перспективе очень тяжелая зима. Зимой особенно сильно скажется ее изолированность (отсутствие продовольствия, дров, кормов для скота и т.д. Для армии там остро ощущается недостаток оружия).

В-третьих - непрерывная бомбардировка городов и деревень на побережье моря, рассчитанная, главным образом, на наведение ужаса, на создание паники среди населения. С помощью этих средств интервенты хотят принудить испанский народ и его правительство к капитуляции.

1.1

Замечания по работе в Испании.

(Доклад полкового комиссара т. Агальцова)

31.12.1938

Observaciones en cuanto al trabajo en España.

(Informe del comisario del regimiento, el camarada Agaltsov)

31.12.1938

Información general

El documento afirma que los pilotos soviéticos se ven obligados a combatir en condiciones difíciles. Esto se debe, en primer lugar, a la política de no intervención. En consecuencia, los sublevados tienen una enorme superioridad técnico-militar, ya que sus suministros fluyen con normalidad, mientras que los republicanos tropiezan con muchas dificultades para poder abastecerse. El pueblo español está al borde de la inanición. Sin embargo, todo soporta estoicamente, porque odia el fascismo. En segundo lugar, la división del país en dos partes afecta negativamente la vida de la población, lo que viene complicando la estructuración de canales de suministros: desde armas hasta leña. En tercer lugar, los bombardeos constantes que persiguen el objetivo de reducir la moral del pueblo español, causan fuertes daños en la retaguardia.

209

не было возможности их применять и не было в них нужды.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО МАТЕРИАЛЬНОЙ ЧАСТИ И ТАКТИКЕ
ПРОТИВНИКА, ПО НАШЕЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЧАСТИ, ПО
ДЕЙСТВИЯМ ПЕХОТЫ.

1. О наших самолетах.

а) По бомбардировщикам - "РЗ" и "ССС" для современной войны не годятся, т.к. поглощают всех истребителей на их прикрытие. Несут большие потери от истребителей и зенитного огня противника. Можно не плохо использовать на второстепенных участках, а "ССС", как ночников. СБ мала бомбовая нагрузка (600 кг в то время, как "Хейнкель 111" несет 2000 кг) Легко уязвим в воздухе (горит). Слаба огневая самооборона (стрелок, обороняющий самолет, имеет один пулемет нижним он пользоваться не может).

б) По истребителям "И-15", его достоинства - хорошая маневренность, хороший огонь, прост в пилотировании, хороший ночной истребитель. Недостатки: мала скорость недостаточен боевой потолок (отсутствие высотного мотора). "И-16" - его достоинства: хороший огонь (самый сильный огонь из воюющих в Испании истребителей с той и с другой стороны). Недостатки: недостаточен боевой потолок (отсутствие высотного мотора). Сложен в пилотировании. Велика посадочная скорость (закрылки неудачны, ими можно пользоваться при посадке строго против ветра, при малейшем боковике самолет разворачивает и летчик не справляется. Летчики закрылками не пользуются. Самолет рассчитан на хорошо подготовленного летчика. Немного маловата скорость).

2. Эти недостатки нашей материальной части начали обнаруживаться с брунетской (июль 1937г.) операции. Особенно

же ярко они проявились в операциях под Теруэлем и последующих. К сожалению, у нас дома это не сразу поняли и продолжали руководствоваться опытом первого периода воздушной войны в Испании. Первые 6-8 месяцев воздушной войны в Испании характеризовались, как известно, тем, что количественное соотношение авиации у нас и у противника было, примерно, равным. Качественное же преимущество было на нашей стороне. У противника не было такого истребителя, который мог бы догнать наш "СБ" и наш "СБ" ходил совершенно свободно по территории противника, ничем не прикрываемый. У противника не было такого истребителя, который мог бы по своей скорости сравняться с нашим "И-16". Не имел противник и такого бомбардировщика, который смог бы уйти от нашего И-16.

К концу 1937г. обстановка резко изменилась. Ликвидация противником Севера и усиленное снабжение (в период май-октябрь 1937г. Германией и Италией новой материальной частью мятеежников, дало в руки противника резкое количественное (в 2-3 раза) и качественное превосходство в авиации.

а) Немецкий бомбардировщик "Хейнкель 111" несет бомб в три раза больше нашего СБ, а главное он сильно живуч в воздухе никак не горит хотя наши И-16 стреляли иногда в него прямо в упор. У него непловая скорость и наш И-16 не всегда его догоняет.

б) Новый скоростной немецкий истребитель "Мессершмидт" оказался лучше нашего И-16. Мощность мотора на Мессершмидт" равна, примерно, мощности нашего мотора. М-25. Скорость Мессершмидт до высоты 3000 мт равна, примерно, скорости нашего И-16. Разница в том, что высотность нашего мотора М-25 - 2600-2900 метров. До этой высоты он сохраняет свою

до СБ /
ХХ

211

мощность. Выше этой высоты он постепенно понижает свою мощность. Высотность мотора на Мессершмидт 4500-5000 мт только выше этой высоты он начинает постепенно понижать свою мощность. Поэтому "Мессершмидт", как правило, никогда не вступает в бой с нашими истребителями ниже 5000 мт. На высоте 5000 мт и выше он всегда имеет преимущества перед нашим И-16, т.к. на этой высоте его мотор значительно сильнее нашего М-25. Необходимо отметить, что Мессершмидт до последнего времени в Испании воет немного. В начале 1938г. было примерно 36 самолетов, в последнее время 20-25 самолетов. Никогда в длительный воздушный бой с нашими истребителями они не вступают (исключая, когда их количественное превосходство). Тактика их в основном такова - приходят на фронт на большой высоте 6000-8000 мт (летчики снабжены очень удобным кислородным прибором, чего наши летчики пока, к сожалению, не имеют), рассыпным строем (интервалы и дистанции между звеньями 400-500 мт, а в звене 100-200 мт). Если на фронте есть наши самолеты, то они ходят выше наших самолетов и выбирают удобный момент и удобную цель для атаки. Наши истребители, естественно, начинают нервничать и оберегать друг друга "хвосты". Бомбардировщиков наших на фронте они, как правило, атакуют, когда последние, сбросив бомбы, выходят из зоны зенитного огня расстроенными и иногда оторвавшимися от своих истребителей (истребители теряют). Истребители наших они атакуют, главным образом, оторвавшихся от строя. Как правило, делают одну атаку, после которой камнем пикируют до земли. У земли выводит их пикирования и уходит на свою территорию. Скорость на пикировании у Мессершмидт больше, чем у И-16. Стреляют очень метко. На самолете хороший оптический прицел. Летчики на Мессершмидт летают отборные,

мт
Курьер

1.2

Замечания по материальной части и тактике противника, по нашей материальной части, по действиям пехоты

Comentarios en cuanto a la parte material, tácticas propias y del enemigo y operaciones de la Infantería

En este texto se analiza el estado y tácticas de acción de republicanos y franquistas. Se informa sobre defectos del avión Tupolev SB: reducido cargamento de bombas, vulnerabilidad del aparato y escasa defensa personal contra incendios. Por otro lado, se enumeran las ventajas del I-15, entre las cuales se destacan la buena maniobrabilidad y la facilidad en el pilotaje. Al mismo tiempo tiene siguientes desventajas: baja velocidad y techo de combate insuficiente. El I-16 tiene buena potencia de fuego (es el mejor avión de caza de la guerra), pero no tiene suficiente techo de combate, su pilotaje es complicado (es difícil aterrizar con viento de costado) y carece de velocidad. Deficiencias comenzaron a manifestarse después de la operación de Brunete (julio de 1937) y se hicieron más evidentes durante la batalla de Teruel. Se afirma que estas carencias no encontraron eco inmediato en la URSS, debido a que en los primeros 6 ó 8 meses, los aviones soviéticos dominaron a los de sublevados. Pero a partir del verano de 1937, tanto cualitativa como cuantitativamente, la aviación sublevada superó a la republicana. El avión Heinkel He111 tiene una buena capacidad de carga explosiva y tiene una velocidad excelente. El Messerschmitt Bf 109 resultó ser mejor que el I-16 en velocidad a altitudes superiores a 5.000 m. Por último, se describen tácticas de acción de los Messerschmitt en combates aéreos, al señalar que los pilotos que los pilotan, son excelentes.

Они будут наводить ужас и панику на такую пехоту и последняя будет спасаться бегством.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АВИАЦИИ.

1. В 1938г. в нашей печати было много рассуждений о роли авиации в войнах Испании и Китая и особенно о роли авиации в будущей войне. Где должна действовать авиация в будущей войне? По оперативным резервам или на поле боя? Писали о том, что в будущей войне первые 10-15 дней будет вестись грандиозная воздушная война за завоевание господства в воздухе и т.п. и т.д. Мне кажется, что в этих рассуждениях очень много отвлеченных и неправильных суждений. Конечно, будущая война, в которую мы будем втянуты на западе но может быть полностью похожей на войну в Испании, также как и война на востоке не будет полностью походить на японо-китайскую войну. Будут воевать другие армии, в другое время, на другом театре военных действий, с более усовершенствованными техническими средствами. Останется одно общее, которое будут применять все. Это бросать все свои технические средства в помощь своей пехоте. Всеми средствами обеспечивать продвижение своей пехоты. Завоевано только то, что захвачено и удержано пехотой. Чистой борьбы за господство в воздухе (по теории Дуэ) никогда не было, нет и никогда не будет.

По опыту войны в Испании можно вполне достоверно предположить, что фашистская Германия при нападении обрушится одновременно всеми своими средствами пехотой, танками, артиллерией и авиацией. Основная цель всех родов войск будет заключаться в том, чтобы обеспечить продвижение вперед своей пехоты. Основная масса авиации будет действовать главным образом на поле боя и в ближайшем тылу по такти-

ческим резервам. Одновременно с этим будут попытки бомбардировать и объекты глубокого тыла (аэродромы, авиазаводы, железнодорожные узлы, города и т.д.), но эти операции будут носить вспомогательный характер, дополняющий основную операцию на фронте.

Сборняющийся (роли могут быстро меняться) бросит встречный поток своей пехоты и технических средств, в том числе и авиацию, для остановки нападающего и для перехода в наступление. Вот здесь и развернется основная, очень жестокая воздушная борьба за господство в воздухе. Главной формой этой борьбы будет воздушный бой. Эта борьба будет вестись не отвлеченно и самостоятельно, а одновременно с жестокой борьбой на земле, во взаимодействии со всеми родами наземных войск. Исход этой борьбы (за господство в воздухе) будут решать истребители. На них лягут задачи: не допустить бомбардировщиков пр-ка к нашим войскам, расчистить путь своим бомбардировщикам, штурмовать пехоту противника, охранять тыловые объекты, вести ближнюю разведку, и иногда атаковать истребительные аэродромы пр-ка, расположенные близко к фронту. Им будут противодействовать истребители пр-ка, наши истребители должны будут это противодействие сломить.

Сделать это можно удачными воздушными боями. Выигрыш воздушного боя зависит от количественного и особенно качественного превосходства материальной части, от храбрости и выучки летного состава.

2. Одновременно с действиями на фронте можно бомбардировать аэродромы пр-ка. Однако, эти операции должны носить вспомогательный характер. Они рассчитаны больше на моральный эффект. Нарушить на короткий срок управление (порыв связи).

1.3

Несколько замечаний по оперативно-тактическим вопросам использования авиации

Algunos comentarios sobre problemas operativos y tácticos del uso de la Aviación

El autor ofrece una evaluación crítica de argumentos esgrimidos en la prensa soviética sobre las perspectivas de combates aéreos fundamentadas en la experiencia de los combates en España y China. A pesar de la importancia de las Fuerzas Aéreas, opina que el papel principal lo seguirá desempeñando la Infantería, siendo la Aviación un apoyo más de la misma. Saca la conclusión de que la Alemania fascista utilizará todos sus medios para garantizar la ofensiva de la Infantería. La Aviación cubrirá a la Infantería en el campo de batalla. Ataques a enclaves en la retaguardia profunda serán de carácter auxiliar. Los contendientes intercambiarán rápidamente los roles de avanzar y defenderse en el campo de batalla. La batalla en el aire estará protagonizada principalmente por aviones de caza.

245

Резолюция товарища Сталина
 на замечаниях полкового комиссара т. Агальцова
 по работе в Испании: (исх. № 535918 РЧ РККА)

„ Почему Орлов, а не Локтионов, себидает о нашей
 авиации в Испании? При чем тут Орлов? И. С. ”

„ Это сделано Локтионовым для того, чтобы
 сделать опыт испанских авиаторов достоянием
 нашей авиации? ”.

„ т. Сталину.
 Возвращаю, доколе будет уашком испльзован.
 Н.В. 7.1.39. ”.

2

**Резолюция товарища Сталина на замечания полкового комиссара
 т. Агальцова по работе в Испании 07.01.1939**

**Resolución del camarada Stalin sobre los comentarios del comisario
 del regimiento el camarada Agaltsov en cuanto al trabajo en España 01.07.1939**

Stalin pregunta qué se hizo para que la experiencia de pilotos españoles (sin duda, se refiere a los republicanos) fuera generalizada por entre aviadores soviéticos.

НКО СССРНАЧАЛЬНИК
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБАРабоче-Крестьянской
Красной Армии

6 Ноября 1936 г.

№ 20044
г. МоскваЛк № 1
1936 г.

Рассекречено

СОБ. СЕКРЕТНО.

экз. № 6.

ТОЛЬКО ЛИЧНО.

КОМАНДАРМУ П РАНГА т. АЛЕКСИСУ Я.И.
 КОМАНДАРМУ П РАНГА т. ХАЛЕПСКОМУ И.А.
 КОМКОРУ - т. УРИЦКОМУ С.П.
 КОМДИВУ - т. БОКИСУ.

Необходимо самым подробным образом и со всей тщательностью изучать опыт войны в Испании и, особенно, в области применения и действия авиации и танков.

Обратить особое внимание на следующие моменты.

По авиации:

- а/ Тактика воздушного боя /в частности характер действия немецких бомбардировщиков и истребителей;
- б/ число вылетов за сутки /отдельно по видам авиации/;
- в/ высота потолка /в зависимости от характера задачи/;
- г/ расход огнеприпасов и горючего;
- д/ использование аэродромов и их маскировка /у белых и синих/;
- е/ физическое напряжение экипажа.

По танкам:

- а/ тактика /боевые порядки, взаимодействие с пехотой, артиллерией и авиацией у обеих сторон/;
- б/ метод управления танками в роте и батальоне;
- в/ маневр в тылу;
- г/ характерные препятствия и их преодоление;

289

- 2 -

д/ основной метод, применяемый белыми для борьбы с танками синих и, в первую голову, организация и действие артиллерии ПТО белых;

е/ разведка, наблюдение, видимость и огневая борьба танков синих с танками и артиллерией /в том числе и специальной артиллерией ПТО/ белых;

ж/ расход огнеприпасов и горючего;

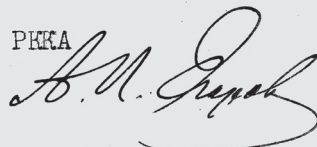
з/ характерные повреждения у танков синих от огня белых и чисто технические;

и/ вопросы ремонта и восстановления;

к/ физическое напряжение личного состава экипажей.

Начальнику ВВС РККА и Начальнику АБТУ РККА выделить, для выполнения этой задачи, специальных командиров /по одному/, которые должны работать под руководством и указаниям Комдива т.НИКОНОВА.

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА РККА
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

/А.И. ЕГОРОВ/

5 экз.

3

**Записка начальника Генерального штаба РККА Маршала Советского Союза
А.И. Егорова от 16 ноября 1936 г. об изучении опыта войны в Испании**

**Nota de servicio de A.I. Egorov, jefe del Estado Mayor del Ejército Rojo,
el Mariscal de la Unión Soviética, del 16 de noviembre de 1936, sobre el estudio
de la experiencia de la guerra en España**

El documento insiste en la necesidad de analizar detalladamente la experiencia de uso de la Aviación y los tanques en la guerra en España. En cuanto a la Aviación, se propone brindar especial atención a las tácticas combativas de alemanes, el número de vuelos por avión, el consumo de municiones y combustible, el funcionamiento de aeródromos y su enmascaramiento y el estrés físico de tripulaciones. En lo que se refiere a los tanques es necesario estudiar tácticas y formaciones de combate, interacciones con otras Armas, la manera con que dirigen tanques en el combate, métodos de combate contra tanques y métodos de reconocimiento. Al final, se orienta que se asignen oficiales especiales para preparar dichos informes.

З А М Е С Т И Т Е Л Ъ
 Народного Комиссара
 ОБОРОНЫ
 Союза Советских
 Социалистических
 Р е с п у б л и к

26 марта 1937 г.
 № 3/сс
 г. МОСКВА

28.3.37

Рассекречено

СОВ. СЕКРЕТНО.
 экз. № 1

67

- ЗАМ. НАРКОМА ОБОРОНЫ ПО АВИАЦИИ.
- ЗАМ. НАРКОМА ОБОРОНЫ ПО МОРСКИМ СИЛАМ.
- НАЧАЛЬНИКУ АРТИЛЛЕРИИ РККА.
- ИНСПЕКТОРУ КАВАЛЕРИИ РККА.
- НАЧАЛЬНИКУ СВЯЗИ РККА.
- НАЧАЛЬНИКУ АБТУ РККА.
- НАЧАЛЬНИКУ ИНЖЕНЕРНОГО УПРАВЛЕНИЯ РККА.
- НАЧАЛЬНИКУ УИИ РККА.
- ЗАМ. НАЧ. ГЕНШТАБА РККА КОМКОРУ т. ЛЕВИЧЕВУ.
- ЗАМ. НАЧ. ПУРКА АРМИЙСКОМУ КОМИССАРУ 2 РАНГА т. ОСЕПЯНУ.
- НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РККА.

Для изучения опыта войны в Испании, по приказанию Народного Комиссара Оборонн Маршала Советского Союза т. ВОРОШИЛОВА, предлагаю Начальникам Центральных Управлений НКО лично изучить имеющиеся в Разведывательном Управлении РККА материалы о военных действиях и применении техники в Испании и представить мне к 5-му апреля с.г. доклады с выводами и предложениями из этого опыта по оперативно-тактическим, техническим и организационным

В. Волгов
автор
А

вопросам *по своему роду войск. В предположении о действиях сухопутные войска от предположения, что сухопутные войска отведут от передовой линии.*
 Начальнику Разведывательного Управления РККА предоставить Начальникам ЦУ весь касающийся их материал, а равно и сведения иностранной прессы.

В. Волгов

Для выполнения указанной работы разрешается каждому Начальнику Управления привлечь одного командира из состава своего Управления, по согласованию с Разведупром.

В. Волгов
из указа -
27.3.

Начальники АБТУ, Инженерного Управления, Управления Связи, УИИ и Начальник Артиллерии изучают материалы в РУ и составляют выписки 27-28 марта, Начальники остальных Управлений - 29 и 31 марта.

ЗАМ. НАРКОМА ОБОРОНЫ СССР
 МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

(Тухачевский)

Л. 11 экз.

В. Волгов
28/3

4

**Записка заместителя народного комиссара обороны СССР
Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского 26 марта 1937 г.**

**Nota del vicescomisario del pueblo de Defensa de la URSS,
el Mariscal de la Unión Soviética, Mijaíl Tujachevski, del 26 de marzo de 1937**

El documento ordena a los jefes de direcciones centrales del Comisariado del Pueblo de Defensa de la URSS que analicen datos confeccionados por la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo sobre la experiencia de operaciones en España y saquen conclusiones para el 5 de abril de 1937.

СЕКРЕТНО

Рассекречено

Ота Шасси

В. № 01/0413

10 с. 4. 7

СЕКРЕТНО.

Экз. № 1..

УЗ

В Ы П И С К А

ИЗ ДОКЛАДА КОМАНДИРА 114 БРИГАДЫ за № 0291 от 1.4.37.

И. М. Сидоров
В. С. Сидоров
И. С. Сидоров

Для успешной работы штурмовой авиации при действиях как по аэродромам, так и по войскам, необходимо своя разведка скоростным самолетом, на средних высотах, ведущаяся систематически, непрерывно, почти круглосуточно. От доразведки в такой форме, как она применялась у нас, повидимому, придется совершенно отказаться и вообще отказаться от доразведки по неподвижным объектам как-то аэродромы и проч. Цель этого сделать максимально внезапной атаку штурмовиков. Из опыта личной работы убедился, что производя доразведку на бреющем полете, раньше чем сам что-нибудь увидишь, самого увидят скорее и нельзя же считать противника дураком, конечно, всякая внезапность исчезла, цель рассосредоточилась и ПВО земли готово к бою. Совершенно недопустимым считаю производство доразведки командиром части или подразделения в одиночку, бросая часть, где то в зоне ожидания, да еще на территории противника.

Нам нужно воспитывать специальные кадры разведчиков и доразведчиков штурмовых частей. Доразведку движущихся целей производить только на средних высотах 1000-1200 метров, или ниже, но маскируясь облаками передавая данные о разведке подразделению, находящемуся в полете к цели по радио. По кодированной карте с максимальным упрощением текста передачи или же наводка на цель самолетом доразведчиком, идущим на высоте.

В целях внезапности атаки следует отказаться от выскакиваний на высоту 200-300 метров, используя взрыватели с

замедлением (АДП с максимальным замедлением 21 сек.,
хороший надежный взрыватель). Выскакивание применять
только на высоту 20-40 метров с целью лучше увидеть цель
и облегчить прицеливание. После пульогня батареи, бомбы
с брющего или ОВ .

Учитывая мощность вооружения современного штурмовика
а также трудность управления на бреющем полете на большой
скорости порядка 340 км. в час следует отметить, что штурм
вики должны работать группами не выше отряда. Отсюда
резко возрастает роль командира неотдельного отряда и
штурмана отряда и их подготовка.

..... Иду Вашего решения на это.

На подлинном резолюция Нач.Штаба ВВС

НО1 + НО2 - сделайте себе выборки и
не позже 11.4 передайте Сакриеру и
Базенкову. ЛАВРОВ.8.4.

п.п. КОМАНДИР 114 АВИАБРИГАДЫ

Майор - БЕЛИЦКИЙ.

ВЕРНО: *Соткин*

Отпечатано в 1 экземпляре.
Врид. Нач. 2 Отдела Штаба ВВС
т. РАФАЛОВИЧА.

вз.

5

Выписка из доклада командира 114 бригады за № 0291 от 01.04.37

Extracto del informe N 0291 del comandante de la brigada N 114 del 01.04.37

El Comandante de la Brigada propone, basándose en su propia experiencia que, para llevar a cabo operaciones con aviones de asalto, se necesita disponer de sus propios informes de inteligencia utilizando para estos objetos un avión de alta velocidad que opera sistemática y permanentemente. El reconocimiento llevado a cabo por parte de un avión unos instantes antes de atacar el objetivo, el autor lo considera inútil, ya que se pierde el efecto sorpresa. Propone utilizar un avión de reconocimiento especial con radiotransmisor. El avión debe ser camuflado por las nubes que, al mismo tiempo, protegerían también al resto de aviones de asalto que atacan objetivo terrestre.

С. С. С. Р.

Народный Комиссариат
Обороны Союза ССР

НАЧАЛЬНИК

ВОЕННЫХ ВОЗДУШНЫХ СИЛ

Рабоче-Крестьянской
Красной Армии

" декабря 1936 г.

№ 1012

*дел № 5-1936*Экз. №... *2*

Рассекречено 88

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ТОЛЬКО ЛИЧНО

20
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СССР

МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

тов. ВОРОШИЛОВУ.-

При сем представляю запись моей беседы с прибывшими из ос. об. командировки летчиками, стрелками, летнабами и техниками.

Прошу Вашего разрешения на основе изучения этих материалов дать некоторые указания тов. СМУШКЕВИЧУ о необходимых коррективах в боевом применении авиации: даче заданий на боевые вылеты накануне, полете к цели по одному маршруту, возвращении по другому и т.д.

По недочетам материальной части, обнаруженным при ее боевом применении, мною ставится вопрос перед промышленностью об их устранении при производстве в дальнейшем.

ПРИЛОЖЕНИЕ: 1. Стенограмма на 36 стр.

2. Выводы из стенограммы на 5 стр.

(только к 1 экз)

И. м. НАЧАЛЬНИК ВОЕННЫХ ВОЗДУШНЫХ
СИЛ РККА
КОМАНДАРМ 2-го РАНГА

(АЛКСИС)

Щербаков И. М.

В 2 экз.
ВВ

6

Сопроводительное письмо командующего Военно-воздушными силами РККА, командарма 2-го ранга Я.И. Алксниса наркомму обороны СССР К.Е. Ворошилову со своей записью беседы с лётчиками, вернувшимися из Испании

Una carta acompañante del jefe de las Fuerzas Aéreas del Ejército Rojo, el comandante del segundo rango Ya. Alksnis, a nombre del comisario del pueblo de Defensa de la URRS, K.E.Voroshilov, con el estenograma de su conversación con pilotos que regresaron de España

En la carta se le solicita a K.E.Voroshilov que, una vez analizado el documento, se le den instrucciones a Ya. Smushkevich sobre los cambios en las tácticas combativas de aeronaves en cuanto a objetivos, rutas y problemas de apoyo material. Al mismo tiempo se le informa al Comisario del Pueblo de Defensa de la URSS que ante la industria aeronáutica ya se ha planteado la tarea de buscar vías para que puedan eliminarse defectos de aviones.

126
Г. Г. Г. Г. Г.
3.7
44

ДОКЛАД О СОГЛАШЕНИИ КОМИТЕТА ПО НЕВМЕШАТЕЛЬСТВУ НА СОВЕЩАНИИ
26 МАЯ 1938 ГОДА ОТНОСИТЕЛЬНО ОТЗЫВА ДОБРОВОЛЬЦЕВ И ВОССТАНОВЛЕНИИ
КОНТРОЛЯ НА ИСПАНСКИХ ГРАНИЦАХ.

1. ИЗЛОЖЕНИЕ СОГЛАШЕНИЯ.

Полный текст соглашения неизвестен. Комитет по проведению двух совещаний, по 2 часа каждое, принял, за исключением представителя СССР, проект относительно отзыва добровольцев, восстановления сухопутного контроля и усиления системы наблюдения на море. В общи чертах, проект представляется в следующем виде:

1. Отзыв добровольцев по категориям. Всего устанавливается 4 категории: Армия, Флот, Авиация и гражданские служащие.
2. Признание прав воюющей стороны за каждой из двух партий после того, как будут достигнуты ценные успехи в отзыве добровольцев. Выражение "ценные успехи" определяется следующим образом: отзыв 10.000 иностранцев бойцов из зоны, которая имеет в своих рядах меньшее количество иностранных бойцов. Отзыв добровольцев из другой зоны будет произведен пропорционально количеству иностранных бойцов, существующих в ней (это - единственный пункт, который был принят Представителем СССР).
3. Восстановление сухопутного контроля на границах испанско-французской и испанско-португальской. Контроль будет восстановлен спустя 14 дней после начала работы комиссий, которым поручено наблюдение за отзывом добровольцев. Если по прошествии 30 дней отзыв не будет начат Французское правительство получит свободу действий. Этот срок может быть продлен на 10 дней, если задержка в отзыве произойдет исключительно по техническим трудностям.
4. Усиление системы наблюдения на море. Эта система будет усиленно параллельно восстановлению сухопутного контроля. Комитетом будет составлен еще 2 совещания для определения расходов, вызванных применением проекта и для назначения комиссий, которые должны наблюдать за отзывом добровольцев. Одна из этих комиссий будет направлена в Республику Испанию, другая - в Испанию Франко. После того, как будет произведено исчисление добровольцев, определенное количество членов одной комиссии встретится с членами другой комиссии в пункте, который будет назван дополнительно. Члены обеих комиссий составят смешанную комиссию, которая сравнит количество добровольцев, имеющихся у каждой из сторон и определит в какой пропорции должен быть осуществлен отзыв добровольцев, который будет производиться каждые 20 дней.

II. АНАЛИЗ СОГЛАШЕНИЯ.

Первый вопрос, поставленный соглашением, следующий: препятствует ли классификация добровольцев по категориям: Армия, Флот, Авиация гражданские служащие этому порядку отзыва. Если так будет, то итальянские и немецкие летчики, отзыв которых из другого лагеря имеет для нас существенное значение, выедут из Испании почти в последнюю очередь. Необходимо принять во внимание, что отправки добровольцев будут производиться каждые 20 дней и так как контрольные комиссии должны

Оставить без обслуживающего персонала зенитные батареи и даже некоторые сухопутные в фашистском лагере.
Выход из Испании итальянского персонала, который руководит военной промышленностью и техническими предприятиями в Испании Франко.
Увеличение деморализации в некоторых секторах фашистского лагеря, когда они осознают, что они лишились иностранной помощи.
Возможный вывоз Италией и Германией части военных материалов, предоставленных ими Франко, если одно из этих государств полностью или частично перестанет быть заинтересованным в испанском конфликте.
Доказательство всему миру насколько незначительно то количество иностранцев, которое нам помогает.
Моральное действие, которое произведет в фашистской Испании и в других странах обязательство, выраженное Италией и Германией отозвать сразу всех добровольцев при выходе из Испании 10.000 добровольцев, относящихся к Республиканской Испании.
Более легкий саботаж в складах военных материалов и на путях сообщения, так как они уже не будут контролироваться итальянскими карабинерами и итальянско-немецкими техниками.
Худшее военное и политическое руководство войной в Испании Франко, так как там уже не будет иностранных военных, помогающих им в этом

Невыгодн отзыв добровольцев для нас сводятся к следующему:

Признание права воюющей стороны за Франко.
Устранение в испанском мнении двух партий и в международном тем об иностранном вмешательстве.

Продление на неопределенное время контроля с возможным бессрочным пребыванием в фашистском лагере итальянских и немецких летчиков;

Возможная пристрастность контрольных комиссий при выполнении действительных измерений, которые скрываются за соглашением.

Не поддающаяся контролю маскировка добровольцев в фашистской зоне.

Восстановление сухопутного и морского контроля, которое может препятствовать при своевременному приобретению нами всего необходимого для продолжения войны, между тем как производство и импорт военных материалов в фашистскую зону на сегодняшний день превосходят производство и импорт в Республиканскую Испанию и могут еще более вырасти до того времени, пока не будет установлен контроль.

В общем и целом, соглашение почти наверное будет иметь для нас неблагоприятный характер и следующие перспективы:

1. Закрытие нашей границы с Францией и строгий контроль за нашей береговой линией.
2. Начало отзыва всех наших добровольцев.
3. Не поддающаяся маскировке контроль маскировка добровольцев фашистского лагеря.
4. Продление на неопределенное время отзыва и системы контроля.
5. Максимальное пребывание, возможно на неопределенное время, в фашистском лагере итальянских и немецких летчиков.
6. Признание за Франко прав воюющей стороны.
7. Неопределенность и расплывчатость предоставляемых нам прав, воспользоваться ими мы во всяком случае не имеем возможности.

Барселона, 31 мая 1938г.

**Доклад о соглашении Комитета по невмешательству
на совещании 26 мая 1938 года относительно отзыва добровольцев
и восстановления контроля на испанских границах**

**Informe sobre el Acuerdo del Comité de No Intervención en la reunión del 26 de mayo
de 1938 sobre la retirada de voluntarios y la restauración del control
en las fronteras españolas**

El documento enumera brevemente términos del acuerdo, plan de implementación del mismo y métodos de su verificación posterior. A continuación, se lleva a cabo un análisis del acuerdo. Se reconoce que para la República es desventajosa la retirada de los aviadores voluntarios al final de este proceso. Como aspectos positivos, se observa que una parte de la industria antiaérea, aeronáutica, naval y militar de los franquistas se quedará sin personal calificado. Es posible que se produzca una desmoralización de sublevados a consecuencia del abandono de sus aliados. Se crean condiciones favorables para el sabotaje en almacenes abandonados por italianos y alemanes. Entre las otras desventajas de este acuerdo se menciona el reconocimiento de Franco como parte beligerante y el peligro de que los voluntarios alemanes e italianos se conviertan en soldados españoles. Asimismo, seguirán incrementándose problemas para hacer llegar suministros soviéticos a la República, mientras que los alemanes e italianos continuarán enviándoselos sin problemas a los franquistas. Se concluye que es más probable que el acuerdo sea desventajoso para la República y la URSS.

Barcelona, 31 de mayo de 1938

Рассекречено 88

Сов. секретно.

Экз. № 2

ВРИД. НАЧАЛЬНИКА 1 ОТДЕЛА

ПОЛКОВНИКУ тов. СТАРУНИНУ.

*Вклеить на
карточку*

СПРАВКА

о подготовке итальянских летчиков высотным полетам из телеграммы нашего советника по авиации в Испании тов. Арженухина.

Допошу, что по сведениям, полученным от пленного итальянского летчика, в Италии существует специальная школа для обучения высотным полетам. В нее принимаются только офицеры по своему физическому состоянию наиболее крепкие и желающие пройти обучение полетам на больших высотах. Курс обучения, примерно, один год. В школе летают с кислородными приборами на высотах до 10-12 тысяч метров. Школа находится в Риме.

В строевых частях истребительной авиации летают на большие высоты без кислородных приборов. Вообще итальянские истребители обучаются больше всего индивидуальной акробатике, занимаясь ею ежедневно.

Стрельба производится только одиночными самолетами по привязанному воздушному шару (диаметр полметра, шары красного цвета). Большое внимание уделяется групповым полетам в составе патруля. Полеты на высоте 5-6 тысяч метров производятся как одиночным порядком, так и в составе патруля с целью приучить летчика нормально чувствовать себя на этих высотах. Пилотажем на больших высотах не занимаются, а только ходят по прямой несколько минут. В итальянской истребительной авиации в Испании есть кислородные приборы и летчики берут их на свой самолет по желанию.

Все командиры летают с кислородными приборами (повидимому, освоившие пользование ими в высотной школе). Иногда пользовались кислородными приборами в полете на фронт и участвовали с ними в боях. Однако летчики жаловались, что в масках (с внутренней стороны которой есть соски) очень неудобно стрелять. О сосках без масок пленный итальянец не знал.

29

- 2 -

Донося об этом, со своей стороны считаю, что в нашей военной советской авиации, особенно истребительной, нужно незамедлительно начать обучение полетам на больших высотах с кислородными приборами и без них.

ВЕРНО:

Полковник

(Гречнев)

№ 16" февраля 1938г. *В. Гречнев*

№ 534352

Отп. 2 экз.
ам

Подписан приказом

8

**Справка о подготовке итальянских лётчиков к высотным полётам
из телеграммы нашего советника по авиации в Испании тов. Арженухина**

**Información sobre la preparación de pilotos italianos para vuelos a gran altitud
sacada del cable de nuestro consejero de aviación en España, el camarada Arzenukhin**

El documento comunica la información recibida de un piloto italiano capturado. Según él, en Italia hay una escuela especial para la enseñanza de vuelos a gran altitud.. Básicamente, a los pilotos italianos se les enseñan maniobras en acrobacia individual. El ejercicio de tiros se realiza individualmente. Los vuelos grupales se practican también. No todos usan dispositivos de oxígeno. La careta causa inconvenientes, ya que dificulta el disparo. Al final, se concluye que en la URSS es urgente comenzar a preparar a pilotos para vuelos a gran altura.

Рассекречено

Сов. Секретно.

Литер. _____
193 г.

Вх. № _____ на № _____ от _____
При ответах ссылаться на №, число и Отдел.

СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК

РОДНОЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

7 Отдел

4 апреля 1938 г.

№ 429455

КВА, площадь Дзержинского, 2
Телефон: коммутатор НКВД

Краткое содержание:

В глас
Выполнение
Ком. Генеру
22.4.38

267

ЗАМ. НАЧ. РАЗВЕДУПРА РККА

СТ. МАЙОРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

г. ГЕНДИНУ.

От нашего резидента в Испании мы получили сообщение о том, что два месяца тому назад на территорию республиканской Испании вынужденно сел бомбардировщик "Хенкель 111", представляющий для нас исключительный интерес.

Вопрос об отправке этого бомбардировщика домой ставился нашими инженерами перед Себастьяном несколько раз, но положительных результатов нельзя было добиться.

Имеются точные сведения, что министр обороны ПРИЕТО и вице-министр КАМАЧИО в кругу своих близких выражали удивление, что русские не проявляют интереса к получению и отправке "Хенкеля 111". Дело может кончиться тем, что бомбардировщик, находящийся в Сабаделе будет уничтожен авиацией противника.

О принятых Вами мерах прошу меня информировать.

информация
е раз 3 августа
ми, когда
отправлен
момент.
дайго ответ
адресу
упроса.

ЗАМ. НАЧ. 7 ОТДЕЛА ГУБВ НКВД

МАЙОР ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ

(ШПИГЕЛЬГЛАЗ)

Ср. № 555х
13.4.38

13 4 8
2082

Г. Черныш
Заведующий отдел.
Коллектор Т. Мухом
отдел 4
наш журнал.
13.4.

9

**Сообщение от резидента в Испании заместителю начальника
Разведупра РККА ст. майору государственной безопасности т. Гендину
Mensaje del agente residente en España al subjefe de la Dirección de Inteligencia
del Ejército Rojo, el Mayor de Seguridad del Estado el camarada Guendin**

Se informa que hace dos meses en el territorio republicano aterrizó forzosamente un bombardero alemán «Heinkel 111». Este aeroplano es de gran interés para la industria aeronáutica soviética. Se subraya que hasta el momento no se ha podido entregarlo a la URSS. Añade que el liderazgo de la República Española plantea preguntas por qué la Unión Soviética no está interesada en este avión. Como conclusión, expone el temor que el avión pueda ser destruido por una aeronave enemiga, ya que todavía está en el aeropuerto donde aterrizara. El documento contiene notas escritas a mano sobre la necesidad de entregar el avión a la URSS.

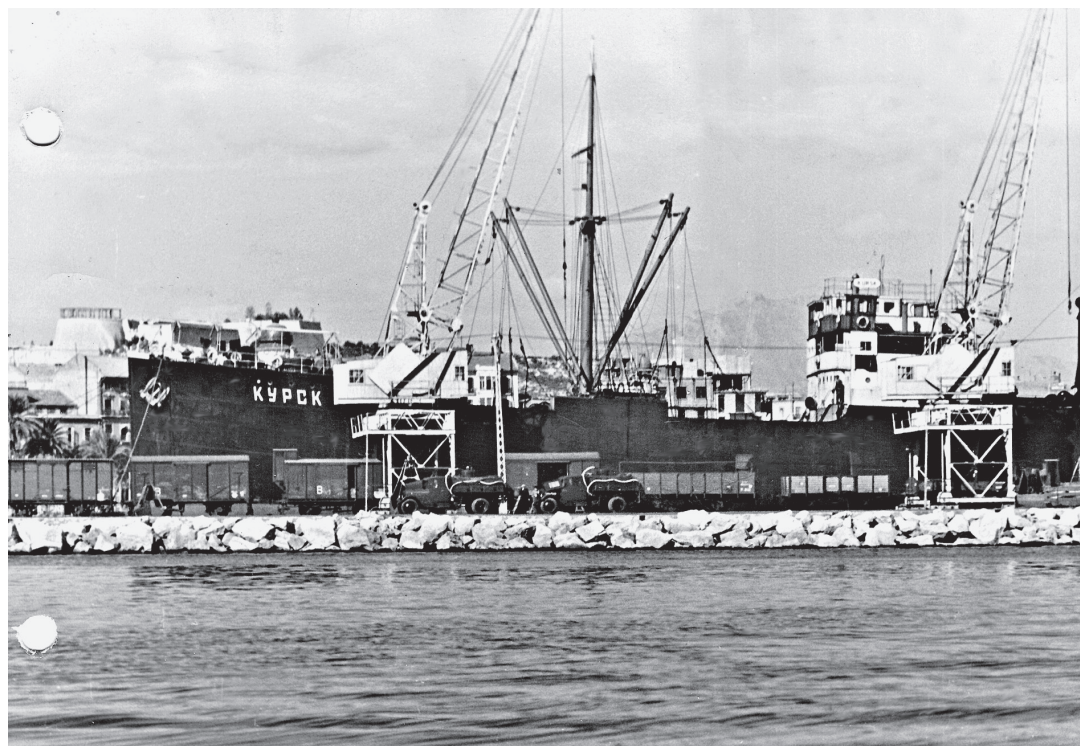
ИЛЛЮСТРАЦИИ

ILUSTRACIONES

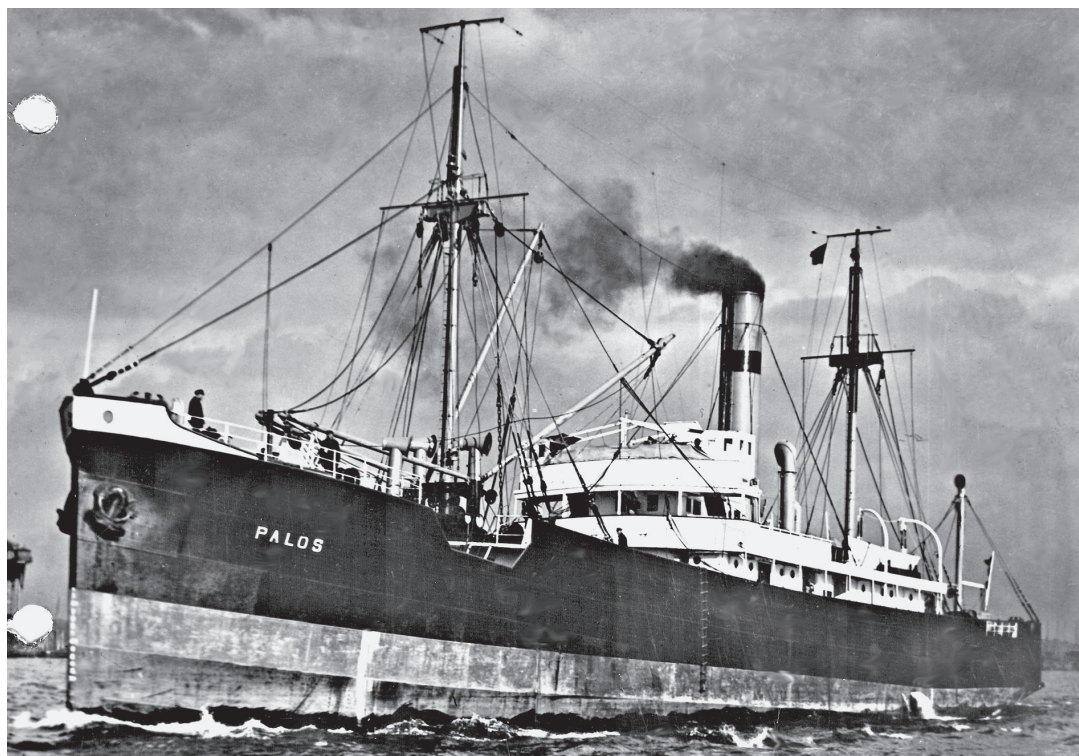
Караван судов с военными грузами из СССР направляется в порт Аликанте, 28 декабря 1936 г.

Un convoy de barcos con cargamentos militares de la URSS rumbo al puerto de Alicante, el 28 de diciembre de 1936

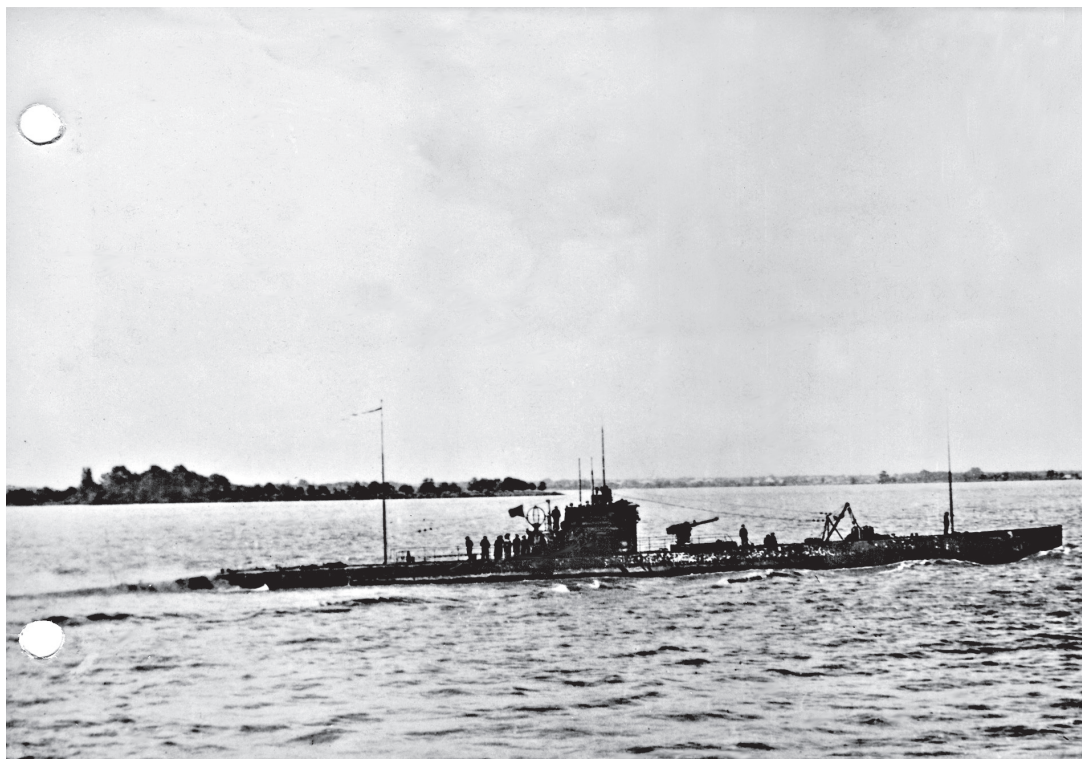

Пароход «Курск» в Аликанте, 28 декабря 1936 г.

El barco "Kursk" en Alicante, el 28 de diciembre 1936

Испанский теплоход «Cabo Palos» с грузом для Республики
El barco español “Cabo Palos” con una carga para la República

Республиканская подводная лодка С-4 направляется во французский порт Бордо для ремонта (17 сентября 1937 г.). Значительная часть офицеров покинула корабль и перешла к Франко. Командование принял советский подводник Иван Бурмистров

El submarino republicano S-4 se dirige al puerto francés de Burdeos para su reparación (el 17 de septiembre de 1937). Una parte importante de los oficiales abandonó el barco y se pasó al bando franquista. El comando fue tomado por el submarinista soviético Ivan Burmistrov

FRANCE PRESSE 29/11/36 FP

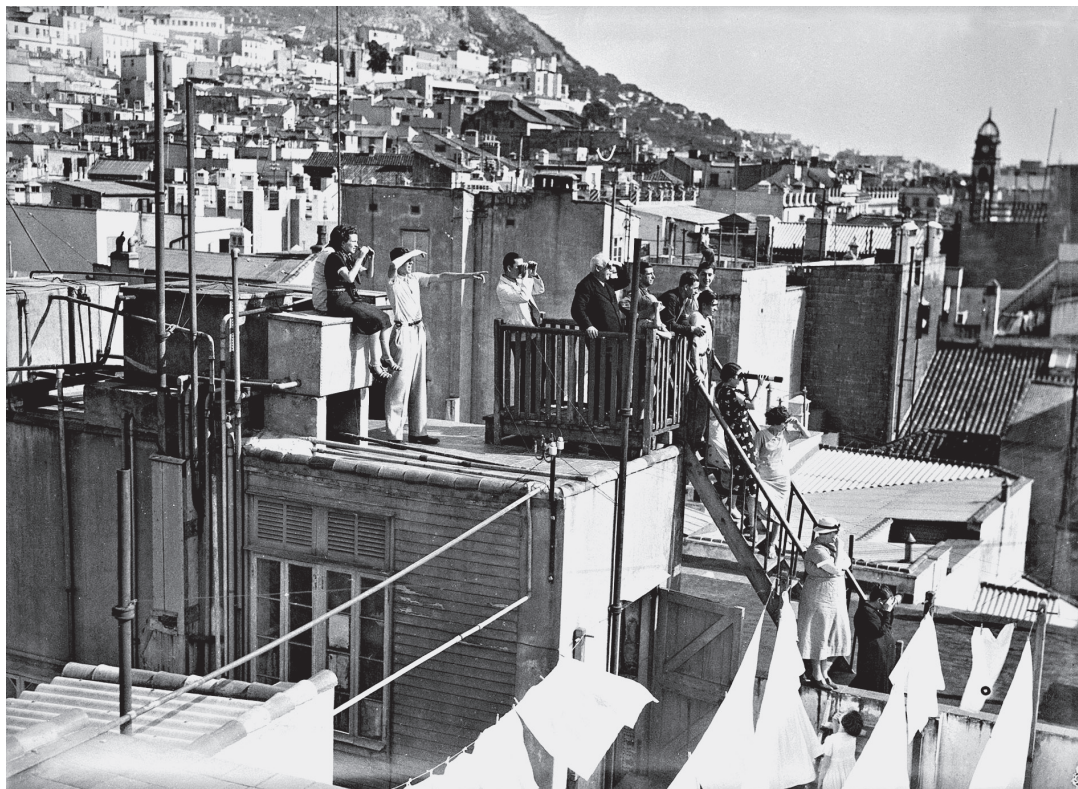
LA GUERRE D'ESPAGNE -

- ALICANTE a été bombardée à son tour par l'aviation et la flotte du général FRANCO.

N.P.M.- Une vue générale de la ville et du port.

Суда в бухте Аликанте, жилые строения подверглись бомбёжке авиации франкистов 29 ноября 1936 г.

Barcos en la Bahía de Alicante y edificios residenciales habían sido bombardeados por la aviación franquista el 29 de noviembre de 1936

Англичане, жители Гибралтара и иностранные корреспонденты, а также испанские беженцы наблюдают за бомбардировкой националистами города Альхесирас, 10 августа 1936 г.

Británicos, habitantes de Gibraltar, los corresponsales extranjeros y los refugiados españoles, observan el bombardeo de la ciudad de Algeciras por los sublevados, el 10 de agosto de 1936

Республиканские зенитчики у установки «Эрликон» отражают налёт на Мадрид, 12 сентября 1936 г.

Artilleros antiaéreos republicanos con una Oerlikon repelendo un ataque aéreo en Madrid, el 12 de septiembre de 1936

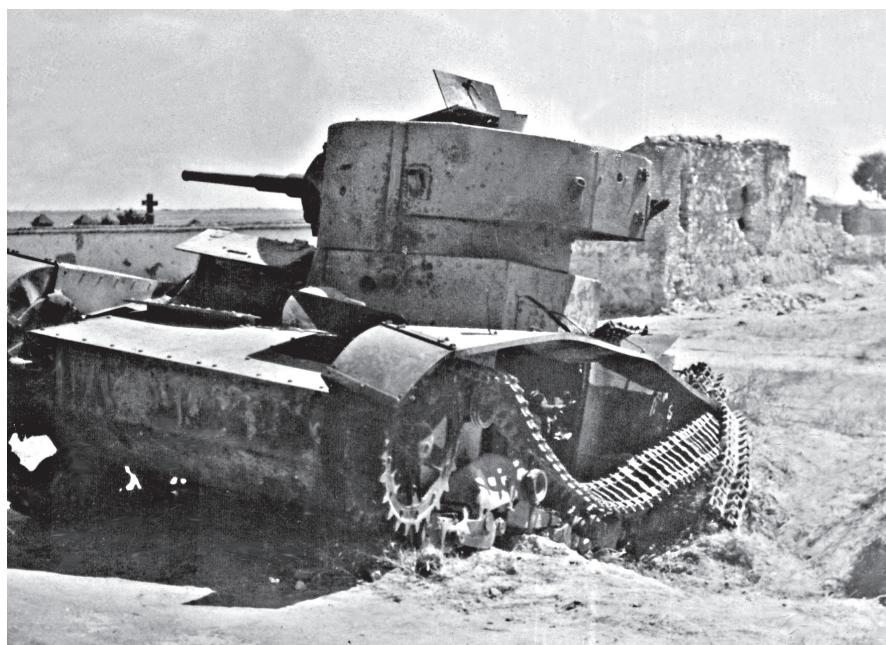
Позиции зенитной артиллерии у горы Арегон около Мадрида, 7 октября 1936 г.
Posiciones de artillería antiaérea cerca del monte Aregón, cerca de Madrid, el 7 de octubre de 1936

Госпиталь в Валенсии
Hospital de Valencia

Советские танки Т-26
Tanques soviéticos T-26

Подбитый Т-26
T-26 sufrió daños durante la batalla

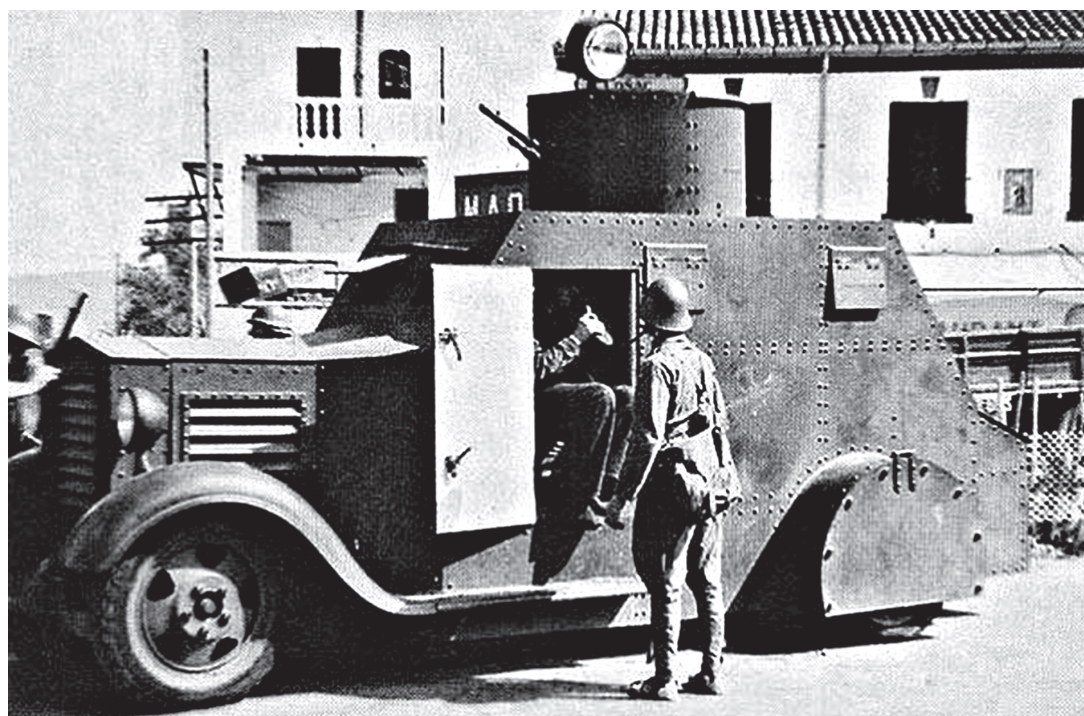
Расчёт 105-мм гаубицы «Виккерс» (выпускалась на оружейном заводе Reinosа в Испании)

La unidad artillera del obús Vickers de 105 mm (producido en la Fábrica de Armas Reinosа en España)

Советские танкисты осматривают БТ-5, застрявший в канаве на юго-востоке от Сарагосы. Вероятно, инцидент не был связан с противодействием противника

Una tripulación de tanques soviética inspecciona su BT-5 que quedó atrapado en una zanja en el sureste de Zaragoza. Probablemente el incidente no estuviera relacionado con una acción enemiga

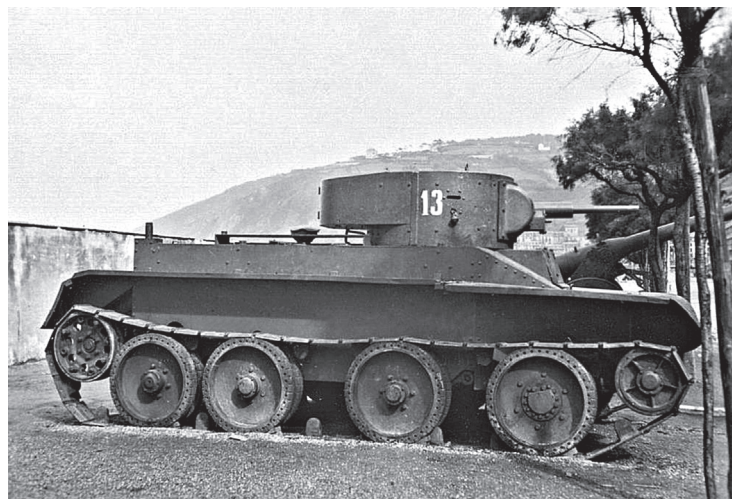

Бойцы осматривают кустарно построенный броневтомобиль, Бильбао, 1937 г.
Soldados inspeccionan un vehículo blindado improvisado, Bilbao, 1937

Группа броневиков готова направиться в Мадрид из Бильбао для поддержки правительства

Un grupo de vehículos blindados listos a partir a Madrid desde Bilbao para apoyar al Gobierno

Один из 50 танков БТ-5,
поставленных в Испанию,
в окрестностях Теруэля
Uno de los 50 tanques БТ-5
entregados a España en las
cercañas de Teruel

Танк Т-26 рядом с Мадридом
Tanque Т-26 cerca de Madrid

Броневики, переделанные в Барселоне из обычных грузовиков, август 1936 г.

Vehículos blindados convertidos de camiones convencionales en Barcelona, agosto de 1936

Бойцы Народной республиканской милиции используют трактор в качестве транспортного средства, Барселона, 29 августа 1936 г.

Milicias Republicanas Populares utilizando un tractor como vehículo, Barcelona, 29 de agosto de 1936

Манифестация анархистов под лозунгами «Да здравствует Республика! Фашизм не пройдет!»

Manifestación de anarquistas bajo el lema “¡Viva la República! ¡El fascismo no pasará!”

Бойцы народной милиции идут по улицам Барселоны, июль 1937 г.
Desfile de las milicias populares por las calles de Barcelona, julio de 1937

Верные правительству силы проводят митинг с целью направить на фронт у Сарагосы добровольцев, 29 августа 1937 г.

Fuerzas leales al Gobierno llevando a cabo un mitin para enviar voluntarios al Frente de Zaragoza, el 29 de agosto de 1937

Подполковник Валентино Гонсалес-Гонсалес (Кампесино)
El teniente coronel Valentín González González, popularmente
conocido como El Campesino

Бойцы колоннами идут на фронт для защиты Республики
Soldados en columnas marchando al frente para defender la República

Формирование колонны Б. Дурutti в Барселоне
La formación de la columna de B. Durutti en Barcelona

Жители Мадрида провожают артиллерийскую часть на фронт, конец лета 1936 г.
Residentes de Madrid escoltan una unidad de artillería al frente a finales del verano de 1936

Герника после бомбардировки 26 апреля 1937 г.

Guernica después del bombardeo del 26 de abril de 1937

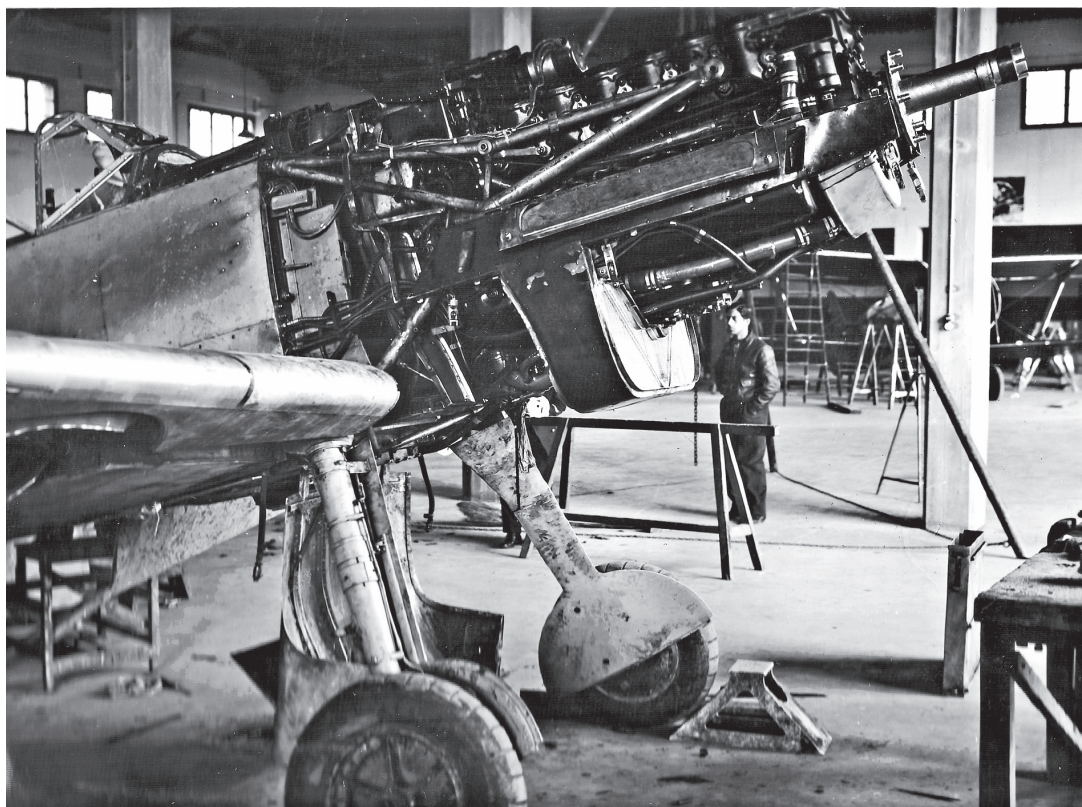

Один из домов Барселоны после бомбардировки. Рядом местные жители и боец санитарного звена местной противовоздушной обороны
Uno de los edificios de Barcelona después del bombardeo. Residentes locales y personal sanitario

Пилоты, аэродромы

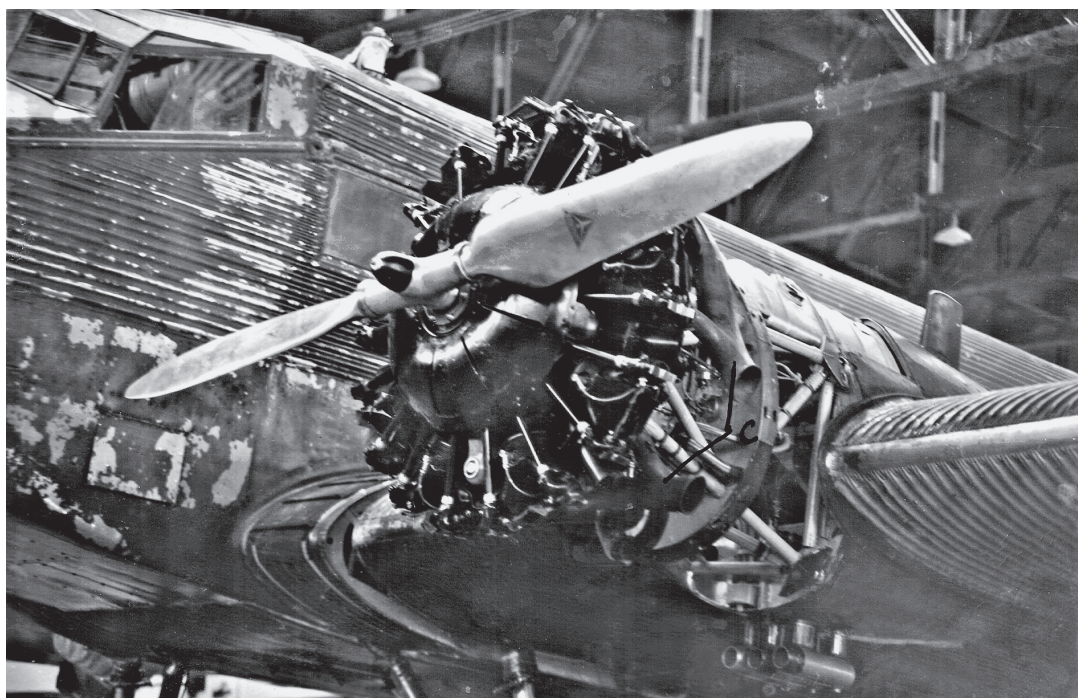

Мессершмитт Bf 109B
Messerschmitt Bf.109B

Bf 109B (Берта) в НИИ ВВС Красной Армии. Самолёт захвачен к востоку от Сарагосы

Bf 109B (Berta) en el Instituto de Investigación Científica de las Fuerzas Aéreas del Ejército Rojo. El avión fue capturado al este de Zaragoza

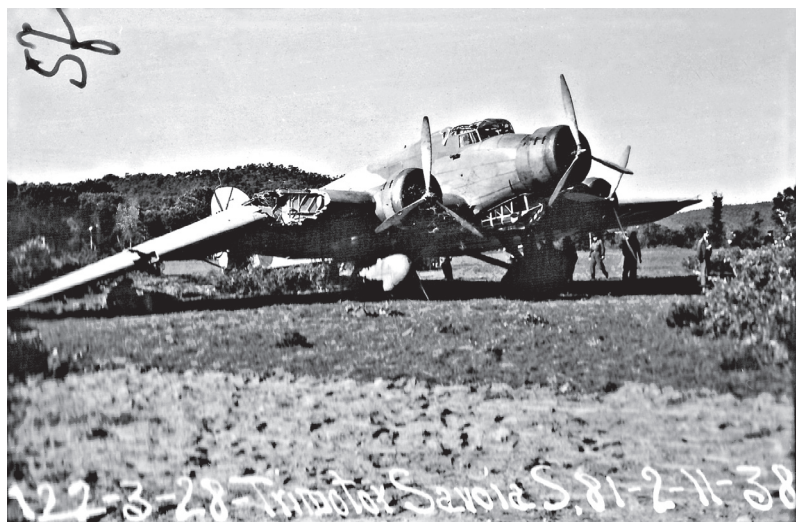
В Советском Союзе на заводе № 156 производят разборку мотора BMW-132
En la Unión Soviética en la Fábrica N 156 se desmonta el motor BMW-132

Итальянские бомбардировщики S.79
Bombarderos italianos S.79

Самолеты Ju 52 вылетают с территории Марокко для рейда на материковую Испанию
Aviones Ju 52 incursionando desde Marruecos sobre la Península

Трёхмоторный итальянский бомбардировщик SM.81 после воздушного боя 2 ноября 1938 г.
Un bombardero italiano de tres motores SM.81 después de un combate aéreo el 2 de noviembre de 1938

SM.81, подбитый огнём зенитной артиллерии. Экипаж осматривает повреждения
Un SM.81 dañado por el fuego de artillería antiaérea. La tripulación inspecciona el daño

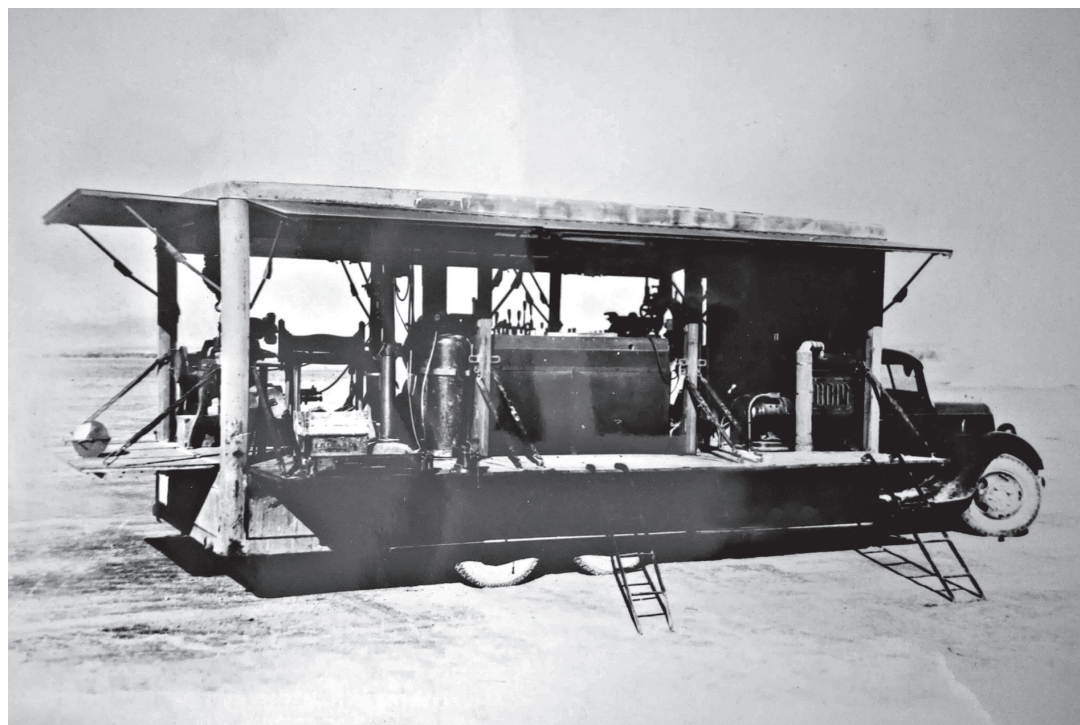
Истребитель И-15. У машины советский лётчик и два испанских механика
El avión de caza I-15. Al lado, un piloto soviético y dos mecánicos españoles

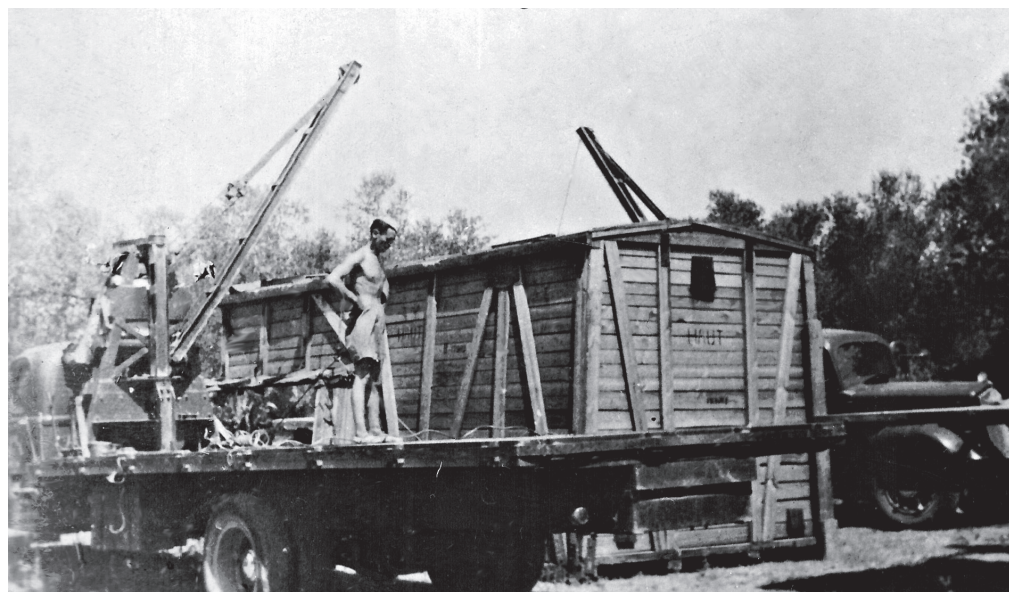
Заправка горючим истребителя И-15 из бочки вручную на полевом аэродроме
Abastecimiento manual de un I-15 desde un barril en un aeródromo de campo

Лейтенант Евгений Антонов у своего И-15 с бортовым номером 46
El teniente Yevgeny Antonov al lado de su I-15 con el número 46

Подвижная авиаремонтная мастерская (ПАРМ), смонтированная на грузовике
Taller móvil de reparación de aeronaves montado en un camión

Подвижная авиаремонтная мастерская
Taller móvil de reparación de aeronaves

Испанский технический состав готовит к вылету бомбардировщик СБ
El personal técnico español preparando el vuelo del bombardero SB

Советские и испанские лётчики (имена неизвестны) позируют
у истребителя И-15

Pilotos soviéticos y españoles (nombres desconocidos) posando al lado
del caza I-15

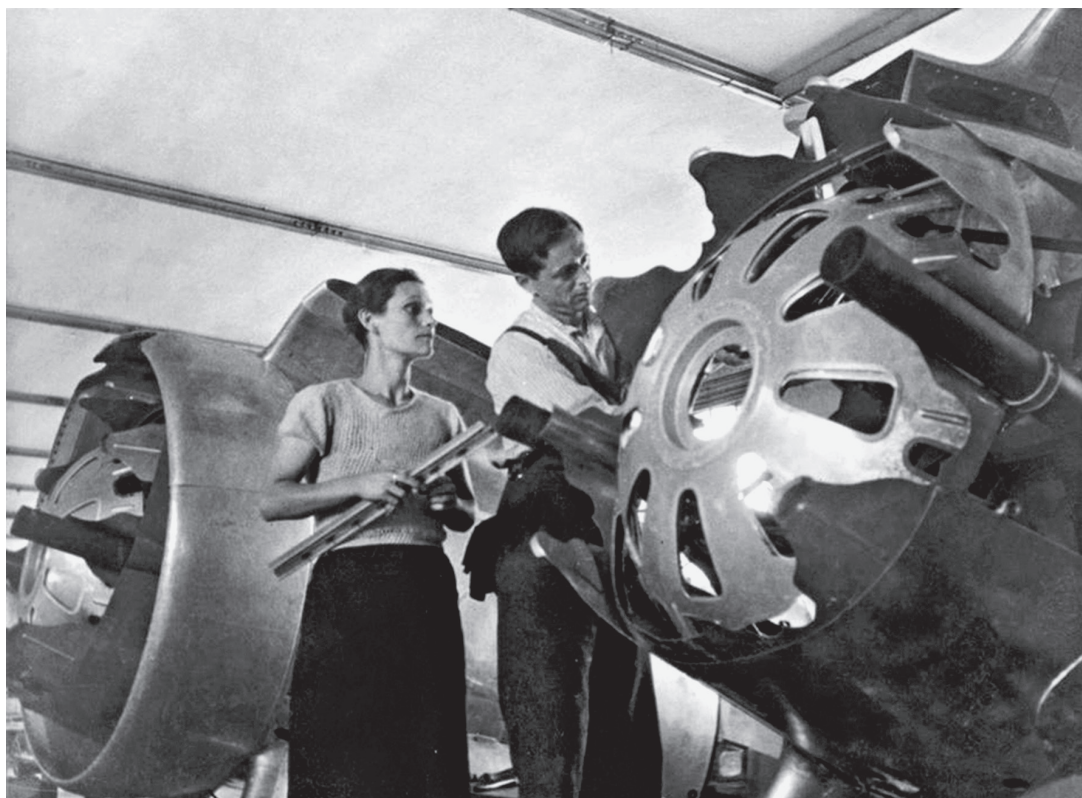
Лётчику оказывают первую помощь в медпункте ВВС Гуадаррама у Мадрида, 1936 г.

El piloto recibe los primeros auxilios en el punto médico de las Fuerzas Aéreas en Guadarrama, cerca de Madrid, 1936

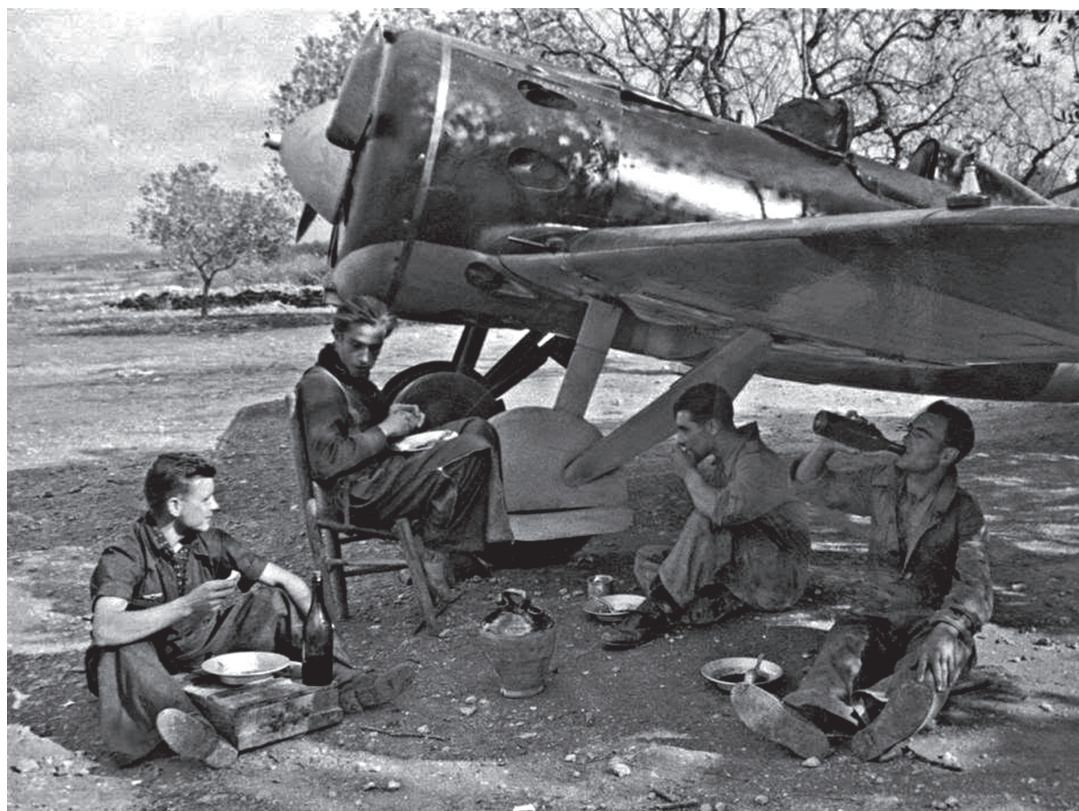

И-16 лейтенанта Франсиско Мероньо Пельисера

El I-16 del teniente Francisco Meroño Pellicer

Сборка истребителя И-15 в Барселоне
Montaje del caza I-15 en Barcelona

И-16 с лётчиками, Центральный фронт, лето 1937 г.
El I-16 con los pilotos, el Frente Central, verano de 1937

Сержант Фелипе Сирухеда Эстеве стоит у своего И-15, май 1938 г.

El sargento Felipe Cirujeda Esteve al lado de su I-15, mayo de 1938

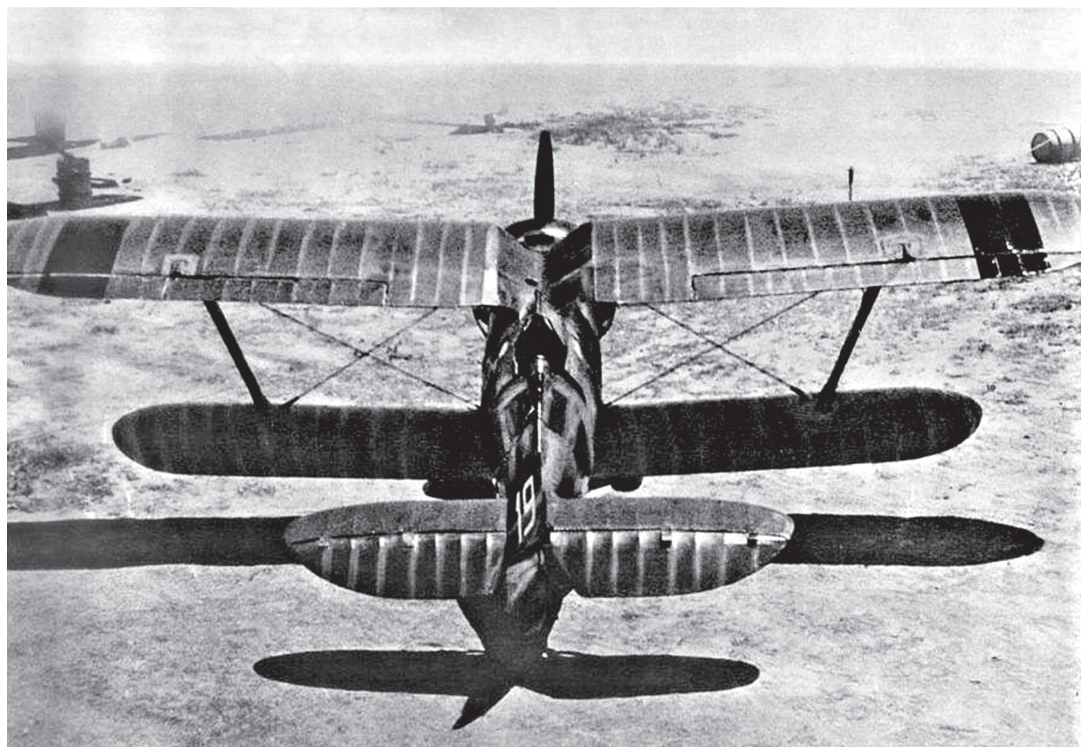
Сержант Аугустино Маэстро Ромералес у итальянского истребителя CR.32, который он подбил на истребителе И-15

El sargento Augustino Maestro Romerales al lado del caza italiano CR.32 abatido por su avión de caza I-15

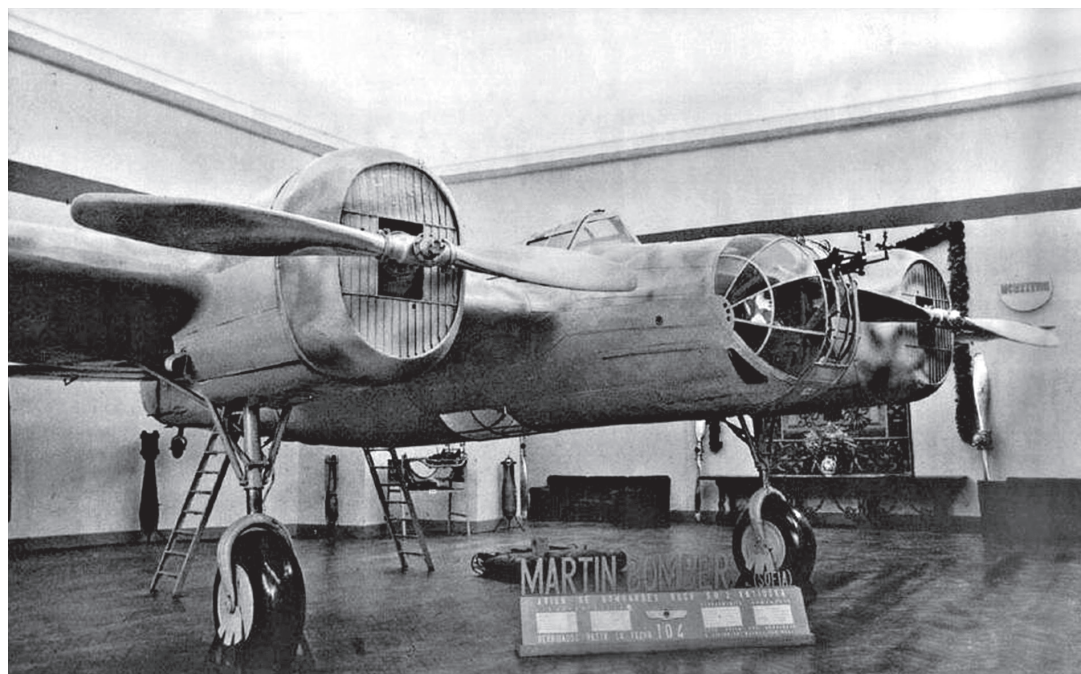
Самолёты СБ в Пиренеях, 1937 г.

Aviones SB en los Pirineos, 1937

И-15 на выставке трофеев в Сан-Себастьяне, которую организовали франкисты в конце 1938 г.

Un I-15 en la exposición de trofeos en San Sebastián, organizada por los franquistas a finales de 1938

Бомбардировщик СБ на выставке трофеев в Сан-Себастьяне
Un bombardero SB en la exposición de trofeos de San Sebastián

Советские и испанские лётчики на поле аэродрома Бухаралос, 1937 г.
Pilotos soviéticos y españoles en la pista de Bujaraloz, 1937

СПИСОК ДОКУМЕНТОВ *стр. 216–314*

1. Выдержка из оценки обстановки в Испании, выполненной Разведывательным управлением РККА на 16 октября 1936 г. — с. 216
2. Действия авиации по аэродромам. Доклад тов. Шарапова — с. 221
3. Доклад командира танковой бригады Д.Г. Павлова (Доминго, Пабло) о боевой работе правительственных танков с 11 по 14 января 1937 г. в боях у Лас Росас де Мадрид и Махадаонда — с. 223
4. Выдержки из стенограмм бесед летного состава, вернувшегося из Испании, с руководством РККА, конструкторами, представителями авиапромышленности — с. 226
5. Доклад старшего артиллерийского советника Н.Н. Воронова (псевдоним Вольтер) в Разведуправление РККА об итогах работы советских артиллерийских советников и результатах боевого применения артиллерии республиканской армии от 20 января [19]37 г. — с. 229
6. Доклад старшего авиационного советника Я.В. Смушкевича (псевдоним Андре) в РУ РККА о состоянии и работе ВВС противоборствующих сторон — с. 236
7. Выдержки из стенограмм бесед лётного состава, вернувшегося из Испании, с руководством РККА, конструкторами, представителями авиапромышленности — с. 240
8. Из записок летчика-бомбардировщика ст. лейтенанта Г.И. Тхора — отзыв о боевых качествах самолета СССР — с. 243
9. Доклад летчика-бомбардировщика лейтенанта Т.Т. Хрюкина об опыте боевого использования самолетов СБ в Испании — с. 246
10. Доклад главного морского советника Н.Г. Кузнецова (псевдоним Лепанто) в РУ РККА об операциях республиканского военного флота — с. 248
11. Выдержки из стенограмм бесед лётного состава, вернувшегося из Испании, с руководством РККА, конструкторами, представителями авиапромышленности — с. 251
12. Доклад лётчика-бомбардировщика майора В.С. Хользунова о боевой работе самолётов СБ в Испании — с. 252
13. Выдержка из оценки обстановки в Испании, выполненной Разведывательным управлением РККА, на 5 июня 1937 г. Распределение территории и населения Испании между борющимися сторонами — с. 258
14. Сводка действий республиканской авиации с 9.3 по 8.4 [1938 г.] и пояснения к ней тов. А. (авиационного советника в Испании полковника Ф.К. Арженухина) — с. 262
15. Доклад старшего советника санитарной службы военврача 1 ранга Клюсса И.А. Санитарное обеспечение июльской операции — с. 265
16. Показания пленного немецкого лётчика Фрица Лозигкайта, сбитого 31 мая 1938 г. в секторе Альбохареса — с. 275

17. 15 октября 1937 г. Организация местного ПВО гор. Картахена — с. 276
18. Воспоминания переводчика Е.А. Паршиной о встречах с главным военным советником испанской республиканской армии Я.К. Берзиным в 1936–1937 гг. (записаны в 1980-е годы) — с. 284
19. Замечания по работе в Испании. (Доклад полкового комиссара т. Агальцова) 31.12.1938 — с. 287
20. Замечания по материальной части и тактике противника, по нашей материальной части, по действиям пехоты — с. 289
21. Несколько замечаний по оперативно-тактическим вопросам использования авиации — с. 293
22. Резолюция товарища Сталина на замечания полкового комиссара т. Агальцова по работе в Испании 07.01.1939 — с. 296
23. Записка начальника Генерального штаба РККА Маршала Советского Союза А.И. Егорова от 16 ноября 1936 г. об изучении опыта войны в Испании — с. 297
24. Записка заместителя народного комиссара обороны СССР Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского 26 марта 1937 г. — с. 300
25. Выписка из доклада командира 114 бригады за №0291 от 01.04.37 — с. 302
26. Сопроводительное письмо командующего Военно-воздушными силами РККА, командарма 2-го ранга Я.И. Алксниса наркому обороны СССР К.Е. Ворошилову со своей записью беседы с лётчиками, вернувшимися из Испании — с. 305
27. Доклад о соглашении Комитета по невмешательству на совещании 26 мая 1938 года относительно отзыва добровольцев и восстановления контроля на испанских границах — с. 307
28. Справка о подготовке итальянских лётчиков к высотным полётам из телеграммы нашего советника по авиации в Испании тов. Арженухина — с. 310
29. Сообщение от резидента в Испании заместителю начальника разведупра РККА ст. майору государственной безопасности т. Гендину — с. 313

LA LISTA DE LOS DOCUMENTOS p. 216–314

1. Extracto de una evaluación de la situación en España realizada por la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo el 16 de octubre de 1936 — p. 221
2. Acciones de la Aviación contra los aeródromos. Informe del camarada Sharapov — p. 223
3. Informe del comandante de brigada tanques D.G. Pavlov (Domingo, Pablo) sobre acciones de combate de tanques gubernamentales del 11 al 14 de enero de 1937 en las batallas de Las Rozas de Madrid y Majadahonda — p. 225
4. Extractos de estenogramas de conversaciones de personal volante que regresó de España con jefes del Ejército Rojo, constructores y representantes de la industria aeronáutica — p. 229
5. Informe del consejero principal de artillería N.N. Voronov (pseudónimo Voltaire) para la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo sobre los resultados del trabajo de consejeros de artillería soviéticos y del uso de la Artillería del Ejército Republicano el 20 de enero 1937 — p. 235

6. Informe del consejero principal de aviación Ya.V. Smushkevich (seudónimo Andre) para la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo sobre el estado y el trabajo de las Fuerzas Aéreas de los bandos rivales — *p. 240*
7. Extractos de estenogramas de conversaciones de personal volante que regresó de España, con jefes del Ejército Rojo, constructores y representantes de la industria aeronáutica — *p. 243*
8. De apuntes del piloto de bombardero, el teniente G.I. Thor, — revisión de cualidades de combate del avión R-5/SSS de Polikarpov — *p. 245*
9. Informe del teniente T.T. Jriukin sobre la experiencia del uso de combate de aviones SB en España — *p. 247*
10. Informe del consejero principal de la Marina N.G. Kuznetsov (seudónimo — Lepanto) para la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo sobre las operaciones de la Armada republicana — *p. 250*
11. Extractos de estenogramas de conversaciones de personal volante que regresó de España, con jefes del Ejército Rojo, constructores y representantes de la industria aeronáutica — *p. 251*
12. Informe del mayor V.S. Kholzunov sobre las operaciones de combate de aviones SB en España — *p. 258*
13. Extracto de la evaluación de la situación en España realizada por la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo el 5 de junio de 1937. Distribución del territorio y la población de España entre las partes beligerantes — *p. 262*
14. Resumen de acciones de la Aviación Republicana del 09.03 al 08.04 [1938] y explicaciones del camarada A. (asesor de aviación en España, el coronel F.K. Arzhenukhin) — *p. 264*
15. Informe del asesor principal de la Sanidad Militar por parte del médico militar del primer rango, I. Kluss. Apoyo médico a la operación de julio. (Informe del camarada K.) — *p. 274*
16. Testimonio del piloto alemán capturado, Fritz Losigkeit, derribado el 31 de mayo de 1938 en la zona de Albocácer — *p. 276*
17. Organización de la Defensa Antiaérea Local de Cartagena el 15 de octubre de 1937 — *p. 284*
18. Memorias de la traductora E.A. Parshina sobre encuentros con el principal asesor militar del Ejército Republicano español, Y.K. Berzín, en 1936–1937 (apuntado en la década de 1980) — *p. 286*
19. Observaciones en cuanto al trabajo en España. (Informe del comisario del regimiento, el camarada Agaltsov) 31.12.1938 — *p. 288*
20. Comentarios en cuanto a la parte material, tácticas propias y del enemigo y operaciones de la Infantería — *p. 292*
21. Algunos comentarios sobre problemas operativos y tácticos del uso de la Aviación — *p. 295*
22. Resolución del camarada Stalin sobre los comentarios del comisario del regimiento el camarada Agaltsov en cuanto al trabajo en España 01.07.1939 — *p. 296*
23. Nota de servicio de A.I. Egorov, jefe del Estado Mayor del Ejército Rojo, el Mariscal de la Unión Soviética, del 16 de noviembre de 1936, sobre el estudio de la experiencia de la guerra en España — *p. 299*
24. Nota del vicecomisario del pueblo de Defensa de la URSS, el Mariscal de la Unión Soviética, Mijaíl Tujachevski, del 26 de marzo de 1937 — *p. 301*

25. Extracto del informe N 0291 del comandante de la brigada N 114 del 01.04.37 — *p. 304*
26. Una carta acompañante del jefe de las Fuerzas Aéreas del Ejército Rojo, el comandante del segundo rango Ya. Alksnis, a nombre del comisario del pueblo de Defensa de la URRS, K.E.Voroshilov... — *p. 306*
27. Informe sobre el Acuerdo del Comité de No Intervención en la reunión del 26 de mayo de 1938 sobre la retirada de voluntarios y la restauración del control en las fronteras españolas — *p. 309*
28. Información sobre la preparación de pilotos italianos para vuelos a gran altitud sacada del cable de nuestro consejero de aviación en España, el camarada Arzenukhin — *p. 312*
29. Mensaje del agente residente en España al subjefe de la Dirección de Inteligencia del Ejército Rojo, el Mayor de Seguridad del Estado el camarada Guendin — *p. 314*

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ *стр. 315–356*

1. Караван судов с военными грузами из СССР направляется в порт Аликанте 28 декабря 1936 г. — *с. 315*
2. Пароход «Курск» в Аликанте, 28 декабря 1936 г. — *с. 316*
3. Испанский теплоход «Cabo Palos» с грузом для Республики — *с. 317*
4. Республиканская подводная лодка С-4 направляется во французский порт Бордо для ремонта (17 сентября 1937 г.). Значительная часть офицеров покинула корабль и перешла к Франко. Командование принял советский подводник Иван Бурмистров — *с. 318*
5. Суда в бухте Аликанте, жилые строения подверглись бомбёжке авиации франкистов 29 ноября 1936 г. — *с. 319*
6. Англичане, жители Гибралтара и иностранные корреспонденты, а также испанские беженцы наблюдают за бомбардировкой националистами города Альхесирас, 10 августа 1936 г. — *с. 320*
7. Республиканские зенитчики у установки «Эрликон» отражают налёт на Мадрид 12 сентября 1936 г. — *с. 321*
8. Позиции зенитной артиллерии у горы Арегон около Мадрида, 7 октября 1936 г. — *с. 322*
9. Госпиталь в Валенсии — *с. 323*
10. Советские танки Т-26 — *с. 324*
11. Подбитый Т-26 — *с. 324*
12. Расчёт 105-мм гаубицы «Виккерс» (выпускалась на оружейном заводе Reinosа в Испании) — *с. 325*
13. Советские танкисты осматривают БТ-5, застрявший в канаве на юго-востоке от Сарагосы. Вероятно, инцидент не был связан с противодействием противника — *с. 325*
14. Бойцы осматривают кустарно построенный броневомобиль, Бильбао, 1937 г. — *с. 326*
15. Группа броневиков готова направиться в Мадрид из Бильбао для поддержки правительства — *с. 327*
16. Один из 50 танков БТ-5, поставленных в Испанию, в окрестностях Теруэля — *с. 328*

17. Танк Т-26 рядом с Мадридом — с. 328
18. Броневики, переделанные в Барселоне из обычных грузовиков, август 1936 г. — с. 329
19. Бойцы Народной республиканской милиции используют трактор в качестве транспортного средства, Барселона, 29 августа 1936 г. — с. 330
20. Манифестация анархистов под лозунгами «Да здравствует Республика! Фашизм не пройдёт!» — с. 331
21. Бойцы народной милиции идут по улицам Барселоны, июль 1937 г. — с. 332
22. Верные правительству силы проводят митинг с целью направить на фронт у Сарагосы добровольцев, 29 августа 1937 г. — с. 333
23. Подполковник Валентино Гонсалес-Гонсалес (Кампесино) — с. 334
24. Бойцы колоннами идут на фронт для защиты Республики — с. 334
25. Формирование колонны Б. Дурутти в Барселоне — с. 335
26. Жители Мадрида провожают артиллерийскую часть на фронт, конец лета 1936 г. — с. 336
27. Герника после бомбардировки 26 апреля 1937 г. — с. 337
28. Один из домов Барселоны после бомбардировки. Рядом местные жители и боец санитарного звена местной противовоздушной обороны — с. 338
29. Мессершмитт Bf 109В — с. 339
30. Bf 109В (Берта) в НИИ ВВС Красной Армии. Самолёт захвачен к востоку от Сарагосы — с. 340
31. В Советском Союзе на заводе № 156 производят разборку мотора BMW-132 — с. 341
32. Итальянские бомбардировщики S.79 — с. 342
33. Самолёты Ju 52 вылетают с территории Марокко для рейда на материковую Испанию — с. 342
34. Трёхмоторный итальянский бомбардировщик SM.81 после воздушного боя 2 ноября 1938 г. — с. 343
35. SM.81, подбитый огнём зенитной артиллерии. Экипаж осматривает повреждения — с. 343
36. Истребитель И-15. У машины советский лётчик и два испанских механика — с. 344
37. Заправка горючим истребителя И-15 из бочки вручную на полевом аэродроме — с. 344
38. Лейтенант Евгений Антонов у своего И-15 с бортовым номером 46 — с. 345
39. Подвижная авиаремонтная мастерская (ПАРМ), смонтированная на грузовике — с. 346
40. Подвижная авиаремонтная мастерская — с. 346
41. Испанский технический состав готовит к вылету бомбардировщик СБ — с. 347
42. Советские и испанские лётчики (имена неизвестны) позируют у истребителя И-15 — с. 347
43. Лётчику оказывают первую помощь в медпункте ВВС Гуадаррама у Мадрида, 1936 г. — с. 348
44. И-16 лейтенанта Франсиско Мероньо Пельисера — с. 349
45. Сборка истребителя И-15 в Барселоне — с. 350
46. И-16 с лётчиками, Центральный фронт, лето 1937 г. — с. 351
47. Сержант Фелипе Сирухеда Эстеве стоит у своего И-15, май 1938 г. — с. 352

48. Сержант Аугустино Маэстро Ромералес у итальянского истребителя CR.32, который он подбил на истребителе И-15 — с. 353
49. Самолёты СБ в Пиренеях, 1937 г. — с. 354
50. И-15 на выставке трофеев в Сан-Себастьяне, которую организовали франкисты в конце 1938 г. — с. 355
51. Бомбардировщик СБ на выставке трофеев в Сан-Себастьяне — с. 356
52. Советские и испанские лётчики на поле аэродрома Бухаралос, 1937 г. — с. 356

LA LISTA DE LAS ILUSTRACIONES *p. 315–356*

1. Un convoy de barcos con cargamentos militares de la URSS rumbo al puerto de Alicante, el 28 de diciembre de 1936 — *p. 315*
2. El barco “Kursk” en Alicante, el 28 de diciembre 1936 — *p. 316*
3. El barco español “Cabo Palos” con una carga para la República — *p. 317*
4. El submarino republicano S-4 se dirige al puerto francés de Burdeos para su reparación (el 17 de septiembre de 1937). Una parte importante de los oficiales abandonó el barco y se pasó al bando franquista... — *p. 318*
5. Barcos en la Bahía de Alicante y edificios residenciales habían sido bombardeados por la aviación franquista, el 29 de noviembre de 1936 — *p. 319*
6. Británicos, habitantes de Gibraltar, los corresponsales extranjeros y los refugiados españoles, observan el bombardeo de la ciudad de Algeciras por los sublevados, el 10 de agosto de 1936 — *p. 320*
7. Artilleros antiaéreos republicanos con una Oerlikon repelendo un ataque aéreo en Madrid, el 12 de septiembre de 1936 — *p. 321*
8. Posiciones de artillería antiaérea cerca del monte Aregón, cerca de Madrid, el 7 de octubre de 1936 — *p. 322*
9. Hospital de Valencia — *p. 323*
10. Tanques soviéticos T-26 — *p. 324*
11. T-26 sufrió daños durante la batalla — *p. 324*
12. La unidad artillera del obús Vickers de 105 mm (producido en la Fábrica de Armas Reinosá en España) — *p. 325*
13. Una tripulación de tanques soviética inspecciona su BT-5 que quedó atrapado en una zanja en el sureste de Zaragoza. Probablemente el incidente no estuviera relacionado con una acción enemiga — *p. 325*
14. Soldados inspeccionan un vehículo blindado improvisado, Bilbao, 1937 — *p. 326*
15. Un grupo de vehículos blindados listos a partir a Madrid desde Bilbao para apoyar al Gobierno — *p. 327*
16. Uno de los 50 tanques BT-5 entregados a España en las cercanías de Teruel — *p. 328*
17. Tanque T-26 cerca de Madrid — *p. 328*
18. Vehículos blindados convertidos de camiones convencionales en Barcelona, agosto de 1936 — *p. 329*
19. Milicias Republicanas Populares utilizando un tractor como vehículo, Barcelona, 29 de agosto de 1936 — *p. 330*

20. Manifestación de anarquistas bajo el lema “¡Viva la República! ¡El fascismo no pasará!” — *p. 331*
21. Desfile de las milicias populares por las calles de Barcelona, julio de 1937 — *p. 332*
22. Fuerzas leales al Gobierno llevando a cabo un mitin para enviar voluntarios al Frente de Zaragoza, el 29 de agosto de 1937 — *p. 333*
23. Valentín González González, popularmente conocido como El Campesino — *p. 334*
24. Soldados en columnas marchando al frente para defender la República — *p. 334*
25. La formación de la columna de B. Durutti en Barcelona — *p. 335*
26. Residentes de Madrid escoltan una unidad de artillería al frente a finales del verano de 1936 — *p. 336*
27. Guernica después del bombardeo del 26 de abril de 1937 — *p. 337*
28. Uno de los edificios de Barcelona después del bombardeo. Residentes locales y personal sanitario — *p. 338*
29. Messerschmitt Bf.109B — *p. 339*
30. Bf 109B (Berta) en el Instituto de Investigación Científica de las Fuerzas Aéreas del Ejército Rojo. El avión fue capturado al este de Zaragoza — *p. 340*
31. En la Unión Soviética en la Fábrica N 156 se desmonta el motor BMW-132 — *p. 341*
32. Bombarderos italianos S.79 — *p. 342*
33. Aviones Ju 52 incursionando desde Marruecos sobre la Península — *p. 342*
34. Un bombardero italiano de tres motores SM.81 después de un combate aéreo el 2 de noviembre de 1938 — *p. 343*
35. Un SM.81 dañado por el fuego de artillería antiaérea. La tripulación inspecciona el daño — *p. 343*
36. El avión de caza I-15. Al lado, un piloto soviético y dos mecánicos españoles — *p. 344*
37. Abastecimiento manual de un I-15 desde un barril en un aeródromo de campo — *p. 344*
38. El teniente Yevgeny Antonov al lado de su I-15 con el número 46 — *p. 345*
39. Taller móvil de reparación de aeronaves montado en un camión — *p. 346*
40. Taller móvil de reparación de aeronaves — *p. 346*
41. El personal técnico español preparando el vuelo del bombardero SB — *p. 347*
42. Pilotos soviéticos y españoles (nombres desconocidos) posando al lado del caza I-15 — *p. 347*
43. El piloto recibe los primeros auxilios en el punto médico de las Fuerzas Aéreas en Guadarrama, cerca de Madrid, 1936 — *p. 348*
44. El I-16 del teniente Francisco Meroño Pellicer — *p. 349*
45. Montaje del caza I-15 en Barcelona — *p. 350*
46. El I-16 con los pilotos, el Frente Central, verano de 1937 — *p. 351*
47. El sargento Felipe Cirujeda Esteve al lado de su I-15, mayo de 1938 — *p. 352*
48. El sargento Augustino Maestro Romerales al lado del caza italiano CR.32 abatido por su avión de caza I-15 — *p. 353*
49. Aviones SB en los Pirineos, 1937 — *p. 354*
50. Un I-15 en la exposición de trofeos en San Sebastián, organizada por los franquistas a finales de 1938 — *p. 355*
51. Un bombardero SB en la exposición de trofeos de San Sebastián — *p. 356*
52. Pilotos soviéticos y españoles en la pista de Bujaraloz, 1937 — *p. 356*

Научное издание

**Советско-испанские отношения
в период гражданской войны в Испании**
Сборник материалов и документов

Ответственные редакторы:

Е.О. Гранцева, Г.А. Филатов

Вёрстка:

М.А. Казачкова

Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 28,29.

Тираж 400 экз. Заказ №

ООО Издательство «Аспект Пресс»

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15

E-mail: info@aspectpress.ru; <https://aspectpress.ru>

Тел.: (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8(499)270-73-59

